

сборник по итогам Всероссийской конференции

НОЯБРЬСКИЕ ЧТЕНИЯ XV

2023

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

НОЯБРЬСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2023

Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых

*Памяти нашего универсанта
Федора Соломонова,
награжденного Орденом Мужества (посмертно),
«Быть воином — жить вечно»*

Санкт-Петербург
2024

УДК 94

ББК 63.3(0)

Н86

Редакционная коллегия: Д.А. Харина (СПбГУ; отв. ред.); С.М. Хлопов (СПбГУ); А.С. Балашов (СПбГУ); В.Е. Кочеткова (СПбГУ); Рахманова А.Е. (СПбГУ); М.Ш. Ким (СПбГУ); А.А. Буровский (СПбГУ); Е.А. Коришунова (СПбГУ); Е.С. Семченкова (СПбГУ); С.А. Соковнина (СПбГУ), Г.Д. Воротынцев (СПбГУ); П.А. Пензев (СПбГУ). И.С. Вайсят (СПбГУ); Д.В. Кузнецов (СПбГУ); К.И. Крутько (СПбГУ)

Рецензенты: к. и. н., доц. Д. Е. Алимов (СПбГУ); С. С. Бакарягин (ЯХУ); к. и. н. Н. А. Бережная (СПбГУ); к. и. н., доц. Т. В. Буркова (СПбГУ); д. и. н., проф. В. В. Василий (СПбГУ); к. и. н., доц. И. И. Верняев (СПбГУ); к. и. н., доц. Ф. Н. Веселов (СПбГУ); к. и. н., доц. Е. С. Данилов (ЯрГУ им. П. Г. Демидова); к. и. н. Т. М. Демичева (СПбГУ); к. и. н., доц. М. И. Дмитриева (СПбГУ); д. и. н., проф. А. А. Иванов (СПбГУ); к. и. н., доц. В. В. Калиновский (СПбГУ); к. и. н. К. А. Касаткин (СПбГУ); к. и. н. Д. Д. Копанева (СПбГУ); д. и. н., доц. А. Э. Котов (СПбГУ); д. и. н., проф. О. В. Кулишова (СПбГУ); к. иск. Д. О. Мартынова (СПбГУ); асс. А. А. Мушта (СПбГУ); к. и. н., доц. А. Д. Пантелеев (СПбГУ); к. и. н., доц. И. С. Ратковский (СПбГУ); д. и. н., проф. Е. А. Ростовцев (СПбГУ); к. и. н. доц. Е. А. Терентьева (СПбГУ); к. и. н. Н. В. Турыгина (СПбГУ); д. иск., доц. Ходаковский Е. В. (СПбГУ); к. и. н. А. А. Чемакин (СПбГУ); к. и. н., доц. Н. В. Штыков (СПбГУ); к. и. н., доц. Д. Г. Янченко (СПбГУ);

Компьютерная дизайн-вёрстка: Д.А. Харина, А. С. Балашов

Корректоры: С.М. Хлопов, В.Е. Кочеткова, Д.А. Харина

Н86 **Ноябрьские чтения-2023:** Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2023 г. / Д. А. Харина (отв. ред.) — СПб.: Издательство Скифия-принт, 2024. — 489 с.

ISBN 978-5-00197-140-5

В сборник вошли избранные статьи участников XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ноябрьские чтения», ежегодно проводимой в Институте истории Санкт-Петербургского государственного университета. Издание предназначено для всех интересующихся историей.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Перед вами сборник статей, составленный по итогам юбилейной XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ноябрьские чтения». Мероприятие состоялось в стенах Института истории СПбГУ 24–26 ноября 2022 года.

Из 205 претендентов было отобрано 140 докладчиков — представителей научных организаций Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Самары, Томска, Екатеринбурга, Великого Новгорода, Ярославля, Нижнего Новгорода, Курска, Пскова, Иркутска и т.д. Также для участников конференции была организована экскурсия: «Места Блокады на Васильевском острове»

Для студентов Института истории СПбГУ конференция успела стать доброй традицией. Более того, в последние годы удалось наладить печать сборников — на сегодняшний день в свет вышли статьи 2019, 2020, 2021, 2022 годов¹. К публикации в нынешнем издании было рекомендовано семьдесят девять статей, отобранных по результатам слепого рецензирования. Помимо основной программы, в рамках конференции прошли два круглых стола: «Центр и окраина: проблемы культурного взаимодействия»; Круглый стол памяти А. Н. Немилова «Ренессанс, Гуманизм, Реформация: аспекты европейской истории и культуры». Стенограммы заседаний и избранные доклады, переработанные авторами в статьи, помещены в отдельном разделе сборника.

¹ Ноябрьские чтения-2019: Сборник статей по итогам XI Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2019 г. / Р. А. Шумяков (отв. ред.); А. Д. Муратбакиева (зам. отв. ред.). СПб.: Скифия-принт, 2021; Ноябрьские чтения-2020: Сборник статей по итогам XII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 5–6 декабря 2020 г. / Р. А. Шумяков (отв. ред.); А. Д. Муратбакиева; М. К. Пилюсян. СПб.: Скифия-принт, 2021; Ноябрьские чтения 2021: Сборник статей по итогам XIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2021 г. / А. Д. Муратбакиева (отв. ред.); Д. А. Малюченко; Р. А. Шумяков; М. К. Пилюсян; Д. О. Алешин; В. Д. Кудрина. СПб.: Скифия-принт, 2022.; Ноябрьские чтения-2022: Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 18–20 ноября 2022 г. / Д.А. Харина (отв. ред.); К.И. Крутько; С.М. Хлопов; Е.С. Леонтьев; А.Д. Муратбакиева; В.Д. Кудрина; Г.Д. Воротынцева; В.С. Емельянов; Д.А. Киселёв — СПб.: Издательство Скифия-принт, 2023.

Редакционная коллегия благодарит тех, кто согласился стать рецензентом статей для настоящего издания: Д. Е. Алимova, С. С. Бакарягина; Н. А. Бережную; Т. В. Буркову; В. В. Васи́лика; . И. И. Верняева; Ф. Н. Веселова; Е. С. Данилова; Т. М. Демичеву; М. И. Дмитриеву; А. А. Иванова; В. В. Калиновского; К. А. Касаткина; Д. Д. Копаневу; А. Э. Котова; О. В. Кулишову; Д. О. Мартынову; А. А. Мушту; А. Д. Пантелеева; И. С. Ратьковского; Е. А. Ростовцева; Е. А. Терентьеву; Н. В. Турыгину; Хо́даковского Е. В; А. А. Чемакина (СПбГУ); Н. В. Штыкова (СПбГУ); Д. Г. Янченко (СПбГУ);

Мы благодарим директора Института Истории СПбГУ А. Х. Даудова за всестороннюю поддержку настоящего издания. Хотелось бы также отметить работу модераторов секций, чьи советы помогли докладчикам сделать свои статьи лучше. Выражаем особую благодарность участникам конференции — тем, без кого не состоялись бы ни наше мероприятие, ни это издание.

Спасибо!

СЕКЦИЯ. ОТ МИРА ДО ВОЙНЫ В АНТИЧНОМ МИРЕ

Зонова Настасья Дмитриевна

Дейномениды в Олимпии и Дельфах: проблемы репрезентации власти

Аннотация. Важной частью политики Дейноменидов были отношения с панэллинскими святилищами, прежде всего, с Дельфами и Олимпией. Выделяются две основных группы свидетельств, современных тиранам: эпиникии, написанные в честь побед Дейноменидов на панэллинских играх, и надписи на дарах, которые тираны посвящали в храмы. Их сравнительный анализ дает представление об особенностях репрезентации тиранической власти на Сицилии.

Ключевые слова: ранняя тирания; Олимпия; Олимпийские игры; Дельфы; Пифийские игры; посвящения.

Title: Deinomenides at Olympia and Delphi: issues of representation of power.

Abstract. The relations with Panhellenic sanctuaries, primarily Delphi and Olympia, was an important part of Deinomenides policy. There are two main groups of evidence contemporary to the tyrants: epinikia written in honor of the victories of the Deinomenides at the Olympian and Pythian, and inscriptions on gifts that the tyrants dedicated to temples. Their comparative analysis provides an idea of the peculiarities of the representation of tyrannical power in Sicily.

Key words: Archaic tyrants, Olympia; Olympic Games; Delphi; Pythian Games; dedications.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01360, <https://rscf.ru/project/23-28-01360/>

Известно, насколько большое место в жизни древних греков занимали различного рода агоны. Победители на панэллинских играх чествовались своим полисом как герои, им посвящали оды и статуи, а победа рассматривалась как знак того, что боги благоволят этому человеку. Личная доблесть считалась обязательной чертой победителя, благодаря ей и благословиению богов он сближался в глазах сограждан с легендарными героями. Это, разумеется, способствовало поднятию авторитета победителя

Зонова, Настасья Дмитриевна – Санкт–Петербургский государственный университет, Санкт–Петербург, Россия; st062580@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Кулишова Оксана Викторовна*, д-р ист. наук, проф. Санкт–Петербургский государственный университет, Санкт–Петербург, Россия.

Zonova, Nastasia Dmitrievna – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st062580@student.spbu.ru

Scientific supervisor: *Kulishova Oksana Victorovna*, Doctor of Historical Sciences, Professor. St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

в своем городе и возвышало его над согражданами как в их собственных глазах, так и в глазах всех греков. Создавалась опасность, что победитель, претендуя на узурпацию политической власти, получит серьезные преимущества перед другими, и это прекрасно понимали уже современники: интересно, что Солон сократил награду, которую должен выплатить город своему победителю, мотивируя это тем, что «аглеты венцы принимают за победу не столько над неприятелем, сколько над отечеством» (Diog. Laert., I, 55–56, пер. М. Л. Гаспарова). К. К. Зельин пишет: «победитель в беге на колесницах в Олимпии был потенциальным претендентом на власть в родном городе, возможным тираном. И, наоборот, тираны, уже захватившие власть, стремились одержать верх на состязаниях в Олимпии или на Пифийских празднествах...» [3, с. 22].

Активными участниками игр в Дельфах и Олимпии являлись сицилийские тираны, особенно представители рода Дейноменидов. Наиболее интересным источником, отражающим участие сицилийских тиранов в панэллинских состязаниях, являются написанные в честь них оды Пиндара и Вакхилида (Vacchyl. Ol., III; Ol., V; Pyth., IV; Pind. Ol., I; Pyth. I; Pyth., II, Pyth., III). Эпипикии исполнялись, по всей видимости, в городе победителя; соответственно, содержание этих песен становилось известным подданным тирана, и потому изначально могло быть рассчитано на то, чтобы произвести на них определенное воздействие.

Как правило, в этих одах к тиранам применяются выражения, стандартные для описания традиционной царской власти. Первая Олимпийская ода написана в честь победы Гиерона в скачке на Олимпийских играх 476 г. В ней интересно несколько моментов. Во-первых, здесь по отношению к Гиерону использован термин «царь»: *Συρακόσιον ἰπλοχάρμαν βασιλῆα* (Pind. Ol., I, 23). Другая интересная деталь – Гиерон описан как хранитель «скипетра правосудия»: *θεμιστεῖον ὃς ἀμφέλει σκῆπτρον* (I, 12). Исследователи видят здесь явную аллюзию на строки «Илиады», где скипетр и правосудие упоминаются Одиссеем как атрибуты царя, который получил свою власть от Зевса:

οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίῃ· εἰς κοίρανος ἔστω,
εἷς βασιλεύς, ᾧ δῶκε Κρόνου πάϊς ἀγκυλομήτεω
σκῆπτρόν τ' ἠδὲ θεμιστας, ἵνα σφισι βουλευῆσι.
(II, II, 204–206)

Получается, что Пиндар, используя традиционно ассоциируемые с царской властью образы скипетра и законов, одновременно намекает на Зевса как источник этой власти, пусть и не называет его прямо: аудитория поэта, вероятнее всего, хорошо знакомая с Гомером, не могла не увидеть явную отсылку к нему. Таким образом проводилась параллель

между правлением Гиерона и властью царей гомеровского времени [8, р. 441–442]. Вакхилид (III, 10–14) идет дальше и прямо указывает на Зевса как источник власти Гиерона. Образ действий Гиерона накладывается на эпическую модель, неоднократно подчеркивается уважение его к законам и обычаям, за счет чего тиран уподобляется легендарным героям и даже самому Зевсу – хранителю справедливости и источнику правосудия.

Другим свидетельством участия тиранов в панэллинских состязаниях выступают их сопровождаемые посвятельными надписями дары в Дельфы и Олимпию. Эпиникии по-своему обыгрывают эти посвящения, переключаясь с ними и вызывая те же образы; однако важное различие заключается в том, в каком качестве предстает победитель. Выше уже были приведены примеры того, как и Пиндар, и Вакхилид «заигрывали» с тиранами, прямо или косвенно называя их обладателями царской власти и охранителями закона. Надписи на посвящениях в Дельфы и Олимпию, напротив, избегают указания на то, какое исключительное место занимал в своем городе даритель [1, с. 199]. По мнению исследователей, это свидетельствует о том, что при посвящении даров тиран стремится выступить в качестве частного лица, не делая акцента на своем особом статусе, что, в свою очередь, могло быть и, вероятнее всего, было продиктовано неприязненным отношением к тираническим режимам в панэллинских святилищах [8, р. 450–451]. Здесь, впрочем, есть еще один аспект – использование именно такой формулы в посвятельных надписях могло подчеркивать личную связь дарителя с даром божеству.

Первый тиран из «династии» Дейноменидов, Гелон посвятил в Олимпию после победы в колесничном беге в 488 г. бронзовую статую работы Главкия из Эгины. Описание ее мы находим у Павсания, передавшего также содержание надписи, согласно которой колесницу «посвятил Гелон, сын Дейномена из Гелы» (VI, 9, пер. С. П. Кондратьева). В этой надписи интересно то, что Гелон, бывший на момент посвящения статуи уже тираном Сиракуз, здесь выступает как гелоец, из-за чего Павсаний даже сделал предположение, что статую посвятил какой-то другой Гелон, не тиран. Однако, как отмечают исследователи, для посвятельных надписей в принципе характерен следующий порядок указания личности дарителя: его собственное имя, имя его отца, и город, откуда он родом; поэтому в том, что Гелон подписался как гелоец, а не сиракузец, вряд ли следует видеть доказательство того, что статую посвятил не тиран; зато эта деталь представляется важным свидетельством в пользу того, что Гелон при посвящении стремился выступить в качестве частного лица [8, р. 451].

Гиерон, после старшего брата принявший власть над Сиракузами, также участвовал в олимпийских состязаниях и трижды одерживал там победу. У Павсания сохранилось описание колесничной группы, а также содержание сопроводительной надписи:

σόν ποτε νικήσας, Ζεῦ Ὀλύμπιε, σεμνὸν ἀγῶνα
τεθρίπῳ μὲν ἄλαξ, μονοκέλητι δὲ δίς,
δῶρα Ἴερον τάδε σοι ἐχαρίσατο· παῖς δ' ἀνέθηκε
Δεινομένης πατρὸς μῆμα Συρακοσίου·

(Paus., VIII, 42).

Эта эпиграмма не содержит указания на политический статус ни Гиерона, ни Дейномена, что опять же наводит на мысль о частном характере посвящения. Сам Гиерон отправлял посвященные дары в Олимпию в память уже о военных, не атлетических победах: после победы над этрусками при Кумах тиран послал в святилище три шлема, сопровождаемые одинаковыми надписями:

Τάρον ὁ Δεινομένεος
καὶ τοὶ Συρακόσιοι
τῷ Δι Τυράν' ἀλὸ Κύμας (ML 29).

Гиерон, сын Дейномена,
и сиракузяне,

Зевсу, тирренскую [добычу] от Кум (пер. автора).

В этой надписи также нет титула Гиерона, но только его имя и имя его отца. Отдельно от тирана упомянуты сиракузяне как группа, видимо, зависимая от него; но, учитывая повод для посвящения, едва ли следует видеть в этом намек на главенствующее положение тирана в целом – вероятно, это не более чем указание на него как предводителя в конкретной битве.

Известны посвящения Дейноменидов и в Дельфы. Золотой треножник, по свидетельству Диодора Сицилийского (XI, 26) посланный в Дельфы Гелоном честь победы над карфагенянами при Гимере, поэтически описан Вакхилидом (III, 16–21). Чтобы понять значение, которое имел для сицилийских тиранов акт этого посвящения, необходимо вспомнить, что после состоявшейся годом позже сражения при Гимере и знаковой для эллинов битвы при Платеях в Дельфы также был посвящен треножник. Не вполне ясно, который из даров был посвящен раньше; возможно, Гелон через посвящение похожего треножника в то же святилище символически приравнял победу сиракузян к победе при Платеях [12, р. 123]. Конечно, если ориентироваться на хронологию событий, в честь которых были посвящены оба треножника, то, несомненно, более логичным выглядит, что сначала дар принес Гелон; этот вопрос остается спорным, но, в конечном итоге, он не так уж принципиален. Даже если изначально победа при Гимере не рассматривалась как вклад сицилийцев в общегреческую

победу над варварами и посвящение треножника не было способом это продемонстрировать, ода Пиндара явно придала этому акту дополнительную идеологическую нагрузку. В схолиях к Пиндару (Schol. ad Pind. Pyth. 1.152b) мы можем прочитать следующее:

φασὶ δὲ τὸν Γέλωνα τοὺς ἀδελφοὺς φιλοφρονούμενον ἀναθεῖναι τῷ θεῷ χρυσοῦς τρίποδας ἐπιγράψαντα ταῦτα·

Φημί Γέλων', Ἰέρωνα, Πολύζηλον, Θρασύβουλον,
παῖδας Δεινομένεως τοὺς τρίποδας θέμεναι,
βάρβαρα νικήσαντας ἔθνη, πολλὴν δὲ παρασχεῖν
σύμμαχον Ἑλλησιν χεῖρ' ἐς ἐλευθερίην.

Разумеется, у нас не так много оснований, чтобы считать замечание схолиаста бесспорным свидетельством существования этой надписи; более того, есть серьезная причина предполагать, что в таком виде посвятельная надпись существовать не могла или могла в течение очень недолгого времени. Обратим внимание на надпись, сохранившуюся на треножнике Гелона:

Γέλων ὁ Δεινομέν[εως] ἀνέθεκε τὸπόλλωνι Συρακόσιος. Τὸν τρίποδα καὶ τὴν Νίκεν ἐργάσατο Βίον Διοδόρο υἱὸς Μιλέσιος (ML 28).

Гелон, сын Дейномена, сиракузянин, посвятил это Аполлону. Треножник и Нику выполнил Бцион, сын Диодора, милетец (пер. наш).

Как видим, тиран действовал более чем осторожно, не указывая прямо в посвятельной надписи ни своей роли в сражении, ни даже самого сражения как повода к посвящению треножника. На фоне поэтических восторгов Пиндара по поводу и победы, и победителей, такая скромность выглядит даже трогательно.

С треножником, посвященным в честь победы при Платеях, случилась любопытная история, интересующая нас в контексте, в котором ее приводит Фукидид (I, 132): Павсаний, будучи главнокомандующим при Платеях, имел дерзость приписать честь победы себе, что нашло отражение в посвятельной надписи, и этот поступок внушал подозрение настолько, что лакедемоняне изменили надпись.

Подобный неосторожный поступок совершил и один из представителей династии Дейноменидов, брат Гелона и Гиерона Полизел. Тиран Гелы посвятил в Дельфы монументальную группу, от которой сохранились знаменитая статуя Возничего и некоторые другие фрагменты; частично сохранилась и посвятельная надпись:

[...Π]ολύζαλος μ' ἀνέθεκ[ε].

Полизел посвятил меня.

Однако следы на этой надписи свидетельствуют о том, что она была изменена, и ее первоначальный вид восстанавливается следующим образом:

[...] Γέλας ἀνέθεκε γανάσσ[ων] `... (CEG 397)

...Правящий Гелой посвятил (пер. автора).

Итак, если эта реконструкция верна, Полизел имел неосторожность оставить в посвяtitельной надписи указание на свою политическую роль в Геле, и эта неосторожность была впоследствии исправлена. С. Харрел поддерживает точку зрения, что причина этого лежит в русле политики: вероятно, надпись изменили жители Гелы после падения тирании Дейноменидов и, возможно, установления демократии (Diod., XI, 68, 76). Через изменение посвяtitельной надписи гелойцы представили дарителя частным лицом, а не правителем своего города. Посвяtitельная надпись Полизела таким образом приобретала форму, которой придерживались его старшие братья, избегавшие в таких надписях политических титулов. Если поэты заигрывали с тиранами, подчеркивая их влияние, то тираны заигрывали с панэллинскими святилищами, не привлекая внимания к своему статусу в посвяtitельных надписях и, не повторяя ошибок Павсания, вполне успешно избегали обвинений в ὑβρις: ὑβρις φυτεύει τύραννον (Soph. OR, 872).

Итак, тираны были заинтересованы в репутации победителей панэллинских игр: она предоставляла им известное превосходство и особенное положение в общине, свидетельствовала о благоволении к ним богов, сближала их с легендарными героями и царями, и, следовательно, придавала их власти определенную легитимность в глазах их подданных. При этом, избавляя себя от возможных осложнений, Дейномениды стремились в отношениях с панэллинскими религиозными центрами представить себя как рядовых аристократов своего полиса, не подчеркивая свой действительный политический статус.

Список использованных источников и литературы:

Ашер Д. Сицилия, 478–431 года до н.э. // Кембриджская история древнего мира. Т. V. М., 2001. С. 196–224.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1986. 571 с.

Зельин К. К. Олимпионики и тираны // ВДИ. 1962. No 4. С. 21–29.

Павсаний. Описание Эллады / Пер. С. П. Кондратьева под ред. Е. В. Никитюк, отв. ред. Э. Д. Фролов. Т. II. СПб., 1996. 538 с.

Фукидид. История / Пер. Ф. Г. Миценко. М., 2018. 576 с.

Diodorus. Bibliotheca historica / Ed. L. Dindorf. Vol. I. Leipzig, 1866. 531 p.

Hansen P. A. Carmina Epigraphica Graeca Saeculorum VIII–V a. Chr. n. Berlin and New York, 1989.

Harrel S. E. King or Private Citizen: Fifth-Century Sicilian Tyrants at Olympia and Delphi // Mnemosyne. 2002. Vol. 55. P. 439–464.

Meiggs R. and Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B. C. Oxford, 1988.

Pindarus. Epinicia / Ed. H. Maehler: Leipzig: Teubner, 1980. 193 p.

Scholia vetera in Pindari carmina / Ed. A. B. Drachmann. Vol. II. Leipzig: Teubner, 1910. 270 p.

Scott M. Delphi: A History of the Center of the Ancient World. Princeton, 2014. 422 p.

Для цитирования: *Зонова Н. Д.* Дейномениды в Олимпии и Дельфах: проблемы репрезентации власти // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 5 – 11.

Макаров Илья Булатович

Этнический облик Верхнего Потисья в V веке

Аннотация. В данной статье предпринята попытка реконструировать этнический состав региона Верхней Тисы в V веке. Поднимается проблема присутствия славян на территории Паннонской равнины до 500 года. Автор осуществляет переоценку роли и влияния неславянских народов Верхнего Потисья на складывание этнического облика региона и на формирование славянской общности. Предложена новая точка зрения на изучение этничности варваров эпохи Великого переселения народов.

Ключевые слова: Верхнее Потисье, древние славяне, Великое переселение народов.

Title: The ethnic appearance of the Upper Tisa region in the V century

Abstract. This article attempts to reconstruct the ethnic composition of the Upper Tisza region in the 5th century. The problem of the presence of Slavs on the territory of the Pannonian Basin before the year 500 is raised. The author reassesses the role and influence of the non-Slavic peoples of Upper Tisza region on the formation of the ethnic appearance of the region and on the formation of the Slavic people. A new point of view on the study of the ethnicity of the barbarians of the epoch of the Migration Period is proposed.

Key words: Upper Tisza region, Early Slavs, Migration Period

Объектом исследования настоящей статьи является население региона Верхней Тисы в V веке. Под именем Верхнего Потисья мы подразумеваем регион, примерно соответствующий современной Закарпатской области Украины с прилегающими территориями востока Словакии и Венгрии и северо-запада Румынии. Предметом нашего исследования был этнический состав населения региона и изменения в нем на протяжении V века. Нашей целью мы избрали реконструировать этнический облик Верхнего Потисья. В соответствии с поставленной целью, в наши задачи, помимо

Макаров, Илья Булатович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st076099@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Василик, Владимир Владимирович*, д-р ист. наук, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Makarov, Iliia Bulatovich — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st076099@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Vasilik, Vladimir Vladimirovich*, Doctor of Historical Sciences, Assoc. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

сопоставления письменных свидетельств с данными археологии, входила выработка нового подхода к исследованию этничности у варваров эпохи Великого переселения народов.

Актуальность темы нашего исследования объясняется неугасающим интересом в исторической науке к изучению периода Поздней Античности и Раннего Средневековья, которые крайне важны для представления истоков Средневековой Европы. Регион Верхнего Потисья до настоящего времени был обделен вниманием исследователей, поскольку известия о нем античных и раннесредневековых источников весьма отрывочны, а историческая роль населявших его неславянских народов не была оценена по достоинству.

В современной исторической науке можно выделить два лидирующих подхода к исследованию этничности варварских народов. Первый известен под именем «Венской школы», к которой относят австрийского историка Р. Венкуса, а также его продолжателей, Хервига Вольфрама и Вальтера Поля. Центральной идеей «Венской школы», представленной в книге Венкуса «Формирование и устройство племени», стала концепция гетерогенности варварских сообществ, объединенных гентильным этническим дискурсом [21, с. 14–112]. Для объяснения механизма его поддержания в бесписьменных обществах, Венкусом было введено понятие «ядра традиции» – племенной элиты, осуществляющей изустную передачу мифа об общем происхождении.

Данная модель была подвергнута критике «Торонтской школой», ведущим представителем которой считается американский историк Вальтер Гоффарт. Он и его единомышленники обвиняют последователей «Венской школы» в некритическом отношении к сведениям источников, содержащих, якобы, отголоски аутентичной варварской традиции. Гоффарту принадлежит мысль, согласно которой варварские идентичности являлись результатом конструирования со стороны римской имперской власти [19, р. 78–98].

Выразителями двух представленных точек зрения в рамках славянских исследований можно назвать, соответственно, словацкого историка Мартина Хомзу и американского археолога Флорина Курту. В своих работах М. Хомза выдвинул модель славянского этногенеза, соответствующую положениям Венской школы [20, с. 3–41]. По М. Хомзе, родиной славян является Паннонская равнина, где славяне формировались из разнородных воинских сообществ в эпоху после крушения державы Аттилы. Ф. Курта, напротив, представил картину формирования славян «в тени юстиниановых крепостей» как результат конструирования византийским этническим дискурсом [18, р. 335–350].

В качестве средства, направленного против гиперкритицизма, который характерен для «постмодернистского поворота», мы обращаемся к объектно-ориентированной онтологии современного американского философа Грэма Хармана. Харман подвергает критике современную философию за «подрыв» реальности объектов, выраженный в их редукции к человеческому взгляду на них. Основой философии Хармана выступает заимствованное им у Хайдеггера деление бытия на подручное и наличное, из чего Харман заключает, что бытие объектов никогда не исчерпывается их отношениями с человеком или другими объектами [15, с. 59–74]. В приложении к теме нашего исследования, теория Хармана влечет признание за варварами возможности располагать формами групповости, которые не выводимы из этнического дискурса письменных народов.

По причине чрезвычайной скудости данных письменных источников, основным источником информации о Верхнем Потисье в V в. для нас были результаты археологических исследований. В начале V в. данный регион входил в ареал распространения т.н. Культуры карпатских курганов (далее – ККК), этническая атрибуция которой вызывает споры в исторической науке. Характерной особенностью ККК, как пишет Л. В. Войтович, являлось трупосожжение покойников под невысокими курганами [3, с. 28]. Но, кроме того, в некоторых памятниках к востоку от Карпат жилища носителей ККК отапливались характерными для славян второй половины I тыс. н.э. печами-каменками. Как отмечает С. В. Назин, кружальная посуда ККК обнаруживает сходство с керамикой римской провинции, а лепная – с гето-дакийской керамикой липицкой культуры [7, с. 98]. Данное сочетание разнородных признаков затруднило для ученых определение принадлежности ККК. Украинский археолог В. Г. Котигорошко считал носителями ККК в Закарпатье северных фракийцев с незначительной примесью вандалов-асдингов [4, с. 168]. Л. В. Вакуленко на основании общих сходств между ККК и черняховской культурой, а также наличия в числе памятников последней немногочисленных курганных захоронений пришла к выводу, что носителями ККК являлось германское племя тайфалов [2, с. 260]. Наконец, отечественный археолог И. П. Русанова выделяла в составе ККК два компонента: пришлый – славянский и местный – дако-фракийский [10, с. 179–180].

В. Г. Котигорошко отождествлял носителей ККК с костобоками, чья этноязыковая принадлежность является предметом разногласий историков [4, с. 168]. Мы находим данную атрибуцию небесспорной, поскольку костобоки ещё в 170 г. были побеждены вандалами-асдингами. Более адекватной нам представляется версия выделившего ККК археолога М. Ю. Смишко, который считал её носителями античный народ карпов [11, с. 67–80]. Самое

позднее упоминание карпов встречается в книге византийского историка конца V в. Зосимы, который говорит о них в контексте вторжения варваров в пределы Римской империи в 381 г. и упоминает их под именем «карподаков» [5, с. 184]. С другой стороны, Аврелий Виктор свидетельствует о том, что подавляющее большинство карпов было либо истреблено во время похода императора Константина против них в 318 г., либо переселено вглубь Римской империи [1, с. 250–257]. Здесь нам ближе всего точка зрения Питера Хизера о том, что часть карпов могла уцелеть к северу от Дуная, утратив, впрочем, всякие признаки политической самостоятельности [16, с. 128].

Таким образом, этническая принадлежность ККК представляется нам энigmatической. С другой стороны, мы допускаем, что основу её населения составляли группы северофракийского круга, близкие по своей культуре к карпам и костобокам, но попавшие в течение II–IV вв. под влияние соседей-германцев. Г. Б. Федоров и Л. Л. Полевой пишут, что «после гуннского нашествия материальная культура в большей части Карпато-Дунайских земель переживала упадок» [13, с. 200]. С. И. Пеняк связывал упадок ККК с приходом в Верхнее Потисье носителей Пшеворской культуры, которых он считает венедами Птолемея [8, с. 185–186]. В науке есть две основные точки зрения на этнический характер Пшеворской культуры. В. В. Седов считал её славянской [9, с. 598]. С ним не был согласен М.Б. Шукин, который считал Пшеворскую культуру скорее германской [17, с. 111]. От себя заметим лишь то, что мы не видим оснований считать, что приход славян в Закарпатье произошел вместе с приходом носителей Пшеворской культуры.

Более обоснованной представляется точка зрения словацкого ученого Г. Фусека, который считает, что предпосылки к появлению славян внутри Карпатской котловины появились только в последней четверти V в., что подтверждается исчезновением здесь памятников германского круга [14, с. 159]. С ним, в целом, согласен румынский археолог И. Станчу, который допускает, что склавини начала VI в. могут быть локализованы в Северо-Западной Румынии и Северо-Восточной Венгрии [12, с. 164]. Данная версия представляется нам заслуживающей внимания, так как она позволяет связать появление славян в Верхнем Потисье с теми событиями, которые нашли отражение в письменных источниках. Под ними мы понимаем, в первую очередь, упоминаемое в «Гетике» Иордана поражение, которое нанес в 469 г. в битве на р. Болии дунайским свевам готский король Теодемир [6, с. 121–122]. Вкупе с победой Теодориха над языгами, а также исходом самих остготов на земли Римской империи, всё это, по нашему мнению, привело к возникновению вакуума власти в Верхнем Потисье, который сумели заполнить ранние славяне.

На основании всего вышесказанного, в этнической истории Верхнего Потисья V в. можно выделить три основных этапа, которые фиксируются по данным археологии. В начале V в. в регионе продолжало жить население, продолжавшее традиции культуры карпатских курганов, этнический состав которой к тому моменту уже был смешанным и включал в себя германский компонент. Он возобладавал в середине V в., когда в Подунавье обосновались связанные с гуннами остготы, гепиды, герулы и свевы. Ослабление этих политических объединений (кроме гепидов) привело к появлению ситуации, в которой этнический облик региона стали определять ранние славяне.

Г. Фусек замечает, что исход свевов с территории Словакии не носил характер всеобщего переселения и ещё долгое время в горных областях жили обитатели разрозненных германских анклавов [14, с. 152]. Кроме того, практически все упомянутые нами выше археологических культуры с трудом поддаются этнической атрибуции, что наводит нас на мысль о том, что Верхнее Потисье никогда не подвергалось полному опустошению. Это позволяет нам говорить о том, что не происходило замены носителей одной культуры носителями другой. Это подталкивает нас предположить, что славянофонные переселенцы не осуществляли колонизацию региона, но были лишь катализатором процессов группообразования, которые были запущены после битв при Недао и Болии. С точки зрения объектно-ориентированного подхода это означает, что древнейшие славяне могут быть выведены не из наиболее известных культур, а из тех, чья этническая принадлежность представляется нам «темной», а роль в истории – несущественной.

Список использованных источников и литературы

1. Аврелий Виктор. О цезарях / Пер. с лат. В. С. Соколова // Вестник древней истории. № 4 (86). М., 1963. С. 227–257
2. Вакуленко Л. В. Українські Карпати в пізньоримський час (етнокультурні та соціально-економічні процеси). Киев, 2010. 304 с.
3. Войтович Л. В. Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н. э. Начальные этапы формирования государственности // Русин. № 3 (21). Кишинёв, 2010. С. 5–49
4. Древняя история Верхнего Потисья / Отв. ред. И. М. Гранчак, В. Червеняк. Львов, 1991. 208 с.
5. Зосим. Новая история / Пер., комм., указ. Н. Н. Болгова. Белгород, 2010. 344 с.
6. Иордан. «О происхождении и деяниях гетов». *Getica* / Вступ. ст., пер., комм. Е. Ч. Скржинской. М., 1960. 436 с.
7. Назин С. В. Происхождение славян: реконструкция этнонима, прародины и древнейших миграций. М., 2017. 280 с.

8. *Пеняк С. І.* Археологія Закарпаття: історія дослідження: монографія. Ужгород, 2013. 256 с.
9. *Седов В. В.* Этногенез ранних славян // Вестник Российской академии наук. Т.73. № 7. М., 2003. С. 594–605
10. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. / Отв. ред. *И. П. Русанова, Э. А. Сымонович*; авт.: *В. И. Биззля, О. А. Гей, К. В. Каспарова* и др. М., 1993. 328 с.
11. *Смішко М. Ю.* Карпатські кургани першої половини I тисячоліття нашої ери. К., 1960. 186 с.
12. *Станчу И.* Ранние славяне в румынской части Карпатского бассейна // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* №5. Кишинёв, 2015. С. 163–216
13. *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Материальная культура ранних славян в Карпато-Дунайских землях (VI–IX вв.) // Славяне и Русь: сб. статей к 60-летию академика Б. А. Рыбакова / Отв. ред. *Е. И. Крупнов.* М., 1968. 477 с.
14. *Фусек Г.* Древнее славянское население на территории Словакии // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* № 5. Кишинёв, 2015. С. 151–162
15. *Харман Г.* Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. *А. Морозов и О. Мышкин.* Пермь, 2015. 152 с.
16. *Хизер П.* Великие завоевания варваров. Падение Рима и рождение Европы. М., 2016. 830 с.
17. *Шукин М. Б.* Рождение славян // *Stratum plus. Структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории.* № 1. СПб., 1997. С. 110–147.
18. *Curta F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region. Cambridge, 2001. 360 p.
19. *Goffart W.* Barbarian Tides: the Migration Age and the Later Roman Empire. Philadelphia, 2006. 384 p.
20. *Homza M.* A few words about the identity of the Slavs, yesterday, today and tomorrow // *Studia Slavica and Balcanica Petropolitana.* № 1. СПб., 2018. С. 3–41
21. *Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Wien, 1961. 672 p.

Для цитирования: *Макаров И. Б.* Этнический облик Верхнего Потисья в V веке // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 12 – 17.

**Письма руководителя Куйбышевской археологической экспедиции
А.П. Смирнова в Тольяттинском государственном архиве как исторический источник**

Аннотация. В статье рассмотрены два письма руководителя Куйбышевской археологической экспедиции ИИМК Алексея Петровича Смирнова, отправленные руководству строительства Куйбышевской ГЭС. А.П. Смирнов пишет о том, как проходят археологические исследования в зоне предполагаемого затопления Куйбышевской ГЭС. Письма находятся в Тольяттинском государственном архиве на постоянном хранении.

Ключевые слова: археология, охранно-спасательные исследования, Среднее Поволжье, А.П. Смирнов, Куйбышевская археологическая экспедиция.

Title: Letters of the head of the Kuibyshev Archaeological expedition A.P. Smirnov in the Togliatti State Archive as a historical source.

Abstract. This article deals with two letters of the head of the Kuibyshev archaeological expedition of the Institute of the History of Material Culture, Alexey Petrovich Smirnov, sent to the construction management of the Kuibyshev Hydroelectric Power Station. A.P. Smirnov writes about the archaeological research in the area of the alleged flooding of the Kuibyshev Hydroelectric Power Station. The letters are kept in the Togliatti State Archive for permanent storage.

Key words: archaeology, security and rescue research, the Middle Volga region, A.P. Smirnov, the Kuibyshev archaeological expedition.

Строительство Куйбышевской ГЭС сыграло важную роль в развитии народного хозяйства СССР. Однако в зону затопления вошли огромные территории, протянувшиеся вдоль Волги на сотни километров. Ширина водохранилища только в районе станции по предварительным расчётам должна была достигать 8 – 9 километров [2, с.5]. В зону затопления попали сотни памятников археологии, в спасении которых особую роль сыграла специально разработанная государственная программа.

14 октября 1948 года вышло постановление Совета Министров СССР № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры». Данное

Соловьева, Мария Викторовна – Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия; solovyova22276@mail.ru

Научный руководитель: *Сташенков, Дмитрий Алексеевич*, канд. ист. наук, доц. Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия.

Solovyova, Maria Viktorovna - Togliatti State University, Togliatti, Russia; solovyova22276@mail.ru

Scientific adviser: *Stashenkov, Dmitry Alekseevich*, Candidate of Historical Sciences, Assoc. Togliatti State University, Togliatti, Russia.

положение стало законодательной базой для археологических работ в зоне строительства не только Куйбышевской, но и других ГЭС [4].

Первые археологические изыскания, связанные с планированием строительства гидроузла на Волге, проводились ещё в 1930 – е годы [1]. Этот период можно считать первым этапом Куйбышевской экспедиции. Второй период экспедиции: 1950 – е годы, характеризуется масштабными исследованиями, которые проходили параллельно со строительством ГЭС.

По результатам работ Куйбышевской археологической экспедиции были выпущены 4 тома «Материалов и исследований по археологии СССР» (МИА) под номерами: 42 (1954), 61(1958), 80 (1960), 111 (1962). Работы начала 1950 – х годов преимущественно представлены в томе № 42 [2]. Они показывают, насколько значительными были научные итоги раскопок в зоне затопления.

Отдельные материалы экспедиции были опубликованы в некоторых выпусках КСИА – кратких сообщениях института археологии. Так, например, в номере 47 публикуется статья Н.Я. Мерперта «К методике раскопок степных курганов Поволжья», где исследователь описывает методику, которой они придерживались при раскопке курганов около села Ягодного, выделяет её преимущества и недостатки [5].

Несколько статей о работе Куйбышевской экспедиции есть в выпусках центрального академического журнала «Советская археология». Особый интерес представляет статья М.З. Паничкиной «Разведки палеолита на Средней Волге» в выпуске №18 за 1953 год. Экспедиция ставила одной из задач обнаружение палеолита в Поволжье. В данной статье представлены итоги работ 1951 г. - крупномасштабных разведок IV отряда экспедиции под руководством Марии Захаровны. Они показали, что Поволжье было заселено человеком уже в нижнепалеолетическое время [4].

В период с 1951 по 1954 гг. выходила серия книг «По следам древних культур». В 3 томе издания «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана» в 1954 г. вышла статья А.П. Смирнова и Н.Я. Мерперта «Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья», где используются материалы, полученные в результате работы КАЭ [8].

Работы Куйбышевской археологической экспедиции нашли своё отражение и в Вестнике АН СССР. Так, в выпуске № 10 за 1955 год была опубликована статья А.П. Смирнова и Н.Я. Мерперта «Вопросы этногенеза народов Поволжья» по материалам раскопок. Авторы пишут, что «основные пути этногенеза племен Среднего Поволжья прослеживаются на собранном экспедиции материале уже достаточно ясно» [7].

Помимо опубликованных научных работ имеется целый комплекс архивных материалов по истории КАЭ, ещё не введенных в научный

оборот. В Тольяттинском государственном архиве (ТГА) в фонде Куйбышевгидростроя (Р-18) документальных материалов постоянного хранения за 1950 - 1951 гг. в отделе секретариата, под единицей хранения № 19 находятся письма начальника Куйбышевской археологической экспедиции Института истории материальной культуры (ИИМК) Академии наук СССР А.П. Смирнова «Об археологических исследованиях памятников древней культуры, попадающих в зону затопления Куйбышевской гидроэлектростанции». Всего в деле хранится два письма на шести листах.

Первое письмо от 10 августа 1950 г. направлено начальнику строительства Куйбышевской ГЭС генерал - майору И.П. Семёнову (станция строилась совместно с управлением исправительно - трудовых лагерей и должность заместителя начальника Управления Кунеевского ИТЛ МВД с 19 августа 1949 г. до 8 февраля 1951 г. занимал Иван Павлович Семёнов).

В начале письма А.П. Смирнов пишет о времени начала работы экспедиции в 1950 г.: «Куйбышевская экспедиция ИИМК АН СССР приступила к работе 25 июля 1950 года» [3, л.1]. Точная дата начала работ в историографических работах до этого не была известна.

Далее он сообщает информацию о количестве отрядов экспедиции, чем конкретно занимается каждый из них в настоящее время, указываются наиболее интересные находки. Таким образом мы узнаём, что в 1950 г. работало 4 отряда. «Первый ведёт работу по изучению развалин столицы государства Волжских Болгар «Великие Болгары» в ТАССР» [3, л.1].

Второй отряд работает в низовьях реки Утки на границе ТАССР и Ульяновской области. Следующий отряд работает на территории колхоза села Ягодное Ставропольского района, раскапываются курганы конца бронзовой эпохи. Четвертый отряд исследует Муранский могильник и селище, расположенные в Шигонском районе Куйбышевской области, на берегу реки Усы. «Вещи, найденные в погребениях, характеризуют связи с хазарами, древней Русью и волжскими болгарами» [3, л.2]. Отметим, что до этого момента о связях Среднего Поволжья с хазарами в литературе не упоминалось.

Так как письмо было отправлено 10 августа, а это ещё далеко не конец полевого сезона у археологов, то А.П. Смирнов пишет, что работы на данных памятниках продолжаются.

В конце письма указывается количество работников экспедиции: «В настоящее время экспедиция насчитывает в четырех отрядах 50 человек научного состава и около 150 человек рабочих, привлекаемых из числа местного населения». Руководящий научный состав – сотрудники ИИМК

АН СССР, имелся также старший и младший состав научных работников экспедиции. [3, л.2].

Интересно, что Алексей Петрович подписывает письмо не как начальник экспедиции, а как заместитель. Об этом факте в общедоступной литературе не удалось найти упоминаний, и он является вопросом для будущего исследования.

21 августа 1950 г. вышло постановление Правительства СССР «О строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции на реке Волге» и начальником строительства был назначен Иван Васильевич Комзин. Следующее письмо будет адресовано уже ему.

11 августа 1951 г. А.П. Смирновым было направлено письмо новому начальнику строительства, генерал-майору инженерно-технической службы И.В. Комзину. Оно было составлено в трёх копиях. В связи с тем, что письма — это краткий отчет о работах, на которые были выделены государственные средства, то копии получили и другие лица и организации: ИИМК АН СССР, Управляющий Ставропольским банком, Начальник управления ОПЗЗ (Отдела подготовки зоны затопления)

Так же, как и в первом письме, Алексей Петрович пишет о дате начала работ экспедиции – июль месяц, но не называет точной даты. Указывается, что в 1951 г. работало 5 отрядов, исследования которых охватывали всю зону затопления: от Казанского Поволжья до реки Усы.

А.П. Смирнов отмечает, что особенно ценны результаты, полученные отрядом по изучению палеолита (четвертый отряд), открывшими места залегания орудий эпохи нижнего палеолита.

Далее речь идёт о 2, 3 и 5 – ом отрядах. «Все отряды занимались преимущественно изучением главным образом памятников эпохи бронзы» - пишет А.П. Смирнов [3, л.4].

Второй отряд под руководством Н.Я. Мерперта исследовал курганы срубной культуры около села Хрящевки Ставропольского района. Третий отряд под руководством А.Е. Алиховой раскапывал селище бронзовой эпохи близ поселка Воскресенского Шигонского района. Пятый отряд под руководством Н.Ф. Калинина изучал стоянку конца бронзовой эпохи, расположенную у устья Камы.

А.П. Смирнов на основании полученных данных делает вывод: «все стоянки бронзовой эпохи характеризуют быт племен, населявших среднее Поволжье во второй половине II – го тыс. до н.э...» [3, л.5].

Последними рассматриваются работы первого отряда под руководством А.М. Ефимовой, который исследовал развалины столицы государства волжских болгар «Великие Болгары». Там в подгорной части открыты наслоения времени от X до XIV вв. Были исследованы: город-

ская площадь, баня первой половины XIV века, городской водопровод XIII – XIV вв., три колодца XIII – XIV вв., два дома конца XII века.

В конце А.П. Смирнов приводит статистику: «экспедиция в целом провела большие земляные работы, кроме научного персонала работали старшие и младшие рабочие: в первом отряде 150 человек, во втором отряде от 40 до 50 чел., в третьем отряде 20 – 35 человек, в пятом отряде около 30 человек. Итого ежедневно около 260 человек». Приводятся данные о научном персонале экспедиции, который составлял в 1951 году «80 человек, включая студентов и лаборантов» [3, л.6].

Второе письмо Алексей Петрович подписывает уже как начальник экспедиции.

Таким образом, выявленные в Тольяттинском государственном архиве материала представляют новые данные об истории проведения археологических исследований в зоне затопления Куйбышевской ГЭС.

Список использованных источников и литературы

1. Збруева А. В., Смирнов А. П. Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла. 1938 - 1939 гг. / А. В. Збруева, А. П. Смирнов // Вестник древней истории. 1939. № 4 (9). С. 192 - 200.
 2. Куйбышевская археологическая экспедиция. Т. 1. Материалы и исследования по археологии. № 42 / под ред. А.П. Смирнова. Москва, 1954. 508 с.
 3. МКУ «Тольяттинский архив» (ТГА). Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 19. Письма Начальника Куйбышевской экспедиции института историко-материальной культуры Академии наук СССР «Об археологических исследованиях памятников древней культуры, попадающих в зону затопления Куйбышевской гидроэлектростанции». 6 л.
 4. Паничкина М.З. Разведки палеолита на Средней Волге / М.З. Паничкина // Советская археология. 1953. № 18. С. 233 - 264.
 5. Мерперт Н.Я. К методике раскопок степных курганов Поволжья // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. Вып.47. М: Изд-во АН СССР, 1952. С.109 - 116.
 6. Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры» / [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно - правовых актов СССР: [сайт]. — URL:https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4718.htm?ysclid=loe6hmf7dh251338217 (дата обращения: 29.10.2023).
 7. Смирнов А.П., Мерперт Н.Я. Вопросы этногенеза народов Поволжья / А.П. Смирнов, Н.Я. Мерперт // Вестник Академии наук СССР. 1955. № 10. С. 48 - 53.
 8. Смирнов А.П., Мерперт Н.Я. Из далёкого прошлого народов Среднего Поволжья // По следам древних культур: от Волги до Тихого океана / ред. Г. Б. Федоров. М., 1954. С.9 - 64.
- Для цитирования:** Соловьева М. В. Письма руководителя Куйбышевской археологической экспедиции А.П. Смирнова в Тольяттинском государственном архиве как исторический источник // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 18 – 22.

Долинский Александр Павлович

**Восстание декабристов в восприятии современников в Испании
(по материалам испанской прессы)**

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию восприятия Восстания декабристов в России 1825 года среди испанских современников, проводимому на основе анализа периодических изданий Испании начала XIX в., которые писали о России и давали представление о происходящих в ней явлениях испанскому обществу. Предметом исследования являются материалы архива Национальной библиотеки Испании (Biblioteca Nacional de España), хранящего коллекцию испанской публицистики за 1825–1826 годы в оцифрованном виде.

Ключевые слова: пресса Испании; Восстание декабристов.

Title: Decembrist revolt in the perception of contemporaries in Spain (based on the materials of the Spanish press)

Abstract. This work is devoted to the study of the perception of Decembrist revolt in Russia of 1825 among Spanish contemporaries, carried out on the basis of an analysis of periodicals in Spain at the beginning of the 19th century, which wrote about Russia and gave an idea of the phenomena occurring in it to Spanish society. The subject of the study is the materials of the archive of the National Library of Spain (Biblioteca Nacional de España), which stores a collection of Spanish journalism for the years 1825–1826 in digitized form.

Key words: the Spanish press; the Decembrist revolt.

Восстание декабристов представляет собой одно из наиболее известных событий в истории Российской империи, которое обсуждалось, в частности, и на другом конце Европы — в Испании. Изучение этой темы проводилось ранее по воспоминаниям самих испанцев, которые общались с декабристами лично или были очевидцами событий [6]. Поднимались исследователями и вопросы о том, как революция в самой Испании 1820 года повлияла

Долинский, Александр Павлович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st108959@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Петрова, Ариадна Александровна*, канд. ист. наук, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Dolinsky, Alexander Pavlovich — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st108959@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Petrova, Ariadna Alexandrovna*, Candidate of Historical Sciences, Assoc. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

на будущих участников российских событий декабря 1825 года [1] и как они её восприняли [5]. В данной работе рассматривается материал, находившийся вне исторического изучения в представляемой теме. А именно результаты сбора и анализа информации о восстании декабристов, опубликованной в испанской прессе в 1825–1826 годах, в которой формировалось представление о происходящих в России явлениях и которую можно увидеть в оцифрованных архивах, выложенных в открытый доступ в Национальной библиотеке Испании (Biblioteca Nacional de España) [7].

Приступая к анализу испанской прессы начала XIX века, следует учесть, что восстание декабристов 1825 года в России пришлось на время правления в Испании короля Фердинанда VII (1814–1833), вернувшегося на трон в результате национальной борьбы против завоевания Наполеоном в 1808 – 1814 годах. Но в 1820 году произошла революция, положившая начало так называемому «либеральному трехлетию», закончившемуся в 1823 году, когда Фердинанду VII снова удалось восстановить свою власть при помощи французских же интервентов. Последовавшему за этими событиями периоду в испанской истории было дано уже наименование «черное десятилетие». Для преодоления экономического и политического кризиса королевская власть проводила в это время жёсткую антилиберальную и контрреволюционную политику во всех сферах деятельности, включая печать [4, с.237]. Это привело к сокращению объёма прессы в стране по сравнению с предыдущим периодом, что можно увидеть, проанализировав количество газет, издаваемых в Испании с 1819 года по 1825 год: в период «либерального трехлетия» это резкий скачок вверх в развитии прессы, далее, с началом «чёрного десятилетия» сокращение количества изданий (рис.1). В результате указанного процесса на момент 1825–1826 годов остаются доступны лишь 9 изданий. При этом лишь часть из них посвящали свои статьи внешне политическим событиям, в которых российские реалии конкурировали с событиями всей Европы. Сказывались и удаленность России, и отсутствие быстрой транспортной связи, и недостатки технологий передачи информации. Издания были доступны сравнительно небольшому кругу людей из высшего общества и духовенства.

В силу указанных выше причин испанская пресса резко контрастирует по скорости и объёму публикуемой информации с российской, где уже с 26 декабря 1825 года «Санкт-Петербургские ведомости» по часам расписывали произошедшие в Петербурге события, подробно сообщая о действующих лицах и фактах [3, с.159].

В Испании только известие о смерти императора Александра появилось лишь 18 января 1826 года в периодическом издании «Diario Balear», где

говорилось, что «Император Александр оставит вечную память о своем царствовании и о своих благородных качествах.» [8, 1826. 18.01. p.5].

Одним же из первых сообщений в испанской прессе, относящихся собственно к восстанию декабристов, является заметка, опубликованная 30 марта 1826 года в издании «Diario balear», где сообщается, что и подготовка церемонии похорон Александра I, запланированная в годовщину коронации, и принесение всеми частями русской армии присяги на верность новому императору Николаю проходят в Санкт-Петербурге в состоянии «величайшего спокойствия». Далее на этом фоне перечисляется список «выдающихся иностранцев», приглашенных в столицу России в качестве гостей, (среди которых, например, Архидиакон Фердинанд Восточный, принц Оранский и др.), что указывает на фокус интереса испанской общественности в описываемых событиях в пользу европейских деятелей. О декабристах там упоминается лишь как о «настоящих преступниках, совершивших предательство», но с оговорками, что «некоторые преступники» совершили преступление не по своей воле, а были обмануты [8, 30.3.1826, p.4].

Примечательно, что в издании «Gazeta del gobierno de México» за 12 апреля 1826 года, внутренние события в России не обсуждаются вовсе, а поднимается лишь вопрос о внешнеполитической ситуации в связи со смертью Александра I. В частности, обсуждается отношение Константина, как возможного претендента на российский престол, к Договору о Священном союзе, подписанному ранее монархами России и Испании. Несомненно, что на момент написания этой статьи у автора не было известий о позиции Константина по вопросам престолонаследия и о вступлении на престол Николая [9, 12.04.1826, № 103 p.3]. Рассказ о восстании декабристов в данной газете можно встретить лишь 4 мая того же года. В ней, по мнению автора, события на Сенатской площади в России раскрыли «...давно сложившийся заговор, который захватывает большую часть знати...». При этом, автор указывает, что военные были обмануты: «Были пущены в ход всевозможные уловки, чтобы заставить их поверить, что они защищают трон...». А между тем настоящей целью заговорщиков было другое: «Они хотели занять трон, ниспровергнуть империю и установить анархию». В газете осуждаются методы заговорщиков: «Каковы были их средства? Убийства. ... первой жертвой стал военный губернатор Милорадович...». И прославляются войска, оставшиеся верны Николаю: «Для них священны слова: верность, присяга, законный порядок». При этом чувствуется и сам Николай, который «очистил священную землю России от этой заразы...» [9, 04.05.1826, p.2].

В газете «Mercurio de España» за 1826 год мы встречаем статью, выражающую благодарность «русским солдатам», защищавшим престол не

только на поле боя, но и в мирных условиях уже после «потери Государя», который был их «покровителем и благодетелем». Автор призывает военных продолжать свои «бессмертные подвиги» и утверждает, что Государь с высоты наблюдает за ними и благословляет их. Статья отмечает также, что защитники престола «приобрели неувядаемую славу, равную той», что они «испытали в своей жизни», когда сражались и проливали кровь в битвах за Государя и Отечество. При этом оценка деятельности заговорщиков подается совсем в другом ключе: «...из-за этого жестокого позора и из-за ваших мотивов вы должны были упасть в обморок...» [10, 04.1826 p.15].

Более эмоциональный текст о восстании можно встретить в марте 1826 года в издании «Mercurio de España», в котором представлена депеша союзному сейму от барона Иоганна Протасия фон Анштетта — русского посла в Германском союзе. В статье выражается изумление и ужас относительно намерений и планов руководителей этой «отвратительной заговорщической» деятельности. Однако автор «находит утешение» в том, что сами виновники восстания малочисленны и их силы были недостаточны для осуществления своих «вредоносных и жестоких намерений», которые, по мнению автора, полностью противоречат здравому смыслу [10, 04.1826 p.10].

Следует отметить, что отсутствие в испанской печати детального освещения происходивших в России событий не означало, что власти Испании не были достаточно осведомлены о них. В этом можно убедиться, обратившись к посланиям испанского дипломата Паэса де ла Кадена, оказавшегося свидетелем восстания. Так вся его депеша под номером 150 от 27 декабря 1825 года к его Светлости Герцогу Инфантадо посвящена подробному описанию происходившего на сенатской площади: «...и вся императорская гвардия, один батальон Московского полка, явившись со знаменем для принесения присяги, объявили себя мятежными...» [2]. А депеша под номером 153 от 28 декабря 1825 года сообщает о первых результатах расследования произошедших беспорядков: «...расследование гибельных происшествий вчерашнего дня начинает раскрывать вещи достаточно чувствительные, причем известные до смерти прежнего императора...». В документе также обсуждаются и имена декабристов и полки, участвовавшие в заговоре: «Во время моего вчерашнего разговора с графом Нессельроде, выражая мое удивление по поводу князя Трубецкого...». Особо следует обратить внимание на концовку послания, где Паэса де ла Кадена для передачи дальнейшей информации о событиях в России просит предпринять меры предосторожности, опасаясь разглашения полученных сведений:

«С каждый разом я все больше убеждаюсь в необходимости шифра, который проходил бы через малое количество рук, который нигде бы не хранился и, если бы это было возможно, который присылался бы напрямую и со всеми предосторожностями из Вашего секретариата в наше представительство...». Т.е. на основании всего выше сказанного можно сделать вывод, что официальные круги Испании целенаправленно не доводили получаемые сведения до испанской общественности, а других источников у журналистов, кроме как брать информацию у европейских коллег, не было, с чем и связана замедленность и слабая представленность новостей о восстании декабристов в испанской публицистике.

Таким образом, осмысление событий декабря 1825 года в России шло в Испании через призму собственных внутренних проблем и противоречий. Реакция испанской прессы в целом была если не отстранённая и безразличная, то негативная. Чаще всего при описании декабристов употребляются такие слова и фразы как «преступник», «предатель», «преступный заговор» и т.п. Отношение всех испанских изданий проявляется одинаково по отношению к участникам восстания как к злодеям, а к российскому правительству как законной власти. Данный нарратив поддерживается прессой Испании следующими аргументами: заговорщики устроили беспорядок и анархию, в чём, по мнению изданий, и была их цель, а российская власть наводит порядок и, противостоя бунтующим, поддерживает законность. Основные факторы, под воздействием которых формировалось общественное мнение о восстании декабристов в Испании, является то, что на момент указанных событий в России Испания находилась в состоянии победившей реакции после политических потрясений, происходивших внутри страны. По окончании гражданской войны в Испании рассказы об очередных выступлениях против монархической власти, где бы они не происходили, не могли поощряться. К тому же на данном этапе межгосударственных испано-русских отношений, испанскому правительству было не за чем поднимать данный вопрос.

Список использованных источников и литературы

1. Белоусов М. С. Испанская «Подсказка» для декабриста (путешествие С. П. Трубецкого в Париж) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2, История. СПб., 2015. Вып. 4. С. 33-34.
2. Белоусов М. С. Польский заговор в день восшествия на престол Николая I: версия испанского дипломата Паеса де ла Кадены // Петербургский исторический журнал. СПб., 2023. №1(37). С. 47-59.
3. Готовцева А. Г. Движение декабристов в официальной прессе 1825-1826 гг. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. М., 2007. №9. С. 157-199.

4. История Испании. В 2 т. Том 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века / Отв. ред.: *О. В. Волосюк, М. А. Липкин, Е. Э. Юрчик*; Институт всеобщей истории РАН. М., 2014. 872 с.
5. *Юрчик Е. Э.* Декабристы и испанская революция 1820 г. // Испания и Россия: дипломаия и диалог культур. Три столетия отношений. / *О. В. Волосюк* (отв. ред.). М., 2018. С. 160-162.
6. *Юрчик Е. Э.* Свидетель восстания декабристов: испанский посланник Хуан Мигель Паэс де ла Кадена // Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. / *О. В. Волосюк* (отв. ред.). М., 2018. С. 169-173.
7. Biblioteca Nacional de España. URL: <https://www.bne.es/es>. (дата обращения: 10.12.2022).
8. Diario Balear. URL: <https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/card?sid=26528941> (дата обращения: 10.12.2022).
9. Gazeta del gobierno de México. URL: <https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/card?sid=4445862> (дата обращения: 10.12.2022).
10. Mercurio de España (Madrid). URL: <https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/card?sid=1946803> (дата обращения: 10.12.2022).

Для цитирования: Долинский А. П. Восстание декабристов в восприятии современников в Испании (по материалам испанской прессы) // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 23 – 28.

Проблема нейтралитета России в годы франко-прусской войны на страницах газеты «Московские ведомости»

Аннотация. Статья посвящена взгляду газеты «Московские ведомости» на политику нейтралитета России в годы франко-прусской войны. Автор прослеживает изменение трактовки нейтральной позиции России с точки зрения «Московских ведомостей» по мере приближения победы Пруссии, а также рассматривает аргументацию «Московских ведомостей», касающуюся опасений по поводу той угрозы, которую усилившаяся Пруссия может создать и российскому положению на международной арене, и даже самой территориальной целостности империи.

Ключевые слова: «Московские ведомости», нейтралитет, общественное мнение.

Title: The problem of Russia's neutrality during the Franco-Prussian War on the pages of the newspaper «Moskovskie Vedomosti».

Abstract. The article is devoted to the view of the newspaper «Moskovskie Vedomosti» on Russia's policy of neutrality during the Franco-Prussian War. The author traces the change in the interpretation of Russia's neutral position from the point of view of «Moskovskie Vedomosti» as Prussia's victory approached, as well as examines the arguments of «Moskovskie Vedomosti» concerning the fears about the threat that a strengthened Prussia could pose to Russia's position on the international arena and even to the territorial integrity of the Russian empire itself.

Key words: Moskovskie Vedomosti, neutrality, public opinion.

Франко-прусская война 1870-1871 годов стала одним из важнейших событий второй половины XIX века в мировой истории, вызвав серьезные перемены в системе международных отношений. Осознание тектонических изменений, вызванных войной, нашло широкий отклик в общественном мнении стран Европы [2, с. 751]. Исключением не стала и Российская империя. За войной Франции и Пруссии в России следили с напряжённым вниманием. При дворе в основном царили пруссофильские настроения [20, с. 8, 151]. Во многом это было связано с влиянием царя, находившегося в весьма теплых отношениях со своим дядей Вильгельмом I, а также в связи с противоречиями России и Франции в польском и черноморском вопросах. Среди же российской общественности в годы франко-прусской

Андряков, Данила Вячеславович — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; andr9100@list.ru

Научный руководитель: *Родин, Денис Валерьевич*, канд. ист. наук, научный сотрудник. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Andriakov, Danila Viacheslavovich — Moscow State University, Moscow, Russia; andr9100@list.ru

Scientific adviser: *Rodin, Denis Valeryevich*, Candidate of Historical Sciences, researcher. Moscow State University, Moscow, Russia.

войны постепенно усиливались франкофильские настроения, которые выражали различные газеты [20, с. 154]. Возможно, впервые в России сложилось такое положение, когда отношение общества к европейским событиям расходилось с внешнеполитической линией правительства и с точкой зрения царя [20, с. 313].

При этом именно в годы франко-прусской войны общественное мнение стало постепенно превращаться в силу, которая станет оказывать значительное влияние на решения царского правительства в недалеком будущем. Позиция же русского общества по отношению к Франции в 1870-1871 гг., отраженная в периодических изданиях, озаменовала процесс постепенного потепления отношений между Санкт-Петербургом и Парижем, что подготовило почву для русско-французского сближения в начале 1890-х годов [19, с. 166]. В данном процессе важную роль играли «Московские ведомости» М.Н. Каткова, за выпусками которой следили не только представители российской власти, но и иностранные дипломаты [20, с. 180–181]. Учитывая влияние газеты Каткова на консервативно настроенные слои русского общества, представляется интересным рассмотреть проблему восприятия нейтралитета России «Московскими ведомостями» в контексте формирования франкофильских и пруссофобских настроений в российском обществе.

Франко-пруская война сразу же стала главным объектом внимания русских газет и журналов. При этом многие популярные периодические издания России в начале войны либо заняли нейтральную позицию, либо выпускали статьи в антифранцузском тоне. Так журнал «Вестник Европы», рассуждая относительно причин начавшейся войны, в большей степени возлагал вину на режим Наполеона III: «...бонапартизм не может править Францией путем свободы и мира... всю свою будущность, самое существование он готов поставить в зависимость от случайностей войны, лишь бы удержать в своих руках личный произвол» [3, с. 801]. В журнале «Отечественные записки» также высказывалось мнение, что война во многом вызвана стремлением правительства Наполеона отвлечь народ от внутренних проблем, при этом все же отмечалось, что и Пруссия может извлечь из начавшейся войны определенные выгоды [21, с. 247]. При этом журнал весьма красноречиво описал положение в русской периодике на момент начала войны: «На стороне Пруссии стоят большей частью все тузы. Защиту Франции ведет так себе...более мелкота» [22, с. 116].

«Московские ведомости» же изначально стояли на позициях симпатии к Франции, что во многом объяснялось франкофильскими настроениями самого Каткова. С развитием конфликта риторика «Московских ведомостей» в отношении Франции становилась все более сочувственной, а по отношению к Пруссии все более жесткой. Такое отношение к участникам конфликта

неразрывно связано с той ролью, которую «Московские ведомости» отводили России во франко-прусской войне [2, с. 760].

«Московские ведомости», учитывая дружеские отношения между царственными домами Пруссии и России, переживали из-за той позиции, которую займет империя по отношению к участникам войны. В самом начале конфликта «Московские ведомости» замечают, что «относительно России почему-то установилась уверенность, что она прикована к Пруссии и повсюду последует, куда ее позовут прусские интересы, хотя никому неизвестно, какие русские интересы могут быть подвинуты или обеспечены этим союзом» [7]. Отвечая на намеки английской «Таймс», что в случае поражения Пруссии Россия могла бы прийти на выручку своему соседу, «Московские ведомости» призывают сохранять полный нейтралитет, поскольку для России «...эта распря есть дело совершенно чужое» [9]. При этом газета Каткова, обосновывая свою позицию отказа в помощи Пруссии, замечает: «Личное дружелюбие не может сделать, чтобы преобладание Германии на материк Европы не было величайшею опасностью для нашего отечества» [10]. Интересно заметить, что, и другие издания, например, «Санкт-Петербургские ведомости», которые имели отличное от «Московских ведомостей» отношение в воюющим сторонам, также призывали в начале войны придерживаться строгого нейтралитета [23]. При этом появлялись заметки, предлагавшие России, при сохранении полного нейтралитета по отношению к обеим воюющим сторонам, занять позицию «вооруженного нейтралитета». Так газета «Голос» призывала Россию вооружаться и быть готовой к возможному столкновению с одной из сторон, что придавало бы веса требованиям Санкт-Петербурга в случае появления необходимости воздействовать на ход франко-прусской войны [14, с. 147].

Тема опасности со стороны усиливающейся Пруссии еще не раз появится на страницах периодического издания Каткова. Изучив статьи «Московских ведомостей», можно выделить два фактора, которые вызывали опасения по отношению к усиливающейся Пруссии. Первым фактором был Восточный вопрос. В заметке от 29 сентября (11 октября) «Московские ведомости» пишут, что Пруссия после разгрома Франции обратит свой взор на восток, при этом заставляя выброшенную из Германии Австро-Венгрию концентрировать свои силы на Балканском направлении [15]. Действительно, для вытесненной сначала из Италии, а затем и из Германии Австро-Венгрии оставался лишь один регион, в котором последняя могла вести себя как великая держава, – Балканы. Не случайно «Московские ведомости» отдельную статью посвятили антирусским настроениям румынской печати. В поисках того, кто стоит за антирусской

агитацией в Молдавии и Валахии, газета Каткова отмечает, что вряд ли агитация происходит по желанию Франции, так как «на вассальном престоле Румынских княжеств сидит иностранный принц, который, кажется, ничего не имеет общего с Францией» [17]. Эта фраза вряд ли может быть расценена иначе как намек на закулисные интриги Пруссии, ведь господарем Валахии и Молдавии на тот момент являлся Кароль I из немецкого дома Гогенцоллернов-Зигмарингенов.

Вторым фактором, который вызывал опасения газеты Каткова по отношению к Пруссии, являлись прибалтийские губернии Российской империи. В прусской печати не раз высказывалось мнение, что эти территории России являются немецкими землями [16]. При этом, вспоминая лозунги в защиту немцев при начале войны Пруссии с Данией из-за Шлезвига и Гольштейна [5, с. 20], стоит заметить, что постоянные заявления прусской прессы относительно балтийского вопроса действительно давали основания для тревоги у российского общества за Прибалтийские губернии [14, с. 149]. Интересно заметить, что с подобным мнением не были согласны другие периодические издания России. Так «Санкт-Петербургские ведомости» отмечали, что вмешательство Пруссии в российские дела имеет скорее вымышленный характер, в то время как возможность вмешательства Франции в польские дела представляется более чем реальной [23].

«Московские ведомости» с облегчением узнали об официальном объявлении о нейтралитете России [11]. При этом, с точки зрения газеты, даже дружественный нейтралитет по отношению к Пруссии был бы невыгоден России, о чём говорит статья от 4 (16) июля, в которой содержатся следующие слова: «Выставить, например, наблюдательный корпус, с тем чтобы связать Австрию и помешать ей принять участие в войне, это значило бы нам самим вмешаться в войну. Поступить так значило бы принять сторону Пруссии, и притом, несомненно, во вред себе. Мы понесли бы на себе тяжесть поражения нашей союзницы, а в случае ее торжества мы заплатились бы со временем еще дороже» [8].

В данном случае стоит заметить, что чаяния Каткова на строгое соблюдение нейтралитета Россией не оправдались. 11 (23) июля 1870 года российское правительство объявило о своем нейтралитете, при этом недвусмысленно дав понять Парижу и Вене, что Петербург не останется в стороне в случае активных действий Австро-Венгрии, в которой были сильны позиции сторонников реванша [1, с. 237–238]. Горчаков предостерегал австрийского посла, обещая дать зеркальный ответ на действия австро-венгерских войск: «Если Австрия будет вооружаться, то же сделает и Россия; если она примет участие в войне, мы будем способны защитить собственные интересы» [6, с. 85].

При всем этом интересно заметить, что «Московские ведомости» пытались рассеять любые опасения, связанные с возможной победой Франции [24, с. 149]. Победа Франции, какой бы решительной она ни была, по мнению газеты Каткова, будет не столь опасна для России, как победа Пруссии, поскольку, в случае опасности чрезмерного усиления Франции, эта угроза будет купирована Англией. При этом «Московские ведомости» отдельно замечают, что не стоит бояться усиления Франции и в свете польской проблемы, поскольку разногласия Парижа и Петербурга по поводу Польши проистекали из «неправильности отношений, в которых обе державы между собой находились». По мнению газеты Каткова, «польский вопрос, это вечное орудие всякой против нас интриги... был возбужден Англией, опасавшейся нашего сближения с Францией» [10].

Риторика «Московских ведомостей» относительно нейтралитета начала меняться при известиях о первых серьезных неудачах французских войск. «Нейтралитет не есть простое бездействие: нет, достойный нейтралитет есть только удержанная за собою свобода действий», – заявляли «Московские ведомости» в статье от 28 июля (9 августа) [12]. После же поражения Франции при Седане газета Каткова уже напрямую призывает к вмешательству нейтральных стран в конфликт: «Теперь наконец наступает пора и нейтральным сказать свое слово. Может ли Европа оставаться равнодушною при виде одной из великих держав своих раздавленной, почти уничтоженной?» [13]. Франции, с которой Пруссия «при данных обстоятельствах... может поступить... как сочтёт за лучшее» [14], не стоит ждать помощи в обуздании прусских требований ни от Австро-Венгрии, поскольку та не обладает должными силами, ни от Англии, поскольку, по мнению газеты Каткова, не в интересах последней препятствовать усилению Пруссии за счет Франции. Поэтому именно Россия, по мнению «Московских ведомостей», «держит теперь в руках своих ключи европейского равновесия». При этом газета Каткова призывает Петербург поторопиться с мирными инициативами, поскольку «завтра может все измениться, и вопрос о равновесии станет анахронизмом. Завтра, вместо системы самостоятельных наций, способных вступать между собою в разнообразные сочетания, явится одна господствующая политика германская» [14]. И действительно, Россия приложила некоторые усилия для предотвращения полного разгрома Франции. После Седана Александр II обратился к Вильгельму I с письмом, в котором выражалась надежда на умеренность прусских требований к Франции. Однако прусский король в вежливой форме попросил императора не вмешиваться в отношения Пруссии и Франции [6, с. 88–89].

В данном случае нелишним будет заметить, что в своих оценках опасности возрастающей силы Пруссии «Московские ведомости» не были одиноки. После разгрома основных сил французской армии в сентябре 1870 года в русской периодической печати все чаще стали появляться заметки антипрусской направленности. «Отечественные записки» сравнивали поведение немецких войск на оккупированной территории с действиями «кочевых орд» [22, с. 118–120], и даже продолжавший придерживаться пропрусской ориентации «Вестник Европы» опасался, что немцы могут потерять чувство меры на фоне своих громких побед [4, с. 840–841].

После Седана «Московские ведомости» считали поражение Франции делом решенным, однако образовавшаяся на обломках империи Наполеона III Третья республика продолжала сопротивление. Война окончательно закончилась, по мнению газеты Каткова, со сдачей Парижа в январе 1871 года, несмотря на сохраняющиеся очаги сопротивления в других районах Франции [2, с. 759]. В связи с этим в начале февраля 1871 года «Московские ведомости» подвели некоторый итог российскому нейтралитету в этой войне. Отвечая на распространившееся мнение, что Россия изначально заняла недоброжелательное положение по отношению к Франции, газета Каткова пишет: «Правительство России не могло не благоприятствовать Пруссии, вызванной на борьбу. Но наше отечество не было обязано зложелательствовать Франции при этом». Газета Каткова заключает, что «если Пруссия много обязана своими успехами благоприятному нейтралитету России, то, с другой стороны, Франция не только не имеет основания сетовать на нее, но должна убедиться, что в ней и только в ней было искреннее доброжелательство». Примером же «искреннего доброжелательства» является готовность России выступить в качестве посредника сразу после первых поражений французской армии в августе 1870 года, что, однако, не нашло поддержки среди остальных стран Европы [18].

Подводя итоги, следует сказать, что с самого начала войны «Московские ведомости», как и многие другие периодические издания, предложили России строго держаться позиции нейтралитета. Газета Каткова, не видевшая перспектив для российских интересов в союзе Петербурга и Берлина, опасалась активной поддержки, которую Россия может оказать союзной ей Пруссии. Однако по ходу войны понимание нейтралитета «Московскими ведомостями» несколько видоизменилось. В самом начале войны, когда можно было ожидать выступления России в поддержку Пруссии в случае поражения последней, «Московские ведомости» отрешиваются от каких-либо интересов России в франко-прусской

войне. Газета замечает, что победа Франции не принесет России больших осложнений, в то время как усиление Пруссии могло бы угрожать не только интересам России на Балканах, но и непосредственно территориальной целостности империи. Понимание «Московскими ведомостями» нейтральной позиции России изменяется при осознании надвигающегося поражения Франции. Газета Каткова, несколько противореча своему собственному мнению, высказанному в начале войны, открыто призывает вмешаться и не допустить полного разгрома Франции. Подводя итоги войны, «Московские ведомости» стараются показать, что Россия единственная сделала все возможное, чтобы остановить конфликт в самом начале, что, в свою очередь, должно свидетельствовать о дружеских чувствах России по отношению к Франции.

Список источников и литературы

1. *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III. 1855–1894. М., 2018. 904 с.
2. *Андряков Д.В.* Пруссия в годы Франко-прусской войны по материалам «Московских ведомостей» // Гусевские чтения — 2023. Три измерения политической истории России: Идеология, политика, практики: Сборник научных статей. М., 2023. С. 750–760.
3. Вестник Европы. 1870. Т. 4. Август.
4. Вестник Европы. 1870. Т. 5. Октябрь.
5. *Власов Н.А.* Германия Бисмарка. Империя в центре Европы. СПб., 2018. 207 с.
6. *Княгина Н.С.* Внешняя политика России второй половины XIX века. Учеб. Пособие. М., 1974. 280 с.
7. Московские ведомости. 1870. 2 июля, № 142.
8. Московские ведомости. 1870. 4 июля, № 144.
9. Московские ведомости. 1870. 9 июля, № 148.
10. Московские ведомости. 1870. 11 июля, № 150.
11. Московские ведомости. 1870. 13 июля, № 151.
12. Московские ведомости. 1870. 28 июля, № 162.
13. Московские ведомости. 1870. 22 августа, № 182.
14. Московские ведомости. 1870. 24 августа, № 183.
15. Московские ведомости. 1870. 29 сентября, № 209.
16. Московские ведомости. 1870. 21 октября, № 227.
17. Московские ведомости. 1870. 24 ноября, № 253.
18. Московские ведомости. 1871. 11 февраля, № 32.
19. *Оболенская С.В.* Русско-французский союз и русское общество // Россия и Франция: XVIII – XX века. Вып. 2. М. 1998. С. 165 – 170.
20. *Оболенская С.В.* Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977. 336 с.

21. Отечественные записки. 1870. Т. 191. № 8.
22. Отечественные записки. 1870. Т. 192. № 9.
23. Санкт-Петербургские ведомости. 1870. 19 июля, № 196.
24. *Шнеерсон Л.М.* Франко-прусская война и Россия. Из истории русско-пруских и русско-французский отношений в 1867-1871 гг. М., 1976. 304 с.

Для цитирования: Андряков Д. В. Проблема нейтралитета России в годы франко-прусской войны на страницах газеты «Московские ведомости» // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 29 – 36.

**Проекты «русского Египта» на страницах петербургской газеты
«Новое время» в 1910 г.**

Аннотация. В рамках данной статьи рассматриваются два проекта «русского Египта» (Туркестанский край и Амурская область), которые были опубликованы в 1910 г. в консервативной газете «Новое время». Анализ периодического издания позволил сравнить представления российской общественности с взглядами англичан на восточные страны и политику в них. Также автор в данной работе рассматривает особенности российского ориентализма в начале XX в.

Ключевые слова: ориентализм, Туркестанский край, периодические издания, Амурская область

Title: Projects of «Russian Egypt» on the pages of the St. Petersburg newspaper «Novoye Vremya» in 1910.

Abstract. This article examines two projects of «Russian Egypt» (Turkestan Region and Amur region), which were published in 1910 in the conservative newspaper «Novoye Vremya». The analysis of the periodical made it possible to compare the views of the Russian public with the views of the British on the eastern countries. Also, the author in this work examines the features of Russian orientalism in the early XX century.

Key words: orientalism, Turkestan region, periodicals, Amur region

Начиная со второй половины XIX в. до сегодняшнего дня Египет позиционируется как жаркая ближневосточная туристическая страна. Его освоению в качестве туристического направления предшествовали научные исследования, следовавшие, в свою очередь, вслед за экспедициями Наполеона Бонапарта (1798-1801 гг.). Однако до сих пор остается открытым вопрос о познаваемости Ближнего Востока западным человеком, чему посвящена знаменитая книга Э. Саида «Ориентализм», вышедшая в свет в 1978 г. Автор считает, что при изучении восточных стран исследователи создают собственную модель, на которую проецируют европейский образ мысли [9, с. 10].

Э. Саид во введении отмечает, что в своей работе не уделяет должного внимания важному вкладу в ориентализм России [9, с. 46]. Аргументы Э. Саида в отношении российского востоковедения изучались многими

Харина, Дарья Алексеевна - Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st076444@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Турьгина, Наталья Валерьевна*, канд. ист. наук, стар. преп. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Kharina, Daria Alekseevna - Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st076444@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Turygina, Natalia Valeryevna* — PhD in History, Senior lecturer, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

отечественными учеными. Одной из ключевых работ является исследование В. С. Тольц «Собственный Восток России - политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период» [11]. Автор рассматривает тезисы Э. Саида применительно к петербургской школе востоковедения, сложившейся в конце XIX в. Учёный отмечает одну особенность изучения Востока в имперской столице: российские деятели науки по-особенному взаимодействовали с информантами и противопоставляли себя европейским ориенталистам [11, с. 23]. Это было связано с тем, что в основном информантами были не политики и дипломаты, а обычные люди, которые доброжелательней относились к другой культуре. Другой важной работой является объемная монография Д.В. Волкова «Поворот России к Персии: ориентализм в дипломатии и разведке». Стоит отметить, что в данной работе автор анализирует не столько тезисы из работы Э. Саида, сколько аргументы М. Фуко о связи правительственных структур и ученых [15, р. 127]. По мнению Д.В. Волкова, фундаментом российского востоковедения стала эпистема как система, в которой не существует ни истины, ни лжи, а есть зависимость знания от общественного мнения, в котором оно создаётся. Ученый дает термин «эпистема Русского дела», которая направлена на цивилизационную миссию России на Востоке в ее соперничестве с Западом [15, р. 135]. Сложно не согласиться с этим тезисом, в подтверждение чему на страницах газет выходили такие статьи, как «Кавказъ и Египеть», где псевдоученые сообщали о том, что первоначальная цивилизация страны фараонов зародилась на Кавказе [1, с. 5]. Что это, как не соперничество за влияние в Египте?

В данной работе мы рассмотрим два проекта «Русского Египта» на страницах разных выпусков газеты «Новое время», опубликованных в 1910 г. Отметим, что данная газета выходила ежедневно с 14.01.1868 по 26.10.1917 г. Издателем газеты в рассматриваемый нами период был А.С. Суворин, при нем репутация газеты была достаточно противоречивой: с одной стороны, это было передовое крупное периодическое издание «европейского типа», именно в нем печатались подробные новости из-за рубежа, объявления крупных коммерческих организаций и некрологи известных деятелей [2, с. 320]. С другой стороны, газету критиковали и либералы за антисемитизм в освещении «дела Дрейфуса», и аполитичные модернисты, и даже консерваторы [2, с. 318].

В начале XX в. жители Российской империи активно путешествовали в Египет [8, с. 9], как гласили объявления Русского Общества Пароходства и Торговли, именно оно предлагало самый удобный европейский маршрут в Египет из Одессы [5, с. 7]. Массово выходили путеводители [7, с.

13], выпускались детские книжки про страну фараонов [4, с. 6], в газетах публиковались путевые заметки [12, с. 2]. Многими Египет воспринимался как сырьевой придаток и колония Великобритании, показательной является карикатура «Красная шапочка в Африке», где в образе перодеотога в якобы заботливую бабушку волка изображена сама королева Виктория, олицетворявшая Британскую империю [6, с. 8].

С чем было связан интерес с конструированием «Русского Египта»? Активно проходила Столыпинская реформа, когда крестьяне активно осваивали Сибирь и Дальний Восток. Некоторые журналисты задавались вопросом, почему темпы переселения низкие? [3, с. 2]. Кто-то вообще считал, что царское правительство не даёт осваивать русским людям богатые районы империи [10, с. 3]. Многие корреспонденты начинают предлагать опыт других стран, например, политикой англичан в Египте, продолжавшаяся с 1882-1914 гг. [3, с. 2]

Первая статья, в которой парадигма освоения Египта Великобританией была применена к российской действительности, вышла в августе 1910 г. [3, с. 2]. В ней рассуждается о недостаточном развитии «Русского Египта», Амурской области, территория которой вошла в Российскую империю в 1858 г. по Айгунскому трактату. Наше удивление вызывает тот факт, что половина статьи посвящена освоению Египта англичанами. Именно они построили такие сооружения, которые не смогли создать ни фараоны, ни правители тираны [3, с. 2]. Очевидно, автор статьи идеализирует политику Великобритании, для убедительности приводит точное количество каналов и ирригационных сооружений, использует литературные тропы, например, аллегорию («даже Бог Осирис не смог построить бы это» [3, с. 2].

Затем рассуждается об особенностях России, которая, действительно, похожа на Северную Америку, имеет свою Канаду (Сибирь), Италию (Закавказье), Грецию (Крым), Испанию (Туркестан) [3, с. 2]. Последний пример наиболее примечателен, так как территории Амур-Дарьи также некоторые корреспонденты этой же газеты назовут «Русским Египтом» (см. ниже). Это говорит о том, что в консервативной общественной мысли начала XX в. не было единого мнения по данному вопросу. Журналист М. Меньшиков пишет, что России данные территории предназначены самим Богом. Здесь есть небольшие отличия от британского ориентализма, так как Великобритания больше опиралась на особый исторический путь империи [9, с. 68]. Нигде не упоминается Божественное Провидение. Разумеется, в статье Меньшикова указывается и исторический путь России – восстановить культуру Приамурья, разрушенного завоевателями XIII в. [3, с. 2].

Хочется отметить, что данный корреспондент ранее активно критиковал присутствие англичан в Египте [7, с. 12]

Автор сильно сетует на то, что Российская империя не осваивает экономически пустынные территории, а просто спонсирует местное население. М. Меньшиков отмечает особенную политику государства и сравнивает ее с британской. Журналист считает, что Российская империя должна повторить деятельность англосаксов на присоединенных территориях (Великобритании в Египте; США в Аляске). М. Меньшиков отмечает особый путь взаимодействия славян с Востоком, в качестве примера приводит цитату, которая известна каждому россиянину из сказок: «Быль пир на весь мир и я тамь быль, медь-пиво пиль, по усам текло, а вь ротъ не попало» [3, с. 2]. Редактор осознанно выделил курсивом часть предложения. Этой фразой автор характеризует «несчастное» свойство славянской расы – мягкодушие, сравнивая его с неумением доносить вкусные вещи до рта. М. Меньшиков призывает бороться с этим и брать пример с англичан и американцев. Журналист использует запрещенный прием, задавая риторический вопрос читателям: «Стоило ли тратить кровь народную на завоевание чудных стран, если не использовать этих территорий и бросать в добычу иностранцам». Журналист пугает читателей, что англичане могут залезть и сюда, как залезли совсем недавно в Афганистан. В конце статьи автор открыто обращается к депутатам Государственной Думы, которые находятся в отпуске, с призывами прекратить изнурительную и бесполезную борьбу партий, а заняться не только «Русским Египтом», но и «кавказской Индией» и русской Канадой [3, с. 2]. Приведенные высказывания напрямую коррелируют с идеей Д.В Волкова о цивилизаторской роли Российской империи на Востоке и ее соперничестве в регионе с иностранцами [15, р. 87].

8 октября 1910 г. выходит статья «Запретный край», в которой рассуждается о развитии сельского хозяйства в «русском Египте», которым в данном случае назван Туркестанский край. Окончательно эти территории были присоединены к Российской империи в марте 1876 г. в результате Кокандского похода, возглавляемого М. Д. Скобелевым. В первом абзаце написано, что у данной территории «историческая судьба служить России» [10, с.3]. Эта цитата перекликается с высказываниями А. Бальфура, который считал, что Египет исторически предназначен Великобритании, и сама империя возродила его: «Кромер создал (made) Египет» [14, р. 139]. В статье говорится об умственном превосходстве «русских колонизаторов» (именно этот термин использует автор статьи) над живущими на территории киргизами, которые не понимают, что могут продавать хлопок [10, с. 3]. Похожие мысли можно обнаружить, если обратиться к книге

«Современный Египет» Л. Кромера, английского генерала в оккупированном Египте с 1877 - 1907 гг., он писал, что восточные люди «лишены энергии и инициативы» [13, р. 87], тем самым оправдывая британский колониализм.

Однако и здесь есть отличия от британского ориентализма, русские переселенцы не боятся мусульман, в отличие от англичан. Как писал Э. Саид, ислам, начиная с VII в., вызывал страх у европейцев [9, р. 104]. Английское правительство часто вспоминало о былом величии Древнего Египта, утверждало, что оно будет возвращено при помощи мудрой политики Великобритании, эти территории снова станут центром мировых цивилизаций [9, р. 134-136]. В проекте же «русского Египта» – Туркестана – нет ни слова о великом прошлом этих земель, Россия гарантирует лишь экономический расцвет края [10, с.3]. Как и в первой статье М. Меньшикова, неизвестный журналист сетует, что Россия недостаточно осваивает эти территории, и предостерегает, что все достанется иностранцам, а хуже всего если евреям [3, с. 2]. Стоит отметить, что антисемитские взгляды не были редкостью в то время среди журналистов. Кроме того, автор критикует царское правительство за отсутствие должной поддержки русских переселенцев.

Рассмотренные публикации продемонстрировали, как в российской консервативной мысли воплотились идеи британского ориентализма с его апелляцией к историческому предназначению земель и «цивилизационной миссии» колонизаторов. Вместе с тем, русский подход отличался большей реалистичностью без неосуществимых обещаний возродить былое могущество, а также принципом партнерского взаимодействия с коренным населением, за что критиковался «Новым временем». Однако подобные публикации отражали только часть политического дискурса своего времени, расходясь даже в представлениях о том, какая территория является «Русским Египтом».

Список источников и литературы

1. Кавказ и Египет // Возрождение, 6 мая 1914 г. 5 с.
2. *Кожурин А. Я.* В поисках спасения: консервативная мысль в предреволюционной ситуации // Вестник РХГА. 2018. №4. С. 319-333.
3. Меньшиков М. Русский Египет // Новое Время, 3 августа 1910 г. 2 с.
4. Новое время. 1 января 1906 г. 8 с.
5. Новое время. 13 марта 1881 г. 8 с.
6. Новое время. 16 ноября 1898 г. 12 с.
7. Новое время. 17 августа 1904 г. 14 с.
8. Новое время. 21 сентября 1913 г. 15 с.

9. Саид Э. В. Ориентализм. / пер англ. Лопаткина К. В. М., 2021. 560 с.
10. Станеев А. Запретный край // Новое Время, 21 октября 1910 г. 3 с.
11. Тольц В. С. Собственный Восток России - политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013. 336 с.
12. Тыркова Н. Русские в Египте // Возрождение. 19 марта 1928 г. 4 с.
13. Cromer E. V. Modern Egypt. New York, 1916. 1244 p.
14. Judd D. Balfour and the British Empire: A Study in Imperial Evolution 1874-1932. London: Macmillan, 1968. 392 p.
15. Volkov D. V. Russia's Turn to Persia: Orientalism in Diplomacy and Intelligence. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 314 p.

Для цитирования: Харина Д. А. Проекты «русского Египта» на страницах петербургской газеты «Новое время» в 1910 г. // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 37 – 42.

Реакция прессы США на антикоммунистическую кампанию Джозефа Маккарти (февраль – март 1950 г.)

Аннотация. В статье исследуется роль периодики США в распространении маккартизма в первые месяцы антикоммунистической кампании Джозефа Маккарти в 1950 г. Уделяется особое внимание взаимоотношениям сенатора с журналистами и принципам публикации новостей в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Джозеф Маккарти, американская пресса, 1950г.

Title: The reaction of the US press to Joseph McCarthy's anti-Communist campaign (February-March 1950)

Abstract. This article examines the role of US periodicals in the spread of McCarthyism during the first months of Joseph McCarthy's anti-communist campaign in 1950. Special attention is paid to the senator's relationship with journalists and the principles of publishing news during the period under review.

Key words: Joseph McCarthy, American Press, 1950.

Современные СМИ активно используют понятие маккартизма, описывая внутреннюю политику США и высказывания отдельных лиц, что предопределяет актуальность данного исследования. Часто проводятся параллели между Маккарти и Трампом. «Они оба лгали, оба великолепно понимали, как манипулировать СМИ», - отмечает исследовательница Э. Шрекер [8]. В возведении на политическую и международную арену такого рода демагогов определенную роль играют различные средства массовой информации. Новизна работы заключается в том, что историография этого периода в основном посвящена политической стороне конфликта, социально-экономическим последствиям реакционной политики правительства США. Затрагивая тему СМИ, зачастую вспоминают лишь телеведущего Э. Мерроу, с которым во многом связан закат карьеры Маккарти. По этой причине целью представленной статьи является выявление степени влияния прессы на политический климат в США в начале 1950 г., а также её роли в достижении сенатором от Висконсина национальной известности в краткие сроки. Для этого мы обратимся

Кочеткова, Вероника Евгеньевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st096494@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Смолин, Анатолий Васильевич*, д. ист. наук, проф. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Kochetkova Veronika Evgenievna — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st096494@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Smolin Anatoly Vasilyevich* — Doctor of Historical Sciences, Prof., Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

к наиболее известным и тиражируемым газетам и журналам исследуемого периода: “The Washington Post”, “Star”, “Time”.

Среди современников эпохи маккартизма имеется мнение, что пресса должна взять на себя большую часть вины за начальный этап антикоммунистической кампании сенатора, так как ей не удалось должным образом проинформировать граждан о несостоятельности его обвинений. Так, уже в 1952 г. журналист Д. Кейд дал такую оценку работы СМИ периода «охоты на ведьм»: «Без прессы профессиональные охотники на ведьм зачали бы и вымерли сами» [2, р. 401]. Конкретизируя это заявление, другой американский журналист Э. Бейли писал: «Пресса создала Маккарти в самом начале, в течение месяца после его знаменитой речи в Уилинге» [1, р. 16]. Безусловно, действия СМИ в тот период были важны, потому что именно тогда формировались образы, сохранявшиеся годами. Однако стоит разобраться в этом вопросе подробнее, прежде чем констатировать непрофессиональную работу журналистов и выдвигать её в качестве едва ли не основной причины распространения маккартизма.

Можно выделить несколько факторов, позволивших говорить о недочетах в работе прессы середины XX века. Во-первых, у большинства журналистов не было ни времени, ни исследовательских возможностей, чтобы должным образом оценить многочисленные обвинения сенатора, что подтверждал журналист Р. Ровер [7, р.165-166]. Покрытие проводной связи за пределами столичных центров часто было делом случая. К середине XX в. управление прессой США сосредотачивалось во все меньшем числе рук, а репортажи трёх информационных агентств были источником большинства новостей. На Associated Press (AP) приходилось 75% информации, на United Press (UP) – 16%, International News Service (INS) –5% [1, р. 66]. Только одно AP в 1950 г. имело договоренности о получении сведений из Уилинга. Там, где у Associated Press не было бюро, но местная газета являлась членом кооператива, AP имела эксклюзивный доступ к материалам репортеров о любой местной истории, появившейся в газете. В то же время у UP и у INS не имелось репортажей от корреспондентов о турне сенатора по штатам. Так, журналист Джон Стил, создававший репортажи для UP в 1950-х гг., вспоминал: «Я чувствовал себя в ловушке. Это чувство бессилия было ужасным, мы жили им 24 часа в сутки» [1, р. 67]. Репортеры, вынужденные искать идеи для новых статей каждые несколько часов, часто были в отчаянии, и Маккарти помогал им, «зная, что те всегда нуждались в сюжетах и приберегал для них лакомые кусочки» [6]. Многие из заявлений Маккарти были намеренно рассчитаны так, чтобы они вышли из Вашингтона утром и гарантированно попали в первые выпуски по всей стране.

Определенную роль играли особенности установок журналистов в изучаемую эпоху. В американской журналистике принято проводить четкое разграничение между новостями и мнениями. Редактор “The Star” Бенджамин М. Маккелуэй, понимая роль периодики в формировании политического климата страны, в апреле 1950 г. предостерегал Американскую ассоциацию журналистов от принятия на себя роли «полицейского, судьбы или присяжных» [19, р.4]. Эти традиции «превратились в смирительную рубашку, которая подавляла инициативу репортера» [3, р. 73]. Пресса по сути стала стенографической машинкой, выдававшей за новость всё, что говорит высокопоставленный чиновник. И этот факт был замечен читателями “The Sunday Star” уже в марте 1950 г. в письмах в редакцию газеты: «Хотелось бы оспорить предположение, что любые сенсационные обвинения, выдвинутые любым конгрессменом, являются главной новостью» [15, р. 4].

Заметим, что речь Маккарти 9 февраля 1950 г. на ужине в честь Дня Линкольна в женском республиканском клубе округа Огайо в Уилинге стала предметом большого количества споров и расследований. Заявление Маккарти о «205 коммунистах в правительстве» было охарактеризовано сенатором Уильямом Бентоном как «одно из самых сенсационных за всю историю Америки» [1, р.17]. При этом стоит иметь в виду, что, несмотря на такие заявления о невероятном эффекте речи сенатора в феврале 1950 г., не многие газеты писали о ней в первые дни антикоммунистической кампании сенатора. Так, “The Washington Post” публиковала эту новость только 12 февраля, сухо осветив требования Маккарти дать Сенату доступ к файлам сотрудников Госдепартамента для проверки их деятельности [11, р. 6]. После этого о Маккарти на долгое время забыли, его выступления затерялись среди обсуждений внешней политики, режима Мао Цзэдуна, создания СССР атомной бомбы и т. п. Один из исследователей биографии Маккарти Дж. Гиблин также подтверждает, что поначалу не так много газет обратили внимание на речь в Уилинге, поскольку на мероприятии не присутствовал ни один журналист из широкоэвещательных радиосетей или газет крупных городов. По их мнению, это было бы просто «очередное политическое выступление малоизвестного сенатора, не заслуживающее внимания широкой аудитории» [5, р. 113].

Действительно, Маккарти оставался малоизвестным и после речи в Уилинге. Его турне освещалось лишь небольшими по тиражности региональными газетами. Некоторое внимание на себя он обратил после выступления 11 февраля в Рино, во время которого сенатор передал репортерам копию своей телеграммы президенту Г. Трумэну. Вместо того, чтобы оставить это без внимания или передать ФБР, президент написал ответ:

«Это первый раз в моей практике, когда я когда-либо слышал о сенаторе, пытающемся дискредитировать свое собственное правительство перед всем миром» [9, р. 182]. Хотя письмо президента так и не было отправлено, в газетах появился комментарий сотрудника пресс-службы Госдепартамента Линкольна Уайта: «Мы не знаем ни о каких коммунистах в департаменте, и если мы их найдем, они будут уволены в срочном порядке» [10, р. 8]. Но, как это часто случалось, обвинения Маккарти имели больший вес в прессе, чем опровержения Госдепартамента.

Другим фактором, который подогревал интерес СМИ к кампании Маккарти, стала постоянная смена в его заявлениях количества «коммунистов в правительстве», сенатор также расхвалился в утверждениях, что они члены коммунистической организации или просто лояльные партии. Пресса не обошла вниманием эти постоянно меняющиеся трактовки. С некоторой долей иронии газета “The people’s voice” от 17 февраля написала статью под заголовком «А потом их вообще не было», в которой, тщательно проследив путь заявлений, обратила внимание на эволюцию численности «коммунистов» (от 205 до 57) и подвергла сомнению достоверность приводимых сенатором Маккарти аргументов [13, р.2]. Тогда же газеты начали вести расследования биографии сенатора. Уже 14 февраля “The Washington Post” напечатала статью «Политика канализации», в которой обвинила Маккарти в уклонении от уплаты налогов и в «нечестной игре» [12, р.9]. Это подтвердил и знаменитый журналист Дрю Пирсон в своей колонке, озаглавленной «Обвинения Маккарти терпят неудачу» [14, р. 13]. Пирсон написал около 58 колонок о Маккарти [4] в течение нескольких месяцев после того, как сенатор обвинил Государственный департамент в «нелояльности». Его смелые выражения побудили других журналистов расследовать деятельность Маккарти.

С началом работы подкомитета Сената по расследованию лояльности сотрудников Государственного департамента газеты все чаще предрекали неблагоприятный исход обвинений Маккарти: «В конце концов он повесился на своей собственной веревке, предназначенной им для “красных” в Госдепартаменте» [17, р.2]. Уже сами редакторы настаивали на том, что «Администрация должна рассмотреть обвинения Маккарти мудро и рассудительно», так как они мешают «разработке гибкого подхода к России, который необходим в эти критические времена» [16, р.9]. Наиболее обличающей стала позиция журнала “Time”: «Маккарти превратил в жалкую пародию серьезное дело проверки на лояльность. Его обвинения были настолько бесосновательными, что он не нанес ущерба ни одной репутации, кроме своей собственной» [18, р.20]. С конца марта “Time”

выделил специальную колонку “Investigations” для еженедельного разбора слушаний подкомитета, которая прочно заняла первые страницы издания.

Стоит отметить освещение кампании Маккарти в “The Washington Post”, которое было, вероятно, одним из лучших в стране благодаря точным карикатурам Г. Блока, передовым статьям А. Барта, А. Френдли и М. Мардера. Их материал представлял собой точное и адекватное объяснение событий, для чего газета выделяла две колонки: одна была краткой и полностью основанной на фактах, другая – авторская интерпретация. Некоторые издания поддержали этот формат: в газете “The Evening Star” объяснения переносились на следующие страницы в колонки под названием “Communists”, а в “Atlanta Constitution” - “Reds”. И хотя некоторые считали, что таким образом они преувеличивают важность сенатора, А. Френдли объяснял: «Не было другого способа обеспечить такое освещение произошедшего, которое позволило бы читателю самому определить истину» [1, p. 148-149]. Уже с марта 1950 г. “The Washington Post” посвящала Маккарти более четырех колонок в день, поскольку начались слушания в подкомитете Тайдингса. Медленно включалась в расследования газета “New York Post”, которая практически не освещала первые две недели кампании. Но с 8 марта, с началом слушаний в Вашингтоне, она систематически публиковала критические колонки, карикатуры и редакционные материалы. Следует также упомянуть о газете “Capital Times” из Мэдисона. Она в 1946 г. выступала против выдвижения его кандидатуры в Сенат, а в 1949 Маккарти назвал коммунистом редактора газеты Уильяма Эвджью. За первый месяц после речи в Уилинге “Capital Times” опубликовал 10 передовых статей с критикой Маккарти [1, p.49]. Бейли также выделяет “Milwaukee Journal”, “New York Post” и “New York Times”, как газеты, выпустившие несколько критических статей в первый месяц после Уилинга [1, p.50].

Таким образом, представление об аморфном состоянии общества и прессы можно опровергнуть, изучив периодику за первые месяцы 1950 г. Утверждения, подобные тем, что газеты не могли обеспечить преемственность в новостных сюжетах, не содержали редакционных примечаний или анализа, также подвергаются сомнению. Журналисты в смелых выражениях с первых недель «охоты на ведьм» стремились наиболее объективно и детально отразить положение дел, проводили собственные расследования обвинений Маккарти и обстановки дел в Госдепартаменте. Наиболее эффективными в этом деле стали такие обозреватели, как Дрю Пирсон, Эдвард Олсен, Уильям Эвджью, Алан Барт, Альберт Френдли.

Несомненно, без помощи прессы имя сенатора от Висконсина, скорее всего, не превратилось в нарицательное для всего периода. Тем не менее, будет ошибочно характеризовать состояние всей прессы, как манипулируемый Маккарти инструмент. Учитывая политический климат того времени вряд ли СМИ могли кардинально повлиять на разоблачение обвинений Маккарти. Сенатор приобрел известность скорее не из-за аморфности прессы, а из-за бездействия политиков. Основная масса последних предпочли быть зрителями происходящих событий, опасаясь непредсказуемого поведения Маккарти, что могло повлиять на их авторитет, особенно в год выборов.

Список источников и литературы

1. *Bayley E.* Joe McCarthy and the Press. The University of Wisconsin Press, Madison, 1981. 270 p.
2. *Cade D.* Witch-Hunting, 1952: The Role of the Press. *Journalism Quarterly*, Vol.29. No 4. Fall 1952. p. 396 – 407
3. *Cater D.* The Fourth Branch of Government. Boston, 1959. 203 p.
4. *Drew Pearson vs. Joe McCarthy: The Unmaking of the Modern American Demagogue* [Электронный ресурс] / URL: <https://niemanreports.org/articles/drew-pearson-vs-joe-mccarthy-demagogue/> (дата обращения: 06.15.2023)
5. *Giblin J.C.* The Rise and Fall of Senator Joe McCarthy. Clarion books. New York. 2009. 304 p.
6. *Hauzer K.* McCarthy and the press [Электронный ресурс] / URL: https://ruj.uj.edu.pl/xmlui/bitstream/handle/item/165710/hauzer_mccarthy_and_the_press_2005.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 06.15.2023)
7. *Rovere R.* Senator Joe McCarthy. New York, Harcourt Brace, 1959. 288 p.
8. *Trumpism Is the New McCarthyism* / *The Nation*, May 21, 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.thenation.com/article/archive/trumpism-is-the-new-mccarthyism/> (дата обращения: 06.15.2023)
9. *Tye L.* Demagogue: The Life and Long Shadow of Senator Joe McCarthy. Boston, 2020. 608 p.
10. “The Atlanta Constitution February” 12, 1950.
11. “The Washington Post” February 12, 1950.
12. “The Washington Post” February 14, 1950.
13. “The people's voice” February 17, 1950.
14. “The Washington Post” February 18, 1950.
15. “The Sunday Star” March 19, 1950.
16. “The Evening Star” March 22, 1950.
17. “The Potters Herald” March 23, 1950.
18. “Time” March 27, 1950.
19. “The Evening Star” April 20, 1950.

Для цитирования: Кочеткова В. Е. Реакция прессы США на антикоммунистическую кампанию Джозефа Маккарти (февраль – март 1950 г.) // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 43 – 49.

«Диктатор или демократ?»: Шарль де Голль в обозрении американской периодической печати в 1958-1959 годах

Аннотация. В исследовании будет рассмотрен процесс формирования образа Шарля де Голля в американской прессе за 1958-1959 годы на примере газеты The New York Times и региональных изданий – St. Paul recorder и The Farmville herald – в период формирования режима Пятой Республики во Франции. Задачами являются анализ газет, выявление материалов про де Голля и причин подобного его освещения. В статье автор придёт к выводу, что в региональной и федеральной печати будут найдены как и точки соприкосновения насчёт формирования образа генерала, так и разночтения в рамках оценочных суждений о личности Шарля де Голля и его политике в исследуемый период.

Ключевые слова. Шарль де Голль; Пятая Республика; пресса; The New York Times; Алжирская война.

Title: "Dictator or Democrat?": Charles de Gaulle in the review of the American periodical press in 1958-1959

Annotation. The study will examine the process of forming the image of Charles de Gaulle in the American press in 1958-1959, using the example of The New York Times and regional publications – St. Paul recorder and The Farmville herald – during the formation of the regime of the Fifth Republic in France. The tasks are to analyze newspapers, identify materials about de Gaulle and the reasons for such coverage. In the article, the author comes to the conclusion that in the regional and federal press there will be found both points of contact about the formation of the image of the general, and discrepancies in the framework of value judgments about the personality of Charles de Gaulle and his policies during the period under study.

Keywords. Charles de Gaulle; The Fifth Republic; the press; The New York Times; The Algerian War.

Проблематика научной работы лежит в освещении образа и деятельности де Голля в периодических изданиях с разными точками зрения на его президентство, являвшиеся таковыми из-за особенностей внутренней и внешней политики де Голля. Актуальность работы заключается в освещении образа и деятельности де Голля в прессе в первые годы его президенства в видении американской прессы. Единства в том, диктатор

Стрелков, Даниил Дмитриевич – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. st108107@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Демичева, Таисия Максимовна* – канд. ист. наук, стар. преп. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Strelkov, Daniil Dmitrievich – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. st108107@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Demicheva, Taisiya Maksimovna* – PhD in History, Senior lecturer. St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

генерал или нет, не было: только 30% опрошенного населения США в 1990 году видело в нём автократа, 14% – демократа, а 42% считали его просто главой стабильного режима [7, p. 501].

Отечественная историография не содержит работ, посвящённых освещению образа де Голля в прессе в первые годы его президентства, однако можно отметить работы М. Ц. Арзаканян, И. А. Колоскова и В. С. Шилова, а также статью А. Д. Возной «Формирование образа Ш. де Голля в американской прессе (январь – ноябрь 1943 года)», помогающую изучить изменение образа генерала в прессе после Второй Мировой. Зарубежная историография сталкивается с той же проблемой, но стоит отметить статью Давида Гардинье «Американская политика де Голля (1958-1960) в видении американской прессы» и монографию Ирвина Уолла «Франция, Соединённые Штаты и Алжирская война».

Наше исследование построено на таких источниках, как газеты, выходявшие в США в исследуемый период. Федеральное издание «The New York Times» являлось рупором Демократической партии, однако в её материалах была представлена линия на отстаивание национальных интересов. St Paul recorder из Миннесоты – издание чёрного меньшинства, ещё не добившегося полных политических прав, тогда как The Farmville herald из Вирджинии – издание белого среднего класса юга страны. Оба региональных издания ввиду своей направленности на аудиторию находились в оппозиции к общественному мнению в своих штатах, в связи с чем они были выбраны для рассмотрения.

Таким образом, задача исследования будет состоять в изучении образа де Голля в периодической печати США и в выявлении точек соприкосновения между публикациями о генерале в исследуемых изданиях.

В Соединённых Штатах Америки ожидали коллапса политической системы Четвёртой республики во Франции [21, p. 9], однако руководство этой страны имело противоречивое отношение к возвращению во власть де Голля [4, с. 16-17]. Оно знало о его непредсказуемом характере, проявившимся в ходе Второй мировой войны [2, с. 188]: он ещё тогда не сразу смог вызвать положительный отклик американской прессы [2, с. 192], однако к её концу он был представлен в материалах федеральной газет как фигура, равная Рузвельту и Черчиллю – из-за этих факторов мог вырисовываться образ если не диктатора, то автократа.

Региональная американская пресса уделила своё внимание политике генерала, но с разных позиций. В Миннесоте в St. Paul recorder за весь период нашего исследования вышло 17 материалов о генерале – одна полноценная статья и 16 заметок: статья была посвящена приходу де Голля к власти, а заметки его деятельности в Алжире, в Африке и отношениям с

НАТО. В Вирджинии в *The Farmville herald* за весь период исследования вышло две полноценные статьи и 23 заметки, в основном посвящённые, как и в Миннесоте, внешней политике генерала.

В *St. Paul recorder* летом 1958 года вышла статья Виктора Ройтера «Де Голль – диктатор или демократ?», в которой автор отметил: «Текст законопроекта о внесении поправок в конституцию... не содержит, на первый взгляд, никаких оснований для диктатуры, а скорее средства исправления фатальных недостатков французской конституции путём включения положений, по существу аналогичных тем, что вошли в американскую конституцию и сделали её такой работоспособной» [8, р. 2]. Автор, несмотря на личный авторитарный характер генерала [1, с. 38], не считает его потенциальным узурпатором власти во Франции.

В конце июня 1958 года в *The Farmville herald* там вышла статья Эдварда Симса «Приход к власти де Голля», в которой говорилось следующее: «Пожалуй, самым впечатляющим для американцев был тот факт... что так много французов равнодушно восприняли крах Четвертой республики... В Америке такой поворот событий был бы воспринят гораздо более мрачно и с гораздо большим самоанализом» [9, р. 5]. При этой оценке автор всё равно связывает с де Голлем «надежды на стабилизацию политики во Франции».

В октябре в *The Farmville herald* вышла заметка Паркера Бэбсона «Известные ‘Сто дней’», в которой де Голль вместе с Мао Цзэдуном, Никитой Хрущёвым представлен как «отрицающий праведность, братскую любовь и духовную жизнь в своей жажде временной, материальной власти» лидер, сравнимый с Наполеоном ввиду «безумия от власти» и «наличия атомной бомбы» [10, р. 4].

Вплоть до сентября 1959 года публикации в *St. Paul recorder* о де Голле носили отрывочный характер: это были короткие сводки о произошедших с генералом событиях, в основном об Африке и процессе её деколонизации, таких как выходы Гвинеи из состава страны, создание Французского Сообщества и Федерации Мали. В *The Farmville herald* в заметке от 20 октября 1959 года говорится о «полной свободе действий генерала в попытке урегулировать продолжающееся пять лет алжирское восстание» [11, р. 4].

В декабре 1959 года в *The Farmville herald* публикуется заметка о межгосударственной встрече в Коломбэ глав стран-участник НАТО. В ней пишется о призыве президента США Эйзенхауэра «уступить в несогласии об объединении вооружённых сил Франции с силами других стран» и несогласии де Голля на такой шаг [12, р. 1].

В целом, в региональной прессе к фигуре де Голля отнеслись по-разному, в виду политической направленности каждого издания. К тому же, зачастую статьи содержали в себе мало характеризующего генерала материала. Однако они показывают, что ярко выраженный интерес в регионах Америки к персоне генерала присутствовал, пусть и маленький.

Федеральная пресса имела свой взгляд на политику де Голля. Особо выделялось издание The New York Times. В статьях мнения о нём разнятся: так, обозреватель издания Роберт Доти отмечал, что де Голль собрал в своём новом премьерском кабинете как многих ранее оппозиционно настроенных к нему политиков [14, р. 4], таких как Пьер Пфлимлен, так и голлистских «радикалов» в лице Жака Сустеля, что можно обосновать стремлениями де Голля лавировать между демократическими и ультраколониалистскими лагерями в отношении алжирской проблемы в самом начале своего правления [5, с.22]. Но в то же время другой обозреватель газеты, Дрю Миддлтон, указывал, что генерал ещё со времён Второй Мировой войны - фигура властная, суровая и чрезмерно эгоцентричная, но он больше походит на аристократа, чем на автократа [13, р. 12].

В день президентских выборов 21 декабря 1958 года в газете отмечалось, что де Голль «занимает пост, который был создан специально для него» [17, р. 1]. Генерал, как писали в газете, стал первым после Наполеона III лидером, легальным образом сосредоточившим в своих руках огромное количество власти – причём с огромной народной поддержкой [18, р. 1]. Как отмечал сам генерал, что «если Франция из своих глубин и на этот раз вновь» призвала его «стать её руководителем», то «он это чувствовал» [3, с. 39].

Новый виток освещения генерала в газете случился после заявления де Голля от 16 сентября 1959 года о возможности Алжиру самостоятельно решать своё политическое будущее: в редакции отметили, что де Голль совершил «историческое событие», «первым из французских лидеров пойдя на предоставление Алжиру независимости» [19, р. 10].

При освещении образа де Голля затрагивалась его внешнеполитическая деятельность. Генерал стремился к созданию «Большой Европы, объединённой общими ценностями и интересами». Шагами на пути к этому он видел уменьшения присутствия НАТО на европейском континенте и равноправное партнёрство Европы с США. В статье «Де Голль за западное единство», вышедшей после встречи генерала с канцлером Аденауэром в Коломбе 14 и 15 сентября 1958 года, отмечалось, что генерал «превращается в федералиста мирового масштаба», указывая на его стремление организовать сотрудничество между «как можно большим числом европейских государств» [16, р. 26].

На переговорах в Коломбэ в декабре 1959 года репортёры отмечали, что президенту США Эйзенхауэру не удалось из-за непреклонности главы французского государства убедить того в необходимости сохранения интеграции военно-воздушных сил под общим командованием НАТО [20, р. 24].

The New York Times оказалась одной из немногих американских федеральных газет, которая много времени уделяла французской политике в Африке в начальный период правления де Голля [6, р. 116]. Де Голль руководствовался при переговорах с африканцами принципом поддержки с их стороны новой конституции. Широкий характер предложения де Голля застал лидеров националистов врасплох [6, р. 123], и в боязни потерять поддержку от метрополии многие поддержали 28 сентября 1958 года новую конституцию. Но в The New York Times высказывались сомнения в его способности надолго отложить независимость колоний через Французское Сообщество [6, р. 130]. Однако редакция была склонна поддерживать политику генерала в отношении деколонизации.

В The New York Times описывались многие аспекты деятельности генерала, а большой тираж издания позволял донести до читателей более подробную и более структурированную мысль, чем региональная пресса. В определённых моментах газета выражала поддержку проводимой де Голлем политике в нескольких аспектах, таких как его политика во французских владениях в Африке, однако в моментах, которые сопрягаются с внешней политикой Соединённых Штатов, он предстаёт как трудный, но значимый партнёр, не часто считающийся с интересами США. Несмотря на это освещение, генерал не становился центральной фигурой выпусков – ему не отводилась большая роль в публикуемых материалах: свой «звёздный час» генерал поймал только в 1966 году, когда им было решено вывести Францию из военной структуры НАТО [7, р. 499]. В основном материалы о де Голле выносились только под конец первой трети выпуска.

В The New York Times старались не называть де Голля диктатором в виду возможного репутационного удара, тогда как в региональных изданиях ситуация была обратной, но в региональной и федеральной печати присутствует позиция на описание генерала как сложного, но уважающего США политического партнёра. В каждом СМИ признавалась логичность и разумность пребывания де Голля на своём посту при огромной народной поддержке. Несмотря на наличие в регионах своих органов печати, общественное мнение о генерале формировалось в американском сознании при помощи федеральной прессы. Избранные категории освещения – вну-

тренняя политика – путь де Голля к власти – и внешняя – Алжир, Африка и отношения с НАТО – и их итоги позволяли прессе делать вывод о том, что де Голль не был сторонником диктатуры. Поэтому образ генерала как диктатора не укрепился в американском обществе, однако в период 1958-1959 годов начинают виднеться тенденции к одностороннему его освещению в будущем.

Список использованных источников и литературы

1. Арзаканян М. Ц. Генерал де Голль на пути к власти. М., 2001. 216 с.
2. Возная А. Д. Формирование образа Ш. де Голля в американской прессе (январь – ноябрь 1943 года) // Новая и новейшая история, 2017. No2. С. 184-192.
3. Голль Шарль де. Мемуары надежд: Обновление. 1958–1962; Усилия. 1962. – Москва, 2000. 339 с.
4. Колосков И.А. Внешняя политика Пятой республики: Эволюция основных направлений и тенденций, 1958–1972гг. М., 1976. 303 с.
5. Шилов В.С. Политические партии и внешняя политика Франции (1958 – 1969). – Москва: Наука, 1977. – 303 с.
6. Gardinier D. France's African Policy under De Gaulle (1958–1960) as Seen in the American Press. Proceedings of the Meeting of the French Colonial Historical Society. 1993. Vol. 17. No17. PP. 115–131.
7. Lowi T. J., Martin A. S. Conditional Surrender: Charles de Gaulle and American Opinion. PS: Political Science and Politics. 1992. Vol. 25. No 3. PP. 498–506.
8. St. Paul Recorder. – № 51. – 18.07.1958.
9. The Farmville herald. – № 77. – 27.06.1958.
10. The Farmville herald. – № 19. – 28.10.1958.
11. The Farmville herald. – № 8. – 20.10.1959.
12. The Farmville herald. – № 26. – 22.12.1959.
13. The New York Times. – № 36565. – 03.06.1958.
14. The New York Times. – № 36657. – 05.06.1958.
15. The New York Times. – № 36739. – 28.08.1958.
16. The New York Times. – № 36760. – 16.09.1958.
17. The New York Times. – № 36587. – 22.12.1958.
18. The New York Times. – № 36875. – 09.01.1959.
19. The New York Times. – № 37126. – 17.09.1959.
20. The New York Times. – № 37220. – 20.12.1959.
21. Wall I. M. France, the United States, and the Algerian War. Berkeley etc. University of California press. 2001. 335 p.

Для цитирования: Стрелков Д. Д. «Диктатор или демократ?»: Шарль де Голль в обозрении американской периодической печати в 1958-1959 годах // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 50 – 55.

СЕКЦИЯ. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА

Гелен Евгения Валерьевна

Советская и немецкая пропаганды в области сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Ленинградской области)

Аннотация. Данная статья представляет собой анализ советской и немецкой пропаганды в области сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – ее роли в информационном противостоянии тех лет, масштабах и формах. Географические рамки данного исследования ограничены районами Ленинградской области, оказавшимися под немецкой оккупацией. Источниками для данной статьи послужили издания как немецкой-фашистских, так и советских газет, материалы немецких оккупационных властей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг.; немецкая пропаганда; советская пропаганда; Й. Геббельс; сельское хозяйство.

Title: The Soviet and German propaganda in the sphere of agriculture in the years of the Great Patriotic War 1941-1945 (on the materials of the Leningrad region)

Abstracts: This article is an analysis of Soviet and German propaganda in the sphere of agriculture during the Great Patriotic War 1941-1945 - its role in the information confrontation of those years, scale and forms. The geographical scope of this research is limited to the districts of the Leningrad region that were under German occupation. The sources for this article were publications of both German-fascist and Soviet newspapers and materials of German occupation administration.

Keywords: Great Patriotic War 1941-1945; German propaganda; Soviet propaganda; J. Goebbels; agriculture.

«Пропаганда должна вестись как можно более метко и тем самым успешно, так как в войну самым гуманным методом является тот, который быстрее всего достигает своей цели», – записал офицер Вермахта, журналист и бывший имперский чиновник В. фон Офен. Он опубликовал

Гелен, Евгения Валерьевна – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st102738@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Ходяков, Михаил Викторович* — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; Gelen, Evgeniya Valeryevna – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st102738@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Khodyakov, Mikhail Viktorovich* — Dr. Sc. in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia;

список принципов пропаганды, которым руководствовалось министерство народного просвещения и пропаганды, возглавляемое его начальником, рейхсминистром Й. Геббельсом [15, с. 152–153].

В этом небольшом списке принципов агитации, которыми на протяжении 1930–40-х гг. пользовался Й. Геббельс, содержится вся суть немецкой пропагандистской машины в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг., которая до сих пор осталась непревзойденной ни по масштабам лжи, ни по числу людей, которые оказались подвержены ее губительному влиянию.

Проблема информационной войны, развернувшейся в 1941–1945 гг. на территории Советского Союза, в течение длительного периода находится в центре исследований как отечественных, так и зарубежных ученых. На данный момент был опубликован ряд работ, затрагивающих как общие моменты проблематики данного вопроса [1], так и более узкие, например, территориальную специфику пропаганды [2].

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. перед министерством народного просвещения и пропаганды Германии стоял исключительно важный вопрос о том, как путем агитации облегчить оккупацию советских территорий и убедить население в «спасительном для них приходе немецкой армии», тем самым мотивируя местных жителей переходить на сторону германских войск и всеми силами помогать им в борьбе с «игом большевизма».

Немцами использовались всевозможные способы настроить граждан СССР против их руководства – массово печатались пропагандистские газеты, листовки, снимались кинофильмы «о счастливой жизни советских граждан, работающих на территории Германии» и пр.

Во многом такая массовая пропаганда давала свои плоды – часть населения начинала коллаборировать, другая часть – сомневаться в силах Красной Армии и тезисах, которые, в свою очередь, звучали уже в советской пропаганде: об истинных целях Германии, о зверствах, творимых немецкими войсками на захваченных советских территориях и т.д.

В первую очередь немецкие пропагандисты стремились выдумать и предоставить местному населению как Ленинградской области, так и иных занятых германской армией территорий Советского Союза, в своих листовках, газетах и др. вариантах бумажных носителей ту жизнь, которая начнется у советского крестьянства после их прихода. «Геббельсовская пропаганда» твердила об освобождении крестьянства от «ига жидо-большевизма», которое поработило его, заставило трудиться в колхозах, отобрало землю и свободу. В незначительной степени это соответствовало реалиям жизни советского крестьянства – часть населения действительно

пострадала от руководства Советского Союза, которое в 1930-х гг. начало программу коллективизации, и многие крестьяне мечтали об уничтожении колхозов, введении частного землепользования и пр. [3, с. 142]

В одном из боевых листовок «Лучшие люди нейтральных стран находятся в современной великой освободительной войне на стороне трудящихся русского народа» приводилась статья под авторством шведского ученого и исследователя Азии С. Гедина: «...с глубокой радостью будут встречать освободителей [прим. – речь идет о советских крестьянах], которые возвратят им землю и двор и научат их искусству рационального ведения сельского хозяйства» [8, л. 29].

В агитационных листовках указывались все положительные черты новой жизни без советской власти – уничтожение колхозной системы, раздача земли в частное пользование, отсутствие налогов на приусадебную территорию, отказ от «восстановления помещиков», передача дополнительных участков земли за качественную работу и многое др. [8, л. 8] Так, в газете «За Родину», выходившую в г. Дно, от 4 декабря 1942 г. указывалось: «Одним из мероприятий в строительстве новой жизни является восстановление частной собственности, возрождение личной инициативы. Речь идет не о восстановлении капитализма, не о возвращении помещика эксплуататора, как лгут большевики» [11, л. 1].

Й. Геббельс считал, что в любой пропаганде должна быть крупица правды – какой-либо общеизвестный факт, дающий уверенность в том, что и вся остальная информация, представляемая в газете или радиопрограмме, является если не истиной, то хотя бы чем-то близким к реальному положению дел. Поэтому надежды на действительное освобождение, восстановление частной собственности и пр., были не такими безосновательными – весной 1942 г. были уничтожены колхозы, земля была распределена между крестьянством в рамках т.н. «Земельной реформы» [14, л. 4об–5].

Немецкие власти объявляли себя «освободителями», при этом практически сразу переходя от описаний «счастливой жизни», которая вскоре начнется у советского крестьянства, к призывам действовать: «Важнейшим является в настоящий момент уборка хлеба и зимний посев» [9, л. 8].

Пропаганда велась в первую очередь путем распространения агитационных газет и листовок. Во многих населенных пунктах Ленинградской области в магазинах открывалась торговля газетами, журналами, книгами и пр. литературой, о чем сообщалось местными немецкими военными властями. Так, например, в пос. Сиверский, Гатчинского района, для жителей поселка и его окрестностей было вывешено объявление об открытии торговли печатной литературой, основная суть которого своди-

лась к призыву снабжать литературой друг друга по принципу «приехал – купил газеты для себя и для соседей» [5, л. 1].

Другим методом немецкой пропаганды стало использование «личного опыта» граждан Советского Союза, которые добровольно или принудительно отправлялись на работу в Германию. Так, в г. Красное Село было опубликовано письмо из Германии двух бывших работниц Гвоздильной мастерской к своим бывшим товарищам по работе, в которых описывалась их жизнь в «стране-освободительнице». Однако, в письме было указано о превышении стандартных норм рабочего дня – девушки писали о том, что им приходится работать по 12 часов в день, на что в конце письма была сделана приписка от местной комендатуры о том, что информация была передана неверно и указанное время – это период от пробуждения до сна [6, л. 38].

Однако, вскоре надежды на «освободительный» характер политики немцев в области экономики на оккупированных территориях СССР исчезли. Продолжая свою пропагандистскую деятельность и обещая, что «не будет восстановления помещичества и капитализма», германские военные власти облагали местное население значительными налогами, отбирали скот, орудия труда и пр., тем самым ставя крестьянство в затруднительное положение.

Такая политика в области экономики со стороны «освободителей» не могла не вызвать недоумение и вопросы к немцам. Однако, нахождение в тылу врага и отсутствие значительного числа сведений о реальной обстановке на фронте в условиях массированных пропагандистских кампаний министерства просвещения Й. Геббельса сохраняло в населении некоторую веру в заверения оккупантов [4].

В свою очередь, советская пропаганда также вела активную пропагандистскую деятельность на оккупированных территориях. Многие образцы прессы того периода печатались подпольно в условиях отсутствия тех или иных технических приспособлений, так, например, в связи с отсутствием нужных букв использовались различные аналоги: буква «к» заменялась латинским аналогом «k», буква «ь» могла заменяться перевернутой буквой «p» и т.д.

В области сельского хозяйства одной из важнейших задач советского правительства было сохранение ресурсов оккупированных территорий и препятствие снабжению за счет этих районов армий противника.

В первую очередь советская пропаганда стремилась продемонстрировать истинное лицо немецких захватчиков – показать, что те несут не освобождение для советских крестьян, не заботятся об их благополучии, а стремятся за счет ресурсов Советского Союза снабжать своих солдат и

офицеров, а также в целом население Германии, находящейся в тяжелой экономической ситуации.

В одном из выпусков газеты «За колхозы», органа Осьминского райкома ВКП(б), от 11 июля 1942 г. в рубрике «Грабить так подчистую» в качестве доказательства истинных планов немецкого командования относительно использования ресурсов оккупированных районов СССР указывался приказ германского генерала фон Рейхенау: «Снабжение питанием местных жителей и военнослужащих является ненужной гуманностью. Все, в чем Отечество отказывает себе, солдат не должен оставлять врагу» [10, л. 1об].

В советской пропаганде ставились одни из важнейших и эффективнейших тезисов – говорилось о желании немцев вернуть крепостное право («Барин вернулся», статья из газеты «Правда»), сделать советских крестьян рабами. В газетах тех лет закрепилось понятие «Немецкая грабь-армия» [13, л. 3], которое ярко отражало истинные цели Германии в войне против Советского Союза.

Кроме того, использовались и многие другие определения для немецких оккупационных властей – «нечисть» [12, л. 5], «прохвосты», «звери-фашисты, «людоеды», «погань», «душегубы» и пр., которые соответствовали действительному поведению захватчиков [13, л. 5,10].

Основной формой пропаганды стал призыв к сопротивлению немецким оккупационным властям. В газете «Крестьянская правда» от 18 апреля 1942 г. была опубликована статья «Сейте только для себя», в которой звучал призыв саботировать приказы германских властей и оказывать им вооруженное сопротивление: «Немецкое командование хочет накормить свою проголодавшуюся грабь-армию на нашей земле руками нашего народа. Не выполняйте распоряжений немецких начальников, срывайте посевную кампанию, не поддавайтесь очередным манипуляциям фашистов... Не давайте им ни крошки хлеба, пусть онидохнут с голода... Не хлеб врагу, а вилы в бок, топором или ломом по черепу, пулю в затылок» [9, л. 1об]. В выпусках той же газеты от 10 мая и 22 сентября 1942 г. опубликованы статьи под следующими заголовками: «Что несут помещики крестьянам» (которая рассказывала о двух германских баронах, разграблявших имущество местных жителей), «Собирайте и прячьте урожай», «Не давайте себя грабить» и др. [9, л. 2об, 11–11об]

Одной из форм пропаганды в те годы стала иронизация над противником, так писались стихотворения, сочинялись частушки, которые высмеивали немецких захватчиков. В одном из номеров газеты «Правда» от 4 октября 1941 г. было опубликовано несколько стихотворений-частушек, одно из которых носило название «Как немецкий генерал поросенка

отбирал». В нем высмеивалась неудачная попытка немецкого генерала отобрать поросят у местного населения, которая для немца закончилась фатально [7, л. 4об].

В другом выпуске «Правды» от 17 сентября 1941 г. было опубликовано стихотворение:

«Слушай, что говорит страна!

Не давай фашисту ни зерна!

Грабеж и разбой врагам не прости,

Мсти!» [7, л. 1об].

Таким образом, и немецкая, и советская пропаганды в годы оккупации Ленинградской области 1941–1944 гг. развернули активную просветительскую деятельность среди населения данной территории. Несмотря на эффективность пропагандистских заявлений министерства народного просвещения Й. Геббельса, умение подобрать нужные слова и затронуть волнующие многих советских крестьян проблемы, реальное положение дел не дали возможности германской пропагандистской машине убедить местное население в «освободительной миссии» немецких войск. Советская же пропаганда, которая, в свою очередь, приводила в подтверждение озвучивавшиеся в газетах и листовках тезисов факты, отражала действительное положение дел и имела большой успех среди населения.

Список использованных источников и литературы

1. Козлов Н.Д. С волей к победе: пропаганда и обывденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2002.
2. Кохан А.А. Немецкие пропагандистские мероприятия в Крыму в ноябре 1941 – сентябре 1942 гг. // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2016. № 1. С. 8.
3. Сеницын Ф.Л. Политика укрепления русского и советского патриотизма как инструмент сплочения советского народа в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.) // Информационная безопасность регионов. 2012. №2. С. 141–146.
4. Пирожкова В. Потерянное поколение / Пирожкова В. [Электронный ресурс] // Рулит: [сайт]. URL: <https://www.rulit.me/books/poteryannoe-pokolenie-vospominaniya-o-detstve-i-yunosti-read-636934-1.html> (дата обращения: 28.09.2023).
5. ЦГА СПб. Ф. 3355. Оп. 4. Д. 233.
6. ЦГА СПб. Ф. 3355. Оп. 5. Д. 170.
7. ЦГАИПД СПб. Ф. Р116-Л. Оп. 9. Д. 78.
8. ЦГАИПД СПб. Ф. Р116-Л. Оп. 9. Д. 135.
9. ЦГАИПД СПб. Ф. Р116-Л. Оп. 9. Д. 512.
10. ЦГАИПД СПб. Ф. Р116-Л. Оп. 9. Д. 530.
11. ЦГАИПД СПб. Ф. Р116-Л. Оп. 9. Д. 650.

12. ЦГАИПД СПб. Ф. Р116-Л. Оп. 9. Д. 1700.
13. ЦГАИПД СПб. Ф. Р116-Л. Оп. 9. Д. 1744.
14. ЦГАИПД СПб. Ф. Р116-Л. Оп. 12. Д. 146.
15. Эйдельман Т.Н. Как работает пропаганда. М., 2018. *(Настоящий материал (информация) произведен и (или) распространен иностранным агентом Татьяной Натановной Эйдельман, либо касается деятельности иностранного агента Татьяны Натановны Эйдельман.)*

Для цитирования: Гелен Е. В. Советская и немецкая пропаганды в области сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Ленинградской области) // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 56 – 62.

Алешко Галина Александровна

Экскурсионный метод в советской школьной программе: Петроградская Экскурсионная Конференция 1923 г.

Аннотация. В статье рассматривается одна из малоисследованных проблем становления экскурсионного дела в СССР в 1920-х годах: место экскурсионного метода в школьной программе. Этот сюжет ещё не становился предметом научных исследований. Статья дополняет имеющуюся информацию с помощью подробного анализа малоизученных материалов Петроградской Экскурсионной Конференции 1923 г. и раскрывает потенциал дальнейшего исследования темы.

Ключевые слова: экскурсионное дело; Петроградская Экскурсионная Конференция 1923 г.; школьная программа.

Title: Excursion in Soviet school curriculum: the 1923 Petrograd Conference on Excursionism.

Abstract. The article is dedicated to an insufficiently studied problem of the formation of excursionism in the USSR in 1920-s, a place of excursion in school curriculum. It has not been a subject of scientific research yet. This article complements current knowledge of the topic with thorough analysis of the conference materials of the 1923 Petrograd Conference on Excursionism. It also reveals the need of further research into the problem.

Key words: excursionism; the 1923 Petrograd Conference on Excursionism; school curriculum.

Одной из приоритетных задач для большевиков после прихода к власти была идейно-просветительская. Она реализовывалась в том числе с помощью экскурсионного дела.

В первой половине 1920-х гг. экскурсионное дело активно формировалось методологически, на короткий промежуток времени (1921-1924 гг.) были открыты два экскурсионных института. С годами экскурсионная работа всё более бюрократизировалась и идеологизировалась. На

Алешко, Галина Александровна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st085695@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Коцюбинский, Даниил Александрович*, канд. ист. наук, Европейский университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия.

Aleshko, Galina Alexandrovna — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st085695@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Kotsiubinsky, Daniel Alexandrovich*, Candidate of Historical Sciences, Research Fellow of European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia.

рубеже 1920-1930-х гг. экскурсии были подвергнуты критике и заменены туризмом .

Отечественные исследователи обратили внимание на экскурсионное дело 1917-1920-х гг. уже в постсоветский период. Были теоретически реконструированы схемы государственных органов, ответственных за экскурсионную работу, исследованы деятельность отдельных экскурсионных учреждений и наследие некоторых экскурсионистов (практиков и теоретиков экскурсионного дела). Однако, недостаточно разработанные вопросы всё ещё остаются.

Также неизученным или малоизученным оказывается ряд исторических источников, в том числе материалы Петроградской Экскурсионной Конференции 1923 г. (далее — ПЭК), проходившей 10-12 марта в Петрограде. Она собрала 735 человек из двух главных центров экскурсионного дела (Петрограда и Москвы) и губерний. Участие в работе ПЭК приняли наиболее видные работники экскурсионного дела — Б. Е. Райков (председатель ПЭК), И. М. Гревс, Н. П. Анциферов, А. Я. Закс, Н. А. Гейнике, Э. В. Краснуха [4, с 93-94].

Информация о ПЭК, содержащаяся в научных работах, часто черпается из кратких сведений о ней [5, с. 61; 7, с. 252-253 и др.], опубликованных в Бюллетене Второй Петроградской экскурсионной конференции, в книге по материалам ПЭК «Экскурсионный метод в просветительной работе». Иногда обозначаются рассматривавшиеся на ПЭК проблемы, однако ни одна из них не была научно проанализирована. Анализ материалов ПЭК присутствует только в диссертации К. М. Писцова [6, с. 103-105], но и в ней рассматривается лишь содержание резолюций ПЭК.

Основным источником для настоящей статьи стала книга «Вопросы экскурсионного дела : по данным Петроградской экскурсионной конференции, 10-12 марта 1923 г.» Только в ней были зафиксированы прения участников ПЭК.

Тот факт, что экскурсии после Октябрьской революции 1917 г. получили признание как необходимый элемент школьной программы, часто упоминается в научной литературе. Но, как правило, авторы либо говорят об этом очень обобщённо, либо обращаются к постановлениям Наркомпроса или действительному положению дел в школе, оставаясь в большинстве случаев на локальном уровне обобщения (от образовательного учреждения до региона РСФСР).

О методологической разработке экскурсий в рамках школьной программы в 1920-е гг. имеющиеся исследования создают обобщенное представление. Известно о существовании дискуссий на эту тему среди педагогов и экскурсионистов. Например, в журнале «Наш труд», который

упоминается в статье Е. Б. Антонова [1, с. 3]. Однако анализ содержания статей журнала не проводится. Е. Б. Антонов связывает введение в 1923 г. комплексных образовательных программ ГУСа с получением экскурсионным методом ведущей роли среди активных методов обучения. Однако автор не уточняет, как именно экскурсии вписывались в программу школы. В статье А. Г. Смирновой [8] перечислены сферы экскурсионной деятельности, в которых реализовывали себя сотрудники Петроградского экскурсионного института, включая внедрение экскурсионного метода в школу. Но содержание работы сотрудников не раскрывается. В других исследованиях приводятся лишь представления отдельных экспертов [2, с. 16-17], но не всего сообщества экскурсионистов 1920-х гг.

Переходя к анализу материалов ПЭК, следует прежде всего отметить, что в ходе её работы был осмыслен критерий отделения школьных экскурсий от всех прочих. Так, в своей статье Л. В. Бианки подчеркнул, что выделяет «школьные» экскурсии не по социальному статусу аудитории, а по цели экскурсии: всё, что не связано с систематическим обучением, даже проведённое со школьниками, является внешкольным, и наоборот [4, с. 52-59]. Вместе с многочисленными комментариями, требовавшими включённости экономико-технических и технических экскурсий в школьные курсы, это показывало значимость для участников ПЭК чёткой встроенности экскурсии в учебную программу.

Вопросы об объёме экскурсионной деятельности в школе и её совмещении с другими методами преподавания рассматривались как актуальные и были тесно связаны между собой. К ним регулярно возвращались в обсуждениях докладов ПЭК, а также в статьях, опубликованных по её итогам. Уже на утреннем Первом общем собрании один из участников, А. Н. Королев, предложил установить минимум экскурсий, необходимых для успешного окончания среднего образования [4, с. 99].

Более конкретная информация о мнении работников экскурсионного дела по поводу объёма экскурсий в школьной программе содержалась в статье Г. Э. Петри [4, с. 18-22]. Согласно ей, среди петербургских экскурсионистов была установлена норма: примерно 10 экскурсий в год на класс, не считая дальних экскурсий [4, с. 22]. Г. Э. Петри обратил внимание на то, что для большинства организаций такой «разумный минимум» являлся «максимумом», почти недоступным. Однако в той же статье автор подчеркнул: замечание имело целью указать педагогам на реальность такой нормы и необходимость к ней стремиться.

Вопросы о соотношении экскурсионного и других методов преподавания, в том числе в количественном плане, были не только актуальными, но и дискуссионными. Это особенно ярко выразилось в прениях к докладу

Б. Е. Райкова [4, с. 102-108]. Центральными дискуссионными стали сам докладчик и И. М. Гревс (петроградская экскурсионная школа), а также А. А. Яхонтов и Б. В. Всесвятский (московская экскурсионная школа). Последние выступили против введения Б. Е. Райковым по отношению к взглядам «некоторых представителей Московской группы» [4, с. 103] понятия «универсализм»: «...экскурсии провозглашаются основой, на которой должна быть базирована вся работа I ступени школы, а самый метод школьного преподавания рекомендуется обозначить как “экскурсионно-исследовательский”» [4, с. 103]. Докладчик противопоставлял «универсализм» идее равноправия экскурсионного и других методов обучения. Со своей стороны, А. А. Яхонтов, и Б. В. Всесвятский отрицали применение москвичами экскурсии как универсального педагогического приёма. По итогам прений оказалось, что оба оппонента и докладчик сходились на признании необходимости «обыденности», привычности школьной экскурсии для учеников, и никто не выступал за её количественное преобладание над другими формами работы. Также все дискуссионные согласились с представлением об экскурсии как об «исходном моменте школьной работы» [4, с. 108], наблюдения и впечатления от которого продолжают углубляться в классе и лаборатории.

Другой позиции придерживался И. М. Гревс. Он трактовал само понятие экскурсии как «нечто экстренное (ex), не вполне обычное, выходящее из повседневной линии образовательной работы (cursus)» [4, с. 107]. Сущность экскурсии определялась учёным как «путешественность», т. е. ощущение новизны, особый подъём душевных сил. Она должна была завершать серьёзную предварительную работу, осуществлённую другими методами. Результаты экскурсии, согласно И. М. Гревсу, могли послужить базой для нового витка погружения в материал, но не исходной точкой его изучения. Б. В. Всесвятским такая позиция была охарактеризована как приравнивающая экскурсии к «редкому празднику» [4, с. 107]. Таким образом, среди сообщества экскурсионистов, несмотря на разделяемую идею поддержки экскурсии как важной формы работы, существовали очень разные, порой противоположные взгляды на её место в порядке изучения материала и оптимальную частоту в школьной программе.

Чаще всего экскурсии и работа в лаборатории, в классе в представлении участников ПЭК связывались таким образом, как предлагали А. А. Яхонтов и Б. В. Всесвятский, через проработку материала, проводимую после экскурсии.

О предварительной проработке учащимися текстовых и визуальных источников идёт речь в статье З. А. Эдельштейна [4, с. 23-26]. По его мнению, указанная проработка являлась основой лабораторного метода

в гуманитарных предметах. На экскурсии, согласно З. А. Эдельштейну, желательно было также задействовать документальные источники и по возможности отвечать на вопросы их словами.

М. М. Тетяев предложил ещё одну схему связи экскурсии с другими формами занятий, которая до ПЭК была реализована в Географическом институте. Экскурсии служили как отправной, так и завершающей точкой изучения материала. Вводные экскурсии позволяли вступить в непосредственный контакт с объектами изучения, суммировать уже имеющиеся знания, знакомили с основными вопросами курса. А во время обязательных завершающих учебно-исследовательских экскурсий учащиеся практически применяли новые знания и методы исследования. Такая схема была одобрена другими участниками ПЭК [4, с. 116-118].

В материалах ПЭК обращает на себя внимание восприятие экскурсии как помощника в целостном воспитании и обучении ребёнка. Так, З. А. Эдельштейн писал о взаимосвязи гуманитарных предметов с помощью двух типов экскурсионных циклов: всестороннего освещения определённой эпохи и рассмотрения исторического развития конкретного явления. А. Н. Королев на Первом Общем Собрании высказался за необходимость «установить тесную связь между экскурсиями гуманитарными, естественно-историческими и экономико-техническими» на основе краеведения [4, с. 99]. Кроме того, на ПЭК были представлены идеи воспитания в школьниках с помощью экскурсий таких сложных комплексных чувств, как чувство эстетики, любви к природе в целом и родному краю в частности [4, с. 33-51; 118-120; 132-133].

Материалы ПЭК помогают понять, что вопросы объёма экскурсий, их совмещения с другими методами преподавания в школьной программе были актуальными для сообщества экскурсионистов в начале 1920-х гг. Ими развивались представления об экскурсии как о помощнике в построении межпредметных связей, утверждении целостности образования. Проведенный анализ позволяет увидеть профессиональное сообщество указанного периода менее гомогенным, чем до сих пор было принято считать, а также показывает потенциал дальнейшей разработки темы.

Список использованных источников и литературы

1. Антонов Е. Б. Детский туризм в Ярославском крае в первое десятилетие советской школы (1922 – 1931 гг.) // Педагогические и психологические проблемы современного образования: материалы научно-практической конференции «Чтения Ушинского». Ярославль, 04–05.03 2015. С. 3-10.
2. Бахтина И. Л. Опыт внедрения экспериментальных педагогических методик в общеобразовательных школах Урала в 1920-е годы // Историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2016. №20-3. С. 15-22.

3. *Березина В. А.* Экскурсионная работа в 1920-х гг. (на материалах Петрограда-Ленинграда): диссертация кандидата исторических наук: 07.00.02. Институт истории РАН, СПб, 2016.
4. Вопросы экскурсионного дела : по данным Петроградской экскурсионной конференции, 10-12 марта 1923 г. / под общ. ред. *Б. Е. Райкова*. Петроград, 1923. 138 с.
5. *Лелина Е. И., Тереханова А. А.* Историко-культурный туризм в современном образовательном пространстве // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2016. №7 (109). С. 56-63.
6. *Пиццов К. М.* Экскурсии как компонент культурно-просветительной политики в первое десятилетие Советского государства: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.02. Московский государственный университет сервиса, М., 2001.
7. *Плаггенборг Ш.* Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Пер. с нем. Ирины Карташевой. СПб., 2000. 416 с.
8. *Смирнова А. Г.* Из истории отечественной экскурсионной школы: Петроградский (Ленинградский) экскурсионный институт (1921-1924 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. М., 2012. С. 58-77.

Для цитирования: Аleshko Г. А. Экскурсионный метод в советской школьной программе: Петроградская Экскурсионная Конференция 1923 г. // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 63 – 68.

**Светское или антирелигиозное в Софийском соборе-музее Новгорода?
(1929–1940 гг.)**

Аннотация. В данной статье рассматривается деятельность Софийского собора, как антирелигиозного музея, на основе архивных документов и воспоминаний музейных сотрудников, а также представляется систематизация и обобщение исследований по данной теме, предпринимается попытка выявления сущности пропаганды в храме-музее. Автор прослеживает организацию атеистической агитации через различные формы и методы и приходит к выводу, что собор-музей вырабатывал антирелигиозное мировоззрение у советских граждан.

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда, музей, Софийский собор, Новгород.

Title: Secular or antireligious in the St. Sophia Cathedral-museum of Novgorod? (1929–1940)

Abstract. In the article of the subject the author reviews the activities of the St. Sophia Cathedral as an antireligious museum based on the analysis of documents of local institutions and memories of museum staff, presents a systematic overview of research on topic and attempts to uncover the essence of propaganda. The author analyzes the organization of antireligious agitation through various forms and concludes that Cathedral-museum developed an antireligious worldview among soviet citizens.

Key words: antireligious propaganda, museum, St. Sophia Cathedral, Novgorod.

Антирелигиозный музей, открытый 25 декабря 1929 г., превратил Софийский собор в храм-музей, занимавшийся в 1930–1940-е гг. атеистической пропагандой в Новгороде. В этот период задачи музейных сотрудников и работа церквей-музеев сводились к демонстрации фактов «церковного обмана», доминировала пропагандистская функция культурно-просветительских учреждений. Музеефикация особо ценных сооружений, например, новгородского Софийского собора, указывала на отношение к ним, как к исключительным памятникам культуры. С помощью учреждения подобных храмов-музеев происходило формирование нового человека с советским мировоззрением. Однако каким оно предполагалось — антирелигиозным или светским?

Сапрыкина, Анна Евгеньевна — Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; yess.2016dns@gmail.com

Научный руководитель: *Самойлова, Ирина Васильевна*, канд. ист. наук, доц.

Saprykina, Anna Evgenievna — Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; yess.2016dns@gmail.com

Scientific adviser: *Samoilova, Irina Vasilevna*, Candidate of Historical Sciences, Assoc.

Понятие «светскость» государства [10, 12] может не противоречить принципам свободного мировоззренческого самоопределения, в данном исследовании «светская» направленность деятельности музея будет в первую очередь связана с ненасильственным вытеснением института религии из общественной жизни, в то время как «антирелигиозная» направленность будет выражаться в трансляции атеистической пропаганды и враждебности советского государства по отношению к церкви. В деятельности Софийского антирелигиозного музея, таким образом, можно говорить о наличии некоторых «светских» форм музейной деятельности в 1930-е гг., но никогда — о светской направленности музея. Эти «светские» элементы оставляли некоторую свободу действий музейным работникам на фоне роста крайне радикальных антирелигиозных мер государства в 1929-1943 гг.

По итогам Первого Всероссийского музейного съезда, состоявшегося в декабре 1930 г. в Москве, были поставлены основные задачи по превращению музеев в инструмент «культурной революции» и их реорганизации в соответствии с принципами Коммунистической партии. Процесс функционирования антирелигиозного музея в Софийском соборе в советской историографии не рассматривался, современные же исследователи в основном уделяют внимание отдельным сюжетам из истории храма довоенного периода. Так в исследовании М.А. Наседкиной показана летопись событий Софийского собора с 1929 г. по 1991 г. на материале различных источников [5]. Рассмотрение трудов и воспоминаний музейных работников, изучение современных научных работ, связанных с музейной деятельностью в Новгороде, и привлечение архивных документов поможет выяснить, каким было по своей сущности формировавшееся советское мировоззрение и чьё сознание пыталась менять власть, утверждая антирелигиозные музеи.

Одними из первых действий по установлению светской власти на местах, как упоминает И.Д. Савинова, было издание Губернским страховым отделом постановления 9 мая 1922 г., согласно которому «...наниматель национализированного или муниципализированного предприятия, или строения обязан страховать его в полной сумме за свой счёт в пользу государства или местного Совета по принадлежности». Исследователь отмечает: «Казалось бы, вполне государственное проявление заботы о сохранности любых зданий и строений. Но именно эта “забота” существенно ударила по коллективам верующих, особенно города Новгорода, храмы которого оценивались такими суммами, что общины были не в состоянии их выплатить» [9, с. 25]. Также в начале 1922 г. ЦК РКП (б) утвердил циркуляр «О постановке антирелигиозной пропаганды»,

постановления которого требовали «определенной активности партии...и осторожности в подходе к вопросу» [14, с. 311]. Однако нарастание настроений воинствующего атеизма в обществе привело к тому, что в 1929 г. договор с общиной Софийского собора расторгли и открыли в храме антирелигиозный музей. По воспоминаниям С.М. Смирнова: «Вся затея исходила из кругов так называемых воинствующих безбожников, которым не по нутру были все тогдашние изыскания и открытия в области древнерусского искусства и которые ратовали за скорейшее разоблачение и ниспровержение всех вообще памятников, которые, по их мнению, приносили несомненный вред, способствуя распространению “опиума для народа”» [11, с. 332–333]. Таким образом, светское законодательство претерпевало изменения, превращаясь на местах в движение, которое легитимизировало действия антирелигиозников и было направлено против веры и церкви.

Рассмотрим две антицерковные кампании, отразившиеся на работе Софийского собора-музея. Согласно «Положению об изъятии церковных ценностей, выработанному губернской комиссией помощи голодающим...» и принятому 24 апреля 1922 г., духовенству разрешалось оставлять некоторые священные сосуды, дарохранительницы, «особочтимые иконы» с оговорками. Отдельно (п. 9) было прописано, что изъятие рак из благородных металлов «происходит так, чтобы чувство верующих не было оскорблено, т.е. перенос мощей производится исключительно самим духовенством» [2, л. 71–73]. Церковные ценности Софийского собора были сданы по 10 актам в апреле этого же года. И.Д. Савинова указывает, что их общий вес составил «более 27 пудов серебра и 7 фунтов золота» [8, с. 146–147]. Через семь лет оставшиеся ценности Софии повторно изъяты и переданы Госфонду.

Другой антицерковной кампанией стал процесс вскрытия святых мощей. До 1926 г. в храме были выставлены в открытом виде мощи «для обозрения массами на предмет убеждения их в обмане». Однако в мае священнослужителями собора были отреставрированы некоторые из них, вследствие чего Губадминотделом была проведена проверка, по итогам которой решено «находящиеся до сего времени мощи в зданиях культов Новгородской губернии перенести в местные музеи», а коллективу верующих Софийского собора предъявить ст. 120, 123 УК [1, л. 168]. Уже в открывшемся соборе-музее в 1933 г., по словам И.В. Хохлова, на прежние места были поставлены раки с мощами для антирелигиозной пропаганды, экспонировавшиеся до этого «без естественно-научного объяснения их сохранности», т.е. не в качестве музейных предметов [13]. Таким образом, в результате двух кампаний, музейные фондыполни-

лись значительным количеством предметов, а показ гробниц с мощами приобрёл новую функцию.

Музей, учреждённый в Софийском соборе, должен был выполнять просветительскую работу, обеспечивать хранение музейных предметов и их понятный показ для народных масс. Вероятно первым антирелигиозным мероприятием, проведенным в нём в 1930 г., было празднование «Нового Рождества»: музей посетило 1010 человек [5, с. 102]. При планировании будущих экспозиций предполагалось продемонстрировать «проникновение христианства в Новгород, ”его классовую сущность и политическую роль”» [13]. В 1932 г. были проведены две передвижные выставки: «Религия как тормоз социалистического строительства» и «Рост безбожного движения у нас и за границей». Экспозиция постоянно обновлялась за счет материалов о деятельности церковнослужителей, Н.Г. Порфиридов вспоминал: «Особый и весьма интересный отдел в ней составил показ подлинных “экспонатов”, изъятых следственными органами по разным местам губернии после прокатившейся по ней “эпидемии” так называемого “чудесного обновления икон” широкой кампании контрреволюционного характера» [7, с. 80]. В музее организовывались разоблачительные лекции, разъясняющие замыслы и механику подобного «обновления икон». Кроме экспозиционной деятельности, по словам Н.Г. Порфиридова, много материала и возможностей для атеистической работы давал сам собор: издание различных брошюр и путеводителей, проведение лекций и экскурсий [7, с. 79–80].

Музей в качестве экскурсантов посещали рабочие, крестьяне, красноармейцы и учащиеся. Советскому человеку, прежде всего, демонстрировали в открытом доступе мощи «с непременным упором на обман церковников, введших в заблуждение верующих о мнимой нетленности тел святых» [11, с. 334]. Б.Н. Ковалёв упоминает, что кроме антирелигиозной экспозиции в западной паперти храма также находились разнообразные макеты и плакаты сельскохозяйственной выставки [4]. Так, в храме-музее существовали разнообразные виды научно-просветительской работы, где экскурсии и выставки были наиболее популярными средствами воспитания и повышения культурного уровня людей, в отличие от научных лекций, которые не вызвали особого интереса у малограмотного населения [6]. С помощью различных форм и методов музейного показа по исследованным материалам можно сделать общий вывод о том, что в Софийском соборе-музее происходило формирование антирелигиозного мировоззрения у советских граждан.

В период массовых репрессий 1930-х гг. многие музейные сотрудники были арестованы и приговорены по ложному обвинению. Было заведено

дело Новгородского филиала РСХД, по нему за контрреволюционную деятельность проходило 12 работников местных музеев, в числе которых оказались Н.Г. Порфиридов, С.М. Смирнов и В.С. Пономарёв [3]. Уже в 1941 г. началась эвакуация музейных ценностей, а в предвоенные годы и после Великой Отечественной войны «...Софийский собор существовал как музей скорее общего типа, нежели со специальными антирелигиозными функциями. Не было к нему ни планов, ни людей подготовленных» [11, с. 335]. Специалисты по музейному делу, выполнявшие свой профессиональный долг, стремились к охране памятников культурного наследия Новгородской губернии, несмотря на всеобщую атеизацию в стране, и способствовали сохранению исторической и культурной идентичности региона.

Таким образом, строительство социалистического общества предполагало отделение религии от власти, что подтверждалось принятием соответствующих законов. Однако их реализация не соответствовала заявлениям о гуманности и терпимости к верующим. В результате проведённого исследования можно сделать вывод о том, что Софийский собор-музей в 1929–1940-е гг., функции которого были направлены на формирование новых взглядов о религии и негативного отношения к духовенству, проводил антирелигиозную пропаганду среди населения. Но благодаря участию музейных сотрудников и отсутствию строгого контроля сверху, атеистическая работа в музее была осуществлена без использования насильственных методов.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. Р-822. Оп. 5. Д. 38. Доклады и сведения о политическом состоянии губернии, о состоянии и деятельности губмилиции; о бюрократизме, о волоките и грубости в кооперативных, кредитных и банковских организациях; о деятельности Нов.губ.отдела общества «Авиаким»; сведения и переписка о выдвигенцах и характеристики на них. Сведения и переписка о денежной помощи, оказываемой Новгородским Губисполкомом, УИКаами и ВИКаами частям и учреждениям Красной Армии, расположенным на территории Новгородской губернии. Оперативно-информационные сводки Угрозска. Акты Комиссий по вскрытию мошей в Софийском соборе и Антониевом монастыре. 208 л.
2. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1282. Документы центральных и местных партийных и советских органов, комиссий помощи голодающим и комиссий по изъятию церковных ценностей по выполнению постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 26 февраля 1922 года об изъятии церковных ценностей (протоколы, докладные записки, положения). 145 л.
3. Ковалев Б.Н. Дело о новгородском филиале РСХД // Книга Памяти жертв политических репрессий Новгородской области / ред. Н.Н. Трабер. Великий Новгород, 1999. Т. 8. С. 288–290.

4. *Ковалёв Б.Н.* Разные запахи музея // Новая Новгородская газета: независимое издание. Великий Новгород, 2015. № 33 (833). 19 августа. С. 18.
5. *Наседкина М.А.* Софийский собор. 1929–1991. Летопись событий // Ежегодник Новгородского государственного музея-заповедника: 2001. Великий Новгород, 2003. С. 101–113.
6. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник: к 150-летию основания / науч. ред. *П.Г. Гайдуков*. Великий Новгород, 2015. 534 с.
7. *Порфиридов Н.Г.* Новгород 1917–1941: воспоминания. Л., 1987. 255 с.
8. *Савинова И.Д.* Блеск и нищета церковных ценностей // Рукопожатие через годы. Великий Новгород, 2021. Ч. 2. С. 144–149.
9. *Савинова И.Д.* Лихолетье. Новгородская епархия и советская власть 1917–1991: историческое исследование (приложение к журналу «Чело»). Новгород, 1998. 110 с.
10. *Сергеев А.Н.* Секулярная и атеистическая модели взаимоотношения церкви и государства // Вестник ПАГС, 2014. №3 (42). С. 11–15.
11. *Смирнов С.М.* Воспоминания о времени моей работы в Новгородском музее // Новгородский исторический сборник. № 6(16) / редкол.: Б.В. Ананьич. СПб.: изд-во "Дмитрий Буланин", 1997. С. 297–344.
12. *Сторчак В.М.* Советская гражданская религия. М., 2019. 399 с.
13. *Хохлов И.В.* Святая Софья беаше честно устроена. Из истории древнейшего в России православного храма // Новгородские ведомости. Великий Новгород, 2016. № 13 (4563). 28 сентября. С. 21.
14. ЦК РКП(б). Циркуляр «О постановке антирелигиозной пропаганды», 4 февраля 1922 г. // Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. Т. 1: в 4 кн.: 1917–1924 гг. Кн. 1: Центральные руководящие органы РКП(б): идеология вероисповедной политики и практика антирелигиозной пропаганды. М., 2018. С. 310–313.

Для цитирования: *Сапрыкина А. Е.* Светское или антирелигиозное в Софийском соборе-музее Новгорода? (1929–1940 гг.) // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 69 – 74

Основные направления музеефикации городской среды средневековой части Выборга

Аннотация. В данной статье рассматриваются подходы к проблеме музеефикации городской среды на основе зарубежного опыта и отечественной историографии. Исследуются основные направления музеефикации городской среды средневековой части Выборга, сохранившей черты дорегулярной планировки с архитектурными доминантами (соборы, колокольни, монастырские комплексы), ансамблями площадей и фоновой застройкой. Автор предлагает идеи решения некоторых проблем в рамках данных направлений музеефикации городской среды средневековой части Выборга.

Ключевые слова: музеефикация; городская среда; Выборг.

Title: The main directions of museumification of the urban environment of the medieval part of Vyborg.

Abstract. In this article approaches to the problem of museumification of the urban environment based on foreign experience and domestic historiography are considered. The main directions of the urban environment museumification of the medieval part of Vyborg, which preserved the features of a pre-regular layout with architectural dominants (cathedrals, bell towers, monastery complexes), ensembles of squares and background buildings, are investigated. The author offers ideas for solving some problems within the framework of these directions of the urban environment museumification of the medieval part of Vyborg.

Key words: museumification; urban environment; Vyborg.

Понятие «музеефикация», подразумевающее преобразование объектов культурного и природного наследия в объекты музейного показа, постепенно расширяется, включая всё новые элементы [3, с. 397]. Термин «музеефикация городской среды» редко используется в зарубежной и отечественной практиках, чаще встречаются формулировки, связанные с сохранением и актуализацией историко-культурной среды.

В качестве основных подходов к проблеме музеефикации городской среды можно выделить следующие: создание музеев под открытым небом; послевоенная реконструкция исторических центров европейских городов; теоретические концепции музеефикации городской среды в оте-

Скуднева, Марьяна Валерьевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st070705@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Калиновский, Владимир Витальевич*, канд. ист. наук, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Skudneva, Maryana Valerievna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st070705@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Kalinovskiy, Vladimir Vitalyevich*, PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

чественной историографии. Первые попытки музеефикации городского образа жизни отражены в созданных музеях под открытым небом типа «скансен», отличительной чертой которых является их искусственное формирование за счёт переноса недвижимых памятников на специально отведенную под музей территорию. При этом происходит разрыв с первоначальным контекстом нахождения памятника и возникает угроза его утраты при перемещении [4, с. 138]. В качестве примеров урбоскансенов, отражающих образ города Нового времени, можно привести Старый город в Орхусе, Старый Берген, Старый Линчёпинг.

На послевоенный период приходится как увеличение количества музеев под открытым небом, так и восстановление исторических центров и кварталов европейских городов. Основной задачей становится регенерация застройки в зависимости от степени разрушений среды города, производившаяся путем воссоздания в раннем облике, или же с дополнениями в виде современных объектов со схожей стилистикой [9, с. 511]. В частности, польский опыт Старого города Варшавы отражает реконструированный довоенный облик уличных пространств и площадей города, в то время как в Дрездене часть кварталов, прилегающих к старинной площади Ноймаркт, были реконструированы с новыми фасадами, отдалённо напоминающими исторические [9, с. 515].

В отечественной историографии обращение к проблемам музеефикации городской среды можно встретить у исследователей Е. Н. Мастеницы и М. В. Пономаревой. Так, например, Е. Н. Мастеница акцентирует внимание на отсутствии обширной теории и практики реализации механизмов музеефикации городской среды ввиду сложности структуры и многокомпонентности данного объекта. В то же время отмечается важность сохранения исторических кварталов путём реконструкции и реставрации архитектурных памятников, а также их приспособления с учётом современных потребностей города [4, с. 139]. М. В. Пономарева даёт определение понятию «музеефицированная зона» и отмечает важность её связи с существующей пространственной структурой [6, с. 9]. Также, по её мнению, музеефикация городской среды не должна сводиться только к вопросам музейного и экспозиционного характера использования.

Средневековая часть Выборга как ценный градостроительный фрагмент, на территории которого формировалась уникальная архитектурно-градостроительная композиция, состоящая из свободной планировки со своеобразной системой застройки и расположением в пространстве ключевых архитектурных доминант (соборы, колокольни, монастырские комплексы), нуждается в актуализации и музеефикации. До недавнего времени по причине несовершенства законодательной базы и отсут-

ствия финансирования производился снос обветшавших архитектурных памятников на территории средневековой части Выборга, в частности в 2013 г. был практически полностью разрушен квартал Сета Солберга [1]. Применительно к Выборгу, автор в качестве основных направлений музеефикации городской среды предлагает рассмотреть реставрацию, консервацию, реконструкцию и ревитализацию отдельных памятников и среды в целом.

Первое направление — реставрация архитектурных памятников, подразумевает комплекс мероприятий, связанных с восстановлением целостности облика экстерьеров зданий, а также консервацией руинированных объектов. Важным этапом здесь выступает выполнение предпроектных исследовательских работ, включая историко-культурную экспертизу, позволяющих выбрать дальнейшие методы реставрации памятника. На территории средневековой части Выборга возможно использование фрагментарного и восстановительного (целостного) методов для отдельных объектов, а также консервации для руинированных объектов с целью временного поддержания их разрушенного состояния до «лучших времен». В настоящее время к руинированным законсервированным объектам на территории средневековой части можно отнести старый кафедральный собор, доминиканский собор, Дом Говинга, а также руины францисканского монастыря. Для фоновой застройки, располагающейся рядом с памятниками архитектуры и состоящей из выявленных объектов культурного наследия, должен применяться косметический ремонт главных, торцевых, дворовых фасадов, а также очистка от загрязнений и граффити.

Синтетический (целостный) метод реставрации, нежелательный для применения по причине использования гипотез и аналогий, также может рассматриваться в качестве полноправного при музеефикации зданий в городской среде. В таком случае предварительные исследования будут направлены на поиск «оптимальной» с художественной точки зрения эпохи, с раскрытием замысла архитектора и использованием аналогий как средства восстановления утраченных элементов здания [5, с. 73]. Данный метод будет актуален с точки зрения градостроительных преимуществ для руинированных объектов (старый кафедральный собор, собор доминиканского монастыря), подчинявшихся дорегулярной планировке, существовавшей до XVII в., и служивших доминантами в городском пространстве. Обозначенные объекты требуют восстановления в виде научно обоснованных копий с приспособлением для современного использования в качестве выставочных пространств или культурных центров.

Второе направление — реконструкция исторических кварталов, подразумевает проведение ремонтно-реставрационных и реконструкцион-

ных работ в отношении отдельных зданий или их групп, находящихся в системе историко-градостроительных образований (улиц, кварталов, ансамблей) [7, с. 91]. Уникальность архитектурно-пространственной среды Выборга, включающей планировку, ценную историческую (в том числе средневековую) и фоновую застройку, требует деликатного подхода к реконструкции территории средневековой части.

Частичная реконструкция происходит на ограниченных участках, и предполагает снос диссонирующих объектов в исторической среде (склады, гаражи, объекты промышленных зон), с созданием на их месте рекреационных пространств с общественно-пешеходными зонами (арт-резиденции, мини-парки, скверы). В Выборге существует проблема градостроительных «дыр», образовавшихся за счет сноса разрушенных памятников, находившихся вдоль красной линии застройки, в результате чего произошло нарушение визуально-композиционных связей. В целях сохранения объемно-пространственных решений (габаритов) в крайнем случае на их месте возможно строительство зданий той же этажности, схожей стилистики и гармоничного цветового решения взамен утраченных и руинированных объектов исторической застройки способом «вживления» [2]. В качестве территорий, требующих реконструктивного вмешательства, можно предложить кварталы по ул. Красина, и прилегающие земельные участки к ул. Южный вал, ул. Водной Заставы. Дисгармоничное присутствие «хрущёвок» на территории средневековой части Выборга нарушает целостность исторической среды, следовательно, для решения данной проблемы можно использовать имитации средневековых улиц и построек на фасадах в виде художественной росписи, или фальшфасадов.

Параллельным процессом должна выступать модернизация объектов в соответствии с требованиями современной жизни городов, в которую входит обновление инженерно-технического оснащения города (система освещения, канализация, теплопроводы) и улучшение условий жизни горожан в виде устройства проездов, парковочных карманов, хозяйственных площадок [7, с. 149].

Третье направление — ревитализация, направленная на «оживление» городского пространства за счёт его приспособления для современного использования. Такой способ решения проблемы возможен для территорий и объектов, которые больше не функционируют, а также для него характерно создание активной среды из «мертвых» городских пространств [8, с. 287]. Пространства, оживленные ревитализацией, могут быть приспособлены под культурно-рекреационные функции

(арт-кластеры, креативные пространства, школы творчества, лектории, коворкинги), торговые и экономические (офисы).

В дополнение к вышеперечисленным направлениям можно добавить актуализацию пространства средневековой части Выборга посредством размещения на территории стендов, маршрутных указателей. На открытых пространствах, благоустроенных в качестве мини-парков или скверов, можно разместить макет средневековой части города. Вместе с тем, торговые и общественные организации, расположенные на первых этажах зданий главных исторических улиц, могут быть дополнены вывесками, оформленными в соответствии со стилистикой эпохи, выбранной в контексте комплексного проектного решения для рассматриваемой исторической территории.

В заключение стоит отметить дискуссионность проблемы музеефикации исторической застройки в рамках развития интереса к культуре и наследию народов, проживающих на территории российских исторических поселений. Рассмотренные применительно к Выборгу направления могут наметить курс на сохранение, преобразование и музеефикацию средневековой части городской среды, который может быть выбран совместно с органами федеральной, местной власти и горожанами. Результатом преобразований станет дальнейшее развитие исторического поселения путем увеличения интереса к его наследию.

Список использованных источников и литературы

1. *Артеменко К.* «Как если бы снесли половину Невского» // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/05/21/vyborg/> (Дата обращения: 28.10.2023)
2. *Волкова Т. Ф.* Методы реконструкции городской среды // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 4. Ч. 5. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/04/51758> (Дата обращения: 29.10.2023)
3. *Каулен М. Е.* Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. 432 с.
4. *Мастеница Е. Н.* Музеефикация городской среды: подходы и методы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 10. Ч. 1. С. 137-141.
5. *Михайловский Е. В.* Реставрация памятников архитектуры (развитие теоретических концепций). М., 1971. 190 с.
6. *Пономарева М. В.* Музеефикация городской среды (на примере Санкт-Петербурга): автореф. дис. ... канд. архитектуры. СПб., 1994. 26 с.
7. *Пруцын О. И., Рымашевский Б., Борусевич В.* Архитектурно-историческая среда. М., 1990. 408 с.
8. *Шалина Д. С., Степанова Н. Р.* Реновация, редевелопмент, ревитализация и джентрификация городского пространства // Фундаментальные исследования. 2019. № 12 (часть 2). С. 285-289.

9. *Шерешевский А. Л.* Подходы к реконструкции архитектурно-градостроительной среды на примере послевоенных восстановлений исторических городов // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. № 1 (3). С. 511-516.

Для цитирования: Скуднева М. В. Основные направления музеефикации городской среды средневековой части Выборга // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 75 – 80

Защита прав музеев при незаконном воспроизведении музейных предметов

Аннотация. В статье рассмотрена проблема воспроизведения культурных ценностей, хранящихся в музеях и находящихся на их территории. Анализируется право музея разрешать или запрещать использование музейных предметов и его соотношение с авторским правом. Проанализированы основные нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы использования и воспроизведения музейных предметов (в том числе и в коммерческих целях). В статье также приводится обзор существующей российской судебной практики, посвященной данному вопросу.

Ключевые слова: музеи; воспроизведение культурных ценностей; музейный фонд.

Title: Protection of the rights of museums in case of illegal reproduction of museum objects

Abstract: The article considers the problem of reproduction of cultural values stored in museums and located on their territory. The article analyzes the right of the museum to allow or prohibit the use of museum objects and its correlation with Intellectual Property Law. I analyzed legal acts regulating the use and reproduction of museum objects (including commercial purposes). The article also provides an overview of the existing Russian judicial practice on this issue.

Key words: museums, reproduction of museum objects, museum fund

Цифровизация баз данных позволила музеям размещать в открытом доступе фотографии музейных предметов в достаточно высоком качестве в составе онлайн-выставок и каталогов. Более того, создание Государственного каталога и собственных баз данных музеев предполагает размещение фотографий всех предметов в открытом доступе.

Право на воспроизведение музейных объектов — особый феномен, место которого в правовой системе России еще не определено до конца. Сейчас в России еще не вошла в норму практика заключения договоров и внесения платы за использование изображений. Например, в 2019 г. произошел конфликт между администрацией Владимиро-Суздальского музея заповедника и предпринимателями, которые использовали изображения

Богатырева, Александра Евгеньевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st069489@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Чебаненко, Сергей Борисович*, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Bogatyрева, Alexandra Evgenjevna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st069489@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Chebanenko, Sergey Borisovich*, PhD in History, Senior lecturer, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

памятников культуры, находящихся на территории музея. Музей принял прейскурант, где установил плату за использование фотографий. В том числе за изображения памятника “Золотые ворота”, который тиражируется на сувенирной продукции. Предприниматели, которые изготавливали и продавали подобную продукцию, написали открытое письмо и обращение в Министерство культуры, требуя отменить плату. Музей обратился за поддержкой к местной администрации и Союзу музеев России. В ходе переговоров Музей согласился снизить цены, но от взимания платы не отказался.

Понятие “воспроизведение” содержится в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1]. Изображения, в частности, фотографии, также будут воспроизведением музейных предметов. Необходимость получения разрешения собственника на воспроизведение культурных ценностей и, соответственно, право музеев контролировать использование изображений, закреплены в двух законах. Первый закон — Основы законодательства Российской Федерации о культуре. В ст. 53 ФЗ-3612-1 прописаны права музеев на эмблемы, наименование и товарные знаки. Плата за их использование устанавливается в договоре. Также закон устанавливает, что изготовление продукции (в том числе рекламной) с изображением (воспроизведением) объектов культуры возможно только с официального разрешения. Все предметы музейного фонда являются объектами культурного наследия [17]. Значит, использование их изображений невозможно без разрешения владельца.

Более конкретно эти правила прописаны в специальном законе №54-ФЗ [18]. Закон оставляет за музеем право первой публикации предмета. При этом ч.2 и ч.3 ст. 36 не должны толковаться ограничительно и применяться только для первой публикации предметов [4, с. 108]. Коммерческое воспроизведение предметов музеев возможно в порядке, который установил собственник музейных коллекций. Норма, закрепленная в абз. 3 ст. 36 имеет общие черты с правом, которое есть у обладателя исключительного права на объект интеллектуальной собственности в соответствии со ст. 1270 ГК РФ. Из-за такого сходства возникает коллизия между применением норм ГК РФ и музейным законодательством.

В соответствии со ст. 52 №3612-1-ФЗ организации культуры самостоятельно могут назначать цены на платные услуги [16]. Соответственно, музеи сами вправе установить плату за воспроизведение. Это возможно с помощью принятия локальных актов, устанавливающих тарифы на использование, например, фотографий предметов в изданиях различного тиража. Важно отметить, что ст. 1274 ГК РФ содержит норму, которая позволяет использовать изображения для информационных, научных,

учебных или культурных целей, при этом важно, что эти цели не должны быть коммерческими.

Согласно ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных убытков, если законом или договором возмещение убытков не предусмотрено в ином, меньшем размере. Отказ от заключения договора между музеем и ответчиком влечет за собой появление упущенной выгоды для музея в виде неполученного дохода. Таким образом, при предъявлении требований о возмещении убытков музеи как судебном, так и в досудебном порядке, могут определить размер убытков либо исходя из принятых актов, где указаны цены на услуги, либо из условий ранее заключенных договоров [12].

Обращение музеев для защиты права происходит уже после его нарушения, например, когда в продажу поступает книга с изображениями предметов культурного наследия, включенными в состав музейного фонда, или находящихся на территории музея. Здесь возникает вопрос о возможности применения такого способа защиты как пресечения действий, нарушающих право. Может ли музей требовать изъятия из оборота и/или уничтожения, например, тиража книги? В законодательстве нет препятствий для реализации этого способа защиты, перечисленного в ст. 12 ГК РФ. Это подтверждает и судебная практика.

Учитывая разнообразие музейных предметов, значительное их количество существует не в единственном экземпляре. Не все предметы могут быть частью музейного фонда. В одном из кейсов при рассмотрении иска музея суд указал на то, что фотографии, размещенные в книге как иллюстрации, фактически имеются в обороте в нескольких экземплярах. Из-за этого наличие в музейном фонде аналогичных фотографий не свидетельствует об использовании предметов музейного фонда. В таком случае невозможно определить причинно-следственную связь между использованием изображений и возникновением убытков. Однако это решение суда было отменено в кассационном порядке [8]. Все музейные предметы независимо от наличия аналогичных им в других собраниях имеют одинаковый правовой статус. Таким образом, музею достаточно доказать наличие предметов в своем собрании и использование их ответчиком, независимо от того, есть ли аналогичные предметы у других лиц. Если ответчик утверждает, что им были взяты изображения не предмета из фондов музея, а иного объекта, то он сам должен доказать это.

Нормы музейного законодательства не ограничивают доступ граждан к музейным предметам и их изображениям, а ограничивают только их коммерческое использование, устанавливая для них специальный право-

вой режим [12]. Таким образом, важным звеном в позиции музея в суде является факт коммерческого использования изображений.

Анализ практики позволил мне сделать вывод о том, что на данный момент иски музеев к коммерческим организациям, использовавшим изображения предметов без разрешения, были удовлетворены [7, 9, 10, 11, 13].

Однако некоторые решения вынесены не в пользу музеев. Суд отметил, что музею принадлежит право первой публикации музейных предметов и коллекций (ч. 1 ст. 36 ФЗ-54), под которой суд предлагает понимать случаи, когда музей для собственных целей изготавливает изображение музейного предмета или получает просьбу разрешить изготовить его изображение. В этом случае музей оказывает услугу обратившемуся к нему лицу, а именно: осуществляет деятельность, позволяющую этому лицу изготовить изображение музейного предмета. Это решение было вынесено в 2015 г., и на данный момент не совпадает с позицией Верховного суда (далее ВС РФ).

Последнее из определений ВС РФ было принято 27 июля 2021 г. ВС РФ отказал принять жалобы лица, использовавшего изображение, посчитав, что суды ранее верно применили нормы 54-ФЗ, № 4804-1-ФЗ и 73-ФЗ [6]. Так, суд подтвердил право музеев требовать заключения договора при коммерческом использовании изображений предметов и других объектов, четко указав на то, что нормы музейного законодательства применяются независимо от норм авторского права. Также ВС РФ были подтверждены позиции, согласно которым музеи имеют право требовать плату за использование любых изображений, в том числе стилизованных рисунков сходных с объектом культурного наследия до степени смешения, независимо от того, были ли эти объекты ранее опубликованы и кем были созданы эти изображения [5].

Культурные ценности сами по себе являются особым объектом гражданских прав. Государство накладывает на них множество ограничений, необходимых для их защиты. Музеи исполняют свои обязанности по обеспечению сохранности предметов, их хранению и изучению, организуют доступ к ним, обеспечивая возможность реализации конституционных прав человека. На реализацию этих функций требуются средства, часть из которых предоставляет музеям их учредитель. При этом основная миссия музея — сохранение, изучение предметов и предоставление доступа к ним граждан. С этой точки зрения взимание платы за использование изображений в коммерческих целях, когда организации извлекают прибыль, используя изображения — это фактически плата за оказание услуги, когда заявитель платит не за конечный результат (не за

само разрешение на использование), а за работу музея, который хранит, реставрирует и изучает предметы (например, занимается атрибуцией).

На данный момент законодательство однозначно устанавливает право учреждений на взимание платы. Представление о том, что необходимость получения разрешений на коммерческое использование изображений приведет к фактическому нарушению оборота товаров, несостоятельно. Распространенность неправомерного использования изображений не является аргументом в пользу отказа от практики выдачи разрешений и заключения договоров. Природа музеев на изображения музейных предметов и других объектов не аналогичны правам владельца исключительных прав. Правомочия музеев происходят из установленного законодателем специального правового режима объектов культурного наследия и предметов, включенных в состав музейного фонда.

Список использованных источников и литературы

1. Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ // СПС «Консультант Плюс»
2. *Дворкин М. Л.* Обзор судебной практики рассмотрения споров по использованию в коммерческих целях воспроизведения музейных предметов из состава Музейного Фонда Российской Федерации // Научный альманах. №10–4 (12). 2015. С. 63-67.
3. *Камалетдинов Д. А.* К проблеме несанкционированного воспроизведения и копирования изображений музейных предметов // International Journal of Humanities and Natural Sciences vol. 12-3 (51). 2020. С. 107-109.
4. *Коваленко Е. О., Рожdestвина А. А.* Комментарий к Федеральному закону от 26 мая 1996 г. N 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (постатейный). 2-е изд. // «СПС КонсультантПлюс».
5. Определение Верховного суда от 15 ноября 2019 г. по делу № А56-72721/2018 // СПС «Консультант Плюс»
6. Определение Верховного суда РФ от 27 июля 2021 г. по делу № А83-13886/2019. СПС «Консультант Плюс»
7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 ноября 2014 г. по делу № А40-64830/2013 // СПС «Консультант Плюс»
8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 9 июня 2018 г. N C01-324/2018 по делу N А40-256706/2016 // СПС «Консультант Плюс»
9. Решение Арбитражного суда Воронежской области от 24 октября 2022 г. по делу № А14-12427/2022 // СПС «Консультант Плюс»
10. Решение Арбитражного суда Республики Дагестан от 11 ноября 2022 г. по делу № А15-2213/2022 // СПС «Консультант Плюс»
11. Решение Арбитражного суда Республики Крым от 7 октября 2022 г. по делу № А83-13356/2022 // СПС «Консультант Плюс»
12. Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 25 декабря 2015 г. по делу № А56-28535/2015 // СПС «Консультант Плюс»

13. Решение Арбитражного суда Ульяновской области от 19 декабря 2022 г. по делу № А72-16833/2022 // СПС «Консультант Плюс»
14. Рыбак К. Е. Системный подход в музейном праве. М., Terra-Кн. клуб, 2005. 60 с.
15. Смирнова Е. Музеи против авторского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. №11. 2013. С. 14–22.
16. Федеральный закон «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 №3612-1) (в ред. от 10.07.2023). СПС «Консультант Плюс»
17. Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 24.07.2023) "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" // СПС «Консультант Плюс»
18. Федеральный закон от 26.05.1996 N 54-ФЗ (в ред. От 11.06.2021) "О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации" // СПС «Консультант Плюс»

Для цитирования: Богатырева А. Е Защита прав музеев при незаконном воспроизведении музейных предметов // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 81 – 86

Опыт атрибуции и датирования этнографического текстиля в музейной практике

Аннотация. Основное внимание в работе акцентируется на атрибуции предмета. Подробно рассматриваются шаги, которые были предприняты для научного исследования памятника, а также в данной статье обращается внимание на проблему неточного атрибутирования в современной музейной практике. На примере предмета, который хранится в фондах Государственного музея-заповедника «Зарайский кремль», демонстрируется поэтапное научное исследование и установление хронологических рамок бытования памятника.

Ключевые слова: атрибуция, музейный предмет, этнография, Рязанская губерния.

Title: Experience of attribution and dating of ethnographic textiles in museum practice

Annotation. The main attention in the work is focused on the attribution of the subject. The steps that were taken for the scientific study of the monument are considered in detail, and this article also draws attention to the problem of inaccurate attribution in today's museum practice. Using the example of an object that is stored in the funds of the State Museum-Reserve «Zaraisk Kremlin», a step-by-step scientific study and the establishment of the chronological framework of the monument's existence are demonstrated.

Keywords: attribution, museum item, ethnography, Ryazan province.

На сегодняшний день сотрудники музеев разного профиля понимают важность вопроса атрибуции и датирования экспонатов, которые являются крайне актуальными в музейной практике, особенно в работе хранителя коллекции.

С каждым годом в научный оборот вводятся всё новые архивные документы, позволяющие изменить, казалось бы, устоявшуюся точку зрения на тот или иной музейный экспонат. Для удобства исследователей появляются новые электронные ресурсы, исчезают реальные географические границы поисков аналогий и информации, предлагаются новые способы технико-технологического анализа [2].

Сегодня в собрании музеев хранятся десятки тысяч экспонатов, которые частично или полностью не изучены. Не редкостью бывает такое, что предмет занесён в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации (далее Госкаталог) под наименованием из первой книги поступлений. В этой связи возникает проблема, решение которой представляется только через ряд исследовательских задач.

Большаков, Михаил Владимирович — Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль», Зарайск, Россия; mishapram.1997@gmail.com

Bolshakov, Mikhail Vladimirovich — Zaraisk Kremlin State Museum-Reserve, Zaraysk, Russia; mishapram.1997@gmail.com

Целью данной статьи является описание опыта изучения предмета с точки зрения его назначения и времени бытования на примере этнографического текстиля, хранящегося в музее-заповеднике «Зарайский кремль». Задачи, поставленные перед исследованием, включают в себя: 1) рассмотрение и описание предметов; 2) поиск аналогов в госкаталоге; 3) анализ источников и литературы, связанные с рассматриваемыми экспонатами. В ходе исследования применялся метод анализа источников, систематизации информации, а также для достижения цели в хронологической атрибуции применялся метод высокоэффективной жидкостной хроматографии (далее ВЭЖХ).

Проблема атрибуции музейных предметов волновал исследователей и ранее, в этой связи было издано ряд работ. Обратим внимание на некоторые из них. Научный труд в двух томах был написан сотрудниками Российского этнографического музея – «Система научного описания музейного предмета» [1]. Двухтомный справочник содержит методическую базу системного унифицированного описания музейного предмета, а также стандарты научного описания этнографического предмета. Данная работа рассчитана на профессиональных работников музеев исторического профиля – этнографов, историков, археологов, краеведов. Она крайне полезна, т.к. даёт огромную информацию не только по формальному заполнению инвентарной карточки, но и приводит большое количество терминов, примеров способов изготовления нитей и производства тканей. Немаловажным трудом является сборник статей «Кучумовские чтения» [4]. Авторы затрагивают проблемы происхождения предмета, его консервации и пр. Важность этих сборников заключается в собрании опыта разнопрофильных музейных работников со всей России. Множество подобных сборников было выпущено за последние десятилетия, однако в них очень редко можно встретить вопрос атрибуции исторического текстиля. Теперь перейдём к описанию предмета, который необходимо атрибутировать.

В книге поступления экспонат именуется как «Шушун» (МЗК КП – 1019. ГК – 5645165) (Илл.1). Описание: распашная одежда, сшитая из перегнутого полотнища с вырезом для головы и прошитыми небольшими рукавами. С двух сторон по всей длине памятника вшиты полосы светло-коричневого цвета. Центральная фронтальная часть декорирована разноцветными лентами с орнаментом голубого цвета в виде ёлочка. На полы нашиты разноцветные ленты, низ украшен шерстяной жёлтой бахромой. Отличительные особенности памятника: 1) небольшие рукава; 2) вшитые по двум сторонам изделия ленты коричневого цвета; 3) плотное декорирование полов экспоната; 4) бахрома.

Следующим шагом необходимо найти аналоги. Подобные предметы хранятся в Государственном историческом музее (далее ГИМ). 1) ГИМ КП – 96262/2. ГК – 40815387. Шушпан. Крой данного памятника с предметом исследования совпадают – небольшие рукава, две полосы на фронтальной части изделия, полы плотно декорированы, а также нижнюю часть украшает бахрома. Тем не менее, есть небольшие различия в цветовой гамме, а также низ декорирован бисером белого цвета. В эту же группу входят: ГИМ КП – 100722. ГК – 40815544; ГИМ КП – 96262/1. ГК – 40815408; ГИМ КП – 100711. ГК – 40815385. Данные памятники зарегистрированы под наименованием «Шушпан». Аналог был также найден в Государственном историко-художественном музее "Новый Иерусалим". Однако в коллекции этого музея он проходит под названием «Юпочка-навершник» - МОКМ КП – 2013. ГК – 28348176. Описание: «Белой с красными полосками домашней полушерстяной ткани, прямой, распашной, длинный с короткими, обработанными красным и синим кантом рукавами. Ворот прямоугольный, обшит вместе с полами фабричной белой с синим тесьмой. В передние и задние швы вставлены прошвы темно-красной домашней шерсти. На плечах, груди и по подолу нашиты куски кумача с нашивками по нему из цветных шелковых лент, мишурного и серебряного позумента. На подоле нашиты черная шелковая, белая с синим х/б тесьма, белая тесьма с городчатой линией из кумача и белый аграмант. Между полосками аграманта – узкая прошва из темно-красной домашней шерсти с вышивкой белыми косыми крестами и цветными простыми крестиками. По подолу пришиты три разной ширины тесьмы домашней шерсти: широкая полосатая, узкая зеленая и коричневая с бахромчатым краем, унизанным белым бисером». Данный образец отличается от предмета исследования плотностью декорирования, однако общий крой и расположения украшений по полотну совпадает.

Таким образом, было найдено несколько аналогов с небольшими различиями декоративного свойства, поэтому мы можем сделать вывод о том, что все эти предметы относятся к одной группе крестьянской верхней одежды. Тем не менее, перед нами три совершенно разных названия данного вида памятника: «Шушун», «Шушпан» (одно и тоже название с региональной особенностью произношения и написания) и «Юпочка – навершник». Для более точного определения названия необходимо разобраться в особенностях этих типовой одежды.

Шушпан (шущун, шушка) – туникообразная, распашная или глухая наплечная одежда из домотканого шерстяного материала или холста длиной до колен или немного ниже. В основном цвет шушпанов белый, но девичья шушка с Секирина Скопинского уезда из чёрной домотканой

шерсти. Ворот, полочки, подол шушпанов украшали плетёной из шерсти тесьмой – мутовизом или ситцем, сатином, колленкором различных оттенков красного цвета. В праздничных шушпанах, кроме того, по подолу и рукавам нашивали полосы узорного тканья – «заклады», «забранки», вышивали довольно широкие орнаментальные мотивы. Во второй половине XIX – начале XX века узорное ткачество и вышивка на шушпанах всё чаще заменялись выкладками – аппликациями из разноцветных полос ситца, кумача, бархата, тесьмы, позумента, бахромы с бисером и блёстками [9, с. 30]. Внешний вид этого типа одежды расходитсся с рассматриваемым образцом из фондов Государственного музея-заповедника «Зарайский кремль». Ярким образцом шушпана является образец, находящийся в ГИМе (ГИМ КП 100722/2. ГК- 43323158)

В нагрудной одежде (нагруднике) южнорусского комплекса крестьянской женской одежды, можно выделить туникообразную одежду, бытовавшую в локальных традициях под названием нагрудник, наверхник и др. Она являлась непременной частью женского костюма как в помещении, так и на улице, надевалась поверх рубахи, прикрывая верхнюю часть тела до пояса, до середины бёдер или чуть ниже [6, с. 11-12]. Подобный тип одежды сильно отличается от внешнего вида предмета исследования. Наверхники встречаются в коллекции Государственного историко-художественного музея "Новый Иерусалим". Например, МОКМ КП-5503. ГК – 28349030.

Другое название – «Юпочка». Описание этого типа одежды встречается в книге Данилина А.Г. «Крестьянская одежда района «Богословщины» Рязанской губернии». Автор отмечает, то, что это верхняя одежда без рукавов шилась из домотканой полушерстяной материи. Покрой – цельное полотнище, которое перегибалось вдвое поперёк. Посередине присутствовал четырёхугольный вырез ворота, который разрезался до низу, образуя полы. По бокам к продольным сторонам поля пришивалось по одному полотнищу, которые около отверстия для рук подмышкой собраны в сборки. Они отделялись от основной части полосой кумача (у более старых – эта была полоса из красной или коричневой шерстяной материи), так называемая «торочка».

Юпочка обильно украшалась нашивками. Они присутствовали на плечах – полоса красного кумача с зубцами по одному краю («вырезы»). По кумачу нашивались узкие шёлковые ленты жёлтого, сиреневого и др. цветов, а в середине серебряный галун.

Нашивки на груди – широкая полоса кумача по сторонам разреза с нашитыми на нём узкими шёлковыми лентами, серебряным и золотым галуном.

Украшения подола состояли из нашивок. К нижнему краю одежды пришивался холст, затем затканка, а между ними шерстяная тесьма. Далее снова через яркую ленту, полоса холста, к которому пришивалась красная шерстяная полоска («накиска») с молочно-белым или синим бисером.

Характерное украшение: две узкие полосы кубовой синей материи, на расстоянии 2-х см, а между ними на белом фоне холста зигзагами нашивалась полоса кумача («вырез»). Кроме них весьма характерна была и волнистая тесьма «вьюн» или «гитан», которая сопровождалась обычно галуном [5, с. 10-12]. Описанный вид юпочки – праздничный.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что данный вид одежды называется «Юпочка», являвшаяся верхней одеждой крестьянок на территории Рязанской губернии.

Вопрос по времени бытования памятника является довольно сложным. Определить хронологические рамки, когда данный вид одежды был распространён можно, используя несколько методов.

Во-первых, анализ работы Данилина А.Г., в которой было отмечено, что «торочка», имеющая коричневый цвет, является более ранним вариантом украшения юпочки. Предмет из фондов МЗК имеет ярко-коричневый цвет. Предположительно такой оттенок она получила со временем из-за выцветания красителя.

Во-вторых, датировать данный предмет можно при исследовании краски, которая применялась при создании изделия. Это возможно сделать, используя метод ВЭЖХ (высокоэффективная жидкостная хроматография). Существует много различных понятий термина «хроматография» (дословно «запись цвета») [7, с. 3].

Для исследования был взят образец нити жёлтого цвета. Итогом стал следующий результат: образец МЗК КП – 1019 был окрашен в красный цвет бразильским деревом (Фернамбуком), красящее вещество – бразилеин [8]. Таким образом, бахрома («накиска») также как и у аналогов в ГИМе, была окрашена в красный цвет, выцветшая с течением времени.

Применение естественных красителей говорит о том, что данный памятник мог быть создан в первой половине XIX века. Стоит отметить, что на территории уездного города Зарайск существовала фабрика для крашения прядёной бумаги купца Сапожникова, которая была открыта в 1825 году. Красильные материалы покупались в Москве [3, с. 65]. Есть основание предполагать, что маток шерстяных нитей был окрашен на одной из красильных Зарайского уезда.

Таким образом, памятник, хранящийся в фондах Государственного музея заповедника «Зарайский кремль» имеет название «Юпочка», хро-

нологические рамки бытования – 30-50-е гг. XIX века. Данный результат был получен в ходе анализа литературы, поиска аналогов в фондах музеев РФ и использования естественнонаучного подхода при анализе этнографического текстиля.

Список использованных источников и литературы

1. Белобородова И.В., Брашнина О.О. и др. Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология: Справочник. В 2 кн. Общая методика атрибуции этнографического памятника. Классификаторы. Понятийные словари. 2-е изд. СПб., 2017.
2. Боковня В.И. и др. Атрибуция предмета: интуиция, опыт, документ: сборник научных статей XXVII царскосельской конференции. СПб., 2021.
3. Выставка изделий Рязанской губернии. 1837. М., 1837.
4. Гафифуллин Р.Р. Атрибуция, история и судьба предметов из музейных коллекций: сборник докладов научной конференции Кучумовские чтения. СПб., 2023.
5. Данилин А.Г. Крестьянская одежда района «Богословщины» Рязанской губернии. Рязань, 1927.
6. Мадлевская Е.Л., Зимина Т.А. Шушпан. Душегрея. Корсет. Нагрудная одежда в русском традиционном костюме. М., 2020.
7. Никулин С.В., Стародубцева Н.Л., Попов И.А. Высокоэффективная жидкостная хроматография. Учебно-методическое пособие. М., 2016.
8. Отчёт по анализу красителей исторического текстиля. Новосибирский институт органической химии им. Н.Н. Ворожцова (НИОХ СО РАН)
9. Панкова Т.М. Рязанский традиционный народный костюм// Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1992.

Для цитирования: *Большаков М. В.* Опыт атрибуции и датирования этнографического текстиля в музейной практике // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 87–92.

СЕКЦИЯ. ЦЕРКОВЬ И ВЛАСТЬ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

Малеев Дмитрий Юрьевич

Взаимоотношения королевской власти и церкви в меровингской Галлии во втор. половине VII в. – начале VIII в. (по протоколам королевского суда)

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие королевской власти и церкви, отражённое в протоколах королевского суда, созданных во второй половине VII – начале VIII вв. Дается характеристика судебным протоколам как историческому источнику, анализируются предмет и порядок судебных разбирательств. На основе этого анализа делается попытка сформулировать то, каких действий стороны ждали друг от друга и что могли предложить взамен.

Ключевые слова: Меровинги, церковь, королевский суд.

Title: Relationship between royal power and the church in Merovingian Gaul in second half of 7th century – early 8th century (on royal court records)

Abstract. The article examines the interaction of royal power and the church, reflected in the protocols of the royal court, created in the second half of the 7th – early 8th centuries. The characteristics of court records as a historical source are given, the subject and procedure of court proceedings are analyzed. Based on this analysis, an attempt was made to formulate what actions the parties expected from each other and what they could offer in return.

Key words: Merovingian dynasty, church, royal court.

Одним из важных источников по истории Галлии второй половины VII в. являются протоколы королевского суда, в медиевистике традиционно обозначаемые термином *placita*. До нас дошло всего 16 оригинальных документов, самый ранний из которых датируется 643 г., а самый поздний — 716 г. Однако большинство из них относятся к периоду между 692 и 709 годами. Все дошедшие до нас документы сохранились в архиве монастыря Сен-Дени, поэтому они содержат сведения о спорах, касаю-

Малеев, Дмитрий Юрьевич – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; dymaleev@edu.hse.ru

Научный руководитель: *Земляков, Михаил Вячеславович*, канд. ист. наук, доц. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
Maleev Dmitriy Yurievich. National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia; dymaleev@edu.hse.ru

Scientific adviser: *Zemlyakov Mikhail Vyacheslavovich*, Candidate of Historical Sciences, Assoc. National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

щихся только этого аббатства и происходивших в узком регионе — между реками Марна и Уаза — в северо-восточной части Галлии.

К исследованию этого типа источников подходили с разных сторон. Их исследовали с точки зрения дипломатики на предмет преемственности практик Поздней Римской империи [2, S. 146; 3, S. 186], рассматривали на их основе роль королевского суда в поддержании порядка во франкском королевстве [6, p. 43] и анализировали представления о королевской власти, распространённые в мерovingском обществе того времени [1, с. 162]. Мы же ставим перед собой следующую цель: выяснить, как в протоколах королевского суда представлены взаимоотношения королевской власти и церкви; что церковь ждала от короля, обращаясь к нему, и что король мог в ответ ожидать от церкви (мы предпочитаем говорить об ожидаемых действиях, потому что *placita* не содержат информации о том, насколько эти ожидания были удовлетворены и реализовали ли стороны свои функции в действительности). Стоит отметить, что в данном исследовании мы ставим себе задачу именно дополнительного изучения *placita* и не касаемся проблемы взаимоотношений королевской власти и церкви на основе других источников (законодательных, нарративных и т.д.).

Сама по себе запись заседания королевского суда представляет собой краткий отчёт, составленный нотарием королевской канцелярии со слов организатора процесса — графа дворца (*comes palatii*) — и в конце скреплённый печатью референдарием (начальником канцелярии). В отличие от королевских пожалований (*preserta*) того же периода *placita* имеют достаточно скудный формуляр, что обуславливает малое внимание к этому источнику исследователей дипломатики и затрудняет исследование происхождения этой формы документа (его связывают и с постановлениями церковных соборов [3, S. 186] и с заседаниями местных епископских синодов VI в. [2, S. 146]). Главная особенность, которую необходимо иметь в виду при анализе, заключается в том, что ход процесса и обязательные судебные процедуры описываются одинаково. Это говорит о том, что нотариий, кратко и быстро описывая прошедший суд, пользовался определёнными формулами; многие из них можно обнаружить в сборнике формул, составленном монахом Маркульфом на рубеже VII и VIII вв. [7, S. 58–59, 67–68].

Дошедшие до нас *placita* можно разделить на два типа: описывающие решение спорной ситуации и подтверждающие уже имеющееся решение. Заседания второго типа (формальные процессы) описываются точно так же, как и первого (т.е. имеет место вызов сторон в суд, заслушивание каждой из них королем и его ближним окружением и затем — вынесение вердикта). Только в отличие от решения действительно спорных ситуаций

стороны на формальном процессе не конфликтуют между собой, а зачастую уже имеют решение по своему вопросу в виде грамоты от епископа или от графа. Цель такого процесса состоит только в том, чтобы получить ещё одну грамоту, но от более высшей инстанции — короля. Такая потребность в большом количестве грамот была обычной в Галлии того времени [9, p. 299]. Скорее всего, это связано с тем, что грамота сама по себе не обеспечивала право собственности, большую роль играл консенсус относительно того, может ли конкретная грамота быть доказательством конкретного притязания (наряду с другими формами доказательства — клятвами, устными свидетельствами и т.д.), и поэтому владелец стремился к тому, чтобы запастись большим количеством авторитетных грамот [8, p. 495].

Однако основное внимание в этом исследовании будет посвящено тому, как королевский суд разрешал спорные ситуации. Несколько процессов было посвящено спорам относительно условного владения собственностью. Хлотарь III (657–673 гг.) разбирал три спора о собственности умершего Эрмелена [5, S. 239–246], который передал своё имущество во владение Сен-Дени, и владел им уже как прекарием. После его смерти наследники предъявили права на полное владение и обратились в королевский суд, куда прибыли и представители монастыря. В конце концов, наследники не смогли ничего добиться и собственность Эрмелена осталась во владении Сен-Дени. В 691/692 г. Хлодвиг III разбирал дело, в котором дьякон Хротхарий (связанный с Сен-Дени) обвинял дьякона Хуниберта в том, что последний решил забрать в полное владение несколько вилл, которые его предшественник передал Сен-Дени, и продолжил владеть ими как прекарием [5, S. 342–344]. Хуниберт заявлял, что выкупил вииллы назад, и суд постановил, чтобы он принёс документ, подтверждающий эту сделку. Однако об окончании спора нам ничего не известно.

Церковь также искала в королевском суде защиты от нападков крупных магнатов. Известно три значимых процесса по этому поводу, имевших место при короле Хильдеберте III (694–711 гг.). В 697 г. конфликт произошёл из-за того, что сын майордома Пипина Геристальского Дрого, женатый на дочери Берхария (майордома Нейстрии в 686–688 гг.), решил, что имеет права на часть вииллы Нуази-сю-Уаз в округе (pagus) Шамбли, которая когда-то принадлежала его тестю, а теперь находится во владении монастыря Тунсонваль [5, S. 374–376]. Люди Дрого захватили эту вииллу силой, а аббат монастыря в ответ обратился в суд. Поскольку Дрого никак не смог доказать права на эту вииллу, то суд постановил вернуть её монастырю и возместить весь ущерб. В 709 г. другой сын Пипина,

Гримоальд, который был тогда графом Парижа и майордомом Нейстрии, вопреки прежним постановлениям короля забрал половину податей, взятых с торговцев, приехавших на ярмарку в день св. Дионисия. Хильдеберт постановил вернуть всё Сен-Дени [5, S. 388–391]. На другой день, в том же 709 г., монастырь Сен-Дени и Гримоальд спорили о том, к чьим землям относится одна мельница [5, S. 391–393]. После выяснения обстоятельств и принесения соответствующих клятв мельница была признана собственностью монастыря. Суд 697 г. примечателен ещё и тем, что мы знаем поимённо знатных людей, присутствовавших там. Обычно в *placita* не содержатся имена, а просто употребляются общие выражения типа «с нашими верными» (*cum nostris fedelebus*) [5, S. 360]. В данном случае же мы можем посмотреть состав окружавших короля «верных» и найдём там даже конкурирующих между собой феодалов (майордом Пипин с одной стороны и оптимат из Прованса Антенор и епископ Осера Саварик с другой). Такой неоднородный состав свидетельствует о том, что королю Хильдеберту необходимо было опереться на поддержку части знати, не подверженной влиянию Пипина. Это частный случай т.н. политики консенсуса со знатью, которой придерживались Меровинги в своём правлении. «Участие знати, клириков и представителей государя в разрешении конфликтов оказывалось решающим фактором для придания законности судебным приговорам. Сила судебного приговора заключалась, прежде всего, в согласии сторон в отношении исхода процесса» [1, с. 188–189].

Знать, присутствующая на королевских судах и тем самым участвующая в отправлении правосудия, состоит в том числе и из представителей церкви (в том же суде 697 г. упомянуты семь епископов). В этом вопросе стоит обратить внимание ещё на один диплом. По своей форме он относится к *preserta*, но по своему содержанию он представляет именно заседание королевского суда. В 679 г. при Теодорихе III на его вилле собираются епископы Нейстрии и Бургундии и там происходит низложение некоего Храмлина, епископа Амбрена, захватившего свой диоцез незаконно [5, S. 310–312]. Его лишают власти и отправляют на заточение в Сен-Дени. Этот случай даёт нам пример взаимного сотрудничества королевской власти и церкви. С одной стороны, только король обладал достаточной властью, чтобы силой сместить незаконного епископа, но с другой — ему было необходимо опереться на авторитет церкви в лице епископов со всего своего королевства.

Королевская власть, таким образом, по отношению к церкви должна была выполнять две главные функции. Первое — это поддержка юридической стабильности. Представители церкви обращались к королям за официальным подтверждением своего права собственности (что ярче

всего видно на примере формальных процессов) и за авторитетным решением в спорной ситуации. Решение королевского суда должно было быть надлежащим образом оформлено и выдано клирику в виде краткой записи суда. Второе — от королевской власти также ожидалась поддержка церкви в её конфликтах с крупными феодалами. В этих случаях королю было недостаточно просто выдать соответствующий диплом, ему нужно было либо с помощью достижения консенсуса со знатными людьми добиваться принятия выгодного церкви решения, либо же оказывать силовое воздействие, как это было в случае с епископом Храмлином.

Церковь, со своей стороны, должна была содействовать поддержанию этой юридической стабильности разными средствами. Во-первых, это создание сборников формул для более эффективной работы нотариев. Два формуляра того времени — Маркульфа и Анжерский — были созданы при участии именно представителей церкви. Сам Маркульф, как уже упоминалось, был монахом. А Анжерский формуляр, судя по всему, был составлен по инициативе парижского епископа [9, р. 300]. Во-вторых, клирики часто участвовали в качестве представителей одной из сторон спора. У нас есть всего лишь одно упоминание об этом [5, S. 355–357], но собор 674 г. в Бордо содержит положение, запрещающее клирикам брать на себя эту роль без согласия епископа [4, S. 215], что говорит о распространённости этой практики. В-третьих, существующие точки зрения на происхождение такого типа документов как *placita* указывают на то, что именно церковь повлияла на возникновение практики фиксации заседаний суда и последующее использование этих документов как авторитетных. Помимо поддержки правовой культуры короли от клириков, как уже было видно, ожидали и поддержки авторитетом в спорных ситуациях.

Список использованных источников и литературы

1. *Старостин Д.Н.* Между Средиземноморьем и варварским пограничье: Генезис и трансформация представления о власти в королевстве франков. М., 2017.
2. *Bergmann W.* Untersuchungen zu den Gerichtsurkunden der Merowingerzeit // *Archiv für Diplomatik.* 1976. Jg. 22. S. 1–186.
3. *Classen P.* Kaiserreskript und Königsurkunde. Diplomatische Studien zum Problem der Kontinuität zwischen Altertum und Mittelalter. Thessaloniki, 1977.
4. *Concilium Burdegalense // Concilia aevi Merovingici // Concilia.* Т. I / Ed. Fr. Maassen. Hannoverae. Impensis Bibliopoli Hahniani. 1893. (MGH. Conc.) S. 215–216.
5. *Die Urkunden der Merowinger / Hrsg. von Theo Kölzer.* Erster Teil. Hannover: Hahn, 2001 (MGH. DD Merov. 1). URL:[https://www.dmgh.de/mgh_dd_merov_1/index.htm#page/\(I\)/mode/1up](https://www.dmgh.de/mgh_dd_merov_1/index.htm#page/(I)/mode/1up) (Дата обращения: 01.11.2023).
6. *Fouracre P.* “Placita” and the Settlement of Disputes in Later Merovingian Francia // *The Settlement of Disputes in Early Medieval Europe / Ed. by W. Davies, P. Fouracre.* Cambridge, 1986. P. 23–43.

7. *Marculfi Formulae* // *Formulae Merovingici et Karolini aevi* / Ed. Karolus Zeumer. Hannoverae, 1886 (MGH. Formulae). P. 32–112.
8. *Rio A.* Merovingian legal cultures // *The Oxford Handbook of the Merovingian world* / Ed. by Bonnie Effros and Isabel Moreira. Oxford University Press. 2020. P. 489–507.
9. *Wood I.* Administration, law, and culture in Merovingian Gaul // *From Roman Provinces to Mediaeval Kingdoms*. Ed. by T.N.X. Noble. NY. 2006. P. 299–313.

Для цитирования: *Малеев Д. Ю.* Взаимоотношения королевской власти и церкви в мерovingинской Галлии во втор. половине VII в. – начале VIII в. (по протоколам королевского суда) // *Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных.* СПб., 2024. С. 93 – 98.

Стратегии формирования образа правителя на примере князя Владимира Святославича и конунга Олава Трюгвасона (по материалам «Повести временных лет» и «Саги об Олаве Трюгвасоне»)

Аннотация. Исследуются нарративные стратегии историописания Руси и Скандинавии XII – XIII веков на примере двух правителей: князя Владимира Святославича («Повесть временных лет» Лаврентьевской и Ипатьевской группы летописей) и конунга Олава Трюгвасона («Сага об Олаве Трюгвасоне» в редакции монаха Одда Сноррасона и в редакции Снорри Стурлусона из свода «Круг Земной»). Методология исследования строится на методах исторической текстологии и исторической антропологии с опорой на исследования Глазыриной Г.В., Глебовой Д.С., Гуревича А.Я., Джаксон Т.Н., Мельниковой Е.А., Успенского Ф.Б.

Ключевые слова: исландские саги, древнерусские летописи, королевские саги, Повесть временных лет, средневековая литература

Title: General and specific in the narrative strategies of describing the sovereign on the example of duke Vladimir I The Saint and king Olav Tryggvason.

Abstract. The subject of the article is the narrative strategies in the practices of the historical writing of Rus' and Scandinavia in the 12th – 13th centuries. The object of the study is the describing of duke Vladimir I The Saint and king Olav Truggvason campaign's, presented both in the ancient Russian ("Primary Chronicle" of the Lavrentiev and Ipatiev group of chronicles) and in the Scandinavian ("Heimskringla", «Odd Snorrason monk's version») sources. The main method of research is a comparative historical method and historical anthropology.

Key words: Icelandic sagas, king sagas, Russian primarily chronicles

Исследование сосредоточено на проблеме влияния нарративных стратегий составителей саг и летописей на формирование образа правителя и их связи с мировоззрением средневекового общества. В фокус внимания попали правители, способствовавшие распространению христианства на Руси и в Норвегии, поскольку историописание этих регионов создано с целью вписать историю политики и народа в общую историю христианского мира.

Источниками нашего исследования стали стали «Повесть временных лет» - в двух редакциях: Лаврентьевской и Ипатьевской групп летописей, а также «Сага об Олаве Трюгвасоне» в двух редакциях: монаха Одда

Малькова, Анна Николаевна — Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; amalkova-20@ranepa.ru
Научный руководитель: *Успенский, Фёдор Борисович*, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН.

Malkova, Anna Nikolaevna — the Russian Academy of National Economand public Service under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia; amalkova-20@ranepa.ru
Scientific adviser: *Uspenskij, Feodor Borisovich*, Doctor of Philology, Head of the Research Laboratory of Old Russian Culture of the ISIS RANEPА, Russia.

Сноррасона и Снорри Стурлусона из сагового свода «Круг Земной». Их история формирования имеет схожие черты: ядром нарратива выступили устные предания, сформированные в дружинной среде и, затем, попавшие в среду христианских книжников, после чего получили наполнение новым ценностно-смысловым содержанием. Это проявилось в характере повествования о правителях, оно сочетает в себе влияние агиографической и героико-эпической литературы. Одна из причин кроется в неоднородности аудитории: для книжников имеет значение факт распространения христианства, для дружинников – героические деяния правителя [1, с. 124; 2, с. 324].

«Повесть временных лет» – летописный свод XII в., дошедший до нас в виде списков Лаврентьевской (владимиرو-суздальская летописная традиция, Лаврентьевский, Радзивилловский и Московско-Академический своды) и Ипатьевской группы (южнорусская летописная традиция, Ипатьевский и Хлебниковский списки) летописей [3, с. 9 – 44; 4, с. 32]. Древнейшим слоем летописного повествования стало «Древнее сказание» небольшое недатированное произведение о борьбе за власть в Киеве в X – начале XI вв., важнейшим источником которого и выступали рассказы дружинников, затем на его основе в 1078 – 1079 гг. создается «свод Никона». В этом своде и появляются рассказы, связанные с крещением Владимира и распространением христианства. В 1090-х гг. составлен «Начальный свод», который был дополнен цитатами из Библии и «Хронографа по великому изложению», а на его основе в 1116 году игумен Печерского монастыря Сильвестр создал «Повесть временных лет» [5, с. 154 – 156]. «Повесть временных лет» составлена по собственному плану и на основании самостоятельной идейной установки, следов механической вставки фрагментов греческой хроники найти невозможно, известия из греческих хроник вводятся только в связи с историей древней Руси [6, с. 72].

Текст «Саги об Олаве Трюггвасоне» Олда Сноррасона из Тингейрарского монастыря является самой древней редакцией этой саги. Оригинал был написан между 1180 и 1200 гг. на латыни, но сохранился только в трех вариантах перевода на древнеисландский язык. Список А является норвежской рукописью AM 310 4o, которая датируется 1230 – 1275 гг. и имеет следы латиноязычного оригинала: имена в латинской форме и избыточные для древнеисландского языка комментарии. Список S представляет собой исландскую рукопись Holm. Perg. 18 4o, датируемую первой четвертью XIV в. Список U является рукописью DG 4 – 7 I fol. с фрагментом саги, выполненным в юго-западной области Норвегии в середине XIII в [1, с. 130].

Среди источников монаха Одда называют сочинения Сэмунда и Ари Мудрого, «Историю о древних норвежских королях» монаха Теодорика и устные сообщения информантов. В качестве литературных образцов, повлиявших на форму подачи материала, называются: «Хроника Псевдо-Турпина» или «Historia Karoli Magni et Rotholandi» – латиноязычная биографию Карла Великого, написанная в первой половине XII века, переведенная на древнеисландский в 1190 – 1225 гг. и включенная в «Сагу о Карле Великом», «Диалоги» Григория Великого и сочинение «De gestis Karoli Magni» («О деяниях Карла Великого») [1, с. 129 – 130].

«Круг земной» («Heimskringla») — свод саг о норвежских конунгах с древнейших времен по 1177 г. «Круг земной» был написан, как принято считать, после 1230 г. и, скорее всего, завершен к 1235 г. Он сохранился во многих рукописях XIII–XIV вв. Важнейшие из них — «Kringla», «Jöfraskinna», «Codex Frisianus», AM 39 fol, «Eirspennill». В пожаре Копенгагена в 1728 г. сгорели три рукописи «Круга земного» — «Kringla», «Jöfraskinna» и «Gullinskinna». Они сохранились в выполненных в XVII–XVIII вв. бумажных списках. Три рукописи «Круга земного» хранятся сейчас в Арнамагнанском собрании в Копенгагене: F — «Codex Frisianus» (AM 45 fol), «Eirspennill» (AM 47 fol) и AM 39 fol. [1, с. 51 – 53]

Считается, что Снорри Стурлусон был знаком как текстами, упомянутыми в контексте обсуждения саги в редакции Одда Сноррасона, так и со «Сводом» (Agrip) конца XII в., который охватывал период с IX по XII в., а также «Историей о древних норвежских королях» монаха Теодорика и анонимной «Историей Норвегии». Однако, поскольку сам Снорри не отличал источника от его пересказа, выделить фрагменты текста, по которым точно можно сказать, что они вставлены автором из конкретного сочинения, не представляется возможным. Обращает на себя внимание и использование Снорри Стурлусоном скальдических вис, которые отчетливо противостоят авторскому пересказу, сохраняясь как фиксированные тексты. Автор, поясняя или развивая содержание вис, достаточно свободно пересказывает их содержание [7, с. 510]

Во всех вариантах повествования мы видим схожий набор элементов:

<i>Жизнеописание князя Владимира (по Лавр. и Ипат. летописям)</i>	<i>Жизнеописание конунга Олава Трюггвасона (по редакции Одда Сноррасона)</i>	<i>Жизнеописание конунга Олава Трюггвасона (по редакции Снорри Стурлусона)</i>
---	--	--

Жизненные трудности в первые годы жизни: незаконное происхождение и неустойчивое положение [8, с. 44, стб. 69; 9, с. 33, стб. 58]	Жизненные трудности в первые годы жизни: пребывание в рабстве [10, Bls. 21–23]	Жизненные трудности в первые годы жизни: пребывание в рабстве [11, bls. 108 - 109]
Вынужден искать поддержки за пределами своей страны [8, с. 45 – 46, стб. 74 – 75; 9, с. 36, стб. 63 – 64]	Вынужден искать поддержки за пределами своей страны [Ibid.]	Вынужден искать поддержки за пределами своей страны [Ibid.]
Принял крещение за пределами своей страны – в Византии [8, с. 63, стб. 109 – 110; 9, с. 51 – 53, стб. 95 – 97]	Принял крещение за пределами своей страны на о. Сюллинге, а prima signatio – в Греции [10, Bls. 30, 39–43]	Принял крещение за пределами своей страны на о. Сюллинге, эпизод с принятием prima signatio в Греции опущен [11, bls. 124 – 125]
Победил в междоусобной борьбе при помощи воеводы-предателя [8, с. 46, стб. 75 – 76; 9, с. 36, стб. 64 – 65]	Победил в междоусобной борьбе при помощи раба-предателя [10, bl. 75 – 85]	Победил в междоусобной борьбе при помощи раба-предателя [11, bls. 138 – 142]
Имел конфликт с одной из жен, ставший поводом для мести с её стороны (неудачной) [8, л. 99 об.–100, стб. 299 – 300]	Имел конфликт с одной из жен, ставший поводом для мести с её стороны (неудачной) [10, bls.]	Имел конфликт с одной из жен, ставший поводом для мести с её стороны (неудачной) [11, Bls. bl. 171 – 181]
Распространял христианство, в том числе с использованием принуждения [8, с. 66, стб. 116 – 119; 9, с. 55, стб. 101 – 103]	Распространял христианство, в том числе с использованием принуждения [10, bl. 161 – 165]	Распространял христианство, в том числе с использованием принуждения [11, bl. 151 – 153]

Тем не менее, следует обратить внимание на то, что расстановка этих элементов нарративной стратегии в повествовании играет первостепенную роль: Владимир принимает крещение, будучи единоличным правителем Руси и выйдя победителем из состязания с византийским императором подобно тому, как это сделала княгиня Ольга, а также хитростью захватив Корсунь [2, с. 324]. И факт его крещения с последующим обручением с царевной Анной закрепляет и упрочает его статус. Крещение конунга Олава Трюггвасона в обеих редакциях саги знаменует факт принятия им своей судьбы, которой только предстоит свершиться. Судьба князя Владимира Святославича уже свершилась, он – князь-креститель, преобразовавший порядок и принципы осуществления и передачи власти

на Руси (вставка с эпизодом неудачной мести Рогнеды должна показывать невозможность возврата к старым порядкам и принципам). Судьба конунга Олава Трюгтвасона – это судьба героя эпической древности, кульминационным моментом в ней становится в противостояние конунгам-язычникам. В этом противоборстве Олав Трюгтвасон противостоит своей судьбе и через это добывает себе славу, поскольку «конунг надобен для славных дел, а не для долгой жизни» [12, с. 132 – 133]. Его противостояние родне Железного Скегги, которую олицетворяет его дочь Гудрун и её неудачная месть, следует рассматривать как серьёзное нарушение обычаев средневекового скандинавского общества, в частности – церемониала кровной мести, и маркер, что из этой затеи её участники не смогут извлечь никакой выгоды. Но в основе этого противостояния лежит представление о том, что конунг, хоть и важная фигура средневековой скандинавской политики, всё же должен подчиняться обычаям, которые заведены издревле. В свою очередь, в древнерусском летописном нарративе мы ничего подобного не видим – князь оказывается вправе объявить своими врагами тех, кто не явится принимать крещение, и летописец, вкладывая в уста киевлян фразу, одобряющую такое положение вещей, провозглашает определенный идеал общественной жизни, согласно которому как носитель власти может менять закон под себя без каких-либо последствий, если на то имеется санкция свыше. Конституирование образа князя Владимира совершается по схеме «от героя эпоса к герою жития», поскольку, с точки зрения летописца, Владимир выполняет Божью волю.

Список использованных источников и литературы

1. *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. М., 2012. 779 с.
2. *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2020. 1007 с.
3. *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. /А. А. Шахматов / Отв. Ред.: А. С. Орлов, Б. Д. Греков, М., 1938. 374 с.
4. *Глебова Д.С.* Нарративный модус в историографических памятниках Древней Руси и Древней Скандинавии [Текст] дис. канд. филол. наук 10.02.20: защищена 25.01.22, утверждена 26.11.21. / Глебова Дарья Сергеевна, М.: 2021, 307 с.
5. *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. 280 с.
6. *Бугославский С.А.* Текстология Древней Руси. Том 1. Повесть временных лет. Сост. Ю.А. Артамонов. М., 2006. 312 с.
7. *Стеблин-Каменский М.И.* «Круг Земной» как литературный памятник // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 5–6, 581–597, 633–660.
8. Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997..

9. Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.
10. Saga Óláfs Tryggvasonar af Oddr Snorrason munk / Ed. Finnur Jónsson. G. E. C. Gad, Copenhagen, 1932.
11. Heimskringla eða Sögur Noregs konunga Snorra Sturlusonar. N. Linder og H. A. Haggson. Uppsala, W. Schultz, 1869–1872.
12. Гуревич А. Я. Избранные труды. Норвежское общество. М., 2009. 470 с.

Для цитирования: Малькова А. Н. Стратегии формирования образа правителя на примере князя Владимира Святославича и конунга Олава Трюггвасона (по материалам «Повести временных лет» и «Саги об Олаве Трюггвасоне») // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 99–104.

Кардинал де Рец и его размышления о Парижском Парламенте в контексте становления абсолютной королевской власти во Франции

Аннотация. В статье рассматриваются размышления кардинала де Реца о парижском Парламенте, воспринимаемого автором мемуаров в качестве одного из ограничителей королевской власти во Франции. Де Рец при этом обращает внимание на развитие политического режима королевства в принципе, а не только на современную ему монархию. Взгляд мемуариста на положение Парламента и основания для него и будут проанализированы в данной статье.

Ключевые слова: Кардинал де Рец; парижский Парламент; французский абсолютизм.

Title. Cardinal de Retz and his reflections on the Parliament of Paris in the context of the establishment of absolutism in France

Abstract. The article discusses the reflections of Cardinal de Retz on the Paris Parliament, perceived by the author of the memoirs as one of the constraints on royal power in France. De Retz draws attention to the development of the political regime of the kingdom in general, not just to the monarchy as it existed during his time. The memoirist's view on the position of the Parliament and its foundations will be examined in this article.

Key words: Cardinal de Retz; the Parliament of Paris; French Absolutism.

Жан-Франсуа Поль де Гонди, кардинал де Рец (1613 – 1679) - известный мемуарист эпохи Людовика XIV, одна из видных фигур Фронды (1648 – 1653 гг.). В своих мемуарах он стремился легитимизировать ее, объяснить свою оппозиционность [12, р. 53]. Однако большинство исследователей рассматривает его мемуары как источник по аристократической составляющей Фронды [8, с. 24], игнорируя не менее важный пласт происходивших во Франции событий – судебскую среду. Новизна данного исследования заключается в привлечении пассажей де Реца касательно главного суда королевства – парижского Парламента. Актуальность исследования состоит в том, что именно этот орган был главной оппозиционной силой первого этапа Фронды, одним из кризисных явлений Старого порядка. В своих высказываниях де Рец опирался на саму историю развития государственного учреждения.

Ершов, Артем Романович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st096591@student.spbu.ru

Научный руководитель: Кулешова, Елена Владимировна, канд. ист. наук, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Ershov, Artem Romanovich— Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st096591@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Kuleshova, Elena Vladimirovna*, Candidate of Historical Sciences, Assoc. Saint

В своих весьма крупных мемуарах де Гонди рассмотрел широкий круг вопросов [11, р. 669], однако именно про Парламент он говорил довольно мало – наиболее интересный пассаж о нем занимает буквально несколько страниц текста [3, с. 54 - 57].

По мнению кардинала де Реца, современная ему монархия демонстрировала излишний крен в сторону единоличной власти, что невыгодно отличало ее от старых времен. «Французские короли не всегда были столь самодержавны... Их власть не была ограничена подобно власти королей английских... писаными законами. Она сдерживалась лишь обычаями, коих словно бы блюстителями были Генеральные Штаты, а впоследствии парламенты» [3, с. 54]. Кардинал де Рец акцентировал внимание именно на парламентах, поскольку Генеральные Штаты к 1648 году уже сошли с политической арены. Но что дало основания Полю де Гонди считать парламенты (особенно парижский) ограничителями королевской власти? Обратимся к истории данного учреждения.

Власть короля была неразрывна связана с правом вершить суд. Судебную функцию осуществлял специальный совет при монархе - королевская курия [9, с. 46]. Из нее при Людовике IX в середине XIII в. выделился особый трибунал из юристов, постоянно пребывавший вместе со своим архивом в Париже – парижский Парламент. Парламент впоследствии будет активно подчеркивать свою связь с курией для легитимизации своих политических притязаний [10, с. 331].

XIII - XIV вв. — период институционализации Парламента, орган сыграл значительную роль в централизации королевства. Политическое могущество Парламента определило право советников делать ремонстрации, утвердившееся в XIV в. [9, с. 339]. Проверя указы короля на соответствие духу законов, Парламент имел возможность их заблокировать. Монарх все равно мог провалить нужный ему указ, лично явившись на заседание и как бы лишив тем самым советников политического суверенитета – но в этом случае могла возникнуть проблема с исполнением эдикта. Таким образом, Парламент выступал ограничителем королевской власти. Однако, в случаях ущемления интересов советников Парламента, право ремонстраций могло быть серьезной проблемой для правительства [4, с. 124].

Как полагал кардинал де Рец: «Регистрация договоров ... и утверждение эдиктов о взимании налогов — вот полустершийся след того мудрого равновесия, какое отцы наши установили между произволом королей и своеволием народа. В равновесии этом добрые и мудрые венценосцы видели приправу к своей власти, весьма даже полезную для того, чтобы власть эта приходилась по вкусу их подданным; правителям же дурным

и злонамеренным оно представлялось препоной их беззакониям...» [3, с. 54]. Таким образом, де Рец видел в Парламенте некий буфер между королем и народом. Если взаимосвязь короля и Парламента была явной, то защита интересов народа от своеволия монарха судебным органом, что бы не говорил об этом де Рец, на практике выглядела весьма эфемерной.

При Людовике XI произошло укрепление роли Парламента, хотя де Рец и отмечает, что тот «нанес урон прямодушию» [3, с. 54]. Парламент «вопреки» воле короля отказался регистрировать договор с Лигой общественного блага (а прецеденты были значимы). Эдикт 21 октября 1467 устанавливал принцип несменяемости судей [7, с. 35]. Политическая сила органа неуклонно росла.

XVI век принес значимое изменение – купля-продажа должностей стала основным способом рекрутирования советников Парламента. Е. Г. Волкова условно выделяет 4 периода в способах формирования Парламента. В XIII в. советники назначались непосредственно королем. С середины XIV в. утвердился принцип выборов с последующей кооптацией. В XV в. распространилась практика отказа от должности в пользу конкретного лица и принцип несменяемости судей, что привело к распространению наследования парламентских мест. Отказ от должности со временем начал требовать платы. Эта плата в итоге стала рассматриваться как цена должности, что и привело к купле-продаже должностей [2, с. 118].

В своих мемуарах де Рец не упомянул о том, что должности судей можно было купить, поскольку это бы рушило конструируемый им образ органа, бывшего противником всякого произвола.

Продажность должностей являлась формой кредитования государства и давала королю аппарат должностных лиц, не обязанных своим возвышением покровительству аристократии. Сформировался союз, создавший противовес старой аристократии. Уже с XIV века в парламентской среде неуклонно росло число лиц недворянского происхождения, а со второй половины XV в. за счет ряда привилегий началось фактически формирование «нового дворянства» - т.н. «дворянства мантии» [4, с. 123]. Советники Парламента образовали фактически целую корпорацию, члены которой рассматривали покупку своих должностей как контракт с королем. Примерно 60 % должностей наследовались - с новыми «поколениями» судейских это понимание все усиливалось [9, с. 73].

Применительно к Фронде, де Рец отметил: «Союз палат, учрежденный под предлогом реформы государственного управления, мог, разумеется, преследовать и личные выгоды должностных лиц...» [3, с. 63]. Он обошел стороной тот факт, что парламентская Фронда началась именно из-за

частных интересов судейских. Не учтено и то, что советники в основном были далеки от простого народа, являлись представителями нобилитета.

Однако XVI век подготовил будущий антагонизм королевской власти и Парламента. С середины века из-за войн выделились чисто административные органы управления. По мнению В. Н. Малова, период с середины XVI в. и до 1630 гг. можно охарактеризовать как период судебно-административной монархии. Процессы усиления «дворянства мантии» и распространения административных методов управления пока шли параллельно и не вступали в антагонизм [7, с. 45].

В 1593 г. судейские поспособствовали воцарению Генриха IV, при котором произошло важное нововведение – в 1604 г. введена «полетта». Теперь с уплатой в казну небольшого ежегодного взноса, должность сохранялась за семьей советника без всяких юридических нюансов, которые были ранее [7, с. 46]. Рынок должностей сократился, цены на них выросли, а «дворянство мантии» еще больше обособилось. Теперь риск потерять семейную должность был минимален – судейские чувствовали себя крайне уверенно [6, с. 6].

При восшествии на престол Людовика XIII произошел беспрецедентный случай – Парламент утвердил регента. Старое дворянство было недовольно усилением политического влияния органа и «закрывшейся дверью» в его ряды из-за введения полетты – вопрос об ее отмене стал центральным на Генеральных Штатах 1614 – 1615 гг. Правительство согласилось, но Парламент был против. На его заседание без санкции короля были приглашены пэры. Правительство побоялось союза Парламента и знати – полетта была оставлена [7, с. 49].

Генеральные штаты 1615 г. стали предпоследними в истории. Парламент и Штаты генетически имеют один и тот же исток – *curia regis*. Суд не уравнивал себя со Штатами, но претендовал на те же функции в меньшем объеме и на регулярной основе [10, с. 346]. Парламент изображал себя народным представительством, хотя на деле таковым никак не являлся. Связь Парламента и Штатов нашла отражение в цитированном отрывке из мемуаров де Реца, однако реально считать Парламент их преемником безосновательно [3, с. 54]. Но у кардинала де Реца для этого имелись мотивы – легитимизация Фронды.

В 1624 г. к власти пришел Ришелье, который «оперся на злую волю и неведение, накопившиеся за два последние столетия, и использовал их [парламенты], когда это было ему выгодно. Он облек их в правила... для укрепления королевской власти; фортуна потворствовала его замыслам ... он утвердил в самой законной из монархий тиранию» [3, с. 55].

При Ришелье продолжилась централизация. Провинциальные интенданты превращались в постоянных представителей центра, проводивших довольно жесткую налоговую политику. И народ, и парламентарии были недовольны усилением их роли. «Провинции, отданные вымогателям-суперинтендантам, пребывали в упадке и унынии под гнетом бедствий...» [3, с. 59]. А с вступлением Франции в тридцатилетнюю войну административные методы управления стали более предпочтительными, а «судьи должны судить и только, не вмешиваясь в дела государственные» - так характеризовалось отношение к Парламенту в тот период [5, с. 402].

1630-ые гг. были временем работы экстраординарных судебных трибуналов. Парламент был противником этой практики, что дало повод считать его «защитником свобод» [7, с. 51].

Суд был вынужден зарегистрировать ряд эдиктов о должностях, а в 1641 г. так и вовсе принять новые правила ремонстраций. К концу своей жизни Ришелье мог считать Парламент полностью покорным и усмирным. Парламентская корпорация, недовольная своим положением, стала главной движущей силой первого этапа Фронды [1, с. 44].

Кардинал де Рец, рассуждая о деятельности Ришелье, выделил неразрывную связь Парламента и монархии, невозможность их существования друг без друга: «Монархии, самые могущественные,... нуждаются в соединенном поддержании оружием и законами, и соединение это столь необходимо, что одно не может обойтись без другого. Безоружные законы попираются, оружие, не сдерживаемое законами, клонится к анархии» [3, с. 55]. Он провел историческую параллель с Римской Империей, которая «существовала лишь до тех пор, пока... поддерживали могущество законов» [3, с. 55], намекая на необходимость существования Парламента.

Взгляд кардинала де Реца, таким образом, имел под собой исторический фундамент. Парламент Парижа опирался на весьма долгую историю. В XVII в. он представлял из себя сложно организованную институцию, обладающую, весомыми политическими полномочиями, подкрепляемыми «авторитетом древности». Право ремонстраций являлось главным инструментом политического влияния органа. Советники Парламента представляли из себя особую корпорацию, обладающую собственными интересами. Опора на парламентскую корпорацию долгое время (вплоть до середины XVI в.) способствовала усилению королевской власти. Однако при Ришелье эта тенденция окончательно сошла на нет - стали преобладать административные методы управления. Интересы королевской власти и Парламента все больше вступали в антагонизм. Кардинал де Рец же во многом мыслил еще старыми категориями, когда королевская

власть не мыслилась без высших судебных палат. Ему было выгодно изображать Парламент необходимым противовесом монархии, поскольку это легитимизировало бы в глазах его читателей Фронду и его участие в ней.

Список использованных источников и литературы

1. Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998. 815 с.
2. Волкова Е. Г. Парижский парламент - высший апелляционный суд средневековой Франции / Е. Г. Волкова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2015. – № 2. – С. 117-127.
3. Кардинал де Рец. Мемуары. Под ред. Лихачев Д. С. М., 1997. 827 с.
4. Кареев Н. И. История Западной Европы в Новое время. Т. 1. Переход от Средних веков к Новому времени. СПб., 1892. 558 с.
5. Кареев Н. И. История Западной Европы в Новое время. Т. 2. Реформация и политическая жизнь в XVI и XVII вв. СПб., 1893. 618 с.
6. Кожохин Е. М. Государство и народ: от Фронды до Великой французской революции. М., 1989. 176 с.
7. Малов В. Н. Парламентская Фронда: Франция, 1643—1653. М., 2009. 497 с.
8. Павлова С. Ю. Документальное и художественное в первой части "мемуаров" кардинала де Реца / С. Ю. Павлова // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2019. – Т. 4. – № 3. – С. 18-28.
9. Хачатурян Н. А. Сословная монархия во Франции XII – XV вв. М, 1989. 272 с.
10. Цатурова С. К. «Парламент при своем возникновении был государственным собранием»: истоки политических притязаний парламентариев (размышления о своеобразии французской монархии) / С. К. Цатурова // Средние века. 2014. Т. 75. № 3-4. С. 9-42.
11. Bertière A. Le Cardinal de Retz mémorialiste // Klincksieck. coll. « Bibliothèque française et romane. Série C, Études littéraires». 1977. № 66. 680 p.
12. Watts D.-A. Retz // Cahiers de l'Association international des études francaises. 1988. № 40. P. 51–68

Для цитирования: *Ершов А. Р.* Кардинал де Рец и его размышления о Парижском Парламенте в контексте становления абсолютной королевской власти во Франции // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 105– 110.

СЕКЦИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Соковнина Светлана Александровна

Развитие ремёсел в Бресте в середине XVI века

Аннотация. В данной статье изучается проблема ремесленного развития Бреста в 1560-е годы. Выделяются основные категории профессиональной деятельности брестчан. Производственная сфера рассматривается как в рамках всего города, так и внутри Места в паркане, Места за парканом, Предместья и Замухавечья — его отдельных районов. На основании проведённого исследования делаются выводы относительно уровня урбанизации Бреста.

Ключевые слова: Брест; ремесло; Великое княжество Литовское.

Title: The development of crafts in Brest in the middle of the XVI century.

Abstract. This article examines the problem of craft development of Brest in the 1560s. The main categories of professional activity of Brest residents are distinguished. The industrial sphere is considered both within the whole city, and inside the Place in the park, the Place behind the park, the Suburbs and Zamukhavechye — its individual districts. Based on the conducted research, conclusions are drawn regarding the level of urbanization of Brest.

Key words: Brest; craft; Grand Duchy of Lithuania.

В позднем Средневековье значительная роль в развитии экономической, политической, правовой и культурной жизни Великого княжества Литовского принадлежала городам, которые исторически выполняли экономическую, административную и военную функции. Сеть городов, сформировавшаяся ещё в древнерусский период, продолжает активно расти и развиваться, начиная с XV века. В грамоте 1441 года великого князя Казимира IV Ягеллончика в числе лучших были названы такие города, как Полоцк, Витебск, Новгородок, Минск, Слуцк и Брест [2, с. 56].

Соковнина, Светлана Александровна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st087229@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Филошкин, Александр Ильич* — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Sokovnina, Svetlana Alexandrovna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st087229@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Filiushkin, Alexander Ilyich* — Dr. Sc. in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

В последнем из них в начале XVI века проживало около 5 000 человек, среди которых было 833 домовладельца [8, с. 109]. К середине XVI века их прирост составил около 30 % и, соответственно, численность населения достигла 6 500 человек, среди которых был 1 091 домовладелец [8, с. 119]. Эти цифры могли бы быть значительно больше, если бы не возникла необходимость отстраивать город после разорительных набегов татар и пожаров. Но даже они показывают превосходство Бреста над Киевом (6 000 человек), Ковно и Троками (по 5 000–6 500 жителей) и подтверждают его принадлежность к главным городам Великого княжества Литовского, численность населения которых во второй половине XVI века составляла 7 000–9 000 человек [1, с. 13].

При этом проблемы экономического развития и городского устройства Бреста в XVI веке ещё не были подробно исследованы и освещены в историографии. Можно выделить лишь несколько основных монографий по истории этого города, в которых уделяется внимание рассматриваемому в нашей статье хронологическому периоду: «Брест. На перекрёстке дорог и эпох: 1019 – 2009» А. Суворова [7] и «Брест. История приграничного города (X – XXI века)» А. Черёмина [8]. Оба автора изложили очерк по истории города за всё время его существования. В первой книге формируется общая картина культурной жизни города в XVI столетии. А во второй приводится преимущественно событийная история с делением по нахождению в должности старосты-наместника различных лиц.

Главным же источником, анализ которого необходим для формирования представления об устройстве Бреста, является «Описание староства Берестейского» 1566 года [4, с. 205–448]. Подробный инвентарь составлялся по скрупулёзным правилам учёта владений, внедрённым в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском королевой Боной Сфорцией [7, с. 61]. В нём приводится описание улиц города с подробным указанием проживавших на них домовладельцев и распределением земли на различные категории в зависимости от её практического предназначения. Перечисляются городские, старостинские и великокняжеские статьи дохода и повинности мещан. Общие представления, но не подробное описание даёт также реестр замка Берестейского.

Анализ этого документа лёг в основу труда М.В. Довнар-Запольского «Берестейского староства в XVI веке» [3], в котором он рассматривает территориальное устройство, демографическую обстановку и экономическую составляющую всего староства в целом. В последнем пункте историк чуть более подробно останавливается на самом Бресте, в частности, изучается налогообложение и ремесленное развитие города в середине XVI столетия, но лишь в самых общих чертах. Неисследованным оста-

лось количественное и профессиональное распределение ремесленников по районам города.

В упомянутой выше ревизии 1566 года у многих горожан указывается ремесло, которым они владели. Неизвестно, насколько полно представлены эти данные, поскольку ревизорам, с фискальной точки зрения, не было никакой надобности в точной регистрации ремесленников. Существует также риск дважды засчитать некоторых ремесленников, владения которых могли располагаться сразу на нескольких улицах. Тем не менее, эти данные позволяют сформировать минимальные представления о специализации и распределении ремесленников по всему городу и составляют около 10 % от их общего числа.

В середине XVI века в Бресте, согласно ревизии, проживало около 170 представителей 48 профессий, что значительно превосходит ремесленное развитие большинства городов Великого княжества Литовского того времени. Так, для сравнения, в Слуцке в XVI веке было зафиксировано 20 специальностей, в Клецке в 1575 году — 41 ремесленник 26 специальностей, в Несвиже — 45 специальностей, в Копыси в 1606 году — 42 ремесленника 20 специальностей [1, с. 34].

Профессии же, зафиксированные в инвентаре Бреста середины XVI века, можно разделить на следующие основные категории: 1) замковая оборона; 2) производство одежды и обуви, обработка ткани, кожи, шкур и меха; 3) деревообработка; 4) металлургия; 5) интеллектуальная сфера; 6) мелкие торговцы; 7) продовольствие; 8) ювелирное дело; 9) гончарное дело.

Ранее на основе анализа уже упомянутого источника и сопоставлении полученной информации с картами более поздних периодов нами были изучены районы, на которые делился Брест в середине XVI века. Город состоял из: 1) Места в паркане, или укрепленного островного района с рыночной площадью — центром экономической, политической и культурной жизни — и сформировавшимся еврейским кварталом; 2) прилегающего к нему полуаграрного Места за парканом; 3) Предместья и 4) молодого района Замухавечья [5, с. 488].

Наибольшее количество ремесленников проживало в укрепленной части города (52), затем в порядке убывания следуют Предместье (49), Замухавечье (44) и Место за парканом (24). При сопоставлении с площадью этих районов становится очевидным значительное превосходство концентрации производственной жизни на острове над остальными частями. Доля сельскохозяйственных земель (огородные пруты) составляла здесь лишь около 5 % [5, с. 486]. Затем следует прилегающее к нему Место за парканом, в котором половина ремесленников селилась при

костёлах. Эта тенденция ещё ярче прослеживается в Замухавечье, где центрами торгово-ремесленной жизни были православные монастыри и двор католического епископа. Основная же часть населения нового района занималась сельским хозяйством: дома, огороды при них и сеножати занимают примерно одинаковые доли по 30–36 % от площади всего района [5, с. 486–487].

Наиболее развитой и распространённой категорией, занимающей примерно треть от общего числа, являлось производство одежды и ткани. Об уровне развитости свидетельствует разнообразие специализации: кравцы, швецы, кушнеры, чоботари, шапошники, игольники. Во всех частях Бреста, кроме центральной, они составляют большинство среди всех ремесленников. Стоит заметить, что в сознании брестских мещан на рубеже позднего Средневековья и раннего Нового времени костюм был важным показателем положения человека в обществе [6], чем подчёркивается востребованность услуг по пошиву и починке одежды. С репрезентативностью статуса напрямую также была связана и работа ювелиров, результатом которой были аксессуары — важная составляющая костюма.

Следом за пошивом одежды значительную долю занимает продовольственная категория, уже не отличающаяся столь же широким разнообразием (пекари, резники). Среди её представителей в Бресте, как в городе, располагавшемся у рек Мухавец и Западный Буг, проживало немало людей, специализировавшихся на рыбной ловле. Прибыльным делом считалось производство и продажа алкогольной продукции, за которое отвечали солодунник и пивовары.

Около половины приведённых выше ремесленников проживали на территории храмов и монастырей, обеспечивая удовлетворение практических нужд в церковном хозяйстве. Здесь же, в районах Предместья и Замухавечья, значительную часть которых занимают огороды и сеножати [5, с. 487], концентрировались лавочники и мелкие торговцы.

В Бресте также были развиты деревообработка (плотники, столяры, бондари и др.) и металлургия (кузницы, слесари, мечник, бляшник), общая доля от остальных ремёсел у которых примерно одинакова во всех частях города, кроме Замухавечья, и составляет, как правило, по 10–15%. Распространённость второй отрасли подтверждается тем фактом, что одна из центральных улиц, на которой проживали ковали, получила соответствующее название [4, с. 206]. Развитие данных ремёсел возможно лишь при наличии соответствующих ресурсов.

Следует уделить внимание ещё одной категории, составлявшей примерно 1/5 от всех ремесленников укреплённого района города. Речь идёт о представителях профессий, удовлетворяющих высшим по тем временам

культурным условиям жизни, как доктора, друкари, аптекари [3, с. 32]. На труде, связанном с интеллектуальной сферой, специализировались преимущественно уже упомянутые выше проживавшие здесь евреи. Их востребованность в Бресте свидетельствует и о соответствующем уровне образования его населения (как минимум, городской верхушки). К этой отрасли можно также причислить проживавших при церкви иконников, органистов и скоморохов.

Для сбыта ремесленной продукции было важно поддержание активной торговли с населением других городов. Через центральную часть Бреста проходили пути до Вильны и Кракова, Замухавечье пересекала дорога до Луцка [4, с. 205–448], по Западному Бугу осуществлялась перевозка товаров на комогах и полукомогах. Через них Брест поддерживал в XVI веке тесные торговые связи со столицей Вильной, крупными белорусскими (Минск, Могилёв, Слуцк), украинскими (Луцк, Киев), русскими (Москва, Смоленск), польскими (Краков, Варшава, Люблин, Познань, Торунь) городами [8, с. 112].

О масштабах торговли свидетельствует тот факт, что брестская таможня занимала второе место в доходах государственной казны [8, с. 112]. Собранные ей за несколько лет средства покрывали расходы на восстановление центрального района города вместе со строительством паркана. Для большего привлечения иностранных купцов, в соответствии с Магдебургским правом, городу даровалось право проведения не одной – двух ярмарок в год, как во многих других городах с самоуправлением, а трёх, как в столице Вильне, во время которых мыто не взималось [9, р. 87].

Таким образом, при сопоставлении количественных показателей с другими городами Великого княжества Литовского мы видим, что в середине XVI века Брест относился к числу наиболее процветающих из них и может считаться иллюстрацией экономического городского развития (в частности, ремесленного) в период его расцвета. В 1560-е годы он отличался развитым, специализированным ремеслом, среди которых выделялись отрасли, готовой продукцией которых были статусные или практически полезные вещи. В центральном районе наибольшее развитие получили интеллектуальный труд, продовольственное обеспечение и металлообработка. В Месте за парканом наблюдается постепенный переход от торгово-ремесленного хозяйства, концентрирующегося вблизи владений католической церкви, к сельскому. В Предместье и Замухавечье продолжается традиция притягивания ремесленного хозяйства, представленного, в основном, пошивом одежды, к православным и католическим храмам.

Список использованных источников и литературы:

1. Города, местечки и замки Великого княжества Литовского: энциклопедия / ред. Совет: Т.В. Белова (пред.) [и др.]. Минск, 2009. 312 с.
2. Дзмітрачкоў П.Ф. Беларусь у складзе Вялікага Княства Літоўскага: другая палова XIII – першая палова XVII стст. Магілёў, 2003. 213 с.
3. Довнар-Запольский М.В. Берестейское староство в XVI веке. Киев, 1898. 42 с.
4. Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. М. 1897. 600 с.
5. Соковнина С.А. Брест в середине XVI века: к вопросу о городской структуре // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XLII всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (8–10 ноября 2022 г.). : Сборник / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб., 2023. С. 483–491.
6. Соковнина С.А. «Wolny szafunek» в сознании брестских мещан первой половины XVII века // V Всероссийский междисциплинарный молодежный Конгресс «Проблемы интерпретации исторических источников». В печати (принято в печать).
7. Суворов А.М. Брест. На перекрестке дорог и эпох: 1019-2009. Брест, 2009. 240 с.
8. Черёмин А.А. Брест. История приграничного города (X – XXI века). М., 2017. 384 с.
9. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 9 (1511 – 1518). Vilnius: Žara, 2003. 616 p.

Для цитирования: Соковнина С. А. Развитие ремёсел в Бресте в середине XVI века // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 111 – 116.

**Алфавитно-хронологическая компиляция как источник по изучению
русской культуры XVII в.**

Аннотация. Данная статья посвящена обоснованию перспективности и значимости использования компилятивных памятников в исследованиях древнерусской культуры. Выдвигаемые положения обосновываются на примере анализа введенной в научный оборот алфавитно-хронологической компиляции. Обосновывается методологическая перспективность изучения компиляций как источника изучения русской культуры XVII в. и как особого культурного феномена.

Ключевые слова: древнерусская компиляция, русская культура XVII века; алфавитно-хронологическая компиляция

Title: Alphabetical-chronological compilation as a source for the study of Russian culture of the XVII century

Abstract. This article is devoted to substantiation of perspective and significance of use of compilation monuments in research of ancient Russian culture. The proposed provisions are based on the analysis of the alphabetical-chronological compilation entered into the scientific circulation. Methodological perspective of the study of compilations as a source of study of the Russian culture of the XVII century and as a special cultural phenomenon has been substantiated.

Key words: ancient Russian compilation, Russian culture of 17th century; alphabetical-chronological compilation.

Данное исследование имеет своей целью обосновать и проиллюстрировать перспективность и значимость компилятивных памятников как источников исследования русской культуры XVII в. на примере введенной в научный оборот алфавитно-хронологической компиляции конца XVII в.

Компилятивные памятники представляют собой интерес ввиду максимальной гибкости и индивидуальности их содержания и структурирования. В большинстве случаев компиляции не рассматривались как культурный феномен учеными, но представляли для них чисто источниковедческий интерес. Историки и филологи изучают либо тексты и их историю, либо информацию, которую они несут. В настоящем исследовании предпринята попытка взглянуть на феномен компиляций под иным углом.

Ким, Максим Шисунович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st076164@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Чумакова, Татьяна Витаутасовна*, д-р. филос. наук, проф. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Kim, Maxim Shisunovich — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st076164@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Chumakova, Tatiana Vitautasovna*, Doctor of Philosophy, professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Представляется, что компиляции отражают актуальные культурные тенденции своего времени, интересы и потребности интеллектуальной прослойки общества. Ценность данного типа источников прослеживается не только при изучении конкретной эпохи, в которой создан компилятивный памятник, но и в которой этот памятник бытовал, списывался, читался.

С другой стороны перспективным представляется изучение методики и характера редактирования и компилирования текстов автором. Имеется ввиду не изучение истории текста как такового, но исследование тех причин, историко-культурных факторов, повлиявших на изменение текста и побудивших компилятора сохранить одно и опустить другое, которые, по нашему убеждению, отражают потребности, интересы эпохи, а также перемены, происходившие в культуре и мировоззрении.

Выдвинутые положения будут подкреплены анализом предмета настоящего исследования — недавно описанной и введенной нами в научный оборот алфавитно-хронологической компиляцией конца XVII века. Данный памятник русской книжности сохранился в двух списках первой половины XVIII века — Волковский список из собрания Волковского старообрядческого молитвенного дома [1] и Погодинский список из собрания М. П. Погодина [2] Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Оба списка представлены крупными рукописями формата in folio, которые состоят из 480 и 497 листов соответственно.

Сам памятник является авторской компиляцией, состоящей из около 2400 статей разного содержания и происхождения. Весь текст памятника разделён на 27 глав, озаглавленных в алфавитном порядке кириллическими буквами, а статьи в них расположены в хронологической последовательности. Таким образом, в основе структуры памятника был положен «алфавитно-хронологический» принцип.

Статьи содержат информацию от сведений по античной истории до описания «Вечного мира» 1686 г. Тексты охватывают широкий спектр тем — автор использовал около 50 сочинений, которые принадлежат к различным эпохам, имеют разное происхождение и содержание. Среди них можно выделить тексты, посвящённые библейским событиям, церковной истории, истории философии, выдержки из трудов Отцов Церкви, патериковые и проложные рассказы, космографические тексты, а также светская история.

Данный памятник представляет большой интерес, так как отражает две важные культурные тенденции XVII века — влияние киевских книжников на развитие русской культуры и проникновение барочной и западноевропейской культуры. Далее мы подробнее рассмотрим их.

К Московскому государству отошли территории Левобережной Украины с Киевом. Это способствовало тому, что многие интеллектуалы, выпускники Киево-Могилянской академии начали приезжать в Москву, принося в старомосковский быт и культуру западнорусскую учёность и взгляды. В первую очередь это отразилось на книжности. Исследуемый памятник можно отнести к произведениям, которые стали продуктом данного культурного процесса. Об этом говорят пометы «рокъ» на полях с датировкой событий напротив статей. Данные пометы имеются в обеих рукописях, что говорит о наличии их в протографе списков. В «Словаре книжной малорусской речи. Рукописи XVII века» мы обнаруживаем слово «рокъ» в значении «год» [3, с. 79]. Использование данного слова говорит о западнорусском происхождении памятника, а история бытования списков в России, наличие их в российских хранилищах и великорусская скоропись, которой написаны рукописи, свидетельствуют об их хождении и переписывании уже в Русском государстве, что говорит о культурном влиянии западнорусских книжников в XVII–XVIII вв. Подтверждением этому также служит наличие в компиляции сочинений, которые были созданы и распространены в западнорусских землях и в определённые периоды времени либо уничтожались, либо запрещались в Московском царстве — «Большой Катехизис» Лаврентия Зизания и «Зерцало богоявля» Кирилла Транквиллиона.

Те же выходцы с малорусских земель принесли с собой барочную культуру. В отличие от Западной Европы, Россия прошла иной путь культурного развития. Русскую культуру миновало полноценное Возрождение, а на смену средневековой культуре пришло барокко, выполнив те функции, которые в Европе выполнил Ренессанс — секуляризация сознания, развитие личностного начала и другие. Отметим, что русское барокко отличается от западноевропейского ввиду иного пути появления и развития.

На связь исследуемой компиляции с барочной культурой указывает несколько моментов. Для более наглядной и убедительной иллюстрации выдвинутого положения рассмотрим русское барокко через творчество Симеона Полоцкого. Его «Вертоград многоцветный», представляющий собой яркий пример барокко на русской почве, будет рассмотрен нами в сравнении с предметом исследования.

Во-первых, в «Вертограде многоцветном» используется алфавитный порядок расположения стихотворений. Данный принцип структурирования текста определяется С. Матхаузеровой как средневековый элемент, который был возвращён барочной культурой [8, с. 169]. В исследуемой компиляции также используется алфавитный порядок, но изменённый

под нужды составителя. Алфавит служит композиционному принципу, не вторгаясь в содержание текста.

Во-вторых, содержание «Вертограда» характеризуется разнообразием элементов, объединенных единой системой, что характерно для русского барокко. Л. И. Сазонова пишет: «Мир в сознании писателя барокко предстает как единая «великая цепь бытия», в котором всё связано отношениями взаимоотражения» [6, с. XXI]. Д. С. Лихачёв также отмечает: «Стиль барокко как бы собирал и «коллекционировал» сюжеты и темы. Он был заинтересован в их разнообразии, замысловатости, но не в глубине изображения» [4 с. 471]. Содержание данной компиляции не менее разнообразно, как содержание «Вертограда». Данный памятник содержит в себе разнообразную информацию на самые разные темы. Такие разрозненные и отрывочные тексты объединены, во-первых, единой линией исторического развития, в которую встраивается русская история, во-вторых, алфавитной композицией, которая скрепляет весь комплекс текстов памятника.

В рассматриваемую эпоху в русской литературе начинается процесс возрастания личностного начала. Компиляции, по нашему мнению, отражают личный авторский подход. Они могут рассказать нам как об авторе, так и об интеллектуальном слое общества того времени. Содержание и архитектура компиляции могут рассказать нам о задумки или цели автора. Это же отражает, во-первых, наличие определённых книг в распоряжении автора, их хождение, бытование и актуальность в это время. Во-вторых, какие сведения были интересны автору и той прослойки общества, частью которой он был. Мы остановимся на втором пункте. Нами выявлен ряд случаев в редакционной работе создателя алфавитно-хронологической компиляции, доказывающее это положение. Приведём один из них. Так, компиляция содержит текст «Вкратце похвала самодержцу Василию...» из Степенной книги [1, л. 352]. В Степенной книге проводится параллель между Василием III, саламандрой и рекой Кафос (Табл. 1). Свойства последних двух сравниваются с качествами государя. В исследуемой же компиляции автор редакции очищает текст от информации о Василии III, похвалы ему, оставляя сведения о свойствах саламандры и реки Кафос. Сведения о саламандре и о «Кафос реке» в Степенной книге имели функционал вспомогательный, основной замысел данной главы заключается в похвале правителя, от чего избавляется автор, оставляя космографические сведения. На данном примере мы можем наглядно наблюдать, что компилятор не просто переписывает часть текста Степенной книги, но аккуратно вычленяет интересующую его информацию, причём определённого характера.

Другой важной тенденцией в развитии русской культуры второй половины XVII в. было активное проникновение западноевропейской культуры. Письменная культура XVII века характеризуется высоким уровнем влияния иностранной, в первую очередь, польской литературы. В данный промежуток времени на Русь преимущественно через Польшу проникает множество иностранных памятников, которые бытуют среди русских читателей и книжников.

Анализ содержания и источников компиляции отражает данную тенденцию. При исследовании памятника было выявлено около 50 источников, использованных при составлении. Среди них можно обнаружить переводные памятники западноевропейского происхождения, среди которых: Хроника Матея Стрыйковского, Хроника польская, «Описание Московии» Александра Гваньини, «Церковные анналы» Цезаря Барония, Зерцало великое, «Театрум света всего» Яна Ботера и другие. Отметим, что некоторые из них созданы в XVI–XVII веках, а переведены на русский язык во второй половине XVII века, как, например, «Зерцало великое», которое было переведено, по крайней мере, дважды на русский язык с 1675 по 1677 гг. и в 1680-е гг. [5, с. 171–172].

Русская культура открывается европейской культуре в первую очередь через книжность. Старые средневековые знания не могут вполне уже удовлетворить интересы и потребности человека, живущего на стыке эпох, ответить на животрепещущие вопросы. Данная компиляция, ввиду энциклопедического её характера, отражает соотношение сохранения старого и проникновение нового в русскую культуру XVII века.

Русская культура XVII века представляет собой сложнейшую проблему, изучение которой требует не только использование междисциплинарного подхода, расширения источниковой базы, но и создания новых методов, использования новых подходов. В настоящем исследовании был предпринят первый шаг в данном направлении. На примере конкретного памятника книжности нами рассмотрены не только особенности русской культуры XVII века и её отражение в нем, но и потенциал изучения компиляций как отдельного феномена культуры.

Список использованных источников и литературы

1. ОР РНБ. Ф. 154. № 12. «Словарь исторических связей».
2. ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 2. № 1621. Сборник.
3. *Житецкий П.И.* Словарь книжной малорусской речи. Рукописи XVII века. Киев, 1888.
4. *Лихачёв Д.С.* Барокко в русской литературе XVII в. // Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. СПб., 2001. С. 431–480.

5. Николаев С.И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008.
6. Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный. Т. 1: "Аарон" – "Детем благословение". / Подгот. текста, ст. и коммент. Антони Хипписли и Лидии И. Сазоновой; Предисл. Дмитрия С. Лихачева. Köln Weimar; Wien, 1996. С. XXI.
7. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии: В 3 т. / Отв. ред.: Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. Т. 2. Степени XI–XVII. С прил. и указ. / Подгот. под рук. акад. Н.Н. Покровского. М., 2008.
8. Mathauserova Svetla. Umela poezie v rusku 17. století.— Acta Universitatis Carolinae. 1967.

<p><i>Волковский список</i> [1, л. 352].</p>	<p><i>«Вкратце похвала самодержцу Василию и о пострижении его и о чудесном отшествии его к Богу» [7, с. 322].</i></p>
<p>// (л. 352) Яко же пишет Григорий Богослов о саламандре некоем животном иже своим естеством огонь угашает оно же невреждимо пребывает: яко же Кафос река сладкая, аще и сквозе пучину морскую идет, а своя сладости никако же не погубляет;</p>	<p>...Яко же пишет богослов о саламандре, некоем животне, иже своим естеством огонь погашает, оно же невреждимо пребывает. Тако же и сии самодержавныйи государь Василии огонь безбожия погашаетъ. И яко же Кафосъ река сладкаа, аще и сквозе пучину морскую идетъ, и своя сладости никако же не погубляа, тако и сии боголюбивыи самодержецъ отъ моря мирьскаго ничимъ</p>

Для цитирования: **Ким М. Ш.** Алфавитно-хронологическая компиляция как источник по изучению русской культуры XVII в. // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 117 – 122.

Биография Симона Аршаковича Тер-Петросяна (Камо). Проблемы историографии

Аннотация. В данной статье будут рассмотрены основные проблемы изучения биографии Симона Аршаковича Тер-Петросяна (Камо). Будут рассмотрены факторы, указывающие на то, почему жизнь Камо представляет собой уникальный материал для исследований. Автором статьи будет представлен обзор крупнейших биографических работ советских историков, а также поставлен вопрос проблематики современного анализа жизни и деятельности Камо.

Ключевые слова: Симон Тер-Петросян, революция, большевики, биография.

Title: Biography of Simon Arshakovitch Ter-Petrossian (Kamo). Problems of historiography.

Abstract. This paper will discuss the main problems of studying the biography of Simon Arshakovitch Ter-Petrossian (Kamo). Factors indicating why Kamo's life represents a unique material for research will be considered. The author of the article will provide an overview of the major biographical works of Soviet historians, as well as raise the issue of the problems of modern analysis of Kamo's life and activities.

Keywords: Simon Ter-Petrossian, revolution, Bolsheviks, biography.

Исследование жизни Симона Тер-Петросяна (Камо) представляет собой актуальную проблему в историографии русских революций начала XX века. Камо был так называемым «профессиональным революционером» и организатором подпольных групп, совершавших акты террора и экспроприации в период бурных социальных и политических изменений. Несмотря на заметный след в истории, существующие биографические исследования ограничены и преимущественно основаны на воспоминаниях соратников и оппонентов.

Камо был известен в советское время, его личность и деятельность были популяризированы официальной идеологией и использовались в кинематографе. Несмотря на известность образа, преобладающее внимание в изучении биографии Камо уделено эпизодическим событиям и характеристикам. Этот контекст создает значительные трудности для современного биографического анализа жизни Камо и вызывает необходимость глубокого исследования, основанного на архивных источниках,

Мартын, Вячеслав Андреевич – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st094513@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Ратьковский, Илья Сергеевич*, канд. ист. Наук, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Martyn, Vyacheslav Andreevich - Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia; st094513@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Ratkovsky, Ilya Sergeevich*, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

чтобы раскрыть полный масштаб влияния и роли Камо в революционных процессах начала XX века.

Камо был не только участником, но и организатором подпольных групп, совершавших акты террора и экспроприации, что сделало его важной фигурой в революционном движении. Его методы, стратегии и тактики могут предоставить уникальные уроки для понимания развития революционных идей и действий в российской истории.

Изучение биографии Камо позволяет глубже понять сложные политические и социокультурные процессы начала XX века в России. Его деятельность в период бурных социальных и политических изменений может раскрыть многие аспекты того времени, включая конфликты и союзы между различными политическими группами.

Изучение жизни Камо с использованием архивных материалов позволяет переосмыслить исторические события и перенести фокус исследования с идеологических на более широкие социокультурные и политические аспекты.

При анализе имеющихся крупных работ, посвящённых биографии Камо, перед исследователем возникает ряд историографических проблем, а именно субъективность источников в советских работах и отсутствие полноценных исследований, посвящённых жизни Камо, в современной российской историографии. Для рассмотрения этих проблем ниже будет представлен обзор крупнейших советских работ о Камо, а также нескольких современных исследований, где Камо только упоминается.

Обзор советских трудов о жизни Симона Аршаковича Тер-Петросяна должен начинаться с упоминания его незаконченной автобиографии, которую он начал писать по просьбе Максима Горького в 1922 году. К сожалению, он не успел завершить этот труд. После его трагической кончины в том же году автобиография оставалась незавершённой, но была сохранена сначала у родственников, а затем передана в партийный архив Грузинского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС [1, с. 255].

Незадолго до смерти Камо успел написать работу, посвящённую Сталину и его роли в жизни революционера «Сталин. Мой товарищ и наставник» [8]. Сам Камо выражал надежду, что его воспоминания о Сталине станут своеобразным подарком к 45-летию вождя. Однако после его гибели этот план остался нереализованным. Рукопись и отредактированный вариант были переданы И. Г. Капанадзе, а после его смерти в 1974 году они вместе с личным архивом Капанадзе были переданы его дальней родственнице, Т. Д. Майсурадзе [8, с. 5–6].

Первой значимой биографической работой, рассказывающей о жизни Симона Аршаковича Тер-Петросяна, считается очерк, написанный его

женой, С. В. Медведевой-Тер-Петросян, под названием «Герой революции “Товарищ Камо”». Эта публикация увидела свет в 1925 году благодаря Государственному издательству [6]. В работе представлен краткий биографический обзор, основанный на воспоминаниях и рассказах самого Камо. Кроме того, текст включает предисловие, написанное П. Н. Лепешинским [6, с. 3–6], и примечание А. И. Зонина [6, с. 58–61].

Исключительно значительным и захватывающим внимание исследованием является монография А. Б. Арутюняна, бывшего заведующего кафедрой истории МГРИ имени Серго Орджоникидзе, «Камо. Жизнь и революционная деятельность», выпущенная издательством Ереванского Государственного университета в 1957 году [1]. В этом труде автором был проанализирован обширный объем архивных материалов, периодических изданий, множество статей, воспоминаний и литературных произведений, включая автобиографию самого Камо.

Через два года после публикации работы А. Б. Арутюняна на свет выходит наиболее известное исследование, посвященное жизни и деятельности Камо. Его автор — журналист, Л. С. Шаумян. Работа была издана под названием «Камо. Жизнь и деятельность профессионального революционера С. А. Тер-Петросяна» в Госполитиздате [9]. Автором рассматривается множество до сих пор не опубликованных рукописных материалов из архивов Армении и Грузии [5, с. 303].

Впоследствии эта работа станет фундаментом для биографии Камо в серии «Жизнь замечательных людей», написанной биографом многих большевиков, И. М. Дубинским-Мухадзе [3].

Большинство биографий Камо советского времени основывалось на воспоминаниях и личных архивах, доступ к которым был ограничен. Это создает проблемы в установлении точных деталей его жизни. Основная проблема советской историографии, связанная с жизнью и деятельностью Камо, заключается в неизбежной субъективности источников, на которые опираются советские авторы. Этот аспект подчеркивает необходимость критического анализа и интерпретации исторических данных, а также поднимает важный вопрос о дальнейших исследованиях с целью минимизации влияния субъективности в репрезентации жизни и деятельности Камо.

Стоит также рассмотреть работы, вышедшие в послесоветское время, где есть упоминания Камо.

Так, например, автор-составитель сборника «История терроризма в России в документах, биографиях и исследованиях» доктор исторических наук, профессор О. В. Будницкий [4] пишет о члене социал-демократической партии Е. И. Вулих, которая с 1920-х годов находилась в эмиграции,

а свою писательскую деятельность начала в конце 1940-х годов [4, с. 409]. В своём мемуарном очерке «о большевиках-экистах» она отводит Камо роль одного из главных организаторов ограбления на Эриванской площади, однако других упоминаний Камо в сборнике нет [4, с. 411].

В совместной статье бывшего заместителя главы ФСИН В. П. Балана и гендиректора центра «Национальной безопасности» Н. Д. Литвинова для журнала «Правовое поле современной экономики» под названием «Водная и воздушная территория Российской Империи и терроризм» говорится об эпизоде пересечения Камо государственной границы на яхте «Зора»: «В последующем морские суда также использовались членами преступных сообществ для пересечения государственной границы. Так, знаменитый боевик партии большевиков Симон Тер-Петросян (кличка “Камо”), в декабре 1906 года сделал попытку незаконно вернуться в Российскую империю на яхте “Зора”. Сам “Камо” был оформлен на яхте судовым коком. Незаконное пересечение морской границы не состоялось: во время шторма яхта затонула, а “кока Камо” спасли румынские рыбаки» [2, с. 163].

В исследованиях правового аспекта террористической деятельности особое внимание уделено легализации незаконных доходов, в частности этой темы и причастности к ней большевиков касается заслуженный юрист Российской Федерации В. А. Карлеба. В своей статье «Особенности легализации (отмывания) криминальных доходов в Российской Империи (конец XIX – начало XX вв.)», вышедшей в 2017 году в научном журнале КубГАУ [5], Карлеба В. А. упоминает ограбление на Эриванской площади, ссылаясь на вышеупомянутого Будницкого О. В. [5, с. 11]. В. А. Карлеба в своей работе ограничился одним предложением о Камо: «Поразительно, но спустя два месяца на Эриванской площади в Тифлисе небезызвестный боевик С.А. Тер-Петросян (Камо) при непосредственной поддержке И. В. Сталина и с санкции В. И. Ленина совершил ограбление государственной казны, сопровождавшееся жертвами» [5, с. 11].

Также встречаются работы, где личность Камо упоминается через призму его дружбы со Сталиным, например, в статье «Личность Сталина и общий анализ эпохи», вышедшей в 2016 году под авторством И. И. Стемасова и С. И. Ресняцкого для сборника «Актуальные проблемы истории». Теме дружеских отношений Камо и Сталина посвящено только одно предложение: «В 1907 году Коба, в тандеме с еще более авантюрной личностью преступного мира Камо (Симон Тер-Петросян), организовал дерзкое ограбление кареты казначейства, перевозившей деньги в госбанк» [7, с. 147].

В современной российской историографии работы о Камо не встречаются. Исследования, посвященные жизни и деятельности революционера, выходили преимущественно в советское время. В Российской Федерации полная биография Камо с привлечением неизученных или ранее недоступных документов не издавалась. Упоминания о революционере можно найти в контексте исследования экспроприаций на Кавказе и террористической деятельности на территории Российской Империи, причём эти упоминания носят преимущественно поверхностный характер. Большая часть работ, где упоминается Камо, в основном посвящена исследованию терроризма и отдельных террористических акций или правового аспекта терроризма.

Таким образом, следует вывод, что есть ряд историографических проблем, с которыми может столкнуться исследователь, несмотря на существование биографий Камо. В советской историографии основной проблемой является субъективность источников, которые мешают объективному анализу роли Камо в революционных событиях начала XX века. В современной российской историографии главной проблемой является отсутствие полноценных исследований жизни и деятельности Камо, что мешает переосмыслить роль С. А. Тер-Петросяна в контексте истории революции и революционного движения в начале XX века.

На основе всего вышесказанного можно предложить ряд различных рекомендаций для дальнейших исследований в этой области. Дальнейшие исследования могут сосредоточиться на поиске и анализе архивных материалов, связанных с жизнью и деятельностью Камо. Представляется возможным провести анализ восприятия и образа Камо в историографии на разных этапах исторического развития.

Это включает в себя изучение, как события и идеологические тенденции влияют на интерпретацию личности и деятельности Камо в разные исторические периоды. Рекомендуется провести анализ восприятия и образа Камо в советской и постсоветской культуре, включая анализ фильмов, художественной литературы и общественного мнения.

Список использованных источников и литературы

1. Арутюнян А. Б. Камо. Жизнь и революционная деятельность. Ереван, 1958. 256 с.
2. Балан В. П., Литвинов Н. Д. Водная и воздушная территория Российской Империи и терроризм // Правовое поле современной экономики. СПб., 2016. №6. С. 160–171.
3. Дубинский-Мухадзе И. М. Камо. М., 1974. 236 с.
4. История терроризма в России в документах, биографиях и исследованиях / Авт.-сост. О.В. Будницкий. Ростов-на-Дону, 1996. С. 408–421.
5. Карлеба В. А. Особенности легализации (отмывания) криминальных доходов в Российской Империи (конец XIX – начало XX вв.). // Политематический сетевой

электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Краснодар. 2017. № 130. С. 11.

6. *Медведева-Тер-Петросян С. Ф.* Герой революции «Товарищ Камо». М., 1925. 61 с.

7. *Стемасов И. И., Реснянский С. И.* Личность Сталина и общий анализ эпохи. // Актуальные проблемы истории. Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет. 2016. С. 147–159.

8. *Тер-Петросян С. А.* Сталин. Мой товарищ и наставник. М.: Яуза-пресс, 2017. 254 с.

9. *Шаумян Л. С.* Камо. Жизнь и деятельность профессионального революционера С. А. Тер-Петросяна. М., 1959. 304 с.

Для цитирования: Мартын В. А. Биография Симона Аршаковича Тер-Петросяна (Камо). Проблемы историографии // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 123 – 128.

Личные дела советских студентов как исторический источник в отечественных научных исследованиях

Аннотация. Статья представляет собой краткий обзор научных работ, основанных на анализе таких исторических источников, как личные дела студентов советских вузов за период с 1917 г. до начала 1990-х гг. Оценивается степень изученности источников, частота их использования в исследованиях, посвященных истории советской высшей школы или в источниковедческих научных работах, а также тематика и характер исследований, основанных на материалах личных дел студентов.

Ключевые слова: личные дела студентов; советское студенчество; история высшего образования в СССР; источниковедение.

Title: Soviet students' personal files as a historical source in national scientific research.

Abstract. The article is a brief overview of scientific works based on the analysis of such archival sources as the personal files of students at Soviet universities for the period from 1917 to the early 1990s. The degree to which sources have been studied, the frequency of their use in studies devoted to the history of Soviet higher education, as well as the topics and nature of these studies are assessed based on the materials of students' personal files.

Key words: students' personal files; Soviet students; history of higher education in the USSR; source studies.

Основными источниками научных исследований по истории студенчества времен СССР чаще всего выступают нормативно-правовые акты, статистические данные, периодическая печать, письма, мемуары и пр. Введение в научный оборот личных дел студентов советских вузов как исторических источников позволяет не только расширить круг источников, но и находить новые тематические грани исследований.

Личное дело на студента заводилось с момента подачи им заявления в приемную комиссию вуза и пополнялось в течение всего срока обучения. Каждое из дел содержит большой объем социально-демографических данных о студенте: пол, возраст, национальность, социальное происхождение, место рождения, образование и т.д. Все эти сведения представлены в копиях личных документов, заявлениях в приемную комиссию, анкетах, справках, характеристиках, выписках из приказов о движении студен-

Штацкая, Ангелина Михайловна — Псковский государственный университет, Псков, Россия; a.shtatskaya@pskgu.ru.

Научный руководитель: *Алиева, Людмила Владимировна*, канд. ист. наук, доц., Псковский государственный университет, Псков, Россия.

Shtatskaya, Angelina Mikhailovna — Pskov State University, Pskov, Russia; a.shtatskaya@pskgu.ru.

Scientific adviser: *Alieva, Ludmila Vladimirovna*, Candidate of Historical Sciences, Assoc., Pskov State University, Pskov, Russia.

ческого контингента. Особенный интерес представляют автобиографии студентов. Несмотря на очевидный научный потенциал перечисленных документов, их использование в исторических исследованиях стало относительно популярным лишь в последние десятилетия.

Впервые личные дела обучающихся в качестве исторического источника были введены в научный оборот Л.Д. Дергачевой. В 1984 г. вышла ее статья «Материалы по личному составу как источник по истории подготовки в МГУ научных кадров высшей квалификации (1917–1934 гг.)» [5]. Но использование подобных исторических источников не стало трендом в отечественной историографии. Следующее обращение к студенческим архивам советских лет произошло только в 2000-х гг. — тогда были проведены самые крупные на сегодняшний день исследования истории советского студенчества, основанные на личных делах обучающихся. Проводились они в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова и в Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина (ныне — Казанский (Приволжский) федеральный университет). Были защищены две кандидатские диссертации: «Личные дела студентов Казанского университета (1917–1925 гг.) как исторический источник» (2006 г.), соискатель — Г.Г. Амалиева [1], и «Студенчество исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1943–1953 гг.): источниковедческое исследование» (2009 г.), соискатель — Е.О. Ягодкина [16]. Обе диссертации были защищены по научной специальности «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» и главная цель исследований состояла в проведении источниковедческого анализа студенческих личных дел. Но отдельные параграфы диссертаций посвящены составлению коллективного портрета студентов исследуемого периода, произведенного на основе социально-демографических данных из личных дел. Одним из итогов исследования Г.Г. Амалиевой стало составление базы данных с помощью программы Microsoft Access. Кроме того, Г.Г. Амалиевой и Е.О. Ягодкиной показывается, как в документах студенческих личных дел отражаются особенности политики советского государства в первые годы после Октябрьской революции и в годы послевоенного восстановления страны.

Кроме Г.Г. Амалиевой к личным делам казанских студентов раннего советского периода обращалась при подготовке кандидатской и А.И. Хайруллина. В 2011 г. ею была защищена диссертация на тему «Социально-экономическая и общественно-политическая характеристика студенчества Восточно-педагогического института г. Казани в 1920-е годы» [13]. Материалы из личных дел студентов за 1922–1931 гг. не стали основным источником исследования, как это было у Г.Г. Амалиевой и

Е.О. Ягодкиной, но существенно помогли при составлении параграфа, посвященного социально-демографической характеристике студенчества 1920-х гг. Другой казанский историк С.А. Ежова в своей научной статье исследовала личные дела студентов Казанского университета того же периода в качестве исторического источника для составления биобиблиографического словаря «Казанский университет» и дополнения биографической информацией книги «История медицины Татарстана в лицах» [6].

Частичное использование документов из личных дел студентов 1920-х гг. производилось кандидатом исторических наук Д.А. Андреевым при подготовке диссертации на тему «“Красное студенчество” в начале 1920-х гг.» [2]. Автор изучил апелляционные заявления петроградских студентов, отчисленных в результате социальных и академических чисток первой половины 1920-х гг., с точки зрения наличия в этих документах советских идеологических штампов.

На основе материалов из личных дел студентов 1930-х гг. Архангельского медицинского института (ныне — Северный государственный медицинский университет) в 2022 г. была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Исследование К.Б. Корниенко было посвящено анализу студенческих деловых писем (заявлений, автобиографий) эпохи новояза [7]. Проводились в СГМУ на основе анализа личных дел студентов и исторические исследования. Так, в 2021 г. учеными университета было подготовлено 5-е издание сборника «Выпускники Архангельского государственного медицинского института военных лет (1941–1944)» [4], при подготовке которого использовались не только семейные архивы, наградные листы, печатные издания и интернет-ресурсы, но и личные дела выпускников. К более ранним личным делам выпускников этого вуза (делам 1930-х гг.) обращалась К.И. Балаклейская [3].

Поиск биографической информации об участниках Великой Отечественной войны приводил в архивные фонды, сохранившие личные дела студентов, не только архангельских историков. Профессор Самарского государственного социально-педагогического университета Е.Л. Храмова выпустила две научные статьи, посвященные биографиям Героев Советского Союза времен войны и роли студенческих архивов в поиске сведений для этих биографий [14, 15]. В статьях подчеркивается значение новой информации биографического характера, а также необходимость сохранения личных дел студентов довоенного, военного и послевоенного времени. Автор справедливо отмечает, что «информационный потенциал архива остается малоизвестным и по этой причине недостаточно востребованным как сотрудниками университета, так и региональным научным

сообществом» [15, с. 230–231]. К личным делам студентов предвоенного и военного периода также обращались исследователи из Новокузнецка [11] и Томска [8].

Исследование по более позднему периоду советской истории, построенное на личных делах студентов, проводила И.Г. Тажидинова [12]. Исследователь изучила студенческие документы рубежа 1980-х — 1990-х гг. и проследила, как особенности той переломной эпохи отразились на социальной мобильности и профессиональных стратегиях молодых людей, окончивших Кубанский государственный университет в начале 1990-х гг.

Издавались научные труды, посвященные истории делопроизводительной работы с личными делами студентов и анализу их научного потенциала. Так, например, Т.Л. Меркулова в своей научной статье о работе в архиве Уральского федерального университета отмечает перспективу формирования базы данных сведений из личных дел студентов УрФУ, начиная с 1935 г. выпуска, «так как этот ресурс явится основой для дальнейшего изучения проблем истории высшего образования и студенчества» [9, с. 101]. С.Х. Нигматуллин отмечает информационный потенциал документов по личному составу столичных образовательных учреждений, которые хранятся в архивах органов управления в сфере образования города Москвы с конца 1920-х гг. [10]

Как мы видим, авторы научных работ, основанных на личных делах студентов разных периодов советской истории, чаще делали акцент на источниковедческом анализе документов, исследовали научный потенциал университетских архивов. Некоторые из исследователей переходили к составлению коллективного портрета студентов определенных периодов на основе базы социально-демографических данных из личных дел или использовали отдельные биографические сведения в качестве дополнения к другим исследованиям, а также изучали историко-лингвистические особенности документов личного характера. Все историки, работавшие с личными делами, отмечали научные перспективы этих источников, их ценность, объем и роль в реконструкции социокультурных трансформаций, через которые прошли поколения студентов XX в. Несмотря на то, что современный уровень развития информационных технологий располагает к составлению, хранению и анализу баз данных, основанных на социально-демографических характеристиках, представленных в студенческих личных делах, такая научная работа не стала широко распространенной практикой в отечественной историографии, однако является весьма перспективной.

Список использованных источников и литературы

1. *Амалиева Г.Г.* Личные дела студентов Казанского университета (1917–1925 гг.) как исторический источник: автореф... дис. канд. ист. наук. Казань, 2006. 23 с.
2. *Андреев Д.А.* «Красное студенчество» в начале 1920-х гг.: автореф... дис. канд. ист. наук. СПб, 2007. 18 с.
3. *Балаклейская К.И.* Первые Выпускники АГМИ в истории вуза // Бюллетень Северного государственного медицинского университета. 2019. № 2 (43). С. 138–139.
4. Выпускники Архангельского государственного медицинского института военных лет (1941–1944) / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации; авторы-составители: А.В. Андреева, Г.О. Самбуров. Изд. 5-е, доп. Архангельск 2021. 374 с.
5. *Дергачёва Л.Д.* Материалы по личному составу как источник по истории подготовки в МГУ научных кадров высшей квалификации (1917–1934 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1986. № 3. С. 27–39.
6. *Ежова С.А.* Личные дела студентов как источник биобиблиографического словаря «Казанский университет» (на примере фонда 22 ОРПК Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского) // Библиотеки высших и средних профессиональных учебных заведений Верхнего Поволжья. 2009. № 7. [Электронный ресурс]: URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_1941277284/Ezhova.S.A..Lichnye.dela.studentov.kak.istochnik.biobibliograficheskogo.slovyara._Kazanskij.universitet_.pdf (дата обращения: 30.10.2023).
7. *Корниенко К.Б.* Деловое письмо 30-х гг. XX в. (на материале личных дел студентов): коммуникативно-стилистический аспект: автореф... дис. фил. наук. Архангельск, 2022. 24 с.
8. *Макеев В.В.* Автобиографии студентов 1930–1940-х годов Томского государственного педагогического института как исторический источник // XIV Всероссийская с международным участием конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Наука и образование» (19–23 апреля 2010 г.): В 6 т. Т. IV: История. Культурология. Философия и социальные науки; ГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет». Томск, 2010. С. 107–110.
9. *Меркулова Т.Л.* Работа с личными делами в архиве Уральского федерального университета // Архив в социуме — социум в архиве: Материалы региональной научно-практической конференции, Челябинск, 29 мая 2018 года / Составитель и научный редактор Н.А. Антипин. Челябинск,, 2018. С. 99–101.
10. *Нигматуллин С.Х.* Документы по личному составу московских учреждений образования как исторический источник // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 1. С. 7–10.
11. *Полякова Л.А.* Образ провинциального студента в ретроспективе // История в подробностях. 2012. № 9 (27). С. 72–75.
12. *Тажидинова И.Г.* В поисках источников для изучения социальной истории России 1990-х гг. На материалах архива Кубанского государственного университета // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 740–749.

13. *Хайруллина А.И.* Социально-экономическая и общественно-политическая характеристика студенчества Восточно-педагогического института г. Казани в 1920-е годы: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Казань, 2011. 21 с.

14. *Храмкова Е.Л.* Герои Советского Союза — студенты Куйбышевского государственного педагогического института (по материалам архива СГСПУ и СОГАСПИ) // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 206–217.

15. *Храмкова Е.Л.* Информационный потенциал архива современного провинциального педагогического вуза // Румянцевские чтения — 2018: Библиотеки и музеи как культурные и научные центры: историческая ретроспектива и взгляд в будущее: к 190-летию со времени основания Румянцевского музея: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 24–25 апреля 2018 года / Российская гос. б-ка, Библ. Ассамблея Евразии; [Сост. Е.А. Иванова; Редкол.: В.В. Федоров (председатель), Ю.С. Белянкин, М.Я. Дворкина и др.]. Т. 3. Москва, 2018. С. 230–233.

16. *Ягодкина Е.О.* Студенчество исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1943–1953 гг.): источниковедческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 319 с.

Для цитирования: Штацкая А. М. Личные дела советских студентов как исторический источник в отечественных научных исследованиях // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 129 – 134.

СЕКЦИЯ. КИНО И ЛИТЕРАТУРА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ

Курганевич Дарья Владимировна

Кино и агитация в провинции: от представления власти до реализации (на материалах Новгородской области 1955–1961 гг)

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос кинофикации в Новгородской области в период 1955–1961 гг. Особое внимание уделяется проблемам, с которыми сталкивается областное Управление культуры и другие органы партийной и исполнительной власти во время распространения киносети как средства агитации и формирования культурного кода.

Ключевые слова: Новгород; кинофикация; кинопропаганда; советское общество.

Title: Cinema and agitation in the province: from the representation of power to implementation (based on the materials from the Novgorod region 1955-1961)

Abstract. This article examines the role of cinematography in the Novgorod region in the period 1955-1961, focusing on the problems faced by the regional Department of Culture and other party and executive authorities during the distribution of the cinema network as a tools of agitation and the formation of a cultural code.

Key words: Novgorod; Filmification; propaganda; soviet society.

Исследование выполнено при поддержке Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого в рамках проекта «Карта памяти советского новгородца» (грант для молодых ученых на исследования в сфере социально-гуманитарных наук «Культурный код»)

Драма «оттепельного» кинематографа заключалась в стремлении подогнать его под «каноны» власти: процессы создания кинофильмов и их показа подвергались жесточайшей цензуре и критике. Кинематограф был одним из важнейших средств пропаганды, выгодным для самого государства за счёт самокупаемости [2, с. 4].

Контроль над процессами кинопоказа и кинофикации осуществлялся посредством директив «сверху», потому важным будет проследить их

Курганевич, Дарья Владимировна —Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; kurganevichd@gmail.com

Научный руководитель: *Самойлова, Ирина Васильевна*, канд. ист. наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия.

Kurganevich, Daria Vladimirovna — Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia kurganevichd@gmail.com

Scientific adviser: *Samoylova, Irina Vasilyevna* - PhD in History, Associate Professor, Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

исполнение провинциальной властью в период 1955–1961 гг. Именно это время относится к «возрождению» советского кино, а также увеличению количества зрителей и кинотеков по всему СССР [9]. Новгородская область выбрана как регион с малоразвитой инфраструктурой кинопоказа на момент середины 1950-х гг., что затрудняло реализацию визуальной пропаганды.

Посредством подбора определенного кино государство пыталось конструировать культурный код советских граждан, учитывая региональный аспект для большей заинтересованности зрителей. Так, например, в Новгородской области особое внимание уделялось льну, фарфору и другим местным «брендам» [6, л. 57].

В период оттепели на территории Новгородской области разворачивается активный процесс кинофикации как средства идеологического воздействия на население. В постановлении Бюро ЦК КПСС по РСФСР от 10 октября 1963 г. «Об улучшении кинообслуживания населения РСФСР» перед областными органами культуры ставилась задача увеличения объемов обеспечения жителей кинопродукцией [3]. Практическая реализация этих вопросов возлагалась на Управление культуры облисполкома, чью деятельность мы рассмотрим в дальнейшем.

Наиболее подробно процесс кинофикации в Новгородской области был рассмотрен в работах А. Н. Чистикова. В них автор ставит вопросы о способах внедрения кино в повседневную жизнь новгородцев и его значения для жителей города, обозначает репертуар фильмов новгородских кинотеатров, а также вектор развития кинофикации в области [10]. Обращаясь к деятельности региональных властей в области формирования пропагандистского репертуара кинотеатров и расширения киносети, А. Н. Чистиков мало затрагивает сложности этого процесса [10].

Целью настоящей работы является выявление трудностей, которые возникали на пути от «анонса о предстоящем фильме до его показа на экране». Работы А. Н. Чистикова в основном строились на документах Новгородского областного комитета партии, в нашем же исследовании привлекаются материалы Первичной партийной организации управления культуры облисполкома. Эти источники позволяют более подробно рассмотреть вопросы кинофикации и пропаганды, выявить недостатки в работе, средства и методы их исправления. Содержание этих источников довольно специфично, поскольку агитационная деятельность первичной партийной организации управления культуры была связана с особо критическим взглядом на развитие киносети со стороны партийцев.

Одним из направлений кинофикации в Новгородской области было расширение сети киноустановок. Так если в 1961 г. их было 1161, то

в 1955 г. в 3,4 раза меньше [10, с. 318]. В этот период идет активная постройка новых кинотеатров: в Новгороде в 1957 г. был открыт кинотеатр «Октябрь», а в 1958 г. в Старой Руссе – кинотеатр «Россия» [1, с. 4]. К 1965 г. планировалось иметь в каждом селе, где свыше 50 домов по киноустановке [5, л. 78]. Отметим, что в данный период Новгородская область находилась в ведомственном подчинении Ленсовнархоза, поэтому постройку новых киноточек отчасти можно соотнести с деятельностью этой организации, поскольку в Ленинграде киносеть также активно развивалась [12].

Реализация программы кинофикации в Новгороде столкнулась с некоторыми трудностями, например, с затяжными ремонтами, такими как ремонт кинотеатра «Родина». Если в 1955 г. говорилось лишь о вытоптанном газоне и плохом звуке, то уже в 1960 г. «кинотеатр находится в тяжелом положении, ремонт затягивается на неопределенное время» [6, л. 37]. Задержка окончания ремонта была обусловлена нехваткой стройматериалов и кадров, один из работников Управления сообщал: «Плохо у нас обстоит вопрос со строительством и будет плохо, так как на должности инженера строительных работ работает гармонист и фактически я сейчас не занимаюсь вопросами киносети, а занимаюсь только вопросами строительства» [6, л. 85–86].

Другой задачей было улучшение и надзор за существующими точками кинопроката. В 1958 г. началась пожарная проверка киносети и «органы пожарного надзора запретили показ фильмов в более 200 населенных пунктов» [4, л. 207; 5, л. 50–51]. Проверка обнаружила факты фальсификации данных: «Установлены факты... дачи завышенного количества построенных кинокамер – Хвойнинский отдел – вместо построенных 34, сообщил в отдел о постройке 45 кинокамер» [5, л. 1]. Проблемой являлось и халатное отношение к оборудованию. Так, в боровичских мастерских Киноремснаба царила «полная разруха», оборудование просто сгнивало в «загоне», из-за непригодности помещения [6, л. 27].

Перед новгородскими учреждениями киноиндустрии стояла проблема недостаточности материалов для показа, фиксирующаяся на протяжении всего описываемого периода. Сотрудники кинопроката не желали выдавать новые фильмы к лекциям, что приводило к их неоднократному показу одной аудитории [5, л. 17]. При проведении проверок были выявлены факты несвоевременной доставки фильмов в Новгород и районы области [5, л. 59, 77]. Киноматериалы «не берегли» и долго эксплуатировали, что приводило к их порче, и некоторые районы оставались без фильмов. Недовольство сельского населения уровнем кинопоказа в области застав-

ляло их обращаться к табуированному сравнению с показом немецкого кино времён оккупации, которое было «звукое и бесплатно» [2, с. 5].

Сложности в распределении в районы прослеживаются в источниках: «...кинофильмы получают прямо с поездов. Здесь предлагалось посылать фильмы сначала в район. Практически это невозможно, т. к. из района фильмы приходят в таком виде, что в Новгороде – их будет стыдно демонстрировать – очень много порчи» [5, л. 61]. Неравномерным было распределение фильмов между кинотеатрами Новгорода. «Кинотеатр «Октябрь» получает лучшие картины и в первую очередь» [5, л. 77]. Кинотеатр «Родина» получал фильмы по остаточному принципу и не всегда представлял «какая картина будет демонстрироваться» [5, л. 82]. Однако, стоит учитывать, что новые фильмы «первым экраном» шли в кинотеатрах высшей (первой) категории. Итак, отдельные кинотеатры из-за действий работников киносети не могли должным образом выстроить пропагандистскую работу, из-за чего снижалась степень выполнения госплана. На неудовлетворительную работу киносети влиял дефицит кадров и их неподготовленность.

Областное Управление культуры стремилось выявить проблемы в демонстрации идеологических фильмов. Довольно часто агитация являлась предметом обсуждений на заседаниях Управления, откликнувшегося волной пропаганды на решения партии [5, л. 24, 38]. Так после решения ЦК КПСС «О задачах по дальнейшему подъёму промышленности, технического прогрессу и улучшению организации производства» на закрытом партсобрании областного Управления культуры 26 августа 1955 г. было принято решение «обязать гг. Миронова, Лобанова и Гореликова усилить пропаганду научно-технических и документальных кинофильмов, рассказывающих о передовых методах в работе промышленности, транспорта, МТС, совхозов и колхозов нашей страны... организовать просмотр таких фильмов на предприятиях г. Новгорода...» [6, л. 58]. Привлечение масс к просмотру осуществлялось различными способами: киносеансы делались бесплатными, велись обсуждения о том, в какой форме и где проводить лекции, предлагалось проводить конференции по просмотренным фильмам, рассматривалась необходимость составления списка фильмов для показов [5, л. 17, 25, 46]. Особое внимание уделялась вопросу о соответствии темы лекции (семинара) и фильма [5, л. 80, 7, л. 67].

Визуальная пропаганда с помощью сельскохозяйственных фильмов сталкивалась с дефицитом посещений, причиной которого Управление видело плохое качество копирования лент [6, л. 27; 8, с. 25–36]. Кроме того, в отдалённых сёлах порой приходилось показывать кино «когда стемнеет... по 4–5 часов». Отмечалось, что «никакой зритель не присидит

столько времени и киномеханику трудно и зрителю» [6, л. 27]. Власти районов области «отказывались» демонстрировать научно-популярные и сельскохозяйственные картины. Так, директор кинотеатра «Октябрь» сообщал: «У нас плохо используются сельскохозяйственные фильмы. Маловишерский отдел культуры по очень актуальным сельскохозяйственным фильмам вместо запланированных 6–8 киносеансов, ставит по 2–3. В других районах также плохо используются сельскохозяйственные кинофильмы» [6, л. 77].

Отдельно стоит сказать, что по мнению работников Управления «телевизоры очень влияют на посещение трудящимися сеансов в кинотеатре» [5, л. 60]. Ими это воспринималось как серьезный вызов в первую очередь пропаганде, а потом – кино.

Одним из способов продвижения фильмов была реклама. Кинопрокатом выпускалась газета, с анонсами фильмов, но не все они доходили до кинотеатров области, некоторые задерживались в дороге, а некоторые портились и не подлежали восстановлению, что подрывало имидж кинотеатра [5, л. 60]. По мнению партийцев, к наружной рекламе относились халатно: «С рекламой очень плохо. У моста реклама валяется несколько дней, и никто за ней не смотрит», - сообщал товарищ А. П. Тимофеев. Далее следовал вывод - «На открытых площадках народ слабо посещает киносеансы. Почему? Да потому, что нет настоящей рекламы – красочной и броской» [5, л. 60].

Исходя из анализа комплекса проблем, которые Управление культуры периодически поднимало на своих рабочих совещаниях, мы можем видеть весьма специфическое видение трудностей процесса кинопропаганды. По мнению членов Управления, население не желало посещать фильмы, связанные с производственной пропагандой (сельскохозяйственной, промышленной и др.) несмотря на то, что высшими органами власти в СССР подобная повестка считалась одной из наиболее приоритетных [8]. Однако, Управление культуры предпочитало этого не замечать, списывая низкий уровень посещаемости на какие-то локальные проблемы: несвоевременную демонстрацию кинофильмов, неправильную организацию лектория и др. Никакие меры по улучшению качества работы киносети, в том числе и меры экономического характера, не способствовали исправлению данной ситуации. Однако, такие утверждения со стороны партиячейки Управления культуры могут иметь субъективную окраску, вытекающую из желания партийцев выполнить поставленные перед ними пропагандистские задачи. Вместе с тем, такие источники все же могут отражать объективные трудности процесса развития киносети.

Список использованных источников и литературы

1. *Андреев В.* Замечательный подарок трудящимся Новгорода // Новгородская правда. 1957. 11 нояб. С. 4.
2. *Асташкин Д. Ю.* Организация кинопропаганды в послевоенной Новгородской области (1945–1953 гг.) // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. № 72. С. 4.
3. БЮРО ЦК КПСС по РСФСР И СОВЕТ МИНИСТРОВ РСФСР ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 10 октября 1963 г. N 1207 МОСКВА ОБ УЛУЧШЕНИИ КИНООБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РСФСР [Электронный ресурс] // Актуальные новости России и мира. События и комментарии - Сейчас.ру [сайт]. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2589133> (дата обращения 12.11.2023).
4. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф.260. Оп.15. Д.162. Справки и докладные записки парторганов о состоянии культурно-просветительской работы, о работе культурно-просветительных учреждений, об итогах проведения фестивалей и смотров художественной самодеятельности и по другим вопросам культурно-просветительной работы. 222 л.
5. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 911. Оп. 1. Д. 15. Протоколы партийных собраний. 92 л.
6. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 911. Оп. 1. Д. 10. Протоколы партийных собраний, заседаний партбюро. 119 л.
7. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 260. Оп. 15. Д. 54. Материалы к парткому № 1 заседания бюро Новгородского обком. 317 л.
8. *Коваленко Т. В.* «Соединяя воспитание с материальным производством...»: опыт пропаганды научно-популярных фильмов на селе // Наследие веков. 2016. №1 (5). С.25–36.
9. *Косинова М. И., Аракелян А. М.* Советский кинопрокат и кинопоказ в эпоху «Оттепели». Возрождение киноотрасли // 2015. №4. С. 17–26.
10. *Чистиков А. Н.* Новгородский зритель и кино в 1950–1960-х гг. // Новгородика–2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и современность. Материалы VI Международной научной конференции 26–27 сентября 2018 г. Великий Новгород, 2018. Т. 1. С. 317–325.
11. *Чистиков А. Н.* Советское и зарубежное кино в Новгороде и области в 1950–1960-е годы // Новгородика-2010. Вечевой Новгород: Материалы междунар. науч.-практ. конф., 20–22 сентября 2010 г. Ч. 3. Великий Новгород, 2011. С. 198–207.
12. *Чистиков А. Н., Ярмолич Ф. К.* Кино и зритель в Ленинграде 1950 -1960-х гг. // Петербургский исторический журнал. 2018. №3 (19). С. 84–100.

Для цитирования: *Курганевич Д. В.* Кино и агитация в провинции: от представления власти до реализации (на материалах Новгородской области 1955–1961 гг.) // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 135 – 140.

Проблема интерпретации театральности как характеристики музыки для театра в контексте современной теории жанров

Аннотация. В данной статье театральность как качество театральной музыки исследуется в контексте актуальных концепций теории музыкальных жанров. Рассматривая различные концепции театральности, появляется возможность проследить эволюцию самого понятия в контексте современного музыкознания и определить, как развивались пути его интерпретации. Театральность оказывается явлением, выходящим за рамки привычного представления о жанре как констатации, являя себя как явление наджанровое, существующее потенциально внутри произведения музыкального искусства.

Ключевые слова: жанр; театральность; театральная музыка; теория жанров.

Title: The problem of interpreting theatricality as a characteristic of music for theater in the context of contemporary genre theory.

Abstract. In this article, theatricality as a quality of theatrical music is examined in the context of current concepts of the theory of musical genres. By examining various concepts of theatricality, it becomes possible to trace the evolution of the concept itself in the context of modern musicology and determine how the paths of its interpretation have developed. Theatricality turns out to be a phenomenon that goes beyond the usual idea of a genre as a statement, revealing itself as a supra-genre phenomenon, potentially existing within a work of musical art.

Key words: genre; theatricality; music for the theatre; genre theory.

Жанр — это ожидание чего-то: когда речь идёт о психологической драме, вряд ли мы ждем от произведения комедийного эффекта. То же самое относится и к музыке: когда заходит речь о симфонии, мы не ожидаем увидеть вместо неё оперу. Итальянский музыковед Франко Фаббри в определении музыкального жанра отмечает социальный характер: «Это совокупность музыкальных событий (реальных или возможных), чей ход действия управляется определенной установкой общественно принятых правил» [8, р. 53]. Правила бывают разного рода: от конкретно музыкальных (техника и форма) до немusicalных (идеологии, общественное мнение, правила профессионального общества). Фаббри рисует жанр как комплексное понятие, сущность которого определяется множеством факторов. Подобное выделение жанра как сложного социокультурного и формального явления привело к тому, что жанр стал определяться как «набор кодов и ожиданий, и потому может быть понят как что-то,

Мазихин, Михаил Николаевич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st069389@student.spbu.ru

Mazikhin, Mikhail Nikolaevich — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st069389@student.spbu.ru

навязанное музыке музыкальной культурой, влияя на манеру, в которой эта музыка написана» [7, р. 54]. Мысль об определенном жанре как бы должна предшествовать созданию музыкального произведения: если в культуре композитора есть представление о бальной музыке, то именно они и будут руководить композитором во время сочинительства музыки того же вида.

В отечественной науке присутствуют свои способы интерпретации «жанра». Следующее определение дает Е. В. Назайкинский: «Жанр — это многосоставная, совокупная генетическая... структура, своеобразная матрица, по которой создается то или иное художественное целое» [4, с. 94]. Жанр воспринимается как следствие определенной культурной музыкальной практики, модели, по которым создаётся то или иное произведение. Это определение «жанра» не включает в себя обязательность социальной обусловленности. В первую очередь музыкальное произведение, написанное в определенном жанре — это работа, вытекающее формой, содержанием из предшествующего ему корпуса работ, установивших некий канон. Ожидание жанра порождает «саму формально-содержательную целостность конкретного “продукта” музыкального творчества» [1, с. 236]. Исходя из этого, можно говорить о жанре «как памяти». Жанр аккумулирует в себе опыт прошлого, людей, культуры, чтобы продолжать, подобно матрице, рождать узнаваемые в сознании общества образы. Память эта характерна двоякостью: с одной стороны, жизненная ситуация помнит и воссоздает для себя жанр, с другой стороны уже сам жанр напоминает её, чем и вызывает в памяти образы реферируемой ситуации. Отсюда же вытекает принцип историчности в разговоре о жанре.

Видов же театральной музыки существует много: опера, балет, мелодрама, водевиль, музыка к драме и т.д. Все жанры этого рода музыки строятся на связях слова и музыкального их выражения: на одном конце находится опера как пик синтеза слова и музыки, а на другом — музыка к драме, как самая непостоянная и неустойчивая форма.

Конвенциональным требованием является сюжетность, литературная нарративность (хотя это положение уже и не в полной мере отвечает актуальной театральной практике — сам же Сохор об этом и пишет, вспоминая балет Дж. Балачина «Хрустальный дворец», поставленный на Первую симфонию Ж. Бизе [6, с. 52]).

Сохор отмечает явную узнаваемость театрального произведения, что соотносит с главной характеристикой оперы, балета или оперетты как театральных жанров — с наличием драматического действия. К основным признакам, вытекающим из этого синтеза, относятся «динамичность, пластическая конкретность образных характеристик, их драматургическая

взаимосвязь» [6, с. 61]. Однако нельзя забывать, что современный театр нередко нарушает наши жанровые ожидания: например, опера Владимира Раннева «Проза», которая не отличается ни выпуклостью героев, ни даже динамикой действия — тягучее, заунывное хоровое пение превращается в марево, в поток, создавая ярко выраженный психологический фон, эмоцию, символ происходящего в тексте Мамлеева, на который поставлена опера. Отдельным элементом жанрового своеобразия театральной музыки Сохор упоминает «крупный штрих», повышенную ясность нарратива, исходя из массовости оперы как вида музыкального искусства. Также важной характеристикой является то, что в театральных жанрах музыка «не всегда следует чисто музыкальным закономерностям» [6, с. 62]. Перечисленные характеристики жанра Сохор объединяет словом «театральность». В исследовании «Морфологическая система музыки и её художественные жанры» О. В. Соколов предлагает более полный взгляд на жанровые особенности театральной музыки. Он выделяет три функции, объединяющие и оперу, и балет, и музыку к драме: 1) суггестивную (создание эмоционального фона, психологическое воздействие на актёра и зрителя); 2) обобщающую (превращение музыкального эпизода в «символы идей, событий, состояний духа или иных других содержательных аспектов театрального искусства»); 3) воспроизводящую (непосредственное воспроизведение музыкальных явлений на сцене). В его работе сохраняется характер дискурса «театральности» как явления, включающего в себя именно внутреннюю сторону жанра, его формальные особенности [5, с. 138]. Однако ещё с Сохора можно проследить тенденцию к возникновению сомнения о необходимости жесткой жанровой характеристики театральной музыки. Он уже в 1968 пишет, как влияние модернизма привело к тому, что жанры начали размывать границы друг друга (появляются драмы-оратории, сценические кантаты и др.) [6, с. 101].

Наиболее подробное описание жанрово-стилистических границ театральной музыки в контексте тезиса об их постепенном растворении предлагает Т. А. Курышева в работе «Театральность и музыка». Отталкиваясь от восприятия театральности как представления, показа, Курышева анализирует театральность как внемusикальный элемент музыкального произведения. Исследуя театральность на материале музыкального театра и концертной инструментальной музыки XX века, она определяет ряд элементов, которые позволяют произведению восприниматься как театральное. «Театральность вбирает в себя многие собственно музыкальные приемы, характерные признаки, проявляющиеся в материале, композиционных и драматургических особенностях», — пишет она, заранее очерчивая довольно крупный круг феноменов, из которых складывается

ощущение театральности музыкального произведения [3, с. 46]. Важное место в её концепции занимает деление театральности на внешнюю и внутреннюю [3, с. 64]: к первой относятся различного рода сценические жанры, в которых театральность обязательно проявляется открыто для слушателя-зрителя, а внутренней театральностью обладают произведения, которые как сценические не задуманы. Театральность как явление, внешнее к музыке, выступает здесь уже как вмешательство, совершаемое либо на этапе сочинения произведения композитором (театральность мыслится как нечто предопределяющее характер произведения), либо на этапе восприятия его слушателем. Использование театральности как приёма приводит к тому, что границы жанра будто мутируют: театральность поглощает музыку, не оставляя ей возможности собственной автономии.

Театральность, таким образом, выходит за рамки чисто формального существования даже дальше, чем определяла её границы Курышева. Театральность более даже не набор средств, это чистое впечатление, она существует как бы сверху, распределенно. Современная теория жанров, пройдя от констатации к состоянию, больше не ограничивает театральность как простое формальное явление, а позволяет говорить о ней как о чём-то более сложном, неуловимом, присущем потенциально.

Список использованных источников и литературы

1. Коробова А.Г. Комическое как модальность художественного текста и её проявления в музыке. // Проблемы музыкальной науки. / Music Scholarship 2009. № 2. С. 135-142.
2. Коробова А. Г. Судьба феномена и понятия «жанр» в музыкальной культуре новейшего времени. // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2013. №1. С. 233-237.
3. Курышева Т. Театральность и музыка. М., 1984. 200 с.
4. Назайкинский Е. В. Стиль и жанр в музыке. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. 2003. 248 с.
5. Соколов О. В. Морфологическая система музыки и её художественные жанры. Нижний Новгород, 1994. 218 с.
6. Сохор А. Н. Эстетическая природа жанра в музыке. М., 1968. 105 с.
- 7 Beard D., Gloag K. Musicology: the Key Concepts. London and New York, 2005. 219 p.
8. Fabbri F. A Theory of Genres: two applications in Italian popular song. // Popular Music Perspectives. Ed. P. Tagg and D. Horn. Göteborg, Exeter: IASPM. 1982. 52-81 pp.

Для цитирования: Мазихин М. Н. Проблема интерпретации театральности как характеристики музыки для театра в контексте современной теории жанров. // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 141 – 144.

«Квартирная трилогия» Романа Полански в контексте европейского авторского кино

Аннотация. Статья посвящена анализу «квартирной трилогии» Р. Полански. На материале фильмов «Отвращение» (1965), «Ребёнок Розмари» (1968), «Жилец» (1976) сравнивается режиссёрский подход к созданию схожих по своей тематике и атмосфере кинокартин в различных производственных условиях. Основной задачей является выделение ключевых режиссёрских решений в представленных фильмах, позволяющих говорить о возможности изучения творчества Р. Полански в рамках теории авторского кино.

Ключевые слова: Роман Полански, квартирная трилогия, теория авторского кино

Title: Roman Polanski's the "Apartment Trilogy" within the Context of European Art Cinema

Abstract. This article studies the "Apartment trilogy" by R. Polanski. Based on the material of the films "Repulsion" (1965), "Rosemary's Baby" (1968), "The Tenant" (1976), the director's method of creating films with similar themes and atmosphere in different production conditions is compared. The main task is to identify the leading directorial decisions in the selected films, which makes it possible to study the works of R. Polanski within the framework of the auteur theory.

Key words: Roman Polanski, the "Apartment trilogy", auteur theory

Теория авторского кино зародилась в середине 1950-х годов на страницах журнала "Cahier du Cinema" в противовес организованной голливудской студийной системе: центральной фигурой в создании фильма теоретики видели режиссёра; его творческому видению подчинялись прочие составляющие съёмочного процесса. Режиссёр-автор участвует в написании сценария, продюсировании, непосредственно съёмках и финальном монтаже. Стоит отметить, что приверженцы теории авторского кино изначально опирались на пример американских режиссёров, сумевших преодолеть трудности работы в рамках студийной системы и создавших значительные художественные фильмы: О. Уэллса, Д. Форда, Г. Хоукса, А. Хичкока.

Р. Полански (р. 1933 г.) можно в полной мере назвать режиссёром-автором. За семидесятилетнюю карьеру в качестве постановщика он снял 24

Федоренко, Иванны Андреевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st087692@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Кащенко, Елена Сергеевна*, канд. иск. доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Fedorenko, Ivanna Andreevna — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st087692@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Kaschenko, Elena Sergeevna*, Candidate of History of Arts, Ass. Prof. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

полнометражных и 10 короткометражных фильмов, сохранив узнаваемый стиль и постоянство выражения личной позиции. Многие работы режиссёра тематически сосредоточены вокруг неприятных и пугающих сторон жизни; сам Полански отмечал, что частое возвращение к изображению людей в состоянии ужаса в его творчестве обусловлено личным интересом автора к подобному опыту, т. к. «[эти люди] живут более насыщенно, и мы можем узнать больше о том, кто они на самом деле» [4, р. 59].

Среди исследователей кино Полански прежде всего известен как режиссёр «квартирной трилогии» (the “Apartment trilogy”), состоящей из «Отвращения» (1965), «Ребёнка Розмари» (1968), «Жильца» (1976). «Трилогия» не является специфическим замыслом режиссёра, более того, сам Полански в своей автобиографии отмечает, что изначально был готов принять любой свободный сценарий от “Paramount Pictures” [8, р. 372]. После премьеры «Жильца» критики не проводили связь между тремя вышеназванными фильмами, отмечая схожесть последнего лишь с «Отвращением». Полански обвиняли в самоповторе и попытке сделать «неловкую пародию» на свой успешный фильм [2, р. 43].

Термин «квартирная трилогия» не имеет точного автора, а также не сразу был принят в научный оборот историками и теоретиками кино: авторы статей и монографий о Р. Полански, написанных в период 1980-х гг. – начала 2000-х гг., не используют данное понятие или предлагают свои версии возможных трилогий [6, р. 160], но уже в 2010-х гг. без упоминания «квартирной трилогии» не обходится ни одно исследование творчества режиссёра, в том числе на русском языке [1]. Постепенное складывание трилогии связано с переоценкой критиками фильма «Жилец»: в первоначальных отзывах на кинокартину её называли клоном «Отвращения» и обвиняли Полански в самоповторе, как вспоминает сам режиссёр [8, р. 375]. За несколько десятилетий спустя выхода фильма произошёл рост интереса исследователей к жанру хоррора в XXI веке: «новая волна» хорроров, или «постхорроров», начавшаяся в 2010-х годах, отвергает активное использование примитивных приёмов жанра (скримеры, подробное изображение насилия) — что позволило по-новому взглянуть на «Жильца» в качестве самостоятельной работы. Режиссёры «постхорроров» используют условности жанра в качестве инструмента, позволяющего исследовать табуированные, а потому малоизученные в обществе темы, что соответствует методам Полански ещё в ранние годы творчества.

Фильмы «квартирной трилогии» во многом предвосхитили описанную тенденцию: Полански обращается к темам ментального здоровья (в том числе женского) в условиях быстроразвивающегося индивидуалистского

мира и использует хоррор как способ усилить воздействие на зрителя, предельно ясно донести свой взгляд на мир. Рассматриваемые фильмы не одномерны в своей жанровой принадлежности: прежде всего каждая кинокартина является ещё и триллером, драмой и в какой-то степени комедией, так как режиссёру не чужд трагикомический взгляд на мир (сильнее всего это выражено в «Жильце»).

Обоснование общности фильмов и объединения их в трилогию теоретиками кино подтверждается и личными размышлениями режиссёра: в интервью, посвящённому «Отвращению», Р. Полански говорил о личном интересе к изображению жизни людей в больших городах, таких как Лондон, Нью-Йорк и Париж, где и находится место действия каждого фильма трилогии. По мнению режиссёра, жизнь в крупных городах неразрывно связана с отчуждением и одиночеством, нервозностью и склонностью к паранойе [3, р. 10], что отчётливо подчёркивается в названных фильмах с помощью авторских решений в области сценария, постановки, звука.

«Квартирная трилогия» является настоящей энциклопедией изображения пограничных человеческих состояний, главные герои постоянно балансируют между здоровьем и болезнью, жизнью и смертью, реальностью и сном. В данном случае жилище превращается в отдельно действующего персонажа, партнёра в психологическом и физическом разрушении. В «Отвращении» квартира Кэрл незримо расширяется до масштабов города, поскольку коридоры места работы напоминают домашние коридоры, а трещины на тротуарах вторят трещинам в стенах квартиры [7, р. 128]. Во второй половине фильма, когда происходит событие, окончательно травмирующее главную героиню, стены и коридоры становятся ещё одной агрессивной угрозой автономности Кэрл. Подобно встреченным ранее мужчинам, квартира воздействует на главную героиню, буквально «протягивая руки» из глубины дома.

В более позднем фильме Полански «Ребёнок Розмари» квартира тоже становится объектом беспокойства, но уже по причине своей объективной небезопасности — нью-йоркские апартаменты пугают своей величиной по сравнению с хрупкой фигурой Мии Фэрроу, исполняющей роль Розмари Вудхаус. Позднее выяснится, что в квартире также существует потайной вход, позволяющий членам секты проводить ритуалы, пока девушка спит. Весь фильм построен на мотиве вторжения: в дом, тело, сознание. Сцены изнасилования и в «Отвращении», и в «Ребёнке Розмари» представляют личное переживание ужаса, стадию травмы, когда происходящее не осознаётся как реальность. Близость двух кинокартин в трактовке подобных тем неслучайна: Полански предполагал, что автор

оригинального романа Айра Левин написал произведение под влиянием ощущений от просмотра истории Кэрол, т.е. фильма «Отвращение».

«Жилец» продолжает разрабатывать тему ужаса, связанного со съёмным жильем, начатую в первом фильме трилогии. Сумасшествие Трелковского, вызванное параноидальной атмосферой дома, так же, как и в случае «Отвращения» распространяется на весь город, когда герой принимает прохожих за обозлённых соседей. В случае «Жильца» квартира прежде все воплощает потерю главным героем контроля над жизнью: он постоянно окружён незримым присутствием других жильцов (шум труб, стучание по стенам, звук ходьбы), что превращает соседство в постоянный ужас, от которого невозможно избавиться и который невозможно контролировать. Важно отметить, что Трелковский, будучи единственным главным героем мужчиной в рассматриваемой трилогии, становится на подчинённую позицию в отношениях со своей подругой Стеллой; фактически весь фильм он также подчиняется загадочной личности прошлой квартирантки, перенимая её образ жизни и внешность, в финале фильма — судьбу.

Финал является трагичным не только для Трелковского, но и для Кэрол и Розмари: все три героя подчиняются общественному давлению и теряют личную независимость. В фильмах Р. Полански зло нередко побеждает добро, но случается это скорее в силу духовной слабости персонажей, неспособных преодолеть свои страхи [1, с. 143]. Личная биография режиссёра, наоборот, состоит из превозмоганий и таких ситуаций, когда личная воля побеждала то самое «зло». Именно поэтому пессимистичные финалы Полански можно воспринимать как предупреждение, а не приговор.

Помимо схожести в тематике, местах действия и атмосфере трёх фильмов, данные картины могут также рассматриваться и в парном сопоставлении. Для описания «Жильца» Ф. Фини использует фразу «брат "Отвращения"» [6, р.106], так как фильмы действительно наиболее тесно взаимодействуют между собой в контексте изображения чувства отчуждения эмигранта (или просто национального меньшинства в случае Трелковского), в то же время «Отвращение» и «Ребёнок Розмари» парно рассматриваются исследователями в рамках феминисткой теории кино [5].

Из вышесказанного ясно, что все три фильма отражают единую творческую и философскую позицию режиссёра. Полански участвовал в написании и адаптации сценариев, в подборе актёров, в создании декораций, в процессе съёмок и на этапе постпроизводства. В данном случае можно говорить о применимости «авторской теории» к творчеству режиссёра:

фильмы трилогии созданы в трёх разных странах (Великобритания, США, Франция), с разным по величине бюджетом (от нескольких сотен тысяч долларов до нескольких миллионов) и с разной степенью творческой свободы. Р. Полански, как и Г. Хоукс, А. Хичкок и О. Уэллс, на творчестве которых во многом основывалась «теория авторского кино», смог сохранить собственный стиль и метод как режиссёр в том числе в работе с компанией-мейджером “Paramount Pictures”, что невозможно без перфекционизма и производственной грамотности, присущих Полански на съёмочной площадке. Подобный авторский подход в сочетании с визионерским талантом режиссёра позволяет его творчеству быть одинаково интересным как широкому зрителю, так и исследователям кинематографа. В фильмографии режиссёра отсутствует тот самый конфликт, положивший начало теории на страницах журнала “Cahier du Cinema”, где «конвейерное» студийное кино противостояло независимому авторскому, так как Р. Полански добивается одинаково успешного результата в обеих системах.

Таким образом, нами была рассмотрена «квартирная трилогия» Р. Полански в контексте представления об авторском кинематографе в Европе. Фильмы «Отвращение», «Ребёнок Розмари» и «Жилец» были объединены в трилогию не режиссёром, а критиками и теоретиками кино, тем не менее, основания для комплексного анализа фильмов прослеживаются в рассуждениях Р. Полански о личном интересе к тематике и сеттингу фильмов трилогии. Несмотря на различные условия постановки кинокартин, в них прослеживается творческий стиль и философия режиссёра, что позволяет говорить о Р. Полански как о режиссёре-авторе, способном создавать фильмы одинаково ценные для массовой и исследовательской аудитории.

Список использованных источников и литературы

1. *Зельвенский С.* Роман Поланский. СПб., 2021. 356 с.
2. *Crist J.* Shtick by Simon, Paranoia by Polanski // Saturday Review. 1976. 24 Jul. P. 42–43.
3. *Haidiquet P.* I Made This Film for Myself // Roman Polanski: Interviews / ed. by Cronin P. Jackson, 2005. P. 8–12.
4. Incest Is Interesting: Interview with Roman Polanski // Roman Polanski: Interviews / ed. by Cronin P. Jackson, 2005. P. 59–63.
5. *Janisse K.* House of Psychotic Women: An Autobiographical Topography of Female Neurosis in Horror and Exploitation Films. Godalming : FAB Press, 2012. 360 p.
6. *Feeney F. X.* Roman Polanski. Köln : Taschen, 2006. 192 p.
7. *Fitzpatrick V.* Home’s Invasion: Repulsion and the Horror of Apartments // The Apartment Complex: Urban Living and Global Screen Cultures. / ed. by Robertson Wojcik P. Durham, N.C., 2018, P. 126–144.

8. *Polanski R. Roman by Polanski. N.Y., 1984. 461 p.*

Для цитирования: Федоренко И. А. «Квартирная трилогия» Романа Полански в контексте европейского авторского кино // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 145 – 150.

Творчество В.А. Сосноры в контексте исторической памяти

Аннотация. В настоящей статье на примере творчества В.А. Сосноры – представителя ленинградской литературы Бронзового века – рассматривается феномен художественного осмысления событий прошлого, характерный для отечественной культуры того периода. Основными источниками послужили сборники «Триптих» (1965) и «Всадники (1969), а также повести: «Спасительница Отечества» (1968), «Державин до Державина» (1968), «Николай» (1990). Автор выделяет особенности рецепции событий прошлого в творчестве Сосноры и рефлексии над ними. Рассматриваются основные объекты памяти в культурном наследии Сосноры.

Ключевые слова: В.А. Соснора, ленинградская литература, историческая память

Title: Creativity of V.A. Sosnora in the context of historical memory

Abstract. In this article, using the example of the work of V.A. Sosnora, a representative of the Leningrad literature of the Bronze Age, the phenomenon of "turning to history", characteristic of the national culture of that period, is considered. The main sources were the collections "Triptych" (1965) and "Horsemen (1969), as well as the stories: "Savior of the Fatherland" (1968), "Derzhavin to Derzhavin" (1968), "Nikolai" (1990). The author highlights the features of the reception of past events in the work of Sosnora and reflection on them. Considering the issue of artistic interpretation of historical events, the author explores the main objects of memory in the cultural heritage of Sosnora.

Keywords: V.A. Sosnora, Leningrad literature, historical memory

Изучение исторической памяти как совокупности представлений и оценок событий прошлого является направлением безусловно актуальным и интересным. Читая классические работы по исторической памяти Я. Ассман, Ж. Ле Гоффа, Ю.М. Лотмана, Л.П. Репиной и др., все чаще и чаще приходит осознание необходимости обращаться к произведениям художественной литературы, являющимся важнейшими источниками памяти [6]. Например, творчество В.А. Сосноры не рассматривается исследователями как источник памяти, напротив, внимание В.В. Биткиновой [4], К.М. Балашова–Ескина [2], И.В. Ашеуловой [1] приковывают внимание стилистические и структурные особенности его произведений на исторические темы. Отметим, что художественное прочтение событий прошлого получило научное осмысление относительно недавно [6; 11], поэтому цель – на примере творчества Сосноры изучить причины акту-

Галиев, Радмир Фадисович – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. st096460@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Сокурова, Ольга Борисовна*, д-р культ., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Galiev, Radmir Fadisovich – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. st096460@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Sokurova, Olga Borisovna*, Doctor of Culture Studies, Associate Professor, St. Petersburg State University

ализации исторических сюжетов в литературной культуре 60–80-х гг. XX в., а также рассмотреть основные объекты памяти в поэзии и прозе ленинградского писателя.

Выбор Сосноры в качестве примера объясняется не только невысокой степенью изученности наследия писателя, но и одновременно уникальностью его личности. Последнее связано с тем, что Соснора был одним из немногих поэтов одного творческого круга, кто публиковался и чьи книги выходили большими тиражами. Но автор не был подчинен социальному заказу, его произведения не вписывались в официальную повестку. Сегодня чаще исследователи и широкая аудитория обращаются к жизни и творчеству Сосноры: проводятся конференции, организовываются экскурсии, создаются электронные ресурсы и т. д.

Среди представителей исторической прозы 60–80-х гг. XX в., кроме Сосноры, выделим таких авторов, как Б.Ш. Окуджава, Я.В. Гордин, Ю.В. Трифонов, Ю.В. Давыдов, Н.Я. Эйдельман и др. Причины обращения к истории можно найти в следующих факторах. Во-первых, послевоенный фон и попытка представителей художественной и интеллектуальной среды идентифицировать себя в сложившейся культурно-исторической ситуации через обращение к событиям прошлого. Это подтверждается теорией социализации поколения немецко-британского социолога К. Мангейма, объясняющее схожее мировоззрение людей, родившихся в одних и тех же условиях (детство многих писателей пришлось на события Великой Отечественной войны) [7]. Например, категории боли и страдания, пережитые детстве, транслируются Соснорой через сюжеты Древней Руси: «В нашей жизни горевой / ой как редко звездно...» [12, с. 11.]. Во-вторых, неудовлетворенность интеллигенцией официальной идеологией, дававшей свое видение исторического пути развития России. Государственная политика сохранения памяти вызывала у оппозиционно настроенных ей деятелей культуры желание самим «взглянуть в прошлое», что подталкивало поэтов и литераторов идти в архивы, читать источники [3, с. 32–38]. Так, прошлое становится объектом художественного переосмысления в интеллектуальной среде. В-третьих, причиной роста интереса к истории можно выделить смену идеологической политики в годы «оттепели». Развенчание культа личности И.В. Сталина на XX съезде партии оказал влияние не только на общественно-политическую ситуацию, но и на художественную сторону жизни, представителей которой в эпоху переоценок нередко сами пытались переосмыслить ценности и духовные ориентиры прошлого.

Впервые исторические взгляды Сосноры проявились в начале 1950-х гг., когда им была написана драма «Иван Болотников», которую,

как и ранние стихи, он уничтожил [19]. «Гоголевская» судьба ранних произведений не дает ни малейшей надежды на реконструкцию стихов и пьесы. Первые опубликованные сборники «Триптих» и «Всадники» содержат стихотворения, написанные Соснорой с 1956 по 1969 г. и посвящены древнерусской истории и культуре. Часто встречающимся объектом памяти в произведениях является князь Владимир. Соснора рисует противоречивый портрет князя, который в Новое и Новейшее время рассматривался в религиозно–национальной парадигме [11, с. 101–108.] и подвергает сомнению миф о князе как национальном герое: «Порубил супостат Володимир родину Рогнедину» [14, с. 141]. Суровый характер и жестокость Владимира также выводится Соснорой из своеобразия эпохи: «Выдал [Владимир] стольникам розги саженные... / И мычали сабли под розгами...» [13, с. 17]. Внимание читателя привлекают строки, посвященные многоженству князя Владимира: «300 в Белгороде, 300 в Вышгороде, 200 в Берестове баб у Владимира...» [13, с. 85]. В стихах мы не встретим сюжеты о крещении Руси, храмостроительстве, «добрых и славных делах князя» – автор предлагает взглянуть на Владимира в дохристианский период его жизни.

Следующий исторический период, к которому обращено внимание писателя – это XI–XII вв.: сюжеты борьбы с половцами и Новгородского мятежа до Мстислава и Игоря Святославича представлены так же неоднозначно. Новгородский мятеж представлен революционным: «Приподнимем братины, братья! Побратаемся с топорами!» [13, с. 22–22]. Идея народной демократии транслируется через события эпохи раздробленности: «Будет править Новградом вече — не науськанное князьками» [13, с. 22]. Соснора обращался также к личности князя Владимира Мономаха, образ которого совпадает с нарративными источниками: Владимир Мономах предстает воином, дающий отпор половцам: «Ты, Владимир Мономах, мужик не промах» [13, с. 26].

Особое место в данном ряду занимает прочтение «Слова о полку Игореве», к которому Соснора в школьные и студенческие годы был равнодушен [17, л. 1.]. Свидетельства об этом опыте можно найти в его дневниках и интервью. Образ князя Игоря и события «Слова ...» были популярными в советской культуре и бытовали в массовом историческом сознании [11, с. 121–122]. Наверное, поэтому Соснора попытался сам «взглянуть в прошлое» и представить свое видение событий. Однако расхождений с советским нарративом мало: представлен портрет отважного и благоверного князя: «Лучше быть убитым в поле, чем захваченным в полон» [13, с. 55.].

Нельзя не отметить реакцию современников: например, Н.Н. Асеев положительно оценил стихи Сосноры и взялся за его профессиональное продвижение [8]. В одном из писем академику Д.С. Лихачеву Асеев давал следующую оценку Сосноре: «Я очень хочу, чтобы Вы взяли шефство над очень талантливым поэтом ленинградцем, замечательно понимающим значение и роль летописного искусства, которое он бережно переносит в практику своих стихов» [5].

Лихачев в предисловии к сборнику Сосноры «Всадники» пишет, что запечатленные в памяти события войны позволили автору выработать новый поэтический взгляд на события прошлого, а также стали фундаментом его духовного опыта. По сути, эта мысль является доказательством феномена интертекстуальности в творчестве Сосноры, когда исторические сюжеты транслируются с привлечением современной лексики, что характерно для произведений данного жанра. Создание художественных текстов о далеком прошлом – следствие сложившейся культурно–исторической ситуации послевоенного времени и социальной атмосферы России эпохи «оттепели». При чтении заметно, что в «поэтике истории» Сосноры присутствует ирония, направленная на существующие стереотипы представлений о древнерусской истории. Такому критическому взгляду способствовал тот современный автору социально–культурный контекст, о котором говорилось выше.

События XVIII в. отражены и осмыслены Соснорой в повестях «Державин до Державина» и «Спасительница Отечества». В первой повести Державин как объект памяти предстает человеком петровской эпохи, служащим своему Отечеству. Именно судьба Державина является олицетворением представлений о жизни и повседневности служилого человека XVIII в. на фоне общественно–политической ситуации того времени. На фоне происходивших интриг и смуты контрастно представлен образ государственника – Державина. Однако его литературная известность обязана политической карьере, а не таланту, как считал Соснора. «Державин придавал первостепенное значение своей государственной деятельности» – такую оценку дает писатель [12, с. 31]. Основная цель автора показать обратную сторону личности Державина, представленного в повести не таким, каким его помнили потомки – великим и талантливым поэтом «допушкинской эпохи». В повести воссоздан также образ Петра III, чье поведение осуждалось армией и общественностью.

В следующем произведении «Спасительница Отечества» автор показывает незаконность воцарения Екатерины II. Такая оппозиционная точка зрения стала поводом для дискуссии о «правильной истории» [18]. Но сначала автор обращается к личности Елизаветы Петровны, в годы

правления которой «политику России делали двенадцать гренадеров» [12, с. 59.], а сама императрица «не имела никакого просвещения» [12, с. 61]. Император Петр III также получает негативную окраску: «Пьяница... говорил гадости о своей империи, не брился, кривлялся...» [12, с. 63.]. Именно невежество императора, как предполагает Соснора, привело к спокойному восхождению Екатерины II на трон, а сам переворот выглядел как импровизация, в которой главенствующая роль была отведена фавориту царицы – А.Ф. Орлову. Петр III умер от рук фаворитов императрицы, а Екатерина II, по мнению Сосноры, изначально жаждала верховной власти. Писатель дает ее поступку такую оценку: «На какие жертвы только не пошла юная ангальтцербстская фея» [12, с. 83.]. В обеих работах присутствует негативно–ироническое отношение к происходившим событиям, а также отсылки к современной автору России.

Последним заслуживающим анализа произведением является поздняя историческая повесть Сосноры «Николай» (1990). Автор настоящей статьи, несмотря на ограничение хронологической рамкой 60–80-х гг. XX в. решил включить данную повесть ввиду возросшего в последние годы внимания к теме исторической памяти о событиях «николаевской эпохи». Николай I в повести представлен как жесткий правитель, человек своей эпохи, вступивший на престол восстания декабристов. Декабристы, выступающие как объект исторической памяти, предстают не как революционеры или офицеры–пьяница, а как романтики, людей эпохи XIX в. [15, с. 62.].

Таким образом, исторические взгляды Сосноры можно рассматривать в национально–либеральной парадигме исторической памяти. Игнорируя иронию автора, можно усмотреть государственно–патриотические идеи в произведениях, что не характерно для Сосноры, а также ленинградской интеллектуальной среды эпохи «Бронзового века». Отметим, что исторические взгляды Сосноры соответствовали интеллектуальному климату времени и заложили абсолютно другую интерпретацию событий прошлого через художественное слово с обращением к футуризму и авангарду в литературе, что не только является новаторским, но и отражающим культурные тенденции изучаемого периода. Творчество литераторов-историков полезно для понимания, с одной стороны, формирования представлений читателей о событиях прошлого, с другой стороны, культурной жизни эпохи «оттепели», поэтому данное направление видится перспективным не только в литературоведческом аспекте, но историко-культурном, что мы постарались показать на примере Сосноры, биография и творчество которого требует всестороннего осмысления.

Список использованных источников и литературы:

1. *Ащеулова И.В.* Исторические повести В. Сосноры: проблема понимания и интерпретации текстов истории // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 1. С. 46–60.
2. *Балашов–Ескин К.М.* Образ декабристов в повести В.А. Сосноры "Николай" // Вестник Государственного гуманитарно–технологического университета. 2018. № 1. С. 52–56.
3. *Бойко С.В.* Творчество Булата Окуджавы и русская литература второй половины XX века. М., 2013. 602 с.
4. *Биткинова В.В.* "Спасительница Отечества" Виктора Сосноры: проблематика и система структурообразующих элементов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, № 2. С. 42–54.
5. Воспоминания о Николае Асееве: сборник / сост. К.М. Асеева, О.Г. Петровская. М., 1980. 304 с.
6. *Гришин С.Н.* Художественный текст как средство формирования и сохранения исторической памяти народа // Евразийский союз ученых. 2015. № 9. С. 5–7.
7. *Мангейм К.* Очерки социального знания: проблема поколений. М., 2000. 162 с.
8. Письма Николая Асеева к Виктору Сосноре // Звезда. 1998. № 7. С. 114–126.
9. *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Уже не Палкин? Родина. 2013. № 3. С. 128–130.
10. *Соболев Д.М.* Литературный текст и проблема исторической памяти // Международный журнал исследований культуры. 2013. №4. С.60–66.
11. *Сосницкий Д.А.* Историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XXI вв.: дис ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 344 с.
12. *Соснора В.А.* Властители и судьбы: Литературное прочтение исторических событий. Л., 1986. 296 с.
13. *Соснора В.А.* Всадники. Л., 1969. 111 с.
14. *Соснора В.А.* Триптих. Л., 1965. 155 с.
15. *Соснора В.А.* Николай. Эссе // Нева. 1990. № 10. С. 56–74.
16. *Ханукаева И.В.* Соснора Виктор Александрович // Русские писатели и поэты (советский период): Библиографический указатель / под ред. М. А. Бениной, Н. Г. Захаренко, И. В. Ханукаевой. СПб., 2001. Т. 24. С. 82–84.
17. ЦГАЛИ СПб Ф. 824. Оп. 1. Д. 8.
18. *Юдин В.* Ниспровергатели, остановитесь! // Молодая Гвардия 1990. № 6. С. 261–271.
19. <https://sosnora.poet-premium.ru/> (дата обращения 12.08.2023)

Для цитирования: *Галиев Р. Ф.* Творчество В.А. Сосноры в контексте исторической памяти // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 151 – 156.

СЕКЦИЯ. ИДЕИ, ОБРАЗЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Воротнев Георгий Петрович

Нарративы власти в альманахах времён Французской революции

Аннотация. В статье разбираются альманахи, изданные в годы Французской революции. Сами альманахи являются уникальным источником, включающим в себя множество сфер общественной деятельности. По ним можно судить о том, как конструировался властный дискурс на определённых этапах Французской революции, и что в него входило. Анализ такого рода источников позволит лучше реконструировать властные нарративы той поры.

Ключевые слова: Альманахи, Французская революция, дискурс власти.

Title: Narratives of power in French Revolution almanacs

Abstract. The article deals with almanacs published during the French Revolution. The almanacs themselves are a unique source covering many spheres of social activity. According to them we can judge how discourse of power was constructed at certain stages of the French Revolution and what it included. The analysis of these sources will allow us to better reconstruct the power narratives of the period.

Key words: Almanacs, the French Revolution, the discourse of power.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда N 22-78-00106, <https://rscf.ru/project/22-78-00106/>

Время Французской революции безусловно является своеобразным водоразделом в истории человечества, который изучали, изучают и будут изучать ещё не одно десятилетие. Данная эпоха оставила огромное количество свидетельств, которые во многом дают ключ к пониманию исторических процессов. Для нас в данном исследовании основным свидетельством стали альманахи, изданные в годы Французской революции. Тем не менее, стоит сказать, что альманахи — это многогранный источник, и главная проблема здесь заключается в том, чтобы понять возможность

Воротнев, Георгий Петрович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st110155@student.spbu.ru
Научный руководитель: *Демичева, Таисия Максимовна*, канд. ист. наук, старший преподаватель. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Vorotnev, Georgy Petrovich — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st110155@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Demicheva, Taisiya Maksimovna*, Candidate of Historical Sciences, Senior lecturer. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

эксплуатации его материалов в политическом контексте определённого времени. Актуальность данного исследования заключается в попытке анализа феномена антропологии власти во Франции в XVIII веке. Научная новизна определяется тем, что посредством рассмотрения свидетельств повседневной культуры изучаются взаимоотношения власти и общества.

В 1695 году словарь Французской академии определил альманах, как «календарь, содержащий все дни года, праздники, лунные фазы, затмения, восходы солнца и прогнозы хорошей и плохой погоды» [5, р. 19]. Таким образом, с момента появления альманахов в XVII веке их основой стал включённый в них календарь. Тем не менее со временем их содержание менялось, а календарь становился лишь дополнением. Изначально календари в альманахах сочетались с различными церковными праздниками, днями поминовения святых, временем сбора урожая и т.п. По мере продвижения процесса секуляризации сознания в эпоху Просвещения церковные мотивы всё больше исчезали из альманахов, а предпочтение отдавалось сатирическим анекдотам и песням [8, р. 443]. Аудитория, к которой обращались альманахи, была обширна. Это могли быть как полуграмотные крестьяне, которые зачитывали альманахи всей деревне, так и высшие слои общества. Они были вполне доступны и практичны, так как стоили недорого и легко помещались в карман. Такая утилитарность способствовала их быстрому распространению [4, р. 194]. К началу Французской революции альманахи уже обретают своё формальное наполнение, но в ходе неё претерпевают изменения. Их авторы вновь обращаются к календарям, поскольку появляется запрос на разъяснение республиканского календаря и его соотнесение с григорианским [8, р. 431].

Знаменитый французский мыслитель Мишель Фуко, размышляя в одной из своих работ о равноуровневости дискурсов, писал о «ритуализированных ансамблях дискурсов» [10, с. 60], которые содержатся в любом обществе. Время Французской революции как раз и представляется тем самым «ансамблем дискурсов». Однако, говоря здесь о свидетельстве, для нас более важно понять публичное высказывание в целом. Следуя Дж. Пококу, такой подход позволяет исследователю писать историю интеллектуальной деятельности как историю поступков, повлиявших на других людей и на сопровождавшие их обстоятельства. [9, с. 351] Главная цель при этом состоит в определении смысла политического текста, то есть понимании того, что сказал автор и как он это сказал. Определяя смысл текста, мы определяем и дискурс или дискурсы, в которых он был создан. [6, pp. 14–15] Тем не менее исследование дискурса сопряжено с рядом сложностей, расширяющих рамки исследования, поэтому в данном

случае наиболее приемлемой представляется интерпретация нарративов в свидетельстве.

Говоря об альманахе как о свидетельстве, стоит иметь в виду его чувствительность к истории. Как правило, альманах выпускался с годовой периодичностью. Текущий год в нём — это не просто момент в истории или точка на временной шкале, а кульминационный, а до революции порой и провиденциальный, момент эволюции [8, р. 429]. Отсюда следует, что мемориальная функция альманаха ограничена истечением его срока годности. Таким образом, альманах не может быть рефлексивным свидетельством. Он запечатлевает лишь определённый исторический контекст.

Классическим примером революционного альманаха является один из республиканских альманахов за 1793 год. Уже в его названии говорится о том, что имена различных святых заменены в нём именами известных людей. Действительно, при подробном рассмотрении можно увидеть республиканский календарь на 1794 год, соотнесённый параллельно с григорианским [3, pp. 11–37]. На каждый пятый день нового календаря приходилась какая-нибудь значимая личность в светской истории, как, например, Вольтер, Руссо, Марат, Цицерон или Гомер. Кроме того, к каждой из личностей прилагалась небольшая справка. Помимо этого, в альманах включались и разные системы летоисчисления: юлианская, от Рождества Христова, от основания Рима, Хиджра [3, р. 37], что подтверждает мнение о кульминационном моменте эволюции. Также в альманахе подробно объяснялось установление республиканского календаря, согласно которому законодатели ввели новое исчисление времени, исходя «из гармонии и хода движения природы» [3, р. 40]. Всё это также сопровождалось таблицей новых мер и весов и соотнесения их со старыми. Помимо этого, на страницах альманаха говорилось о почитании Высшего Существа и установлении новых революционных праздников [3, р. 48]. Каждому из праздников, как правило, посвящался небольшой гимн, в котором раскрывалась его суть. Очевидно, что главной целью альманаха являлось складывание парадигмы секулярного сознания, основанного на революционных концептах.

Противоположным по своему содержанию представлялся «Альманах хороших людей на 1795 год». Он так же, как и предыдущий включал в себя календарь, но основные категории в нём — это басни и анекдоты. В целом альманах был посвящён всестороннему осуждению диктатуры монтаньяров и созданию «чёрной легенды» вокруг Робеспьера. Для этого специальным образом подбирались события и происшествия, в которых описаны страдания людей в годы правления Комитета общественного спасения. Тот же посыл аллегорически обыгрывался в баснях. Так, при-

мечательно притча «о собаках и человеке», в которой рассказывалось о волках, которые подговорили пастушьих собак устроить революцию против людей, но затем обманули их и убили [2, pp. 84–91]. В этой притче делался вывод о том, что собакам лучше существовать в согласии с человеком. Кроме того, автор включил в альманах такую категорию, как «диалог мёртвых». В одном из таких «диалогов» конструировался разговор между уже умершими роялистом Тома де Фавра и мэром Парижа Жаном Сильвеном Байи. Фавра неустанно доказывал Байи то, что это именно он и Ж. Лафайет повинны во всех ужасах революции и приходе к власти монтаньяров [2, pp. 112–126]. На основе этого диалога можно сделать косвенный вывод о том, что составитель альманаха симпатизирует роялистам, однако прямо на это нигде не указывается. Таким образом данный альманах, эксплуатируя различные жанры Просвещения, пытается подвергнуть деконструкции образ Робеспьера и инфернализовать его соратников, при этом позиции самих монтаньяров в расчёт не берутся.

Ещё один альманах, озаглавленный как «Альманах человеческих причуд, или сборник анекдотов о революции, предназначенный для обучения маленьких и больших детей», вообще не имел чёткой структуры. В нём содержались календарь, различные максимы, романс, попури из разных куплетов, которые перемежались с анекдотами, больше напоминающими поток сознания. Тем не менее тематика всех этих жанров в основном была посвящена «ужасной» казни двадцати одного депутата Жиронды 30 октября 1793 года. Составитель часто обращался к содержанию заключённых в Консьержери и даже в форме куплетов описывал пребывание там одного из жирондистов Жана-Франсуа Дююко [1, pp. 133–141]. Вместе с этим такие песни, хоть и выдержанные в революционном ключе, содержали прямые оскорбления монтаньяров и Робеспьера. Кроме того, на страницах альманаха часто использовалось понятие «здравый смысл». Составитель обращался к нему, когда пытался оспорить справедливость революционного правосудия. В целом данный альманах так же, как и предыдущий, пытался деконструировать и очернить правление монтаньяров. Однако делалось это в рамках оппозиции жирондистов монтаньярам, где жирондисты возводились в ранг мучеников свободы.

Несмотря на обилие сочинений политической направленности, в годы революции выходили и альманахи сугубо практического характера. Так, один из альманахов, озаглавленный как «Справочник, или исторический альманах Французской революции: содержащий то, что происходило в V и VI годах» [7] был составлен из новостных статей пяти основных журналов: «Bulletin de Lois», «Collection des Décrets», «Moniteur», «Répertoire», «Journal de Paris». В сборнике не содержалось категорий, которые могли

бы давать оценочные суждения, лишь краткое перечисление событий. События и даты группировались по их отношению к социальной, политической или экономической сфере. Затем показывалась трансформация во времени. Единственное, что обращает на себя внимание — это ярко выраженное разделение между королевским правительством и последующими республиканскими, но такое размежевание можно объяснить характером самих цитат из журналов. Такого рода альманах также не может быть бесполезен при анализе властных нарративов в годы Французской революции, поскольку он даёт возможность судить о том, какие сферы власть открывала гражданам для публичного обзора и о том, насколько власть вообще становилась публичной.

Рассмотрев несколько альманахов времён Французской революции, мы смогли глубже понять феномен свидетельства властного нарратива той поры. По сути своей альманах отражал страхи, надежды и благоговения людей. Отсюда следует, что подобного рода свидетельства можно использовать как инструмент при реконструкции дискурсов властных структур на определённом промежутке времени. Реконструируя их, мы лучше видим, как власть в эпоху модерна всё глубже проникает в общественное начало, начиная обращаться не только к политическим аспектам, но и к сугубо бытовым.

Список использованных источников и литературы

1. Almanach des bizarreries humaines, ou Recueil d'anecdotes sur la Révolution, destiné à l'instruction des petits et des grands enfans. Paris, 1796. 161 p.
2. Almanach des gens de bien pour l'année 1795. Paris, 1795. 216 p.
3. Almanach républicain, dans lequel on a substitué le nom des hommes célèbres à celui des ci-devant martyrs, vierges, confesseurs, anachorètes, etc. : enrichi du tableau de la division de la République française, d'une instruction sur les nouveaux poids et mesures, et de plusieurs hymnes et chansons républicaines. Paris, 1794–1795. 180 p.
4. Chartier R. Les almanachs populaires au XVIIe et au XVIIIe siècles by Geneviève Bollème. *Revue Historique*, JUILLET-SEPTEMBRE T. 244, Fasc. 1 (495), 1970. pp. 193–197.
5. Dictionnaire de l'Académie française. Paris, 1695. 908 p.
6. Pocock J. G. A. *Politics, Language, and Time: Essays on Political Thought and History*. Chicago, 1971. 299 p.
7. Répertoire, ou Almanach historique de la Révolution française : contenant ce qui s'est passé pendant les années V et VI, et faisant suite à celui qui a paru l'an dernier, avec une notice sur les revenus et charges publics. Paris, 1798–1799. 480 p.
8. Sarrazin-Cani V. *Formes et usages du calendrier dans les almanachs parisiens au XVIIIe siècle*. Bibliothèque de l'école des chartes. T. 157, liv. 2, 1999. pp. 417–446.
9. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. Москва, 2018. 632 с.

10. Фуко М. Воля к истине. Москва, 1996. 448 с.

Для цитирования: **Воротнев Г. П.** Нарративы власти в альманахах времён Французской революции // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 157 – 162.

Свобода торговли: Берлинская конференция (1884–1885 гг.) и британская стратегия в документах Кабинета министров Великобритании

Аннотация: Британский империализм и его политические мотивы занимают одну из главных ниш в колониальных и постколониальных исследованиях. Однако британская колониальная стратегия в «Чёрной» Африке остаётся без чёткой характеристики, особенно на фоне неизученных актов источников и делопроизводства. В этой статье на основе данных из документов британского Кабинета министров, касающихся Берлинской конференции (1884–1885 гг.) — символического процесса в колониальной истории Западной и Центральной Африки — выстраивается проект расширения свободы торговли, излагаемого дипломатами и утверждаемого министрами.

Ключевые слова: Берлинская конференция; колониализм; Африка.

Title: The freedom of commerce: the Berlin Conference (1884–1885) and the British strategy as reflected in the Cabinet Office records.

Abstract. The British imperialism and its political reasons have occupied one of the essential roles in colonial and postcolonial studies. However, the British colonial strategy in “Black” Africa is still left without doubtless formulation, especially amid untouched sources, such as acts and recordkeeping. This article provides data from the Cabinet Office dispatches on the Berlin Conference (1884–1885), which has held a symbolic significance over the West and Central Africa colonial history. As reflected, it considers the freedom of commerce advancement, stated by councils and supported by ministers.

Key words: the Berlin Conference; colonialism; Africa.

В 1870-1880-х гг. происходил сдвиг в принципах колониального строительства Великобритании, ещё с 1840-х гг. перешедшей к фритредерству. Расширение влияния «неформальной империи» [4, р. 1] происходило на экспансионистской основе, и в Африке с 1870-х гг. державой основывалось всё больше новых протекторатов, от побережья вглубь континента. Относительно этих процессов в крупном исследовании Р. Робинсона и Дж. Галлахера «Африка и Викторянцы» (1961 г.) [9] ставился вопрос: «Почему спустя века отказа [от аннексий в Африке] Великобритания и другие державы должны были бороться за установление контроля над 9/10 континента?» [9, р. 17]. Эти же исследователи в более ранней работе «Империализм свободной торговли» (1953 г.) [4] касаясь Африки заключали: «Были необходимы гарантии свободной торговли в обмен на

Антипкин, Станислав Павлович — Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики», Москва, Россия; spantipkin@edu.hse.ru
Научный руководитель: *Воеводский, Александр Валентинович*, канд. ист. наук.
Antipkin, Stanislav Pavlovich — National Research University “Higher School Of Economics”, Moscow, Russia; spantipkin@edu.hse.ru
Scientific adviser: *Voevodskiy, Alexander Valentinovich*, Candidate of Historical Sciences,

признание колониальных претензий других держав», — авторы связывали эти «гарантии» с Англо-португальским соглашением 1884 г. и Берлинской конференцией 1884–1885 гг. [4, р. 13].

Берлинская конференция изначально была посвящена обсуждению споров, связанных с торговлей в Западной Африке, после предложения О. фон Бисмарка «учесть торговые интересы Германии» [13, р. 24]. Конференция проводилась с 15 ноября 1884 по 26 февраля 1885 гг., по её итогам представителями 14 государств был утверждён Заключительный акт [1]. В нём были установлены принципы, способствующие «обеспечению всем народам выгод свободной торговли» [1, с. 240].

Конференция ещё с конца XIX в. является одним из ключевых сюжетов при изучении колониального расширения в Африке. «Первый осязаемый результат борьбы за Африку», — так решения Конференции характеризовал британский географ Дж. Келти в своей работе «Разделение Африки» (1895 г.) [7, р. 215]. В XX в. изучение Берлинской конференции включало исследования дипломатических переписок и Заключительного акта внутри концепции «драки за Африку» (“the scramble for Africa”), как, например, в работе историков Р. Гавин и Дж. Бетли [5]. В нашем столетии Конференции были посвящены преимущественно статьи. К примеру, достойная работа М. Крейвена «Между законом и историей...», где автор рассматривал решения Берлинской конференции с правовой точки зрения на основе историографического материала [3].

Так зачастую затрагиваются лишь сама суть решений Конференции, их влияние на дальнейшие события — отмечается недостаток исследований политических стратегий отдельных государств-участников. Можно отметить сборник «Бисмарк, Европа и Африка...» [2], где в подразделе «Начала Конференции» находятся статьи, посвящённые «приоритетам» разных держав на Конференции, в т.ч. имперским амбициям «неформальной» Британской империи [2, р. 189–214]. В последнем случае автор статьи Г. Сандерсен обратил внимание на Англо-португальское соглашение от февраля 1884 г. Примечательна и работа тайваньского исследователя Ван Шицуна «Берлинская конференция и британский «новый» империализм» [14], в которой автор опирался на переписку внутри британского МИД (Foreign Office) конкретных лиц, отвечавших за британское представительство в Берлине: Эдварда Мале (Edward Malet) — консула Великобритании в Германии, которому было вверено вносить предложения в британских интересах; графа Гренвиля (Earl Granville) — министра иностранных дел (1880–1885 гг.), которому докладывался весь ход Конференции [14, р. 208]. Ван рассматривал последовательность и концепцию участия Британии на Конференции.

Настоящая статья предлагает в качестве дополнения к существующей источниковой базе рассмотреть данные из документов Кабинета министров Великобритании (Cabinet Office), не использованных Ваном и другими исследователями. Такие документы являлись либо черновиками донесений и проектами соглашений, либо несли информацию о текущем курсе колониальной политики. На их основе заседающими министрами принимались окончательные решения — так утверждалась британская стратегия, выраженная затем на Конференции. Проблема исследования состоит в выстраивании этой стратегии на основе рассматриваемых материалов в фонде САВ 37 “The National Archives” [10, 11, 12]. В качестве вспомогательного источника будет использована публикация адвоката христианского храма в Оксфорде Т. Томлинсона “The Congo Treaty” 1884 г. [13], посвящённая развитию англо-португальского спора, предшествующего Берлинской конференции и предопределившего британскую стратегию на ней. Публикация включает комментарии различных миссионеров и политиков.

В Заключительном акте Берлинской конференции устанавливался равный свободный доступ всех держав к судоходству и торговле внутри бассейнов рек Конго и Нигер. Неоднократно подчёркивалось то, что все товары и грузы (каботаж), проходящие в бассейны, не облагались ввозными и транзитными пошлинами [1, с. 243, 248, 255]. Однако установление свободной торговли на Конго было в интересах Британии ещё в период англо-португальского соперничества за власть на устье р. Конго. В “The Congo Treaty” заметен мотив о превалировании британских способов управления над португальской «недальновидной политикой наложения пошлин» [13, р. 8], в результате чего «торговля [на устье Конго] совершенно погибла» [13, р. 29]. Тем не менее, в феврале 1884 г. между державами было заключено соглашение о признании названных территорий за Португалией, что имело целью, согласно письму графа Гренвиля, «установить защиту безопасности и мир на Конго» [13, р. 38]. В Кабинете министров проект соглашения обсуждался ещё в декабре 1883 г. [10]. По итогу в соглашении Британии и Португалии было прописано «установление взаимной защиты свобод торговли и судоходства на Конго» [13, р. 46–47].

Далее, после получения приглашения на Конференцию от 8 октября 1884 г. [14, р. 192] и оттягивания подтверждения Гренвилем и премьер-министром У. Гладстоном, в Кабинете министров циркулировал черновик донесения Гренвиля уполномоченному делегату Э. Мале, за 10 дней до Конференции. В нём министр указал Мале на «пункты, необходимые к продвижению на предстоящей Конференции» [11, р. 1]. Ссылаясь на

письма немецких дипломатов Мюнстера и фон Плессена, он подчёркивал, что вопросы о границах не будут включены в обсуждения, а будут касаться лишь судоходства и торговли на Конго, что означает «на практике отмену внутренних и ввозных пошлин» [11, р. 2–3]. После этого Великобритания аннулировала соглашение с Португалией [14, р. 194], подтвердила участие на международной конференции. Гренвилем в донесении Мале было заявлено: «Установление законной торговли с защитой равенства всех наций — принцип, предпочтительный для государства» [11, р. 1–2].

«Законная» торговля» Гренвилем виделась как «не деградирующая во вседозволенность без оправданного контроля» [11, р. 1]. В Заключительном акте был прописан проект международной комиссии из приглашённых дипломатов, которая бы «незамедлительно» [11, р. 3] разработала «меры для обеспечения судоходности, включая надзор за деятельностью, доходами территориальных властей [1, с. 250–252]. Здесь примечателен проект англо-португальской комиссии, которая, согласно раннему соглашению от февраля 1884 г., так же назначалась «разработать законы для навигации и надзора на Конго» [13, р. 47]. Имела место дискуссия о том, должна эта комиссия быть международной или состоящей только из британских и португальских делегатов. В Кабинете министров рассматривался тезис: «Международная комиссия была бы большой угрозой британской торговле» [10, р. 1]. Подписание акта Берлинской конференции уже в феврале 1885 г. показывает уже иной взгляд державы на этот аспект.

Для р. Нигер в Заключительном акте подчёркивался схожий характер свободы торговли, как и для Конго [1, с. 254–255]. Однако вместо комиссии уже сама Великобритания обязывалась «покровительствовать любой торговле» в бассейне р. Нигер на территориях под её протекторатом, «установить правила для безопасности и контроля судоходства» [1, с. 256]. Кабинет второго министерства У. Гладстона (1880–1885 гг.) активизировал заключение договоров по р. Нигер, распространив там британское влияние ещё до Конференции [14, р. 211]. И Гренвиль в своих наставлениях Мале обращал внимание на то, что «установление комиссии считается непрактичным... торговля [на р. Нигер] в руках Британии» [11, р. 5]. Уже во время самой Конференции, в «Сведениях о результатах Восточноафриканской конференции к 22 декабря 1884» [12] в Кабинете министров окончательно подтверждалось то, что «управление Нигером оставлено за Англией», даже признавалась «свобода действий по наложению пошлин на торговлю в британских протекторатах» [12, р. 2].

В этой связи важен фактор Международной африканской ассоциации, многочисленные приобретения которой (стараниями путешественника Г. Стэнли) затем были сформированы в Свободное Государство Конго. На момент Берлинской конференции это были «территории, на которые заявляет права Международная ассоциация» [11, р. 3]. Заключением договора Британия признала Ассоциацию «дружественным государством» вместе с «землями под её администрированием». Кроме того, в договоре прописывалось: «В случае передачи её [Ассоциации] прав другой державе, все привилегии [передачи территорий] обещаны нам [британской стороне]», — при этом утверждалось, что границы претензий Ассоциации не установлены чётко [12, р. 2]. Интересно то, что подобный договор подписала и Франция, на схожих «привилегированных» условиях: «в случае неспособности короля Бельгии Леопольда II руководить Ассоциацией» [8, р. 122].

Это заставляет обратить внимание на стратегию расширения зоны свободной торговли в Африке. Кроме «гарантированных привилегий», договор между Ассоциацией и Британией гласил, что последняя получала права «свободного размещения» на территориях Ассоциации, при этом там торговля и товары не облагались пошлинами [6, р. 221–223]. Вместе с тем Гренвиль в своём послании вверял Мале «ввести в обсуждение вопрос о расширении принципов [свободы торговли] в отношении не только рек Западной Африки, но и р. Замбези», которая располагается на юге Африки [11, р. 4].

Свобода торговли в зонах влияния являлась интересом в британской внешнеторговой политике, но возникала стратегическая необходимость в стабильности и безопасности, которые обеспечивала комиссия, обязанная разработать регуляции «не деградирующей во вседозволенность» торговли. Территориальный интерес выражался в идее расширения зоны свободной торговли, имплементации оной в пределах британского присутствия (р. Замбези к северо-востоку от Капской колонии). Договоры с Международной ассоциацией давали Британии дополнительные «гарантии» расширения зоны вглубь тропической Африки. Успех британской дипломатии в сохранении почти полной власти на р. Нигер демонстрировал «торговлю в руках», т.е. постоянный британский контроль над протекторатами и стабильностью торговых отношений.

Таким образом «открытие Африки для торговли» [13, р. 18] в документах Кабинета министров подавалось как политический проект распространения британского влияния вглубь Западной и Центральной Африки.

В то же время проблема «свободы под британским присмотром» требует отдельного исследования.

Список использованных источников и литературы

1. Заключительный акт Берлинской «Африканской» конференции: Берлин, 14/26 февраля 1885 г. // Сборник договоров России с другими государствами: 1856–1917 / под ред. Е.А. Адамовой; сост. И.В. Ковьменко. М., 1952. С. 240–259.
2. Bismarck, Europe and Africa: The Berlin Africa Conference and the Onset of Partition / ed. by S. Förster, W. Mommsen, R. Robinson. Oxford, 1988. 565 p.
3. Craven M. Between law and history: The Berlin Conference of 1884–1885 and logic of free trade // London Review Of International Law. Oxford Univ. Pr., 2015. Vol. 3 (1). P. 31–59.
4. Gallagher J., Robinson R. The Imperialism of Free Trade // The Economic History Review. 1953. Vol. 6. № 1. P. 1–15.
5. Gavin R., Betley J. The Scramble for Africa: Documents on the Berlin African Conference / comp. by R. Gavin, J. Betley. Ibadan, 1973. 429 p.
6. Hertslet E. The map of Africa by treaty: in 2 vol. Vol. 1: Abyssinia to Great Britain (colonies) / E. Hertslet. L., 1896. 536 p.
7. Keltie J. The partition of Africa / J. Keltie. 2nd ed. L. 1895. 623 p.
8. Oliver R. Africa since 1800 / R. Oliver, A. Atmore. L., 2005. 407 p.
9. Robinson R., Gallagher J. Africa and the Victorians / R. Robinson, J. Gallagher, A. Denny. N.Y., 1961. 491 p.
10. The National Archives. CAB 37/11. 1883. № 57. 2 p.
11. The National Archives. CAB 37/13. 1884. № 44: “Proposed draft of Despatch from Earl Granville to Sir. E. Malet”. 6 p.
12. The National Archives. CAB 37/13. 1884. № 51: “Summary of Results of the West African Conference up to December 22, 1884”. 5 p.
13. Tomlinson T. The Congo treaty / T. Tomlinson. L.: Edward Stanford, 1884. 52 p.
14. Wang Shih-tsung. The Conference of Berlin and British “New” Imperialism, 1884–85 // Historical Inquiry. Taipei, 1998. Vol. 22. P. 191–230.

Для цитирования: Антипкин С. П. Свобода торговли: Берлинская конференция (1884–1885 гг.) и британская стратегия в документах Кабинета министров Великобритании // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 163 – 168.

Антиномия «Civilisation» против «Kultur» во французской пропаганде Великой войны

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются аспекты пропаганды, представленные в дискурсе «Civilisation» против «Kultur», что, в свою очередь, является одним из элементов так называемой «войны духа» среди интеллектуалов воюющих стран. На примерах журналов военного времени, отдельных брошюр мы сможем проанализировать, какие образы сконструировала пропаганда, а также какие проблемные сюжеты мы изучим в формировании общественного мнения. В выводе будет показано, что нарративы о варварстве использовались в качестве инструмента противопоставления враждебной культуры от примитивных образов до сложных конструкций.

Ключевые слова: Пропаганда, Великая война, образ врага, война духа.

Abstract. The present article deals with aspects of propaganda presented in the discourse of "Civilisation" versus "Kultur", which in turn is one of the elements of the so-called "war of the spirit" among the intellectuals of the warring countries. Using examples of wartime magazines and individual pamphlets we will be able to analyse what images propaganda constructed and what problematic subjects we will study in the formation of public opinion. The conclusion will show that narratives of barbarism were used as a tool to oppose the hostile culture from primitive images to complex constructions.

Key words: Propaganda, The Great War, enemy image, war of the spirit.

В настоящей статье речь пойдет о феномене «войны духа», который во время Великой войны стал главным катализатором военной пропаганды. Само теоретическое обоснование этого термина является одним из актуальных направлений интеллектуальной истории, так как изучение образа «другого» через восприятие одной из сторон посредством фактора цивилизации выпадает из современных проблем изучения пропаганды в годы Первой мировой войны.

Об истоках такого положения впервые заговорили в период Интербеллума. Наиболее значимой работой является монография Г. Д. Лассуэлла, в которой автор затрагивает важную проблематику в концепции пропаганды, а именно аспект демонизации врага, что в условиях войны XX было ключевым фактором для воздействия на общественное мнение [13]. Следующим периодом изучения пропаганды в период Первой миро-

Балашов, Артем Сергеевич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st102754@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Демичева, Таисия Максимовна*, канд. ист. наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Balashov, Artem Sergeevich — Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia; st102754@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Demicheva, Taisiya Maksimovna*, PhD in History, Senior lecturer, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

вой войны является 1990-е годы. Как показали Дж. Хорн и А. Крамер в совместной монографии, правительства стран Антанты действительно использовали беженцев с оккупированных территорий Бельгии и Франции для создания пропагандистских сюжетов, делая свидетелей тех событий «узниками войны». Итоги работы подтверждают, что военные преступления Германской армии действительно имели место быть, поскольку факты их существования подтверждаются документами в архивах Франции и Бельгии [11]. Методы и подходы для анализа военной пропаганды, согласно выводам А. Морелли, позволяют сказать, что страны Антанты намеренно прибегали не только к реальным событиям, но и брали выдуманные сюжеты с целью создания образа варвара в общественном сознании, поднимая градус напряжения [14]. Также значительный вклад в изучение темы интеллектуалов, оказавших влияние на пропаганду, внес М. Гурный, в его работе сделан акцент на мобилизации интеллектуалов, которая позволила разделить Европу на «цивилизованную» и «чужую», вводя термин «война духа» [3], которого мы придерживаемся в данном исследовании. В свою очередь, отечественная историография бедна в данном направлении. Работы Н. В. Юдина, Л. О. Горбачевой в какой-то степени закрывают эти пробелы, анализируя первопричины феномена пропаганды в аспекте «цивилизация против варварства» [7; 2].

Французская пропаганда во время Великой войны включала в себя привычные для того времени слухи, преувеличение фактов, а зачастую их искажение. Компиляция недостоверной информации с германофобией и стереотипами были характерны «духу времени», сформулированным еще Гегелем. В данном случае, под этим понимается эпоха насилия, хаоса и перемен в повседневной жизни, тогда же появилась взаимосвязь между разрушением и созиданием (в науке, литературе, живописи) [16; р. 38]. На наш взгляд, важно рассмотреть, как складывалась подобная позиция в магистральных сюжетах пропаганды, что становилось ведущим катализатором развития общественного мнения во время войны, также нужно рассмотреть исторический бэкграунд, в котором формировался «дух времени», поскольку именно он давал почву для размышления интеллектуалов того времени. Нам важно изучить проблемные источники того периода, которые позволят проанализировать пропаганду Первой мировой войны в дискурсе антиномии «Civilisation» против «Kultur» и «войны духа», в целом.

В свою очередь, «война духа» рассматриваемая нами в настоящей статье, является одной из сложных концепций пропаганды времен Великой войны. Если под «Civilisation» понималась общая европейская цивилизация, «белая культура» и общее гуманистическое развитие, то под «Kultur»

имелось в виду более сложная структура — это и германская культура, и историческое наследие германцев которые, по мнению французских интеллектуалов [3; с. 60], являлись потомками гуннов и варваров, поэтому нередко в пропаганде использовали противопоставление «Civilisation» против «варварства».

Образ «варвара» и гунна» как элемент информационно-психологического давления на общественное мнение не уникален в этот период, подобные вещи происходили в других странах Антанты, помимо Франции. В Российской империи, например, также издавались брошюры, в которых публиковались сюжеты зверств Германской армии, при этом формировался очевидный образ «германца-варвара»: «...каждый новый шаг германской армии, каждый новый день все больше умножал кондуит возмутительных варварских поступков» [4; с. 2]. Однако, именно во Франции закрепился образ германца как варвара и гунна, совершающего военные зверства. На это повлияли как реваншистские настроения после поражения во франко-прусской войне в 1871 г., так и сама война, в ходе которой разгорелся германофобский французский национализм, основанный также на пропаганде зверств и пренебрежением культурным наследием.

Французская общественная мысль также базировалась на менталитете времен франко-прусской войны, тогда республиканские власти провели мобилизацию нации под предлогом защиты цивилизации от варварства, при этом Пруссия понималась как страна Старого порядка [11, р. 37]. Во Франции, как и в других странах Антанты, были сильны германофильские настроения, особенно это чувствовалось в университетах, политических и экономических кругах. Лишь накануне Первой мировой войны интеллектуальная среда Франции также была потрясена статьей анонимного автора в журнале «Opinion», в которой критиковались профессора Сорбонны за ее германофильский характер. По мнению автора, университет пропагандировал «информацию» вместо «понимания», то есть уход от традиционных для национального образования в угоду немецких лево-либеральных ценностей и философии [6; с. 120]. Однако, это свидетельствует о росте националистов, нежели государственном тренде.

Французская общественность после поражения в франко-прусской войне 1870-1871 гг. была разделена на два лагеря. С одной стороны были сторонники идей сближения с Германией, они считали, что разрыв культурных связей между странами приведет лишь к деградации и возвращению к варварскому мировоззрению. Данные обстоятельства подтверждаются утверждениями французских интеллектуалов, например, как Мишель Бреаль — известный лингвист, изучавший мифологию

индоевропейцев, — который с критикой относился к идеям культурной изоляции между двумя государствами, однако, французы были непреклонны в том суждении, что именно немецкие университеты навязали эту борьбу между странами, которая ведет к пропасти цивилизации [1; с. 320].

Идея цивилизованного мира вместо вооруженной конфронтации являлась общей целью интеллектуалов обеих стран [15; р. 33]. Впрочем, нужно подчеркнуть, что борьба между «университетской средой» Германии и Франции станет одной из ключевых на информационном фронте Первой мировой войны. С другой стороны отметим, что сама политическая концепция Третьей республики не подразумевала идею реваншистских настроений, однако, ближе к началу Первой мировой войны на политической арене все больше начинают играть националисты и монархисты, одним из главных акторов был Шарль Моррас. Данные группы активно критиковали как кабинетных политиков, так и всю идеологию Франции [6; с. 118]. В этих обстоятельствах, интеллектуалы стали ожидаемым оружием в руках обеих сторон конфликта во время войны, поменялось только переменная с «цивилизация — война» на «цивилизация — варварство», став одной из пропагандистских концепций.

Одним из показательных примеров, где мы можем наблюдать идею противостояния французской «Civilisation» и немецкой «Kultur» — журнал «l'Anti-Boche Illustré», наиболее подходящий для изучения пропаганды, построенной на стереотипах о враге. Общий нарратив журнала заключался в высмеивании Германской армии, Вильгельма II, но в этом источнике важно обратить внимание на то, какие проблемные сюжеты затрагивают авторы. В выпуске за 8 августа 1915 г. приведен памфлет, связанный с «Kultur» и буквой «K», которая ассоциируется с германской культурой: «Эти придурки [боши] в своем грязном писательстве постоянно используют букву «K»... фон Клюк... камад... кабинеты... кайзер», — в итоге автор предлагает заменить вражескую «K» французской «Q» [13; р. 8]. Данный пример иллюстрирует отношение французских интеллектуалов к проявлению элементов немецкой культуры, задавая тренд «культуры отмены» в мягкой форме.

Французская наука также не обходила стороной изучаемую проблематику, так французская Академия наук исключила немцев из своих организаций [3; с. 76], отдельные ученые тесно сотрудничали с пропагандистскими организациями. Одним из ярких ученых, имеющих отношение к пропаганде, был Жозеф Бедье. Брошюра упомянутого автора «Les crimes d'après des témoignages allemands» была написана, основываясь на новых для того времени источниках — Kriegstagebucher (журнал боевых действий). Пропагандистский характер брошюры выражается

также в образах врага и союзников. Вновь возникает проблема цивилизации: «Да, это война, но такая, какой ее никогда не вели солдаты Марсо и никогда не будут вести солдаты Жофра, такая, какой никогда не была и не будет Франция, мать искусств, оружия и законов» [9; р. 39]. В данном случае, мы можем наблюдать, что проблематика военных преступлений Германской армии напрямую связаны с восприятием национальных особенностей обеих стран, где Франция романтизирует подвиги своей армии прошлого и настоящего, поднимая цивилизационный дискурс.

Еще один труд интеллектуала, связанный с восприятием французского и немецкого менталитетов, является статья Камиля Фламариона «La mentalité allemande dans l'histoire», которая была опубликована в 1915 году французским астрономическим обществом. Автор в этой работе обращается к рецепции прошлого: «Но в то же время гений разрушения действовал в тени. Он был представлен ордами Дария, Ксеркса, Атиллы, Чингисхана, Тамерлана, и мы видим его в действии в ордах Вильгельма II, которые обесценили саму науку, поставив ее на службу зла» [10; р. 4]. Также Фламарион критикует устройство Земли, где уровень питания низкий и грубый, атмосфера не питательна, война происходит между растениями и животными, но, что самое главное, «немецкие интеллектуалы стоят во главе всего земного сброда» [10; р. 10]. Одним из самых маргинальных доводов можно считать утверждение, что на менталитет германцев влияла планета Марс, поэтому в их культуре так развита идея хаоса и разрушений [10; р. 3].

Германская сторона воспринимала антиномию «Kultur» против «Civilisation» в своей коннотации. В сборнике детских карикатур «Aus einem Tage Buch» 1914 г., где приведен следующий сюжет: десятки чернокожих с копьями в руках совместно с разбойниками и убийцами, которых выпустили из тюрьмы, собираются под британским флагом, — эта экспозиция дополняется статистической фразой «я борюсь за европейскую культуру» [8; s. 23]. Там же есть и другая карикатура, где изображен уже античный бог войны Марс, который наблюдает за горящей в космосе Землей и задается вопросом: «В конце концов, что не так со старой Землей?» [8 ; s. 24]. На частном примере мы видим, что для немецкой стороны важны схожие сюжеты в пропаганде, нацеленные на репрезентацию безнадёжной ситуации противника.

Таким образом, мы можем сделать несколько выводов. Во-первых, «война духа», которая развернулась в годы Великой войны, имела исторические корни со времен франко-прусской войны 1870-1871 гг., однако, часть интеллектуалов после поражения Парижа настаивали на культур-

ном сближении с Германией, как с ближайшим историческим соседом. Во-вторых, интеллектуалы Франции, являясь сторонниками государства, объединяли усилия для формирования негативного образа Германской империи в годы Первой мировой войны, одними из таких лейтмотивов была концепция «Civilisation» против «Kultur», под последним понимались как германская культура в целом, так и негативные коннотации о солдатах, немцах, кайзерах, из-за чего они ассоциировались с варварами и дикарями. В-третьих, важно понимать, что германская пропаганда использовала подобные сюжеты, разворачивая свой вектор на страны Антанты. Но здесь вектор был направлен, как правило, на колониальные войска, что должно было означать, якобы, проблемность ситуации у союзников.

Список использованных источников и литературы

1. *Бодров А. В.* Первые годы после Седана: германский фактор французской политики, общественного сознания и культуры в 1870-е годы. Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. СПб., 2011. 376 с.
2. *Горбачева Л. О.* Официальная пропаганда и формирование образа врага в российском общественном сознании в годы Первой мировой войны. // Документ. Архив. История. Современность. – No. 13. – 2013. – С. 170–181.
3. *Гурный М.* Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. СПб, 2019. 414 с.
4. *Немецкие зверства (Европейская война 1914 г.)* // Харьков, 1914. – 120 с.
5. *Мальцева Ю. С.* В поисках германского бунтаря: лексикографическое исследование. // Вестник Московского университета. No 3. 2014. С. 36–43.
6. *Молодяков В. Э.* Шарль Моррас и «Action Française» против Германии: от кайзера до Гитлера. Издательство Университета Дмитрия Пожарского. Нижний Новгород, 2020. 304 с.
7. *Юдин Н. В.* Создание образа врага в пропаганде стран Антанты в начале Первой мировой войны (август-декабрь 1914). // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. No. 3. 2012. С. 50-58.
8. *Aus einem Tage Buch 1914.* München. 1914. 24 S.
9. *Bédier J.* Les crimes d'après des témoignages allemands. Paris. 1915. 48 p.
10. *Flammarion C.* La mentalité allemand dans l'histoire. Paris. 1915. 15 p.
11. *Horne J.* German atrocities, 1914: a history of denial. Yale University Press. New Haven, 2002. 624 p.
12. *Lasswell H.* Propaganda Technique in the World War. Martino Fine Books. Mansfield Centre, 2013. 244 p.
13. *L'Anti-Boche Illustré.* Paris. 7 août 1915. 8 p.
14. *Morelli A.* Principes élémentaires de propagande de guerre. Éditions Aden. Bruxelles, 2010. 200 p.
15. *Prochasson C.* Los intelectuales franceses y la Gran Guerra. Las nuevas formas del compromiso. Asociacion de Historia Contemporánea. 2013. No. 91. PP. 33–62.

16. Ringmar E. "The spirit of 1914": A redefinition and a defence. War in History. 2018. Vol. 25. No. 1. PP. 26–47.

Для цитирования: Балашов А. С. Антиномия «Civilisation» против «Kultur» во французской пропаганде Великой войны // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 169 - 175.

«Кто тебя учил молиться? Мама». Образ православной женщины в антирелигиозных карикатурах периодических изданий РСФСР 1920-х гг.

Аннотация. В данной статье рассматривается интерпретация образа "православной" женщины в антирелигиозной периодической печати 1920-х гг. на территории РСФСР. Применяя методы социокультурного и структурного анализа изображения, автор прослеживает особенности бытования образа религиозной женщины в пропаганде и устанавливает причины появления того или иного нарратива в освящении изучаемой проблематики.

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда, гендерная история, визуальные источники, НЭП, 1920-е

Title. Who taught you to pray, Mom. The image of an Orthodox woman in anti-religious cartoons of the 1920s periodicals of the RSFSR

Abstract. This article examines the interpretation of the image of an "Orthodox" woman in the anti-religious periodicals of the 1920s on the territory of the RSFSR. Applying the methods of socio-cultural and structural analysis of the image, the author traces the peculiarities of the existence of a religious woman in propaganda and establishes the reasons for the appearance of a particular narrative in the consecration of the studied problem.

Key words: anti-religious propaganda, gender history, visual sources, NEP, The 1920s.

Радикальная модернизация общества 1920-х гг., во многом имела идеологический характер. Безусловно, изменения, проводимые советской властью, не могли не коснуться «женского вопроса» как одного из наиболее острых.

Первые шаги в законодательной сфере свидетельствовали о стремлении на юридическом уровне защитить женщину в рамках семейных отношений. Прежде всего, речь идет о двух декретах: «О расторжении брака» от 16 декабря 1917 г. [24, с. 150–151], «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18 декабря 1917 г. [18, с. 161–163]. Данные законодательные инициативы являлись реализацией дореволюционных положений, изложенных в работах двух крупнейших идеологов «женского вопроса» в РСДРП И.Ф. Арманд [1] и А.М. Колон-

Воротынцев, Глеб Денисович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st078914@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Рябова Людмила Константиновна*, кандидат исторических наук, доцент. Санкт - Петербургский государственный университет; Санкт-Петербург, Россия

Vorotyntsev, Gleb Denisovich — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st078914@student.spbu.ru

Scientific supervisor: *Lyudmila Konstantinovna Ryabova*, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Saint Petersburg State University; Saint Petersburg, Russia.

тай [19]. Прогрессивная нормативная база отвечала духу времени, закладывала устойчивый фундамент для дальнейшей эмансипации женщины в советском обществе.

В данной работе мы обратимся к интерпретации образа «православной» женщины. Выбор подобной оптики обусловлен слабой проработанностью проблематики.

Исследователи, изучающие гендерную историю на визуальных источниках: О.О. Хлопонина [26], Т. Дашкова [17], Н. Бабурина [2], в своих работах основной фокус направляют на общие тенденции становления изобразительного канона «новой женщины».

Историки, изучающие антирелигиозную пропаганду: Е.М. Лучшев [21], В. Смолкин [23], посвящают свои исследования реализации пропаганды в письменных документах. Антирелигиозные карикатуры если и становятся центральным объектом в работе, то, как правило, их рассматривают в качестве примера визуального воплощения идей и лозунгов.

В последние годы интерес к исследованию особенностей религиозности представительниц православия в раннем СССР возрос.

Основными источниками для данной статьи послужили опубликованные в 1920-х гг. в журналах «Безбожник» и «Безбожник у станка» карикатуры и агитационные материалы. Эти издания являлись главными рупорами антирелигиозной пропаганды в исследуемый период. Несмотря на разность подходов, их изучение в комплексе позволяет выстроить целостную картину рассматриваемой проблемы [14, с. 330].

Упомянутые издания регулярно обращались к «женской» тематике, посвящая ей специальные выпуски [5, с. 7.].

Методология исследования основана на принципах социокультурного анализа изображения, который включает в себя три этапа: дескрипцию, реконструкцию и интерпретацию [22]. Автор рассматривает изображение как знаковую систему, оперируя в работе структуралистским подходом [14, с. 330].

Одной из наиболее острых проблем, волновавших карикатуристов, была женская религиозность. Особенно ярко это проявилось в рамках мероприятий по борьбе с церковью и религией. Женщины в рассматриваемый период, в контексте религиозной практики, представлялись одним из самых реакционных слоев населения [15]. Это отмечал Л.Д. Троицкий [26 с. 44 – 45], несколькими годами позже Н.К. Крупская [20, с. 12 – 15]. Для идеологии, в которой атеизм являлся краеугольным камнем, подобное положение вещей таило серьезную угрозу [24, с. 15].

Помимо идеологической плоскости нежелание женщин отказываться от религии провоцировало конфликты в семье. На почве конфликтов про-

исходили всплески насилия, в некоторых случаях, не сумев разрешить противоречия между традицией дома и прогрессивными идеями школы, подростки предпринимали попытки самоубийства [27, с. 163].

Подобное положение дел не могло устраивать советскую власть, поэтому тема женской религиозности активно поднималась в антирелигиозной визуальной пропаганде.

Учет данной особенности дискурсивного поля антирелигиозных идеологов позволяет понять причины выстраивания стереотипов семейных отношений в пропаганде.

При изучении карикатур можно заметить, что образ православной семьи становится обобщающим примером целого набора девиаций. За мужчиной закрепляется образ пьяницы [4, с. 20], домашнего тирана и бездельника. Женщина же становится жертвой: мужа, обмана церковников, знахарок, собственной глупости.

Подобное «распределение» гендерных ролей в пропаганде, пользуясь терминологией лакановского психоанализа [14, с. 326], отражает особенность «традиционного взгляда» на проблематику архаичной семьи, с жестким закреплением ролей между гендерами.

Нарративная структура подобных изображений в периодических изданиях выстраивалась на двух принципах. Первый - бинарная оппозиция непосредственно внутри изображения - противопоставление образов, символов и атрибутов идеальной жизни (участие в общественной деятельности [13, с. 1], свободный труд [11, с. 12-13] и т.д.) существованию в религиозной семье, сопряжённой с насилием, богобоязненностью и невежеством. Второй - опосредованная бинарная оппозиция между несколькими сюжетно не связанными карикатурами.

Подобное отображение проблемы не являлось единственно возможным. Авторы, посвящавшие свои работы «женскому вопросу» - И. Арманд, А.М. Коллонтай и др. - уделяли внимание социальному аспекту семьи и брака, при этом практически полностью игнорируя религиозную составляющую. Образ «новой женщины» напрямую был связан с отказом от статуса «отражения мужчины» и становлением образа «холостой» работницы [20, с. 5].

Параллельно образу «холостой», «самостоятельной работницы», в антирелигиозной пропаганде в середине 1920-х выкристаллизовывается «образ матери». Подобная дихотомия в репрезентации, свидетельствовала о поиске оптимальной социальной роли, в которой государство видело женщин.

К примеру, в № 3 журнала «Безбожник у станка» за 1925 г. дан образец воспитания детей. На рисунке Д. Моора мама собирает своих детей в

школу, оба одеты, как пионеры [7, с. 2]. Изображение транслирует идеал материнства.

Все авторы, работавшие в изданиях «Безбожник» и «Безбожник у станка», существовали в рамках единого дискурсивного поля, которому была присуща общая система стереотипов. Появление новых «героев» не могло не спровоцировать культурной перекодировки, в результате которой качества, характерные для положительных героев, переносились на отрицательных.

Подобного рода трансформация была характерна, прежде всего, для «Безбожника у станка», поскольку наиболее остро конфликт между супругами обострялся в городе.

На данную проблему обращал внимание Е. Ярославский, который предлагал раз-делить жилую площадь между супругами: «...Один угол - женин угол, и висят иконы, а в другом - столик мужа, и висят портреты Ленина и Маркса» [28, с. 22].

Переходный период в образности от «жертвы» к «агрессору» можно наблюдать в карикатуре М. Черемных «Бога бойтесь, царя чтите» 1923 г. [6, с. 10-11]. Мужчина, пришедший с работы, наблюдает, как святые поучают его детей религии, в то время как супруга лежит на полу. Несмотря на то, что женщина в данной карикатуре изображена как жертва, семантически именно она является источником «религиозного дурмана».

В карикатурах более позднего периода начинает выкристаллизовываться образ православной женщины как «активного противника прогресса», что подтверждается серией портретов детей с одной и той же подписью «Кто тебя учил молиться? Мама» [10, с. 11].

Образ «православной матери», который включает в себя представителей нескольких поколений, преобразуется в образ врага, с которым «борется» прогрессивное семейство. В карикатуре «Семейный фронт» А. Дайнеки [11, с. 21], на которой окрашенные в красный цвет члены семьи обступили верующую женщину в белом и убеждают её отказаться от религии.

Пример религиозности нескольких поколений женщин можно наблюдать на карикатуре «Семейная репка», помещенной на обложке журнала? «Безбожник у станка» № 9 за 1926 г. [12, с. 1]. Здесь семья всеми силами стремится отдернуть маму от бабушки, идущей в церковь.

В заключение следует отметить, что образ «православной женщины» действительно сложился в антирелигиозной периодической печати. Наиболее распространенным являлся образ «жертвы», что обуславливается особенностями «взгляда» на гендер. Явлением прогрессивного порядка служит появление образа «женщина - агрессора», удерживающего семью

в «религиозном дурмане». Конструирование подобного стереотипа связано с общей тенденцией рассматриваемого периода. Основной причиной столь радикальной перекодировки служит создание стереотипа «сильной женщины», что спровоцировало появление противоположного образа – «хранительницы традиций». На карикатурах с ней борется или от нее страдает семья. Стремление авторов сохранить образ религиозной женщины в рамках «семейного дискурса» свидетельствует о том, что несмотря на существенное переосмысление образа в середине 1920-х гг. доминирующий стереотип относительно гендерных ролей сохранился.

Подобная интерпретация рассматриваемого материала соответствовала общим идейным положениям, зафиксированным в публицистике исследуемого периода.

Список использованных источников и литературы

1. Арманд И. Статьи, выступления, письма. М., 1975. 187 с.
2. Бабурина Н.И., Артамонова С.Н. Женщина в русском плакате. М., 2001.
3. Безбожник 1923. №2. С. 21.
4. Безбожник 1925. №5. С. 20.
5. Безбожник 1927. №5.
6. Безбожник у станка. 1923г. №6. С.10-11.
7. Безбожник у станка. 1925 г. №3.
8. Безбожник.1926. №5.
9. Безбожник у станка.1925. №11. С.21.
10. Безбожник у станка. 1926. №2. С.11.
11. Безбожник у станка. 1926г. №10. С.12-13.
12. Безбожник у станка.1926. №9.
- 13.Безбожник у станка. 1926. №11. С.13-14.
14. Берг П. Взгляд историка: как фотографии и изображения создают историю. М., 2023. 368 с.
15. Васеха М.В. Антирелигиозная работа с женщинами в 1920-е годы и процессы феминизации русской православной церкви (на сибирских материалах) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Томск, 2021. Вып. 3 (33). С. 105-117.
16. Воротынец Г. Д. Отражение в визуальных материалах конфликта за ведущую роль в раннесоветском антирелигиозном дискурсе между изданиями «Безбожник» и «Безбожник у станка» // Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала. Научный ежегодник по материалам конференции. Том Выпуск 6. Челябинск, 2023. Челябинск., 2023. С. 29 – 32.
17. Дашкова Т. Визуальная репрезентация женского тела в советской массовой культуре 30-х годов // Логос. 1999. № 11-12. С. 131–155.
19. Коллонтай А. М. Новая Мораль и рабочий класс. М., 1919. 61 с.

20. *Крупская Н. К.* Антирелигиозная пропаганда. М.-Л., 1929. 68 с.
21. *Лучиев Е.М.* Антирелигиозная пропаганда в СССР 1917-1941 гг. СПб., 2016. 364 с.
22. *Мазур Л. И.* «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX-XXI вв.: в поисках новых методов исследования: сайт. — URL: <https://science.urfu.ru/en/publications/визуальный-поворот-в> (последнее посещение 28.05.2022 г.)
23. *Смолкин В.* Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. М., 2021. 552 с.
24. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918. М., 1942. 1483 с.
25. *Троцкий Л.* Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М., 1923. 115 с.
26. *Хлопонина О. О.* Женский мир в советском плакате 1910-1930-х годов: эволюция мифологических конструкций // Научный потенциал: работы молодых ученых. М., 2017. №4. С. 287-295.
27. *Шевченко В.А.* Юные безбожники против пионеров. М., 2009. 352 с.
28. *Ярославский Ем.* Как вести антирелигиозную пропаганду. М., 1925. 96 с.

Для цитирования: *Воратынцев Г.Д.* «Кто тебя учил молиться? Мама». Образ православной женщины в антирелигиозных карикатурах периодических изданий РСФСР 1920-х гг. // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 176 - 181.

СЕКЦИЯ. ОБРАЗЫ И ИДЕИ В ДРЕВНЕМ МИРЕ И В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Кренделева Антонина Владимировна Рабы и рабство в трагедиях Эсхила

Аннотация. В статье освещается тема рабства в отражении трагедий Эсхила, в ней анализируются ключевые образы в его произведениях, раскрывающие тему несвободы в Древней Греции. На основании анализа образов рабов, выведенные в первых драматургических произведениях, делается попытка определить отношение драматурга к рабству как социально-экономическому и культурному явлению, выявить особенности системы рабовладения, которые автор отразил в своих сочинениях. Также рассматриваются функции и место рабов как персонажей в различных произведениях Эсхила и их связь с мировоззрением автора.

Ключевые слова: Эсхил, трагедия, рабство, свобода.

Title: The issue of the slave and slavery in the tragedies of Aeschylus.

Abstract. The article highlights the theme of slavery in the reflection of the tragedies of Aeschylus, it analyzes the key images in his works, revealing the theme of unfreedom in ancient Greece. Based on the analysis of the images of slaves derived in the first dramaturgical works, an attempt is made to determine the playwright's attitude to slavery as a socio-economic and cultural phenomenon, to identify the features of the system of slavery, which the author reflected in his writings. The functions and place of slaves as characters in various works and their connection with the author's worldview are also considered.

Key words: Aeschylus, tragedy, slavery, freedom.

Тема свободы и рабства в общем смысле давно привлекает внимание историков, философов, литераторов. Античная цивилизация, одна из первых поставившая свободу в ранг абсолютных ценностей, за которые можно вести борьбу, положила ее и в основу нового государственного устройства — демократии. Однако в то же время в Древней Греции сохранялась система рабовладения, являющаяся важным элементом социальной структуры и экономической системы. Отношение современников к

Кренделева, Антонина Владимировна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st087696@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Кулишова Оксана Викторовна*, д-р. ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Krendeleva, Antonina Vladimirovna — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st087696@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Kulishova Oksana Viktorovna*, Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

данному явлению различалось, хотя можно выделить и общие принципы, но факт упоминания рабов в различных исторических источниках подтверждает то, что рабы принимали активное участие в жизни своих господ, но отношении к ним со стороны свободных граждан претерпевало определенные изменения. Аттическая драма — один из источников, благодаря которому можно проследить эволюцию взаимоотношений между рабами и хозяевами, а также определить место зависимых категорий населения в общественной жизни греков, восстановить возможные модели общения хозяев со слугами. Именно через призму литературы возможно определить мировоззренческие установки относительно рабства в Древней Греции, выделить социально-экономические и политические реалии, что дополняет документальные источники того периода. В рамках данной статьи мы обратимся к трагедиям Эсхила, который заложил основы классической древнегреческой драмы и одним из первых поставил вопрос о соотношении свободы и несвободы в человеческой жизни, актуальный и сейчас.

В сохранившихся драматических произведениях Эсхила практически нет оформленных образов рабов, которые выступали бы активными участниками действия, вели диалог с основными действующими персонажами, что встречается в трагедиях Еврипида и комедиях Аристофана. Однако часто встречаются герои, которые находятся на границе свободного и зависимого состояния, а также персонажи, высказывания которых позволяют судить об отношении к несвободе и рабству в греческом обществе в эпоху классики.

В трагедии «Просительницы» Данаиды, просящие помощи у Пеласага, бегут от возможного порабощения. Хотя состояние брака не считается противоречащим свободе, хор девушек воспринимает близость с сынами Египта как насилие и как нечто чуждое их природе, не соответствующее Правде: «Кто нас купил, кто нас поправ, того любить?» [Aesch. Suppl., 337, пер. А. И. Пиотровского]. Брак с недостойными для Данаид равен рабству, поэтому они обращаются к алтарю богов, чтобы защитить свою честь. Свое «порабощение» хор сравнивает с приручением лошади, подведением ее под узду (подобный образ встретится и в трагедии «Персы» в пересказе сна женой Дария, где лошади будут символизировать свободолюбивых эллинов и раболепных варваров). Данный образ интересен тем, что для лошади существует две модели поведения, и, в зависимости от своего предназначения и характера, она может вести себя непокорно или же подчиниться, что и будет определять ее отношение к свободе. Таким образом, среди качеств свободного человека обязательно должна быть способность бороться за свою свободу.

Данаиды близки к рабскому состоянию, их судьба после обращения к алтарям не зависит от них самих. В противовес им Эсхил представляет образ мудрого правителя Пеласга, который, являясь свободным, вынужден делать выбор между защитой молящих и спасением своего государства. Только после принятия решения Пеласгом и утверждением его на народном собрании хор Данаид получает «свободу и неприкосновенность», которую не способны отобрать даже сыны Египта, использующие насилие в качестве своего метода убеждения и не различающие свободу и несвободу:

Эй, на корабль! На корабль! Живей!

Волей-неволей, эй!

[Aesch. Suppl., 857–858, пер. А. И. Пиотровского]

Египтиады воспринимают Данаид как беглых рабов, однако, они нарушают один из законов древних греков, касающихся рабов, отрывая их от алтарей [12, р. 366]. Они могли попросить возврата своего имущества, но не насильно забирать его, презируя местных богов. Подобное поведение Вестника убеждает Пеласга в обоснованности обвинений хора, а также в справедливости своего решения.

Тема рабства в трагедиях Эсхила зачастую связана с сюжетом войны. В «Семерых против Фив» вопрос спасения города, охраны его от войска нечестивого Полиника сопровождается и проблемой дальнейшего статуса его граждан. Хор фиванских женщин переживает не только за жизнь своих отцов и мужей, но и за свою собственную, так как поражение Этеокла приведет к их пленению. Трагизм их положения усугубляет тот факт, что противник не разделяет их, берет в плен всех женщин, вне зависимости от возраста и социального статуса:

Дев и жен кадмейских,

Молодых и стариц дряхлых?

Как табун кобылиц, в полон

За косы нас, в лохмотьях риз,

Гость повлечет.

[Aesch. Sept., 329–333, пер. В. И. Иванова]

«Рваные ризы», как внешний признак рабского положения встречается и в «Персах» [123–125, пер. В. И. Иванова], отражает как элемент насилия, так и просто бедственного, ущемленного положения, умаления человеческого достоинства. В сравнении женской и мужской участи в военное время положение некомбатантов кажется хуже, чем смерть на поле боя, в их случае гибель — благо, так как она не влечет за собой позор и угнетение [13, р. 96].

Несмотря на определенное сочувствие со стороны Эсхила к женщинам, которые могут быть пленены, исходя из своего религиозного мировоззрения, автор находит объяснение и оправдание происходящему. Религиозно-нравственные позиции Эсхила, в основе своей соответствующие тради-

ционными верованиям, признавали всевластие Необходимости, которой подчинены и люди, и боги. Преступления предков при этом вынуждены искупать их потомки [6, с. 168]. Поэтому пререкается с судьбой, которая приводит человека к состоянию рабства, не имеет никакого смысла.

В единственной сохранившейся трилогии Эсхила «Орестея» автор выводит в качестве действующего персонажа раба, не только прислуживающего своим хозяевам и выполняющему хозяйственные функции, но и иногда высказывающего недовольство. Однако, основная функция раба — это быть связующим звеном, передавать вести, следить за обстановкой. Важна роль рабов в осуществлении ритуалов и процессий, где они сопровождают хозяев.

В другом положении находятся жители Трои, которые будучи прежде свободными, были пленены ахейскими мужами. Через их судьбу отражается тема Рока, который одних лишил всего, другим же предоставил все:

Одни, припав к раскиданным окрест телам
Мужей и братьев, — дети — к старикам прильнув,
Родимым дедам, все — рабы, и стар и млад,
Вопят и воют, и сиротский плач творят.
А тех (всю ночь страда кипела бранная)
Сажает голод за столы роскошные
Знатнейших граждан: вольный им везде постой.
[Aesch. Ag., 328–332, пер. В. И. Иванова]

В «Агамемноне» Клитемнестра говорит о непостоянстве судьбы и призывает Кассандру покориться судьбе. Царица отмечает, что «добро в издревле изобильном доме рабствовать» [Aesch. Ag., 1042–1043, пер. В. И. Иванова], в отличие от двора, где недавно разбогатели. Данный факт связан с тем, что в первом случае хозяева менее требовательны, с высоты своего положения они более снисходительны к низшим социальным категориям, к тому же, для них уже сложился определенный шаблон отношения к подчиненным. Также это может быть связано и с их сознательностью, так как, видя перед собой раба, который прежде был не только свободен, но и имел равное им положение, хозяева могли допустить мысль, что при другом стечении обстоятельств они могли оказаться на том же месте.

Судьба Кассандры вызывает у хора сочувствие, так как ее статус рабыни не соответствует изначальному предназначению. Рожденная царствовать девушка оказывается вдалеке от своей земли, родных, лишается свободы и вынуждена подчиняться человеку, который принес несчастье ее народу. К тому же она знает свое будущее, но не боится смерти, так как знает, что ее жизнь теперь не стоит того, чтобы ради нее бороться, а смерть будет избавлением от бед и воссоединением с близкими. Таким

образом, она доказывает свое «превосходство над завоевателем, варвар над греком, женщина над мужчиной» [14, р. 20]. Однако, во многом образ Кассандры идеализированный и передает не столько тяжелое поражение раба, сколько идею Рока и трагических последствий войны.

Девушки-плакальщицы в «Хоэфорах» Эсхила также сокрушаются о своей судьбе, они вынуждены «есть рабский хлеб» [79–80, пер. В. И. Иванова], всегда соглашаться с царями и «ненависть глотая, слезы о доме лить» [82–83, пер. В. И. Иванова]. Однако они сожалеют об участии Агамемнона, плакальщицы представлены персонажами, которым не чужда эмпатия, даже к своим хозяевам, в прошлом — врагам. Электра даже обращается к ним за советом, так как находит в своих прислужниках родственные души. И она замечает, что ее положение близко рабскому, но не по справедливости, поэтому ее общение с рабынями близко к дружескому.

Часто Эсхил вводит образ рабов для того, чтобы воплотить в них культурные идеалы, утерянные свободными, для того, чтобы создать контраст и показать бесчестие и низость в максимальном его проявлении: так как герои опускаются ниже рабского уровня [10, р. 368]. Старая кормилица в «Хоэфорах» в противовес Клитимнестре искренне переживает за судьбу Ореста, вспоминает его, когда он был ребенком, сокрушается о его смерти. Более того, рабыня Килисса проницательна и замечает лживость матери Ореста, скрываемую от слуг.

Подводя итоги, можно сказать, что в произведениях Эсхила отражается тема рабства, которое он представляет неизбежным несчастьем в случае военных действий, а также вводит в сюжет образы домашних рабов, одни из которых давно находятся в этом статусе и уже достигли смирения, другие — это плененные женщины, сокрушающиеся о своем пленении и сопутствующих ему обстоятельствах. Поэтому можно говорить, что уже в первых дошедших до нас драматических произведениях античности отражается тема рабства и борьбы за свободу, формируются образы рабов, многие из которых изображены на границе статусов «свободного-пленного», поднимается вопрос о тяжелом положении зависимого населения, который на данном этапе является неразрешимым. Однако, образы рабов возвышенные и индивидуализированные, отражают идеи, которые представляют авторское отношение к тем или иным проблемам.

Список использованных источников и литературы

1. Валлон А. История рабства в античном мире / Пер. с фр. С. П. Кондратьева. М., 1941. 661 с.
2. Головня В. В. История античного театра. М.во, 1972. 400 с.
3. Доватур А. И. Рабство в Аттике в VI–V вв. до н.э. Л., 1980. 134 с.
4. Иванов В. И. Трагедии Эсхила. М., 1989. 590 с.

5. История греческой литературы / Под ред. С. И. Соболевского и др. В 3т. Т. I. М., 1946. 478 с.
6. Коган П. С. Очерки по истории древнегреческой литературы. М., 2015. 256 с.
7. Колобова К. М., Глускина Л. М. Очерки истории древней Греции. Л., 1958. 348 с.
8. Радциг С. И. История древнегреческой литературы. Учебник для филологических факультетов университетов. 4-е изд. М., 1977. 528 с.
9. Тронский И. М. История античной литературы. М., 2012. 463 с.
10. *Ebbott M. Marginal Figures // Blackwell Companion to Greek Tragedy / Ed. by J. Gregory. Malden, MA, 2005. P. 366–376.*
11. *Finley M. I. Was Greek Civilization Based on Slave Labour? // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte, 1959. Bd. 8, 2. 1959. P. 145–164.*
12. *Naiden F. S. Aeschylus and Athenian Law // Blackwell Companion to Aeschylus. / Ed. by J. A. Bromberg, P. Burian. Hoboken, 2022. P. 361–372.*
13. *Torrance I. Seven against Thebes // Blackwell Companion to Aeschylus. P. 88–98.*
14. *Wallace R. W. Democracy's Age of Bronze: Aeschylus's Plays and Athenian History, 508/7–454 bce // Blackwell Companion to Aeschylus. P. 15–26.*

Для цитирования: *Кренделева А.В.* Рабы и рабство в трагедиях Эсхила // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 182 – 187.

Образ идеального римлянина на основе надгробной речи в честь Луция Цецилия Метелла

Аннотация. В данной статье представлена попытка охарактеризовать изначальный образ идеального гражданина в римской *civitas* до начала активного эллинистического влияния на все аспекты римской культуры. На основе эпитафии в честь Луция Цецилия Метелла были выделены ключевые параметры, в своей совокупности составлявшие представление римлян эпохи Ранней республики об эталоне гражданина. Также на основе сравнения этой речи с подобными источниками того времени были отмечены тенденции к трансформации рассматриваемой этической категории уже в III в. до н.э.

Ключевые слова: идеальный гражданин, Луций Цецилий Метелл, надгробная речь.

Title: The image of an ideal Roman based on a eulogy in honor of Lucius Caecilius Metellus.

Abstract. This article attempts to characterize the initial image of the ideal citizen in the Roman *civitas* before the beginning of active Hellenistic influence on all aspects of Roman culture. Based on the eulogy in honor of Lucius Caecilius Metellus, the main aspects were determined, which together formed the idea of the Romans of the Early Republic era about the standard of a citizen. Also, based on the comparison of this speech with similar sources of that time, trends towards the transformation of the ethical category in question were noted already in the III century BC.

Key words: ideal citizen, Lucius Caecilius Metellus, eulogy.

Понятие об идеальном гражданине (*vir bonus*) всегда являлось определяющим и одним из самых устойчивых элементов аксиологической системы римлян. В эпоху начала активного влияния эллинистической культуры на римские устои в III в. до н.э. именно идеал *vir bonus* был одним из немногих элементов старой системы ценностей, который устоял под этим культурным натиском [15, с. 185]. Марк Юний Брут, Луций Квинций Цинциннат, Марк Порций Катон Старший — они были не просто прославленными личностями, каждый из них был не просто примером для новых поколений даже спустя века после смерти; в своём лице идеальные граждане воплощали принципы существования *civitas*,

Худяков, Андрей Дмитриевич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st107606@student.spbu.ru

Научный руководитель: Васильев Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент. Санкт - Петербургский государственный университет; Санкт-Петербург, Россия

Khudyakov, Andrey Dmitrievich — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st107606@student.spbu.ru

Scientific supervisor: Vasiliev Andrey Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Saint Petersburg State University; Saint Petersburg, Russia.

более того – основополагающие тенденции в развитии общества. Здесь самым красноречивым примером выступает Катон Цензор, разделивший историю развития образа идеального римлянина на до и после. Он был, можно сказать, последним образцом «исконного» идеального гражданина: участвовал в войнах с юных лет, отличался редкой воздержанностью, постоянно трудился, добился вершин политической власти (Plut. Cat. Mai. 1). Однако личность Катона, стремящегося жить в соответствии с традициями, а также его знаменитая борьба за сохранение нравов в значительной степени являлись лишь реакцией на культурные трансформации в римском обществе — идеал *vir bonus*, как мы уже указывали ранее, в целом устоял после контакта с эллинистической культурой, но избежать приобретения отдельных новых черт он всё-таки не мог.

Представление о том, что римляне вкладывали в понятие об идеальном гражданине, составить довольно сложно. А. О. Кудратов на примере всё того же Катона предлагает выделять «требования» к идеальным римлянам уже исходя из факта признания ряда отдельных личностей таковыми; основываться в таком случае необходимо не столько на конкретном наборе добродетелей, как это обычно принято делать, сколько на анализе общественно значимых поступков и деяний человека, направленных на благо Рима [5, с. 76–77, 79]. Система добродетелей, несомненно, важна, однако опираться сугубо на неё в этом вопросе было бы ошибочно.

Некоторые исследователи сходятся во мнении, что своеобразной программой, выражавшей представления самих римлян об идеальном гражданине, можно считать погребальную речь (*laudatio funebris*) консула 206 г. до н.э. Квинта Цецилия Метелла над телом отца – консула 251 г. до н.э. Луция Цецилия Метелла — основные положения которой дошли в изложении Плиния Старшего [3, с. 146–147; 4, с. 143]. По словам сына, его отец «соединил в себе десять величайших и наилучших качеств [такую конкретику — указание на определённое число личных характеристик и добродетелей — в источниках в контексте римской аксиологии мы больше нигде не встречаем] для достижения которых многие мудрецы тратили всю жизнь» (Plin. NH. VII, 140, пер. А. Н. Маркина); кроме того, в речи приводится ряд добродетелей и жизненных успехов, повторить которые в совокупности больше ни одному другому гражданину со времён основания Рима не удалось (Plin. NH. VII, 140). Х. Линдсэй считает, что не следует рассматривать этот перечень достижений как жёсткий контрольный список, присущий любой надгробной речи или публичному выступлению, но некоторые из категорий точно учитывались бы в случае с другими прославленными сенаторами [19, р. 90]. На рубеже III и II вв. до н.э. подобные речи ещё не приобрели характер индивидуальных тек-

стов — они отражали скорее римскую систему нравственных ценностей в принципе [4, с. 143].

Луций Цецилий Метелл дважды занимал консульскую магистратуру — в 251 и 247 г. до н.э. (Plin. NH. VII, 139; Fasti Cap.; Val. Max. XVIII, 13, 2), занимал должность великого понтифика (Plin. NH. VII, 139, Val. Max. XVIII, 13, 2), был не только начальником конницы, но и избирался диктатором в 224 г. до н.э. (Fasti Cap.; Plin. NH. VII, 139); активно участвовал в событиях Первой Пунической войны: несколько лет возглавлял войска на Сицилии, вместе с коллегой по консулату Гаем Фурием Пацилом взял Ферму и Липару (Polyb., I, 39). В 250 г. до н.э. он нанёс сокрушительное поражение армии Гасдрубала при Панорме: дротики римлян в ключевой фазе сражения обратили вражеских слонов в бегство (Polyb., I, 40; Frontin, II, 5, 4).

Среди добродетелей, которым следовал Луций Цецилий Метелл, в пересказе эпитафии особое место занимают те, что связаны с военной сферой: «Ведь он хотел быть первым воином [...] храбрейшим полководцем» (Plin. NH. VII, 140, пер. А. Н. Маркина). Армия была не просто необходимым для будущей успешной политической карьеры шагом; именно из военной сферы, из заложенной в ней идеи постоянной состязательности, из её агонального духа берут корни фундаментальные категории римской аксиологии: *virtus*, *honos*, *gloria* [7, с. 76]. Личные качества, проявленные консулом на поле битвы, «величайший почёт», возможность «под своим руководством решать важнейшие дела» (Plin. NH. VII, 140, пер. А. Н. Маркина) с помощью занятия престижных магистратур и за счёт популярности в обществе — все эти элементы, суммирующиеся в единый мотив «желание – достижение», являются первостепенными в данной надгробной речи. Гражданская деятельность и военная служба с древнейших времён обладали высшей ценностью, а карьерный путь — *cursus honorum* — был предметом особой гордости истинного римлянина именно потому, что существование гражданина и заключалось в посвящении себя интересам государства. Связь с общиной для римлянина была священна, без публичного признания сограждан любые успехи не имели никакого веса [8, с. 42; 15, с. 185]. Метелл получил это признание, что позволило ему стать «самым известным человеком в государстве» (Plin. NH. VII, 140, пер. А. Н. Маркина).

Однако в эпитафии есть одно противоречие с реальной биографией рассматриваемого нами персонажа, которое отметил ещё Плиний: сын не упомянул об инциденте со спасением отцом палладия из пожара в храме Весты, из-за чего великий понтифик лишился зрения — этот сюжет не был забыт и в эпоху империи (Plin. NH. VII, 141; Liv. Per., 19; Ov. Fast. VI,

437–454). За подвиг римский народ предоставил Метеллу привилегию, которой не удостоивался ещё никто — право в любое время приезжать в курию на повозке (Plin. NH. VII, 141). Это умолчание раскрывает избирательный характер данной формы поминовения и во многом поднимает проблему формирования памяти о деяниях знатных римлян [19, р. 90; 21, р. 69].

Чтобы понять, как эта память формировалась в то время, необходимо обратиться к другим аналогичным источникам образца III–II вв. до н.э., самыми знаменитыми и информативными из которых являются элогии Сципионов. В описании жизненного пути и перечислении достижений или добродетелей погребаемого далеко не всё было чистой правдой, а противоречия в этих текстах — явление довольно частое [13, с. 206]. Так, например, в надписи на саркофаге Публия Корнелия Сципиона мы снова встречаем список наиболее почитаемых качеств: *honus, virtus, gloria* и т.д. Особого внимания заслуживает всё тот же мотив «желание – достижение», но в данной эпитафии говорится о нереализованном потенциале, т.е. смысл противоположный: *Quibus sei in longa licuisset tibi utier vita, facile facteis superases gloriam maiorum* (CIL. VI. 1288). Фраза «легко бы превзошёл славу предков» вызывает вопросы, т.к. говорить, что сын самого Сципиона Африканского мог бы прославиться больше, чем его великий отец, было несколько странно со стороны автора спустя чуть более десятилетия с момента смерти победителя Ганнибала. Кроме того, явно добавленная позднее к изначальной надписи верхняя строка с упоминанием занимаемой Публием Сципионом должности фламينا Юпитера, казалось бы, делает бессмысленной всю эпитафию: перечисленные ранее добродетели не могли быть воплощены этим человеком в реальность, т.к. связаны с военной сферой, а для фламинов существовало множество ограничений и запретов [22, р. 255–256]. Однако К. Мойр выдвинула предположение, что Публий Сципион мог отличиться своими литературными заслугами — до нас дошли сведения о его писательском и ораторском дарованиях (Vell. Pat. I, 10, 3; Cic. Cato, 35) — и тогда слова о превосходстве в славе даже отца могли бы соответствовать действительности [20, р. 266]. Писательский талант никак не мог быть поставлен в заслугу гражданину в «докатоновское время», на рубеже III и II вв. до н.э. литературная традиция только начинала складываться в Риме, причём складываться, что важно, под иноземным влиянием. Пример Публия Сципиона показывает, как быстро в республике после установления прочных контактов с другими культурами происходила трансформация идеалов: то, что не соответствовало и даже противоречило традиционным

римским добродетелям, связанным с войной или магистратурами, стало восприниматься как равноценное им по значимости уже во II в. до н.э.

Какова же природа отсутствия упоминания фламината в изначальной версии надписи на саркофаге Сципиона и умолчания о спасении палладия Метеллом? Нам этот вопрос кажется наиболее важным, т.к. он явственнее всего демонстрирует ту эволюцию смыслового наполнения понятия об идеальном гражданине, которая произошла в течение буквально полувека. Причина, возможно, схожая: убедительна точка зрения У. Дж. Татума, который выдвинул гипотезу, что Сципион Эмилиан, желавший превратить гробницу в некое подобие «музея» Сципионов, преследовал цель упомянуть все заслуги предков; поэтому факт невозможности воплотить многие староримские добродетели на должности фламина Юпитера не представлялся чем-то фатальным, а противоречие верхней строки содержанию остальной эпитафии было уже совершенно вторично в новых этических реалиях [22, р. 256–257]. С Метеллом ситуация могла быть ещё прозаичнее: консул 251 и 247 гг. до н.э. был одним из первых выдающихся представителей незаметного к концу III в. до н.э. рода Цецилиев Метеллов, так что надгробная речь сына должна была поместить семью в один ряд с гораздо более древними и влиятельными семействами — с теми же Сципионами. В этой связи необходимо было (в соответствии с «древними» представлениями об идеальном гражданине) упомянуть в первую очередь о магистратурах и триумфах усопшего, нежели о неактуальных с точки зрения той римской аксиологии «фоновых событиях» в период понтификата Метелла [21, р. 58].

Луция Цецилия Метелла (если принять *laudatio funebris* как речь об идеальном гражданине) вполне можно назвать замечательным образцом *vir bonus* раннего, «полисного» периода истории Рима: воин, высшее должностное лицо, семьянин, оратор. Об этом говорит не только простой набор применённых им на протяжении всей жизни качеств, но и реальные поощряемые народом деяния, благодаря которым он завоевал уважение — данный фактор являлся определяющим в признании человека идеальным гражданином. Такой подход к анализу наиболее ярких личностей в истории Древнего Рима (здесь мы полностью поддерживаем позицию С. Л. Утченко и А. О. Кудратова) позволит нам лучше понять специфику категории *vir bonus* и проследить её трансформацию под воздействием внутренних и внешних культурных факторов.

Список использованных источников и литературы

1. Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения / Пер. С. Ю. Трохачева. СПб, 2007. 308 с.

2. *Веллей Патеркул*. Римская история / Пер. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой. Воронеж, 1985. 211 с.
 3. *Громов А. В.* Цивилизация Древнего Рима: психология и ментальность. СПб., 2018. 344 с.
 4. *Кнабе Г. С.* Категория престижности в жизни Древнего Рима // Быт и история в античности. М., 1988. С. 143–169.
 5. *Кудратов А. О.* Представления об идеальном гражданине в период кризиса Римской республики на примере образа Катона Цензора // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. Науки, 2020. Т. 162, № 3. С. 72–83.
 6. *Ливий Тит*. История Рима от основания города: В 3 т. Т. III / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 2002. 589 с.
 7. *Махлаюк А. В.* «Состязание в доблести» в контексте римских военных традиций // Из истории античного общества: Межвуз. сб. Вып. 6. Н. Новгород, 1999. С. 64–81.
 8. *Межеричский Е. Ю.* Iners Otium // Быт и история в античности. М., 1988. С. 41–68.
 9. *Овидий Публий Назон*. Элегии и малые поэмы. Фасты / Пер. Ф. А. Петровского. М., 1973. 528 с.
 10. *Плиний Старший*. Естественная история. Книга VII / Пер. А. Н. Маркина // Вестник Удмуртского ун-та. Серия «История и филология». Ижевск, 2013. № 3. С. 163–178.
 11. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. Т. I / Пер. С. П. Маркиша. М., 1994. 702 с.
 12. *Полибий*. Всеобщая история. Т. I (кн. I–V) / Пер. Ф. Г. Мищенко. М., 1890. 680 с.
 13. *Сергеенко М. Е.* Жизнь древнего Рима. СПб., 2000. 368 с.
 14. *Фронтин Секст Юлий*. Стратегемы / Пер. А. Б. Рановича. СПб., 1996. 224 с.
 15. *Утченко С. Л.* Политические учения древнего Рима. М., 1977. 254 с.
 16. *Цицерон Марк Туллий*. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Пер. В. О. Горенштейна. М., 1974. 248 с.
 17. Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I–XVI. Leipzig; Berlin, 1862–1943.
 18. *Degrassi A.* Fasti Capitolini. Turin, 1954. 192 p.
 19. *Lindsay H.* The “Laudatio Murdiae”: Its Content and Significance // Latomus. 2004. Vol. 63. № 1. P. 88–97.
 20. *Moir K. M.* The Epitaph of Publius Scipio // The Classical Quarterly. 1986. Vol. 36. № 1. P. 264–266.
 21. *Raimondi M. L.* Cecilio Metello e l'incendio del 241 A.C.: memoria gentilizia o memoria civica? // Aevum. 2019. Anno 93. № 1. P. 49–73.
 22. *Tatum W. J.* The Epitaph of Publius Scipio reconsidered // The Classical Quarterly. 1988. Vol. 38. № 1. P. 253–258.
- Для цитирования:** *Худяков А. В.* Образ идеального римлянина на основе надгробной речи в честь Луция Цецилия Метелла // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 188 - 193.

Концепция felicitas в религиозной пропаганде Суллы

Аннотация. В статье рассматриваются религиозные мероприятия римского полководца и диктатора Луция Корнелия Суллы и феномен felicitas в его пропаганде. Образ Суллы сам по себе является первым в истории Рима беспрецедентным случаем религиозного почитания, а концентрация на его felicitas и вовсе делает уникальным. Цель статьи — это проанализировать роль felicitas в его религиозной политике.

Ключевые слова: Древний Рим; Поздняя Республика; Сулла; Религиозная политика

Title: The Concept of Felicitas in Sulla's Religious Propaganda

Abstract. The article examines the religious activities of the Roman commander and dictator Lucius Cornelius Sulla and the phenomenon of Felicitas in his propaganda. The image of Sulla in itself is the first unprecedented case of religious lifelong veneration in the history of Rome, and the concentration on his Felicitas makes it unique at all. The purpose of the article is to analyze the role of Felicitas in its religious policy.

Key words: Ancient Rome; Late Republic; Sulla; Religious politics

Сулла, пожалуй, первый из римских полководцев кто устремился закрепить свою власть путём связи самого себя с богами, став беспрецедентным случаем первого в римской истории уникального почитания при жизни. До него не было в Римской Республике человека, который столь бы усиленно занялся окружённой вокруг его личности религиозной пропагандой. Ещё Л. С. Утченко выдвинул тезис о том, что религиозные мероприятия диктатора имели не хаотичное, а централизованное начало, имея в своей основе единую концепцию «счастья», закреплённую, в том числе, и в данном после триумфа агномене Felix. Сулла здесь сам стал автором своего образа, и пусть попытки закрепить свой особый статус были, как и у Сципиона Африканского (Liv. XXVI, 18—19; Aurel. Vict. 49. 3), так и у Гая Мария (Val. Max. III. 6. 6; Plin. XXXIII 150), но именно Сулла смог со всей данной ему властью, не имея никаких на то ограничений, добиться чрезвычайного религиозного почета.

Те меры, которые Сулла примет в Риме ранее были им же испытаны в Греции, во время его войны с Митридатом Евпатором, по крайней

Худяков, Андрей Димитриевич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st107606@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Васильев Андрей Владимирович*, кандидат исторических наук, доцент. Санкт - Петербургский государственный университет; Санкт-Петербург, Россия

Khudyakov, Andrey Dmitrievich— Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st107606@student.spbu.ru

Scientific supervisor: *Vasiliev Andrey Vladimirovich*, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Saint Petersburg State University; Saint Petersburg, Russia.

мере до Митридатовой войны особого отношения Суллы к *felicitas* не наблюдалось. С самого своего выступления в Грецию он подчеркивал свою связь с богами, приносящими ему победы, в частности, с Венерой. На трофеях, сооружённых после победы при Херонее, Сулла поместил три имени — Марса, Виктории и Венеры (Plut. Sulla. 19. 9—10; Dio Cass. XLII. 18. 3). Притом образ Венеры у Суллы имел двойное значение, с одной стороны как богини прародительницы римского народа, с другой богиней олицетворяющей удачу. Уже во время войны он чеканил монеты с её изображением, где на аверсе ауреуса изображена голова Венеры и Купидон, с пальмовой ветвью над ней. О важнейшей роли Венеры среди множества богов говорят и посланные в Дельфы на имя Афродиты дары — золотой венок и золотая секира: «Видел тебя он такою во сне, — ты в доспехах Ареса шла по рядам войсковым, бранной отвагой дыша» (App. BC. I. 97; Перевод С. А. Жебелева). Отсюда и его известное у греков прозвище Эпафродит (Любимец Афродиты), при том если верить Плутарху, используемое с самого начала Митридатовой войны, так как на трофеях Суллы в Беотии уже метилось звание Любимца Афродиты (Plut. Sulla. 34. 4).

На первый взгляд деяния Суллы в Греции по отношению к храмам сами по себе циничны и кощунственны и не имеют за собой какой бы то ни было идеологии. Но даже так Сулла смог обернуть утилитарную необходимость фактического грабежа храмов в свою пользу с точки зрения собственной связи с богами. Как отмечал А. Кивни, с позиции Суллы он справедливо брал у богов в долг, пользуясь их благосклонностью (App. Mithr. 54; Plut. Sulla. 12. 5), притом ответ полководца данный фokeйцу Кафису при реквизиции имущества Дельфийского оракула (Plut. Sulla. 12. 4—9) говорит в том числе и о вере самого Суллы в содействие богов его делам, а также умение повернуть трактовку, казалось бы, неблагоприятного для себя знамения себе же на пользу. При любой возможности это отрицать у Суллы была главная гарантия созданного им же облика — он продолжал побеждать. Главное, что в этом вопросе, уже став диктатором, Сулла оказался куда как более последовательным, отдав богам в дар многочисленные земли (Diod. XXXVIII. 7; Plut. Sulla. 19. 6; Paus. IX. 7. 6). Дважды сообщается о знамениях, полученных Суллой в ходе войны в Греции: в начале боевых действий (App. BC. I. 97) и после битвы при Херонее (Plut. Sulla. 17. 7), но явно Сулла не часто прибегал к знамениям, больше пользуясь перед войском уже сложившимся вокруг себя ореолом победоносного военачальника. Расположение богов он в том числе использует и в Гражданской войне, повторяя опыт Митридатовой войны. Так в Таренте он принёс жертвы, после чего на печени

жертвенного животного им были обнаружены черты лаврового венка и двух лент, предвещавших победу, а после к нему явился преисполненный божественным наитием раб, который от лица Беллоны предсказал Сулле победу в войне (Plut. Sulla. 27. 6). А после сражения при Тифате Сулла передал храму Дианы, которой была посвящена местность, лечебные источники (Vell. Pat. II. 25. 4; CIL. IX. 3828).

Став диктатором, Сулла получил намного больше возможностей для продвижения в жизнь этой концепции. Необходима она была ему по ряду причин: во-первых, это логически следовало из его ранних действий на поприще религиозной пропаганды, во-вторых, его личная убежденность в этой концепции и полная ставка на неё, в-третьих, необходимость иных мер по легитимизации своей власти, что сама по себе магистратура диктатора дать уже не могла. По версии Дж. С. Сьюми изложенной в его статье «Spectacles and Sulla's Public Image», в основе его религиозного облика лежали felicitas и concordia, при этом помимо религиозных мероприятий, Сулла для этого использовал и зрелища. Центром всех славящих его процессов был его двухдневный триумф, который был ему необходим для закрепления совершенной над Митридатом победы. Двухдневные триумфы были для римлян нечастыми явлениями, и проведенный в январе 81 года до н.э. триумф был отмечен небывалой пышностью, тот же Сьюми и вовсе полагает, что именно этот триумф стал прообразом триумфов Помпея, Цезаря и Октавиана. Помимо самого фактора победы над врагом Сулла явно демонстрировал свое почтение к благосклонным к нему богам, через триумф возвращая вывезенные Марием Младшим из римских храмов в Пренесту богатства, а именно 14 000 (в другом чтении – 13 000) фунтов золота и 6 000 фунтов серебра, о чём сообщалось *sub eo titulo in triumpho* (Plin. NH. XXXIII. 16), причем это явно не позиционировалась как полученная в бою добыча. Вопрос о том позиционировался ли триумф как победа над согражданами остается дискуссионным, с одной стороны А. Кивни утверждает, что сторонники Цинны и Мария своим сговором с самнитами и тиранией будто выписали себя из граждан Рима, став врагом Вечного города и Республики уравнившись в этом с Митридатом, с другой стороны А.В. Короленков в своей статье «Сулла – Республиканский Тиран?» ставит это под сомнение, утверждая что триумф изначально задумывался как праздник победы исключительно над Митридатом. Сообщение Плутарха о присутствии на триумфе бежавших от марианцев изгнанников (Sulla. 34. 2) не вносит точности, пусть явно и говорит о символическом восстановлении единства внутри римского народа.

После же проскрипций Сулла начал воплощать в жизнь все новые и новые зрелища, которые ставили его личину на первое место общественной и духовной жизни Рима. Он учредил цирковые игры *Ludi Victoriae Sullanae* (Vell. Pat. II. 27. 6), которые по мнению А.Тена в его диссертации (*Sulla's Public Image and the Politics of Civic Renewal*) стали прообразом игр в честь победы Цезаря при Фарсале. Этими играми Сулла по сути вывел свою славу из исключительной позиции триумфатора в отдельную ипостась прославления, доступную только ему. Не забывая он и об напоминании своей связи с Венерой путем установки специального памятника (App. BC. I. 97; Plut. Sull. 34).

Вершиной этого было закрепление звания *Felix*, которое по Аврелию Виктору он якобы закрепил отдельным эдиктом (Aurel. Victor. 75. 9.). *Felix* отличался от Эпафродита, по сущности своей это были отдельные друг от друга прозвища, первое из которых укладывалось в римскую религиозную картину, а второе в греческую, так как самим грекам религиозные концепции на основе римских добродетелей были чужды. Самый важный момент между Суллой и *Felicitas* (причем как богиней, так и добродетелью) заключалось в их взаимозависимости. Как Сулла был первым кто возвысил свою исключительность через абсолютизацию определенной добродетели, отдав на алтарь даже собственные таланты (Plut. Sulla. 6. 3—7), так и добродетель оформилась в итоговом формате именно под влиянием личности Суллы. Известно, что при Катоне Старшем *felicitas* использовалась скорее в значении сельскохозяйственной плодородности (Liv. XXXIX. 46. 3-5; XL .2. 1., 19. 1., 36. 14-37. 3), но именно после Суллы *felicitas* в разных аспектах стало символом божественной удачи полководца. Об этом писал Цицерон, описывая *felicitas* одной из четырех главных воинских добродетелей в равной степени с *scientia rei militaris*, *virtus* и *auctoritas*, приписывая её Помпею, Марию, Фабию Максиму, Сципиону Африканскому и Марцеллу (Cic. pro lege manilia. 47). Сулла фактически узурпировал божественный дар, когненомом слив его с собой воедино, и как покажет время даже смерть и последующие века не смогут «разлучить» его с *felicitas*.

Пиком и логическим завершением Сулланской пропаганды, пожалуй, её самым монументальным актом были похороны *Funus publicum* Суллы больше напоминали посмертный триумф, нежели обычную похоронную процессию. Они должны были связать воедино в рамках одного шествия все его достижения, все что он из себя представлял. Явно напоминая похороны Фабия Максима Кунктатора (Plut. Fab. 27. 4), они стали беспрецедентным актом участия государства в похоронах одного человека, тем более ранее добровольно ушедшего в частную жизнь. Похороны Суллы

отражали его взаимосвязь с официальными институтами римского государства, что олицетворялось присутствием магистратов, сената, жрецов и жриц, всадников, народа и ветеранов. Похоронами Сулла восславил себя не как триумфатора-императора, а скорее как диктатора (App. BC. I. 105—106; Plut. Sull. 38). Закончил свой путь Сулла также как и его вел, так как он желал, даже в похоронах своих приняв активное участие в качестве негласного организатора, диктуя свой образ при жизни, завершив похороны своей же надписью, которую он никому не мог кроме себя же доверить : «...Смысл ее тот, что никто не сделал больше добра друзьям и зла врагам, чем Сулла.» (Plut. Sull. 38; Перевод В. М. Смирин). Первым из рода Корнелиев приказав предать своё тело огню (Cic. De leg. II. 22, 56—57; Plin. VII. 55), он оставил свой прах там, где по словам Аппиана покоились лишь римские цари.

Его «Воспоминания», в которых объяснял свои удачи волей богов (Plut. Sull. 6., 17., 23., 37; Cic. De div. I, 34, 72), пожалуй, одно из главных звеньев в этой цепи. Тенденцию прославления Суллы продолжил историк Луций Корнелий Сизенна, современник Суллы, написавший после его смерти «труд о гражданских и сулланских войнах» (Vell. Pat. II. 9. 5). По словам Саллюстия, Сизенна изучил события эпохи Суллы «лучше и тщательнее всех, кто описывал события того времени», однако «не был достаточно беспристрастен в своих суждениях» (Iug. 95, 2; Перевод В. О. Горенштейна.). Оба труда не сохранились, но при этом явно были частью религиозной пропаганды личности Суллы.

Мы видим жесткую линию единой политики, последовательной и безрезультатной, за счет которой Сулла смог навсегда вписать себя в историю Рима. Именно его *Felicitas* ляжет в основе его облика в глазах многих поколений, сделав неразрывным со своим «Счастьем». Пик этой концепции — это жизнеописание диктатора, составленное Плутархом, который, пожалуй, более других использовал его автобиографию. В Жизнеописании Плутарха нет разночтений, нет различных версий, есть один единый нарратив обреченности на величие. Сулла у Плутарха — это миф, тот миф, который сам Сулла и создал, то каким он хотел себя видеть, великим Счастливецем, сокрушившим всех своих врагов. Как показывают источники моральный облик и прочие добродетели Суллу мало интересовали, и у того же Плутарха мы можем видеть безумную храбрость, смешанную с жестокостью и сознательным моральным разложением, в чем Сулла и сам не видел противоречий, особенно с учетом маргинальности его характера (Plut.Sulla. 1—3).

Облик Суллы Феликса, так старательно им собранного, в разные периоды времени имел разные свойства, но никем не отрицался. У Светония Сулла имеет почти фантастический ореол предвидения, став художественным инструментом для возвышения образа Цезаря (Suet. Caes. 1). Сулла порицался за жестокость и гнев, порицался за тиранию и обвинялся в гибели Республики, но его личное «Счастье» не поддавалось сомнению, будучи упомянутой даже в панегирике истового христианина Грациана в IV веке н.э. (Aus. Grat. 7). Сам же Сулла возвысил своим примером некогда второстепенную добродетель, которая уже после его смерти получило место в культуре императора.

Список использованной источников и литературы

1. *Аппиан Александрийский*. Римская история. М., 2002.
2. Аврелий Виктор. Происхождение римского народа // Римские историки IV века. М., 1997
3. Веллей Патеркул. Римская история / А. И. Немировский, М. Ф. Дашкова. Воронеж, 1985.
4. Записки Юлия Цезаря. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М.: Ладомир, 1999.
5. *Короленков А.В.* Сулла – республиканский тиран? // Античный мир и археология. Вып. 19. Саратов, 2019. С. 55–68.
6. *Короленков А.В., Смыков Е.В.* Сулла и зрелища (из новейшей литературы) // ВДИ. 2016. № 2. С. 489–496
7. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания в двух томах, М., 1994. Издание второе, исправленное и дополненное. Т. I.
8. *Утченко С. Л.* Древний Рим. События. Люди. Идеи. Москва, 1969.
9. *Clark A.* Divine Qualities: Cult and Community in Republican Rome // Oxford University Press, 2007
10. *Keaveney A.* Sulla: the Last Republican. London, 2005.
11. *Sumi. J. S.* Spectacles and Sulla's Public Image. Historia №51, 2002. P. 432 - 440.
12. *Santangelo F.* Sulla, the Elites and the Empire. A Study of Roman Policies in Italy and the Greek East. Boston, 2007.
13. *Thein A. G.* Sulla's Public Image and the Politics of Civic Renewal. Diss. Ph. D. Philadelphia., 2002.

Для цитирования: *Вайсат И. С.* Концепция felicitas в религиозной пропаганде Суллы // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 194 - 199.

Основные характеристики изображения римских сенаторов у Диона Кассия

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности повествования историка III в. н.э. Диона Кассия о сенаторах в его сочинении «Римская история». Это представляется важным, поскольку сам историк долгое время входил в состав Сената и привнес в свое сочинение многочисленные подробности о деятельности этого государственного органа. Всего было выявлено четыре характеристики изображения сенаторов во всем сочинении античного историка.

Ключевые слова: Дион Кассий, «Римская история», римские сенаторы.

Title: The main characteristics of the depiction of Roman senators in Cassius Dio.

Abstract. This article examines the features of the narrative about senators of the historian of the third century AD Cassius Dio in his major work, the Roman History. This seems important because the historian himself was a member of the Senate for a long time and brought to his work numerous details about the activities of this state institution. In total, four characteristics of the image of senators in the entire work of the ancient historian have been identified.

Keywords: Cassius Dio, the Roman History, Roman senators.

Будучи сыном сенатора из Вифинии и пробыв в составе Сената около 37 лет, Дион Кассий (ок. 164 – ок. 229 гг. н.э.) мог со знанием дела создавать свой исторический труд, «Римскую историю» [10, р. 15–23]. Особенности изображения историком Сената частично рассматривались в историографии (в основном, зарубежной). Однако эти работы ограничивались конкретным периодом [7; 9] или лишь частично касались этой темы в рамках других исследовательских проблем [1; 3]. Таким образом, можно констатировать, что выявление особенностей нарратива о деятельности Сената в сочинении Диона Кассия в целом еще не было проведено.

Стоит отметить, что сенаторская карьера историка не могла не повлиять на идеи, которые он высказывает в своей работе. Естественно, Дион уделяет Сенату большое внимание, а его близость к императору Александру Северу привела к присутствию морализаторских элементов в «Римской истории» [5, S. 408]. Античный автор приводит множество

Худяков, Андрей Димитриевич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st107606@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Васильев Андрей Владимирович*, кандидат исторических наук, доцент. Санкт - Петербургский государственный университет; Санкт-Петербург, Россия

Khudyakov, Andrey Dmitrievich— Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st107606@student.spbu.ru

Scientific supervisor: *Vasiliev Andrey Vladimirovich*, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Saint Petersburg State University; Saint Petersburg, Russia.

подробностей из жизни Сената, и в его нарративе о сенаторах выделяется сразу несколько важных элементов.

Всего нами выявлено четыре особенности изображения действий сенаторов. Первая и, пожалуй, самая важная особенность связана с превознесением роли Сената в различных событиях и награждением сенаторов самыми превосходными характеристиками. Довольно красноречиво это демонстрирует один из эпизодов Второй Пунической войны. После победы при Каннах (216 г. до н. э.) Ганнибал двинулся в сторону Капуи, где было две партии: одна поддерживала Рим, другая — Ганнибала. Первая взбунтовалась против карфагенского полководца и потребовала от сенаторов восстать против него, но те медлили с этим. Тогда толпа пришла к зданию Сената, чтобы расправиться с сенаторами, но положение спас некий «человек из толпы» (τις ἐκ τοῦ πλῆθους), который не дал им этого сделать (Cass. Dio, frag. XV, 9, 2, Zon., пер. Н. В. Солопова). Эта деталь у Диона расходится с данными Тита Ливия, согласно которому, у этого человека было вполне конкретное имя и даже должность — Пакувий Калавий, главный магистрат Капуи. Причем Ливий утверждает, что он заранее спланировал свою хитрость, чтобы именно плебс (а не сам Калавий) передал город карфагенянам (XXIII, 2, 3). Уже до описания самих действий Калавия можно увидеть принципиальное различие в двух версиях: если Ливий называет Калавия по имени и должности и сразу говорит о его ужасных целях, то Дион вообще не упоминает ни имени, ни должности, а сводит все к «человеку из толпы» и не ведет речь ни о каких-либо тайных целях этого человека. Более того, Дион отмечает, что этот человек понимал, какое огромное зло может произойти, если народ расправится с прокарфагенски настроенными сенаторами. Здесь наиболее заметно расхождение Диона с ливийской традицией, при том что исследователи, в частности А.В. Махлаюк и А. Клотц, подчёркивали использование Дионом труда Ливия [2, с. 434; 6, S. 83]. Следовательно, Дион Кассий здесь сознательно отвергает версию Ливия и выражает собственное мнение, согласующееся с его представлениями о важности сенаторов.

Вернемся к событиям в Капуе. Тот человек из толпы, «посчитав сенаторов вполне заслуживающими гибели», предложил народу выбрать новых сенаторов, потому что «невозможно, чтобы государство спаслось без предварительных обдумываний в Сенате» (Cass. Dio, frag. XV, 9, 2, Zon.). После того, как все согласились, он стал выгонять каждого сенатора из здания Сената и предлагать народу избрать на его место другого достойного человека. Люди разошлись во мнениях и решили не трогать сенаторов. Выводы историков ярко демонстрируют основную

идею, заложенную ими в этом эпизоде. Если Тит Ливий подчёркивает смирение народа перед властью и то, что лучше терпеть уже знакомый гнет, чем самим выбирать новый, то Дион Кассий называет сенаторов незаменимыми, делая акцент уже на том, что важно само сенаторское управление, найти аналоги которому невозможно (Liv., XXIII, 3, 14; Cass. Dio, frag. XV, 9, 2, Zon.). Исходя из этого, мы можем утверждать, что Дион выстраивает свой нарратив с целью показать необходимость и важность функционирования Сената.

Второй аспект изображения сенаторов связан с тем, что их действия зачастую приводили к падению того или иного политика или к его убийству. Самый яркий пример — это Цезарь. В XLIV книге, своеобразной эпитафии Цезарю, историк приводит пространный комментарий по поводу различных почестей, которыми сенаторы одаривали диктатора. Дион, не отрицая, что Цезарю не хватало умеренности, все же бóльшую степень вины возлагает на сенаторов, которые чрезмерно одаривали его почестями, а затем обвинили в том, что он стал напыщенным и высокомерным, что, в конечном счете, и привело его к гибели (XLIV, 3, 2). Ровно то же самое произошло и с консулом Луцием Элием Сеяном в 31 г. н.э., обвинённым императором Тиберием в заговоре и затем казнённым. Дион отмечает, что сенаторы «настолько ясно знали, что именно они довели Сеяна до безумия, что сразу же установили чёткий запрет на предоставление кому-либо чрезмерных почестей и на дачу клятв кому бы то ни было, за исключением лишь императора» (LVIII, 12, 3). Светоний в своей биографии Тиберия и Тацит в «Анналах» ничего не говорят о роли сенаторов в смерти Сеяна, а лишь подчёркивают или коварство и злонамеренность Тиберия, или опьянение Сеяна властью (Suet., Tib., 61, 1; Tac., Ann., IV, 39, 1), в то время как Дион не просто обвиняет их в этом, а акцентирует на том, что они и сами это чётко осознавали [7, р. 88–89]. Получается, сенаторы у автора «Римской истории» своими действиями и стремлениями (то угодить, то из-за страха) доводили людей до безумств или до чрезмерного чванства.

Третий аспект в нарративе о Сенате — это выражение отношения к императору через описание реакции Сената. Наиболее заметно это в книгах, посвящённых времени Диона (рубеж II – III вв.). В качестве примера можно привести эпизод, случившийся в период правления императора Коммода. Сенаторы ненавидели его из-за чрезмерных выходок и бестактного отношения к ним. Во время устроенных императором грандиозных игр Коммод подошел к сенаторам, сидевшим на первом ряду, держа в одной руке голову убитого им страуса, а в другой — обгёрнутый кровью меч. Тем самым он, по мнению историка, давал намек, что готов уничто-

жить сенаторов. Однако их реакция была явно противоположной — они начали смеяться и стали есть листья из лавровых венков, чтобы сдерживать смех (Cass. Dio, frag. LXXII, 21, 2, Xiph.). С одной стороны, действия императора можно объяснить попыткой апелляции к чувствам народа и его антипатии к богатым и влиятельным сенаторам, которых Коммод попытался высмеять и унижить. С другой стороны, ему это не удалось, и император сам оказался объектом насмешек [15, р. 32]. Такого рода анекдотические ситуации не редкость для сочинения Диона [11, S. 25], но, как отмечает и сам историк, всякий раз они вставлены в нарратив с целью подчеркнуть важный эпизод и выразить собственное мнение историка. Так и здесь, через этот анекдот Дион вполне ясно передает отношение сенаторов к Коммоду. И это одна из особенностей нарратива историка.

Наконец, последнее, что мы выделили, это комментарии Диона по поводу тех или иных действий Сената, в которых видится оценка историком их правильности или неправильности. Например, наделение Помпея полномочиями консула без коллеги после убийства Клодия в 52 г. до н.э. Дион комментирует так: «всё же необычным (ξέρον) был этот поступок, не предпринимавшийся ни в каком другом случае, и казалось (ἔδοξαν), что он был совершён по справедливости» (XL, 50, 5). Слово ξέρον подчёркивает прецедентный характер такого назначения, шедшего вразрез с политическими обычаями, а глаголом ἔδοξαν историк выражает скепсис относительно того, что Помпея не назначили диктатором (как случилось с Суллой) и создали тем самым лишь видимость власти. Другой пример — это внезапное решение сенаторов в правление Тиберия давать клятву не вместе, хором (как ранее) [14, р. 201], а каждому по отдельности. Дион называет это «наинелепейшим делом» (υελοῖότατον πρᾶγμα) и расценивает его, скорее, как акт лести перед Тиберием с целью добиться его снисхождения, поскольку это никак не повлияло на функционирование и деятельность самого Сената (LVIII, 17, 1–2). С высоты своей senatorской карьеры Дион вполне понимал это, поэтому данный комментарий выражает также и собственный опыт историка.

Таким образом, можно выделить четыре характеристики изображения сенаторов у Диона Кассия. Первая — это превознесение роли сенаторов и выделение их как важнейших и незаменимых людей в государственном управлении. Вторая характеристика — это изображение действий сенаторов как приводящих к гибели некоторых политиков. Это было вызвано либо их страхом за свое положение, либо желанием угодить тому или иному политику. Третьей особенностью является характеристика императора через описание реакции Сената. К этому Дион активно прибегает в повествовании о своём времени. Наконец, последняя характеристика свя-

зана с высказыванием собственных мыслей и комментариев по поводу тех или иных действий Сената, в чём видится личный опыт самого историка. Все эти особенности подчеркивают продуманность сочинения Диона и его мастерство как историка и писателя.

Список использованных источников и литературы

1. *Марков К. В.* Деятельность римского сената как фактор политической нестабильности в «Римской истории» Диона Кассия // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. 2018. Т.45, №4. С. 629–637.
 2. *Махлаюк А.В.* Историк «века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история» // Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX / Пер. с древнегреческого под ред. А.В. Махлаюка. СПб., 2011. С. 372–437.
 3. *Coudry M.* Electoral Bribery and the Challenge to the Authority of the Senate: Two Aspects of Dio's View of the Late Roman Republic (Books 36–40) // Cassius Dio and the Late Roman Republic / Ed. by Josiah Osgood and Christopher Baron. Leiden., 2019. P. 36–49.
 4. *Dio Cassius.* Dio's Roman History / Text, and English transl. by E. Cary on the Basis of the Version of H.B. Foster. In Nine Volumes. London: W. Heinemann, 1914–1927. Vol. 2, 3, 4, 7, 9.
 5. *Hose M.* Erneuerung der Vergangenheit: Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart, 1994. 498 S.
 6. *Klotz A.* Über die Stellung des Cassius Dio unter den Quellen zur Geschichte des zweiten punischen Krieges // RhM. 1936. Bd. 85. S. 68–116.
 7. *Lindholmer M.* Cassius Dio's Ideal Government and the Imperial Senate // Cassius Dio and the Principate / Ed. by Christopher Burden-Strevens, Jesper Majbom Madsen, Antonio Pistellato. Venezia: Edizioni Ca' Foscari, 2020. P. 67–95.
 8. *Livius Titus.* History / With an English translation by B.O. Fister. Cambridge, 1926–1943. Vol. 6.
 9. *Madsen J. M.* From Nobles to Villains: The Story of the Republican Senate in Cassius Dio's Roman History // Cassius Dio's Forgotten History of Early Rome. The Roman History, Books 1–21 / Ed. by C. Burden-Strevens and M. O. Lindholmer. Leiden, 2019. P. 99–125.
 10. *Millar F.* A Study of Cassius Dio. Oxford, 1964. 227 p.
 11. *Schmidt M. G.* Anekdotisches in Cassius Dios Zeitgeschichte // MH. 2000. Vol. 57. Fase. 1. S. 20–35.
 12. *Suetonius. C.* Suetonii Tranquilli Caesares / Ed. M. Ihm. Lipsiae, 1908. XIV, 362 p.
 13. *Tacitus P. Cornelius.* P. Corneli Taciti Libri qui supersunt / Ed. E. Koestermann. Lipsiae, 1957–1969. 2 vol.
 14. *Talbert R. J. A.* The Senate of the Imperial Rome. Princeton, N.J, 1984. 565 p.
 15. *Toner J.* The Day Commodus Killed a Rhino: Understanding the Roman Games. Baltimore, 2014. 144 p.
- Для цитирования:** *Солопов Н. В.* Основные характеристики изображения римских сенаторов у Диона Кассия // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 200–204.

Харченко Вероника Александровна

«Quinquennium Neronis» в сочинении «De Caesaribus» Аврелия Виктора.

Аннотация. Статья посвящена феномену пятилетия Нерона, успешному периоду его принципата, о котором в своем труде упоминает историк IV в. Аврелий Виктор. Центральным является вопрос о хронологических рамках «quinquennium Neronis». Отдельное внимание обращено на противоречия в сочинении Аврелия Виктора и в «Epitome de Caesaribus» неизвестного автора. Исследуются причины, по которым Аврелий Виктор мог допустить несоответствия. Автором статьи предпринята попытка разрешить проблему, датировав пятилетие 60–65 гг.

Ключевые слова: Нерон, пятилетие Нерона, Аврелий Виктор.

Title: «Quinquennium Neronis» in Aurelius Victor's work «De Caesaribus».

Abstract: The article is devoted to the phenomenon of “quinquennium Neronis”, the successful period of his principate, which the historian Aurelius Victor mentioned in his work. The central question is the chronological framework of the period. Special attention is paid to the contradictions in the work of Aurelius Victor and in the “Epitome de Caesaribus” by an unknown author. The author of the article made an attempt to resolve the problem by dating the quinquennium to 60–65 AD.

Key words: Nero, quinquennium Neronis, Aurelius Victor.

Словосочетание «quinquennium Neronis» впервые употреблено римским историком IV в. н.э. Секстом Аврелием Виктором в сочинении «De Caesaribus», в котором содержатся истории правления римских императоров от Октавиана Августа до 360 г. Автор отмечает, что Траян высказывал похвалу Нерону: «управление всех принцевсов намного уступает этому пятилетию...» (Aur. Vict. De Caes. 5.2, пер. В.С. Соколова). Феномен «пятилетия» как плодотворный период правления Нерона давно подвергается обсуждению среди иностранных историков, однако в отечественной научной литературе не был освещен в полной мере. Продолжительное время в зарубежной историографии превалировала точка зрения, согласно которой первые пять лет принципата Нерона признавались тем самым загадочным пятилетием, о котором писал Аврелий Виктор [12, p. 75–76;

Харченко, Вероника Александровна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st096568@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Печатнова, Лариса Гавриловна* — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Kharchenko, Veronika Aleksandrovna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st096568@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Pechatnova, Larisa Gavriilovna* — Dr. Sc. in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

11, p. 93; 15, s. 21–29]. Однако все больше исследователей отходят от этой гипотезы.

Важно отметить, что в основных литературных источниках о Нероне не содержится прямого указания на пятилетие (Tac. Ann. XIII–XVI; Suet. Nero; Dio, LXI– LXIII). Впрочем, нельзя сказать, что Аврелий Виктор не созвучен с перечисленными авторами. Противопоставляя «*quinquennium Neronis*» последующим за ним годам распушенности и жестокости, Аврелий Виктор опирается на сведения римских историков и отражает «хрестоматийный» образ Нерона, укрепляя тем самым негативную литературную традицию о последнем из династии Юлиев-Клавдиев.

При этом упоминания заслуживает «*Épitome de Caesaribus*», работа неизвестного автора, в которой есть указание на «*quinquennium Neronis*». Это сочинение является кратким подбором сведений о правлении римских императоров от Августа до смерти Феодосия I в 395 г. Долгое время авторство этой работы приписывалось Аврелию Виктору. Хотя «*De Caesaribus*» и «*Épitome de Caesaribus*» очень близки по своей структуре и имеют ряд параллелей в содержании, принято считать, что эти сочинения принадлежат разным авторам [2, с. 196; 3, с. 311–312; 8, p. 308–309]. Многочисленные сходства между текстами исследователи объясняют использованием древними историками в качестве одного из основных источников *Kaisergeschichte* [9; 18]. Немецкий ученый А. Энманн в конце XIX века постулировал теорию утраченного исторического труда IV в., на который опирались в своей литературной деятельности как Аврелий Виктор, так и анонимный автор «*Épitome de Caesaribus*» и иные историки того времени, о чем свидетельствует наличие похожих суждений, общих фактов и ошибок. *Kaisergeschichte* представляла собой набор кратких императорских биографий, охватывающих период от Августа до смерти Константина и, вероятно, была написана между 337 и 340 годами [10; p. 491].

Автор IV в. Флавий Евтропий, написавший «*Breviarium Historiae Romanae*», краткое изложение истории Рима от его основания до 364 г., описывая принципат Нерона (Eutrop. VII, 14.1–15.2), не упоминает о пятилетии. Сложно сказать опирался ли Евтропий на Энманновскую историю императоров, когда писал о Нероне. И если в этом не дошедшем до нас произведении давалась характеристика пятилетия Нерона, то почему Евтропий проигнорировал эти сведения? Этот вопрос остаётся открытым и требует дальнейшего рассмотрения. И все же можно предположить, что именно Аврелий Виктор, опираясь на *Kaisergeschichte*, первым вводит выражение «*quinquennium Neronis*», впоследствии позаимствованное

эпитоматором, который практически дословно передал содержание первых 11 глав «De Caesaribus».

Не вполне исследованным остается вопрос о приписываемой Траяну похвале Нерону. Хотя некоторые исследователи считают изречение Траяна историческим анекдотом, но, как нам кажется, стоит отнестись к нему со всей серьезностью, поскольку оно может дать ключ к датировке пятилетия. Траян, знаменитый своей строительной активностью, вполне мог сослаться на 64–68 гг., известные широкой градостроительной деятельностью, развернувшейся в Риме после пожара 64 г. [7, р. 177]. Как известно, даже Тацит, с презрением относящийся к Нерону, отмечал практичность и красоту построенных зданий (Тас. Ann. XIII, 43.1, 43.5). Однако сомнительно, чтобы Траян из династии Антонинов, время правления которой считалось «золотым веком», мог одобрить наполненное репрессиями и заговорами последнее пятилетие Нерона. Более правдоподобно выглядит гипотеза Дж. Хинда [13, р. 492–499], полагающего, что Траян мог сослаться скорее на 60–65 гг., когда был достигнут ряд успехов как в военных делах, так и в строительстве.

Неясными остаются мотивы, побудившие Аврелия Виктора, поддерживающего линию, намеченную историками до него в отношении Нерона, акцентировать внимание на столь похвальном пятилетии. Не исключено, что, как утверждает О. Мюррей [17, р. 41–42], Аврелий Виктор или его источник могли допустить хронологическую ошибку, которая связана с обычной практикой биографов сначала давать список добродетелей, а затем переходить к перечислению пороков и преступлений. Помимо этого, большую роль играет и личностный фактор: односторонний морализаторский взгляд Аврелия Виктора на персоналию Нерона стал причиной ошибки, из-за которой заслуги были приписаны к первым пяти годам его принципата, когда его характер, по мнению историка, еще не был испорчен. Об уверенности в том, что Аврелий Виктор соотносил изречение Траяна с первым пятилетием принципата Нерона свидетельствует следующее за морализаторским пассажем упоминание о 59 годе как рубежной даты, когда было подстроено убийство Агриппины, после которого Нерон начал свой путь превращения в тирана (Aur. Vict. De Caes. 5.13).

Все же возникают противоречия: Аврелий Виктор связывает с пятилетием Нерона расширение границ империи, в том числе аннексию Понта и Коттийских Альп (Aur. Vict. 5.2), произошедшую не ранее 63 г. Автор «Epitome de Caesaribus» связывает с пятилетием Нерона не только эту аннексию, но и строительную деятельность (Epit. de Caes. 5.4). Дополняя повествование примерами, автор эпитомы делает ошибку, относя постройку купален к первому пятилетию Нерона, а не к началу 60-х гг.

[16, p. 378]. Заметно, что эпитоматор настороженно относится к своему источнику, считая пятилетие не столько благоприятным, сколько сносным: «В течение пяти лет его правление было терпимо» (Epit. de caes. 5. 2, пер. В.С. Соколова). Вероятно, такой вывод автор делает, исходя из сравнения этого пятилетия с правлением других представителей династии Юлиев-Клавдиев. Но если Нерон был всего лишь «терпим», то этого было явно недостаточно, чтобы стать основой для замечания Траяна.

Ряд исследователей связывает пятилетие Нерона с административными способностями воспитателя и философа Сенеки и префекта претория Бурра, в чьих руках оказалось управление империей. Примечательно, что в сочинениях обоих авторов их имена ни разу не упоминаются. Возможно, «quinquennium» является периодом самостоятельного правления Нерона: в 59 г. в исполнение был приведен план убийства Агриппины, а в день совершения преступления Нерон заявил о начале самовластия (Tac. Ann. XIV, 7.6), после чего Сенека и Бурр начали стремительно терять расположение принцепса.

Интересной выглядит гипотеза Дж. Хинда о проведении Нероний в 60 и 65 гг. как празднования значимого для Нерона первого пятилетия самостоятельного правления [13, p. 502]. Древние авторы упоминают о Нерониях как о масштабных играх, которые надлежало проводить раз в пять лет (Suet. Nero, 12.3; Tac. Ann. XIV, 20.1, XVI, 2.3). Вполне вероятно, что высказывание Траяна можно отнести к середине нероновского принципата. В период с 60 по 65 гг. Нерон организовал многочисленные зрелища для плебса, инициировал массовые раздачи и даже сам появился на сцене. Кроме того, Нерон улучшил поставки зерна, завершил многие полезные постройки, строительство которых началось при Клавдии. Например, в 62 г. было завершено строительство гавани в Остии, важнейшего стратегического объекта, благодаря функционированию которого обеспечивалось снабжение Рима. Вместе с тем были построены большой продовольственный рынок *Macellum Magnum*, гимнасий, термы и множество других общественных зданий. Эти строения, как достижения программы Нерона, изображены на реверсах монет (RIC I, 178–183; 184–187). Нерон преобразил облик Рима, сильно пострадавшего от пожара, чем запомнился последующим поколениям как великий строитель. Особенно искусным был *Domus Aenea*, грандиозный дворцовый комплекс в центре Рима, вызывавший всеобщее изумление (Tac. Ann. XV, 42.1). К военным достижениям периода, на которые мог обратить внимание Траян, следует отнести продвижение Светония Паулина в Британии в 61 г., успехи Корбулона в Армении в 59–60 и 62–63 гг., заключение соглашения с Тиридатом

и Вологезом, аннексия Коттийских Альп в 63 г. и Понта Полемонийского в 64 г.

Однако, несмотря на успехи, огромное значение имел, вероятно, случайный пожар в Риме в 64 г., ставший катализатором падения Нерона. В результате дорогостоящего восстановления города, конфискаций и финансового кризиса от него окончательно отвернулась аристократия, которая должна была жертвовать средства на реконструкцию. Это кардинально расширило пропасть между римской элитой и принцепсом. К тому же добавлялись и выступления Нерона, сопряженные с унижением сенаторского достоинства, что воспринималось консервативными кругами как насмешка над римскими традиционными ценностями. Таким образом, почва для заговора уже имелась. К 65 г. вокруг Пизона концентрируются противники Нерона с целью его физического устранения, о чем подробно повествует Тацит (*Tac. Ann. XIV, 48–73*). Кажется, именно этими событиями заканчивается славное пятилетие, а Нерон, начиная подозревать каждого в заговоре, приобретает тот образ кровожадного тирана, который приписывает ему литературная традиция.

Аврелий Виктор с большой вероятностью допустил хронологическую ошибку, приписав к ранним годам правления Нерона события, произошедшие несколько позже. Кажется, что пятилетие, к которому отсылает Траян, приходилось на 60–65 гг. Именно эти годы были чрезвычайно насыщенными и довольно плодотворными в социальной, строительной и внешней политике Нерона.

Список использованных источников и литературы

1. Аврелий Виктор. О Цезарях / Пер. В. С. Соколова. URL: <https://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1466000100> (Дата обращения: 25.10.2023).
2. Дмитриев В.А. Римская историография периода поздней Империи: основные жанры и представители // *Метаморфозы истории*. 2003. Вып.3. С. 188–208.
3. Донченко А. И., Высокий М. Ф., Хорьков М. Л. Последние историки великой империи // *Римские историки IV века*. М., 1997. С. 297–318.
4. Евтропий. Краткая история от основания города / Пер. А. И. Донченко // *Римские историки IV века*. М., 1997.
5. Тацит Корнелий. *Анналы*. Малые произведения // *Сочинения в 2-х томах*. Т. I / Пер. А. С. Бобовича. М., 1993.
6. Эпитома о Цезарях / Пер. В. С. Соколова. URL: <https://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1466000200> (Дата обращения: 25.10.2023).
7. *Anderson J. G. C., Haverfield F.* Trajan on the Quinquennium Neronis // *The Journal of Roman Studies*. Vol. I, 1911. P. 173–179.
8. *Banchich, T. M.* The Epitomizing Tradition in Late Antiquity // *Marincola J. (ed.) A Companion to Greek and Roman Historiography*. Oxford: Blackwell Publishing. Vol. II, 2007. P. 305–311.

9. *Burgess R.W.* On the date of the Kaisergeschichte // *Classical Philology*. Vol. 90, number 2, 1995. P. 111–128.
10. *Burgess R.W.* Principes cum Tyrannis: Two Studies on the Kaisergeschichte and Its Tradition // *The Classical Quarterly*. Vol. 43, No. 2, 1993. P. 491–500.
11. *Cizek E.* Nero. Paris, Fayard, 1982. 474 p.
12. *Henderson B.W.* The Life and Principate of the Emperor Nero. London, 1905. 529 p.
13. *Hind J. G. F.* The Middle Years of Nero's Reign // *Historia: Zeitschrift Für Alte Geschichte*. Bd. 20, H. 4, 1971. P. 488–505.
14. *Lepper F.A.* Some Reflections on the Quinquennium Neronis // *The Journal of Roman Studies*. Vol. 47, Issue 1–2, 1957. P. 95–103.
15. *Malitz J.* Nero. München: Beck, 1999. 128 s.
16. *Moormann E. M.* Some Observations on Nero and the city of Rome. The Representation and Perception of Roman Imperial Power: Proceedings of the Third Workshop of the International Network Impact of Empire. Rome, Brill, 2003. P. 376–388.
17. *Murray, O.* The 'Quinquennium Neronis' and the Stoics // *Historia: Zeitschrift Für Alte Geschichte*. Bd. 14, H. 1, 1965. P. 41–61.
18. *Rohrbacher D.* Enmann's 'Kaisergeschichte' from Augustus to Domitian // *Latomus*. Vol. 68, no. 3, 2009. P. 709–719.
19. *Sutherland, C. H. V., Carson R. A. G. (eds.)* Roman Imperial Coinage. Vol. I. London, 1984.

Для цитирования: Харченко В. А. «Quinquennium Neronis» в сочинении «De Caesaribus» Аврелия Виктора. // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 205 - 210.

Изображения исцелений Иисуса Христа в раннехристианском искусстве II-IV вв.

Аннотация. В исследовании были изучены основные сцены исцелений, которые появляются в христианском искусстве этого времени, а именно исцеление расслабленного, исцеление кровоточивой и исцеление слепого. В статье были рассмотрены памятники, в которых встречаются указанные сюжеты, проанализировано иконографическое значение этих сцен, а также описаны и проанализированы стилистические особенности каждого из сюжетов.

Ключевые слова: исцеление; раннехристианское искусство; катакомбы; саркофаги.

Title: Depictions of the Healings of Jesus Christ in Early Christian art of the 2nd - 4th centuries.

Abstract. The study examined the main healing scenes that appear in Christian art of this time, namely the healing of the paralysed man, the healing of the bleeding woman and the healing of the blind man. The article has examined the monuments in which the above subjects occur, analysed the iconographic significance of these scenes, and described and analysed the stylistic features of each of the subjects.

Key words: healing; Early Christian art; catacombs; sarcophagi.

Сюжеты исцелений и воскрешений являются одними из основных сцен чудес, появляющихся в раннехристианском искусстве. Иллюстрации чудес встречаются довольно часто наряду с ветхозаветными мотивами, такими как история Ионы или история пророка Даниила, изображением Доброго Пастыря и таинств.

Эти сцены часто встречаются в катакомбах и саркофагах. Подобная иконография формировалась в контексте похорон, так как сюжеты исцеления и воскрешения были наиболее удобным способом утешения ранних христиан. Всесильность Иисуса, проявившаяся в чудесах, показывала не только превосходство христианства над язычеством, но и безопасность загробной жизни. Победа Христа над смертью уверяла христиан в том, что после гибели они окажутся в раю. Самыми частыми изображениями исцелений были следующие сюжеты: исцеление расслабленного, исце-

Загорье, Екатерина Денисовна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st085194@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Пантелев, Алексей Дмитриевич*, канд. ист. наук, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Zagore, Ekaterina Denisovna — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st085194@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Panteleev, Alexey Dmitrievich*, Candidate of Historical Sciences, Assoc. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

ление кровоточивой, исцеление слепого. Мы рассмотрим их подробнее ниже.

Сюжет исцеления расслабленного является одним из первых чудес в синоптических Евангелиях. В Евангелии от Матфея исцеление расслабленного появляется в 9:1-9, от Марка в 2:2-12, от Луки в 5:17-25. В Евангелиях этот эпизод идет после Крещения Христа. В Евангелии от Иоанна эта сцена появляется в эпизоде исцеления в купальне Вифезда (5:2-9).

Впервые мы встречаем этот сюжет в катакомбах Каллиста (начало III в.). Исцеление расслабленного находится рядом с иллюстрацией Крещения Христа. Такое расположение сцен логично, оно следует тексту: в Евангелиях чудеса идут уже после Крещения [12, р. 90]. Выбор сюжета исцеления расслабленного был обусловлен символическим значением этого эпизода. Иисус говорит парализованному: «Встань и иди». Это метафора воскресения – больной человек встаёт, как и мёртвые христиане воскреснут во время Второго Пришествия. Появление этого сюжета вписывается в контекст погребального искусства и подтверждает мысль о всеисильности Иисуса и Его победе над смертью. Это давало христианам спокойствие и уверенность в том, что они обрели жизнь вечную во Христе.

Само изображение не содержит образа Иисуса: одинокая фигура держит тюфяк над головой, и он становится символом Христа, символом исцеления. Фреску характеризует эскизность. Отсутствует плотный рельеф, сложный архитектурный или пейзажный фон. Детализация есть в драпировке одежд, хотя и она выполнена условно. Если языческую живопись этого времени характеризует связь с архитектурой посредством выделения специального участка для того или иного эпизода, то здесь пространство становится условным, нет четкого деления между сценами, крещение и исцеление разделены одной линией. Границы между сценами на этом заканчиваются. Мы видим метафизическое пространство, духовное понимание сюжета вместо характерного для языческого искусства внимания к фактуре, к материальной стороне живописи.

Эпизод с исцелением расслабленного также встречается в катакомбах Винья Массими (начало IV в.) и Петра и Марцеллина (рубеж III-IV вв.) [11, р. 70]. В катакомбах Винья Массими Христос изображён рядом с мальчиком, несущим коврик или тюфяк над головой. Иисус прикасается к мальчику. Сцена исцеления парализованного находится рядом с изображениями Даниила и Ионы. В катакомбах Петра и Марцеллина этот сюжет представлен также по соседству со сценой из Книги пророка Даниила (львиный ров). Любопытно, что исцеление расслабленного находится рядом с подобными сюжетами. Если мы обратим внимание на

иконографию катакомб Каллиста и на общую метафоричность раннехристианского искусства, то приходим к заключению, что сцены Даниила и Ионы – это символы крещения. Смерть и воскресение Ионы – это прообраз воскресения Христа. Иона так же, как и Иисус, умер и попал в ад, а на третий день воскрес. Даниил, окруженный двумя львами по бокам, также воспринимался как фигура для крещения. Оба пророка изображены обнажёнными, что может означать ритуальную наготу крещения. Еще одна параллель между катакомбами Каллиста и Петра и Марцеллина в изображении парализованного – это отсутствие образа Христа на фреске [12, р. 91-92].

Сцена с исцелением расслабленного изображает успешное исцеление; вставший паралитик – доказательство силы Христа. В то время как восстановление зрения слепому и исцеление кровоточивой подчеркивают момент самого чуда, в исцелении расслабленного запечатлен конечный результат исцеления.

Также мы встречаем этот сюжет в баптистерии Дура-Европос. Фрески здесь датируются периодом 232-256 гг. Сцена исцеления расслабленного находится на боковых стенах баптистерия рядом с изображениями хождения по водам и беседы с самарянкой [4, с. 61]. Характерно, что здесь эпизоды так же, как и в катакомбной живописи, объединены одной тематикой – тема воды связана с темой веры. Хождение по водам, где в буквальном смысле изображена возможность верой покорять водную стихию, связано с метафорой «живой воды» – вечной жизни в раю благодаря вере в сюжете беседы с самарянкой. Не случайно в этот цикл включено исцеление расслабленного, здесь оно представлено не в контексте крещения, а в контексте веры. Иисус исполнял чудеса «по вере людей» – если имеешь веру во Христа, то будешь здоров. Чудеса Христа были ясным доказательством его силы и всемогущества, поэтому они и вызывали искреннюю веру и преданность христианству. В баптистерии Дура-Европос исцеление расслабленного связано с тематикой веры, а не с тематикой крещения.

Стилистика росписей схожа с катакомбной живописью. Фрескам баптистерия Дура-Европос свойственна эскизность и беглая манера письма, свободное композиционное построение фигур. Однако здесь это совмещается с классической римской традицией. Вместо того, чтобы отойти от языческого искусства, в постройках в Дура-Европос идут поиски гармоничного совмещения катакомбной живописи и позднеримского искусства [4, с. 61].

В рельефной скульптуре выделяются характерные черты иконографии сцены исцеления расслабленного. Мы рассмотрим их на примере сарко-

фага из музея Пио Кристиано сер IV в. [12, р. 185]. Во-первых, в этом сюжете изображён Христос и мальчик – подобную интерпретацию мы встречали в живописи в катакомбах Винья Массими. Во-вторых, парализованный несёт над собой коврик, что также встречается в росписях катакомб. В-третьих, часто изображение исцеления расслабленного находится рядом со сценой Даниила со львами или со сценами других чудес. Отсюда мы делаем вывод, что рельефная скульптура в целом повторяла катакомбные изображения [12, р. 93].

Тем не менее, есть некоторые различия. Главным из них является большее количество фигур в композиции на фронтальной панели. Рельеф пестрит персонажами, и они даже не отделяются друг от друга. Сюжеты будто срastaются друг с другом. Изображения ограничивались размером саркофагов, поэтому художник таким расположением фигур пытался представить повествовательный цикл как можно подробнее.

В рельефной скульптуре выделяется работа с пропорциями: Христос изображён гораздо больше мальчика, которого он исцеляет. Такое часто встречается в языческом искусстве, где боги изображаются в несколько раз больше людей. Стоит заметить, что Иисус в сцене исцеления расслабленного изображается рядом со своими учениками, причём апостолы таких же размеров, как Христос. Подобные пропорции говорят о демонстрации сил в сцене: Иисус с учениками являются главными носителями силы в изображении, а те, кого исцеляют, подчинены власти Христа. Тем не менее, Иисус изображён здесь в повествовательном ключе – художнику необходимо в первую очередь рассказать историю, а не вызвать мысли о господстве Бога [12, р. 93].

Исцеление расслабленного – это один из классических сюжетов раннехристианского искусства. В катакомбах оно выражается в виде метафоры воскресения мёртвых христиан, поэтому исцеление изображается в контексте сюжетов крещения, показанного прямо (изображение Крещения Христа в Иордане) или метафорически (изображения Ионы или Даниила). Через крещение возможна вечная загробная жизнь. В скульптуре этот сюжет носит скорее повествовательный характер и часто изображён в контексте сцен других чудес.

Сюжет исцеления кровоточивой редко появляется в живописи катакомб. Мы находим изображение исцеления кровоточивой в катакомбах Петра и Марцеллина (рубеж III-IV вв.). Женщина сама прикасается к Христу и исцеляется. Веры кровоточивой достаточно, чтобы перестать страдать от болезни. Христос указывает на женщину рукой, что может быть символом благословения [12, р. 96].

В стилистике есть различия с росписями катакомб Каллиста. Здесь шире контуры, более сложная работа с деталями. Если в катакомбах Каллиста лик выполнен условно, то в катакомбах Петра и Марцеллина у персонажей видны черты лица. В изображениях линия приобретает большее значение. Христос изображён молодым кудрявым безбородым юношей – подобную интерпретацию образа Спасителя мы можем видеть в тех же катакомбах в сцене воскрешения Лазаря.

Сюжет исцеления кровоточивой появляется в катакомбах Претекстата, однако этим примеры данной сцены в катакомбной живописи ограничиваются [11, р. 218-224]. Появление этого сюжета приходится на конец III в., почти через век после росписей катакомб Каллиста.

В рельефной скульптуре сюжет исцеления кровоточивой повторяет иконографию катакомбной живописи. Женщина также дотрагивается до Христа, а Иисус в свою очередь указывает на нее рукой. Например, на колонном саркофаге в Ватикане [12, р. 189] акцент сделан на физическом контакте, он играет большую роль: кровоточивая дотрагивается до Иисуса, а он касается её головы [12, р. 96-97].

Исцеление кровоточивой редко встречается в живописи. В скульптуре эту сцену можно увидеть чаще. В этом сюжете отмечается физическое взаимодействие между женщиной и Иисусом, что говорит о подчёркивании физической природы этого чуда в раннехристианском искусстве.

Сюжет исцеления слепого появляется и в катакомбной живописи, и в рельефной скульптуре. Эта сцена встречается в катакомбах Петра и Марцеллина (рубеж III-IV вв.) и в катакомбах Домитиллы (начало IV в.) [11, р. 218-224]. Христос в этих росписях прикасается к глазам слепого. В живописи катакомб Домитиллы Христос касается слепого указательным пальцем, подобная иконография повторяется в рельефной скульптуре. В росписи катакомб Петра и Марцеллина Иисус прикасается к слепому ладонью.

В рельефной скульптуре слепой изображен как мальчик, и он гораздо меньше Иисуса по размеру [12, р. 191]. Такие пропорции служили демонстрацией власти Иисуса над тем, кого он исцеляет. Этот сюжет изображается по одному образцу: Христос, большего роста, чем слепой, прикасается к лицу или глазам больного одним или двумя пальцами. Сцена подчёркивает прикосновение Христа; его пальцы на лице страдающего показаны в деталях.

Сцена исцеления слепого метафорически демонстрирует «прозрение» тех, кто принимает веру Иисуса, их глаза буквально становятся открытыми, а верующие находят истину в христианстве.

В раннехристианском искусстве в сцене с исцелением слепого подчёркивается физический контакт между Иисусом и слепым, физическая природа изображаемого чуда. Исцеление Христа прикосновением показывало Его превосходство над языческими богами, поскольку Его целительная сила изображалась как осязаемое действие. Иисус исцелял своих пациентов непосредственно в физическом мире, а не с помощью снов, как это показывалось в изображениях Асклепия, языческого бога медицины [12, р. 97].

Сюжеты исцелений в раннехристианском искусстве встречаются часто. Иконография и стилистика сцен повторяется, что говорит об общей концепции сюжетов исцеления в раннехристианском искусстве. Эти сюжеты часто идут в контексте либо сцены крещения, либо сцен, символизирующих крещение. Исцеление изображалось с целью символически выразить мысль о спасении христиан и вечной загробной жизни, даруемой благодаря вере, которая в свою очередь исходит от исцелений. Исцеления наглядно передают мысль об Иисусе как о единственно верном Боге и Спасителе, который не имеет ни земных, ни небесных соперников.

Список использованных источников и литературы

1. Бычков В. В. Эстетика поздней Античности (II-III века). М., 1981. 325 с.
2. Ендольцева Е. Ю. Соль земли: Образы апостолов в позднеантичном мире. СПб. 2011. 259 с.
3. Завьялов А.А. Римские катакомбы. СПб., 1903. 166 с.
4. Колпакова Г. С. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. СПб., 2004. 524 с.
5. Лихачева В. Д. Искусство Византии IV-XV вв. Л., 1986. 316 с.
6. Нессельштраус Ц. Г. Искусство раннего Средневековья. СПб., 2000. 384 с.
7. Покровский Н. В. Очерки памятников христианского искусства. СПб., 2000. 416 с.
8. Syndicus E. Early Christian art. New York, 1962. 188 p.
9. Beckwith J. Early Christian and Byzantine art. New York, 1979. 405 p.
10. Lowden J. Early Christian & Byzantine art. London, 2001. 447 p.
11. Wilpert J. Die Malereien der Katakomben Roms. Freiburg im Breisgau, 1903. 540 p.
12. Jefferson L. Christ the Miracle Worker in Early Christian Art. Minneapolis, 2014. 233 p.
13. Milburn R.. Early Christian Art and Architecture. Berkeley and Los Angeles, 1988. 318 p.

Для цитирования: Загорье Е.Д. Изображения исцелений Иисуса Христа в раннехристианском искусстве II-IV вв. // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 211- 216.

Конструирование отношений между государем и клиром в «Хронике о деяниях графов анжуйских»

Аннотация. Данная статья посвящена выстраиванию отношения между правителями и клиром в «Хронике о деяниях графов анжуйских» (середина XII в.). Сопоставление сцен передачи даров монашеским и церковным общинам позволит выявить основные механизмы осуществления власти графов Анжу над данной группой. Для этого предстоит рассмотреть представленные в источнике мотивы дарения и их соотношение с системой «consulatus», обозначающей полномочия государя.

Ключевые слова: «Хроника о деяниях графов анжуйских»; клир; дар.

Title: The Creating of the Relations between Prince and Clergy in “Chronica de gestis consulum Andegavorum”

Abstract. This article is devoted to creating the relationship between princes and clergy in the "Chronica de gestis consulum Andegavorum" (the middle of the XIIth century). Comparing the scenes of gifts' transfer to monastic and ecclesiastical communities, the main mechanisms for exercising the Counts of Anjou' power over this group will be revealed. To do this, it is necessary to consider the reasons for the implementation of gifts presented in the source and the correlation between this practices and the "consulatum", system, which designates the powers of the ruler in the source.

Key words: “Chronica de gestis consulum Andegavorum”; clergy; gift.

Сакрализация власти средневековых правителей, как правило, происходила благодаря коммуникации государя с церковными институтами. При этом мы полагаем, что любой текст, описывающий эти взаимодействия, является отображением представлений о сакральном характере власти, способных отличаться в зависимости от убеждений автора. В данной статье мы планируем выявить особенности этих построений в тексте «Хроники о деяниях графов анжуйских», составленной в середине XII в., повествующей о предках Генриха II Плантагенета по отцовской линии. Пережившее две редакции, 1109 г. и 1152 г., это сочинение, по мнению Н. Пола [6. р. 143-145], ставило в середине XII в. цель укрепить власть анжуйских графов на территории Луары.

Лозовой, Ярослав Вадимович — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; yavlozovoy@edu.hse.ru
Научный руководитель: *Шарова, Антонина Владимировна*, канд. ист. наук, доц. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Lozovoy, Yaroslav Vadimovich — National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; yavlozovoy@edu.hse.ru
Scientific adviser: *Sharova, Antonina Vlabimirovna*, Candidate of Historical Sciences, Assoc. National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Передача монастырским церквям даров в тексте хроники являлась основной формой коммуникации между данными сторонами. Самые первые эпизоды подобного взаимодействия можно найти в главах, посвящённых Фульку Рыжему и Фульку Доброму, на время правления которых прекращаются вторжения норманнов. Фульк Добрый, уже не участвующий в войнах в отличие от отца и с гораздо большей регулярностью осуществляющий дарение церкви: «... в монастыре того под Туром он находил удовольствие присутствовать и представляться перед собравшейся братией; также в праздники того святого в хоре между поющими клириками в одежде клирика и стоял по их обычаю» [2. р. 35-36]. Тенденция первых глав хроники, когда с прекращением агрессии норманнов графы всё более взаимодействуют с церковным миром, уже подчеркивал исследователь К. Скизжек [7. р. 146-150].

Тем не менее, это ценное наблюдение не касается глав о преемниках Фулька Доброго. Кроме того, исследователь упустил то обстоятельство, что анонимные авторы «Хроники» писали о вполне конкретных общинах, как в случае с церквями аббатства Святого Мартина в Туре: «...он к церкви блаженного Мартина особую любовь и почтение питал» [2. р. 35]. С учётом наблюдений Ш. Фармер [3. р. 82] можно предположить, что указание на особую привязанность Фулька общине Святого Мартина связано с активной конкуренцией за патронаж над последней в конце XI в [3. р. 82]. Глава о Фульке Добром, таким образом, отстаивает претензии анжуйцев. Но едва ли Ш. Фармер права, утверждая, что переход патронажа к графам, описанный в текстах, должен был принизить королей франков. Подтверждением этому может служить подарок жены Гуго Капета Готфриду Серой Мантии, который тот передаёт общине Святой Марии в Лоэ: «Готфрид просил короля и королеву о возможности вернуться и стал достоин того, чтобы пояс ему мог быть подарен, который он положил в церковь Святой Марии в Лоэ...» [2. р. 44].

Дарение пояса скрепляет связь короля и графа, отстоявшего его права на трон, и передача предмета в церковь сакрализует это единение. Показательно также, что вместе с актами передачи реликвий в тексте описывается и участие графов в устройении быта общин. В главе о Фульке Добром упоминаются посещения правителем бедных клириков: «...заботливо отсылал как модно скорее, раздавая обильную и богатую утварь; гостил вблизи кого-то из захудалых клириков, а дом, где он планировал останавливаться, всегда богато украшал сообразно сложившейся привычке. Но так он это делал, чтобы после его отъезда тот хозяин, что был прежде бедный, оставался полностью обогащённым от плодов его дел. Известно, что он так благодетельствовал не малому количеству людей»

[2. р. 36]. Фульк Нерра сам возводит церковь, поселяя в неё каноников: «... соорудил церковь в честь Гроба Господня, поместив в неё монахов и аббата. В Амбуазе же в церкви Святой Мученицы Марии у креста Спасителя поместил и частицу пояса, от которого руки Христа исходили. В ту же церковь было в своё время помещено тело блаженного Флоренция, которое перенесли из области Пуату; туда и каноников он сам вместе с Сульпицием, казначеем монастыря блаженного Мартина, поместили» [2. р. 51]. Похожим образом оформлена передача святыни и в главе о Готфриде Серой Мантии [2. р. 44].

Показательно, что из всех четырёх правителей только один, Фульк Рыжий, осуществляет дарение ради Спасения, в пользу себе. [1. р. 133]. Фульк Добрый, с точки зрения хрониста, делал это исключительно из-за своего почтения к церкви и Богу: «Чтящий культ церкви Бога и почтенную красоту, увеличил многое для неё от своей собственности» [2. р. 35]. Святыни, подаренные Фульком Неррой, были приобретены им в паломничестве в Иерусалим: «Он и щедро раздавал беднякам огромные дары, от сирийцев, что охраняли могилу Господа, заслужил чтобы ему от креста господнего было подарено» [2. р. 51]. Важно, что приобретение анжуйского правителя возвышает его на фоне герцога Нормандии Роберта, отправившегося в паломничество для искупления греха (Фульк Нерра отправляется из-за любви к странствиям) и умершего в путешествии. В условиях же конкуренции с соседями из Шампани и Пуату Фульк Нерра передаёт эту реликвию приграничным общинам. Готфрид Серая Мантия также выделяется на фоне других представителей знати, чему и служит вышеупомянутый подарок от королевы: «Королева, сестра Готфрида Анжуйского, часть пояса Святой Девы Марии, которая была в её капелле, которую Карл Лысый из Византии привёз, тому передала и наставила, чтобы перевязал шею, предрекая, что с тем он одержит победу» [2. р. 44].

Церковные общины, выстроенные как институт, в функционирование которого активно вмешиваются графы, получают назначение хранителей графской идентичности. За счёт этого анжуйские государи превосходят соседних правителей Пуатье, Блуа, Шампани. Однако эта функция отделяется от системы обязательств, существовавшей между графами и их вассалами. «Дружба» является понятием, скрепляющим отношение анжуйских государей с верными людьми: «Своим же верным подданным и связанным с ним верной дружбой он преподнёс многочисленные подарки, которые, как свидетельствовал Туллий, преподнесены тому, кто должен помнить, но не названным остаётся тот, кто преподнёс» [2. р. 45]. Возвышения графами «друзей» требуют, чтобы последние преданно служили своим сеньорам. При этом взаимность обязательств под-

чёркивается гораздо ярче, нежели мы наблюдали с клиром. Последняя группа с «дружбой» в одном контексте не упоминается. Возможно, это являлось следствием григорианской реформы. Как показывают Дж. Хоу и Э. Ливингстоун [4. р. 337-338; 5. р. 59-60], этот процесс активно поддерживался локальными правителями, и хронист в 1109 г. как бы вывел клир из состояния вассальной зависимости перед графами.

Редко клир встречается и с термином «consulatus» («графство»), подразумевающим не просто территориальное владение графов, но и их полномочия на предоставленной территории (прежде всего военные). Если светская знать упомянута с этим термином в 6 сюжетах из 13, то клир только в 2. При этом «верные люди» являются советниками графов в битвах, активными участниками в борьбе сеньоров за власть над «consulatus». Вместе с получением Фульком Рыжим «всего графства» упоминается его опора на людей «сведущих в делах военных». Поведение клира вместе с этим термином оказывается совершенно противоположным. Первый раз мы его видим в сцене получения Готфридом Мартеллом Сентонжа: «И так, с радостью тут остановились и вернули графство сентонжское, которое Мартелл, когда был заключён мир с герцогом Пуату, держал пока был жив. Подлинно, герцог, исполненный здоровьем, из-за того урона, что принесла битва, по совету епископов, принеся оммаж Мартеллу, упомянутое графство покорно уступил» [2. р. 61].

В данном отрывке мы видим подтверждение той тенденции, о которой писал К. Скизжек. Епископы должны призвать Вильгельма отказаться от претензий на «consulatus» и прекратить войну. Они становятся устроителями мира, но никак не соучастниками в военных предприятиях графов. Показательно и то, что, если обретение «consulatus» в тексте хроники связано со светским окружением Фулька, то два епископа позволяют Ингельгерии приобрести лишь «patronimia», т.е. территории вокруг Анжу: «И здесь они, сами осуществляющие обязанности свои мудро и справедливо, благородные люди, а также прелаты, Адалауд и Райно, оба родные братья и именно рождённые в Орлеане горожане, племянницу свою именем Аэлинду с ним сочетали браком, передав тому с девушкой под волей короля и лучших [людей] свои наследственные имения, которые прибыли к тем в округе Орлеана и Тура по наследственному предписанию» [2. р. 30]. Напоминаем, что «consulatus» - это не только территория, но и полномочия, реализуемые на ней.

Можно предположить, что хронист в 1109 г. не думал интегрировать клир в систему отношений, предписанную прежде всего для светской знати. Коммуникация с духовенством строится по принципам, существующим параллельно тем, по которым происходит взаимодействие с

«consulatus». Общины получают в дар реликвии или имущество, и, принимая их, они подчёркивают превосходство графов Анжу над соседями. Подобная символическая функция данной группы имеет продолжение в главах хроники, составленных в 1150-ые гг., о чём свидетельствует ритуал помазания Фулька V в короли Иерусалима. Несмотря на отсутствие сцен дарения конкретным общинам, Фульк V и Готфрид V указаны как правители, почитающие клир. Более того, в этих главах духовенство второй раз употребляется с термином «consulatus», но уже на одном уровне со знатью: «Муж славный Фульк, отважный в войнах, истинно правоверный, доброжелательный в отношении служителей Бога, когда принял власть над обоими графствами, возвышающий друзей, подавляющий злых и противников себе, славой и честнейшей молвой стал с ни с кем не сравнимым в скромности» [2. р. 67].

Этот шаг мог обозначать повышение социально-политической функции данной группы. Ведь в момент составления второй редакции уже стал необходим поиск новых форм сакрализации власти, приближающейся к королевской, в том числе и через помазание. Более того, не случайно в главе о Фульке V мы видим указания на участие клира в избрании королей Иерусалима: «Выбрали же, по совету Людовика короля и епископов, и многих знающих, Фулька Анжуйского, у которого не было жены. Тот же перейдя с огромнейшими силами море, сочетавшись браком с королевской дочерью, сделался королём Иерусалима» [2. р. 69]. С ростом значения этой группы, вероятно, происходит и отказ от передачи даров в качестве единственной формы коммуникации с клиром и, соответственно, распространения на него власти.

В заключение следует отметить, что нам удалось выявить особенности коммуникации правителей Анжу со священнослужителями. Основной их формой является передача даров от графов к общинам, находящимся под их контролем. Графы же, в свою очередь, получают функцию устроителей жизнедеятельности клира и монахов. С другой стороны, дарения подконтрольным церквям становились выразителями превосходства анжуйских правителей среди всех их окружающих графов и герцогов. При этом для хрониста редакции 1109 г. заметна тенденция разграничивать коммуникацию графов Анжу с клиром и со знатью. Последняя группа оказывается активно интегрирована в систему «consulatus», военно-политических полномочий анжуйских правителей, чего мы не наблюдаем с духовенством. Несколько иная ситуация наблюдается в главах редакции 1152 г., когда при отсутствии указаний на дарения мы видим роль клира в придаче графам квазикоролевского статуса.

Список использованных источников и литературы

1. Гуревич А.Я. Дары. Обмен дарами // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 129-134.
2. *Chronica de gestis consulum Andegavorum* // *Chroniques des Comtes d'Anjou et des Seigneurs d'Amboise* / Pb. par L. Halhen et R. Poupardin. Paris, 1913. P. 25-74.
3. *Farmer Sh.* *Communities of Saint Martin: Legend and Ritual in Medieval Tours.* Ithaca; New York, 1991. 378 p.
4. Howe J. *The Nobility's Reform of the Medieval Church* // *The American Historical Review.* Oxford, 1988. Vol. 93. №2. P. 317-339.
5. *Livingstone A.* *Inheritance in the lands of the Loire, 1050-1200 // Donations, Inheritance and Property in the Nordic and Western World from Late Antiquity until Today* / Ed. by O.-A. Rønning, H.M. Sigh, H. Vogt. London; New-York, 2017. P. 115-129.
6. *Paul N.L.* *Origo Consulium: Rumours of Murder, a Crisis of Lordship, and The Legendary Origins of The Counts of Anjou* // *French History.* Oxford, 2015. Vol. 29. №2. P. 139-160.
7. *Szejgiec K.* *Creating the Past and Shaping Identity – Angevin Dynastic Legend ('Gesta consulum Andegavorum')* // *Imagined Communities: Constructing Collective Identities in Medieval Europe* / Ed. by A. Pleszczyński, J. Sobiesiak, M. Tomaszek, P. Tyszka. Leiden; Boston: BRILL, 2018. P. 144-153.

Для цитирования: Лозовой Я. В. Конструирование отношений между государем и клиром в «Хронике о деяниях графов анжуйских» // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 217 - 222.

Образ власти в византийском любовном романе XIII-XIV вв.

Аннотация. В статье рассматривается отражение образа правителя в трех византийских любовных романах XIII-XIV вв. – «Либистр и Родамна», «Бельтандр и Хрисанца» и «Каллимах и Хрисорроя». Особое внимание уделяется божественному правителю – Эросу и его символам власти. Отдельно исследуется образ отцов главных героев, их дворов и вопрос возможных прототипов. В конце работы делаются выводы о типах правителей, приведенных в романах, общем образе власти и сопровождающих его коннотациях.

Ключевые слова. Византия XIII-XIV вв., любовный роман, императорская власть, народная литература

Title: The image of power in a Byzantine romance novel of the XIII-XIV centuries.

Abstract. The article is devoted to the image of the ruler in the three Byzantine romance novels of the 13th-14th centuries. These are «Livistros and Rhodamne», «Belthandros and Chrysantza» and «Kallimachos and Chrysorroï». Close attention is paid to the divine ruler called Eros and his symbol of authority. The image of the fathers of the main characters and the issue of their possible prototypes are studied separately. At the end of the work there are the conclusions about the types of rulers given in the novels, the general image of power and its accompanying connotations.

Key words. Byzantium of the XIII-XIV centuries, a Byzantine novel, imperial power, vernacular literature

Образ правителя на протяжении всей истории был сакрален. Особенно интересно проследить, какое отражение он нашел не в исторических хрониках или церковной истории, а в народной литературе. Она так же является содержательным источником повседневности, как и прочие, более популярные у исследователей: дневники, письма и т.д. В совершенно особенной категории – любовных романах «Либистр и Родамна», «Каллимах и Хрисорроя» и «Бельтандр и Хрисанца», - возможно найти достаточно конкретные изображения правителей и даже скудные описания императорских дворов.

Стоит отметить, что середина XIII в., когда был написан самый ранний из рассматриваемых романов – «Либистр и Родамна», была периодом

Зубова, Анна Николаевна – Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия; zubova.a@bk.ru.

Научный руководитель: *Ващева, Ирина Юрьевна*, д-р ист. наук, проф. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.
Zubova, Anna Nikolaevna – Lobachevsky State University, Nizhni Novgorod, Russia; zubova.a@bk.ru.

Scientific adviser: *Vasheva, Irina Yurievna*, Candidate of Historical Sciences, Prof. Lobachevsky State University, Nizhni Novgorod, Russia.

восстановления Византийской империи после событий Четвертого крестового похода 1204 г. Мы не знаем, откуда был его автор – из Трапезунда или Никейской империи, Ахейского княжества или Эпирского депостата, однако с большой долей вероятности можем говорить о том, что портрет правителя в романе он составлял на основе слухов о некоем императоре или некоем обобщенном образе в народной молве.

В «Либистре и Родамне» мы видим две фигуры правителей: бог любви Эрос и отец главной героини Родамны, царь Хрис. Эрос в «Либистре и Родамне» является герою во сне. Рядом с тронном бога любви находятся «Ἀλήθεια и Δικαιοσύνη – Правда и Справедливость, еще один византийский императорский образ. Потос и Агапе уводят Ливистра в «комнату клятв», над дверью которой изображены надпись (утрачена) и фреска с обнаженным Эросом, держащим в руках зажженный факел и заточенный меч. Эрос здесь описывается как «αυθέντα βασιλεῦ, δέσποτα γῆς ἀλάσε» [1; Р. 251; 317]. Примечательно, что здесь у бога не просто замок, κάστρον, а полноценная Ἐρωτοκρατία [1; Р. 249; 270]. То есть это буквально своеобразный политический режим. Сам Эрос – еще и военачальник, у него есть свой лагерь-κατοῦνα, слоны, флот.

После разговора с Эросом, Агапэ и Потос берут Либистра под руки и ведут его в следующее помещение, чтобы тот буквально принес вассальную клятву богу. На золотисто-красной подставке рыцарь находит крыло, лук и бумагу с текстом присяги на ней [1; Р. 250; 273-275]. Он читает текст, кладет руку на крыло и стрелу, и затем приносит клятву. По сути, он становится λιζίος,

вассалом, то есть исполняет указания и волю своего суверена. И это, скорее, западный элемент, схожий с французским двором, а не религиозное посвящение. Также примечателен эпизод, где Либистр видит в сокровенных покоях Эроса юношу, которого пытаются змеиными укусами за то, что он не подчинился приказу властелина.

В «Либистре и Родамне» отражено сразу несколько дворов: армянский, где живет Миртана, возлюбленная Клитовоса), который никак не описан, и «индийский». Да, автор пишет, что Родамна – индийская царевна, при этом двор, несомненно, похож на византийский. Подробно описываются лишь покои царевны, однако мы можем отметить интересный обычай, принятый при дворе – рыцарский турнир, где за руку Родамны бьются Либистр и египетский принц Вердерих. Также при дворе присутствует лучший друг Родамны – евнух Ветан. Царство Хриса автор описывает (словами Либистра) как страну, объятую страданиями и горем. Также Хрис упоминает, что часто велись войны, вот он не подчинил Аргирокастроны другие свободные княжества. В конце романа он возводит на

трон главных героев, так как Хрис уже состарился. Получив согласие от подданных, он начинает писать приказы-простагмы, обращенные к дукам, топархам, друзьям и родственникам.

Можно сделать смелое предположение: если рассматривать Индию как абстрактный Восток, то можно уловить некоторые параллели с Никейской империей. Если допустить вероятность, что автор был подданным Латинской империи, то становится более очевиден выбор в качестве главного героя латинского рыцаря Либистра (безусловно, нельзя отрицать влияние старофранцузского романа). Таким образом, автор в лице царя Хриса мог описывать одного из правителей династии Ласкарисов или даже самого Михаила Палеолога. Как ни странно, образ царя здесь относительно нейтральный и противоречивый: да, он довел страну до «горя», сосватал Родамне Вердериха и тем самым препятствовал счастью влюбленных, но затем он описан как положительный, добрый царь, заботящийся о народе. Но как укор автор отмечает захватническую политику Хриса по отношению к соседним княжествам.

Роман «Бельтандр и Хрисанца» был написан, предположительно, в конце XIII в., когда вышеупомянутый Михаил VIII Палеолог уже захватил Константинополь, основал новую династию и восстановил Византийскую империю. Настал период Палеологовского ренессанса, и как раз в это время получил свое развитие жанр романа в стихах.

В данном романе мы также видим образ Эроса. Перед входом в Ἐρωτόκαστρον написано: «Тысяча плетей тому, кто посмеет войти во дворец Эроса, не будучи пронзенным его стрелой» [2; С. 122]. Именно в замке бога любви, как и в «Либистре и Родамне», Бельтандр встречает свою возлюбленную на смотре невест, что напоминает читателю о византийском обряде и царе Феофиле. Здесь снова мы видим мотив о неотвратимости любви, о безусловном подчинении богу как господину и властителю, стоящим над мирским.

У Эроса также есть свой дворец – Ἐρωτόκαστρον. Замок Любви поистине впечатляет: сапфировый триклиний, множество статуй, райский сад. Далее Бельтандр оказывается в тронном зале, поражающим читателя своим богатством: потолок украшен алмазами, арки его не имели фундамента и не опирались на землю, они как будто стали небесной сферой [3; Р. 254; 450]; посреди залы – большой бассейн с механическими птицами, гуляющими вокруг него. А на выпуклом балконе («Ἠλιακοῦ κατασκευῆν») – стоит золотой трон, θρόνος, украшенный фиалками, лилиями и розами (ἴωv, κρίvov καὶ ρόδov) с золотой листвой. Рядом дом с тронном лежит оружие, ἄρματα. Описание напоминает Большой дворец в Константинополе. Вероятно, это и есть аллюзия на зал Магнавара.

На нем восседает сам Эрос в царской короне («Τὸ πῶς ἀλέσω ἰκάνητο ὁ βασιλεὺς ἐρώτων, Στέμμα φορῶν βασιλικόν, βαστάζων σκῆπτρον μέγα, Κρατῶν καὶ εἰς τὸ χέρι του μίαν χρυσοῦν σαῖταν» [3; P. 258; 491-493]), держа в руке золотой скипетр и золотую стрелу. Бельтандр обращается к нему как ««Ὁ τῶν ἐρώτων βασιλεὺς» [3; P. 258; 504], повелитель любви. Если со стеммой и скипетром все более-менее понятно, то почему символ власти Эроса – стрела? Но ведь именно этой стрелой бог и пронзает главных героев, рождая в них чувства друг к другу, это его символ власти.

Отец Бельтандра, базилевс Родофил, играет важную роль в сюжете – из-за ссоры с ним главный герой отправляется в свое странствие. Главный герой – ромей, поэтому его отец, вероятно, император Византии. Автор романа напрямую этого не упоминает. Однако автор объясняет, что Родофил – это греческая форма имени императора, «το ὄνομα ρωμαϊκόν», хотя его власть описывается в соответствующих византийских терминах. По характеру он описан как грозный и жестокий тиран, но в конце романа он уже забыл про свою ненависть к сыну и радушно встретил влюбленных.

Куда более подробно он описывает двор в Антиохии (возможно, так как был оттуда родом). Л. Гарланд отмечает, что двор там, его занятия и социальная структура – западные, и противопоставлены двору царя Родофила. «Напротив, двор отца Бельтандра можно рассматривать как преднамеренную попытку создать портрет византийской столицы и ее церемониала, поскольку в конце работы герой и героиня коронуются как император и императрица с надлежащими приветствиями, музыкой и празднествами, а их православная свадьба празднуется с присутствием как сената, суда, так и народа» [4; P. 88]. Например, автор именует отца Хрисанцы не βασιλεὺς, а ρήξ.

Несмотря на упоминание конкретных географических названий, сделать выводы о реальном прототипе Родофила или отца Хрисанцы мы не можем. Потрет обоих здесь менее четкий, они, скорее, двигатели сюжета, чем аллюзия на реальность.

Роман «Каллимах и Хрисорроя» был написан уже в первой половине XIV в., и, пожалуй, менее всего схож с предыдущими произведениями. Существует теория о том, что роман был написан племянником Михаила VIII Палеолога и по совместительству двоюродным братом Андроника II Палеолога Андроником Ангелом Комнином Палеологом Дукой. На это указывает эпиграмма Мануила Фила, в которой он упоминает о некоем написанном им эротическом романе. И чествуют Андроника не за его достижения как оратора или полководца, а как автора эротической книги (βιβλίον ἑρωτικῶν). Мануил Фил описывает произведение, очень напоминающее «Каллимаха и Хрисорроя», но трактует его как аллегорическое

произведение. Р. Битон не подвергает эту теорию сомнению [5; Р. 104], в то время как А.Д. Алексидзе оставляет вопрос об авторстве открытым [2; С. 81-91].

Сюжет романа начинается так: Каллимах отправляется демонстрировать свою храбрость в приключениях, чтобы его отец предпочел его в качестве наследника, а не его братьев. Однако в конце концов он стал рыцарем-рекреантом: он стал жить со своей возлюбленной в райском замке и напрочь забыл о королевстве. Мы не знаем, как зовут отца Каллимаха, но в самом начале романа отец главного героя сидит на троне «на императорский манер» (καθέτας οὖν Βασιλικῶς, κραζει λοιπὸν τοὺς παιδας) [6; Р. 60; 43]. Более отец главного героя не фигурирует. Однако описан царь как строгий и гордый, но справедливый и заботящийся о будущем страны.

Если взять за основу эпиграмму Мануила Фила, то тот называет родителей главного героя небесным Отцом, который послал братьям испытание, ставшее аллегорией трудностей земной жизни, особенно, искушений плоти, которых, безусловно, следовало избегать [5; Р. 190].

Далее мы видим еще одного царя, чьего имени мы не знаем, который полюбил Хрисоррою и с помощью злой ведьмы похитил девушку. Автор не описывает подробно детали его двора, но в сцене, где принцесса находится в ложе, мы можем видеть несколько придворных должностей [6; Р. 170; 1888]: μάγειρος (повар), ἐπί τῆς τραπέζης (прислуга за столом), δεμῆστικός (слуга). Также на протяжении романа мы встречаем такие жесты как проскинесис (причем им сопровождается каждое приветствие и прощание подданных) и поднятие руки (missa). При этом последний жест свойственен Хрисоррое [6; Р. 174; 1944], а не басилевсам.

Таким образом, можно выделить два образа и два типа правителя: божественный (Эрос) и земной (цари). Власть Эроса считается безусловной, в то время как образы отцов главных героев являются более мирскими, наделенными человеческими качествами. Наиболее детальный образ можно увидеть в лице царя Хриса из «Либистра и Родамны». В «Бельтандре и Хрисанце» возможно увидеть различия между восточным и западным двором, а в «Каллимахе и Хрисоррое» - скорее аллегория.

В целом, образ власти в романе – это не абстрактное зло или символ стабильности и порядка. Авторы явно ставят на первый план власть бога любви Эроса, а не «земных» царей. Стоит отметить, что в романах мы не видим крестьян или служителей церкви: все персонажи либо представители царской семьи, либо слуги (пожалуй, за исключением ведьм в «Каллимахе и Хрисоррое» и «Либистре и Родамне»), поэтому мы не

можем проследить отношение других героев к власти в мире романов. Но все же царь здесь – скорее классический василевс с неограниченной властью, образец правителя Византии второй половины XIII-XIV вв.

Список используемых источников и литературы:

- 1) Τό κατά Λύβιστρον καί Ροδάμνην / Wagner, W. Trois poèmes grecs du Moyen-Age. Berlin, 1881. P. 242-349.
- 2) *Алексидзе А.Д.* Мир греческого рыцарского романа XIII-XIV вв. / А.Д. Алексидзе. Тбилиси, 1979. – 322. с.
- 3) Διήγησις ἐξαιρέτος Βελθάνδρου τοῦ Ῥωμαίου // Romanzi cavallereschi bizantini: Callimaco e Crisorroe, Beltandro e Crisanza, Storia di Achille, Florio e Plaziafiore, Storia di Apollonio di Tiro, Favola consolatoria sulla Cattiva e la Buona Sorte / C. Cupane. Turin, 1995. P. 215-306.
- 4) *Garland L.* The «Βεργῶν Τρικλωνον» of Belthandros and Chrysantza: a note on a popular verse romance and its sources // Byzantinische Zeitschrift. 1989. Vol. 82. P. 87-95.
- 5) *Beaton R.* The Medieval Greek Romance (2nd ed.). Abingdon, 1996. 301 p.
- 6) Τό κατά Καλλιμάχον καί Χρυσορρόην ἐρωτικόν διήγημα // Romanzi cavallereschi bizantini: Callimaco e Crisorroe, Beltandro e Crisanza, Storia di Achille, Florio e Plaziafiore, Storia di Apollonio di Tiro, Favola consolatoria sulla Cattiva e la Buona Sorte / C. Cupane. Turin, 1995. P. 45-214.

Для цитирования: *Зубова А. Н.* Образ власти в византийском любовном романе XIII-XIV вв. // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 223 - 228.

СЕКЦИЯ. КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ КАК НОСИТЕЛИ СОДЕРЖАНИЯ ИСКУССТВА

Лиханова Софья Александровна

Золотые и серебряные домонгольские мониста. Проблемы взаимосвязей типов, распространения и датировки

Аннотация: Целью статьи является анализ серебряных и золотых древнерусских монист во взаимосвязи типов и попытка уточнить вопросы датировки, функции и распространенности монист как географически, так и среди разных социальных слоев древнерусского общества. По итогам работы, удастся прийти к выводу, что мониста были повсеместно распространены на территории Древней Руси, скорее всего среди женщин зажиточных слоев населения, при этом символами власти не являлись. Появляются мониста как тип не позже середины XII и продолжили бытовать как минимум до конца XIV века. При этом серебряные мониста обнаруживают ориентацию на мониста золотые, и, возможно, возникли как адаптация типа под более доступный материал.

Ключевые слова: ювелирное искусство, Древняя Русь, монисто, декоративно-прикладное искусство, домонгольская эпоха.

Title: Gold and silver pre-Mongolian monistas. Problems of interrelation of types, prevalence and dating

Annotation: The purpose of the article is to analyze the silver and gold ancient Russian monists in the relationship of types and an attempt to clarify the issues of dating, function and prevalence of monists both geographically and among different social strata of Ancient Russian society. According to the results of the work, it is possible to come to the conclusion that monistas were ubiquitous on the territory of Ancient Russia not only among the elite of feudal society, but also among wealthy, but not noble citizens. Monistas appear as a type no later than the middle of the XII century and continued to exist at least until the end of the XIV century. At the same time, silver monistas show orientation to gold monistas, and may have originated as an adaptation of the type to a cheaper material.

Keywords: jewelry art, Ancient Rus, monisto, decorative art, pre-Mongol epoch.

Лиханова, Софья Александровна – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st087776@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Антипов, Илья Владимирович*, канд. Искусствоведения, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Likhanova, Sofya Aleksandrovna – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st087776@student.spbu.ru

Scientific supervisor: *Antipov, Ilya Vladimirovich*, PhD. Art History, assoc. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Древнерусские мониста — это особый тип нагрудных украшений, состоящих из медальонов и перемежающих их бус, нанизанных на единую цепь или шнур. Многие мониста - уникальные памятники мирового уровня, не имеющие точных аналогов ни в Византии, ни в Европе, ни на востоке. Рассматриваемый тип украшений хорошо изучен археологами и искусствоведами, но многие вопросы остаются дискуссионными. Большинство авторов, начиная с К. Ф. Калайдовича [3, С. 11-15], И. М. Снегирева [8, С. 269] и Ф. Г. Солнцева [9, С. 45], полагали, что мониста являлись инсигниями князей и феодальной элиты, Н. П. Кондаков [4, С. 88-93], Г. Ф. Корзухина [5, С. 56] и В. П. Даркевич [1, С. 167-169] считали их женскими украшениями, а И. А. Стерлигова – еще и особым типом иконного убора. К этой проблеме примыкает вопрос терминологии, поскольку более распространенное в литературе наименование этих украшений - «бармы» - как раз связано с соотношением их с царским оплечьем, а исследователи противники этой версии, начиная с Г. Ф. Корзухиной, применяли термин «монисто». И. А. Стерлигова отстаивала использование именно этого названия в целом ряде работ [11, С. 151-157] [12, С. 589-593] [10, С. 7-10]. На данный момент последняя точка зрения, на наш взгляд, является самой обоснованной, так что мы будем использовать именно этот термин.

В нашей статье мы попытаемся проанализировать серебряные и золотые древнерусские монисто в их взаимосвязи и попытаемся уточнить вопросы датировки, функции и распространенности монист среди разных социальных слоев древнерусского общества.

Основную часть известных монист составляют серебряные украшения. Они обнаружены археологически практически повсеместно на землях Древней Руси: особенно много найдено на территории Старой Рязани, но также известны мониста киевские, новгородские, владими́ро-суздальские, тверские и московские [2, С. 110-115]. Причем, во всех регионах, кроме тверского, найден не один набор монист, так что рассматриваемый тип нагрудных украшений был действительно массовым. Серебряные мониста древнерусской работы найдены даже на территории Волжской Булгарии в составе клада из Великих Болгар 1888 г. Золотых монист найдено всего шесть наборов: четыре происходят из Киева и два – из Старой Рязани [2, С. 84-87].

Медальоны золотых монист устроены по единому принципу: медальон имеет шарнирное ушко, центр медальона занимает пластина с эмалевым образом, ее обрамляет полоса сканного декора из растительных мотивов, при этом в качестве разгранки используются низки жемчуга и рубчатая проволока. Чаще всего образки составляли композицию деисуса, но

были и фронтальные изображения святых. Если эмалевого образка нет, центральную часть медальона занимает большой цветной камень, а камни поменьше обрамляют его в виде нескольких окружностей.

Медальоны от серебряных монист в целом повторяют конструктивную и декоративную схему золотых, но с некоторыми нюансами, обусловленными особенностями материала и техники. Центр серебряных медальонов в большинстве случаев занимает изображение процветшего креста, иногда – образ святого, причем стилистика и иконография образов четко ориентируется на образки монист золотых, которые, скорее всего, использовались в качестве образца. Следующая окружность или не заполняется никак, или дополняется отрезками проволоки, имитирующими крепления для жемчужной обниси, либо украшается гравировкой или имитирующими инкрустацию полусферами.

Кажется существенным то, что мотив процветшего креста оказался прочно связан именно с монистами. Процветший крест совмещает в себе христианскую и растительную символику, общим значением которых являются силы жизни, обновления и победы над смертью [13, С. 7]. И это соотносится с семантикой декоративного оформления золотых монист, в которых растительный орнамент дополнял и усиливал значение эмалевых изображений святых. Таким образом, золотые и серебряные мониста оказываются неразрывно связаны и с помощью единой для типа символики. Сама же символика может быть объяснена ролью монист как оберегов. Причем, судя по тому, что в некоторых случаях, как например на медальонах из Великих Болгар, на медальоне из Государственного Исторического музея или на Суздальском оплечье, растительный мотив буквально уничтожает и растворяет изображение самого креста, растительная символика в некоторых случаях превалировала над христианской.

Предположения касательно распространенности монист как типа в разных социальных слоях древнерусского общества можно сделать, если проанализировать качество самих украшений и контекст из вещей кладов, в составе которых они были найдены. Золотые мониста – выдающиеся произведения ювелирного искусства, которые соединяют сложный пышный филигранный орнамент и технику полихромной перегородчатой эмали. Они бесспорно принадлежали членам княжеских семей или представителям боярской элиты. На это указывают и другие ценнейшие вещи, происходящие из тех же кладов – например, диадема из Сахновского клада или колты из Рязанского. Клады, в состав которых входили серебряные мониста, обычно также довольно богаты. Они включают множество ювелирных изделий из серебра тонкой художественной обработки – украшенные зернью и чернью колты, сложные детали женских

головных уборов, створчатые браслеты с черневым рисунком и т. д. Сами мониста, однако, не всегда отличаются высоким качеством исполнения – например мониста из клада д. Сельцы или мониста из клада Великих Болгар отличает грубость рисунка, не очень высокое качество гравировки и технического исполнения составных частей медальонов. Кроме того, украшения кладов, в которых имеются и серебряные мониста, не несут специфической церемониальной или статусной функции. Также большинство монист обнаружены в комплексе с украшениями женского убора. На принадлежность монист именно к женской кузни указывали еще Г. Ф. Корзухина и И. А. Стерлигова, что мы отмечаем выше. Это подтверждается также данными письменных источников, описание монист в которых действительно подходит к рассматриваемому типу нагрудных украшений [6, С. 78-79]. Таким образом, можно сделать предположение, что мониста были широко распространены среди женщин зажиточных слоев древнерусского общества, однако символом феодальной власти едва ли являлись.

Датировка многих известных наборов монист, особенно золотых, представляет определенную трудность, поскольку, во-первых, многие из них были найдены не во время археологических раскопок, а в ходе строительных работ или «находчиками». Во-вторых, невозможно определить, насколько отстоит от времени сокрытия клада изготовление входящих в его состав вещей. Однако, археологический материал поможет примерно обозначить хронологические границы бытования монист как типа. Так в слоях середины XII века [7, С. 43-45] обнаружен медальон от серебряных монист. Это самый ранний пример подобной находки, так что как минимум с середины XII века мониста уже были распространены на территории Руси. Кроме того, в Новгороде, в археологических слоях начала XIV века и конца XIV века были обнаружены два серебряных медальона от монист с изображением птиц [7, С. 43-45]. То есть, судя по этой находке, как минимум на конец XIV века мониста в домонгольской форме все еще использовались. Видимо в Новгороде, не подвергнувшись разграблению монголо-татар, ювелиры продолжали линию домонгольского ювелирного искусства и даже экспериментировали с ней и развивали сложившиеся типы - ничего подобного двум медальонам с птицами среди прочих находок монист мы не знаем.

Проанализировав особенности серебряных домонгольских монист в их связи с золотыми, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, серебряные мониста находятся в прямой зависимости от золотых барм, так как во многом копируют их. Это отражается и на конструктивных особенностях, таких как использование шарнирных ушек, использование

той же формы шарообразных ушек, и на декоративных особенностях: то же деление медальона на три зоны, имитация инкрустаций и филигранных мотивов, соединение растительной и христианской символики, перенесение особенностей эмалевого рисунка на черневой.

Во-вторых, так как качество некоторых наборов серебряных монист довольно низкое, входили они в состав скорее всего женского убора, и найдены в контексте украшений не несущих значения инсигний, можно предположить, что мониста как тип не были знаком особого статуса, а были широко распространены в зажиточных слоях домонгольского общества.

В-третьих, так как серебряные мониста обнаруживают зависимость от золотых, новгородские серебряные мониста позволяют уточнить хронологические границы существования древнерусских домонгольских монист. Судя по всему, мониста появились не позже середины XII века. При этом после монгольского завоевания они не исчезли одновременно, а продолжали изготавливаться, по крайней мере в Новгороде, как минимум еще в конце XIV в.

Список использованных источников и литературы

1. *Даркевич В. П.* Путешествие в древнюю Рязань. 1993. 285 с.
2. *Жилина Н. В.* Древнерусские клады IX-XIII вв. М., 2014. 391 с.
3. *Калайдович К. Ф.* Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии: С рисунками найденных там в 1822 году древностей. М., 1823. 75 с.
4. *Кондаков Н. П.* Русские клады: исследование древностей великокняжеского периода / соч. Н. Кондакова, заслуженного проф. Императорского Санкт-Петербургского ун-та Т. 1. Спб., 1896. 214 с.
5. *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX-XIII вв. М., Л., 1954. 156 с.
6. *Савваитов П. И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. Спб., 1896. 184 с.
7. *Седова. М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981. 196 с.
8. *Снегирев И. М.* Памятники московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы. М., 1841. 195 с.
9. *Солнцев Ф. Г.* Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению. Отделение 2: Древний чин царский, царские утвари и одежды. М., 1851. 119 с.
10. *Стерлигова И. А.* Драгоценности Старорязанского клада 1822 года: путь от мифологических княжеских регалий к памятникам древнерусского искусства. // Старая Рязань: крупный городской центр на международных торговых путях. М., 2020. С.7-11.
11. *Стерлигова И. А.* Драгоценный убор древнерусских икон XI-XIV веков. М., 2000. 261 с.

12. *Стерлигова И. А.* Колты из старорязанского клада 1822 года: драгоценности рязанской княгини или царицы небесной. // В камне и в бронзе: сборник статей в честь Анны Песковой. СПб., 2017. С. 583-646.

13. *Уваров А. С.* Суздальское оплечье // Древности. Труды Московского Археологического Общества Т. 5. М., 1885. С. 1-18.

Для цитирования: Лиханова С. А. Золотые и серебряные домонгольские мониста. Проблемы взаимосвязей типов, распространения и датировки // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 229 – 234.

Спектакль «Робеспьер» по пьесе Ф.Ф. Раскольникова как театрализованное высказывание о Французской и Октябрьской революциях

Аннотация. В статье на примере спектакля «Робеспьер» по одноимённой пьесе драматурга Ф.Ф. Раскольникова рассматриваются формы взаимодействия с прошлым в раннесоветской театральной традиции, особый исторический режим, характерный для раннего СССР, а также роль театра как актора формирования определенных исторических и идентификационных представлений.

Ключевые слова: раннесоветский театр, историческая драматургия, Французская революция, презентизм, революционная идентичность.

Title: The performance “Robespierre” based on the play by F.F. Raskolnikov as a theatrical statement about the French and October revolutions

Abstract. In the article, using the example of the play “Robespierre” based on the play of the same name by playwright F.F. Raskolnikov examines the forms of interaction with the past in the early Soviet theatrical tradition, the special historical regime characteristic of the early USSR, as well as the role of theater as an actor in the formation of certain historical and identification ideas.

Key words: early Soviet theater, historical drama, French Revolution, presentism, revolutionary identity.

В РГАЛИ фонд имени Н.В. Петрова хранит лишь недавно вошедший в научный оборот микрофильмированный экземпляр трагедии «Робеспьер» [14], с которым он работал в ходе постановки спектакля в Государственном академическом театре драмы в 1931 г. Самый ценный артефакт — это выписки из книг о Неподкупном, использованные при написании произведения и представляющие для исследователя своеобразные следы, «уличающие» автора в подробностях творческого акта: так, чередуя дедуктивные и индуктивные методы герменевтического анализа, балансируя от результата — текста пьесы — к источникам его нарративной и интерпретационной составляющей, мы получаем возможность с разных сторон ретроспективно взглянуть на многомерное пространство театрализованного высказывания о Французской революции.

Крутько, Ксения Игоревна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st075673@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Турьгина, Наталья Валерьевна*, канд. ист. наук, стар. преп. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Krutko, Ksenia Igorevna — Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia; st075673@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Turygina, Natalia Valeryevna* — PhD in History, Senior lecturer, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Коннотативное значение по отношению к делу, описанному выше, имеет ещё одно, из того же фонда [13]. Театр здесь выступает в нехарактерной для себя, но уместной в историко-культурном контексте, функции, откладывая от своей деятельности такой вид документа, как «Памятка для зрителя» — инструкция по правильной эксплуатации увиденного на сцене. В ней мы находим, помимо краткого объяснения общей концепции произведения, словаря терминов, навязывающего зрителю определенные дискурсивные формы, список литературы о Французской революции — предполагается, что, ознакомившись с упомянутыми там работами историков, читатель сможет должным образом понять пьесу.

Это не редкость для СССР 1930-х гг. — например, подобные памятки выпускались для «Чапаева» и «Тартюфа»; они также были связаны с деятельностью режиссера Н.В. Петрова. Однако такая антиципация, предвосхищение реакции реципиента, воздействует на восприятие: вместо признания гражданина, пришедшего на спектакль, эпистемически равным себе членом сообщества, театр исходит из предпосылки, что целевая аудитория нуждается в интерпретационных «ключках», подобранных для них в рамках необходимой парадигмы. Р. Барт в своем эссе писал [2, с. 65], что для политического по своей природе «сталинского письма» было характерно изображение реальности в уже оценённом виде, это мы наблюдаем и в источнике: на трагедию ожидалась единственно верная реакция. Помимо этого, даже всем работникам театра отдельно предписывалось «ознакомиться с материалами по истории Великой французской революции для того, чтобы участвовать в непосредственной работе над спектаклем» [14, л. 40]. Характерно, что, несмотря на дискуссионный характер проблематики якобинской диктатуры и термидорианского переворота, это был заданный вектор, а не роза ветров — направление уже было определено первым пунктом материалов во главе с трудом К. Каутского [4].

Автор самого сценического текста — Ф.Ф. Раскольников, более известный своей дипломатической деятельностью, литературную карьеру начал в 1924-1928 гг., когда стал редактором газет «Красная новь», где его драматургическое произведение было впоследствии опубликовано, и «Молодая гвардия», а позже — председателем Главреперткома и Главискусства [16].

«Робеспьер» рожден в контексте спора о судьбе социалистической революции. Т.Н. Кондратьева в своей книге раскрыла суть аналогии «большевики якобинцы» [6]. «Робеспьер» — это экзистенциальный спектакль, пытающийся подсказать выход из кризиса большевистской самоидентичности. Историческая и общественная мысль эпохи была склонна

к эсхатологическим гипотезам, связанным с традицией отождествления большевиков и якобинцев, и с опасениями о будущем «термидорианском перевороте» и вырождением революции (большинство советских историков считало 9 термидора концом революции, в частности Н.М. Лукин, труд которого являлся основным источником для написания драматургического произведения Ф.Ф. Раскольников) [14]. Неслучайно в памяти для зрителей особое место в рекомендованной литературе занимают труды, написанные в русле марксистско-ленинской парадигмы знания.

Французская революция — сквозной сюжет, лейтмотив для СССР, становящийся своеобразным мифом о происхождении — ведь он, по Я. Ассману, выполняет свою главную функцию — он обосновывает настоящее: большевики вписываются в контекст мировой истории как продолжатели-революционеры, шагнувшие дальше [1, 85]. Объяснение актуализации аналогии «большевики — якобинцы» долгое время осуществлялось через концепцию исторической памяти, однако, если рассматривать кейс «Робеспьера», можно отметить, что спектакль так или иначе формирует картину, выходящую за рамки конструирования схематических образов о Французской революции [3, с. 19]. В этой связи представляется, что для раннесоветской культуры был характерен особый режим историчности, пользуясь терминологией Ф. Артога, в котором настоящее доминирует над прошлым [20, с. 17]. Помимо идеологической части, это проявляется на дискурсивном уровне: герои пьесы, например, знают, что их революция — «Великая», или анахронически пользуются определением «старый режим», введенным в 1856 г., по отношению к власти до 1789 г. [14, л. 3, 8].

Пьеса начинается с пролога: на сцену выходит герольд, зачитывающий речь о том, что театральная постановка праздника 20-го прерияля не сможет передать настоящее событие, будет лишь пародией на него, вне зависимости от таланта автора, а потому она не будет представлена. На первый взгляд, это метамодернистский прием: декларирование дихотомии мимесиса и диегесиса со сцены и крушение четвертой стены [12, с. 185, 78]. Однако это происходит вполне в русле психотехники системы К.С. Станиславского, предложившего идею о том, что «истина страстей» в театре более важна, чем объективное отображение реальности, разыгрываемой в спектакле [5, 326]. Именно этому режиссеру принадлежит идея, что для работы над ролью артист должен либо иметь опыт, аналогичный испытанному его героем. Мы видим попытку сделать зрителя «соучастником» действия, развивавшуюся вполне в рамках его теории. Впервые подобное было предпринято еще В.Э. Мейерхольдом [16, с. 85].

Таким *ad spectators* к публике, которой адресуется послание, до поднятия занавеса, постановщики прибегают к референциальной иллюзии: пользуясь кратковременным совпадением дискурсивных позиций зрителя с предполагаемыми персонажами пьесы, слушающими речь герольда, они нарушают привычную дистанцию между залом и сценой, чтобы захватить внимание советских граждан, дать им понять, что они вовлекаются в разговор о революционерах, визуально будто бы подобным им [12, с. 436-437]. Чтобы в финале пьесы провести эндшпиль, в котором черные фигуры — буржуазные французские карбонарии — уступят доску белым пешкам и ладьям — рабочим и крестьянам — для победы социалистической революции.

Кратко опишем сюжет пьесы: против Робеспьера в Конвенте был подготовлен заговор, возглавленный Тальеном и Баррасом: параллельно с этим периодически встречаются реплики персонажей о кризисе, который переживает революция, о том, что даже Робеспьер изменил третьему сословию [15, с. 5]. На заседании Конвента 9-го термидора заглавного героя осуждают и арестовывают. Имея возможность спастись, обратившись к своим сторонникам, Робеспьер решает отдаться на суд народа. Однако он не успевает написать воззвание. В финале, после смертельного ранения Робеспьера, группа ремесленников произносит основную мысль пьесы: «Французская революция только предшественница другой... которая уничтожит богатство и бедность, освободит человечество и установит коммунистическое равенство на земле» [14, л. 26]. Здесь мы снова видим анахронизм: используется слово «коммунистическое», которого в 1794 г. ещё не существовало.

Теперь обратимся непосредственно к образу Робеспьера. Выписки из источников и литературы, сделанные автором при работе над пьесой и касающиеся непосредственно портрета Неподкупного, позаимствованы из воспоминаний Шарлотты Робеспьер и работы Н.М. Лукина. Уже на этом уровне проявляется некая интерпретационная двойственность в стилистике Ф.Ф. Раскольникова: он судит о Робеспьере одновременно как о человеке, великой личности с трагической судьбой, и вместе с тем пытается оценить его деятельность по марксистско-ленинским лекалам [7, с. 56].

Эго-документ, то, что писала о своем брате сестра, так или иначе ведет Ф.Ф. Раскольникова за собой, заставляя импонировать Робеспьеру. Так, Ш. Робеспьер пишет: «Мой старший брат в своем кабинете с пером в руке или на трибуне, приводил в трепет всех тиранов Европы» [13, л. 41]. А Ф.Ф. Раскольников в самой пьесе вкладывает в уста своего героя следующие слова: «Какая наглость называть меня тираном... Коронованные

антропофаги, английский король и русская развратная императрица, если бы я был, подобно вам тираном, то вы... называли бы меня братом» [14, с. 3]. Педантично выделяет драматург и то, что Робеспьер «по натуре был весел, любил шутить и часто смеялся до слез». Ф.Ф. Раскольников стремился создать живой человеческий образ революционера по воспоминаниям женщины, которая его знала, но могла быть предвзята.

Для оценки Тальена и Барраса, которые противостоят протагонисту, Ф.Ф. Раскольников уже делает однозначный текстуальный выбор: здесь наблюдается следование традиции советских историков и писателей, а именно Г. Серебряковой и Я.М. Захера. Книга Г.И. Серебряковой не научный труд, а исторический роман, что подчеркивается и в предисловиях к ее изданиям [17, с. 8]. В нем она подчеркивает, что Баррас боялся Робеспьера, чем и была обусловлена его ненависть к Неподкупному [17, с. 140]. Робеспьера писательница называет тираном лишь в кавычках, а про Тальена в первые дни термидора третьего года революции она пишет, что он «представлял собой жалкое зрелище» [17, с. 139]. Я.М. Захер отличало, помимо фундаментального подхода в изучении леворадикального движения, от других большевистских историков тем, что он не стремился активно пользоваться марксистской формулой по отношению к Французской революции [8, с. 8]. Очевидно, знакомством с этим автором «Робеспьер» обязан своей событийной и фактологической подробностью.

Реплики некоторых персонажей также демонстрируют знакомство с автором с книгой А. Матьеза. Например, Колло д'Эрбуа говорит, что «есть мнение, что Робеспьер гораздо выше Дантона» и «бенгальские огни красноречия Дантона меркнут перед его несокрушимой логикой». Это соответствует взглядам А. Матьеза, который написал книгу «Новое о Дантоне», где крайне негативно оценивал заглавного героя, противопоставляя ему Робеспьера, восхищавшего историка [11, с. 15]. Наличие робеспьериста А. Матьеза и отсутствие французской историографии, где личность Робеспьера была бы нарисована действительно тираническими тонами, как его изображали, например, антиробеспьеристы А. Ламартин и Л. Мадлен, по отношению к которым применимо клише «буржуазная реакция», критиковали Неподкупного за то же самое, в незавершённости чего обвинял его Н.М. Лукин, называя идеологом мелкой буржуазии, говорит о том, что для создателей спектакля Робеспьер не был злодеем [9; 10].

Попробуем суммировать, что хотели сказать авторы спектакля. Как декларируется в «Памятке», спектакль агитировал на борьбу за сегодняшний день против оппортунизма и примиренчества, которые погубили Робеспьера. Также, анализируя составленный словарь понятий, можно

выделить основные особенности, которые ему свойственны, чтобы воспроизвести анахронический дискурс: во-первых, все деятели Французской революции так или иначе характеризуются с точки зрения близости или, напротив, полного расхождения с коммунистической идеологией. Во-вторых, в этой памятке встречаются грубые ошибки: Дантон там назван «Жаном», затем вместо 1789 г. в результате описки приводится 1769 г. [13, с. 22, 15]. В-третьих, практически в каждой из статей отражен классовый подход к революции, который хотели внушить театральной аудитории.

Таким образом, спектакль стал попыткой для советской сцены «взглянуть на себя со стороны»: визуализируя события 9-го термидора, «Робеспьер» явился ответом на происходившую дискуссию об Октябрьской революции: иносказательным, миметическим, высказыванием на актуальную тему. Прошлое в историческом драматургическом нарративе оказывалось облачённым в анахронистические театральные одежды настоящим — а Французская революция становилась удобным инструментом не только для определения места в мировом революционном процессе, но и высказывания по вопросам значения Октябрьской революции и ретранслирования зрителю определенной позиции о месте Октябрьской революции в общей революционной генеалогии, значимым элементом которой является Французская революция.

Список использованных источников и литературы

1. *Ассман Я.* Культурная память. М. 2004. 368 с.
2. *Барт Р.* Нулевая степень письма. 431 с.
3. *Гордон А.В.* Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918 – 1941. Саратов, 2005. 249 с.
4. *Каутский К.* Противоречия классовых интересов в 1789 г. М. 1923. 98 с.
5. *Кларк К.* Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм эволюция советской культуры. 1931-1941. М., 2018. 520 с.
6. *Кондратьева Т.С.* Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993. 240 с.
7. *Кондратьева Т.С.* Федор Раскольников: трагедия революционера и трагичность Идеи. // Вестник МГИМО-Университета. 2017. №3 (54). С. 41–71.
8. *Кутузова А.А.* Исторические взгляды Я.М. Захера. Сыктывкар, 2021. 238 с.
9. *Ламартин А.* История жирондистов. М., 2013. 518 с.
10. *Мадлен Л.* Французская революция. В 2-х тт. Берлин, 1922. 348 с.
11. *Матьез А.* Новое о Дантоне. М., Л. 1928. 156 с.
12. *Пави П.* Словарь театра. М., 1991. 504 с.
13. Памятки зрителям о спектаклях Государственного академического театра драмы "Тартюф" Ж.-Б. Мольера и "Робеспьер" Ф. Ф. Раскольникова, изданные театром // РГАЛИ. Ф. 2358. Оп. 1. Ед. хр. 844. 23 л.

14. Раскольников Ф.Ф. «Робеспьер», режиссерский экземпляр пьесы, перечень тем для музыкального оформления сцены в Конvente, распределение ролей и выписки из книг о Робеспьере, сделанные для работы над спектаклем, поставленным в Государственном академическом театре драмы // РГАЛИ. Ф. 2358. Оп. 1. Ед. хр. 65. 46 л.
15. Раскольников Ф.Ф. «Робеспьер». Трагедия. Напечатано в «Красной нови». 1930 г. Кн. I. // РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Ед. хр. 1509. 91 л.
16. Сазонова В.А. В.Э. Мейерхольд и его театральное наследие // Вестник ТГУ. Вып. 1. 2015. С. 81–90.
17. Серебрякова Г.И. Женщины эпохи Французской революции. М., 1958. 160 с.
18. Унанянц Н.Т. Великая французская революция в спектаклях советского театра // Великая французская революция и Россия / Под ред. А.В. Адо и В.Г. Сироткина. М., 1989. С. 468–472.
19. Hartog F. Regimes of historicity. Presentism and experiences of time. NY., 2015. 288 p.

Для цитирования: Крутько К.И. Спектакль «Робеспьер» по пьесе Ф.Ф. Раскольникова как театрализованное высказывание о Французской и Октябрьской революциях // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 235 – 241.

СЕКЦИЯ. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА С ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДО СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Золотухина Софья Романовна

Сведения об абидосских мистериях Осириса в надписях на древнеегипетских стелах Среднего царства

Аннотация. Одним из главных религиозных новшеств древнеегипетского Среднего царства (XX-XVIII вв. до н.э.) стало возвышение культа бога мертвых Осириса с центром в г. Абидос. Важнейшим эпизодом ежегодного праздника в храме этого бога была процессия в местность Пекер. Рассмотрев тексты и изображения абидосских стел Среднего царства, автор статьи уточняет ход этого действия и религиозную семантику его отдельных элементов.

Ключевые слова: Среднее царство Древнего Египта; древнеегипетская религия; культ Осириса; Абидос.

Title: Information about the Abydos mysteries of Osiris in the inscriptions on the ancient Egyptian stelae of the Middle Kingdom.

Abstract. One of the main religious innovations of the Middle Kingdom was the rise of the cult of the god of the dead Osiris in Abydos. The most important event of the annual festival in the temple of this god was the procession to Peker. The author of the article clarifies the course of this action and the religious semantics of its certain elements, taking into account the texts and images of the Abydos stelae of the Middle Kingdom.

Key words: Middle Kingdom of Ancient Egypt; ancient Egyptian religion; cult of Osiris; Abydos.

Культ бога мертвых Осириса с центром в Абидосе занял центральное место в заупокойных верованиях египтян Среднего царства (XX-XVIII вв. до н.э.). Ежегодно в Абидосе проводился религиозный праздник, главной частью которого была культовая процессия из храма Осириса на считавшееся местом захоронения Осириса кладбище Пекер. Хотя этим торжествам уже посвящен ряд зарубежных исследований, ход этой мистерии, а равно и семантика некоторых её элементов нуждаются в уточнении.

Золотухина, Софья Романовна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st068965@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Демидчик, Аркадий Евгеньевич*, д-р ист. наук, проф.

Zolotukhina, Sofia Romanovna — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st068965@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Demidchik, Arkadiy Evgenevich*, Doctor of Historical Sciences, Prof.

Важнейшими источниками по этой теме являются установленные близ абидосского храма стелы фараонов и чиновников (стелы Египетского музея и собрания папирусов в Берлине 1204 (далее – Berlin 1204); Британского музея BM EA 159; Египетского музея в Каире CG 20538, CG 20539, SM JE 6307; Музея египетского искусства в Мюнхене Gl. WAF 35 (далее – München Gl. WAF 35; Лувра № С3 (далее – Louvre С 3)). Ни на одной из них не дается детального описания ритуалов Осириса или последовательного рассказа о ходе мистерий. Однако, учтя данные памятники в их совокупности, можно сделать существенные дополнения к уже сказанному исследователями.

Самый полный и связный рассказ об абидосских мистериях уцелел на принадлежащей высокопоставленному посланцу фараона Иихернеферету стеле Berlin 1204. В стк. 11 он похваляется, что исполнял роль «любимого сына Осириса», в конечном счете предназначавшуюся фараону как земному воплощению сына Осириса бога Хора. Об исполнении этой роли самим государем говорится на стеле царя XIII династии Неферхотепа I (SM JE 6307, стк. 9, 24, 36). Видимо, замещали монарха в этой роли также чиновники Сехетепибра (CG 20538) и Ментухотеп (CG 20539), но их упоминания об этом кратки: «Я исполнял обязанность любимого сына на службе в Доме золота во время тайн владыки Абидоса» (CG 20539, аверс, стк 7; CG 20538, реверс, стк. 3).

От лица «любимого сына» зачастую действуют жрецы-сем, коими Сехетепибра и Ментухотеп также себя называют. Жрец-сем был главным действующим лицом происходившего в «Доме золота» обряда «отверзания уст» (wp.t rA) [6, p. 70], важным эпизодом которого был ритуальный сон в уединенном помещении «Джесер (Священное)» [1, p. 14]. Сон связывают с оживлением отождествленной с Осирисом статуи, при этом жрец изображает Хора, разыскивающего своего отца, чтобы затем позволить ему вселиться в новую статую. Этот этап мог быть связан с изготовлением статуи: во время «сна» жрец пребывает в состоянии медитации, посредством чего получает видение об образце статуи «со всех ее сторон» [4, S. 51]. Обширный фрагмент надписи царя Неферхотепа посвящен намерению посетить дом свитков с целью «узнать бога в его истинной форме», а затем создать его статую «в виде царя Верхнего и Нижнего Египта в момент его выходения из утробы богини неба Нут» (SM JE 6307, стк. 2-4, 6-8). Возможно, именно во время медитации «сын» Осириса должен был визуально представить ранее изученное в этих письменах.

Первым основным этапом мистерий, упомянутым на стеле Иихернеферета, является «выходение Упуаута» (pr.t wp-wA.wt), которое также

часто называется «первым выхождением» (pr.t tp.t) [9, p. 100]. Частью его шествия могло быть и театрализованное сражение с врагами Осириса, поскольку за его появлением зачастую следует упоминание о противниках, которых необходимо повергнуть (Berlin 1204, стк. 17-18; BM 159, стк. 5). Но Упуаут исполняет также и свою более привычную роль «открывателя путей»: «Упуаут перед ним, очистил он дороги от противников его» (SM JE 6307, стк. 19). Стела Руджахау содержит упоминание об участии начальника жрецов в так называемом «выхождении жреца-сем» (pr.t sm) (BM 159, стк. 5), который может быть альтернативным названием «выхождения Упуаута» [3, p. 50]. Жрецы-сем, судя по надписям, действительно были ответственны в том числе за проведение этой части мистерии.

«Великая процессия» (pr.t aA.t), или похоронная процессия бога, следующая за «выхождением Упуаута», представляла собой шествие Осириса к его гробнице, во время которого толпа верующих следовала вместе с богом в Пекер [6, S. 75]. Следуя изложению Иихернеферета, кажется, что этот этап состоит из нескольких частей, а «великая процессия» и путь в Пекер это два разных действия, поскольку их разделяют другие события. В стк. 23 упоминается плавание божьей лодки под водительством Тота, что могло означать переход между двумя мирами, окончательный уход Осириса из мира живых [7, p. 28]. Там же сообщается о барке «Владыка Абидоса воссиял в Маат», которую Иихернеферет снабдил каютой, и об укреплении корон на статуе Осириса для дальнейшего следования в Пекер (Berlin 1204, стк. 19-20). Согласно В. Хелку, тело Осириса могло прибывать в Абидос из Мемфиса [6, S. 76]. В таком случае последовательность событий не нарушается, и становится более понятно, почему «великая процессия» к гробнице Осириса может быть прервана для того, чтобы поправить внешний вид статуи и сменить транспортное средство.

Кульминационным моментом мистерий являются действия в гробнице Осириса в Пекере во время grH n sDr.t – ночи «сна» или «бодрствования», частью которой был праздник hAkr [9, p. 100]. К источникам, упоминающим grH n sDr.t, относятся стелы строителя Мерери (Louvre C 3) и начальника жрецов Упуаут-аа (München Gl. WAF 35). Информация о мистериях на этих памятниках заключена в так называемой «Абидосской формуле», что не дает прямого подтверждения их личного участия в мистериях. Однако и Мерери, и Упуаут-аа выражают желание «услышать ликование из уст Тинисского нома (во время) праздника-hAkr, (а именно) в ночь sDr.t Хора-Sn» (Louvre C 3, стк. 14; München Gl. WAF 35, стк. 14). Только Руджахау называет себя «первенствующим в западном горизонте» (BM 159, стк. 5). Если понимать «западный горизонт» (Ax.t imnt.t) как

гробницу Осириса [3, p. 51], то, возможно, именно он лично принимал участие в ритуале.

Источники умалчивают о том, что именно происходило ночью, но, вероятно, церемония успешно завершалась утром, после триумфального процессионного прохождения через «великие ворота hAkr» Хором и/или жрецом-сем и священным образом возрожденным Осирисом [5, p. 71]. Согласно Х. Альтенмюллеру, окончание праздника hAkr знаменовало собой выхождение возрожденного бога, которое, наоборот, только начиналось у «великих ворот». Однако в своей реконструкции событий мистерии Х. Альтенмюллер помещает эти действия до «выходения Упуаута» и предполагает, что призыв спуститься, благодаря которому праздник hAkr получил свое название, могли повторять в виде литании носильщики барки-nSm.t, тем самым призывая бога сесть в нее и начать «основные» действия праздника [1, p. 18].

Сразу же после упоминаний о Пекере стк. 21 стелы Иихернеферета гласит: «Я защищал Ун-нефера в тот день великой битвы и сразил всех его врагов на отмелях Недита». Называние Осириса Ун-нефером может свидетельствовать о том, что речь идет о битве за окончательную победу воскресшего и оправданного бога, произошедшей уже после всех событий в Пекере. Но в то же время упоминание Недит наводит на мысль о борьбе между сторонниками Сета и Упуаута, завязавшейся еще в начале мистерий, после убийства Осириса, чтобы освободить тело и доставить в храм [8, p. 292]. Заключительной частью мистерий было шествие бога на барке-nSm.t в Абидос, возвращение статуи в свой храм и ее очищение (Berlin 1204, стк. 21-23).

Однако такой последовательности событий противоречат другие источники Среднего царства, описывающие ход мистерий. На стелах Сехетепибра и Ментухотепа праздник hAkr предшествует «выходению Упуаута»: «Я организовал праздник hAkr для его господина и все процессии Упуаута» (CG 20538, реверс, стк. 4; CG 20539, аверс, стк. 7). В своей реконструкции хронологии праздника Д. Франке помещает этот праздник именно перед «выходением Упуаута», опираясь на последовательность праздников, перечисленных на стеле Упуаут-аа (München Gl. WAF 35) [5, p. 70]. В то же время на памятниках Мерери и Упуаут-аа в «Абидосской формуле» о празднике hAkr говорится только после следования в Пекер (Louvre C 3, стк. 12-14; München Gl. WAF 35, стк. 13-14). А стела царя Неферхотепа содержит информацию о Доме золота ближе к концу мистерий (SM JE 6307, стк. 19). Обычно Дом золота является частью храма, но маловероятно, что бог, погребённый в Пекере, возвращается в Абидос, чтобы принять там новую форму, а затем вернуться в гробницу, чтобы

воскреснуть и получить оправдание. Скорее, еще один Дом золота мог располагаться в округе Пекер недалеко от гробницы Осириса, и в таком случае Пекер в текстах обозначает как гробницу, так и строение, где проводились ритуалы [8, р. 293].

Единственным событием, где, кажется, можно с большей или меньшей уверенностью говорить о пересечении действий на стелах Ихернеферета и царя Неферхотепа является упоминание божьей лодки (dp.t nTr) (Berlin 1204, стк. 19; JE 6307, стк. 17). Если упоминание о судне на обеих стелах отмечает начало одного и того же действия, из этого следует, что царь не участвовал в мистериях до момента прибытия статуи к водоему, а значит не участвовал в «выхождении Упуаута». Более того, на царской стеле вообще отсутствуют такие термины, как «выхождение Упуаута» или «великое выходжение», что может свидетельствовать том, что они использовались храмовым персоналом.

Если царь принимает участие в процессии только с этого момента, то понятно, почему в его надписи ничего не говорится о «первом выходжении» – вероятно, в его осуществлении был задействован кто-то другой. Более того, прибытие Осириса в Абидос также хорошо согласуется с предположением В. Хелка о прибытии статуи извне (см. выше). Соответственно, этот путь, указанный в стк. 15-16 надписи Неферхотепа, соответствует событиям, разворачивающимся на стеле Ихернеферета до стк. 17. После смены лодок продолжается условная вторая часть «великой процессии», во время которой Осирис окончательно переходит в царство мертвых, а процессия продолжает свое шествие в Пекер. Поскольку судя по неоднократному упоминанию изгнания Сета на протяжении праздника и вплоть до его окончательного возвращения в храм (Berlin 1204, стк. 21), упоминание Упуаута, расчищающего пути от врагов, в стк. 19 стелы царя Неферхотепа не обязательно должно указывать на начало «первого выходжения».

В текстах не говорится ни о смерти, ни о воскрешении Осириса. Наиболее подходящим представляется предположение Р. Антеса о том, что именно у водоема, который символизирует Недит, и происходит смерть бога, тем самым обозначая начало праздника и «великой процессии» [2, S. 29]. В таком случае последующее повествование на стеле Ихернеферета после его заявления об организации «великой процессии» (Berlin 1204, стк. 18) представляют собой уточнение о конкретных действиях, которые были им совершены в ходе этого этапа, а все события, предшествующие этому моменту, стоит рассматривать как подготовку к началу празднества.

Ихернеферет и его коллеги описывали праздник с точки зрения участников событий – лишь те его части, в которых принимали непо-

средственное участие. Ментухотеп и Сехетепибра говорят только о подготовительных действиях, связанных со статуей, и о «выхождении Упу-аута». В «великой процессии» и в обрядах в Пекере лично участвовали, кажется, только фараон Неферхотеп I и жрец Иихернеферет [5, р. 72]. «Великая процессия» была важнейшей частью праздника, о чем говорит ее название и события после прибытия божьей лодки, где центральная роль отводилась фараону. Стела Иихернеферета соединяет рассказ как о жреческой, так и царской роли в ритуалах, тем самым подчеркивая высочайший статус этого царя уполномоченного.

Список использованных источников и литературы

1. *Altenmüller H.* Der „Schlaf des Horus-Schen“ und die Wiederbelebung des Osiris in Abydos // *Studies on the Middle Kingdom: In memory of Detlef Franke* / ed. H. W. Fischer-Elfert, R. B. Parkinson. Wiesbaden, 2013. P. 9-22.
2. *Anthes R.* Die Berichte des Neferhotep und des Ichernofret über das Osirisfest in Abydos // *Festschrift zum 150jährigen Bestehen des Berliner Ägyptischen Museums*. Berlin, 1974. S. 15-49.
3. *Faulkner R. O.* The Stela of Rudj' Ahau // *JEA*. 1951. Vol. 37. P. 47-52.
4. *Fischer-Elfert H. W.* Die Vision von der Statue im Stein: Studien zum altägyptischen Mundöffnungsritual. Schriften der Philosophisch-historischen Klasse der Heidelberger Akademie der Wissenschaften 5. Heidelberg, 1998. 105 S.
5. *Franke D.* Sem-priest on duty // *Discovering Egypt from the Neva* / ed. S. Quirke. Berlin, 2003. P. 65-78.
6. *Helck W.* Die Herkunft des abydenischen Osirisrituals // *Archiv Orientalni*. 1952. T. 20. S. 72-85.
7. *Lavier M.-Ch.* Les fêtes d'Osiris à Abydos au Moyen Empire et au Nouvel Empire // *Egypte, Afrique et Orient*. 1998. Vol. 10. P. 27-33.
8. *Lavier M.-Ch.* Les mystères d'Osiris à Abydos d'après les stèles du Moyen Empire et du Nouvel Empire // *Akten des vierten Internationalen Ägyptologen Kongresses München 1985*. Bd. 3: Linguistik, Philologie, Religion. Hamburg: Buske, 1988. S. 289-295.
9. *Lichtheim M.* Ancient Egyptian Autobiographies Chiefly of the Middle Kingdom: A Study and an Anthology. *Orbis biblicus et orientalis* 84. Fribourg, 1988. 171 p.

Для цитирования: *Золотухина С. Р.* Сведения об абидосских мистериях Осириса в надписях на древнеегипетских стелах Среднего царства // *Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных.* СПб., 2024. С. 242 – 247.

Царица-Афродита: к особенностям культа царицы в государстве Селевкидов

Аннотация. Формирование культа царицы в государстве Селевкидов представляло собой важное направление религиозной политики правящей династии. Статья посвящена изучению одной из культовых форм – почитанию цариц в государстве в ипостаси богини Афродиты. Исследование основано на ряде эпиграфических свидетельств, которые указывают на существование подобной формы. Автор рассматривает феномен восприятия царицы в государстве Селевкидов и поднимает дискуссионные вопросы относительно того, считались ли царицы воплощением Афродиты, и насколько подобная форма почитания была распространена в государстве Селевкидов.

Ключевые слова: культ царицы; Афродита; Стратоника; Лаодика III.

Abstract. The establishment of the cult of the queen in the Seleucid state was the most important direction of the religious policy of the ruling dynasty. The article is devoted to the study of one of the cult forms - the veneration of queens in the state as the goddess Aphrodite. The study is based on a number of epigraphic evidence that indicates the existence of such a form. The author examines the phenomenon of the perception of the queen in the Seleucid state and raises controversial questions regarding whether the queens were considered the incarnation of Aphrodite, and how widespread such a form of worship was in the Seleucid state.

Key Words. Queen cult; Aphrodite; Stratonike; Laodike III

Развитие культа царицы в государстве Селевкидов представляло собой одно из важнейших направлений идеологии и религиозной политики правящей династии. Существовали различные формы почитания цариц в государстве: жертвоприношения в честь царя и царицы (OGIS 222), установка культовых статуй царя Антиоха III и Лаодики III (SEG 41.1003.1), введение должностей жриц на муниципальном уровне (I.Lasos 4), учреждение фестивалей в честь царей и цариц (OGIS 222; SEG 41.1003.II), установление общегосударственного культа царицы Лаодики III (OGIS 224; RC 36). Одной из культовых форм является почитание цариц в ипостаси богини Афродиты. Несмотря на наличие эпиграфических свидетельств и интереса ученых к проблеме царского культа, данный аспект культа

Бурвикова, Алина Алексеевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st071567@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Климов, Олег Юрьевич*, доктор ист. наук, проф. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Burvikova, Alina Alekseevna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st071567@student.spbu.ru

Scientific supervisor: *Klimov, Oleg Yurievich*, Doctor of Historical Sciences, Professor. St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

царицы в государстве Селевкидов не исследован в полной мере. В связи с этим возникает необходимость предметно изучить особенности данной культовой формы.

Тема культа царицы в государстве Селевкидов активно изучается в историографии, как отечественной, так и зарубежной. Разнообразие форм культа царицы описывает Э. Бикерман в рамках исследования царского культа, однако, исследователь не рассматривает свидетельства, которые указывают на связь цариц с Афродитой [1, с. 230]. Отдельное внимание особенностям почитания царицы уделяет исследователь Стефано Канева, который один из немногих затрагивает вопрос о роли Афродиты в культе царицы государства Селевкидов и почитании цариц совместно с богиней [13, Р. 89-94]. Исследователь проводит параллели с формой почитания цариц в Птолемеевском Египте. Отдельные исследования посвящены политической роли цариц в государстве, которые особенно важны для понимания функций цариц и сфер, которым они могли покровительствовать [16, Р. 22-35; 17, Р. 77-102; 20, Р. 44-92; Р. 22-35]. Также отметим исследования, которые затрагивают различные формы почитания цариц и особенности распространения их культа [11, Р. 470; 12, Р. 185-197; 15, Р. 581; 18, Р. 31].

В отечественной историографии культ царицы рассматривается в рамках общих исследований по царскому культу – С. В. Смирнова, И. С. Свенцицкой и других [2, С. 280-450; 4, С. 380-450; 6, С. 313-328; 3, С. 97-108]. О некоторых особенностях культового почитания и гендерных функциях цариц сообщает А. Б. Шарнина на примере надписи из Теоса [8, С. 277-285]. Несмотря на столь обширную историографию, отсутствует исследование, которое было бы предметно посвящено такой примечательной форме почитания цариц, как сближение их культа с почитанием Афродиты. Нам представляется актуальным охарактеризовать данный феномен на основе античных свидетельств.

В первую очередь, возникает вопрос о датировке первого упоминания царицы в связи с богиней Афродитой в государстве Селевкидов. Однозначно говорить о точной дате возникновения подобной связи не представляется возможным, однако мы можем соотнести ее с первым из дошедших до нас эпиграфических свидетельств.

Отметим надпись, дошедшую до нас из Дельф, которая свидетельствует о даровании Селевком II святилищу Афродиты Стратоникиды в городе Смирна статуса «священного и неприкосновенного». Дельфийский полис дал одновременно и обоснование, и религиозную санкцию, так как подобное политическое мероприятие было совершено впервые: $\delta\epsilon\delta\omicron\chi\theta\alpha\iota\ \tau\alpha\iota\ \rho\acute{o}\lambda\epsilon\iota\ \tau\acute{o}\nu\ \Delta\epsilon\lambda\phi\acute{o}\nu\ \tau\acute{o}\ \tau\epsilon\ \iota\epsilon\rho\acute{o}\nu\ \tau\acute{o}\ \tau\acute{\alpha}\varsigma\ \text{Ἀφροδίτας}\ \tau\acute{\alpha}\varsigma\ \text{Στρατονικίδος}\ \kappa\alpha\iota$

τὰμ πόλιν τῶν [Σμυρ]ναίων ἱερὰν καὶ ἄσυλον εἶμεν — «Было постановлено полисом дельфийцев, чтобы святилище Афродиты Стратоникиды и полис смирийцев были священными и неприкосновенными» (OGIS 228, 10). Данную надпись относят к периоду Третьей Сирийской войны и датируют примерно 242 г. до н. э. [23, Р. 56-57] Тем же годом датируют и надпись из Магнесии близ Сипилла, в которой царь Антиох и царица Стратоника впервые называются богом и богиней: «θεὸν Ἀντίοχον καὶ τὴν μητέρα τὴν τοῦ πατρὸς θεὰν Στρατονίκην» (OGIS 229). Надпись включает в себя также и упоминание святилища Афродиты Стратоникиды — «Ἀφροδίτας τας Στρατονικίδος» [9, Р. 314-315]

В данном случае имя царицы превратилось в эпиклесу богини Афродиты. Предположительно она была получена в связи с почитанием жителями города царицы Стратоники, так как иных свидетельств не обнаружено. Таким образом, первый пример почитания царицы Стратоники в совокупности с богиней Афродитой можно датировать примерно 242 г. до н. э.

Исследование надписей приводит к возникновению ряда вопросов: почему царицу могли отождествлять с Афродитой, воспринималась ли в действительности царица как воплощение богини Афродиты и является ли подобное почитание единичным, частным случаем воли отдельного города в государстве Селевкидов?

Практика отождествления царицы с Афродитой, по-видимому, была распространена в государстве Селевкидов, о чем свидетельствует некоторый эпиграфический материал. Однако данные свидетельства по большей мере относятся к периоду правления Антиоха III и связаны с культом Лаодики III. Факт связи Лаодики III и Афродиты отмечается надписью из Ясоса, датированной 196 г. до н. э., которая представляет собой указ в честь Антиоха III и его супруги Лаодики, изданный после совершения некоторых благодеяний в пользу города со стороны царской пары. Надпись сообщает, что в день рождения Лаодики, супруги Антиоха III, в месяц Афродисион отмечается праздник, во время которого мужчины и женщины, готовящиеся вступить в брак, должны совершить жертвоприношение царице Афродите Лаодике (Iasos 4; OGIS 237).

Данный указ позволяет предположить, почему царица могла быть связана с Афродитой. Отмечается, что царица Лаодика ежегодно совершала пожертвования пшеницы, доход от продажи которой должен был быть использован городом для обеспечения приданым дочерей из бедных семей. Данные акты благотворительности вполне кажутся самостоятельным политическим действием царицы (с упоминанием воли супруга) и не вызывают удивления: царицы в государстве Селевкидов обладали

собственными средствами и по мнению С. В. Смирнова могли иметь собственные домены или использовать ресурсы царского [5, С. 113]. Подобное политическое мероприятие могло рассматриваться населением как покровительство браку и семьям, что является так же и основными функциями богини Афродиты.

На схожие функции богини и царицы указывает факт создания источника на агоре Теоса, посвященного Лаодике III, из которого черпали воду священники и невесты [13, Р. 91].

Отождествление роли царицы с функциями богини Афродиты в различных городах являлось довольно распространенной формой культового почитания. На наш взгляд, нельзя сказать, что царица воспринималась как воплощение богини, однако совершенно точно она исполняла основные ее функции, за что почиталась совместно с Афродитой. Можно отметить особую тенденцию почитания цариц как покровительниц семьи и брака. Вместе с тем, подобное почитание цариц, как правило, происходило совместно с оказанием почестей царям. Во многом данный факт связан с тем статусом, который царица имела в государстве. Формально царицы не обладали реальными властными полномочиями, но фактически играли важную политическую роль в государстве.

Сюжет, связанный с выполнением царицами функций Афродиты, приводит к мысли о том, что формы почитания царя и царицы в государстве различались в зависимости от функций. Четко прослеживается гендерное разделение ролей: если царю воздавали почести как спасителю, воину, политическому деятелю, то царицу почитали как покровительницу семьи, брака и красоты. Данный факт прослеживается и в такой форме почитания, как присоединение к имени культовых эпитетов. Культовые эпитеты царей отражали различные их политические и культовые заслуги – Селевк Никатор, Антиох I Сотер, Антиох II Теос, Селевк II Каллиник, Антиох III Великий. Для цариц же подобная форма почитания практически не использовалась, за исключением одного примера, о котором мы уже упоминали — Лаодика Афродита.

Подводя итог, следует сделать некоторые выводы об особенностях культового почитания цариц в государстве Селевкидов. Почитание цариц в государстве Селевкидов совместно с Афродитой было довольно распространенным явлением. Оно засвидетельствовано в том или ином виде в таких городах, как Смирна, Теос и Ясос. По всей видимости, практика подобного почитания цариц в отдельных городах была связана с теми благодеяниями, которые они совершали в отношении этих городов. Первые примеры подобного почитания можно отнести уже к периоду правления Селевка II, 242 г. до н. э. Своей кульминации отождествление царицы и

богини достигает в период правления Антиоха III (196 г. до н. э.), когда на основе инициативы самого царя начинает формироваться общегосударственный культ царицы Лаодики. Нельзя говорить о том, что царицу воспринимали как богиню на земле, подобные формы культового почитания были не свойственны греческому населению государства Селевкидов. Однако можно предположить, что в представлении греческого населения с царицей связывалось выполнение тех основных функций, которые традиционно приписывались богине, прежде всего, это покровительство семье и браку. Видимо, поэтому некоторые царицы и получили такую форму культовых почестей, как почитание их совместно с Афродитой.

Список использованных источников и литературы

1. Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.
2. Сапрыкин С. Ю. Культ царя и царские культы в Понте и на Боспоре. // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. М., 2016. С. 380–450.
3. Свенцицкая И.С. Восприятие царя и царской власти в эллинистических полисах (по данным эпиграфики) // Государства, политика и идеология в античном мире. Л., 1990. С. 97–108.
4. Смирнов С.В. Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М., 2013.
5. Смирнов, С. В. Царский домен у Селевкидов в III в. до н.э. / С. В. Смирнов // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2012. № 11. С. 109–116.
6. Смирнов. С. В. Некоторые особенности формирования культа правителя в государстве Селевкидов // «Боги среди людей»: культ 87 правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. М., 2016. С. 313–328.
7. Фролов Э. Д., Никитюк Е.В. Петров А.В., Шарнина А.Б. Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб, 2002.
8. Шарнина А. Б. Почитание царей в греческих полисах державы Селевкидов (на примере надписи из Теоса) // История в современном мире: актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных трудов памяти В. К. Фураева и Ю. В. Егорова. СПб., 2012. С. 277–285.
9. Austin M. M. The Hellenistic World from Alexander to the Roman Conquest. Cambridge, 2006.
10. Bevan E. The House of Seleucus. London, Vol II. 1902.
11. Bouché-Leclercq. Histoire des Séleucides, Paris, 1913.
12. Buraselis K. Political Gods and Heroes or the Hierarchization of Political Divinity in the Hellenistic World // Modelli eroici dall'antichità alla cultura europea. Roma, 2003. P. 185–197.
13. Caneva, S.G., 'Queens and Ruler Cults in Early Hellenism. Festivals, Administration, and Ideology': Kernos, 2012.
14. Donald F. McCabe, Iasos Inscriptions. Texts and Lists, Princeton, 1991.

15. *Erskine A.* Ruler Cult and the Early Hellenistic City // The Age of the Successors and the Creation of the Hellenistic Kingdoms (323–276 BC). Peeters, 2014.
16. *Habicht Ch.* Gottmenschentum und griechische Städte. München, 1970.
17. *Macurdy G. H.* Hellenistic Queens: a Study of woman-power in Macedonia, Seleucid, Syria, and Ptolemaic Egypt. Baltimore, 1975.
18. *McEwan C. W.* The Oriental Origin of Hellenistic Kingship. Chicago, 1934.
19. OGIS: Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Ed. W. Dittenberger. 3 ed. 1–2. Lipsiae, 1903-1905.
20. *Siekierk P. K.* Stebnicka and A. Wolicki. Women and the Polis. Berlin/Boston, 2021.
21. Supplementum Epigraphicum Graecum. Vol. 12. A. G. Woodhead (ed.). Leiden, 1955.
22. Sylloge inscriptionum graecarum, 3rd ed., post Dittenberger, W., edited by Hiller von Gärtringen, F., Kirchner, J., Pomtow, H.R., and Ziebarth, E., vol. 1–4, Lipsiae, 1915-1924.
23. The Hellenistic Period: historical sources in translation / edited by Roger S. Bagnall and Peter Derow. Blackwell Publishing, 2004.
24. *Welles C. B.* Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934.

Для цитирования: Бурвикова А. А. Царица-Афродита: к особенностям культа царицы в государстве Селевкидов. // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 248 – 253.

Петров Всеволод Владимирович

Социальный состав «Павловых» раннехристианских общин в I веке н.э. (на основе сведений Деяний Апостолов и посланий Апостола Павла)

Аннотация. В статье рассматривается социальный состав раннехристианских общин в I в., основанных апостолом Павлом и (или) испытывающих его влияние. Сведения о наличии и соотношении в общинах представителей разных социальных категорий (в том числе, женщин как социальной группы) извлекаются из текстов, вошедших в Новый Завет и дополняются свидетельствами иных источников. Делается вывод, что христианство I в. изначально более привлекало городских жителей низших классов, но к концу столетия начало вбирать в себя всё больше людей из средних и высших слоёв общества.

Ключевые слова: Апостол Павел; раннехристианские общины; социальное происхождение.

Title: The social composition of the "Pauline" early Christian communities in the I century AD (according to the information of the Acts of the Apostles and the Pauline epistles).

Abstract. The article focuses on the social composition of the early Christian communities in the first century, founded by Paul the Apostle and (or) influenced by him. Information about the representatives of different social categories in communities (including women as a social group) is extracted from texts included in the New Testament and supplemented by other sources. It is concluded that Christianity of the first century attracted more urban residents of the lower classes, but by the end of the century it began to absorb more and more people from the middle and upper strata of society.

Key words: Paul the Apostle; the early Christian communities; social origin.

Значение христианства в истории человечества огромно. И по сей день оно остается крупнейшей религией мира по числу последователей.

Для изучения феномена триумфа христианства следует обратиться к его самым первым последователям, чтобы понять, среди представителей каких групп оно уже тогда получило свою социальную базу, что стало фундаментом для дальнейшего развития на пути к становлению мировой религией.

Петров, Всеволод Владимирович — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; VsVPetroff@yandex.ru

Научный руководитель: *Александров, Борис Евгеньевич*, канд. ист. наук, доц. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Petrov, Vsevolod Vladimirovich — M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; VsVPetroff@yandex.ru

Scientific adviser: *Aleksandrov, Boris Evgenievich*, Candidate of Historical Sciences, Assoc. M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Важным историческим источником, на основании которого можно судить о составе как раннехристианских общин в Палестине, так и общин, основанных Павлом в остальной части Римской империи, являются Деяния апостолов. Но в них присутствуют явные преувеличения, описания чудес и т.п., поэтому при работе с Деяниями необходимо помнить, что не вся информация в них может быть достоверна.

14 посланий Апостола Павла традиционно считаются Церковью написанными им самим, но среди ученых существует определенный консенсус по поводу авторства Павла лишь относительно семи из них. («протопаулинистских»). Остальные же отличаются от них, вызывая дискуссии в научной среде и именуясь «девторопаулинистскими».

Послания адресованы конкретным христианским общинам, но в них, вероятно, представлены сведения не обо всей географии местоположения Павловых общин [13, с. 63]. Помимо этого, исследуемые аспекты не являлись непосредственной темой посланий, поэтому их необходимо тщательно выводить из деталей повествования. Но, вероятно, послания Павла донесли до нас более аутентичную картину раннего христианства I века, чем Деяния [2, с. 103]. Для составления представления о составе основанных самим же Павлом общин их изучение необходимо. Информация аутентичных текстов достаточна достоверна и непредвзята — когда апостол писал их, он не знал, что они станут священными текстами и войдут в Библию. Но при работе с дветоропаулинистскими посланиями следует иметь ввиду их вероятные более позднее происхождение и иное авторство.

Итак, свидетельства о единстве людей, изначально имевших разное материальное положение, мы находим уже в начале книги Деяний (Деян. 2:44-45; 4:34-35). Среди первых христиан были и материально обеспеченные владельцы земельных угодий и объектов недвижимости. Именно благодаря этим людям и средствам от продажи их имущества обеспечивались материальные потребности общины.

Но было и немало христиан, «имеющих нужду». При этом из таких членов общины кто-то был беден в большей, а кто-то в меньшей степени — апостолы старались подходить к конкретной ситуации «смотря по нужде каждого». На актуальность для первых христиан подобного указывает учреждение института диаконов, специально уполномоченных «пещись о столах».

По всей видимости, малообеспеченных верующих было среди первых христиан большинство. Общеизвестно, что первые последователи Иисуса были уроженцами сельской Галилеи [13, с. 102]. Среди примыкавших к ним в дальнейшем преобладали бедняки; первые христиане

вне Иерусалима — в основном простые ремесленники (Деян. Гл. 9). Следовательно, христиане были заинтересованы в увеличении небольшого количества обеспеченных последователей, которые были бы способны делать крупные жертвы на нужды большинства.

Обратимся теперь к рассмотрению социального состава более поздних общин, появившихся благодаря деятельности Павла и его сподвижников.

Для начала следует понять, каков был социальный статус самого Павла. В своих посланиях он рассказывает о себе и своих соратниках — они занимались тяжёлым ручным трудом, т.е. были ремесленниками. (1 Кор. 4:11-12; 1Фес.2:9.) И они занимались этим именно из-за необходимости и отсутствия иных источников дохода («не имеем власти не работать» — говорит Павел в 1 Кор.9:6.) Здесь интересно отметить отсутствие корреляции между юридическим статусом Павла (римский гражданин) и социальным.

Посмотрим теперь на социальный состав тех, кого увлекли его проповеди. Так как Павел останавливался проповедовать в городах, в широком смысле это были горожане [14, р. 9-10]. Учёные в основном сходятся во мнении, что сельских жителей среди первых христиан было немного [10, с. 85].

Социальный состав разных христианских общин зависел от специфики конкретного города. К примеру, обращаясь к коринфянам, Павел пишет: «Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных» (1 Кор. 1:26.) Но неправильно было бы представлять коринфскую общину как исключительно собрание бедного и необразованного народа — Коринф был крупным портовым и торговым городом, и сама вышеприведённая фраза говорит о том, что определенное число «благородных» в Коринфе всё-таки было. Вести споры по имущественным делам (1 Кор. 6:1) также могли лишь люди определённого статуса и имеющие образование [4, с. 380].

Как видно из источников, Павловы христиане хотя в большинстве своём и были небогаты, но не принадлежали к маргинальным элементам общества. Они имели определённый род занятий и доход. Как минимум, об этом свидетельствует призыв Павла оставаться «в каком звании кто призван» (1 Кор. 7:20.) — наличие определённого звания подразумевается. В тексте Деяний можно встретить ремесленника — изготовителя палаток (Деян. 18:2-3.), торговку багрянницей (Деян. 16:14) и т. п. Интересно отметить, что и нехристианский источник («Правдивое слово» Цельса), приводя пример типичных христиан, говорит о шерстобитчиках, сапожниках, валяльщиках [9, с. 288]. Хотя это наименее престижные ремесленнические профессии в античных городах [10, с. 85], данное сви-

детельство показывает, что христиане не были исключёнными из системы социально-экономических связей элементами.

В источниках мы встречаем немало упоминаний и о рабах. Особые увещания свидетельствуют о наличии рабов в числе паствы, причём были они в немалом количестве и во всех общинах — поэтому Павлу и приходилось включать поучения для рабов в тексты своих посланий к различным Церквям. Помимо этого, прямо говорится, что беглым рабом был сподвижник Павла Онисим (Флм. 1:16). В данном моменте показательно то, что его хозяин был христианином. Это показывает, что христианство не накладывало на своих состоятельных последователей никаких ограничений на владение рабами.

Ранние христиане принимали к себе и более нуждающихся, чем они сами — нищих, больных, калек [10, с. 87]. Для помощи таким и обеспечения общецерковных материальных потребностей Павел ввёл систему сборов средств с паствы. Коринфянам он говорит еженедельно откладывать для этой цели «сколько позволит состояние» (1 Кор. 16:2), такая же практика существовала и в галатийских общинах (1 Кор. 16:1). Очевидно, христианам были необходимы люди, чьё состояние позволяло бы откладывать на нужды большинства членов общины больше, чем простые горожане.

Хотя в целом в раннехристианских текстах тема богатства получает негативное раскрытие [7, с. 124] — от евангельских поучений («удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие» (Лк. 18:25)) до слов Павла «если кто не хочет трудиться, тот да не ешь» (2 Фес. 3:10) — среди первых христиан были представители привилегированных слоёв общества. Причём для общин имело значение не только и не столько их богатство в денежном эквиваленте, сколько их влияние в той или иной сфере или регионе, что было полезным для распространения христианства в тех или иных местах.

Наличие определённого количества «благородных» Павел подразумевает в Коринфе. На Кипре христианином стал сам проконсул острова Сергей Павел (Деян. 13:7-12) (имя его, возможно, указывает на принадлежность к римскому патрицианскому роду Сергиев), в Афинах — член Ареопага Дионисий (Деян. 17:34), немало представителей знати уверовало в Фесслониках (Деян. 17:4) и в Верии (Деян. 17:12).

Конечно, наиболее влиятельные и знатные христиане проживали в Риме. Уже тогда были христиане в претории (Фил. 1:13) и даже христиане, состоящие при императорском дворе (Фил. 4:22). В послании к Римлянам упоминаются городской казнохранитель Ераст (Рим. 16:23), а также христиане из домов Наркисса и Аристовула, отождествляемых с

Нарциссом, секретарём императора Клавдия, и Аристовулом, проживающим в Риме внуком Ирода Великого и также другом Клавдия [3, с. 343]. Нельзя умолчать также о свидетельстве Евсевия о том, что как христиане пострадали консул 95 года Тит Флавий Климент и Флавия Домицилла, родственники самого императора Домициана (Eus. Hist.Eccl.,3.18.4, пер. М.Е. Сергеенко).

Важно рассмотреть и присутствие в рассматриваемых общинах женщин. Христианское вероучение (в том виде, в котором оно сформировалось в результате деятельности Павла) отводило женщинам в браке и в повседневной жизни принципиально иную роль по сравнению с тем, что было принято в языческом обществе [12, с. 109]. Неудивительно, что женщины, по сути являвшиеся ущемляемой социальной категорией римского общества, откликнулись на христианскую проповедь в не меньшей степени, чем представители других таких же категорий. Они были уже в числе прижизненных последователей Иисуса, составивших ядро первой христианской общины (Деян.1:14).

Из женщин, присоединившиеся к христианству в ходе его дальнейшего распространения, источники персонально упоминают знатных и материально обеспеченных: к примеру, Тавифа из Иоппии имела возможность «творить много милостынь» (Деян. 9:36). Возможно, именно женщины первыми из верхов городского населения начали переходить к христианам [11, с. 160].

Вместе с тем, в раннехристианских общинах было и немало женщин низкого социального положения - вольноотпущенницы, рабыни, переселенки из других регионов империи, выпавшие из привычных социальных связей [11, с.159]. Из источников видно и наличие в христианской общине немалого числа вдов (1Тим. 5:3-16; Деян. 9:39.).

Женщины, приходившие в христианские общины из разных социальных категорий, занимали заметное место внутри этих общин. Стоит отметить существовавший уже в Павловых общинах институт диаконисс, исполнявших некоторые обязанности по церковному служению и взаимодействию с женской частью общины [6, с. 580-581]. Само наличие этого института свидетельствует о заметном количестве женщин среди ранних христиан.

Итак, социальный состав раннехристианских общин был неоднородным и зависел от региона и конкретного города. При жизни Павла подавляющее большинство христиан были именно горожанами. Это были люди разных профессий, рабы и свободные, разного возраста и обоих полов (на это указывают поучения из посланий). Однако изначально хри-

стианское учение более привлекало представителей низших, социально обделённых категорий римского общества.

К концу рассматриваемого периода наблюдаются новые тенденции в социальном составе общин. Увеличивается число христиан из средних и высших слоёв общества. Сами общины были заинтересованы в таких людях (материально обеспеченных и влиятельных) для пополнения своих средств и содействия в распространении своего учения в различных регионах. В то же время христиане становятся заметны и в сельской местности (Plin. Jun. X.96.9, пер. А.И. Доватура и М.Е. Сергеенко).

Список использованных источников и литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Синодальный пер. М., 1988. 1388 с.
2. *Вермеш Г.* Христианство: как всё начиналось / Пер. с англ. Г.Г. Ястребова. М., 2014. 384 с.
3. *Гарнак А.* Миссионерская проповедь и распространение христианства в первые три века / Пер. с нем. А.А. Спасского. СПб., 2007. 384 с.
4. Добшоц Э. Древнейшие христианские общины // Раннее христианство: в 2 т. / Пер. с нем. Н. Кремлевой, Л. Добиаш, Блауберга. М., 2001. Т. 1. С. 353–651.
5. Евсевий Кесарийский. Церковная история / Ввод ст., коммент. И.В. Кривушина / Пер. М.Е. Сергеенко. СПб., 2013. 544 с.
6. *Желтов М.С.* Дияконисса. // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2007. Т. XIV. С. 580–587.
7. *Кубланов М. М.* Возникновение христианства: Эпоха. Идеи. Искания. М., 1974. 216 с.
8. Письма Плиния Младшего: Кн. I–X. / Изд. подгот. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватур, 2-е изд. М., 1982. 407 с.
9. Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990. 479 с.
10. Свенцицкая, И.С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1987. 336 с.
11. Свенцицкая И.С. Женщина в раннем христианстве // Женщина в античном мире: Сб. статей / Маринович Л.П. и др. (отв. ред.) М., 1995. С. 156–167.
12. Фаррар Ф. Первые дни христианства: в 2 ч. / Пер. с англ. А.П. Лопухина. СПб., 1888. 993 с.
13. *Эрман Б.* Триумф христианства. Как запрещённая религия перевернула мир / Пер. с англ. Н.Л. Холмогоровой. М., 2019. 384 с.
14. *Meeks W. A.* The First Urban Christians: The Social Word of the Apostle Paul. New Haven and London: Yale, 2003. 320 p.

Для цитирования: *Петров В. В.* Социальный состав «Павловых» раннехристианских общин в I веке н.э. (на основе сведений Деяний Апостолов и посланий Апостола Павла) // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 254 – 259.

Становление городской культуры в Уйгурском каганате в VIII–IX вв.

Аннотация. На основании письменных и археологических источников автором устанавливаются политические, экономические и социальные предпосылки возникновения и развития городской культуры в VIII–IX веках; выделяются некоторые закономерности и особенности, характерные для городов кочевого общества на примере урбанизации на ранних этапах существования таких политических структур, как Уйгурский каганат. Цель поставлена в виду важности рассмотрения процесса урбанизации как естественного многоукладного социально-экономического явления, характерного для большинства обществ Евразии.

Ключевые слова: крепостные сооружения, города, городская культура, уйгуры, Уйгурский каганат, согдийцы, климатические колебания.

Title: Formation of urban culture in the Uighur Kaganate in VIII–IX.

Abstract. On the basis of written and archaeological sources, the author establishes the political, economic and social prerequisites for the emergence and development of urban culture in the VIII–IX centuries; highlights some patterns and features characteristic of cities of nomadic society on the example of urbanization in the early stages of the existence of such political structures as the Uighur Kaganate. The goal is set in view of the importance of considering the process of urbanization as a natural multi-layered socio-economic phenomenon characteristic of most Eurasian societies.

Keywords: fortifications, cities, urban culture, Uighurs, Uighur khaganate, Sogdians, climatic fluctuations.

Вопрос становления городской культуры в степной зоне Евразии является одним из наиболее интересных в виду значительного числа как материальных, так и письменных источников. Однако стоит отметить, что наиболее подробное описание в научных и публицистических работах получили крупные памятники уже зрелого и позднего средневековья (например, монгольский Каракорум). В то же время многие комплексы, относящиеся к более раннему, уйгурскому, времени не попадают в поле зрения исследователей. Тем не менее, интерес к городской тематике в разное время побуждал исследователей обращаться к памятникам уйгурского периода, поскольку именно с них началось формирование урбани-

Моисеев, Максим Геннадьевич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st095365@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Шорохов, Владимир Андреевич*, канд. ист. наук, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Moiseev, Maksim Gennadievich — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st095365@student.spbu.ru

Scientific supervisor: *Shorokhov, Vladimir Andreevich*, Candidate of Historical Sciences, Docent. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

стических центров в степи. Благодаря ряду археологических экспедиций стали более реально восприниматься сведения письменных источников о городах и месте оседлой культуры в жизни Уйгурского каганата. (Илл. 1).

Однако, прежде чем говорить о предпосылках становления центров оседлой жизни, стоит дать определение города применительно к степным державам. Существует множество трактовок роли поселений в жизни кочевых скотоводов: от центров торговли до мест скопления обедневших номадов, неспособных вести привычный образ жизни [5, с. 149–151]. Автор данной работы солидарен с А. М. Хазановым, утверждающим, что города в степной зоне формировались или завоёвывались кочевниками с целью получения ремесленной и сельскохозяйственной продукции, а также осуществления централизованного управления подчинёнными областями [12, с. 367–368]. За счёт этого номады могли удовлетворить те потребности, которые не отвечали уровню производительности кочевого хозяйства. Такие города возникали несколько искусственно, однако они были необходимы для поддержания внутренней жизни кочевой империи.

Теперь следует выделить факторы, повлиявшие на формирование центров оседлости в степи. К ним автор относит следующие: политические, социально-экономические и природно-климатические.

Начать стоит с политических предпосылок, поскольку в середине VIII века для Уйгурского каганата наступило благоприятное время. В 747 году на престол кочевой державы взошёл Моян-чур, более известный в источниках как Элетмиш Бильге-каган [8, с. 39]. Его деяния неплохо отражены как в китайских хрониках, так и в каменных стелах из долин рек Селенги (Могойн-Шине-Усу), Хойт-Герхин и Тэсийн-гол. Благодаря этим надписям исследователи обнаружили первые упоминания о крепостях и городах в рассматриваемый период. Само правление Элетмиш Бильге-кагана в целом характеризуется стабильностью в отношениях с Китаем и успешной экспансией в Монголии и Туве, за счёт которой было достигнуто спокойствие среди покорённых народов в рамках тогуз-огузской (уйгурской) конфедерации племён. Помимо этого, на основании текста надписи следует, что расширение Уйгурского каганата сопровождалось строительством оборонительных сооружений и крепостей [8, с. 40]. Особенно интересна в этом отношении Тува, так как именно там по предположению Л. Р. Кызласова в своих северных владениях правитель устроил большинство фортов каганата в регионе, а также стационарную ставку наместника (Шагонарское городище III) [7, с. 61]. Помимо крепостей в Туве, источники указывают места и время закладки этим каганом двух хорошо известных городов — Бай-Балыка на Селенге и Орду-Балыка на Орхоне [8, с. 42–43]. Последний стал главной ставкой кагана и непо-

средственной столицей уйгуров вплоть до своего разрушения под ударами енисейских кыргызов в 840 году. Во внешней политике Элетмишу также повезло, поскольку китайская империя Тан в этот момент находилась на грани падения в связи с восстанием Ань Лушаня. В течение 756–765 годов уйгурские войска с перерывами участвовали в гражданской войне в Китае [3, с. 103–104]. Танская династия выстояла, но цена победы была слишком высокой. Каганы, установив фактический военный протекторат над Китаем, вынудили подписать его ряд политических и торговых соглашений, крайне невыгодных для Танов [13, с. 300–301]. По данному разделу следует заключение: политическая деятельность Элетмиш Бильге-кагана была направлена на установление стабильной центральной власти в монгольских степях. Он смог поддержать внутренний мир и направить усилия на усмирение и покорение наиболее сильных противников, попутно уже в середине VIII века основывая первые городские агломерации. Как отмечает И. Л. Измайлов, строительство крупных центров — это «не отдельные и изолированные действия, а часть большой градостроительной политики, попытка укрепить свою власть в ключевых регионах и стабилизировать её» [2, с. 51].

Следующими немаловажными факторами были социальные и экономические изменения у уйгуров. По А. М. Хазанову, существует несколько вариантов адаптации кочевого хозяйства в зависимости от природно-климатических условий и уровня отношений с оседлыми обществами [12, с. 322–323]. Первый вариант — это грабительские набеги на соседние территории с целью захвата скота, сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий. Второй — торговля в основном с сельскохозяйственными и городскими обществами или посредничество между различными оседлыми обществами. Есть и третья альтернатива — седентаризация или переход к земледелию, но она становится возможной при коренной структурной ломке кочевого хозяйства [12, с. 170]. В случае с Уйгурским каганатом можно говорить о развитии в рамках второго и третьего вариантов адаптации. Конечно, основой хозяйственного развития уйгуров оставалось экстенсивное скотоводство, а до перехода к оседлости было ещё далеко. Однако в каганате сложилась ситуация, в которой торговые операции в условиях политической стабильности возобладали над традиционными формами обогащения, то есть над набегами на соседние сельскохозяйственные народы. Такое экономическое своеобразие возникло благодаря ряду факторов. Во-первых, заключенные уйгурами договоры поставили Китай в военную зависимость от дружин кагана. Взамен Таны обязались вести торговые операции на уйгурских условиях, покупая лошадей по завышенным ценам и обменивая их на несколько десятков

тюков шёлка (изначально, 40 тюков шелка, а с начала IX века целых 50) [13, с. 301]. Фактически это означало, что империя Тан стала содержать экономику Уйгурского каганата. В этом смысле государство уйгуров стало первым в своём роде примером кочевой империи, которой не нужно было вести постоянные войны с соседями для выживания. Во-вторых, с политической консолидацией Уйгурского каганата можно говорить о восстановлении почти заброшенного северного отрезка Великого Шёлкового пути. Достаточно сложно определить, какой был масштаб товарооборота, проходившего через уйгурские степи, но арабские источники сообщают о городе, в котором было многочисленное население, толчеи, рынки и развитая торговля [10]. Под городом подразумевается столица каганата — Орду-Балык, — эти же данные подтверждаются археологией [4, с. 93–94]. В-третьих, необходимо отметить особую роль отдельных социально-этнических групп, начавших своё активное проникновение в экономику и культуру каганата. Здесь стоит упомянуть согдийцев — советников и эмиссаров уйгурского кагана. Под их влиянием значительное развитие получили земледелие и градостроительство, манихейские религиозные представления и торговая сфера и т.д. [7, с. 77, 84–89] Во многом выходцы-колонисты из Восточного Туркестана стали наставниками уйгуров. Последние, в свою очередь, усвоили «уроки» и стали реализовывать свои культурные программы. В связи с этим стоит отметить характерную особенность формирования ранних стационарных поселений: этот процесс не стал случайным эпизодом уйгурской истории, а явился сложной программой последовательной урбанизации региона, проводимой выходцами из Согдианы.

На складывание урбанистической культуры уйгуров повлияли и климатические колебания в VIII–IX вв. (Илл. 2). При относительно малой солнечной активности циклоны, проносясь над степями, задерживаются горными вершинами Алтая и Тянь-Шаня, где влага выпадает дождями и питает степные реки и озёра, например, Арал. [1, с. 44–52]. Соответственно, крупные реки, такие как Орхон, Селенга и Енисей, также зависят от этих колебаний климата. На начало VIII века имеются данные, подтверждающие частичный переход сначала части тюрок, а потом и уйгуров к земледелию. Подобные сведения применительно к Туве и долине Енисея приводит Л. Р. Кызласов, где были найдены многочисленные находки сломанных зернотерок, жерновов и каменных ручных мельниц [6, с. 74–75]. С. В. Киселёв в ходе раскопок столицы уйгуров также отметил, что раньше Орхон подходил к самым стенам столицы, за счёт чего было возможно строительство ирригационной системы и усадеб с фруктовыми садами [4, с. 93–94]. Это говорит о том, что реки стали полноводными, а

степь пригодной для сельскохозяйственного освоения. Следовательно, к моменту восхождения уйгуров появились условия для привлечения оседлого населения, которое в долинах крупных рек по приказу кагана стали основывать крупные городские центры ремесла и торговли.

В заключении стоит подчеркнуть, что городская культура в степной зоне стала активно развиваться в уйгурское время в виду ряда благоприятных факторов: удачной внутри- и внешнеполитической обстановки, повышенной влажности в аридной степной зоне и, как следствие вышеперечисленного, перестройки социально-экономической структуры уйгурского хозяйства. Источники дают вполне чёткие представления о политической необходимости развития городов как центров власти кагана на местах. Важную роль в вопросе развития стационарных поселений сыграл Элетмиш Бильге-каган, основавший наиболее крупные памятники уйгурского периода — столицу Орду-Балык и северную резиденцию Бай-Балык. Экономика под влиянием климатических колебаний стала изменяться. Постепенно развивается земледельческая культура, в то время как уйгурская элита осваивает технологические и культурные новшества, заимствованные от китайцев и, в особенности, от согдийских колонистов. Несмотря на незавершённость седентаризации Уйгурского каганата в монгольских степях, окончательное оформление уйгурской городской культуры приходится на X–XI века в Турфанском оазисе.

Список использованных источников и литературы

1. Гумилёв Л. Н. Изменение климата и миграции кочевников. // Природа. 1972. N 4. С. 44–52.
2. Измайлов И. Л. Тюркская городская цивилизация: очерки теории и истории. Казань, 2022. С. 48–51.
3. Камалов А. К. Древние уйгуры VIII–IX вв. Алматы, 2001. 216 с.
4. Киселёв С. В. Древние города Монголии // Советская археология. 1957. N 2. С. 91–101.
5. Крадин Н. Н. Города в кочевых империях Внутренней Азии // В поисках сущности: Сб. статей в честь 60-летия Н. Д. Руссева. Кишинев, 2019. С. 149–170.
6. Кызласов Л. Р. Средневековые города Тувы // Советская археология. 1959. N 3. С. 66–80.
7. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 212.
8. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М., 1959. 112 с.
9. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации - Лев Гумилёв [Эл. ресурс] // Электронная библиотека книг iknigi.net. URL: <https://iknigi.net/avtor-lev-gumilev/60053-ritmy-evrazii-epochi-i-civilizacii-lev-gumilev/read/page-20.html> (дата посещения: 11.03.2024).
10. Тамим ибн Бахр в гостях у орхонских уйгуров: классический арабский источник в новом переводе Кумекова [Эл. ресурс] // Форум «Евразийского исторического

сервера». URL: <https://forum-eurasica.ru/topic/5415-тамим-ибн-бахр-в-гостях-у-орхонских-уйгуров-классический-арабский-источник-в-новом-переводе-кумекова/> (дата посещения: 11.03.2024).

11. *Такачев В. Н.* История монгольской архитектуры. М., 2009. 288 с.

12. *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002. 604 с.

13. Baumer C. The Age of the Silk Roads // The History of Central Asia, 4- volume set. – London, 2014. Vol. 2. 397 p.

Для цитирования: Моисеев М. Г. Становление городской культуры в Уйгурском каганате в VIII–IX вв. // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 260 – 265.

Внешнеполитические тенденции в Османской империи и Прусском королевстве в начале XVIII века: предпосылки политического диалога

Аннотация: Сражение при Зенте в 1697 году ознаменовало конец времен, когда турки и бранденбуржцы противостояли друг другу с оружием в руках. Великая турецкая война стала отголоском того самого «Турецкого страха», который символизировал упаднические общественные настроения по всей Европе, вызванные расширением Османской империи после падения Константинополя в 1453 году. Последствия же избавления Европы от этого страха были сокрушительными для Османской империи и побудили ее рассмотреть альтернативные пути взаимодействия с западными соседями. В данной статье объясняется, что именно побудило Высокую Порту искать союза у молодого Прусского королевства в центре Европы и почему прусский король рассматривал султана как потенциального союзника.

Ключевые слова: Османская империя, Пруссия, Габсбурги, дипломатия, система международных отношений, Карловицкий мирный договор.

Title: Foreign affairs trends in the Ottoman Empire and the Kingdom of Prussia in the early 18th century: prerequisites for political dialogue.

Abstract: The Battle of Zenta in 1697 signalled the end of a time when Turks and Brandenburgers confronted each other in arms. The Great Turkish War was an echo of the very "Turkish Fear" that symbolised the decadent public sentiment across Europe caused by the expansion of the Ottoman Empire after the fall of Constantinople in 1453. The consequences of ridding Europe of this fear were devastating for the Ottoman Empire and led it to consider alternative ways of engaging with its western neighbours. This article explains what exactly prompted the Sublime Porte to seek alliance with the young Kingdom of Prussia in the centre of Europe and why the Prussian king saw the Sultan as a potential ally.

Keywords: Ottoman Empire, Prussia, Habsburgs, diplomacy, system of international relations, Karlowitz Peace Treaty.

Первое документально подтвержденное дипломатическое взаимодействие Османской империи и Пруссии относится к январю 1718 года, когда великий визирь Нишанджи Мехмед-паша отправил письмо старшему министру Пруссии [9, S. 357]. Анализ этого документа доказал, что уже

Первушин, Алексей Михайлович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st097810@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Жевелева, Александра Владимировна*, канд. ист. наук, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Pervushin, Aleksei Mikhailovich — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st097810@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Zheveleva, Aleksandra Vladimirovna*, Candidate of Historical Sciences, Assoc. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

тогда отношение Великой Порты к новому северному партнеру изобилует выражениями дружбы и благоволения. Данное исследование вдохновлено в том числе и более поздними документами политической переписки короля Фридриха Вильгельма I с султаном Ахмедом III [14, С. 9–13]. Они позволили утверждать, что Пруссия планировала установление прямых торговых отношений с Османской империей еще со времен правления короля Фридриха I, а первые прусские посланники поспособствовали подготовке почвы для коммерческого союза, достигнутого в 1761 году уже при третьем прусском короле — Фридрихе II. Однако не менее актуальной является задача поиска предпосылок развития двусторонних османско-пруссских отношений в XVIII веке.

В историографии продолжительная война «Священной лиги» иногда носит название «последнего Великого Страх» [4, с. 240]. В действительности не все державы христианского союза были заинтересованы в мире после нескольких победоносных сражений финального периода войны. В частности, русский царь Петр I стремился продолжать боевые действия. Однако центральные персонажи конфликта (австрийский император и турецкий султан) при посредничестве Англии пришли к выводу о необходимости подписания перемирия на продолжительный срок. Англия и Голландия также повлияли на то, что турки заключили мир со всеми членами Священной лиги, а не только со Священной Римской империей [2, с. 345]. 26 января 1699 года был подписан Карловицкий договор сроком на 25 и более лет, включая лишь незначительные поправки к принципу *uti possidetis* («чем владеете, тем и владейте») [2, с. 346]. Для Османской империи почти все великие завоевания Сулеймана I Кануни были потеряны: Венгрия с Трансильванией (за исключением Баната, да и то ненадолго) отошли Габсбургам, положив начало политическому преобладанию этой династии на Балканах.

Это мирное соглашение знаменует собой поворотный момент в европейской истории: никогда еще султан Константинополя не складывал оружие перед немусульманской державой. Можно со смелостью заявлять, что Карловицкий мир заложил основу дальнейшего возвышения Габсбургской монархии и стал отправной точкой эпохи военного упадка и стагнации Османской империи [3, с. 59; 2, с. 347; 10, S. 349].

Окончание такого крупного трансъевропейского конфликта (если помнить, что параллельно с войной Священной лиги в 1688–1697 годах протекала не менее серьезная война Франции с Аугсбургской лигой) не могло остаться без логического продолжения — возникновения на карте Европы новых альянсов, ведущих к неизбежной эскалации взаимной агрессии. Начало XVIII века засвидетельствовало не только возвышение Пруссии

и вступление новообразованного королевства в ряды великих держав Европы, но и аналогичные процессы, происходившие в то же время в России. Петр I Великий был готов к выстраиванию внешней политики своего растущего государства сообразно с идеями широкомасштабной экспансии в северо-западном и южном направлениях. Россия обладала большими территориальными, людскими и идеологическими ресурсами, чем христианская Европа с ее вечными внутренними противоречиями. Кроме того, влияние, которое Москва в теории могла оказать на православных подданных Константинополя, было несравнимо с католическим влиянием Запада. Потому русский государь угрожал стать султану более грозным соперником, чем все европейские лидеры вместе взятые.

Войдя в новое столетие с ворохом нерешенных проблем [2, с. 350–353], Османская империя оказалась уже не в роли экспансионистской европейской державы. Ее международный статус перешел из предмета военной в предмет дипломатической дискуссии. Однако старые враги османов — австрийцы и венецианцы — совместно с новыми врагами — русскими — не отказывались от стремления отщепить от империи выгодные для себя земли. Таким образом, те десять лет после подписания Карловицкого мирного договора в истории иностранных дел Порты можно назвать «затишьем перед бурей», ибо за последующее десятилетие турки уже в локальных военных конфликтах потеряли больше европейских владений, чем приобрели, а опасность османской экспансии в Европу была предотвращена окончательно.

Великая Северная война (1700–1721) стала первым серьезным кризисом нового столетия, который вопреки намерениям султана Ахмеда III заставил его выступить против России и даже позволил преуспеть в этой кампании. Конфликт на турецкой границе возник так же и вопреки желаниям Петра I, который хоть и не был доволен результатом Константинопольского мира 1700 года, во время войны со Швецией все-таки добивался стабилизации южных границ России. Даже после бегства шведского короля Карла XII в 1709 году русская дипломатия по отношению к султану была настроена на компенсацию, а царь надеялся пленить своего политического соперника Карла во время его возвращения на родину через польские земли [5, с. 859]. Однако сторонники реваншистской войны против России в Порте взяли верх. В частности, во внешней политике Османской империи продолжали иметь вес (по аналогии с предыдущим столетием) интриги крымского хана, на тот момент Девлет II Герая, который был крайне недоволен наращиванием русскими военно-морского могущества на Азовском море и продолжал добиваться возобновления войны с Россией [2, с. 356]. Нельзя исключать, что на объявление Пор-

той войны Русскому государству 20 ноября 1710 года повлияло и мнение Карла XII, стремящегося мобилизовать своих союзников — Ахмеда III, Девлет II Герая, запорожских казаков и контингенты поляков, поддерживавших С. Лещинского. Имели место и старания французского посла распалить турецко-русский конфликт [4, с. 242].

После успешно завершившейся для турецкой стороны Прутской кампании (июнь–июль 1711 года) и заключения выгодного Адрианопольского мира с Россией (июнь 1713 года), Высокая Порта будто бы снова поверила в свои силы. Претензии к русской стороне на мирных переговорах дошли до того, что был поставлен вопрос о возобновлении выплат так называемых «поминок» (ежегодной дани) в Крым, в размере 18000 рублей. Русским дипломатам стоило большого труда перенести тогда это обсуждение «на другое время» [1, с. 141].

Вторым событием во внешней европейской политике осман стала грянувшая сразу за Адрианопольским миром Турецко-венецианская война (1714–1718), последняя в ряду войн «Серениссимы» с Блистательной Портой. Главной причиной начала этого столкновения можно вновь назвать нестабильные реваншистские идеи, господствовавшие в османской элите после смерти великого визиря Хусейн-паши Кепрюлю (1702), препятствовавшего эскалации конфликта во имя восстановления военной мощи империи [16, S. 163–166]. В итоге на момент начала войны с Венецией османы обладали крайне ограниченными результатами военных преобразований и слепым воодушевлением после провального Прутского похода русского царя. Великий визирь Силахдар Али-паша, занимавший свой пост с 1713 года, будучи сторонником наступательной политики в отношении европейских соседей, планировал пересмотр Карловицкого договора. Таким образом, в долгосрочной перспективе война с Венецией представляла собой попытку Османской империи пересмотреть мирные условия 1699 года. Под предлогом того, что венецианцы поддерживают православных повстанцев в Черногории, 9 декабря 1714 года Османская империя объявила войну Венецианской республике.

Первый этап войны складывался для турок относительно удачно: им удалось занять весь Пелопоннес, отобрать у венецианцев последние владения на Крите и завоевать остров Тинос. Ссылаясь на Священную лигу 1684 года, Венеция призывала Габсбургов вмешаться в войну, однако император Карл VI, чья армия и финансы еще не оправились после Войны за испанское наследство, колебался. Лишь получив от Франции гарантии невмешательства, Карл возобновил союз с Венецией и в апреле 1716 года выступил против турок [12, S. 102]. Это событие коренным образом изменило ход войны. В генеральном сражении при Петервардене (5 августа

1716 года) принц Евгений Савойский разгромил превосходящие силы турок и открыл прямую дорогу на Белград, который был взят австрийскими войсками через год. После многочисленных поражений султан был готов к миру, как и романо-германский император, которому грозил новый конфликт с испанцами из-за Сардинии. Австрийские завоевания были подтверждены в Пожаревацком мирном договоре (21 июля 1718 года) при британско-голландском посредничестве: Австрия получила Банат, западную Валахию, северную Сербию с Белградом и части северной Боснии. Венеция сохранила за собой крепости в Далмации и Ионические острова, но, с другой стороны, окончательно уступила Морею османам и вышла из круга великих европейских держав [13, S. 195]. С Пожаревацким миром окончательно угасла опасность новой османской экспансии в Европе. Австрия подтвердила завоевания, за которые боролся принц Евгений, и стала территориально преобладать на юго-востоке Европы. В Русско-австро-турецкой войне (1735–1739) районы к югу от Дуная снова были потеряны, но районы к северу от него оставались территорией Габсбургов вплоть до 1918 года.

Таким образом, первое двадцатилетие в истории Пруссии на политической карте Европы выдалось относительно успешным и независимым от воли внешних игроков. Поражения сначала французского блока в Войне за испанское наследство и затем Швеции в Северной войне, а также взаимовыгодное сотрудничество с Ганноверской династией английских королей действительно дали возможность Пруссии поднять свой престиж и военную мощь в рекордно короткие сроки. Впрочем, в складывающемся мире политических противовесов, когда на востоке набирало силу гораздо более богатое ресурсами Русское государство, приобретшее титул империи после Ништадтского мира 1721 года, Пруссии было жизненно необходимо устанавливать и развивать свою паутину дипломатических связей как в Западной, так и в Восточной Европе. У Пруссии не было ни общей границы с Турцией, ни своего представительства в Константинополе. Однако еще в XVII веке представителям княжества Бранденбург-Пруссия уже не раз приходилось сталкиваться с вассалами османского султана на ковре переговоров: прецедент существовал, оставалось выйти на прямой контакт с Блистательной Портой. Все эти факторы открывали перед новообразованным королевством множество возможностей для взаимовыгодного сотрудничества с Османской империей и делали прусского короля в глазах султана потенциальным союзником, не преследующим цель навредить османскому суверенитету в Европе.

Список использованных источников и литературы

1. *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990. 205 с.
2. *Бальфур Д. П.* Османская империя. Шесть столетий от возвышения до упадка. XIV–XX вв. / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. М., 2021. 639 с.
3. *Белковец Л. П.* История Германии в эпоху абсолютизма. 1648–1789: монография. М., 2022. 144 с.
4. *Кардини Ф.* Европа и ислам: история непонимания / Пер. с итал. А. Митрофанова. СПб., 2007. 332 с.
5. *Кельса И.* Карл XII и Прутский поход Петра I // Материалы XXIX международной научной конференции «Россия и мир в исторической ретроспективе». Т. 2. СПб., 2023. С. 858–861.
6. *Мальчик А. Ю., Осмонова Э. Ж.* Дипломатические традиции Османской империи и ее отношения с европейскими государствами // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2021. Т. 21, № 6. С. 17–21.
7. *Adanır K. H.* XVIII.YY Osmanlı-Prusya İlişkileri. Lisans tezi. Edirne, 2021. 35 s.
8. *Beydilli K.* Büyük Friedrich ve Osmanlılar: XVIII. yüzyılda Osmanlı-Prusya Münâsebetleri. İstanbul., 1985. 242 s.
9. *Beydilli K.* Prusya: Bugünkü Almanya'nın doğu kesiminde kurulmuş Berlin merkezli Alman krallığı // TDV İslâm Ansiklopedisi. 2007. Cilt 34. S. 354–358.
10. Biographisches Lexikon zur Geschichte Südosteuropas / Hrsg. von M. Bernath und F. v. Schröder. München, 1979. 500 S.
11. *Feckl K. L.* Preußen im Spanischen Erbfolgekrieg. Bern, 1979. 231 S.
12. *Hummelberger W.* Unser Heer. 300 Jahre österreichisches Soldatentum in Krieg und Frieden. Wien, 1963. 546 S.
13. *Matuz J.* Das Osmanische Reich. Grundlinien seiner Geschichte. Darmstadt, 1985. 354 S.
14. *Refik A.* Osmanlılar ve Büyük Frederik. İstanbul: Matbaa-i Orhâniye, 1333/1915. 47 s.
15. *Schwarz K.* Brandenburg-Preussen und die Osmanen: Frühe Beziehungen in Überblick // Osmanlı Araştırmaları. 1989. C. IX, S. 9. S. 361–379.
16. *Werner E., Markov W.* Geschichte der Türken: Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin, 1979. 378 S.

Для цитирования: *Первушин А.М.* Внешнеполитические тенденции в Османской империи и Прусском королевстве в начале XVIII века: предпосылки политического диалога // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 266 – 271.

Рецепция прошлого в творчестве Ким Сандона: шаманизм и современное искусство

Аннотация: В статье рассматривается творчество Ким Сандона — одного из ярких представителей современного корейского искусства. Посредством обращения к традициям родной страны художник пытается пробудить в соотечественниках любовь и уважение к истории и культуре Кореи, а также указать на глобальные проблемы современности. Каждый элемент произведений Кима пронизан символическим значением, отсылающим зрителя к шаманским ритуалам и другим корейским традициям прошлого.

Ключевые слова: современное корейское искусство, южнокорейское искусство, Ким Сандон, шаманизм

Title: Reception of the past in the art of Kim Sangdon: shamanism and modern art.

Abstract: The article examines the work of Kim Sandon, one of the brightest representatives of contemporary Korean art. By referring to the traditions of his native country, the artist tries to awaken love and respect for the history and culture of Korea in his compatriots, as well as to point out the global problems of modernity. Each element of Kim's works is imbued with symbolic meaning, referring the viewer to shamanic rituals and other Korean traditions of the past.

Key words: contemporary Korean art, the art of South Korea, Kim Sangdon, shamanism

Шаманизм является традиционным верованием корейцев с древних времен, в наши дни он не исчез и является частью жизни фактически каждого корейца. На протяжении столетий на Корейский полуостров проникали разные религии, они проходили через стадии отрицания, принятия, а иногда и запрета. Параллельно с ними все это время существовал шаманизм. XX столетие стало тяжелым, переходным этапом в истории Кореи и начиная с 60-х годов в Республике Корея как правительство, так и граждане стали обращаться к национальным традициям, истории и современным глобальным проблемам.

Так, начиная со второй половины XX века, корейские деятели искусства обращаются к истории, традиционной культуре и пытаются пробудить в

Антипова, Софья Ильинична — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st095365@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Мартынова, Дарья Олеговна*, канд. иск, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Antipova, Sofya Ilyinichna — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st095365@student.spbu.ru

Scientific supervisor: *Martynova, Daria Olegovna* Candidate of Historical Sciences, Docent. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

корейском народе память о своей истории. Именно таким художником является Ким Сандон. Цель настоящей статьи — раскрыть особенности творческих исканий современного корейского мастера.

Ким Сандон родился в 1973 году в Сеуле и происходит из семьи северокорейских беженцев, его дедушка бежал из КНДР. Учился в Берлинском университете искусств, затем вернулся в Корею и до сих пор живет и работает в Сеуле. Он участвовал в десятках групповых выставок, а также проводил ряд собственных [7].

При создании произведений искусства художник прибегает к различным техникам и применяет всевозможные материалы: он часто отмечает в своих интервью, что старается использовать материалы и предметы, которые встречаются каждому в повседневной жизни, например, стремянки, лестницы, посуду и т.д. Кроме того, Ким Сандон создает произведения искусства из дерева с помощью техники резьбы. Он применяет и бетон, через который пытается передать тяготы жизни «простых людей» в классовом обществе со сложной социальной структурой. Как бетон скрепляет блоки в единый комплекс, так и социальная структура крепко держит людей в определенных рамках. Важно отметить, что корейское общество обладает сложнейшей социальной структурой, которая держит корейца в четких границах, и ему нужно выживать в ней от первых дней жизни и до последнего вздоха. Таким образом, Ким Сандон использует широкий спектр медиа и обращается к основным системам репрезентации в Корее через материалы, встречающиеся в повседневной жизни. В скульптурах и инсталляциях он мобилизует элементы корейского шаманизма, память о японской колонизации, современной политики и проявлений гиперпотребления.

По мнению Кима, шаманский политеизм и плюрализм служат важными способами понимания мира, поскольку они не отвергают светское, а стремятся к сакральному. Мировоззрение шаманской веры коренится в осознании и интеграции общины и коренной, древней культуры Кореи. По словам Кима, когда вся человеческая цивилизация переживает трудные времена, кризисы, люди вновь вынуждены обращаться к давним духовным культурам, основанным на коллективном катарсисе и примирении, установлении гармонии и балансе [7]. Кроме того, он не раз говорил о пандемии Ковид-19. Сложившаяся ситуация в связи с пандемией в сочетании с существующими структурами власти способствовала углублению классовых противоречий. Объединяющий подход, основанный на шаманизме, по мнению Кима, способствует исцелению социальных ран, скорби и раскаяния [5].

Обратимся непосредственно к произведениям Ким Сандона. Вернувшись в Корею после обучения у Лотара Баумгартена в Берлине в 2004 году, Ким Сандон начал работать с метафорами, глубоко укоренившимися в анимизме, корейских мифах и сказках, — огонь, драконы, вода, ветер, включая «придуманные» тотемы [7].

Так Ким демонстрирует инсталляцию «Тотем», в которой использует различные современные медиа, подобная инсталляция может состоять как из одного «Тотема», так может быть одновременно выставлено три «Тотема». Подобная инсталляция может выставляться и в виде фотографий [7]. Основой этого предмета искусства является пластмассовый стул, который художник декорирует различными растениями и плодами, многие из которых обладают традиционным символическим значением. Например, лук в восточноазиатской культуре считается символом мужества, решительности; виноград символизирует продолжение рода, плодовитость, долголетие; чеснок имеет значение силы, защиты от злых духов, а лук и чеснок считаются символами здоровья. Ким украшает «Тотемы» грибами, которые ассоциируются с долголетием и здоровьем, например, «грибы бессмертия» (пуллочхо) входят в «Десять символов долголетия». Они также могут символизировать удачу, богатство и благосостояние. В азиатской мифологии грибы часто связываются с бессмертием и духовностью (например, грибы Куньлунь в китайской мифологии). Также к пластиковому стулу прикреплены цветы лотоса, которые символизируют Будду, чистоту, духовность, просветление, возрождение, красоту и совершенство. Этот цветок ассоциируется и с богатством, процветанием и благополучием. Можно увидеть и красный перец, который по мнению азиатских народов должен был защищать людей от злых духов, но также был своего рода символом рождения ребенка.

Интересным элементом одного из «Тотемов» являются ракушки. В Корее есть женщины-ныряльщицы хэнё, они занимаются поиском таких ракушек с моллюсками. Это очень сложная и опасная профессия, которая постепенно исчезает в Корее. Украшение тотема подобными ракушками может символизировать дань уважения Ким Сандона представительницам профессии ныряльщиц хэнё. Однако ракушки в восточноазиатской культуре могут символизировать богатство, процветание, долголетие и удачу. Они также ассоциируются с мифическими существами, такими как драконы и фениксы, и используются в качестве амулетов для защиты от злых сил и привлечения удачи. В буддизме ракушки являются одним из 8 священных символов и символизируют звучание дхармы, учения Будды [1, с. 183, 190, 205]. Таким образом, инсталляция «Тотем» Ким Сандона насыщена различными элементами, имеющими сакральное и

мифологическое значение в корейской культуре, и представляет симбиоз шаманизма, буддизма и даже христианства, ведь сам Ким Сандон в своем интервью проводит параллель между «Тотемом» и христианскими сюжетами, понятием ада [7].

Такие работы, как «Огненная тележка» (2017), показывают, что гибридные транспортные средства и антенны занимают неотъемлемое место в его практике — это анимированные устройства, через которые осуществляется передача данных между землей, небом и божественной силой. Произведение «Огненная тележка» состоит из пожарной тележки и красного острого перца, которым увешана вся инсталляция. Тележка символизирует носилки, на которых несли гроб с умершим, то есть она показывает переход из мира живых в мир мертвых. Перец в традиционной корейской культуре, в шаманизме символизирует силу, защиту от злых духов. Он также используется в качестве амулета и применяется в ритуалах и обрядах для отпугивания злых сил и привлечения удачи и процветания. В Китае, Корее и Японии красный перец часто используется в кулинарии и считается символом изобилия и богатства. Кроме того, в традиционной Корее после рождения ребенка красный перец вешали на ворота или дверь, чтобы защитить младенца в первые дни его жизни [2].

Одна из последних работ Кима — «Матрица» или «Шествие» (2021), композиция состоит из фигур с масками вместо лиц, а также тележки, на которой воздвигнуты деревянные многослойные деревянные носилки. Подобные маски художник увидел при поездке на один из корейских островов, где сохранились древние корейские скульптуры с масками. Кроме того, источником вдохновения были и древние корейские маски, в том числе и те, которыми пользовались шаманы.

Эта инсталляция сочетает в себе часто встречающиеся материалы и традиционные формы. Стоит сразу же уточнить, что вся эта инсталляция состоит из нескольких самостоятельных произведений искусства: «тележка» с деревянными носилками на ней и фигуры с масками могут быть представлены как вместе, так и по отдельности. Все они собраны вместе в одной инсталляции, создавая симбиоз прошлого и настоящего. В этой работе сочетаются такие повседневные вещи, как тележка (символизирующая гиперпотребление) — она монохромная, не выделяющаяся, как бы мертвенная, застывшая и находящиеся на ней яркие носилки, выполненные в стиле корейской традиционной архитектуры, разнообразные по цвету и материалу, фигурки в традиционных нарядах, но с современными атрибутами. На фоне такой монохромной тележки носилки выделяются и заставляют зрителя рассмотреть каждый миллиметр сооружения. Так автор пытается донести до зрителя мысль о том, что несмотря на то, что

корейская культура включена в мировую культуру, именно традиционные корейские элементы придают яркости и уникальности этому предмету искусства. Автор как бы поднимает темы национальной идентичности, пытается пробудить в соотечественниках интерес к собственной культуре, любовь к ней [3]. На повозках изображены тигры, журавли, драконы и петухи, которые имеют в корейской культуре сакральное значение. Например, журавль является одним из «Десяти символов долголетия»; дракон — символ правителя, он защищал государство от зла и бед, был повелителем воды, восточноазиатские народы считали, что драконы приносили удачу, процветание [1, с.183, 189]. Таким образом, основными темами этой инсталляции являются истоки корейской культуры, проблема чрезмерного потребления, вопросы современной политики и колониальная память [6].

Данная инсталляция выставлялась на выставке в Кванчжу, городе восстания за демократию, и автор также делает акцент на этом, показывая, как корейский народ через тяжелые годы диктатуры шел навстречу демократии [4].

Ким Сандон создавал фигуры с масками не только в качестве части большой инсталляции, но и как отдельные произведения искусства. Для них он использован швабры, лестницы, антенны, стремянки, сетки, бетон и т.д. Такие скульптуры с масками символизируют возвращение человека к истокам. В своих интервью Ким Сандон не раз обращает внимание на то, что нет просто настоящего, за настоящим всегда стоит прошлое и оно с ним неразрывно связано, о нем нельзя забывать [5].

Подводя итоги, стоит сказать, что Ким Сандон является ярким примером деятеля искусства, который обращается к традициям родной страны. Автор множества известных на международном уровне произведений искусства, используя традиции корейского шаманизма, пытается «исцелить» современное общество, указать на существующие проблемы, показать ценность истории и культуры родной Кореи, применяя различные техники и материалы, постоянно развиваясь и совершенствуя свои навыки. Для Кима шаманизм — это альтернативный метод коллективного катарсиса. И, как отмечает сам Ким Сандон, энергия человеческой души связана с ценностью традиций.

Список использованных источников и литературы

1. Хохлова Е.А. Главное в истории искусства Кореи. М., 2023. 224 с.
2. 13th Gwangju Biennale — Minds rising spirits tuning URL: <https://13thgwangjubiennale.org/ko/artists/sangdon-kim/> (Дата обращения: 29.10.2023)
3. <https://www.newsfreezone.co.kr/news/articleView.html?idxno=348576> (Дата обращения: 29.10.2023)

4. https://m.kartprice.net/view/?id=NISX20210331_0001390122 (Дата обращения: 29.10.2023)
5. ММСА URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nFkvjXlqfqc> (Дата обращения: 29.10.2023)
6. <https://m.sedaily.com/NewsView/22KWXMUPVA#cb> (Дата обращения: 29.10.2023)
7. Sangdon Kim URL: <http://sangdonkim.com/?ckattempt=1> (Дата обращения: 29.10.2023)

Для цитирования: Антипова С.И. Рецепция прошлого в творчестве Ким Сандона: шаманизм и современное искусство // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 272 – 277.

Епифанов Иван Игоревич

Поведение Софьи Семёновны Волконской во время эпидемии чумы в Москве 1771 г. как пример реализации традиции «труженичества во Христе» российским дворянством во второй половине XVIII века

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка показать, что российское дворянство во второй половине XVIII века сохраняло и воспроизводило православные практики допетровской Руси. В качестве примера выбрана традиция труженичества во Христе, которая появилась на Руси в монашеской среде вскоре после принятия христианства. Уделено также внимание некоторым механизмам сохранения этой традиции в условиях распространения среди дворян идей европейского Просвещения.

Ключевые слова: труженичество во Христе; традиция; практика; дворянство.

Title: The behavior of Sophia Semenovna Volkonskaya during the plague epidemic in Moscow in 1771 as an example of the implementation of the tradition of “toil in Christ” by the Russian nobility in the second half of the XVIII century

Abstract. In the given article an attempt was made to demonstrate the phenomenon that the noblemen in the second part of 19th century preserved and rendered the Orthodox practices of pre-Petrine Russia. As an example the tradition of the toil in Christ was selected which appeared in Russia in the monastic sphere shortly after the Christianity was attempted. Thus the attention was attended to some mechanisms of maintaining the tradition mentioned above, in the circumstances of the expansion the ideas of the European Enlightenment among the nobelmen.

Key words: toil in Christ; tradition; practice; nobility.

В своем исследовании «Святость и святые в русской духовной культуре» В. Н. Топоров говорит об особом типе святости, применяя к нему название «труженичество во Христе». Под этим подразумевается постоянная готовность христианина прийти на помощь страждущему, чтобы разделить его муки и не оставить вне действия животворящего «света Христова» [7, с. 609]. Такая помощь могла иметь различные формы (от раздачи милостыни до личного разделения тягот страданий), но в любом случае она предполагала личное участие человека. Исследователи русской православной традиции указывают на Феодосия Печерского как на

Епифанов, Иван Игоревич – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; ivan-epifanov2002@mail.ru

Epifanov, Ivan Igorevich — Moscow State University, Moscow, Russia; ivan-epifanov2002@mail.ru

основателя этой традиции [9, с. 36], таким образом, мы можем говорить о том, что она относится именно к русской православной культуре, а не к православной традиции в целом.

Несмотря на то, что изначально это была монастырская практика, она вышла за пределы монастырских стен, и вынесли ее сами монахи: преподобный Феодосий не только руководил Киево-Печерской обителью, но и не оставлял без своего попечения внешний мир. Для него было важно через свое труженичество способствовать преобразованию земного мира по образу и подобию горнего [6]. Однако перенимание этой традиции людьми светскими стало возможным не только благодаря авторитету таких подвижников-носителей традиции как Феодосий Печерский и Сергей Радонежский, но и благодаря особому отношению к труду в русской православной культуре как к средству для воспитания души, душеполезному деланию [4, с. 61]. Надо учитывать, что труженичество во Христе представляет из себя особый вид труда, когда человек готов ради этого душеполезного делания пойти на определённые риски или на время отказаться от своего земного социального статуса, уравнивать себя со всеми христианами. Благодаря этому были возможны случаи, когда русский князь участвовал в строительных работах в монастыре наравне с монахами и крестьянами [4, с. 77].

Иная ситуация сложилась в XVIII веке. Официальная церковь в результате петровских преобразований лишилась главы и стала, по сути, одним из государственных ведомств. В упадке находилось и монашество: испытывавшее притеснение со времен правления Петра I и подавленное секуляризацией Екатерины II, оно уже не являло таких ярких примеров подвижничества, какими были Феодосий Печерский или Сергей Радонежский.

Кроме того под влиянием идей Просвещения изменилось отношение к человеку как к личности: проснулся интерес к своему Я и появилось стремление принять его (это явствует в том числе из увеличения количества автобиографических текстов, созданных в XVIII веке по сравнению с допетровской эпохой, где такие тексты единичны). Именно в этот период понятие личности стало синонимом понятия человека [5, с. 133]. Эта ситуация не способствовала активному поддержанию таких сугубо православных практик как труженичество во Христе, требующих хотя бы временного отвержения себя, борьбы с такими проявлениями человеческой природы как эгоизм и тщеславие и уподобления Христу.

Этот период кризиса в духовной сфере порождал несколько вариантов выхода, к которым можно отнести и распространение в России идей европейского Просвещения, и проникновение в Россию масонства, но

был еще путь реактуализации традиций допетровской Руси, поиск уже имевшихся способов привнесения мира в мир.

Труженичество во Христе как практика, целью которой являлось преобразование мира по подобию Небесного Иерусалима, являлось одним из способов исправления той ситуации, которая сложилась во второй половине XVIII века. Но, как уже было сказано, официальная церковь более не могла предоставить того примера, каким был Феодосий Печерский. Монашество было озабочено тем, чтобы удержать монастырь в списке обитателей, получавших финансирование из казны. Белое духовенство в подавляющем своем большинстве было бедным и зависело от доброй воли помещиков на местах [3, с. 207]. Представители духовного сословия были вынуждены больше думать о собственном выживании. В этой ситуации дворяне, которые имели средства, что давало им определённую свободу действий, могли принять на себя эту роль носителей традиции.

В том, что традиция труженичества во Христе сохранялась в дворянской среде и что дворяне были с ней знакомы, сомневаться не приходится. На рубеже XVII-XVIII веков святитель Димитрий Ростовский составил «Книгу житий святых», куда было включено в числе прочего житие преподобного Феодосия Печерского (не говоря о житии преподобного Сергия Радонежского). В среде российского дворянства XVIII-XIX веков это сочинение пользовалось большой популярностью [8, с. 32]. Причём эта книга не приобреталась из стремления пополнить библиотеку очередным сочинением: А. Т. Болотов вспоминал, что чтение этого произведения и переписывание самых любопытных житий в специальную книгу составляло «наиглавнейшее упражнение» [2, с. 191]. Жития читались и записывались.

Итак, дворяне были знакомы с традицией труженичества во Христе и имели возможность воспроизводить ее, но в эпоху распространявшегося рационализма Просвещения случаи реализации этой практики имели казуальный характер. Одним из таких примеров было поведение Софьи Семёновны Волконской в охваченной чумой Москве в 1771 г.

В записях историка XIX века А. А. Васильчикова есть фрагменты воспоминаний его бабушки Е. А. Архаровой, которая приходилась внучкой князя С. Ф. Волконского и С. С. Волконской, в доме которых воспитывалась. На момент распространения чумы в Москве она была уже «взрослой девицей» (16 лет), поэтому ее свидетельства о поведении бабушки – осознанные впечатления.

Княгиня Волконская наотрез отказывалась уезжать из Москвы, охваченной чумой, хотя и приказала принимать все известные тогда меры предосторожности. При этом вместе с ней в Москве находились ее дочь

М. С. Римская-Корсакова (которая тщетно пыталась убедить мать уехать в подмосковное имение) со своими детьми (в числе которых и была Екатерина Александровна). Только московский архиепископ Амвросий смог убедить Софью Семёновну покинуть город ради жизни ее дочери и внуков.

Однако перед тем как уехать, С. С. Волконская решила проехать по московским церквям и поклониться святым мощам, совершить «обряд, ею всегда выполняемый перед отъездом в деревню» [1, с. 12]. Казалось бы, ситуация совершенно не располагала к такому, пусть и благочестивому поступку. Кроме того, на это богомолье Софья Семёновна повезла и дочь с внуками. О том, какое впечатление произвела эта поездка на сопровождавших княгиню, можно судить по тому факту, что по дороге их карета зацепилась за две фуры: в первой были «трупы, положенные один на другой», вторая была наполнена умирающими [1, с. 12].

Но самое главное: после посещения святых мощей и поклонения иконам Софья Семёновна лично стала раздавать милостыню нищим [1, с. 12]. При этом, было понятно, что кто-нибудь из них уже мог быть заражённым. В этой ситуации можно было хотя бы оставить деньги на расстоянии, не подходить к возможному источнику болезни. Но этот рациональный способ был отвергнут ради личного участия в помощи страдающим, это была не только милостыня имущего неимущему, это была милостыня христианина христианину. Стоит сказать, что ни княгиня, ни ее дочь, ни кто-либо из детей впоследствии не заболели.

Такое поведение не то, что не выглядит рациональным, оно опасно. Но Софья Семёновна сознательно пошла на этот риск, чтобы оказать помощь, что вполне вписывается в определение практики труженичества во Христе, которое мы привели выше.

Надо сказать, что это было скорее единичным случаем в жизни княгини Волконской. Но знакомство с традицией и готовность выполнить ее, прекрасно сознавая риски и осознанно игнорируя их, указывает на существование определенной атмосферы, в которой взращивалась и постоянно жила Софья Семёновна, которая влияла на ее становление как христианки и которую потом она перенесла в свой дом. И неудивительно, что рядом с описанием случая в зачумлённой Москве Александр Александрович Васильчиков приводит воспоминания о порядках в родительском доме (которые, вполне возможно, перешли туда из дома Волконских) уже своей матери Александры Ивановны, дочери Екатерины Александровны.

Вторым супругом Екатерины Александровны был генерал-аншеф Иван Петрович Архаров. Показательно описание тех отношений с крестьянами, которые существовали в этой, несомненно, богатой семье. Взять, напри-

мер, существовавшую в доме традицию разговения на Пасху, когда за стол садилась прислуга, а господа служили, угощая ее [1, с 10]. В этот момент они не были помещиками и крепостными, они были христианами, которые участвовали в общей трапезе (тут уместно вспомнить Тайную Вечерю, когда Христос омыл ноги своим ученикам, т.е. послужил им). Показателен также случай, когда Петр Иванович Архаров (отец Ивана Петровича) сам участвовал в «драке за землю» вместе со своими крестьянами. Это был достаточно частый итог споров помещиков по поводу земельных владений: в дело вступали крепостные, которые выходили силой отстаивать интересы своих господ. Но тут приведён случай, когда помещик не просто прибегнул к такому способу, но и сам вышел со своими людьми, осознавая и игнорируя риски [1, с 13].

А риски были: в соседнем же абзаце приведён пример, когда участвовавшие в одной из таких драк крестьяне были арестованы. От наказания их могло спасти признание в том, что они участвовали в драке по приказу своего помещика. Показательно, что они этого не сделали со словами, обращёнными к Архарову: «пойдём на пытку и на казнь, но не выдадим тебя». Они уходили из своего села с песней, которую запомнили и впоследствии регулярно пели не в силах при этом сдержать слезы Иван Петрович и его брат [1, с 13]. Эти эпизоды свидетельствуют о близости и крепкой связи господского и крестьянского мира, когда помещики заботились о своих крестьянах, а те платили им неизменной преданностью. Именно такая среда способствовала поддержанию таких практик как труженичество во Христе.

Подводя итог, можно сказать, что в XVIII веке в среде дворянства, сословия, которое было главным поглотителем европейских идей, продолжали сохраняться такие сугубо православные традиции допетровской Руси как труженичество во Христе. Случай с Софьей Семёновной Волконской показывает, что к ним прибегали не на постоянной основе, но такие эпизоды могли стать очень яркими моментами в жизни тех, кто в них участвовал, и тех, кто их наблюдал. При этом существовали определённые механизмы передачи, т.е. сохранения таких традиций: это и активное чтение текстов, содержащих информацию о подобных практиках, это и особая домашняя атмосфера, в которой реализовывалось единение господского и крестьянского мира, на основании того, что все они были православными христианами.

Список использованных источников и литературы

1. Архаровы. Из памятных записей А. А. Васильчикова. РА, 1909, кн. 1, вып. 1, с. 10-13.
2. Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. В 3-х томах. Отв. редактор О. А. Платонов. М., 2013. Т. 1. 1120 с.

3. *Кириченко О. В.* Дворянское благочестие. XVIII век. М., 2002. 464 с.
4. *Коваль Т. Б.* Православная этика труда // Мир России. Социология. Этнология. 1994. № 2. С. 54-98.
5. *Малер А. М.* Понятие личности в секулярном и постсекулярном понимании // Тетради по консерватизму: Альманах. № 3. М., 2019. С. 131-139.
6. *Теребихин Н. М.* Тропы Антропоса. Богословие русской земли или география русской души // Топос. URL: <https://www.topos.ru/article/212> (дата обращения 02.11.2023).
7. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Том 1. Первый век христианства на Руси. М., 1995. 875 с.
8. *Сдвижков Д. А.* Новая личность и новая религиозность в русской автобиографии XVIII – первой половины XIX века // Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиография и православие в России конца XVII – начала XX века / Сборник статей; под редакцией Л. Манчестер, Д. А. Сдвижкова. М., 2019. С. 29-60.
9. *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 2017. 232 с.

Для цитирования: *Елифанов И. И.* Поведение Софьи Семёновны Волконской во время эпидемии чумы в Москве 1771 г. как пример реализации традиции «труженичества во Христе» российским дворянством во второй половине XVIII века // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 278 – 283.

(1796–1801 гг.)

Аннотация. В статье рассматриваются бытовые вопросы повседневной жизни семинаристов Александро-Невской академии, питания, условий обучения. Анализ их финансового и социального положения демонстрирует привилегированный статус образовательного учреждения в сравнении с другими семинариями Российской империи. Анализируется процесс образования и воспитания семинаристов, особенности выполнения своих обязанностей учителями, их принадлежность к черному или белому духовенству.

Ключевые слова: Александро-Невская академия, Павел I, духовное образование, история повседневности

Title: Alexander Nevsky Academy: life, education, upbringing (1796–1801)

Abstract: The article deals with everyday issues of the daily life of the seminarians of the Alexander Nevsky Academy, nutrition, and learning conditions. An analysis of their financial and social situation demonstrates the privileged status of an educational institution in comparison with other seminaries of the Russian Empire. The article analyzes the process of education and upbringing of seminarians, the peculiarities of the fulfillment of their duties by teachers, their belonging to the black or white clergy.

Key words: Alexander Nevsky Academy, Paul I, spiritual education, the history of everyday life

История духовного образования на рубеже XVIII–XIX вв. представляет собой вполне самостоятельный период в истории духовных школ. В это время правительство Павла I внесло ряд важных изменений, главным образом улучшив финансовое положение учителей, а также ректора и префекта. Улучшается содержание преподавания: восстанавливалось преподавание французского языка, начиналось обучение еврейскому языку, учреждался медицинский класс. Такая политика связана, прежде всего, с отношением императора к духовному сословию, сформировавшемуся во время воспитания наследника его законоучителем митрополитом Московским Платоном (Левшиным). Особенностью церковной политики Павла

Резепина, Анна Александровна — Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; annrozen07@gmail.com

Научный руководитель: *Бахтурина Александра Юрьевна*, д-р ист. наук, проф. Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

Rezepina, Anna Aleksandrovna — Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; annrozen07@gmail.com

Scientific adviser: *Bakhturina Alexandra Yuryevna*, Doctor of Historical Sciences, Professor. Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

И можно считать поддержание тесной связи с синодальными иерархами, епископами и митрополитами. Император ежегодно требовал присылать ему сведения о состоянии епархий и духовных образовательных учреждений, интересуясь состоянием дел в них.

Основой для анализа быта семинаристов стали рапорты, отчёты преосвященных из фондов РГИА и ЦГИА СПб, ранее не вводившиеся в научный оборот в данном контексте, законодательные акты, опубликованные источники личного происхождения.

В Санкт-Петербурге функционировала Александро-Невская семинария, преобразованная павловским указом от 18 декабря 1797 г. в академию (до этого существовали только две академии в Москве и Киеве) [4, с. 137]. Александро-Невская семинария занимала привилегированное положение в Российской империи по отношению к другим семинариям. Это проявлялось в большем финансировании, благоустроенности помещения для занятий, многообразии учебных предметов, поэтому ее нельзя рассматривать как типовое духовное учреждение. Заметим, что с 1788 г. Александро-Невская семинария приобретает статус Главной семинарией. В связи с этим из каждой епархиальной семинарии, за исключением семинарии в Троице-Сергиевой лавре, Черниговской, Новгородско-Северской семинарий Киевской митрополии должны были присылаться не более чем по два человека благонравного поведения и лучших успехов в обучении для дальнейшего пребывания в Александро-Невской семинарии [4, с. 1090–1091].

Проблема помещений семинарий была сложной для всех семинарий империи. В 1797 г. за счёт увеличения финансового содержания духовных учебных учреждений правительство Павла I приступило к решению этого вопроса. Однако эти меры, по мнению члена-ревизора Учебного комитета при Святейшем Синоде Ф. Н. Белявского, особой роли не сыграли: «Помещения оставались грязными и душными, классы часто служили и спальными и занятыми комнатами»; «...их [комнаты] даже мыть возможно было только разве на каникулах, во всякое другое время они были переполнены народом» [1, с. 35].

Рапорты преосвященных предоставляют информацию, отличающуюся от сведений Ф. Н. Белявского, о состоянии учебных помещений. В рапорте митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Гавриила указывалось, что «училищный дом, находящийся при Александро-Невской лавре, для преподавания способен, в каких-либо пристроях не нуждается» [5, л. 342]. Отметим, что другие преосвященные редко были довольны условиями жизни в семинарии. Так, в рапорте Ростовского архиепископа Арсения излагались жалобы на тесноту [5, л. 125 об. – 126],

Московский митрополит Платон отмечал темноту в помещениях, сырость, посторонний шум, вызванный в связи с неправильным расположением здания [5, л. 77]. Таким образом, митрополит Гавриил не отмечал каких-либо неудобств, которые бы мешали преподаванию или же негативно влияли на обучение семинаристов.

Павел I повышает государственное финансирование духовных учебных заведений. В отношении содержания Александрово-Невской академии была произведена прибавка в размере 7500 рублей, итоговое значение стало составлять 12000, что в 2,7 раза превосходило предыдущее (при Екатерине II отчисляемая из государственной казны сумма на нужды Главной семинарии равнялась 4500 рублям) [4, с. 139]. Отметим, что из суммы, выделяемой из государственной казны, только треть должна идти на жалование преподавательскому и церковно-административному составу (ректору, префекту, лекару с одним учеником, академическому правлению с комиссаром и писцами). Остальная денежная сумма распределялась на содержание присылаемых из других семинарий учащихся, пополнение библиотеки, покупку учебных книг, лазарет и лекарства, а также на различные ремонтные работы в училищном доме, приобретение свеч, дров. Существовала категория семинаристов (сироты мужского пола), состоящих полностью на казенном обеспечении, – казеннокоштные. Питание, одежда, учебная литература, место жительства составляли расходы государственной казны [4, с. 352–354].

Отметим, что семинаристам разрешалась выплата жалования, помимо снабжения их пищей (обязательно) и одеждой (желательно). Подчеркивалось, что жилищные условия, питание, потребности в определенной одежде (платье, белье, обувь) будут дорогими, поэтому семинарии, из которых отправлялся студент, должны были снабдить необходимыми финансовыми средствами. В письмах к родителям семинаристы обращались с просьбой прислать денег для того, чтобы купить приличную одежду, поскольку выдаваемая со стороны государства не соответствовала нормам. Она была поношенной, доставалась она от выбывших семинаристов [6, с. 5]. Руководство провинциальных семинарий брало на себя расходы, связанные с возвращением семинаристов из академии домой, если это было необходимо. Так, епископ иркутский и нерчинский Вениамин 20 октября 1798 г. отправил 150 рублей ассигнациями из Иркутской консистории в Санкт-Петербургскую для передачи студентам Петру Лавроскому и Ивану Худякову [8, л. 1–3].

Питание семинаристов в столичных духовных образовательных учреждениях лишь немногим было лучше, чем в других епархиях. Оно было весьма скромным: «пустые щи..., квас, ржаной хлеб и сухая каша».

Прием пищи мог разнообразиться лишь в праздничные дни, тогда ученики могли попробовать мясо или рыбу [1, с. 35]. В источниках личного происхождения подчеркивается, что обеденный стол не отличался особым разнообразием или же богатством, однако оставлял ощущение сытости и удовлетворенности [6, с. 5–6].

8 декабря 1796 г. Павел I отменил телесные наказания за уголовные преступления для лиц, принадлежащих к духовному сословию [4, с. 12–13]. В учебных заведениях начали происходить соответствующие перемены. Телесные наказания могло быть применено только в отношении учеников, совершивших развратные поступки, в хлебне или в караульне, а за неисправность в классе и прочие разные нарушения разрешалось «употреблять их с осмрительностью» [5, л. 346].

Приемлемыми наказаниями считались следующие: стояние у порога с книгами и шапкой в руках, голодный стол (т.е. лишение обеда или перевод на худшую, служительскую пищу), «подавание» кушанья в столовой, заключение в карцер, перевод в низший класс, лишение казенного содержания, уменьшение или лишение выдачи одежды [1, с. 32]. По мнению протоиерея А. Ф. Паничкина, в основе воспитательной системе того времени лежал неправильный подход, поскольку на ребенка смотрели и оценивали как взрослого человека [2, с. 181]. Все проступки учащегося записывались в специальные журнальные книги, которые должны быть при каждом учебном духовном учреждении. В случае, если поведение оставалось прежним, студента могли исключить из академии [7, с. 111].

Анализируя образовательный процесс в Александро-Невской семинарии, нельзя не сказать о чрезмерно высокой занятости учителей, связанной с их недостаточным количеством. На практике это проявлялось в совмещении учителями нескольких должностей (в том числе административных). Так, известно прошение ректора Александро-Невской семинарии архимандрита Антония, в котором он сообщает митрополиту Гавриилу о невозможности совмещения трех должностей одновременно (имеется в виду управление семинарией, преподавание священной истории и катехизиса, а также должность духовного цензора) [10, л. 1]. Также иллюстрацией дефицита учителей в духовных учреждениях можно назвать активное вовлечение обучающихся с отличной успеваемостью в процесс преподавания. В частности, отметим Василия Яковлевича Сицилинского, студента философского класса, который, имея успеваемость изрядных успехов, преподавал «в значимых местах столицы» [6, с. 5].

Павел I стремился к увеличению учителей-монахов в Александро-Невской семинарии. Отметим, что в провинциальных семинариях представителей белого духовенства было больше, чем черного (в большинстве

случаев монахами являлись ректор и префект). В Александро-Невской семинарии удалось добиться соотношения численности учителей-монахов (включая ректора и префекта) и представителей белого духовенства [5, л. 338–342].

С повышением статуса Александро-Невской семинарии и переименованием ее в академию [4, с. 137] в обязательном порядке должны были преподаваться полная система философии (двухгодичная) и богословия (трехгодичная) на латинском языке, высшее красноречие, физика, еврейский, греческий, немецкий и французский языки, что ранее отсутствовало.

В 1799 г. численность семинаристов богословия составляла 15 человек, философии – 24 [11, с. 143]. Учебная программа философского класса состояла из краткой истории философии, логики, метафизики, нравоведения, натуральной истории, физики; богословского – из краткой церковной истории, герменевтики, священного писания (с объяснением наиболее сложных мест, которыми считались содержание Кормчей книги и разъяснения специфики деятельности священнослужителей). В философском классе студенты должны были упражняться в написании диссертаций, а в богословском – проповедей. Лучших обучающихся отправляли на публичные диспуты, которые проводились два раза в год, затем их назначали в качестве священников и дьяконов (преимущественно) в наиболее предпочтительные церкви. Помимо хорошего обучения необходимо было соблюдать и нормы поведения (быть благонравным): иметь страх Божий, быть расположенным к трезвости, сохранять непорочность, отказаться от грубости, лжи, ябедничества, правильным образом выстраивать взаимодействия с прихожанами в будущем [3, с. 426–431].

Окончившие курс представлялись к архиерею для итогового экзаменационного испытания. Сдавшие на «отлично» допускались к преподаванию в академии, им рекомендовался монашеский постриг; тех, кто сдавал на «хорошо», также могли оставить в учебном заведении, но как представителей белого духовенства. Малоуспешные и неспособные отправлялись в сельские приходы [5, л. 344 об–345]. Рассматривая ведомости успеваемости обучающихся, мы можем обозначить тенденцию к «хорошим успехам» в обучении. Семинаристы «преизрядных успехов» (отлично) и учащихся «не худо» (т.е. удовлетворительно) исчислялись единицами [9, л. 3].

Таким образом, религиозная политика Павла I благоприятно повлияла на положение Александро-Невской семинарии, которая с 18 декабря 1797 г. стала именоваться академией. Улучшение финансового положения,

добавление учебных предметов, увеличение учителей-монахов, привлечение лучших семинаристов из других региональных епархий в академию подчеркивали ее статусность. Смягчение наказания способствовало установлению благоприятного климата для обучения. На невысоком уровне оставалось питание семинаристов, которое отличалось однообразием продуктов и редким употреблением мясной или рыбной пищи. Существенной проблемой был недостаток учителей, приводивший к совмещению нескольких должностей последними и привлечению к преподаванию успешных семинаристов.

Список использованных источников и литературы

1. *Белявский Ф. Н.* О реформе духовной школы. Часть I. Краткий очерк прошлого средней духовной школы. СПб., 1907. 287 с.
2. *Паничкин А. Ф.* Приходское духовенство Санкт-Петербургской епархии в XVIII веке // Клио. 2016. № 5 (113). С. 155–167.
3. Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. XXII–XXV т.: указ.
4. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Павла Первого. 6 ноября 1796 г.–11 марта 1801 г. СПб., 1915. 790 с.
5. РГИА. Ф. 796. Оп. 79. Д. 35. О распределении семинарий по академическим округам и о присылке из епархий сведений, о состоянии семинарских зданий. 479 л.
6. Свиткин И. Воспоминание о протоиерее Василии Яковлевиче Сицилинском [1784–1867] // Странник. 1868. Т. 3. № 7. С. 101–118.
7. Титлинов Б. В. Духовная школа перед реформой 1808 года // Христианское чтение. 1908. № 1. С. 108–123.
8. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 2. Д. 2647. О выдаче студентам Иркутской семинарии, обучавшимся в Александро-Невской академии, денег на возвращение домой. 3 л.
9. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 2. Д. 4395. О детях полковых священников, обучающихся в Александро-Невской духовной академии. 14 л.
10. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 2. Д. 1341. По прошению ректора Александро-Невской семинарии архимандрита Антония об освобождении его от обязанностей преподавать катехизис и священную историю в немецком училище при Петропавловской кирхе. 2 л.
11. Чистович И. А. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб.: Типография Якова Третьяка, 1857. 458 с.

Для цитирования: *Резепина А. А.* Александро-Невская академия: быт, образование, воспитание (1796–1801 гг.) // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 284–289.

К истории Московской духовной академии между Февралем и Октябрем 1917 г.

Аннотация. Февральская революция 1917 г. перевернула российское общество. Во всех структурах и институтах новой Российской республики происходили изменения, сопровождавшиеся восторженными мечтами о свободе. Рассмотрению перемен в академической корпорации Московской духовной академии в условиях революционного времени и посвящена данная статья. Особое внимание уделяется отношению профессуры МДА к событиям Февраля и их взглядам на будущее духовного образования в России.

Ключевые слова: православие, высшее духовное образование, Московская духовная академия, профессура.

Title: Academical everyday life of the professorial corporation of the Moscow theological academy between February and October 1917.

Abstract: The February Revolution of 1917 changed Russian society. Changes were taking place in all the structures and institutions of the new Russian Republic, propelled by enthusiastic dreams of freedom. This article is devoted to the consideration of changes in the academic corporation of the Moscow Theological Academy in the conditions of revolutionary times. Particular attention is paid to the attitude of the MTA professors to the events of February and their views on the future of theological education in Russia.

Key words: orthodoxy, higher theological education, Moscow Theological Academy, professorate, students.

Тема Московской духовной академии часто встречается в различных исследованиях. Важный вклад в изучение истории Московской духовной академии перед ее закрытием советской властью внес протоиерей С.А. Голубцов. Н.Ю. Суховой принадлежат многочисленные работы по истории высшего духовного образования конца XIX–начала XX вв., где рассматривается, в том числе и МДА. Различные аспекты жизни академии в начале XX в. изучал К.А. Черепенников. Исследовались проблемы отношения Православной церкви с Временным и Советским правительствами, изучалась роль Поместного Собора 1917–1918 гг. в выживании Православной Церкви России в новых условиях (М.А. Бабкин, Д.В. Поспеловский, С.А. Фирсов). Однако повседневность про-

Быстрый, Николай Владимирович – Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; nickolay.bystryj@yandex.ru

Научный руководитель: *Алипов, Павел Андреевич*, канд. ист. наук, доц. Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

Bystryi, Nikolay Vladimirovich – Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; nickolay.bystryj@yandex.ru

Scientific adviser: *Alipov, Pavel Andreevich* – Candidate of Historical Sciences, Assoc. Prof. Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

фессорско-преподавательской корпорации духовных академий в целом и МДА в частности практически не изучалась исследователями, что не дает понять атмосферу, царившую в духовных академиях в последние дни их существования.

В 1917 год профессура Московской духовной академии вошла в расколотом состоянии. На протяжении практически десяти лет ректоры академии епископ Евдоким (Мещерский) и его наследник епископ Феодор (Поздеевский) проводили политику, направленную против части академической корпорации, активно пытавшейся добиться академической автономии в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг. и обвинявшейся в симпатии либеральным идеям. Из академии был уволены несколько профессоров. На их места приходили молодые преподаватели. Однако, по мнению большинства светских профессоров, при их наборе роль играл не профессионализм, а лояльность ректору и наличие сана, что увеличивало количество представителей учёного монашества. Академическая корпорация раскололась на партию ректора, пополнявшуюся новыми лояльными профессорами, и оппозицию, тяготившуюся своим положением.

Февральскую революцию либеральная профессура МДА встретила с воодушевлением. Академическая корпорация пошла на альянс со студенчеством, чтобы добиться больших академических свобод. Результаты этого сотрудничества незамедлительно начали проявляться.

Уже 9 марта представители студенческой корпорации МДА подали обер-прокурору Святейшего Синода В.Н. Львову докладную записку, основные требования в которой сводились к увольнению ректора еп. Феодора (Поздеевского), избранию ректора из белого духовенства и введению академической автономии. Студенты предложили В.Н. Львову опереться на профессоров М.М. Тареева, И.В. Попова и Н.Л. Туницкого [2, Л. 24], находившихся под давлением со стороны ректора из-за своих попыток добиться академической автономии в ходе революции 1905–1907 гг.

В ответ на обращение студенческой корпорации академии 12 марта началась ревизия во главе с профессором Петроградской духовной академии (бывшая СПбДА) Б.В. Титлиновым [4, С. 79]. Вся ревизия, по всей видимости, была устроена для того, чтобы отстранить от руководства МДА еп. Феодора. К вставшим в жесткую оппозицию ректору Тарееву, Попову и Туницкому присоединились еще несколько профессоров [2, Л. 25 об.]. 13 марта под председательством ректора и при участии практически всей академической корпорации началось заседание, посвященное разбору действий ректора на его посту. Рассматривалось незаконное удаление профессоров из академии, а также провалы защит диссертаций неугодных еп. Феодору членов профессорско-преподавательской корпо-

рации. Доносы, из-за которых проф. В.П. Виноградов был уволен, были раскритикованы в «жестоко обличительном» [2, Л. 25 об.] тоне. Несколько профессоров показали, что ректор, назначая рецензентов, «просил обратить особое внимание на недостатки диссертации, и при встречах каждый раз напоминал это» [2, Л. 26]. Также было доказано давление еп. Феодора на Совет академии, когда даже при утвердительных отзывах рецензентов Совет не присуждал степени «из боязни, что в Синоде не пройдет, так как ректор заявил о подаче своего отрицательного мнения, если она пройдет» [2, Л. 26]. Действия ректора были признаны незаконными [4, С. 79], и 1 мая он был уволен [9, С. 120].

Профессура составила обращение к обер-прокурору Львову [7, С. 118], основными требованиями которой были автономия Академии, введение нового устава, впредь до выработки, которого должны были действовать временные правила 1905 г. Студентам предлагалось предоставить право организации сходок, собраний и устройства научных кружков. Оставшаяся часть декларации заключалась в просьбе вернуть в академию ряд профессоров, уволенных в период ректорства еп. Феодора [7, С. 118]. Подавляющее большинство академической корпорации (кроме самого ректора и профессоров П.А. Флоренского и Ф.К. Андреева) присоединились к декларации [2, Л. 26 об.].

В мае 1917 Синод выпустил временные правила для духовных академий [8, С. 121], составленные в соответствии с требованиями академической автономии. Они частично повторяли правила 1905 г.: нахождение духовных академий в непосредственном ведении Синода, а не епархиального архиерея, выборность ректора и инспектора (переименованного в помощника ректора), вхождение в Совет академии всей академической корпорации. Было и нововведение, согласно которому отменялось требование Устава 1911 г. о вхождении в состав академического Совета не менее половины всех членов в священном сане [10, С. 24], что устраняло дискриминацию «светских» профессоров.

Получив поддержку Синода, профессура занялась переустройством академии. 27 мая 1917 г. указом Синода в Московскую духовную академию вернулись И.М. Громогласов, А.И. Покровский Д.Г. Коновалов и В.П. Виноградов [10, С. 13], уволенные прежним ректором. Несколько профессоров, не продвигаемых по службе из-за дискриминации светской профессуры Уставом 1911 г., получили повышение [5, Л. 35–36]. Были проведены защиты диссертаций, которые «при дореволюционном составе Правления МДА были невозможны» [2, Л. 153–154]. Профессура значительно изменила учебный план в пользу более глубокого ознакомления студентов с профильными предметами [11, С. 6–7].

Со стороны учёного монашества не было заметно активного сопротивления пути, который намечала себе «освободившаяся» академия. Неоспоримый лидер учёного монашества МДА архим. Иларион (Троицкий) не принял сторону еп. Феодора. Как инспектору МДА, архим. Илариону пришлось исполнять обязанности ректора до начала сентября 1917 г. Несмотря на критику со стороны наиболее радикально настроенной части студенческой корпорации, вынесшей ему в апреле «порицание» как председателю Совета за недопущение студентов к управлению академией, архим. Иларион сохранял хорошие отношения с профессурой. Выступление Илариона в защиту академической корпорации в июле 1917 г. на Всероссийском съезде учёного монашества [12, С. 142–143] еще больше укрепило авторитет архим. Илариона среди профессуры МДА. Когда осенью 1917 г. архим. Иларион подал в Синод прошение уволить его с поста помощника ректора, Совет академии практически единогласно вновь избрал его [9, С. 434].

Важнейшим событием в жизни академии стало избрание выборного ректора. Профессура устала от ректоров, приходящих на свои посты извне академии, а потому важнейшим требованием было то, чтобы будущий ректор был частью «академической семьи» [8, С. 280]. К началу сентября среди кандидатов лидировали выпускник Московской духовной академии 1885 г. Н.П. Добронравов и архим. Иларион. Однако в последний момент Добронравов снял свою кандидатуру, а либеральная профессура не была готова окончательно довериться архим. Илариону. Ректором был избран проф. А.П. Орлов [5, Л. 85об], по всей видимости, в качестве компромисса [2, Л. 118]. Традиция, согласно которой Московскую духовную академию возглавлял архиерей, прекратилась. Академия в целом тепло приняла нового ректора, выражая, таким образом, согласно патетической статье Попова, «надежды на светлое будущее Московской Духовной Академии» [8, С. 280].

Вместе с тем будет несправедливо полагать, что после Февральской революции, привнесшей либеральные настроения в церковную политику государства, раскол внутри профессорско-преподавательской корпорации был преодолен. Одним из наиболее яростных противников новых академических устоев стал священник П.А. Флоренский. Еще во время процесса против еп. Феодора Флоренский отказался присоединиться к противникам последнего, заявив, что не ощущал никакого давления на мысль в стенах академии со стороны ректора [2, Л. 26 об.]. К лидерам академической оппозиции П.А. Флоренский относился негативно, а введение академической автономии и увольнение еп. Феодора, по мнению Флоренского, сводились к «личной мести ректору» [1, С. 168].

П.А. Флоренский под давлением был вынужден уйти с поста редактора «Богословского вестника» за то, что «в годы реакции заведовал журналом по назначению Начальства» [7, С. 120]. На его место был избран М.М. Тареев, значительно изменивший курс академического печатного органа. Он взял курс на большую политизацию журнала. С лекциями и исследованиями, посвященными церковной истории и богословию, стали соседствовать публикации совершенно нового типа. Так, например, статья «Новая эпоха церковно-общественной жизни» начиналась со слов «Великая русская революция (речь идет о Февральской революции – Н.Б.), разбив вековые цепи царского самодержавия, могучим порывом освободила двух задыхавшихся в них в течение целых столетий великих узников – Государство и Церковь...» [6, С. 123]. Многие авторы в своих публикациях призывали к свержению старых авторитетов [3, С. 236] и не стеснялись в выражениях, критикуя администрацию академии в период с 1907 по 1917 гг. Дух «свободы» опьянял, и на страницах академического журнала это проявлялось особенно сильно.

Тем не менее, уже с начала нового учебного года академия оказалась в тяжелых условиях, сказывались и война, и последствия революции. Часть зданий академии была передана под размещение сокращенных офицерских курсов Военной электротехнической школы, эвакуированных из Петрограда [11, С. 12]. Над академией повис призрак грядущей бедности. Для выплаты жалования и пенсий профессорам Правлению пришлось прибегать к займам у государственных банков и частных лиц [11, С. 12–13].

Научная жизнь академии не прекращалась, однако даже во время научных диспутов происходило сведение счетов с фаворитами еп. Феодора. Защита магистерской диссертации А.М. Туберовского ознаменовалась скандалом, во время которого М.М. Тареев, бывший рецензентом диспутанта, во время своего выступления неоднократно оскорблял П.А. Флоренского (второго рецензента), вынудив того покинуть диспут и едва не сорвав защиту [2, Л. 130].

В то же время учебная деятельность академии оказалась в кризисе. Учебный 1916–1917 год в связи с Февральской революцией был окончен досрочно 25 марта [10, С. 45]. В сентябре 1917 г. стало понятно, что в условиях финансового и продовольственного кризиса, а также отъёма у МДА части зданий, нормальное функционирование академии будет невозможно, в связи с чем было решено заменить первый и второй семестры непрерывным обучением с тем, чтобы закончить учебный год к Рождеству [11, С. 18–19].

Таким образом, деятельность академической корпорации МДА после Февральской революции претерпела значительные изменения. Профессорско-преподавательская корпорация в целом положительно приняла смену власти, связывая с ней различные чаяния. Светская либеральная профессура получила власть в академии, сместив ректора еп. Феодора (Поздеевского) и сумев добиться введения академической автономии, за которую она боролась уже не одно десятилетие. Её дальнейшая деятельность была связана с искоренением несправедливостей прежнего режима и разработкой новых реформ академии и Церкви. Вместе с тем, несмотря на продолжающуюся научную деятельность, сам образовательный процесс находился в тяжелом состоянии, регулярно прерываясь из-за политической, продовольственной и финансовой ситуации. Надежды профессуры на светлое будущее не оправдались: МДА находилась в кризисе, а впереди ждал Октябрь 1917 г.

Список использованных источников и литературы

1. Архив священника П.А. Флоренского. Переписка с М.А. Новоселовым. Томск, 1998. 288 с.
2. *Беляев А.Д.* Дневники: 1917 г. // НИОР РГБ. Ф. 26. К. Ед. хр. 6.
3. *Виноградов В.П.* О церковной проповеди накануне революции (окончание) // Богословский вестник 1917. Т. 2. № 8/9. С. 269–275.
4. *Волков С.А.* Возле монастырских стен. Мемуары. Дневники. Письма. М., 2000. 608 с.
5. Журналы собраний Совета: 1917 / Совет Московской духовной академии // НИОР РГБ. Ф. 172. К. 41. Д. 1.
6. *Можайский В.М.* Живая жизнь. Новая эпоха церковно-общественной жизни // Богословский вестник 1917. Т. 2. № 6/7.
7. *Попов И.В.* Живая жизнь. В академии // Богословский вестник. 1917. Т.2. № 6/7. С. 17–123.
8. *Попов И.В.* Живая жизнь. В академии // Богословский вестник. 1917. Т.2. № 8/9. С. 279–290.
9. *Попов И.В.* Живая жизнь. В академии // Богословский вестник. 1917. Т. 2. № 10/11/12. С. 430–436.
10. Отчет о состоянии Московской духовной Академии в 1916–1917 учебном году // Богословский вестник 1917. Т. 2. № 10/11/12. С. 1–46.
11. Отчет о состоянии Московской духовной Академии в 1917–1918 учебном году // Богословский вестник 1918. Т. 2. № 6/7/8/9. С. 1–19.
12. [Автор не установлен]. Живая жизнь. Всероссийский съезд учёного монашества. // Богословский вестник. 1917. Т. 2. № 6/7.

Для цитирования: *Быстрый Н. В.* К истории Московской духовной академии между Февралем и Октябрем 1917 г. // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 290–295.

СЕКЦИЯ. ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Ступина Екатерина Андреевна

Полоцк в западном векторе внешней политики Московского государства с 1487 по 1503 годы.

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о ходе присоединения полоцких территорий, постепенное их вхождение в состав Московского государства. Уделяется внимание аспектам, имевшим важную для Москвы роль и повлиявшим на образ Полоцка в сознании московских правителей. Отдельно рассматривается вопрос границ и территориальных приобретений московской стороны, принципы по которым территория разделялась в перемирных грамотах.

Ключевые слова: Полоцк, русско-литовские отношения

Title: Polotsk in the western vector of the foreign policy of the Moscow state from 1487 to 1503.

Abstract. This article contemplates the problem of the course of the annexation of the Polotsk territories, their gradual entry into the Moscow state. Attention is paid to aspects that had an important role for Moscow and influenced the image of Polotsk in the minds of the Moscow rulers. Separately, the problem of borders and territorial acquisitions of the Moscow side is considered, the principles according to which the territory was divided in the peace treaties.

Key words: Polotsk, Russian-Lithuanian relations

Полоцкое взятие 1563 года — одно из известнейших событий Ливонской войны. Полоцк был значимым городом еще во времена единого Древнерусского государства. С течением времени образ города в сознании его восточных соседей менялся, менялись и границы государств, что повлияло на восприятие. Однако Полоцк фигурировал в дипломатической переписке ещё до начала Ливонской войны. Несмотря на то что Полоцкая территория на конец XV века не была ещё местом столкновения литов-

Ступина, Екатерина Андреевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st106254@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Филиюшкин, Александр Ильич*, д-р. ист. наук, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Stupina, Ekaterina Andreevna — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st106254@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Filyushkin, Alexander Ilyich*, Doctor of Historical Sciences, Doc. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

ских и московских интересов, город так или иначе появляется в дипломатических документах этого времени.

Русско-литовские конфликты хорошо освещены в исследовательской литературе, однако чаще всего внимание исследователей обращено либо на конфликтные ситуации южных территорий [1, с. 70], либо, применительно к Полоцким территориям — на конфликт 1507 года и восстание М.Глинского. [4, с. 85]. В конце XV века пограничные столкновения между Москвой и Литвой медленно двигаются на север, к границам Полоцкого воеводства. Так В.Н.Темушев [13, с. 103] пишет о том что с 1486 активизируется давление московской стороны на сторону Литовскую, прежде всего на территории бывшего Тверского княжества. До конца XV века полоцкие территории будут находиться глубоко внутри территории ВКЛ. Однако первые территориальные изменения фиксируются в северо-восточном районе ВКЛ в 1494 году, когда московские подданные занимают деревню Пуповичи и волость, расположенную недалеко от Великих Лук и истоков реки Великой, можно говорить о том, что деревня перешла в состав московского княжества ранее 1494 года, на что повлияло её пограничное положение [7, с. 122]. Русская сторона говорит о «старине» и новгородской земле, и если литовская сторона и противится этому решению, то не в ходе обсуждения перемирной грамоты, а позже, что указывает и на усталость представителей ВКЛ от войны с Москвой, и на пограничный характер Пуповичей, тяготеющих к Великим Лукам.

В Посольских книгах этого периода более полно отражены конфликты южных, относительно Полоцка, земель, например, Верховских княжеств. Полоцкая земля пока не место для разворачивания противостояния, сам город употребляется скорее как ориентир и торговый город, чем крепость. «А ись Полотска хто вдеть на Свирь да на Молодечну къ Вилнь...» [9, с. 10]. В контексте межгосударственных отношений Полоцк интересует стороны как торговый и таможенный пункт. В дипломатическую переписку (стоит помнить о том что посольская книга редактировалась вплоть до XVIII века [8, с. 166].) попадают только те случаи, в которых можно упрекнуть другую сторону. Для конца XV века характерно упоминание Полоцка в контексте разбоя на дорогах, краж, неуплаты мыта — пошлины за проезд. «Князь велики повьстуеть: а осенесь о Покровь, наши люди торговци Тверьские <...> шли вь твою землю торгомь на Полтескъ <...> да смоленского мытника Шемаковь, жидовиновь дьакь, взяли нанихь дватцать рублевь ризскую силно, а называючи мытомь смоленскимь» [10, с. 42]. «Ино войти да местничи велинские, говорили тому мытнику Михайлу жидовину, что тех тферских торговцев пограбил безлено, та дорога без мытная изстарины;» [10, с. 44]. Полоцк интересует государя только как

место, где оскорбили его подданных, которые, правда, и сами не чисты на руку — объезжали мытные места, но жаловались в Москву, когда их перехватывали и заставляли платить. К тому же купцы вполне могли приукрашивать количество отнятого товара, усиливая «обиду» московского князя на литовского брата. Отчасти поэтому, торговцы, жалуясь на несправедливость, могут обмолвиться о том что везли в дар что-то великому князю, надеясь тем самым увеличить успех дела для себя. [10, с. 44].

«Странная война» оканчивается в 1494 году, происходит легитимация границ, неурегулированным остается только район Полоцка. Но на 1494 меж двух государств переписка ведется на тему сватовства Александра IV к Елене Ивановне. Литовская сторона по мнению Г.Ф.Карпова, затеяв сватовство, надеялась «откупиться малой кровью» — женитьбой, задобрить соседа и получить время на восстановление. [5, с. 43]. Русская сторона надеялась использовать фигуру Елены и как способ приобретения территорий, которые ей как великой княгине полагались, и как «информатора». Однако все попытки Ивана III отправить вместе с Еленой своих людей были отвергнуты Александром. Сомнения вызывают приписанные Ивану III намерения получить с помощью брака территории. Кажется было бы наивно полагать, что литовская сторона согласилась на брак, пускай и желая окончить войну, понимая, что впоследствии это может ударить и по территориальной целостности государства. Хотя здесь присутствует и другой сюжет — разница политической культуры ВКЛ и ВКМ, в то время как ВКЛ продолжает «по старине», считать территории, «выданные» иностранкам, территориями государства, в Москве складывается другая модель поведения. Однако вполне возможно что такой дипломатический ход проявился из-за политической ситуации — смерти Великого князя Александра. Можно предположить, что заявка московской стороны на обладание землями, выданными Елене, вызвана желанием воспользоваться периодом смены власти в ВКЛ.

Полоцк в прототипе статейного списка упоминается только в контексте остановки. К образу города торгового прибавляется образ религиозный. Полоцкие святыни хорошо известны и на территории Московского княжества: «А в Полотску княжну великую встретили князь Александр Отокста, да пан Ян, да Юрьи Зиновьев, за полверсты от посада, со всеми Полочаны. А в посадах шли дети боярские у тапканы пеши и до великого София. А владыка встретил великую княжну перед церковью со кресты и со всеми священники и благословил ее владыка крестом и великая княжна пошла в церковь и владыка молебен начал пети.» [3, с. 184]. Отчасти этот образ Полоцка — главным достоянием которого является православие и Святая София можно проследить и позднее, например крест Ефросиньи

Полоцкой и стяг войска Ивана Грозного в 1563 году. Полоцкий владыка считался вторым по значимости духовным лицом православной церкви в ВКЛ. [6, с. 737]. И торжественная встреча в Полоцке произошла не только потому, что через Полоцк проходила крупнейшая дорога, связывающая Москву с Вильно, но и благодаря статусу которым Полоцк обладал среди православных христиан как ВКЛ, так и ВКМ.

Однако вновь разразившаяся война на местах скоро перерастает в войну масштабную, «порушение dokonчания» объясняется тем, что литовская сторона не исполняет положения прописанные в dokonчании, среди которых написание в посольских грамотах полного титула, сохранение православной веры Елены Ивановны, вместе с тем, что при ней должны служить люди православные, а Александр должен поставить отдельный храм специально для княгини. Однако даже когда Александр начинает писать полный титул Ивана III, неисполненными остаются другие положения. Главной причиной похода декларируется принуждение православных и особенно дочери Ивана III к римской вере.

В этом сюжете интересна грамота из Вязьмы 1499 года от князя Турени-Оболенского [2, с. 273], который призывает Ивана III начать поход против католиков, принуждающих православных к неправильной вере. Причем по форме это даже не жалоба, это призыв, прославляющий и Елену, отказавшую латинянам, и высокие слова о Руси, которую хотят «отсхитити». Чуть раньше происходит побег Бельского, опять же по причине притеснения православия, причину, правда, придумывают уже постфактум. Никуда не уходят и списки с обидами, которые день ото дня увеличиваются у обеих сторон. И кажется этот источник используется как законная причина нарушить dokonчание. Стоит заметить что переписка вокруг данной ситуации складывается обширная, и как будто видна нерешительность московских властей, что скорее всего говорит о сложной ситуации в Москве. Как раз в это время проходит кульминация конфликта придворных «партий», выступавших за Василия или Дмитрия-Внука [14, с. 54]. И кажется, что внешняя нерешительность Ивана III вызвана именно этим фактом.

Тема охранения веры становится очень важна в этот момент: «А ныне ново силу учинил на Руси чего наперед того при его отце и при его предках не бывало: колко велел поставляти божницы римского закона в русских городах, в Полоцку и в иных местах да жены от мужей и детей от отцов с животы отнимаючи, силно покщают в римский закон, ино то ли он не нудит Русии к римскому закону?» [11, с. 299]. Полоцк снова упоминается в религиозном контексте, что потом будет использовано московскими князьями в качестве фундамента идеологии. Для автора

строк возмутителен сам факт возникновения в Полоцке — городе с большой православной традицией, городе в котором находится Святая София, католических божниц. Хотя кажется мотив более «моралистский» чем есть ситуация. Однако глупо отрицать постепенное нарастание количества католических костелов в восточных районах ВКЛ.

Перемирие 1503 года удачно для ВКМ и оно наконец «ломает» границы по старине в северо-восточном регионе. Москва получает такие крупные поселения и тяглую к ним территорию как: Веснеболог, Язно, Острей, Березань, Невель. Часть поселений находится на северо-западе от Пуповичей (Веснеболог, Язно, Острей, Березань) и принадлежит Полоцкому повету, Невель — Витебскому. Большинство населенных пунктов имеют одно название с озером, на котором они находятся. Изначально к московской стороне должны были перейти Кубок, Усвят и Озерищи, города — центры волостей были включены в состав первой перемирной грамоты: «Озерища тогда же целовали к Пуповичам да и ныне тянут к пуповскому волостелю, а Веснеболог целовали ко Ржеве И ныне тянут ко Ржеве.» [12, с. 396]. Однако литовская сторона предоставляет доказательства, согласно которым Озерище является волостным городом: «И послы выслушав список говорили: милые Панова! Поговорите со своим братией, с радюю государя вашего, Да и до государя своего о том речи донесите, чтобы государе ваш тех волостей поступил: без тех волостей тем городам нельзя быть. И бояре сказали Великому князю и князь Великий, те волости велел спустите а города и волости украинные в грамоты писать.» [12, с. 396]. Интересен тот момент, что разделение территории идет еще по принципу захвата всей территории волости, а не только главного города. Поэтому города, которые Москва присоединяет входят в состав московского государства вместе со всей тяглой территорией. И Московская сторона не выказывает своих претензий на Озерище именно по этой причине. Перемирие заключается сроком на 6 лет.

В заключении стоит отметить тот факт, что на рассматриваемый период Полоцк ещё не вошел в ряд первостепенных внешнеполитических задач московского государства и не звучит в перечне территориальных претензий «на перспективу», потому как такого перечня московская дипломатия пока не выработала, однако город известен как важный торговый и православный центр. Мирный договор 1503 года, изменивший границы «по старине», сломал уже устоявшуюся территориальную систему, что вылилось в дальнейше войны в регионе, однако принцип разделения территорий не изменился.

Список использованных источников и литературы

1. Володихин Д. М. Характер конфликта полковых воевод князя Д.В. Щени и боярина Ю.З. Кошкина в 1500 г // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2017. № 5. С. 69-75.
2. Грамота из Вязьмы от князя Б. М. Турени-Оболенского к великому князю Ивану Васильевичу, май 1499 г. // СИРИО. Т. 35 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год) / Изд. под ред. Г.Ф.Карпова // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35.
3. Записка присланная великому князю Ивану от литовских бояр из Вильно, февраль 1495 г. // СИРИО. Т. 35 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год) / Изд. под ред. Г.Ф.Карпова // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35.
4. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.) . М.: Мысль, 1972. 452 с.
5. Карпов Г. Ф. История борьбы Московского государства с Польско-литовским. 1462–1508: В 2 ч. М., 1867.
6. Лист до владыки Смоленского Варсонофия о владении владыки Полоцкого и Витебского Евфимия в Мстиславской десятине, июнь 1511 г. // РИБ. Т. 20 – Литовская метрика. Книга Судных дел. Т. I // Русская историческая библиотека. СПб., 1903. Т.20
7. Отписка посольства от великого князя Александра с Петром Яновичем для заключения мирного и брачного договоров, февраль 1494 г. // СИРИО. Т. 35 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год) / Изд. под ред. Г.Ф.Карпова // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35.
8. Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV-начала XVII вв.. М., 1994. 221 с. Статейный список посольства Михаила Еропкина, май 1488 г. // СИРИО. Т. 35 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год) / Изд. под ред. Г.Ф.Карпова // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35.
10. Статейный список посольства Михаила Еропкина, май 1490 г. // СИРИО. Т. 35 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год) / Изд. под ред. Г.Ф.Карпова // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35.
11. Статейный список посольства от великого князя Александра с маршалком С. П. Кишкой, апрель 1500 г. // СИРИО. Т. 35 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год) / Изд. под ред. Г.Ф.Карпова // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35.
12. Статейный список посольства от короля к великому князю Ивану с панами С.Глебовичем и П.Мешковским, март 1503 г. // СИРИО. Т. 35 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год) / Изд. под ред. Г.Ф.Карпова // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35.
13. Темушев В.Н. Первая Московско-Литовская пограничная война 1486-1494. М., 2013. 238 с.

14. *Филлошкин А.И.* Василий III. М., 2010. 346 с.

Для цитирования: Ступина Е. А. Полоцк в западном векторе внешней политики Московского государства с 1487 по 1503 годы..// Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб.,2024. С. 296-302.

Генрих IV как политик по «Мемуарам» и письмам Маргариты де Валуа

Аннотация: В статье рассматривается политическая деятельность Генриха Бурбона по сочинениям его жены Маргариты де Валуа. На основании ее «Мемуаров» и писем раскрываются вопросы заключения политических союзов Генриха, его внешнеполитической деятельности и религиозной политики. Источники позволяют увидеть глазами Маргариты де Валуа образ Генриха Наваррского как политика перед его восшествием на французский престол.

Ключевые слова: Генрих Наваррский, Маргарита де Валуа, политический союз, Религиозные войны.

Title: Henry IV as a politician according to the “Memoirs” and letters of Marguerite de Valois

Abstract: The article examines the political activities of Henry of Bourbon in the writings of his wife Marguerite de Valois. Based on her “Memoirs” and letters, the issues of the conclusion of Henry’s political alliances, his foreign policy activities and religious policies are revealed. The sources allow us to see through the eyes of Marguerite de Valois the image of Henry of Navarre as a politician before his accession to the French throne.

Keywords: Henry of Navarre, Margaret de Valois, political union, Religious wars.

Личность и деятельность Генриха Наваррского получили широкое освещение в историографии на основании изучения совокупности многих источников. Однако определённый интерес представляет более узкое исследование политической деятельности Генриха, основанное на анализе “Мемуаров” и писем Маргариты де Валуа, его жены и, в определенный момент, политического союзника, которая, несомненно, имела свой особый взгляд на действия своего мужа. Данная проблематика обладает научной новизной, поскольку ранее политика Генриха не рассматривалась на основе только сочинений Маргариты Наваррской. Эти источники были проанализированы в исследованиях Э. Вьянно [2], Л.С. Плешковой [4, 5], В.В. Шишкина [7, с. 194–213; 8, с. 59–67], однако в них рассматриваются лишь некоторые аспекты жизни и политики Генриха.

Новикова, Дария Викторовна — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; novikova_dv04@mail.ru

Научный руководитель: *Кириллова, Екатерина Николаевна* — д-р. ист. наук, гл. науч. сотр. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Novikova, Daria Viktorovna — Moscow State University. M.V. Lomonosov, Moscow, Russia; novikova_dv04@mail.ru

Scientific adviser: *Kirillova, Ekaterina Nikolaevna* - Doctor of Historical Sciences, Chief researcher Moscow State University, Moscow, Russia.

В тексте «Мемуаров» король Наваррский предстает тонким политиком, который мог просчитывать шаги противников и не поддаваться на их политические провокации. В 1581-1582 гг. Генрих III предпринял ряд попыток заманить Бурбона ко двору, чтобы в ситуации постоянных беспорядков и войн контролировать лидера гугенотов. Однако король Наваррский, предвидя, что за этим стоит потеря независимости его политики, не пошел на этот шаг.

Важную роль в политике Генриха де Бурбона сыграли политические союзы. Источники предоставляют сведения о двух основных: союз с Маргаритой де Валуа и с ее братом Франсуа, герцогом Алансонским.

Союз между Генрихом де Бурбоном и Маргаритой де Валуа сложился после их свадьбы в 1572 г. В контексте этого политического союза Маргарита неоднократно защищала жизнь своего мужа, спасая от последствий его политических ошибок. Во время событий Варфоломеевской ночи Маргарита заступилась перед королём и королевой-матерью за Генриха и его сподвижников гугенотов [3, с. 51]. Когда в 1574 г. Генриха арестовали после раскрытия заговора против короля, именно Маргарита спасла его положение, написав «Оправдательную записку Генриха де Бурбона» для уполномоченных Парижского парламента [3, с. 56]. Ради мужа королева Наваррская была готова на шаги, направленные против интересов короля Франции, своего брата: она подготовила план побега Генриха и герцога Алансонского [3, с. 56], видя тяжесть их положения при дворе, однако побег не состоялся из-за разногласий между ними. Неудивительно, что в 1575 г. Генрих перед побегом просил именно жену «помогать ему в делах во время его отсутствия» [3, с. 76], будучи уверенным в том, что Маргарита защитит его интересы.

Несмотря на помощь, которую оказывала Маргарита Генриху, последний не относился к ней с должным почтением. Он использовал ее, зная, что Маргарита «всегда готова услужить ему, чтобы только сделать приятное» [3, с. 175], и не заботился о ее благополучии. В 1575 г., получив от жены обещания о защите его интересов при дворе, король Наваррский сбежал, тем самым подставив под удар Маргариту: сразу после его побега ее арестовали [3, с. 79]. Во время Седьмой религиозной войны в 1580 г. Маргарита, находившаяся в Нераке, договорилась с маршалом де Бироном о нейтралитете города с условием, что в нем не будет короля Наваррского. Генрих неоднократно нарушал данное обязательство своей жены, поставив ее жизнь под угрозу [3, с. 168].

Постепенно разногласия, а также накалившаяся политическая обстановка способствовали разрушению этого длительного союза. После смерти Франсуа Алансонского в 1584 г. Маргарита перестала интере-

совать Генриха в качестве политического союзника. С этого момента он предпочитал самостоятельно договариваться с французским двором. В итоге, Маргарита оказалась в числе противников Генриха.

После осложнений отношений с Маргаритой Генрих полностью с ней не разрывал из политических соображений. Брак с принцессой де Валуа придавал легитимность его притязаниям на французский престол. Это подтверждает тот факт, что почти сразу после утверждения его в качестве короля Франции Генрих затеял бракоразводный процесс.

Сближению Генриха с другим важным союзником Франсуа Алансонским в 1573 г. способствовало их равно приниженное положение при дворе. Активное посредничество Маргариты способствовало поддержанию и укреплению их отношений. Союз носил ситуативный характер, он был обусловлен внешними обстоятельствами — давлением со стороны двора, а также отсутствием других возможных сторонников. В связи с этим, он не был прочным и после исчезновения общих целей завершился.

Объединившись, Генрих и Франсуа участвовали в ряде заговоров против короля. Они заключили договор с гугенотами, и, опираясь на их военную помощь, совершили побег от французского двора.

После побега они продолжили действовать в рамках союзнических отношений. В 1576 г. король Наваррский послал в помощь герцогу Алансонскому военные подразделения [3, с. 87]. В результате, они смогли создать военную угрозу для короля [3, с. 83-84], что помогло им принудить Генриха III к выгодному для них миру. Франсуа получил герцогство Анжуйское, а гугеноты, возглавляемые королём Наваррским, добились «значительных преимуществ» [3, с. 88].

Когда общие цели иссякли и обе стороны получили желаемое, союз распался. В целом, союз с герцогом Алансонским предоставил политическую поддержку Генриху на первых этапах его становления как политика.

Центральное место в политике Генриха занимала религиозная сфера. Источники позволяют предположить, была ли религия глубоким личным убеждением Генриха, являлась ли она основным стержнем его политики, или он использовал свое вероисповедание в качестве политического оружия для достижения поставленных целей.

С одной стороны, Генрих показывал публично глубокую привязанность к гугенотской вере. Во время бракосочетания с Маргаритой он демонстративно покинул собор, не желая присутствовать на мессе в силу своих религиозных взглядов [3, с. 43]. Похороны его матери были подчеркнута скромными [3, с. 41], как того требовала вера его семьи. В 1579 г. для поддержания этого имиджа он был готов арестовать католиков,

собранных на мессу [3, с. 159-160], чтобы не вызвать негодования у своих подданных-гугенотов.

С другой стороны, Генрих совершил несколько переходов между протестантизмом и католицизмом. В первый раз смена веры была обусловлена событиями Варфоломеевской ночи, когда Генриху пришлось защищать свою жизнь. Его спасло родство с королевской семьей [3, с. 51] и вступление в лоно Католической Церкви [3, с. 88]. Возвращение в протестантизм в 1573 г. [3, с. 52] было совершено по иным политическим мотивам: заручившись поддержкой гугенотов, Генрих смог бежать из Лувра, где находился на положении пленника, и обрести политическую независимость.

Готовность к неоднократной смене веры под влиянием обстоятельств свидетельствует о его компромиссности в вопросах веры. Скорее всего, Генрих был религиозно индифферентен. Складывается впечатление, что религия для короля Наваррского была одним из инструментов его политики. При помощи этого инструмента он смог создать имидж ревнителя кальвинизма и, благодаря этому, возглавить гугенотов, смог защитить свою жизнь или обрести необходимую политическую поддержку.

Источники не позволяют проанализировать внешнюю политику, которую Генрих проводил как французский монарх. Однако предоставляется возможность проследить, как закладывались основные направления этой политики в период религиозных войн, когда Генрих был еще королем Наварры. Можно выделить три основных направления: дипломатические отношения с Священной Римской империей, с Англией и противостояние испанским монархам.

Генрих неоднократно использовал союзнические отношения с немецкими курфюрстами для получения военной помощи. После побега из Лувра он вместе с герцогом Алансонским опирался на армию рейтаров под командованием курфюрста Иоганна Казимира Баварского и полковника Поне [3, с. 87]. После смерти герцога Алансонского, когда разгорелась борьба за наследование французского престола, Генрих вновь обратился к немецким князьям за военной помощью [3, с. 294]. Исследователи отмечают, что именно благодаря их содействию, Генриху удалось вырвать военно-стратегическую инициативу у католической Лиги, поддерживаемой Испанией, что впоследствии определило его победу в этой войне [6, с. 95-96].

Стоит отметить, что Генрих осторожно использовал помощь немецких союзников, прибегая к их поддержке только в тех случаях, когда рассчитывать на собственные силы не приходилось, и распускал армии

немецких наемников, когда устанавливался мир и необходимость в них отпадала [3, с. 88].

Политические отношения Генриха Наваррского с Англией в источнике осязаны меньше. С 1572 г. велись активные переговоры о возможном браке герцога Алансонского с английской королевой Елизаветой. Учитывая, что Маргарита часто писала Генриху о том, как продвигается это дело [3, с. 292], можно предположить, что король Наваррский был также заинтересован в этом браке. На тот момент он находился в союзнических отношениях с герцогом, поэтому брак с Елизаветой I мог способствовать расширению дипломатических отношений Генриха с английской монархией.

В источниках нет прямых указаний на политическую позицию Генриха относительно Испании, однако можно составить представление об этом, проанализировав отношения Маргариты с лидерами этого государства.

Пока Маргарита находилась в союзе с Генрихом, она поддерживала Нидерланды, восставшие против испанской власти, способствуя тому, чтобы ее брат, герцог Алансонский, утвердился на престоле во Фландрии. Учитывая политический союз Генриха с Маргаритой на тот момент времени, можно предположить, что дипломатические отношения с Нидерландами, установленные Маргаритой, если и не отвечали интересам короля Наваррского, то, во всяком случае, не противоречили им.

Впоследствии эти направления гугенотской дипломатии, заложенные в годы религиозных войн, нашли отражение во внешней политике Генриха IV. Союзнические отношения с Англией получили развитие на государственном уровне, противостояние Испании усиливалось.

Обобщая вышесказанное, в «Мемуарах» и письмах Маргариты де Валуа Генрих IV представляется тонким, дальновидным политиком. В своих действиях он руководствовался, прежде всего, расчетом и личной выгодой. Особенно ярко это проявилось при заключении политических союзов. Как только союзнические отношения переставали приносить ему пользу, они разрывались.

В религиозном вопросе проявилась не только готовность Генриха Наваррского к компромиссам, но и противоречивость его политики. С одной стороны, он был готов сменить вероисповедание в зависимости от обстоятельств, а, с другой стороны, он возвращался в протестантизм и действовал в интересах гугенотов. Это заметно и во внешнеполитической ориентации Генриха. Его дипломатия развернулась, в первую очередь, в отношении государств, поддержавших Реформацию. Его политическая

позиция сформировалась окончательно, когда появилась его главная цель — занять престол Франции.

Амбиции занять французский престол выразились также в осторожности и продуманности политических шагов Генриха, в особенности в отношениях с другими государствами: в случае его восшествия на престол ему пришлось бы поддерживать те внешнеполитические союзы, которые были установлены в течение религиозных войн. Поэтому Генрих не стремился вступать в международные альянсы. Этими соображениями были вызваны его осмотрительность с использованием военной помощи немецких князей, стремившихся создать интернациональный союз протестантов, а также его противостояние с Испанией, претендующей на влияние на Францию.

Немаловажную роль в политике Генриха сыграли его военно-стратегические успехи. Благодаря ним он не только добивался выгодных условий перемирий, но и в целом установил такие отношения с французским двором, которые не давали возможность ограничивать самостоятельность его политики.

В заключение стоит отметить особенность взгляда Маргариты де Валуа на политику короля Наваррского. Ее видение во многом зависит от ее взаимоотношений с Генрихом. Находясь в союзе с ним, она одобряла его политику, но, находясь в конфликте с ним, осуждала его действия. Тем не менее, в некоторых случаях ее мнение неизменно. Прежде всего, она всегда желала мира во Франции, а также мира между мужем и братом. Также Маргарита одобряла стремление короля Наваррского к самостоятельной политике, поэтому посильно помогала ему обрести независимость от французского двора. Кроме того, она, будучи ревностной католичкой, не поощряла приверженность Генриха к гугенотской вере, и, как следствие, не желала, чтобы еретик вззошел на французский престол.

Список использованных источников и литературы

1. *Баблон Ж.П.* Генрих IV / пер. с фр. Д.Н. Вальяно. – Ростов-на-Дону, 1999. 605 с.
2. *Вьенно Э.* Маргарита де Валуа: история женщины, история мифа / Пер. с фр. М.Ю. Некрасова, В.В. Шишкин. СПб., 2012. 523 с.
3. Маргарита де Валуа (1553-1615). Мемуары. Избранные письма. Документы / Сост., пер., прим., публ. В.В. Шишкин. СПб., 2010. 342 с.
4. *Плешкова С.Л.* Генрих IV Французский / С.Л. Плешкова // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 65–81.
5. *Плешкова, Л.С.* Слово о королеве Марго (предисловие к публикации мемуаров) / Л.С. Плешкова // Мемуары королевы Марго. , 1995.

6. *Прокотьев А.Ю.* Немецкое дворянство и французские религиозные войны/ В.В. Шишкин // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. СПб., 2015. С. 185-206.
7. *Шишкин В. В.* Лоран Ангар. Наваррский двор глазами Маргариты де Валуа: реальность и представление//Средние века. Вып. 72 (1–2). М., 2011. С. 194–213.
8. *Шишкин В. В.* "Истинная католичка" замужем за гугенотским лидером: пример Маргариты де Валуа / В. В. Шишкин // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 6. С. 59-67.

Для цитирования: Новикова Д. В. Генрих IV как политик по «Мемуарам» и письмам Маргариты де Валуа// Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 303-309.

Бабьрь Анастасия Валерьевна

Оценка Генриха Валуа как кандидата на польский престол в польской публицистике первого бескорольевья

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию образа Генриха Валуа как кандидата на польский престол во время первого бескорольевья после смерти Сигизмунда II Августа (1572–1573) в политических сочинениях современников. В статье раскрываются аргументы, которые приводили сторонники и противники его избрания, чтобы обосновать своё решение, а также достоинства и недостатки данной кандидатуры, на которые они указывали.

Ключевые слова: Генрих Валуа; польское бескорольевье; история Польши.

Title: Assessment of Henry Valois as a candidate for the Polish throne in Polish political writings of the first interregnum.

Abstract. This article is devoted to the study of the image of Henry Valois as a candidate for the Polish throne during first interregnum after death of Zygmunt II August (1572–1573) in political writings of contemporaries. The article shows the arguments given by supporters and opponents of his election to justify their decision, as well as the advantages and disadvantages of this candidacy, which they pointed out.

Key words: Henry Valois; polish interregnum; history of Poland.

Смерть Сигизмунда Августа в 1572 году завершила правление династии Ягеллонов, которая объединяла Польшу и Литву с 1386 года. Таким образом круг кандидатов на польский престол стал, как никогда, широк, так как не ограничивался только членами династии. Это открыло дорогу к трону внешним, иностранным участникам, преследовавшим свои собственные интересы. Кандидатуры широко обсуждались как внутри страны, так и за её пределами, особенно учитывая, что почти каждая из главных сил в регионе имела своего кандидата. В конечном счёте, по итогам выборов 11 мая 1573 года, на польский престол был избран Генрих Валуа, брат французского короля Карла IX.

Отчасти его избрание обеспечили преувеличенные обещания, которые французские послы давали от его имени [4, с. 420]. Б.Н. Флоря пишет, что анализ планов, которые связывались с французской кандидатурой,

Бабьрь, Анастасия Валерьевна – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st107632@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Филюшкин, Александр Ильич*, д-р ист. наук, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Babyr, Anastasiya Valerevna – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st107632@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Filyushkin, Alexander Ilyich*, Doctor of Historical Sciences, Doc. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

показывает, что его сторонники явно стремились возобновить войну с Россией и рассчитывали на поддержку Франции для её победы [1, с. 86].

Привлекаемые в качестве источников документы содержатся в издании Я. Чубека „Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia” [2]. Сборник объединяет в себе памфлеты, политические брошюры, диалоги. Отличительной чертой использованных сочинений, помимо ярко выраженной эмоциональной окраски, является их безымянность, поскольку они распространялись без указания авторства.

Личность данного кандидата оценивалась по-разному как поддерживающими его, так и теми, кто выступал против. Сторонники французского принца выделяют такие его личные качества как честность и образованность. Один из авторов, оценивая личность Генриха, приводит конкретный факт из его жизни – «за двадцать лет три битвы выиграл, ни разу не проиграл» [9, s. 449], характеризующий его как человека, сведущего в военном деле, что может быть очень важно для короля. Этот факт выгодно выделяет его на фоне другого кандидата, сына императора Максимилиана II, эрцгерцога Эрнеста: будучи старше всего на год, Генрих, в отличие от Эрнеста, не характеризуется «незрелым» [10, s. 490], видимо, именно за счёт наличия военного опыта. В целом, сторонники делают акцент на его преимуществах во внешней политике (его правление обеспечит мир с Османской империей, а также поддержку в войне с Московским государством, в перспективе – возвращение потерянных земель) и торговле (восстановление портов, господство на море), утверждается, что его избрание обеспечит внутренний мир [9, s. 450; 10, 490]. Довольно много людей, в том числе из обладавших авторитетом среди знати, приводили именно такие аргументы, рекомендуя его кандидатуру [3, s. 42].

В качестве минуса, признаваемого и сторонниками, и противниками, указывается незнание языка [12, s. 355; 6, s. 459; 10, s. 490; 6, s. 495], мотивированное нежеланием разговаривать с королём через переводчиков. Кроме того, препятствием к избранию может служить чуждость польскому народу французских обычаев [6, s. 459; 12, s. 352], которые потенциальный король неизбежно привнесёт с собой: «Земля и небо, под которыми мы родились, хотя других, старых польских, литовских обычаев, которые искренни, храбры и правдивы, которые когда у предков наших были, то и Господь Бог был с ними, и Речь Посполитая процветала всю» [12, s. 352]. Также к недостаткам относят большое расстояние между Францией и Речью Посполитой, что усложняет оказание военной помощи в таком случае [6, s. 459; 12, s. 351]. Один из авторов, объясняя, почему не стоит отдавать предпочтение Генриху, критикует его брата, французского короля, указывая, что он, будучи «christianissimus rex»,

находится в дружественных отношениях с противником Святого Креста – Османской империей [12, s. 355].

Наибольшее беспокойство перспектива избрания французского принца на трон вызывала в связи с его причастностью к событиям Варфоломеевской ночи, которая вызвала большой общественный резонанс в Речи Посполитой, и реакция на это событие, как и на связь Генриха с ним, прослеживается в сочинениях как сторонников, так и противников его избрания. Я. Тазбир связывает это с высоким интересом шляхты к ходу религиозных войн в Европе, а особенно - во Франции [11, p. 42]. По словам автора одного из документов („Krakowski skrypt przeciwko królewicowi francuskiemu”), в Речи Посполитой «знают, что происходит во Франции, и содрогаются, когда до них доходят сведения о великой и жестокой смуте, которая там творится, о том, что французская земля омыта христианской кровью, и осталось мало здоровых дворян и целых городов» [6, s. 459]. Такая характеристика показывает, какое беспокойство вызывала перспектива избрания французского принца на трон в связи с Варфоломеевской ночью, особенно для противников религиозных преследований и тех, кто имел друзей среди французских протестантов (в связи с развитыми связями Речи Посполитой с Францией, это было значительным фактором) [11, p. 42]: «Не дай Бог, чтобы головня этого огня достигла нас» [6, s. 459]. В государстве, в котором дворянство подчинялось только закону, им самими и провозглашённому, где сохранение прежних свобод и привилегий было одной из главных задач бескорольевья, убийство по приказу короля такого количества людей должно было казаться тиранией не меньшей, чем той, которая существует в Московском государстве. Обвинения, выдвигаемые противниками избрания Генриха, были выдержаны в крайне возмущённом тоне и отличались яркой эмоциональной окраской («такой жестокости и обмана, какие случились с этим славным монархом и окружавшими его людьми, после Рождества Христова в христианстве никогда не наблюдалось») [12, s. 355].

Сторонники Генриха вступают в полемику, отвергая и отражая аргументы противников. Интересно, как одна и та же черта подвергается полярной трактовке в зависимости от личной позиции автора. Это касается не только субъективных характеристик, трудно поддающихся независимой оценке, но и конкретным фактам. Так, значение такого недостатка как незнание польского языка сторонники склонны преуменьшать, учитывая, что Генрих знает итальянский и латинский [10, s. 490; 6, s. 495]. В их сочинениях противоположная оценка даётся культуре, менталитету и обычаям французской нации, которая названа близкой к польской по этим характеристикам [7, s. 461; 9, s. 450; 10, s. 490], а большое расстояние

между Францией и Речью Посполитой трактуется как позитивная черта («лучше взять более дальнего, чем более близкого, который будет висеть у нас на шее со всеми своими сановниками» [9, s. 450; 7, s. 461]). События Варфоломеевской ночи также подвергается собственной интерпретации: в их оценке французский король предстаёт безуспешным умиротворителем внутренних раздоров, не предвидевшим и не желавшим такого исхода [8, s. 486–487]. На руку сторонникам Генриха было то, что роль французского двора в данном событии оставалась не вполне ясной. Тем не менее, обеспечить избрание всего через год после такого события было невероятно сложно.

Рассматривая аргументы, которыми авторы политических сочинений обосновывали свою позицию, можно заметить, что личностные характеристики имели меньшее значение, чем политические перспективы, с которыми связывали правление Генриха как короля Польши. Негативная характеристика Генриха Валуа со стороны сторонников других кандидатов чаще всего была направлена не столько на какие-либо его личные недостатки, сколько на государство, из которого он происходил, негативные черты его семьи или опасности, которые возникнут в случае его избрания. Его положительные характеристики практически не подчёркивают его личные достоинства, так как его черты не раскрыты – такой же честный и хорошо образованный, как и шведский король, как и эрцгерцог Эрнест [10, s. 490]. В конечном счёте, несмотря на события Варфоломеевской ночи, которые создали опасения, что его избрание может поставить под угрозу дворянские привилегии и положение протестантов в Речи Посполитой, он обладал большими ресурсами – военными и денежными, а самое главное, мог обеспечить мирные отношения с Османской империей и удержать крепкое международное положение страны, что оказалось более важным.

Список использованных источников и литературы

1. *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI-начале XVII в.. Москва, 1978. 300 с.
2. *Czubek J.* Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków. 1906. 765 S.
3. *Dubas-Urwanowicz E.* „Bezkrólewie—czas integracji czy podziałów?” //Przegląd Historyczny. 1994. T. 85. №. 1-2. S. 35-43.
4. *Ijäs M.* The Rejected Candidate: John III Vasa, the Polish-Lithuanian royal elections (1573/1575) and early-modern political decision-making //Scandinavian Journal of History. 2014. T. 39. №. 4. P. 403-424.
5. *Kompetytorów do Korony polskiej comoda* // *Czubek J.* Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków. 1906. S. 492–495. Nr. XLI.

6. Krakowski skrypt przeciwko królewicowi francuskiemu // Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków. 1906. S. 459–460. Nr. XXXVI.
7. Respons na tenże skrypt // Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków. 1906. S. 461–463. Nr. XXXVII.
8. Rozmowa Kruszwicka de nobilissimo septentrionis regno tempore interregni post mortem Sigismundi Augusti regis X Februarii w Kruszwicy // Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków. 1906. S. 466–490. Nr. XXXIX.
9. Sententia cuiusdam de eligendo rege // Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków. 1906. S. 447–450. Nr. XXXIII.
10. Tabula Cebetis. Competitorum ad regnum commoda // Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków. 1906. S. 490. Nr. XL.
11. *Tazbir J.* Polish Echoes of St. Bartholomew's Day Massacre // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. 2017. T. 61. №. 2. P. 41–65.
12. Zdanie o obieraniu nowego króla // Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków. 1906. S. 349–355. Nr. XXIII.

Для цитирования: Бабурь А. В. Оценка Генриха Валуа как кандидата на польский престол в польской публицистике первого бескорольевья // *Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных.* СПб., 2024. С. 310-314.

Регентство Марии Медичи в «Мемуарах» кардинала Ришелье

Аннотация. Кардинал Ришелье является одной из ключевых фигур французской истории XVII века. Его общественно-политические взгляды до сих пор вызывают интерес у исследователей. В статье анализируются «Мемуары» кардинала Ришелье, значительная часть которых посвящена описанию политической ситуации эпохи регентства Марии Медичи.

Ключевые слова: кардинал Ришелье, Мария Медичи, история Франции конца XVI – первой половины XVII вв.

Title: The Regency of Marie de' Medici in the "Memoirs" of Cardinal Richelieu

Abstract. Cardinal Richelieu is one of the key figures in French history of the XVII century. His socio-political views are still of interest to researchers. The article analyzes the "Memoirs" of Cardinal Richelieu, a significant part of which is devoted to the description of the political situation of the regency of Marie de Medici.

Key words: Cardinal Richelieu, Marie de Medici, the history of France at the end of the XVI – first half of the XVII centuries.

«Мемуары» кардинала Ришелье, первоначально именовавшиеся «История короля Людовика XIII» [2, с. 148], появились на свет между 1630 и 1631 годами. В целом изложенные в них факты точны, но интерпретация часто тенденциозна. Кардинал не акцентировал внимание на возможных ошибках, придавая значение лишь своим победам. [2, с. 149]. Впервые они были изданы в 1823 г. Французский журналист Д. Л. М. Авенель полагал, что «Мемуары» являются собранием различных документов, которые были подобраны и отредактированы под руководством Ришелье [5, с. 30]. Л. Баттифоль считал, что кардинал вообще не был причастен к составлению «Мемуаров» [9]. П. Бертран выдвинул идею, что при жизни кардинала были отредактированы главы о 1624-1630 гг [10]. М. Деллош высказал мнение, что Ришелье отредактировал части за 1600-1610 и 1620-1623 гг [11]. В настоящее время в причастности Ришелье к написанию «Мемуаров» и в их подлинности исследователи не сомневаются.

Ришелье в «Мемуарах» делит регентство Марии Медичи на 4 этапа [5, с. 94].

Салахова, Аида Ильдаровна - Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st094517@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Кулешова, Елена Владимировна*, канд. ист. наук, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Salakhova Aida Ildarovna - Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st094517@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Kuleshova Elena Vladimirovna*, Candidate of Historical Sciences, Assoc. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Первый этап прошел быстро и завершился с отставкой герцога де Сюлли [5, с. 94]. Характеризуя деятельность Сюлли, Ришелье намекал на его казнокрадство, осуждая положение, при котором государство получало меньше выгод, чем министр [5, с. 115]. Но в ту эпоху это не являлось необычным [4, с. 46]. И Ришелье скорее осуждал само явление, чем выступал против Сюлли.

Говоря о втором этапе регентства, который продлился до ноября 1613 г. [5, с. 95], Ришелье развил мысль о недопустимости подчинения государственных интересов личным. Для него интересы государства должны стоять выше частных [5, с. 119]. Во Франции по прежнему острой была проблема существования протестантизма, гугеноты отстаивали свои интересы в Ларошели и Сентонже, требовали созыва ассамблеи. По этому вопросу высказывались две точки зрения: Королева-мать должна была либо присоединиться к одной из партий, либо занять нейтральную позицию [5, с. 125]. Мнение Ришелье представлено завуалированно, он более поддерживал тех, кто выступал за беспристрастность Марии Медичи. Скорее всего, Ришелье считал, что, присоединение к одной из партий, чревато началом новых междоусобиц. Кардинал не симпатизировал гугенотам [5, с. 124-125], но и не был настроен против них радикально. Х. Беллок считал одной из целей Ришелье прекращение религиозной распри внутри страны и ликвидацию гугенотских «государств в государстве» [1]. Кардинал предпочитал «демонстрацию силы» и воздействие с помощью милости [5, с. 125]. Хотя к мятежникам относился крайне негативно, полагая, что они выступают против самого Бога [5, с. 136].

В 1612 году начала обсуждаться возможность заключения «испанских браков». Этот вопрос породил множество споров среди знати, Ришелье осуждает их и убежден, что это результат поиска личной выгоды для каждой из придворных группировок [5, с. 144]. Действительно, для партии Конде препятствие бракам позволяло заручиться поддержкой гугенотов, что было решающим фактором в надвигающейся смуте [4, с. 174].

Говоря о третьем этапе регентства, который длился до 1615 г. [5, с. 95], Ришелье открыто порицает политику властей [5, с. 185]. В поисках поддержки Мария Медичи растратила все, что было собрано при Генрихе IV [8]. Кардинал признаёт, что это позволило выиграть время до совершеннолетия короля [5, с. 186], но проблема с непокорной знатью была не решена, а отложена, что в его глазах сделало её более опасной. С приближением совершеннолетия короля Ришелье связывал рост активности придворных группировок. Кардинал понимал, что знать вынуждена будет начать считаться с королем и подчиняться ему [5, с. 186]. При Людовике XIII особенно подчёркивался религиозный харак-

тер французской королевской власти [2, с. 58]. Ришелье видел за любым бунтом знати покушение на жизнь короля [5, с. 177]. Позже, в 1629 году кардинал скажет, что во Франции не может быть никакой другой власти, кроме власти короля [6].

Ришелье критиковал все распри, считая, что они провоцировали выступления гугенотов [5, с. 179]. Он полагал, что мятеж поднимался знатью ради своих амбиций.

Говоря об условиях мира с мятежниками (Конде, дю Мэн, Невер и др.), Ришелье открыто порицал их, считая, что договор не решает проблему, из-за безнаказанности бутовщиков [5, с. 197-198]. Позднее, уже будучи у власти, он проводил линию на подавление мятежей, не идя на компромиссы [6].

Высшая знать у Ришелье выступает источником постоянного беспокойства. В ходе мятежа было выдвинуто требование созыва Генеральных штатов, но позже принц Конде не настаивает на этом. Ришелье видит здесь уловку, считая, что Принц ищет повод к новому мятежу [5, с. 204]. Вся дальнейшая политика Ришелье была направлена на то, чтобы усмирить знать, например, казнь маршала де Марильяка [6]. Ввиду этих обстоятельств, вполне логичным выглядит критика действий Марии Медичи [5, с. 210]. Стоит заметить, что Ришелье не обвиняет министров или придворных, хотя ранее он акцентировал внимание именно на дурных советчиках. Х. Беллок писал, что Ришелье всегда уважал Марию Медичи, но его устраивала её некомпетентность [1]. Ришелье подмечал ещё такую ошибку Королевы-матери, как возвышении де Люиня, фаворита Людовика XIII [5, с. 208]. Кардинал критиковал это ход, считая, что с потенциальными недругами не стоит пытаться идти на соглашения, и тот, кто помогает делает это в ущерб себе. Большим просчётом Ришелье считал недоверие, существовавшее между королевой и министрами, из-за которого последние вынуждены были ориентироваться на настроение вельмож, поскольку они не верили, что королева сможет их защитить [5, с. 209].

В 1614 году состоялись Генеральные штаты. Ришелье был избран депутатом от духовенства [1]. В своей речи, он призвал исполнять решения Тридентского собора (1545–1564) [5, с. 249], которые сам исполнял в своей епархии [1]. Но сделал важное дополнение, что готов отказаться от статей, которые не полезны для государства [5, с. 250], фактически отдал приоритет интересам светской власти, а не религии.

После роспуска Генеральных штатов, палаты парижского Парламента вынесли постановление: все принцы, герцоги, пэры и чиновники должны обсуждать вместе с ними меры для блага государства и облегчения жизни

его жителей [3, с. 267]. Генеральные штаты, как пишет Ришелье, не оправдали надежд принцев, стремившихся найти новые поводы для мятежа, поэтому они обратились в парламент, и убедили его членов поддержать их [5, с. 255]. Аргументы парламента кардинал считал «несерьёзными» [5, с. 256]. Ришелье, став первым министром подавлял всякие попытки Парламента к неповиновению [3, с. 268]. П. П. Черкасов пишет, что парламенты мечтали о возвращении к временам сословной монархии [6]. Абсолютизм был во многом выгоден чиновному дворянству [4, с. 71], но укрепление власти короля в провинциях [4, с. 72] и уменьшение роли парламента в политических делах [4, с. 73], проводившееся Ришелье нарушало их интересы.

Рассказ о четвёртом этапе регентства Ришелье начинается с мятежа принцев. В отличие от предыдущего этапа, Ришелье стал придерживаться политики примирения с мятежными принцами. [5, с. 285]. Этому можно найти несколько объяснений. Ф. Блюш писал, что кардинал-министр редко миловал [2, с. 78], но большинство этих эпизодов скорее диктовались политическими соображениями, чем личной жестокостью, например, в отношении гугенотов Ришелье проявил милосердие при взятии Ларошели [6], и здесь скорее всего верх взяли политические соображения, но в этот раз они диктовали другие действия. Далее Ришелье писал, что Мария Медичи на опыте поняла, что нужно быть разборчивой в выборе средств, чтобы не настроить против себя народ, склонный верить мятежникам [5, с. 312]. С другой стороны, такая смена мнений могла быть продиктована конкретными обстоятельствами, например тем, что часть мятежников (принц Конде, герцоги Майенский и Бульонский) сама жаждет мира [5, с. 286]. Знать не отличалась единством, и не составляло труда расколоть их партии [4, с. 51]. Но Ришелье не согласен на мир на любых условиях, он продолжает считать тактику задабривания знати неэффективной и вредной [5, с. 290].

Четвёртый этап регентства Ришелье связывал с усилением маршала д'Анкара и его жены, поэтому часть просчётов он приписывал им [5, с. 304-305]. Но Ришелье не занимал непримиримой позиции по отношению к этим фаворитам, считая, что они принесли некоторую пользу государству [5, с. 96]. Хотя и считал, что маршал заинтересован в сугубо личном благосостоянии [5, с. 261]. Это достаточное мягкое отношение к чете фаворитов можно связать с тем, что именно Кончини Ришелье был обязан своей должностью государственного секретаря по иностранным делам [1]. Несмотря на это Ришелье против фаворитизма как явления [5, с. 376]. Тиранические повадки временщика угнетали даже его ближайших помощников [6]. Ришелье полагал, что правление фаворитов приводит

к тирании. Став первым министром, Ришелье настоятельно рекомендовал королю положить конец фаворитизму, представляющему серьёзную опасность для государства [7, с. 77]. По мнению А. Д. Люблинской возвышение фаворита, в XVI и в начале XVII в., играло роль противовеса старой знати [4, с. 45-46]. Народ и знать ненавидели Кончини, который получал множество почестей и в 1613 году был произведен в маршалы Франции, хотя не участвовал ни в одном бою [6]. После этого партия Конде начал компанию против маршала [4, с. 118], что способствовало росту народного недовольства. Ещё одной причиной ненависти к Кончини Ришелье считал его стиль управления, основанный на страхе [5, с. 374]. Хотя сам Ришелье применял элементы этой политики, например, в отношении дуэлей [2, с. 101].

П. П. Черкасов считал, что уже после подписания 3 мая 1616 года мирного соглашения с принцами, Ришелье предвидел - Кончини обречен [6]. Принцы перешли от мятежей к заговорам [5, с. 319]. Этот заговор принцев провалился и закончился арестом принца Конде в 1616 году. П. П. Черкасов пишет, что это было сделано по совету Барбена и Ришелье [6], но сам Ришелье в мемуарах о своей роли умалчивает. После этого часть министров попробовали заступиться за принца перед Королевой-матерью [5, с. 336-337]. Ришелье критикует само заступничество, поведение всех лиц в нём, и мотивы, которые ими двигают, то есть считает это неприемлемым для государственного деятеля. Кардинал видел целью всех мятежей – разрушение королевства. Он считал, что слова не подействуют без военной силы, заминки расценивал как слабость [5, с. 367].

Помимо знати ещё один очаг беспокойства – гугеноты [5, с. 368]. По мнению Ришелье, позиция короля должна быть твёрдой, его право быть милосердным, но не мягким [5, с. 370]. Эта позиция показана во время взятия Ларошели. Король уже не идет на политические уступки мятежникам, как было во времена регентства [6]. В начале XVII в. гугенотская знать прекратила борьбу с католической, поэтому они могли объединяться в одну партию [4, с. 52]. Интересы гугенотской буржуазии были во многом близки дворянам, что делало их союз достаточно прочным [4, с. 78-79]. Риск присоединения гугенотов к мятежу всегда был велик и его приходилось держать в уме. То есть гугеноты являлись прежде всего политической, а не религиозной угрозой, что объясняет некоторую толерантность Ришелье в отношении вероисповедания.

Таким образом, период регентства в «Мемуарах» Ришелье освещён достаточно подробно, во многом благодаря тому, что он сам являлся действующим лицом. Именно в этот период мы видим ряд событий,

которые позволяют понять дальнейшие действия Ришелье в эпоху его министерства. Период регентства Марии Медичи Ришелье представляет как время ослабления власти из-за её собственной нерешительности, ошибок министров и неверности знати. Политика правительства в этот период вызывает у Ришелье скорее осуждение, он не одобряет методов министров и считает, что их действия роняют престиж королевской власти, как внутри страны, так и за рубежом.

Список использованных источников и литературы

1. Беллок Х. Ришелье. М., 2002.
2. Блюш Ф. Ришелье М., 2006. 323 с.
3. Глаголева Е. Повседневная жизнь Франции в эпоху Ришелье и Людовика XIII М., 2007. 333 с.
4. Люблинская А. Д. Франция в начале XVII века (1610-1620). Л., 1959. 293 с.
5. Ришелье дю Плесси, Арман Жан. Мемуары/ Арман Жан дю Плесси кардинал герцог де Ришелье; пер. с фр. Т.В. Чугуновой, предисл. и ком. Е.А. Городиловой. М., 2014. 926 с.
6. Черкасов П. П. Кардинал Ришелье. М., 1990.
7. Черкасов П.П. Правители Франции XVII-XVIII века. М., 2018. 200 с.
8. Шишкин В. В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI-XVII веках СПб., 2004.
9. L. Battifol. Les faux Mémoires du cardinal de Richelieu. "Revue de deux Mondes". Paris, 1921. Pp. 869-894.
10. P. Bertrand. Les vraies et les faux Mémoires du cardinal de Richelieu. Revue historiques. T. 141, Paris, 1923.
11. M. Deloche. Les vraies Mémoires du cardinal de Richelieu. Revue des questions historiques. T. 109, 1928, № 3-4.

Для цитирования: *Салахова А. И.* Регентство Марии Медичи в «Мемуарах» кардинала Ришелье // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 315-320.

Сковородникова Екатерина Дмитриевна
Жалобы, адресованные королеве-регенту Анне Австрийской во время
парламентской Фронды 1649 г.

Аннотация. В статье рассматриваются анонимные мазаринады, адресованные королеве-регенту Анне Австрийской во время парламентской Фронды 1649 г., «Правда без маски о гонимой нищете или жалоба бедных королеве против кардинала Мазарини» и «Последние просители у ног королевы». Показывается, что авторы памфлетов занимали сторону парламента и распространяли угодную ему идею о виновности кардинала Мазарини во всех несчастьях французского королевства.

Ключевые слова: жалоба, мазаринада, парламентская фронда 1649 г., памфлеты, Мазарини.

Title: Complaints addressed to Queen Regent Anne of Austria during the Parliamentary Fronde of 1649

Abstract. The article examines the anonymous mazarinades addressed to the Queen Regent Anne of Austria during the parliamentary Fronde of 1649, "The Truth Unmasked about Persecuted Poverty or the Complaint of the Poor to the Queen against Cardinal Mazarini" and "The Last Petitioners at the Queen's Feet". It is shown that the authors of the pamphlets took the side of Parliament and spread the idea that Cardinal Mazarini was guilty of all the misfortunes of the French kingdom.

Keywords: complaint, mazarinade, parliamentary front 1649, pamphlets, Mazarini.

Противостояние Парижского Парламента и королевского правительства, достигшее кульминации в период регентства Анны Австрийской, поручившей управление страной первому министру кардиналу Мазарини, привело к широчайшему антиправительственному движению, которое получило название Фронды (1648-1653 гг.). Крупнейший отечественный специалист в области изучения Фронды Малов В.Н. отмечает, что в основе конфликта, разгоревшегося между судьями и королевской властью, лежал спор о «путях дальнейшего развития французского абсолютизма». Если парламентарии ратовали за его постепенное развитие, то монархия предпочитала чрезвычайные меры [1, с. 23].

Сковородникова, Екатерина Дмитриевна – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; katerinka_skovorodnikova@mail.ru
Научный руководитель: *Кириллова, Екатерина Николаевна*, д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Skovorodnikova, Ekaterina Dmitrievna – Moscow State University, Moscow, Russia; katerinka_skovorodnikova@mail.ru

Scientific adviser: *Kirillova, Ekaterina Nikolaevna*, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Moscow State University, Moscow, Russia

Помимо судейской верхушки, вставшей на защиту собственнических интересов, в Париже поднялся и народ, угнетаемый постоянным ростом налогов и желавший скорейшего заключения мира. Парижская война сопровождалась взрывом публицистической деятельности, выходом огромного количества мазаринад, жанровых публицистических произведений, публиковавшихся как приверженцами Фронды, так и сторонниками королевской власти с 1648 по 1653 гг. [3, с. 145, 146], литературная форма которых различна (это могли быть письма, жалобы, ремонстрации, правды, речи, предупреждения, требования). Как отмечает исследователь Г. Каррье, изучающий мазаринады, сами современники удивлялись такому «наплыву» памфлетов [5, р. 55], которые стали рупором общественного мнения.

Актуальность исследования мазаринад состоит в том, что в российской историографии они прицельно не изучались, если не считать упоминание отдельных мазаринад в фундаментальных работах Поршнева Б.Ф. [4] и Малова В.Н. [1], а также статью Модель Б.Л. [2]. Напротив, во французской исторической науке мазаринады исследованы достаточно хорошо. Велик вклад Г. Каррье, крупнейшего специалиста в области изучения мазаринад, выпустившего двухтомник, посвященный прессе в период Фронды [5, 6]. Также стоит отметить работы К. Жуо [8] и М.Н. Гран-Меньи [7].

Потенциал мазаринад как исторического источника заключается в предоставляемой ими возможности изучать социальные связи, политическую культуру и критику, а также общественное мнение, важный рычаг в управлении государством [3, с. 145-146].

В работе будут рассмотрены две мазаринады, направленные против кардинала, которые являются наиболее репрезентативными для раскрытия темы. Речь пойдет об адресованных королеве-регенту Анне Австрийской и появившихся во время парламентской Фронды мазаринадах 1649 г., являющихся отдельными брошюрами и хранящихся в отделе специальных коллекций Центра социально-политической истории, филиала Государственной публичной исторической библиотеки.

Обе избранные мазаринады («Правда без маски о гонимой нищете или жалоба бедных королеве против кардинала Мазарини» и «Последние просители у ног королевы») анонимны, на титульном листе «Последних просителей» указано место печати – типография на улице Экос в районе Мон-Сент-Илер, который был «настоящим рассадником скромных семейных мастерских, плохо оснащенных, но гибких и способных выполнять срочные заказы по низкой цене» [11, р. 137], и фамилия типографа (Пьер дю Пон). На самой смелой и даже дерзкой мазаринаде («Правда») нет

указания ни на место публикации, ни на фамилию печатника, так как автор хотел сохранить свое имя в тайне, скорее всего, чтобы не быть преследуемым правосудием [6, р. 82]. Данные памфлеты позволяют изучить, с какими запросами их составители апеллировали к королеве.

Обращаясь к королевской особе, пусть и при составлении мазаринады, которая вряд ли дошла бы до своего адресата, авторам следовало придерживаться этикета. Составители «Правды» и «Последних просителей» начинают свои произведения с объяснения того, что их побудило написать к королеве. Если в «Правде» к королеве обращается сама «гонимая нищета» в лице бедных, умоляющих о великодушии правительницы и желающих найти «облегчение от несчастья» [9, р. 1], то «Последние просители», не нуждающиеся в красноречии, бросаются к ногам королевы и умоляют ее или помочь им, или «увидеть, как они теряют свою жизнь» [10, р. 3].

В обоих памфлетах авторы, используя «говорящие» названия и прибегая к риторическим приемам, являющимся неотъемлемой частью подобных сочинений [5, р. 377, 382], рисуют картину бедствий, с которыми столкнулась Франция и сам народ, изображаемый ими голодным, еле держащимся на ногах, при виде которого жалость непременно должна овладеть королевой [9, р. 2; 10, р. 3, 4]. Авторы подчёркивают, что к королеве взывают именно бедные, а не парламент, обращающийся к монаршей особе, чтобы отстоять собственные интересы [9, р. 2; 10, р. 3]. Королева слышит «голоса тысячи и тысячи душ, томящихся из-за крайней нужды в хлебе, голоса бедных...» [9, р. 2].

До такого состояния подданных королевы, как считают памфлетисты, довел министр Джулио Мазарини, который становится главным объектом ненависти и неприязни всего французского народа [9, р. 3-8; 10, р. 4, 5]. С началом блокады правительством Парижа в январе 1649 г. овладевший властью в городе парламент принял постановление, в котором кардинал Мазарини объявлялся виновным в бедствиях государства, рассматривался в качестве возмутителя спокойствия и должен быть выслан из страны в течение недели, а до этого времени преследоваться подданными. Парламент желал, чтобы лозунг «Долой Мазарини!» стал общезападным [1, с. 321, 336]. Поэтому неудивительно, что авторы памфлетов подхватили эту идею и стали распространять ее в своих сочинениях, обвиняя в несчастьях королевства ненавистного итальянца.

Согласно мнению составителей «Правды» и «Последних просителей» кардинал «ослепил глаза королевы» [9, р. 5], «спрятал от её глаз зло», «ввел её в заблуждение» [10, р. 3]. Поэтому слепая, она не ведает, что творится в королевстве. Бедные, обращаясь к королеве, просят, чтобы

она открыла свои глаза и увидела реальность, в которой оказалась Франция и её подданные, бросила свой взгляд на страдающий народ, и самое главное – изгнала кардинала. Они стремятся убедить королеву, что Мазарини – тиран, устроивший гражданскую войну, который хочет погубить подданных французского королевства [9, р. 6; 10, р. 4, 5].

Изложение позиции «бедных» сопровождается использованием большого количества выдуманных аргументов, компрометирующих персону кардинала. Один из самых популярных – жадность и стремление нажиться, заставившие его опустошить королевскую казну и вывести из страны богатства [9, р. 6; 10, р. 6]. В действительности, во время наложения секвестра на имущество Мазарини, выяснилось, что его счет в банке пассивный, что не коррелировалось с образом сколачивающего капитал фаворита королевы [1, с. 332]. Вымысел используется в мазаринадах, чтобы привлечь внимание читателей и предложить собственное моделирование событий и, таким образом, придать ему смысл [8, р. 27-38].

Авторы мазаринад недоумевают, как королева, которой по природе должна быть свойственна жалость, поскольку она женщина, спокойно может смотреть на гибель своих подданных [5, р. 1, 3; 6, р. 5]. Они задаются вопросом: «неужели ее сердце жёстче мрамора»? [5, р. 7] Такой риторический прием используется памфлетистами, чтобы надавить на жалость читателей и показать, как страдает бедный народ, угнетённый коварным итальянцем. Ведь главная задача всех мазаринад состояла в убеждении и манипуляции, как замечает М. Тсимбиди [12, р. 27-39].

Памфлетисты, развивающие в мазаринадах тезисы о губительном правлении Мазарини, пытаются доказать Анне Австрийской, что кардинал представляет опасность для нее самой и для малолетнего короля Людовика, потому что он может предать их, он хочет «опрокинуть корону» [9, р. 8] и вообще желает, чтобы Анна перестала быть королевой [9, р. 5, 7; 10, р. 5]. Такой тезис демонстрирует, что первый министр опасен для самого института французской монархии. Далее, памфлетисты идут еще дальше и заявляют, что, если королева не избавится от кардинала, монархия падет во время её правления [9, р. 8; 10, р. 4, 7], что звучит достаточно угрожающе.

Оба памфлета строятся на антитезе, противопоставлении верных подданных королевской власти, истекающих кровью, голодных и нищих, спасающих французское королевство и короля с королевой, которые находятся в рабстве кардинала, и «коварного, неверного, бесчестного, жестокого [10, р. 4], не имеющего ни веры, ни закона, ни Бога, ни души [9, р. 6]» Мазарини, использующего все свою изворотливость и жестокость, чтобы разрушить Францию и погубить монархию и французских под-

данных. Авторы умоляют королеву освободить их и самой освободиться от тирании Мазарини, который всех губит.

Вместо того, чтобы прислушиваться к губительным рекомендациям первого министра, королева должна, согласно мнению памфлетистов, следовать советам «августейшего» Парламента [9, р. 7], ведь вся Франция «обязана старанию славного Парламента» [10, р. 7]. Этот тезис доказывает, что авторы поддержали фрондёров и, в частности, Парижский Парламент, решения которого им представляются авторитетными и легитимными. Примечательно, что Мазарини не избежал обвинения и по этому вопросу: «он хотел уничтожить права Парламента, чтобы правосудие не узнало об огромном количестве его преступлений» [9, р. 6].

Затем авторы мазаринад переходят к обязанностям королевской власти по отношению к своим подданным и заявляют, что «регентство, доверенное Анне Австрийской, обязывает её охранять своих подданных» [10, р. 4], поскольку «суверенные власти должны быть чуткими к голосу народа и должны даровать облегчение угнетённой невинности» [9, р. 5]. Ведь бедные, размышляют они, – «члены Бога, Бог – их глава и защитник» [9, р. 5], парламент которому угодно хорошее обращение с ними [10, р. 6, 7]. Следовательно, поэтому королева, действуя во имя общественного блага, должна спасти подданных и удалить со двора и из страны Мазарини.

Таким образом, изученные нами мазаринады выражают общественный протест, а их авторы занимают сторону фрондёров, поддерживают Парижский Парламент и поэтому распространяют удобное ему мнение, согласно которому кардинал Мазарини – единственно виновный в тяжёлой ситуации, сложившейся во французском королевстве. Избранные мазаринады демонстрируют, как памфлетисты, используя определённый набор риторических приемов, стремятся найти отклик у читателей и убедить их в правомерности своей позиции. Они размышляют не только о несчастьях и страданиях бедного народа, но и об институте французской монархии.

Список использованных источников и литературы:

1. Малов. В.Н. Парламентская Фронда: Франция, 1643-1653. М., 2009. 497 с.
2. Модель Б. Л., Новые источники по истории идеологической борьбы во Франции в период Фронды // Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та. 1957. т. 26. С. 131-144.
3. Новиченко И.Ю. Мазаринады. Потенциал французского источника середины XVII столетия // Источниковедение в современной медиевистике: Материалы Второй всероссийской научной конференции. Москва, 21–22 июня 2023 г. / Отв. ред. Е.Н. Кириллова, И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2023. С. 145-147.
4. Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М., 1948. 724 с.

5. *Carrier H.* La presse de la Fronde (1648-1653): Les mazarinades. 1: La conquête de l'opinion. Genève: Droz, 1989. 486 p.
6. *Carrier: H.* La presse de la Fronde (1648-1653): Les mazarinades. 2: Les hommes du livre. Genève, 1991. 502 p.
7. *Grand-Mesnil M.-N.* Mazarin, la Fronde et la presse, 1647-1649. P., 1967. 308 p.
8. *Jouhaud C.* Mazarinades: La Fronde des mots. P., 2009. 316 p.
9. La vérité sans masque de la misère persécutée, ou la plainte des pauvres à la reine, contre le cardinal Mazarin. P., 1649.
10. Les derniers suppliants aux pieds de la reine. P., 1649.
11. *Mellot J-D, Drouhin P.* Les mazarinades périodiques: floraison sans lendemain ou tournant dans l'histoire de la presse française? // Mazarinades, nouvelles approches. 2016. Vol. 2. p. 125-160
12. *Tsimbidy M.* Les mazarinades: récit d'événement et fiction littéraire // *Ecritures de l'événement : les Mazarinades bordelaises, Eidôlon* 116. Bordeaux: Presses Universitaires de Bordeaux. 2015. p. 27-39

Для цитирования: *Сковородникова Е. Д.* Жалобы, адресованные королеве-регенту Анне Австрийской во время парламентской Фронды 1649 г. // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 321-326.

Трансляция тюдоровского мифа в исторических произведениях Шекспира и хронике Холиншеда

Аннотация. Тюдоровский миф — термин, созданный для обозначения традиции в английской историографии, связанной с возвеличиванием монархов из династии Тюдоров путём противопоставления их «золотого века» с мрачным временем беззакония, войн и кровавых расправ, коим представляется предыдущее XV столетие. Данная статья представляет собой попытку провести анализ включения тюдоровского мифа в хронику Рафаэля Холиншеда, а также её соотношение с историческими пьесами Шекспира.

Ключевые слова: Тюдоровский миф, Холиншед, Шекспир, Тюдоры

Title: The translation of Tudor myth in Shakespeare's historical works and Holinshed's chronicle

Abstract. The Tudor myth is a term created to denote a tradition in English historiography associated with the exaltation and deification of monarchs from the Tudor dynasty by contrasting their "golden age" with the dark time of lawlessness, wars and massacres, which the previous fifteenth century seems to be. This article is an attempt to analyze the inclusion of the Tudor myth in the chronicle of Raphael Holinshed, as well as its relationship with the historical plays of Shakespeare.

Key words: The Tudors, Holinshed, Shakespeare, Tudor myth

Тюдоровский миф — термин, созданный для обозначения традиции в английской историографии, связанной с возвеличиванием монархов из династии Тюдоров путём противопоставления их «золотого века» с мрачным временем беззакония, войн и кровавых расправ, коим представляется предыдущее XV столетие. Ядро этого мифа составляла идея о том, что Генрих, граф Ричмонд, будущий король Генрих VII, — богом избранный спаситель Англии от власти тирана Ричарда III, соединил по воле провидения враждовавшие дома Йорков и Ланкастеров через брак с Елизаветой Йоркской и положил конец раздорам и смутам, так долго разорявшим страну [1, с. 120-129]. Этот миф, который разрабатывался и совершенствовался в трудах нескольких поколений английских историков «тюдоровского века», представляет собой тщательно продуманную

Жадько Альбина Андреевна – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st096667@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Фёдоров, Сергей Егорович*, д-р ист. наук, проф. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Zhadko Albina Andreevna – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st096667@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Fedorov, Sergey Egorovich*, Doctor of History, Professor. St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

защиту притязаний династии Тюдоров на английский престол. Актуальность данной работы обусловлена недостаточностью специальных научных исследований, связанных с анализом хроник Рафаэля Холиншеда и исторических пьес Шекспира о масштабе включения в них элементов тюдоровского мифа. Новизна заключается в применении сравнительного метода между двумя источниками.

Истоки появления данного мифа стоит искать в труде Полидора Вергилия — итальянского историка и гуманиста, приехавшего в Англию в 1502 году. Через несколько лет по просьбе Генриха VII он приступил к составлению полной истории Англии, а в 1534 году опубликовал её. Труд Вергилия «История Англии» (*Anglica Historia*) оказал значительное влияние на всех последующих историографов. В его трактовке узурпация Болингброком, будущим королём Генрихом IV, власти Ричарда II в 1399 году является преступным деянием, которое привело к череде катастроф, наказав народ гражданской войной, более известной, как война Роз. Ричард III, главный антагонист мифа, изображается тираном, который был провиденциально наказан за все свои преступления, совершённые не только против дома Ланкастеров, но и против своих родственников. В противовес падению Ричарда автор изображает провиденциальное возвышение графа Ричмонда и воцарение новой династии Тюдоров. Важная мысль, которая переходит от Вергилия к его последователям, заключается в том, что существует моральная и провиденциальная преемственность в судьбе семей Ланкастеров, Йорков и Тюдоров. По сути, труд Полидора Вергилия является политическим заказом, прекрасно справившимся со своей миссией и передавшим эстафету следующим поколениям хронистов [4].

Традицию Вергилия продолжает Эдвард Холл в своём труде «Союз двух благородных и прославленных домов Ланкастеров и Йорков» (*The Union of the Two Noble and Illustre Families of Lancastre and Yorke*). Его хроника освещает период от низложения и убийства Ричарда II до начала правления Генриха VIII. Автор акцентирует своё внимание на разлад в королевских семьях, к которому привёл поступок Болингброка, будущего Генриха IV. Отталкиваясь от этого нарушения порядка и последовавшими за ним бедами, вылившимися в войну Роз, Холл переходит к правлению Тюдоров, представляя окончательный нерушимый союз, достигнутый благодаря политике Генриха VII и воплощённом в лице его сына, Генриха VIII. Стоит отметить, что труд Холла оказал влияние на Шекспира во время написания его исторических пьес [3].

Важное значение имеют «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» (*Holinshed's chronicles of England, Scotland and Ireland*), созданные Рафа-

элем Холиншедом в 1577 году и переизданные в 1587. Стоит сказать, что данный труд представляет собой компиляцию, в которую включены разновременные и разнохарактерные хроники предшественников, в том числе Вергилия и Холла. В представлении Холиншеда, Генрих IV, узурпировавший власть путём насильственного устранения законного короля Ричарда II, является основной причиной того, что его потомки страдали от постоянных бед, пока их прямая линия не была ликвидирована противостоящим им домом Йорков [8]. Из подобных высказываний вытекают намёки на некое провиденциальное наказание за грех. Продолжая ту же тему божественной кары при рассмотрении правления Генриха V, Холиншед выдвигает мысль о том, что Бог внезапно оборвал его успешное правление как раз в тот момент, когда Генрих находился на пике своего могущества. Это, в свою очередь, было неизбежным результатом преступления его отца против Ричарда II. Во время правления Генриха VI Бог должным образом наказывал страну великими бедствиями, пока не пожелал положить конец всему этому, послав представителя дома Йорков [9, р. 81-85]. Правда здесь намечается некоторое отступление от Вергилия, ибо Холиншед и Холл достаточно благожелательно описывают Ричарда Йорка и Эдуарда IV. Генрих VI несколько раз называется святым, а вот его супруга Маргарита Анжуйская уже теряет образ благочестивой и героической королевы, которую представил Полидор Вергилий. Она становится злобной женщиной, неверной женой и плохой правительницей. Именно королеве Маргарите ставится в вину начало гражданской войны. В изложении истории свержения Ричарда III с престола Ричмондом Холиншед в целом следует за Эдвардом Холлом. Он утверждает, что именно по воле божественного провидения Ричард был побеждён в битве при Босвортском поле. Он принимает теорию Вергилия и Холла, согласно которой божественная справедливость заставила такого преступника, как Ричард III, получить наказание за множество совершённых им политических убийств [8]. Таким образом, смута XV века объяснялась хронистом божьей карой за преступления королей и знати и за непокорность подданных, а прекращение раздоров, последовавшее за воцарением Генриха VII Тюдора, оказалось свидетельством «божьего милосердия» к народу Англии. Подобная трактовка событий XV в. активно развивалась, превращаясь в плохо прикрытую апологию тюдоровского режима, а вследствие оформляясь в тюдоровский миф.

Наконец, закрепление данная историографическая традиция нашла в исторических хрониках Уильяма Шекспира, который при написании своих работ в большей степени опирался на труд Рафаэля Холиншеда. Если проследить весь цикл: «Ричард II», «Генрих IV» в двух частях,

«Генрих V», «Генрих VI» в трех частях и «Ричард III», то можно заметить, что Шекспир изображает весь XV век чудовищной и кровавой эпохой гражданских

войн, что логически обуславливает потребность в новом правителе, который положит конец смутам и раздорам, что и происходит в заключительной пьесе цикла — «Ричард III». В этом ключе важное значение имеет первая пьеса «Ричард II», с которой и начинаются все бедствия. Шекспир представляет короля Ричарда слабым и некомпетентным, не способным удержать в своих руках власть, за что он впоследствии платит низложением и смертью [7]. И казалось бы, с исчезновением Ричарда II должно было исчезнуть всё, что с ним связано, однако фигура монарха продолжает преследовать не только Генриха IV, но и его преемников, словно напоминая о совершённом грехе. Можно сказать, что все последующие исторические пьесы Шекспира несут на себе отпечаток крови Ричарда. И это вполне соотносится с той традицией, которую транслирует хроника Холиншеда, провозглашающая о том, что основная причина бед заключена в узурпации трона Генрихом Болингброком. Наиболее ярко тюдоровский миф представлен в третьей части «Генриха VI», в которой действие происходит во время войны Роз, гражданского конфликта между представителями Ланкастерского и Йоркского линьяжей. В результате неэффективного и бездарного правления Генриха VI открывается путь для прихода к власти Йорков и их восхождение на трон на несколько десятилетий — тема, которая будет продолжаться вплоть до «Ричарда III» [5]. Данную пьесу можно назвать апогеем тюдоровского мифа, поскольку именно в ней грехи праотцов возлагаются на их сыновей. Ричард III предстаёт в ней горбатым и хромым карликом, убедившим своего отца начать войну против законного короля Генриха VI, а также совершившим ряд политических убийств всех, кто стоял между ним и тронном: заколол принца Эдуарда Ланкастерского, а затем женился на его вдове, которую впоследствии отравил; убил короля Генриха VI; подстроил гибель своего брата Джорджа, герцога Кларенса, и, наконец, приказал задушить сыновей Эдуарда IV [6]. Подобный образ Ричарда III был полностью позаимствован из хроники Холиншеда, а если быть точнее, из «Истории короля Ричарда III» (1513) Томаса Мора, которая целиком вошла в хронику. Можно сказать, что работа Мора на долгие столетия зафиксировала историческую репутацию своего главного героя, а также внесла огромный вклад в формирование Тюдоровского мифа. В этой же пьесе появляется основатель династии Тюдоров — граф Ричмонд, будущий Генрих VII. И чтобы сделать его появление ещё более ярким и торжественным, Шекспир полностью придумывает третью сцену V акта, которая скорее напоминает

ритуал, когда в ночь перед битвой на Босвортском поле воскрешаются мёртвые Ланкастеры и Йорки, чтобы прийти к спящим Ричмонду и Ричарду, находящимся в шатрах на противоположных сторонах поля. Только для каждого у них свой послыл: одобрение и пожелание удачи в предстоящей борьбе для Ричмонда, предвещание скорого поражения и проклинание за смерть для Ричарда [6]. Шекспир много внимания уделяет противопоставлению Ричмонда и Ричарда, совершенно не в пользу последнего. Так, например, возвращение Ричмонда в Англию выглядит очень триумфально, его фигура популярна среди воинов, в то время как от Ричарда постепенно отчуждаются многие сторонники. В этой сцене тюдоровский миф, противопоставляющий тирана и убийцу Ричарда подающему надежды Ричмонду, транслируется особенно ярко и открыто [6].

И, наконец, в последней сцене наступает логическое завершение всего цикла — Генрих Тюдор, героически победивший тирана Ричарда, вступает в брак с наследницей дома Йорков — Елизаветой. Их союз провозглашает конец смутам и беспорядкам, и начало эпохи спокойствия и процветания, олицетворением которой должна стать новая династия Тюдоров.

«Теперь же Ричмонд и Елизавета,
Наследники двух царственных домов,
Соединятся божьим изволением!
А если Бог благословит, их дети
Вернут на землю нежноликий мир,
И благоденствие, и изобилье!» [6; V, 8]

Таким образом, проанализировав ряд источников, можно прийти к выводу, что историографическая традиция тюдоровского мифа, зародившаяся в начале XVI века в исполнении Полидора Вергилия и под пристальным вниманием Генриха VII, развивалась на протяжении всего века, находя отражение во многих исторических трудах того времени, в особенности хрониках Рафаэля Холиншеда, вместивших в себя ряд работ тюдоровских историографов. Можно сказать, что Холиншед следовал за канонами тюдоровского мифа, изобразив Генриха IV виновником тех бедствий, поразивших Англию, которые впоследствии оформились в войну Роз, а Ричарда III, главного антагониста мифа, сущим тираном, совершившим ряд политических убийств для достижения власти. Расхождением можно назвать тот факт, что Эдуард IV, сместивший Генриха VI, у Холиншеда получает положительную характеристику и роль народного любимца, в отличие от Вергилия, у которого король из дома Йорков предстаёт, как клятвопреступник и братоубийца. Что касается Шекспира, использовавшего для построения своих пьес труд Холиншеда, то у него тюдоровский миф получает своё окончательное закрепление. Помимо передачи основ-

ных событий войны Роз, драматург посредством собственного воображения включает новые события, чтобы придать приходу к власти новой династии ещё больше торжественности.

Список использованных источников и литературы

1. Барг М. А. Шекспир и история. М., 1979. 215 с.
2. Браун Е. Д. Войны роз. История. Мифология. Историография. М., 2016. 208 с.
3. Браун Е. Д. Войны Роз в хронике Эдуарда Холла // Люди и тексты. Исторический альманах. № 14. М., 2021. С. 261-277
4. Горелов М. М. Исторические переломы прошлого в английской историографии раннего Нового времени: Полидор Вергилий // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 235-256
5. Шекспир В. Генрих VI. Часть третья / пер. Е. Бируковой // Шекспир В. Полное собрание сочинений в 8 т. / Под общ ред. А. Смирнова и А. Аникста. Т. 1. М., 1957. 615 с.
6. Шекспир В. Ричард III / пер. Е. Бируковой // Шекспир В. Полное собрание сочинений в 8 т. / Под общ ред. А. Смирнова и А. Аникста. Т. 1. М.: Искусство, 1957. 615 с.
7. Шекспир В. Ричард II / пер. Е. Бируковой // Шекспир В. Полное собрание сочинений в 8 т. / Под общ ред. А. Смирнова и А. Аникста. Т. 3. М., 1958. 566 с.
8. Holinshed, Raphael. The Chronicles of England, Scotland and Ireland. 3 vol. London, 1587
9. Jamal, M. A. Y. Figure of the usurper in selected plays of Shakespeare: source and synthesis. Lakehead University, 1983. 158 p.

Для цитирования: Жадько А. А. Трансляция тюдоровского мифа в исторических произведениях Шекспира и хронике Холиншеда // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 327-332.

Французский король Людовик XIII в зеркале «Занимательных историй» Жедсона Таллемана де Рео

Аннотация. Активный участник литературной жизни Парижа, Жедсон Таллеман де Рео (1619–1692) слышал много забавных историй о королевском дворе, а потом рассказывал их другим. Вскоре окружение посоветовало талантливому автору начать их записывать. Так появились «Historiettes», ставшие буквально сборником анекдотов о разных исторических деятелях. В статье рассматривается образ французского короля Людовика XIII, созданный Таллеманом де Рео.

Ключевые слова: “historiettes”, Жедсон Таллеман де Рео, Людовик XIII.

Title: French King Louis XIII in the mirror of "Historiettes" by Gédéon Tallemant des Réaux.

Abstract. An active participant in the literary life of Paris, Gédéon Tallemant des Réaux (1619–1692) heard many funny stories about the royal court, and then told them to others. Soon the entourage advised the talented author to start recording them. This is how "Historiettes" appeared, which literally became a collection of jokes about various historical figures. The article examines the image of the French King Louis XIII, created by Tallemant des Réaux.

Keywords: "historiettes", Gédéon Tallemant des Réaux, Louis XIII.

Интерес к изучению «Занимательных историй» Таллемана де Рео возник в начале XIX в., когда рукопись мемуариста привлекла внимание Луи Монмерке. Подготовленное им издание «Historiettes» вышло в 1834–1835 гг. [12]. Следующее, вышедшее в 1860 г., Монмерке подготовил вместе с исследователем французской литературы Поленом Парисом [13]. В обоих изданиях текст произведения приводился значительно сокращенным, смягчающим отдельные места. Но даже в таком виде книга вызвала критику: слишком уж острый язык «сплетника» и «клеветника» Таллемана противоречил сложившимся в то время представлениям о галантном XVII веке. Первый, кто оценил своеобразие фигуры де Рео как свидетеля своей эпохи, был критик Сент-Бёв [15]. По его словам, Таллеман – «лучший наблюдатель салона де Рамбуйе и этого утонченного общества», о котором «он судит с истинно французским остроумием того времени» [15, Р.

Грищенко Кира Андреевна – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st096670@student.spbu.ru

Научный руководитель: Кулешова Елена Владимировна, канд. ист. наук, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Grishchenko Kira Andreevna – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st096670@student.spbu.ru

Scientific adviser: Kuleshova Elena Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Assoc. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

186]. Полное издание «Historiettes», подготовленное Антуаном Аданом, увидело свет в 1960 г. [16].

До сих пор нет единого мнения о том, считать Таллемана историком или писателем. Однако спор этот беспредметен. Используя популярный для литературы XVII в. жанр портрета, де Рео пишет историю своего времени, а значит, является и тем и другим.

В отечественной историографии, однако же, «Historiettes» изучались не столь широко, как в зарубежной. Издание на русском языке вышло в 1974 г. в серии «Литературные памятники» [7]. С тех пор произведение Таллемана де Рео становилось более предметом исследования филологов, нежели историков. Таким образом, в отечественной историографии внимание сосредоточено на языке «Historiettes», на «портретировании» Таллеманом известных персон его времени [5], на особенностях жанра анекдота [2, 3]. Исходя из этого перед исследователем наследия Таллемана де Рео встает проблема – данный источник недостаточно изучен именно как памятник истории. В отличие от филолога, фокус зрения историка направлен не на то, каким языком и стилем пишет Таллеман, а на то, кого он изображает. А изображает он исторических персоналий, с довольно нетипичной точки зрения.

Предки Таллемана де Рео были выходцами из Нидерландов. В XVI в. дед будущего мемуариста из-за преследований кальвинистов бежал из родного города в Ла-Рошель, где открыл торговый дом, имевший отличную репутацию. Жедеон Таллеман де Рео родился в 1619 г. Он обучался в Бордо, затем в Парижском университете, где изучал юриспруденцию, но истинным его интересом была литература.

В аристократическом литературном салоне Рамбуйе одаренного буржуа приняли как «своего» [5, С. 348]. Однако вскоре Таллеман почувствовал, что в «прециозной» среде салона ему не место, и примкнул к кружку адвоката Оливье Патрю. В него входили писатели, переводчики, историки незнатного происхождения.

В 1660-е гг. жизнь де Рео вдруг резко меняется. Банк Таллеманов разорился. Возобновились гонения на гугенотов. Жена Таллемана поспешила принять католичество, вскоре и сам Таллеман решил на этот шаг. Опечаленный событиями последних лет своей жизни, Таллеман де Рео умер в 1692 г.

Прежде чем переходить к «Занимательным историям» Таллемана де Рео, стоит сказать об их названии. Автор выбирает формой повествования «historiette», которое буквально переводится как «рассказик, небольшая история». Таким образом, данное произведение можно считать сборником анекдотов. Собственно, само слово «анекдот» утверждается во Франции

в начале XVII в. как обозначение жанра исторического нарратива [3, С. 229].

Произведение Таллемана де Рео, хоть и относится к мемуарному жанру, все же отличается от созданных в то же время мемуаров Ларошфуко и кардинала де Реца. Это объясняется прежде всего его происхождением. Выходец из буржуазной среды, он никогда не бывал при дворе. В своих воспоминаниях он воссоздавал не только то, что видел сам, но и то, что слышал от других.

В предисловии к «Занимательным историям» Таллеман заявляет, что собирается «говорить и о хорошем, и о плохом, не скрывая правды» [7, С. 5], что у него и получилось.

Наконец, следуя тенденции многих мемуаров XVII в., Таллеман не претендует на звание историка, он пишет свой труд для друзей, не для печати [7, С. 5]. Хотя, конечно, Таллеман считает себя историком в той мере, в которой чувствует себя историком всякий мемуарист и надеется, что этот его труд может пригодится в будущем [7, С. 5].

Главное внимание Таллеман де Рео уделяет не столько историческим событиям, сколько личностям. Рисуя жизнь французского общества, так сказать, «с заднего крыльца» [9, С. 259], «Занимательные истории» могут рассматриваться как определенное дополнение к остальным известным мемуарам. Они заставляют взглянуть в несколько ином свете на эпоху, за блеском которой скрываются многие пороки современников, которые и высмеивает мемуарист [5, С. 12].

О каком бы человеке ни пишет Таллеман, он стремится прежде всего раскрыть его характер с помощью интересных эпизодов из жизни, шуток. Рассказывая истории о монархах Франции попеременно с историями об их подданных, мемуарист как бы «низводит» королей до уровня обычных людей, что, однако, только подогревает интерес читателей, так как сталкивает с вековыми представлениями о сверхчеловеческой природе монарха [2, С. 156].

Так как Людовика XIII Таллеман де Рео изображает на явном контрасте с его отцом, то стоит начать с образа Генриха IV, которому он посвящает первую «*historiette*». Таким образом Таллеман выражает свое отношение к своему времени, противопоставив его эпохе правления Генриха IV, которую мемуарист даже не застал.

Таллеман де Рео с симпатией относится к Генриху IV [7, С. 7]. По-настоящему близкий к крестьянам, которых хорошо знал с детства, Генрих Наваррский навсегда сохранил если не бахвальство, то по крайней мере «скарденность и сердечность», которые принято приписывать его землякам беарнцам [4, С. 290]. Жизнь наедине с природой воспитала

в будущем короле вольнолюбивый нрав, выносливость, неприязнительность [6, С. 65-66].

Хотя Генрих IV – главный герой анекдота, но сам король не анекдотичен, он часто забавен, но не смешон [2, С. 153]. Таллеман де Рео не смеется над ним, а восхищается его остроумием, чувством юмора [7, С. 7].

При таком хорошем отношении к первому из Бурбонов, Таллеман не скрывает его недостатков: называет короля скупым, неблагодарным, хвастливым [7, С. 7]. Однако эти человеческие слабости даже оживляют его образ [9, С. 268].

Людовик XIII же, в представлении Таллемана де Рео, был полной противоположностью своего отца.

Так как мемуарист в «Занимательных историях» особенно много уделяет внимание анекдотам на тему любовных отношений, то, возможно, поэтому он и начинает «historiette» о Людовике XIII с его женитьбы. Таллеман явно с ноткой сатиры говорит о выборе Людовиком его будущей жены [7, С. 112], выставляя короля немного нелепым и легкомысленным в вопросе своей личной жизни. Однако подготовка к свадьбе шла очень тщательно и серьезно [11, Р. 65; 14, Р. 83].

В данной «historiette» мемуарист несколько раз обращает внимания на холодность отношений между Людовиком XIII и Анной Австрийской. Король решительно равнодушен к эмоциям жены, которые она возможно испытывала во время его романов с другими дамами [7, С. 114]. Таллеман называет любовные чувства короля престранными и, как и многие другие мемуаристы, не может не отметить ревность, как главную черту характера короля [7, С. 114]. До самой смерти, по мнению Таллемана, Людовик не просто не любил, а презирал свою жену, неблагоприятно отзывался о ней [7, С. 126]. Так мемуарист рисует нам короля как человека, совершенно не умеющего по-настоящему любить.

Отрицательные характеристики Людовика XIII Таллеман де Рео приводит вперемежку с положительными. Мемуарист называет короля сначала неглупым, а следом – злословным, робким, нерешительным [7, С. 117]. Затем отмечает, что король интересуется искусством – балетом, в котором сам также принимает участие, однако почти всегда изображает «смешных» персонажей. Людовик XIII действительно интересовался балетом, сам создавал некоторые постановки. В написанном им «Мерлезонском балете» он исполнил роли жены торговца силками, крестьянина-сборщика налогов и дрозда [1, С. 370]. Может быть, эти вовсе не королевские роли в постановке и натолкнули Таллемана на такие мысли о короле.

Мемуарист и дальше положительно отзывался о любви Людовика XIII к творчеству и искусству. Однако после произнесенной похвалы резко

меняет тон и образ короля в глазах читателя становится уже менее привлекательным [7, С. 119]. Становится понятно, что для мемуариста занятия Людовика XIII искусством – это не что-то возвышенное, одухотворенное, а наоборот – рутинное, дело «слуги», поэтому и монарх, в связи с этим увлечением, оказывается «негожим».

Таллеман отмечает увлеченность Людовика и ремеслами [7, С. 118], особенно выделяя его страсть к кулинарии, что действительно было правдой – Людовик с детства любил это занятие [1, С. 70; 14, Р. 80]. Через образ короля, «на все руки мастера», Таллеман пытается «очеловечить» монарха, сделать его ближе простому народу.

По отношению к гугенотам Людовик XIII изображен Таллеманом также неоднозначно. С жителями сдавшей Ла-Рошели король, как сообщает мемуарист, обошелся милостиво. Действительно, городу-крепости даровано было прощение и свобода исповедания протестантизма [10, С. 187]. Не стоит забывать, что Таллеман де Рео был не просто протестантом, но и уроженцем Ла-Рошели, поэтому данный благосклонный жест со стороны короля имеет особое значение.

Затем Таллеман снова резко меняет тон и говорит, что при осаде Монтобана король обращается с гугенотами далеко не милостиво. Он не только «безучастно взирал на гугенотов», но и даже морально издевался над побежденными бунтовщиками [7, С. 113]. В «*historiette*» о Людовике XIII Таллеман де Рео лишь вскользь упоминает о Ришелье (так как о кардинале есть отдельная «история»), но интересно, как через отношения короля и кардинала король выставляется в невыгодном свете, показывается несамостоятельным, неспособным правителем [7, С. 113]. Несколько раз Таллеман прямо говорит о ненависти Людовика XIII к Ришелье [7, С. 118, 123]. Конечно же, при таких взаимоотношениях выглядит логично, с точки зрения мемуариста, что король не был слишком огорчен смертью кардинала. Но Таллеман пошел еще дальше этого распространенного в других мемуарах клише [8, С. 35]: в контексте рассказа о творческих способностях монарха упоминается, что Людовик сам написал мелодию к рондо на смерть Ришелье [7, С. 119].

О религиозности короля Таллеман пишет так: «Он всегда боялся дьявола, ибо не любил бога, но пуще страшился ада» [7, С. 126]. Возможно, мемуарист специально изобразил набожного Людовика XIII практически безбожником из-за презрения к нему, ведь мемуарист был истым протестантом. И завершает рассказ о монархе Таллеман де Рео словами о том, что его смерти радовались [7, С. 127]. Это своеобразное последнее

язвительное слово в сторону непопулярного в народе [7, С. 123], не способного, по мнению мемуариста, управлять государством короля.

Таким образом, Таллеман де Рео в «Занимательных историях» изобразил Людовика XIII чрезвычайно карикатурно. Несмотря на старание следовать обещанию, данному в предисловии, говорить обо всех и хорошее, и плохое, Людовик XIII у мемуариста вышел все же отнюдь не положительным, а скорее отталкивающим персонажем. Таллеман в духе сатиры рассказывает о многочисленных пороках и недостатках короля. После прочтения этой «историйки» становится понятно, что мемуарист явно недолголюбит Людовика, поэтому и старается показать его не просто иронично, а смешно и нелепо. Такой образ короля явно неправдоподобен и, безусловно, не мог закрепиться в последующей историографии. Однако этот контраст с официальной историей и делает «Занимательные истории» уникальным памятником, с помощью которого мы смотрим на Людовика XIII глазами анекдотиста, отрицательно относившегося к этому королю.

Список использованных источников и литературы:

1. *Глаголева Е.В.* Людовик XIII. М., 2015. 335 с.
2. *Голубков А.В.* Амбивалентность анекдотического языка Ж. Таллемана де Рео // Вестник культурологии. 2001. №3. С. 151-161.
3. *Голубков А.В.* Анекдот как альтернативная биография во французской культуре XVII в. // Материалы Международной научной конференции «В кругу антропологии литературы». Белосток, 2012. С. 229-242.
4. *Ле Руа Ладюри Э.* Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460-1610. М., 2004. 416 с.
5. *Петрышева О.В.* Занимательные истории Таллемана де Рео: традиция и новаторство // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №73-1. С. 347-351.
6. *Плешкова С.Л.* Генрих IV Французский // Вопросы истории. 1999. №10. С. 65-81.
7. *Рео Жеден Таллеман де.* Занимательные истории. Л., 1974. 319 с.
8. *Рец Жан Франсуа Поль де Гонди.* Мемуары. М., 1997. 899 с.
9. *Хатисова Т.Г.* // Рео Жеден Таллеман де. Занимательные истории. Л., 1974. С. 258-275.
10. *Черкасов П.П.* Кардинал Ришелье. М., 1990. 384 с.
11. *Bordonove G.* Les Rois qui ont fait la France. Louis XIII Le Juste. Paris, 2013. 275 p.
12. *Les historiettes de Tallemant des Réaux: mémoires pour servir à l'histoire du XVIIe siècle, publiés par M. Monmerqué. Tome I.* Paris: Alphonse Levavasseur libraire, 1834. 430 p.
13. *Les historiettes de Tallemant des Réaux.* par MM. de Monmerqué et Paulin Paris. Paris: Chez J. Techener libraire, 1860. 529 p.
14. *Moote A.L.* Louis XIII, the Just. Berkeley and Los Angeles, 1989. 432 p.

15. *Sainte-Beuve C.-A.* Tallemant et Bussy ou Le medisant bourgeois et le medisant de qualite. In: *Sainte-Beuve. Causeries du lundi*, T. 13, Paris, 1858. p. 172-188.
16. *Tallemant des Reaux.* Historiettes. 2 vol. Texte integral etabli et annote par Antoine Adam. Bibliotheque de la Pleiade. 1960-1961.

Для цитирования: Гриценко К.А. Французский король Людовик XIII в зеркале «Занимательных историй» Жедона Таллемана де Рео // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 333-339.

Проблемы и перспективы развития политической системы Великобритании XVIII в.: взгляд Генри Сент-Джона, виконта Болингброка

Аннотация. В статье рассматривается точка зрения Генри Сент-Джона, виконта Болингброка на недостатки политической системы Великобритании при вигском правительстве. Проанализированы предложенные им решения этих проблем, сделан вывод об обоснованности его возражений. Источниками для исследования послужили работы Болингброка «Идея о Короле-Патриоте», «Рассуждение о партиях».

Ключевые слова: Болингброк, виги, тори, парламент, британская монархия.

Title: Henry St. John, 1st Viscount Bolingbroke's view of the problems and the development prospects for the British political system in the 18th century

Abstract. The article examines the problems of the British political system under the Whig government in the view of Henry St. John, 1st Viscount Bolingbroke. His motions on resolving them were scrutinized and the conclusion on the validity of his objections was made. "The Patriot King", "The Dissertation Upon Parties" served as sources for the article.

Key words: Bolingbroke, Whigs, Tories, parliament, the British monarchy.

Генри Сент-Джона, виконта Болингброка часто называют одним из теоретиков партии тори. Находясь в оппозиции к правительству вигов, он писал обличительные статьи для газеты "Craftsman", создавал такие труды, как «Идея о Короле-Патриоте», «Рассуждение о партиях», отразившие его взгляды на проблемы и перспективы развития политической системы современной ему Англии. Актуальность изучения этой темы обусловлена её связью с процессом формирования политической системы Великобритании в XVIII–XIX вв., ролью Консервативной партии, на эволюцию которой оказали существенное влияние идеи виконта Болингброка.

Его творчество вызвало подлинный интерес сразу после его смерти, но эти первые исследования были или апологией Сент-Джона и его деятельности [7; 8], или критическим взглядом вигского историка [3]. Уже в XX в. зарубежные исследователи привнесли в свои работы внимание к личности политика и обоснованности его привязки к консерватизму [6; 12]. Причём рассматривались идеи не только самого Болингброка, но и

Рахманова, Александра Евгеньевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st096606@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Борисенко, Виктор Николаевич*, к-т ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Rakhmanova, Alexandra Evgenievna — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st096606@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Borisenko, Viktor Nikolaevich* — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

его окружения [10]. Внимание советских историков к нему привлекли перевод «Писем об изучении и пользе истории» и научные статьи М. А. Барга [2]. Появились работы, посвященные исключительно политической философии Сент-Джона [5]. Хотя намного большую популярность в России тема этой личности в истории Англии обрела в XXI в. [1]

Рассмотрим проблемы политической системы современной Болингброку Великобритании и предложенные Сент-Джоном варианты их решения. Очевидно, что период вигского господства был для него «смутным временем», завершить которое способно только новое правительство. Мотивом Болингброка было политическое уничтожение Уолпола, которого он считал гнусным министром [12, р. 953]. В своих письмах и статьях Сент-Джон сосредоточился на многих неудобных вопросах, из которых следует выделить 5 наиболее значимых в сфере политики.

Первая серьёзная проблема вигского режима — коррупция, которая понималась современниками, как подмена общественного блага частными интересами [6, р. 405]. Государственная машина рассматривалась знатью как способ получения дополнительных источников дохода: в парламентах Георга I до 270 членов нижней палаты имели пенсии, должности и синекуры [13, р. 75]. Р. Уолпол начал карьеру депутатом от «карманного местечка» Каствл Ризинг. Его усилиями пенсии родственников достигали 28 тыс. ф. ст. [13, р. 35].

Напротив, Болингброк был убеждён, что продажность парламента, корыстолюбие его членов ведут к гибели свободы народа намного быстрее и эффективнее, чем вооруженная постоянная армия [9, р. 152]. А пойти на подкуп может король или премьер-министр, желающий добиться абсолютного, безграничного влияния. Такие злоупотребления возможны из-за отсутствия адекватно функционирующей системы сдержек и противовесов, которую Сент-Джон считал необходимой в образцово организованной свободной системе правления (“free system of government”) [5, с. 14]. Государственное устройство, основанное на смешанном правлении (“mixed government”), гарантирует право народа на сопротивление произволу власти и право избирателей участвовать в делах правления [5, с. 15]. Смешанное правление — это сбалансированное распределение власти между королём, Палатами лордов и общин, сочетание трёх простых форм государства (монархии, олигархии, демократии) в устойчивой и справедливой системе [9, р. 68–69; 160].

Второй проблемой вигского режима Болингброк считал борьбу правительства с оппозицией. В духе этой борьбы акт 1717 г. увеличил срок полномочий парламента до 7 лет, а в 1729 г. была запрещена публикация отчётов о прениях в парламенте [1, с. 59]. Эти меры расширили и

закрепили возможности для избирательной коррупции депутатов. В то же время в нижней палате ослабевали позиции несогласных с правительством.

Тори и Болингброк признавали существование двухпартийного парламента конституционным установлением, и отстаивали необходимость оппозиции. Следует всегда уравнивать правящую «партию двора» противодействующей «партией страны» [9, р. 143]. Гарантом соблюдения конституции и баланса между партиями при этом выступает Король-Патриот [9, р. 93]. Важно отметить, что Болингброк — теоретик организованной парламентской оппозиции, а не так называемой «легальной оппозиции», когда любой член парламента имеет право критиковать правительство [11, р. 98]. Сент-Джон писал, что Палата общин не должна быть разделена на мелкие фракции, которые разобщают людей ещё сильнее, чем партии: маленькой «кликке» (“faction”) намного проще узурпировать власть, приблизившись к королю, — в такой ситуации парламента не сможет противопоставить ничего возвращению абсолютизма [9, р. 91; 103].

Но даже при наличии организованной оппозиции ни одному корыстному правительству или министру нельзя оставлять много времени на злоупотребления, — сроки полномочий должны быть строго ограничены и предполагать сменяемость власти [9, р. 150]. В концепции «свободной системы правления» суверенитет принадлежит народу, который контролирует своих представителей в двухпалатном парламенте. Перед ним ответственен кабинет министров [5, с. 17–18], который должен уходить в отставку в случае потери парламентского большинства. Эта мысль выдержана в духе либеральных идей Локка, который, несомненно, повлиял и на Болингброка [2, с. 290], и соответствует представлениям о необходимости сохранения состязательного характера парламента.

Говоря о сменяемости власти и сроках полномочий, мы подошли к выявлению третьей проблемы политической системы. Многие члены оппозиции в начале XVIII в. считали пост первого министра неконституционным, так как главой правительства должен быть монарх, а не один из его подданных. Укрепление положения премьер-министра неизбежно привело, с одной стороны, к отстранению короля от фактического управления страной и сокращению прерогатив короны (так, с 1714 г. перестало применяться право вето в отношении парламентских биллей), а с другой — к усилению принципа верховенства парламента, позиций правительства и правящей партии вигов [1, с. 61].

Таких же взглядов на пост первого министра придерживался и Болингброк. Во главе «свободной системы правления» стоит монарх, — в ней

нет места для другого верховного поста, поэтому чрезмерная концентрация власти в руках одного из министров короля означает узурпацию этой власти [9, р. 152]. В «Идее о Короле-Патриоте» Сент-Джон писал, что монарх должен править со дня своего вступления на престол самостоятельно, предварительно очистив двор от министров, погрязших в коварстве и злоупотреблениях [9, р. 87–88]. Вернёмся к рассуждению Болингброка о партиях: оппозиция и сменяемость власти необходимы для соблюдения баланса сил в государстве и предотвращения автократии одного или нескольких членов правительства. Монарх должен стремиться не к ограничению, а к укреплению свободы, к установлению порядка и согласия в обществе. Он правит в соответствии с конституцией, в согласии с парламентом и народом [9, р. 79].

Если говорить о внешней политике вигов в первой половине XVIII в., то и в ней торийская оппозиция последовательно находила две значительные проблемы. Затянувшиеся и дорогостоящие войны в Европе, проводимые в корыстных интересах «денежных людей» [2, с. 284], — более ранняя из них. Именно Болингброку удалось завершить войну за Испанское наследство выгодным Утрехтским мирным договором, который на время оградил Великобританию от новых конфликтов и колониальных захватов. В то же время, этот мир был важной внутривнутриполитической победой тори над вигами, измотавшими страну (землевладельцев) налоговым бременем [Там же].

В историографии даже существует взгляд на Сент-Джона как на классика идеи невмешательства в континентальную политику [6, р. 408]. Он видел британцев «как прочих амфибий: способными выжить на суше, но больше морскими созданиями» [Ibid]. Они могут уповать на естественную безопасность как жители островов, даже если это обязывает не вмешиваться с оружием в европейские дела. «Раз нас нельзя запросто и внезапно атаковать, мы не должны претендовать на получение каких-либо земель на континенте» [Ibid].

Однако подобный взгляд на дипломатический курс Великобритании был обусловлен временем и усталостью от войны за Испанское наследство. Так как уже позднее, в 1730-е гг., отсутствие новых колониальных захватов стало следующим недостатком дипломатии вигов в глазах оппозиции. Умеренный курс Уолпола способствовал процветанию буржуазии, но вместе с тем препятствовал развитию торговли и обогащению младших сыновей дворянских семейств, излюбленной службой которых были доходные, но не обременительные должности в колониальной администрации [1, с. 62]. Важно, что в аргументации этой точки зрения Болингброк признал ценность торговли, отойдя от отстаивания приви-

легий только своего сословия, землевладельцев [9, p. 170]. По мнению Крамника, внимание к коммерческим интересам связано с меркантилизмом вдохновлявших тори елизаветинцев, видевших в торговле вклад в величие и могущество государства [10, p. 199]. А елизаветинские статуты стимулировали как экспорт, так и продолжение огораживаний, поддерживая и купцов, и аристократов [4, с. 11]. Кроме того, мелкие торговцы играли важную роль в оппозиции, и Сент-Джон обязан был уважать их [10, p. 199].

Так какими же были перспективы внешнеполитического курса Великобритании? Болингброк в своих сочинениях использовал понятие «баланса сил», согласно которому Англии в международном взаимодействии отведена роль «балансира», стремящегося ради своей безопасности поддерживать равновесие и препятствовать его разрушению, не давая слишком большой власти падать на одну чашу весов [10, p. 182]. Все европейские проблемы, считал он, разрешимы с помощью переговоров [5, с. 20–21]. После дорогостоящей войны за Испанское наследство вопрос более «дешёвого» разрешения конфликтов на континенте стал очень актуален для Англии. Оправданы могли быть только войны с целью восстановления нарушенного «европейского равновесия». Таким образом, Генри Сент-Джона можно считать теоретиком не только «баланса сил», но и политики «кабинетных войн».

Проанализировав пять упомянутых проблем, можно заметить, что истинной причиной претензий Болингброка к вигскому режиму был, собственно, его вигский характер. Сам Сент-Джон, кстати, считал названия «тори» и «виги» утратившими своё значение, — более подходящим было разделение на «конституционалистов» и «антиконституционалистов» [9, p. 143]. Под первыми он закономерно подразумевал оппозицию, под вторыми — коррумпированное правительство Р. Уолпола. «Идея о Короле-Патриоте» — неявная сатира на «олигархический и малодушный» режим последних лет кабинета первого министра [6, p. 403], у оппозиции к которому была ясная идеология. Она подчеркивала важность независимости парламента от влияния короны, поддержку землевладельческого (и иногда торгового) интереса в противовес денежному и предпочтение гражданского ополчения и сильного флота постоянной армии [12, p. 958].

Болингброк и его окружение (памфлетисты и писатели Поуп, Свифт, Гей, издатели “Craftsman” Полтни (Pulteney), Эмхерст (Amhurst) и др.) испытывали «ностальгию» по общественному порядку, сложившемуся в правление Елизаветы I и существовавшему до 1688 г. [10, p. 235], когда начало складываться новое общество, породившее таких министров, как

Уолпол. Поэтому они искали идеал в «золотом веке», олицетворявшем правление «Короля-Патриота» [9, р. 116-117], и мечтали о возвращении «истинно британского духа» [9, р. 59].

Проблемы существующего политического порядка были подчас преувеличены Болингброком (например, существование коррупции было многовековой практикой), а идеи о перспективах его развития даже современникам казались утопичными [6, р. 400; 418]. Но всё же нужно признать, что политическая мысль Генри Сент-Джона внесла немалый вклад в конструирование идеологии британских консерваторов и остаётся достойной внимания исследователей эпохи просвещения до сих пор.

Список использованных источников и литературы

1. *Айзенштам М. П.* Британия Нового времени. Политическая история: учебное пособие. М., 2007. 203 с.
2. *Барз М. А.* Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк. / Болингброк Г. С. Д. Письма об изучении и пользе истории. / Пер. С. М. Берковский. М., 1978. С. 274–316.
3. *Маколей Т. Б.* История Англии от восшествия на престол Иакова II. СПб., 1861. 412 с.
4. *Митрофанов В. П.* Динамика аграрного законодательства в тюдоровской Англии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. №1. С. 3–13.
5. *Рубинштейн. Е. Б.* Общественно-политические взгляды Болингброка: автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1990. 25 с.
6. *Armitage D.* A Patriot for Whom? The Afterlives of Bolingbroke's Patriot King. // Journal of British Studies, 1997. №4. P. 397–418.
7. *Church T.* An Analysis of the Philosophical Works of the late Lord Bolingbroke. L., 1755. P. 198.
8. *Cooke G.* Memoirs of Lord Bolingbroke. L., 1835. P. 438.
9. *Henry St. John Bolingbroke.* On Patriotism, Parties, And Idea of a Patriot King. Krakow, 2020. P 195.
10. *Kramnick I.* Bolingbroke and his circle: The politics of nostalgia in the age of Walpole. Cambridge, 1968. 321 p.
11. *Skinner Q.* The Principles and Practice of Opposition. The Case Bolingbroke versus Walpole // Historical Perspectives. L, 1974. P. 93–128.
12. *Skjonsberg M.* Lord Bolingbroke's theory of party and opposition. // The Historical Journal, 2016. №4. P. 947–973.
13. *Taylor G. R.* S. Robert Walpole and his age. L, 1931. P. 343.

Для цитирования: *Рахманова А. Е.* Проблемы и перспективы развития политической системы Великобритании XVIII в.: взгляд Генри Сент-Джона, виконта Болингброка // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 340 – 345

Оппозиция русских националистов проекту волостного управления в Государственной Думе Российской империи III созыва

Аннотация: Статья посвящена позиции русской национальной фракции по законопроекту о волостном управлении, рассматривавшемся в III Государственной Думе Российской империи. Автор, основываясь на материалах стенографических отчетов заседаний и особых мнений, дает характеристику аргументации и отношению фракции к проекту создания новой административной единицы – волости. Делается вывод о об общей поддержке реформы партией. Ключевым для нее оказывался вопрос цены реформы и ее последствий. Этот взгляд позволяет пролить свет на характеристику идеологии националистов.

Ключевые слова: Русская национальная фракция, волостное управление, Государственная Дума, Всероссийский национальный союз

Title: Russian nationalists' opposition to draft of volost rule in the State Duma of Russian Empire of 3rd convocation.

Abstract: The article is devoted to the position of the Russian national fraction on the draft law on volost administration, which was considered in the III State Duma of the Russian Empire. The author, based on the materials of verbatim reports of meetings and dissenting opinions, characterizes the arguments and the attitude of the fraction to the project of creating a new administrative unit – the volost. The conclusion is made about the general support of the reform by the party. The key issue for her was the price of reform and its consequences. This view allows us to shed light on the characteristics of the ideology of nationalists.

Keywords: Russian national fraction, volost administration, State Duma, All-russian national union.

Всероссийский национальный союз (ВНС) – одна из партий России думского периода, интерес исследователей к которой возник относительно недавно.

Одним из первых тему истории ВНС затронул А.Я. Аврех, связавший его возникновение с переменной курса П.А. Столыпина [с. 134]. Партия оказывалась в его глазах сугубо проправительственной. Изучению ВНС посвящены работы Д.А. Коцюбинского [8], С.М. Саньковой [10] и П.Б. Стукалова [12]. Важной вехой в историографии ВНС стала дискуссия

Ратин Фёдор Денисович – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; ratin.fedor@mail.ru

Научный руководитель: *Гайда Фёдор Александрович*, док. ист. наук, доц. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ratin Fedor Denisovich – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ratin.fedor@mail.ru

Scientific adviser: *Gayda Fedor Alexandrovich*, Doctor of Historical Sciences, Assoc. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

между И.В. Омелянчуком и А.А. Ивановым о терминах «националисты» и «черносотенцы». В ходе нее А.А. Иванов заключил, что отождествлять ВНС с черносотенцами нельзя [с. 110-111].

Спорным остается вопрос об идеологии ВНС. Коцюбинский называл союз «национал-либеральным» [8, с. 76-77], но его точка зрения критиковалась [14, с. 41]. Санькова называет партию консервативно-либеральной [10, с. 101]. Но этот ответ нельзя считать исчерпывающим (аналогично можно охарактеризовать, например, Союз 17 октября). Продвижению спора может помочь уход от дихотомии «консерватизм – либерализм». Для этого нужен анализ позиции Русской национальной фракции (РНФ) по разным инициативам в Государственной Думе. Так можно определить наиболее «проблемные» точки повестки для ВНС. Ярким примером этого подхода являются работы И.А. Христофорова [13].

Предмет данной статьи - взгляд РНФ на проект волостного управления. Проект был внесен П.А. Столыпиным в Государственную Думу в 1908 г. и предполагал создание новой административной единицы – волости. Эта идея была частью большого плана местной реформы [5, с. 319; 6, с. 21]. Реформе предшествовали призывы создания в России «мелкой земской единицы» [9]. Отражением этих идей стала дискуссия по проекту весной 1911 г.

При этом данная реформа остается почти не изученной. Обзор истории ее разработки дает А.А. Сорокин [11], охватывая при этом период лишь до 1908 г. Обзор обсуждения проекта в Думе без описания позиций отдельных фракций дает Е.А. Бакуменко [4]. С.М. Санькова остановилась на позиции РНФ по проекту, но не смогла охватить весь объем источников по теме [10, с. 167-168]. В итоге она лишь констатировала неготовность РНФ к радикальным реформам.

Поставленный исследовательский вопрос - позиция фракции националистов по проекту волостного управления. Хронологические рамки исследования – конец 1910-май 1911 г., т.е. период обсуждения реформы в Думе. В качестве источников нами используются стенографические отчеты Государственной Думы III созыва [1] и приложения к ним [2]. Они не позволят нам увидеть кулуарную сторону обсуждения реформы, но осветят публичную позицию фракции.

РНФ оказалась в меньшинстве в комиссии по местному самоуправлению. Члены РНФ поставили подписи под 11 особыми мнениями, всего свои подписи оставило 17 депутатов. Под 5 мнениями стояли подписи только от РНФ. В 5 случаях количество подписей от РНФ преобладало. Лишь под одним особым мнением РНФ не оставила подписей вообще. Самыми активными подписантами особых мнений были депутаты Д.Н.

Чихачев и М.К. Коченевский. Их подписи стояли под 10 особыми мнениями. Активными участниками подачи особых мнений были также граф И.В. Стенбок-Фермор и Г.А. Андрийчук. Последний отметил подачей собственного особого мнения и активным участием в прениях по проекту [2, с. 67-76].

В общем собрании Думы РНФ активно вносила поправки к законопроекту. На этот раз конкуренцию им составила фракция народной свободы. Но если поправки кадетов чаще принимались Думой, то поправки РНФ были почти полностью отклонены. Т.е. националисты оказались в оппозиции проекту комиссии.

РНФ поддерживала правительственную трактовку волости как административно-полицейской единицы [2, с. 67]. Однако, позиция РНФ здесь была не вполне монолитна. Если Андрийчук потребовал исключить слово «земское» из проекта [1, стб. 1461], то К.Ф. Томашевич предложил добавить к «земскому» «административное» [1, стб. 1462-1463], подчеркнув двойственность новых органов управления. РНФ был поднят вопрос о порядке определения границ волостей. При этом позиция РНФ не была единой: И.В. Фомкин внес поправку к поправке РНФ [1, стб. 1461]. Фракция была за то, чтобы вопрос о границах волостей решали административные органы. Фомкин же выступил за участие как администрации, так и органов самоуправления.

Наличие этих требований вытекало из сложности характера нового органа: волостное управление создавалось на еще не существующей административной единице. Оно могло сочетать в себе функции администрации и самоуправления, что вызывало споры о границах прав волости.

РНФ была против того, чтобы волостные органы оказывали населению юридическую помощь [2, с. 69]. Связывалось это с недостатком кадров и ресурсов в провинции. Кроме того, РНФ опасалась, что такой шаг ограничит права земств – уездных и губернских [2, с. 69]. Так же РНФ потребовала дать волостному старшине право взимать штрафы с населения для гарантий общественного порядка [2, с. 71-72]. Критику РНФ вызвал пункт о годовичном сроке полномочий председателя волостного собрания. Заявлялось, что председатель не успеет получить достаточный опыт. Поэтому его срок предлагалось увеличить до 3 лет. Здесь все упиралось лишь в вопрос подготовки кадров для новых органов [2, с. 69-70].

РНФ выступила против сокращения прав земских начальников в области контроля волости. Думская дискуссия по этому вопросу превратилась в обсуждение института земских начальников в целом, и РНФ защищала его. Депутат Фомкин критиковал представление о жесткой опеке крестьян начальниками [1, стб. 2545]. РНФ предлагала передать

земским начальникам функции ревизии волости через доверенных лиц [1, стб. 2560], рассмотрения жалоб и утверждения состава управ [2, с. 71]. Заметим, что немалое число членов РНФ были земскими начальниками и стремились сохранить свои должности. Однако, Андрийчук обратил внимание на то, что земский начальник чрезмерно отдален от деревни. В качестве альтернативы ему он отстаивал необходимость самоуправления [1, стб. 1349-1350].

Возражала РНФ и против наделения пассивным и активным избирательным правом женщин. Против всеобщего избирательного права как такового депутаты не выступили: отмечалась лишь его непригодность для отдельных регионов [2, с. 68-69]. Докладчик Ю.Н. Глебов говорил об участии женщин в сходах в ряде сел, но РНФ не считала такой ответ исчерпывающим. В особом мнении наделение женщин избирательным правом было названо благотворным, но при условии его введения на всех уровнях земства. В перспективе националисты были за радикальную реформу избирательного права [2, с. 68-69].

Фракция была за единоличную власть в волости старшины [2, с. 70]. В общем собрании Андрийчук связал это требование с налоговым вопросом: коллегиальность могла оказаться дороже для населения в ряде местностей. Развивая эту позицию, Фомкин добивался возможности избирать волостного сборщика из числа членов управы по соображениям сокращения налоговых сборов. Когда же подобное требование внес октябрист Д.А. Леонов [1, стб. 3690], позиция крестьян-депутатов РНФ разделилась. Депутат П.Е. Николенко указал на то, что поправка сократит налоговое бремя [1, стб. 3699]. Депутат В.Г. Амосенок ответил на это, что старшина может поставить крестьян под чрезмерный контроль [1, стб. 3701-3702].

Финансовая сторона реформы ярко отразилась в поправках РНФ. Активным участником прений по этой теме был Андрийчук, выступавший с позиции крестьян-собственников. Он составил собственное особое мнение, где критиковал фиксированные сроки уплаты земского сбора [2, с. 73-74]. Андрийчук защищал интересы крестьян, перешедших к индивидуальному хозяйству. Из-за различий в методах хозяйствования для них эти сроки были пагубны. Андрийчук выступал с позиции крестьян-собственников. В вопросе налогов Андрийчук и Фомкин высказались против поправки, наделявшей сборщика правом взимать налоги с надельной земли [1, стб. 3732-3733]. Это им казалось необоснованной статьёй налогов. Националисты были против высокой налоговой «цены» волости. Для достижения этой цели депутат В.Р. Буцкий потребовал дать право особому присутствию уездного съезда устанавливать пределы обложения

в пользу волости [1, стб. 3747-3748]. В тезисе о «самообложении» волости РНФ видела угрозу роста налогового бремени.

Важным стал и вопрос об оплате работы волостной службы. В особом мнении подчеркивалась важность сохранения оплаты волостной службы. Депутаты опасались коррупционных рисков безвозмездности [2, с. 71]. Но важен для РНФ был и предел этой оплаты. Так, депутат Б.С. Янушкевич выступил за установление предела содержания члена управы в 200 рублей [1, стб. 3771].

Андрийчук настаивал на гарантиях всех прав собственности в волости. Критике он подверг попытку передать волости имущества волостных крестьянских сходов. Он отметил, что данные имущества могут понадобиться самим крестьянам и являются важной частью их достатка [1, стб. 3713].

Что же объединяет эти разрозненные требования, которые выдвинула РНФ к законопроекту о волости? Что они нам говорят о позиции партии в принципе? И можем ли мы говорить о том, что эта позиция была однородна?

За все время обсуждения в комиссии члены РНФ ни разу не высказались против введения волости вообще. Напротив, националисты были всецело за проведение этой реформы. Не было в их словах и стремления резко ограничить права волостных властей. Волостные органы должны были в их глазах получить в том числе и административные полномочия.

Активно националисты поднимали лишь вопрос о цене этой реформы и методах ее проведения. Самым важным для них был вопрос финансирования волости. РНФ была против того, чтобы создание нового органа легло тяжким налоговым бременем на население. Они хотели гарантировать все права собственности и сохранение выгодных условий хозяйствования. Так же РНФ выступила против ослабления власти земского начальника, требуя гарантии и его прав. РНФ последовательно отстаивала идею равноправия крестьян с другими сословиями [2, с. 73]. Иными словами, фракция выражала интересы отдельных социальных групп, стремилась оградить интересы каждой из них от потенциальных негативных последствий реформы. В области же методов РНФ исходила из характера реформы: предстояло создать новую административно-территориальную единицу одновременно с самоуправлением. Поэтому для фракции было очень важно наделить волостные органы соответствующими полномочиями и предотвратить коррупцию в них.

При этом отсутствие единства между националистами по отдельным вопросам не должно удивить. Депутаты происходили из разной соци-

альной среды, у каждого были свой опыт и реалии интересов. Поэтому каждый требовал то, что видел правильным.

Именно интересы разных социальных групп стали основой взгляда РНФ на вопрос о власти. На примере этого проекта мы видим, что идеология националистов гораздо сложнее чем простой дуализм «либерализм – консерватизм». Ключевым для РНФ был не вопрос темпов и радикализма реформ, а вопрос их цены и последствий для отдельных социальных групп.

Список использованных источников и литературы

1. Стенографические отчеты Гос. Думы. 3 созыв. 4 сессия. Заседания 74-143. СПб., 1911. 4829 стб.
2. Приложения к стенографическим отчетам Гос. Думы. 3 созыв. 4 сессия. Т. 1. СПб.: Государственная типография, 1911. 1526 с.
3. *Аврех А.Я.* Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 130-179
4. *Бакуменко Е.А.* Законопроект о волостном земстве в Государственной Думе Российской империи III созыва (1907-1912).
5. *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 604 с.
6. *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство. Л., 1978.
7. *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. 528 с.
8. Мелкая земская единица: Сб. статей... - 2-е изд., перераб. и доп.- СПб., 1903. 272 с.
9. Политические партии России. Конец XIX – начало XX вв.: в 3 т. М., 599 с.
10. *Санькова С.М.* Русская партия в России: Образование и деятельность Всероссийского национального союза. Орел, 2006. 370 с.
11. *Сорокин А.А.* Столыпинская реформа волостного управления: разработка, корректировка и критика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2020, №5. С. 68-75
12. *Стукалов П.Б.* Политические и правовые учения в России во второй половине XIX – начале XX века: Всероссийский национальный союз и его идеологи. Воронеж, 2011. 175 с.
13. *Христофоров И.А.* «Аристократическая оппозиция» Великим реформам. М., 2002. 432 с.
14. *Чемакин А.А.* Истоки русской национал-демократии: 1896-1914 гг. СПб., 2018 651 с.

Для цитирования: *Ратин Ф. Д.* Оппозиция русских националистов проекту волостного управления в Государственной Думе Российской империи III созыва // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 346 – 351

Идеология студенческой группы Сопротивления «Белая роза»

Аннотация. Основываясь на материалах агитационной деятельности, источниках личного происхождения и имеющейся современной литературе в статье рассматривается идеология группы Сопротивления «Белая роза». Для достижения поставленной цели выделяются и характеризуются хронологические этапы деятельности группы, анализируются изложенные в агитационных листовках основные идеи и их развитие, а также политические взгляды и мировоззрения участников, повлиявшие на формирование идеологии.

Ключевые слова: Третий рейх; движение Сопротивления; Белая роза; идеология.

Annotation. Based on the materials of propaganda activities, personal sources and available contemporary literature, the article examines the ideology of the resistance group "White Rose". In order to achieve the goal, the chronological stages of the group's activities are identified and characterised to form the context of leaflet writing, the main ideas and their development, as well as the political views and worldviews of the participants which influenced the formation of ideology are analysed.

Keywords: Third Reich; Resistance movement; White Rose; ideology.

Исследование идеологии студенческой группы «Белая роза» является важной темой в области изучения движения Сопротивления в Третьем рейхе. Изучение данной темы способствует выявлению особенностей идейной составляющей всего антинацистского движения в Германии. Рассматриваемая тема является малоизученной в зарубежной и отечественной историографии. К идеям группы косвенно обращался немецкий исследователь Детлеф Болд [6]. Из российских исследователей можно выделить работу И.В. Храмова [2], в которой он описывал процесс создания агитационных листовок. Источниками выступили личные источники участников группы. Дневники и письма [5, 7] передают мысли и испытанные ощущения студентов. Недостатком писем является факт цензурирования военно-полевой почтой, вынуждающий авторов немногословно выражать свои мысли. Книга Инге Шолль [8] является субъективным [2, с. 52], но ценным в силу малочисленности источников документом в

Терентьев, Валентин Олегович – РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; valentin.terenn@yandex.ru

Научный руководитель: *Шеголихина, Светлана Николаевна*, канд. ист. наук, доц. РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Terentyev, Valentin Olegovich – The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia; valentin.terenn@yandex.ru

Scientific adviser: *Shchegolikhina, Svetlana Nikolaevna*, Associate Professor, PhD in History, The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

изучении темы. Протоколы Гестапо Шмореля [3] содержат информацию о политических взглядах студента и деталях деятельности группы.

Членами группы, которая действовала в 1942-1943 гг. были студенты-единомышленники Мюнхенского университета. Важной особенностью «Белой розы» было функционирование именно в Мюнхене, «столице движения» НСДАП. Согласно воспоминаниям сотрудника тайной полиции Роберта Мора, это вызывало особую настороженность и опасения у Гестапо [8, s. 171]. Хронологически можно выделить два этапа деятельности группы. Первый этап приходится на лето 1942 г., на период с конца июня по середину июля. Он характеризуется формированием основных идей группы и малой агитационной активностью, что обуславливается небольшим количеством вовлеченных в деятельность участников и осторожностью студентов в осуществлении ими их акций. В этот период основной целью деятельности было прекращение войны.

В этот период были написаны 4 листовки «Белой розы». Их составлением занимались основатели группы Александр Шморель и Ганс Шолль. Распространением листовок студенты занимались с предельной осторожностью, адресаты листовок тщательно отбирались. Как вспоминал Шморель: «При выборе адресов мы исходили из того, чтобы наши листовки попали тому кругу лиц, который мог бы проявить симпатию к нашей деятельности» [3, с. 62]. Их адресатами стали представители образованного среднего класса: врачи, писатели, книготорговцы, преподаватели школ и университетов, юристы и директора школ [6, s. 32]. Данные действия не могли оказаться незамеченными Гестапо, однако спустя время после распространения 4-й листовки дело, связанное с группой, было закрыто из-за отсутствия улик [8, s. 171].

Второй этап охватывает январь – первую половину февраля 1943 г. К этому времени численность группы значительно увеличилась. В этот период агитационная деятельность студентов усиливается: помимо увеличения тиража выпускаемых листовок, студенты начали оставлять антинацистские лозунги на зданиях в центре города. Появляются планы по расширению влияния группы, созданию очагов сопротивления в крупных немецких городах, сотрудничеству с группой сопротивления «Красная капелла» и установлению контактов с другими государствами [8, s. 43, 76]. Активизация деятельности «Белой розы» была продиктована изменением мировосприятия студентов после участия в военной кампании на Восточном фронте. Внутренние изменения студентов отражают их письма и дневники. От отчаяния Ганс Шолль в письмах называл немцев «обреченной нацией» и испытывал разочарование и одиночество [5, p. 262, 287], сменившиеся спустя время усилением радикальных настрое-

ний. О своих изменениях также писал в дневнике Вилли Граф [7, s. 61]. Изменения в мировосприятии способствовали радикализации мнений по отношению к нацизму. Именно поэтому произошла смена цели их деятельности с прекращения военных действий на свержение режима. Период также характеризуется большим влиянием профессора Курта Хубера на формирование идеологии, о чем свидетельствует главенство его мнения при составлении 5 и 6 листовок.

Во второй этап тираж следующих двух листовок был увеличен примерно до 3000 штук на каждую [3, с. 66, 70]. Из их содержания пропало название «Белая роза». Источники не сообщают о причине данного решения. Предположительно, эта мера была обусловлена тем, что в Гестапо уже знали о деятельности «Белой розы», и, чтобы ввести в заблуждение тайную полицию, название было убрано. Примечательно, что развитие этих идей в том виде, в котором они выражены в листовках 5 и 6, было продиктовано поражением Вермахта в Сталинградской битве. Оно вызвало в Германии резкую реакцию со стороны населения, которую члены группы хотели направить в русло присоединения к Сопrotивлению. Первым четырем листовкам свойственен националистический характер, выраженный в противопоставлении немецкого народа нацистской диктатуре. Целью данного сравнения была демонстрация чуждости нацистского режима для немецкого населения. Это находит отражение в сравнении подверженности населения влиянию нацистской диктатуры со сном, от которого немцы должны проснуться, в листовке II [1]. Немцы продемонстрированы как культурная нация, о чем пишут сами авторы в листовке I. Данный тезис подтверждает частое цитирование таких деятелей немецкой культуры как Гете, Шиллер и Новалис. Эти писатели и поэты имеют большое значение для немецкой культуры Нового времени, и использование их имен предположительно должно было оказать воздействие на немецкого читателя. Упоминание выдающихся немецких деятелей также имело субъективную причину. Так, Шолль в одном из писем отмечал: «Никто не мог писать прекраснее, чем Гете» [5, p. 257].

Нацистский режим продемонстрирован как бездуховное и бескультурное «зло». Так, в листовке II делается акцент на художественном языке, которым написана автобиография Гитлера: авторы называют его «худшим немецким языком, который доводилось читать» [1]. Противопоставляя нацистский режим немцам, студенты говорят о проявлении всех крайностей тоталитаризма. Листовки содержат информацию о военных преступлениях в Восточной Европе и уничтожении евреев в Польше. Интересно отметить, что нацистов также разоблачают в использовании т.н. «новояза», который Умберто Эко относит к признакам фашистского

режима [4, с. 78]: «Каждое слово, исходящее из уст Гитлера – ложь: если он говорит «мир», то подразумевает войну, и если он самым кощунственным образом упоминает имя Господа, то имеет в виду власть зла, павшего ангела, сатану» [1]. Таким образом, в своей агитации члены группы развивали идеи антифашизма.

В листовках, в особенности в листовке IV, делается акцент на приверженности немцев христианству. Христианский мотив выражен в виде призыва немецкого населения к борьбе за «высшие ценности», а также в обозначении роли религии в обновлении Европы: «Только религия сможет вновь пробудить Европу, обеспечить права народа и восстановить на земле христианство во всем его новом величии в его миротворческой должности» [1]. Упоминания христианства обуславливается как важной ролью христианства для немецкого общества того времени, так и глубокой религиозностью самих авторов. Авторы листовок также обращали внимание на принадлежность немцев к европейскому политико-культурному пространству. Это находит отражение в повторении этого тезиса в листовках и в цитировании Аристотеля, важного для европейской культуры философа. Предположительно, таким образом предполагалось сформировать мысль о преступности войны против Европы, частью которой Германия является.

В данных листовках проявляется политическая составляющая идеологии группы, выраженная в призыве к «пассивному сопротивлению». Эта позиция обусловлена глубокой религиозностью деятелей группы, выступавших за гуманное общество и отрицавших насилие. Данный вид сопротивления отражает христианскую этику, выраженную в утверждении Апостола Павла «зло надо побеждать добром». «Пассивное сопротивление» выразалось в индивидуальном, а не коллективном сопротивлении. Выбор в сторону индивидуальности был продиктован опасениями участников сопротивления по отношению к рабочим и возможным коллективным санкциям [6, с. 43]. Призыв отражает цель группы – прекращение войны, т.к. «пассивное сопротивление» направлено в первую очередь на саботирование военного производства. На втором этапе развивается националистический мотив. Он выражен в сравнении войны на Восточном фронте с русской кампанией Наполеона в листовке 6. Авторы проводят параллель между 1813 г., когда Пруссия была освобождена от французской оккупации с 1943 г, формируя тем самым идею «освободительной войны» против нацизма, которая упоминалась в 5 листовке. Сравняется также Сталинградская битва с переправой через Березину для передачи идеи скорого свержения режима.

Ключевое внимание уделяется идеям антифашизма. Национал-социализм продемонстрирован как режим, тянущий «свой народ в бездну» [1]. Акцент смещается с военных преступлений режима на разрушительную для немецкого населения деятельность тоталитаризма. В обеих листовках авторы пишут о скором крушении режима, которое приведет немцев к губительным последствиям. В 6 листовке делается акцент на потере прав и свобод после установления диктатуры. Авторы также обращают внимание населения на необходимость выступления против диктатуры, которое может обернуться для немцев международной изоляцией. Студенты оставляли антинацистские лозунги в Мюнхене, такие как «Долой Гитлера» и перечеркнутую свастику, отражающие нынешнюю цель их деятельности – свержение режима.

Фактор причастности немцев к европейским странам выражается в призывах к строительству послевоенного будущего, над которым совместно должны трудиться европейцы: «Только масштабное сотрудничество европейских народов может создать почву, на которой станет возможным новое строительство» [1]. Политический аспект выражен в демонстрации образа послевоенной страны в 5 листовке: Германия предстает федерацией со свободой слова и вероисповедания. Примечательная также идея об освобождении рабочего класса «разумным социализмом» [1], противоречащая общему консервативно-националистическому характеру листовок. Упоминания социализма было обусловлено решением Хубера. Он объяснял это следующим образом: «Социалистическая форма была абсолютной необходимостью, учитывая сегодняшнюю экономическую ситуацию в Европе» [6, с. 129]. Образ послевоенной Германии также отражает цель группы на данном этапе деятельности: его демонстрация направлена на формирование цели, к которой должен стремиться немецкий народ после свержения режима. Созданию образа предшествовали дискуссии между Хубером, Шморелем и Шоллем. Студентами были предложены свои варианты образа. Так, Шморелем было предложено собственное видение послевоенной Германии, однако в силу своих «прокоммунистических», по мнению Хубера, взглядов [2, с. 98], а также предпочтению авторитарной форме правления [3, с. 118] она была отклонена. Идеи Шолля были взяты за основу листовки [2, с. 98]. И.В. Храмов отмечал, что получить точную информацию о решающем влиянии Шолля или Хубера на содержание листовки проблематично из-за ее отсутствия [2, с. 98]. Автор статьи склоняется к мнению о доминировании идей Хубера, т.к. изложенный в листовке образ Германии полностью совпадал с политическими взглядами профессора. Он был сторонником

демократии, несмотря на первоначальную к ней неприязнь, вызванную неудачным опытом Веймарской республики. Для Хубера демократия в США и Британии стала эталонной [6, s. 140]. По отношению к форме государственного-территориального устройства профессор считал швейцарский либеральный федерализм лучшим государственным строем [8, s. 150], в отличие от остальных членов группы, находивших унитаризм единственно верным для Германии устройством [8, s. 150].

Суммируя вышесказанное, можно выделить ключевые компоненты идеологии «Белой розы». Ими являются национализм, антифашизм, ориентированность на Европу и политическая составляющая группы, отражающая их цели на конкретном этапе деятельности. Отдельно можно выделить христианскую этику, играющую важную роль на первом этапе деятельности группы, но пропавшую с листовок на втором. Причины исчезновения требуют дальнейшего изучения. На первом этапе составление листовок находилось под воздействием мировоззрений участников группы, когда как на втором этапе основное влияние оказывали внешне-политические события.

Список использованных источников и литературы

1. Листовки «Белой розы» // Weiße Rose Stiftung e.V. URL: <https://www.weisse-rose-stiftung.de/wp-content/uploads/pdf/Flugblaetter-ru.pdf> (дата обращения: 31.10.2023).
2. *Храмов И.В.* Александр Шморель. Москва, 2018. 211 с.
3. *Шморель А.* Протоколы допросов в Гестапо. Февраль – март 1943 г. (РГВА. Ф. 1361 К. Оп. 1. Д. 8808): Пер. с нем. Храмова И.В. /Пердисл. Ветте В., сост., вступит. Стат. Храмова И.В. Оренбург, 2013. 184 с.
4. *Эко У.* Пять эссе на тему этики / Перев. с итал. Е.А. Костюкович. СПб, 2003. 158 с.
5. *At the Heart of the White Rose: Letters and Diaries of Hans and Sophie Scholl.* New York, 2017. 381 p.
6. *Bald D.* Die Weiße Rose. Von der Front in den Widerstand. Berlin, 2003. 203 S.
7. *Graf W.* Briefe und Aufzeichnungen. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1988. 348 s.
8. *Scholl I.* Die Weiße Rose. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1993. 204 S.

Для цитирования: *Терентьев В. О.* Идеология студенческой группы Сопротивления «Белая роза» // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 352 – 357

СЕКЦИЯ. РУССКАЯ, ИМПЕРСКАЯ И СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Кулыгин Леонид Андреевич

Насилие и его применение во взаимоотношениях полицейских структур и населения Москвы второй половины XVII в.

Аннотация: в статье рассматривается физическое насилие как характерный элемент конфликтов, происходивших между полицейскими структурами Москвы и посадскими тяглецами во второй половине XVII в. Автор приходит к выводу, что грубому принуждению и побоям городские жители подвергались как при исполнении ими караульной службы, так и когда являлись объектом воздействия со стороны полицейских структур. Это характеризует посадские повинности не только как обременительные, но и как опасные.

Ключевые слова: насилие, полицейские структуры, повинность

Title: Violence and its use in the relationship between police structures and the population of Moscow in the second half of the XVII century

Annotation: the article considers physical violence as a characteristic element of the conflicts between the police structures of Moscow and the posads' taxpayers in the second half of the XVII century. Author concludes that city residents were subjected to rough coercion and beatings both during their guard duty and when they were the object of influence from police structures. This characterizes the posads' duties not only as burdensome, but also as dangerous.

Key words: violence, police structures, conscription

В современной историографии при исследовании городской повседневности особое внимание уделяется изучению конфликтов, демонстрирующих столкновение интересов отдельных людей, групп и властных структур. Раскрывая внутренний механизм разных форм конфликтов, исследователи стремятся понять межличностные и социальные проблемы, существующие в том или ином сообществе [8, с. 141-142]. Конфликты нередко сопровождалась разными формами насилия. Как само-

Кулыгин, Леонид Андреевич – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; l.kulygin2002@yandex.ru

Научный руководитель: *Козлова Наталья Вадимовна*, д-р ист. наук, проф. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Kulygin, Leonid Andreevich – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; l.kulygin2002@yandex.ru

Scientific adviser: *Kozlova Natalia Vadimovna*, Doctor of Historical Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

стоятельная проблема на отечественном материале насилие изучается преимущественно в семейной и бытовой сфере [3]. В данной работе под насилием понимается прямое и противоправное физическое воздействие, которое являлось частью взаимоотношений полицейских структур и населения города в XVII в. Одной из причин таких столкновений была «сословная пестрота» его жителей [4, с. 202], имевших разный статус, права и обязанности. Во второй половине XVII в. ситуация была дополнительно осложнена включением бывших беломестцев, свободных от податей и повинностей, в состав тяглого населения.

Безопасность в городе обеспечивали объезжие головы и их подчинённые, – подьячие, стрельцы или выборные чернослободцы, а также десятские (они наряжали ночные караулы и следили за соблюдением противопожарных мер) и караульщики из жителей объезжего участка.

Историки уже обратались к вопросу отношений объезжих голов и населения Москвы в XVII в. Ими дана характеристика службы объезжих голов и затруднений, с которыми они сталкивались [6, с. I-II], описан круг их обязанностей и особенности взаимодействия с Земским приказом и другими административными институтами Москвы [1, с. 86-89; 2, с. 117]. Причиной насилия со стороны объезжих голов, которыми являлись люди «московских чинов», называли восприятие службы как «кормления», на что население отвечало «стихийным антифеодальным протестом» [13, с. 45, 46-47]. Исследователи обратили внимание на то, что несмотря на обыденность насилия со стороны объезжих, в конфликтах с «сильными» людьми первые были уязвимы [10, с. 80-83, 14, с. 202-204]. На примере конкретной группы столичного населения (государевы иконописцы и живописцы) были выявлены стратегии, с помощью которых её представители пытались избыть караульную службу [9, с. 12-13].

Таким образом, примеры насилия, иллюстрирующие общие тенденции, уже становились предметом интереса учёных. Насилие само по себе, его особенности и причины в работах, посвящённых взаимоотношениям полицейских структур и населения в XVII в. ранее не исследовалось.

Цель данной статьи – выявить обстоятельства и механизм совершения насилия, как со стороны объезжих голов, так и со стороны жителей посада. Это позволит увидеть новые детали и обстоятельства выполнения городскими тяглецами возложенных на них полицейских повинностей

Исследование основывается на опубликованных источниках (челобитные, досмотры караулов, изветы десятских, памяти), сохранившихся в фондах Разрядного приказа и архива Московской Оружейной палаты [5, 7, 12]. Формат статьи даёт возможность обозначить лишь общие контуры вопроса. Из 42 дел (с 1654 по 1695 г.), отражающих ситуацию кон-

фликта интересов москвичей и службы объезжих голов, в 21 сообщается о насилии (эти дела относятся преимущественно к 1695 г.). Вместе эти документы позволяют составить представление о поводах к применению насилия, возникавших в процессе осуществления полицейской службы.

Не каждый конфликт разрешался насилием. Если объезжий «норовил» отдельным группам населения или нарушался порядок разверстки караульной повинности, жители города предпочитали добиваться справедливости, подавая челобитные на «недолжное» с их точки зрения поведение полицейской команды. В других аналогичных случаях они просто уклонялись от выполнения предписанных обязанностей [11, с. 22-23]. Подача челобитных была распространенной практикой для тех разрядов населения, которые, подобно дворцовым иконописцам [9, с. 12-13] или мастерам Печатного двора [12, с. 77] не входили в состав посадских тяглицев, а потому могли рассчитывать на освобождение от караульных служб. Персональных челобитных зафиксировано значительно больше коллективных: последние, вероятно, подавались, когда бесчинства объезжего выходили за все мыслимые пределы [12, с. 71-72], или его действия затрагивали интересы значительного числа однородного по статусу населения, например, дворцовых или казенных мастеров.

Можно выделить три группы случаев насилия: обращённое против жителей насилие полицейской службы (9 дел), насилие населения против полицейской службы (8 дел) и насилие внутри последней (4 дела). Дел о насилии в отношении населения меньше ожидаемого, так как жители могли сообщать о конфликтах в другие приказы, документы которых не вошли в используемую публикацию.

Объезжий голова чаще всего применял насилие при задержании, поэтому место побоев коррелирует с предполагаемой виной. Отказ соблюдать противопожарные меры или исполнять выборные службы становился причиной побоев на дворах или неподалёку от них, а присутствие в городе без поручной записи и другие провинности – на улице или на съездем дворе. Часто такие удержания сопровождались грабежом на съездем дворе [5, с. 30-32, 34-35, 46-47].

Вероятность побоев увеличивалась, если тяглец отказывался подчиниться приказанию [5, с. 36-40, 37]. Пострадать, при этом, могли другие: Афонка Парфеньев попытался вступить за жильца своего хозяина, которого объезжий голова хотел арестовать, и был бит [12, с. 206-207]. Впрочем, нахождение на улице было опасно для всех, кто мог оказаться объектом внимания объезжего головы [5, с. 37]. Некоторым, как подьячему Земского приказа Ивану Никитину повезло: объезжего, который собирался его бить, остановили караульщики (впрочем, согласно допросу

объезжего головы, он не смог попасть даже во двор – оттуда его согнала мать подьячего) [5, с. 21-22]. Насилие со стороны объезжего могло быть ответом на челобитные жителей: объезжий Редькин бил семью Никиты АкаТЬева, который во главе группы жителей ранее жаловался на его самоуправство [12, с. 207-210].

Население Москвы старалось решать конфликт с помощью челобитных в том случае, когда чувствовало за собой силу закона (К. А. Коновалов предположил, что злоупотребления объезжих голов вели к отставкам без объяснения причин [10, с. 81]) или привилегии. Не имевшие такой возможности жители от караульной повинности уклонялись. Были, впрочем, и нестандартные формы протеста: подьячий Андрей Павлов сын Ремезов изломал решётку и надолбы, сделанные объезжим головой на новом месте [12, с. 85].

Свободные от тягла жители [2, с. 124], такие как толмач Иван Григорьев сын Кучумов, оказывали сопротивление при попытке объезжего головы досмотреть их двор [12, с. 83]. Объезжим приходилось иметь дело и с дворянами, и со служилыми людьми – ответить на их неподчинение они могли только челобитной в Разряд [1, с. 88]. Когда объезжий напрямую затрагивал интересы «сильных людей» они могли применить физическое воздействие: об этом в своей челобитной сообщил Данил Андреев сын Львов. Люди «верхового карла» Ермолая Данилова сына Мишукова [14, с. 202-204], избив объезжего, запретили занимать под съезжий двор владение Патрикея Мартьянова, бывшего у Ермолая «в заживе» [5, с. 22-23]. Челобитная усугубила конфликт: у спорного двора на объезд напали, причём больше всех пострадали чернослободцы, бывшие в объезде. [5, с. 24-25].

Страдали от насилия и жители, выбранные в десятские – их изветы сообщают о массовом уклонении подчинённых от караульной повинности. Исполнение службы приводило к конфликту: Сидора Иванова побили соседи за просьбу не сидеть поздно с огнём [12, с. 98-99]. В свою очередь объезжие головы сообщали о неподчинении десятских, которое могло принимать довольно бурные формы. [5, с. 25-29, 55-58]. Впрочем, чаще десятские просто не являлись на службу [5, с. 29-30].

Караульщики могли быть атакованы как недовольными противопожарными мерами жителями слободы [5, с. 35, 36], так и маргинальными элементами: такой была судьба Федьки Дуная [5, с. 32], «служивых людей» съезжего двора [5, с. 4-5], караульщиков [5, с. 41-42].

Чаще объезжих от насилия со стороны жителей страдали приданные им жители города. Вероятно, поэтому чёрные слободы, так неохотно выполняли свою повинность по поставке служащих в съезжие избы:

Данила Львов указывал, что ему дано всего три чернослободца [5, с. 24]. Также неохотно несло караульную службу и население участка объезжего. Требование посылать на съезжие дворы по одному человеку с 10 дворов для караула оно могло игнорировать [5, с. 24].

На объезжего мог посягнуть своевольный подьячий, приданный ему. Давыд Микифоров сын Ходырев отпустил со съезжего двора поповского сына, которого, вопреки государеву указу (до 1675 г. они имели своих объезжих голов) привёл туда подьячий. В ответ подьячий избил Ходырева. Подьячий, обвинённый объезжим в буйстве и пьянстве, в расспросных речах выдвинул обвинения в побоях и взяточничестве [12, с. 210-211].

Подьячий мог стать жертвой нападения приданных ему караульщиков прямо во время объезда: это случилось с Иваном Носковым; ответчики (выборные караульщики), отрицая факт избиения, тем не менее признавали конфликт с ним и вступившим в сговор объезжим головой. В данном случае линия конфликта проходит между жителями города и назначаемыми полицейскими служителями [5, с. 14-16]. Примечательно, что чернослободцы не выбрали объектом своей атаки самого объезжего. Схожую ситуацию описывал объезжий голова Пётр Иванов сын Шилов: присланные ему вместо стрельцов чернослободцы ограничились угрозами в его адрес, при этом избив человека объезжего головы Ивана Алексея [5, с. 18-19].

В ответ на отказ быть десятским объезжие головы могли применять насилие - так Василий Сергеев был избит на своём дворе [5, с. 25-29].

Приведённые примеры насилия показывают, что даже внутри самих полицейских структур Москвы существовали противоречия между населением, выполнявшим полицейские обязанности в качестве повинности, и теми, кто исполнял их по долгу службы.

Анализ взаимоотношений жителей Москвы и объезжих показывает, что насилие было постоянным элементом практики полицейских служб. Участие в службе объезжих голов для населения города оборачивалось, прежде всего, против него самого: угроза грубого принуждения и побоев существовала вне зависимости от того, досматривали двор тяглеца или он сам входил в объезд. Это наблюдение к уже известным оценкам городских повинностей посадских людей как обременительных добавляет важный штрих, как и весьма опасных. Большому риску злоупотреблений со стороны объезжего подвергались временно оказавшиеся в Москве или находящиеся там без жилой записи.

Тем не менее, насилие не было неизбежным элементом взаимодействия: чувствуя за собой силу власти, привилегии или традиции, жители, не входившие в состав посада, могли подавать челобитные об освобождении

дении от караульной службы или просто игнорировать её в условиях слабости института службы объезжих голов.

Список использованных источников и литературы:

1. *Богоявленский С.К.* Московские слободы и сотни в XVII в. // Московский край в его прошлом. Вып. II. М., 1928.
2. *Богоявленский С.К.* Управление Москвой в XVI-XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. III. М., 1910.
3. Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI—XXI вв.): / [И. С. Кон, И. В. и Д. В. Михель, М. Г. Муравьева, Н. Л. Пушкарева, В. Шаповалова]; общ. ред. и сост. М. Г. Муравьевой, Н. Л. Пушкаревой. СПб., 2012.
4. *Голикова Н.Б.* К вопросу о правовом положении городского населения России конца XVI-XVII века // Русский город. Вып. 9. М., 1990.
5. Документы съезжих дворов Москвы конца XVII в. // *Зерцалов А.Н.* Объезжие головы и полицейские дела в Москве в конце XVII в. [М.], 1894.
6. *Зерцалов А.Н.* Объезжие головы и полицейские дела в Москве в конце XVII в. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. [М.], 1894.
7. Иконописцы и живописцы Оружейной палаты 1630—1690-е годы: дворовладения, события повседневной жизни, работа по частным заказам. Сборник документов / составитель *М. В. Николаева*. М., 2012.
8. *Каменский А. Б.* Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М., 2006.
9. *Козлова Н. В.* Повседневные заботы и материальный быт государевых иконописцев и живописцев Москвы в допетровской Руси // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023 – Т. 14 – Выпуск 3 (125). .
10. *Коновалов К. А.* Служба объезжих голов в Китай-городе XVII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 7. Ч. III.
11. *Кулыгин Л. А.* Конфликты между посадским населением и структурами полицейского управления Москвы в XVII веке. // Платоновские чтения: материалы и доклады XXVIII Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 9-10 декабря 2022 года) / отв. ред. П. С. Кабытов. Самара, 2023. С. 21-23.
12. Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968.
13. *Сахаров А. М.* Из истории Москвы середины XVII века // Вестник Московского университета. Серия 9. История. 1963., № 3. С. 45-52.
14. *Шокарев С. Ю.* Повседневная жизнь средневековой Москвы. М., 2012.

Для цитирования: *Кулыгин Л. А.* Насилие и его применение во взаимоотношениях полицейских структур и населения Москвы второй половины XVII в. // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 358-363.

Русское частное письмо первой четверти XVIII в. как материальное явление

Аннотация. В рамках настоящего исследования представлено комплексное рассмотрение материальной составляющей частного дворянского письма: бумаги, конверта, печати, чернил, пишущего материала. Были выявлены основные тенденции, характерные для эпистолярной культуры первой четверти XVIII в. и выстроены дальнейшие векторы исследования заявленной темы. Изучение частного письма как материального явления позволило проследить формирование особого культурного феномена, выявить его индивидуальные особенности, характерные для данного периода.

Ключевые слова: частное письмо, дворянство, XVIII в., эпистолярная культура.

Title: Russian private letter of the first quarter of the XVIII century as a material phenomenon.

Abstract. In the framework of this study, there is a complex consideration of the material component of private noble letter: paper, envelope, printing, ink, writing material. We identified the major trends characteristic of an epistolary culture in the first quarter of the XVIII century. And we built further vectors of research on the declared topic. The study of private letters as a material phenomenon made it possible to determine the formation of a specific cultural phenomenon, to identify the individual characteristics, which were typical for this period.

Key words: Private writing, nobility, 18th century, epistolary culture.

Петровские преобразования оказали влияние на изменение повседневной частной жизни элиты России. В указанный временной промежуток в значительной степени менялся человек [20]: формировались новые модели поведения и привычки. Частная переписка становилась способом массовой коммуникации. По мнению А.В. Беловой [1], это – отражение процессов «эмансипации индивидуальности», «оформление пространства приватной жизни» [1, с. 170]. Само письмо представляет сложный социокультурный феномен. Его материальные составляющие могут выступать ключом к реконструкции идей и базовых культурных кодов эпохи. Так, в центре нашего внимания оказывается рассмотрение тенденций в организации пространства частной коммуникации в первой четверти XVIII в.

Новикова, Мария Андреевна – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; novimary7@gmail.com

Научный руководитель: Цыпкин, Денис Олегович, канд. ист. наук, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Novikova, Maria Andreevna – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; novimary7@gmail.com

Scientific adviser: Tsyarkin, Denis Olegovich, Candidate of Historical Sciences, Assoc. Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Цель настоящего исследования заключается в комплексном изучении материальной составляющей частного письма.

Эмпирическая часть исследования основывается на анализе писем русской элиты первой четверти XVIII века, хранящихся в коллекции Российской Национальной библиотеки.

Включение писем в исследование основывается на принципах теории поколений Н. Хоува и В. Штрауса [2]. Вслед за указанными авторами, мы придерживаемся позиции, что люди, рожденные в одно время, обладают схожими ценностями, навыками и моделями поведения [2]. Более того, представители одного поколения находятся в схожих исторических реалиях и включены в одни и те же процессы. При этом, для понимания динамики изменений, происходящих с людьми, необходимо рассмотрение нескольких поколений людей одной эпохи, так как именно общий анализ помогает выявить те или иные культурные закономерности и обнаружить различия. Для систематизации исторических источников нами были рассмотрены данные о годе рождения авторов писем (Табл. 1).

Многие из авторов писем приходится родственниками друг другу, часть из них состоит в близком, дружеском общении.

Настоящая работа представляет собой скорее предварительные наблюдения и выступает отправной точкой в рассмотрении заявленной темы. Ключевые исследовательские вопросы направлены на определение функционального значения частного письма как материального явления:

1. Могут ли материальные составляющие частного письма первой четверти XVIII в. говорить о формировании нового культурного феномена?

2. В каком объеме письмо может рассматриваться как характеристика индивидуального поведения?

3. Могут ли материальные составляющие частного дворянского письма отражать трансформации, которые проходит человек в указанный исторический период?

Традиционно к основным материальным компонентам письма относят бумагу, конверт, печать, чернила, перо.

Изученный комплекс писем позволяет отметить, что преимущественно для их написания использовалась плотная импортная, голландская бумага [3-5, 8-11, 14]. Такая бумага имела достаточно высокую стоимость. Среди исследованных писем указанного периода фактически не встречается написанных на специализированной почтовой бумаге. Полученные данные позволяют сделать предположение о том, что в первой четверти XVIII в. в России ещё не существовало особого представления о необходимости использования специальной почтовой бумаги для написания частных писем. Верификация данного предположения требует как анализа бумаги,

используемой в указанный период для написания деловых писем, так и определение путей получения бумаги для частных писем. Это позволит установить формировалась ли материальная культура писем как единая, или культура частного письма может быть рассмотрена как самостоятельный феномен, обладающий своими собственными характеристиками.

В основном, почти каждое письмо рассматриваемого комплекса представляет собой сложенный вдвое лист, таким образом составляя подобие тетради. Текст письма обычно располагается на 1 и 2 странице, или на 1, 2 и 3.

Изучение эпистолярного наследия указанной эпохи позволяет обратить внимание на наличие или отсутствие конверта. Для первой четверти XVIII в. отличительной особенностью конвертирования выступает складывание самого письма в виде конверта. Письма-конверты, как и остальные письма, представляют собой сложенный вдвое лист. Однако, на них заметны отчётливые следы складывания, присутствует печать из сургуча или воска, а также данные о том, кому предназначается письмо и куда его следует доставить [4-6, 8, 9, 11, 14, 15-17]. В рассмотренном комплексе из 33 писем отчётливые следы складывания присутствуют лишь в 11 случаях: из них 10 – женские письма, 1 письмо – в соавторстве женщины и мужчины (Табл. 2). Мужских писем-конвертов не обнаружено.

Как видно из представленных в Табл. 2 данных, большая часть изученных писем не имеет следов складывания [3, 7, 10, 12-14, 18]. В рамках настоящего исследования конвертирование писем может быть объяснено разными причинами. Во-первых, необходимость письма-конверта может быть связана со способом и обстоятельствами доставки письма. Мы исходим из того, что большую часть писем доставляли в специальных папках, а не в сложенном в форме конверта виде. Исходя из результатов исследования, авторами частных писем-конвертов являются женщины. Так, может быть выдвинуто предположение о том, что в рамках мужской корреспонденции существовало больше возможностей для обеспечения конфиденциальности и более надёжного способа доставки писем (через доверенного лица, нарочного, слугу), чем это было доступно женщинам (письма могли быть частью посылки или же их доставка осуществлялась через нескольких лиц) [22]. Однако, стоит отметить, что все авторы-женщины, чьи письма были изучены в рамках настоящего исследования, являются элитой первой четверти XVIII в., многие из них – члены царской фамилии. Поэтому продолжением изучения данного аспекта эпистолярной культуры может выступать анализ способов транспортировки женских и мужских частных писем в русском привилегированном обществе.

Во-вторых, может быть выдвинуто предположение, что складывание письма в конверт связано с социальным положением того, кому предназначалось данное письмо. Кроме того, внешний вид письма мог различаться для друга / знакомого и члена семьи.

В-третьих, складывание письма в форме конверта может выступать отражением эстетической моды на конверт, перенятой с Запада. Одной из сторон рецепции моды для первой четверти XVIII в. выступало изобразительное искусство. Однако, появление в России портретов с конвертами или натюрмортов, на которых присутствует конверт, датируется 30-ми гг. XVIII вв. Таким образом, в изобразительном искусстве первой четверти XVIII в. конверт не фигурировал. Мода на его использование могла также быть заимствована из переписки с иностранцами, из иностранных книг, поступающих в Россию.

Немаловажной особенностью конвертирования выступает печать, так как она является средством аутентификации. В основном, письма первой четверти XVIII вв. запечатаны печатью красного сургуча [5, 6, 8, 9, 11, 15] или чёрного воска [4, 16, 17].

Для написания писем использовали чернила, которые имели разнообразный состав. Они могли изготавливаться из большого количества органических и минеральных элементов. Рецепты для производства чернил были разные, и, зачастую, они сохранялись в строжайшем секрете [21].

Главным орудием письма XVIII в. выступало перо. Оно должно было определённым образом быть подготовлено для письма. Перо обрезали и оттачивали [19]. Для подготовки пера использовали специальные инструменты. Например, для создания расщеп / раскепа на пере использовали «раскепные» ножи. Мы предполагаем, что форма отточки пера могла оказывать влияние на особенности письма. Различия в письме одного и того же лица могут быть обусловлены спецификой выбора манеры письма (регистра письма), психофизиологическим состоянием пишущего, условиями письма, состоянием инструментов.

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов:

1. Материальные данные частного письма первой четверти XVIII в. показывают, что оно начинает оформляться в особый культурный феномен.

Несмотря на то, что на рубеже XVII-XVIII вв. для написания частных писем привилегированная русская элита, в основном, не использовала специальную почтовую бумагу, однако, письма начинают обладать собственной стилистикой, выраженной как в материальных аспектах, так и в их текстовом оформлении;

2. Эпистолярное наследие XVIII века также предоставляет обширные сведения об авторе: почерк, способ организации письма, конвертирование, печать. Так, конвертирование писем, преимущественно представительницами женского пола, даёт множество гипотез для дальнейшего исследования. Можно рассматривать предположения о распространении особой моды на конверт, о зарождающемся особом отношении к частным письмам, желании сохранения приватности;

3. Рубеж XVII-XVIII вв. в России – время поэтапного распространения традиции написания частного письма и складывания ритуала писать частные письма. В данном контексте появляется мода на написание частных писем. Изначально, это может рассматриваться как форма социального жеста, становившегося во многом обязательным. Однако в более поздние периоды написание частных писем перерастёт в потребность, эмоционально и психологически значимое действие. Важно отметить, что указанные изменения коснулись людей, которые родились ещё в XVII в. и впитали в себя различные новые культурные веяния. Это говорит о трансформациях, происходивших с людьми, об изменении их привычек и ритуалов, выработке новой развитой коммуникационной модели.

Список использованных источников и литературы:

1. Белова А.В. Женская эпистолярная культура в России на рубеже XVIII–XIX и XX–XXI веков // Культура и текст. 2016. № 2(25). С. 167-185.
2. Ожиганова Е.М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. №1 (1). С. 94-97.
3. ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 2. № 256.
4. ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 2. № 305.
5. ОР РНБ. Ф. 480. № 16. Л. 1-6.
6. ОР РНБ. Ф. 480. № 23.
7. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 5.
8. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 71.
9. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 93.
10. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 94.
11. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 101 Л. 1-8.
12. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 108.
13. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 113. Л. 1-2.
14. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 115. Л. 1-15.
15. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 126.
16. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 127.
17. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 143.
18. ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. № 67.

19. *Рейсер С.А.* Палеография и текстология нового времени. М., 1970. 336 с.
20. *Цыпкин Д.О.* Древнерусская каллиграфия в контексте проблемы когнитивных трансформаций (некоторые замечания о монокондильных композициях раннего Нового Времени) // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2022. Т. 12. С. 688-704.
21. *Черепнин Л.В.* Русская палеография. М., 1956. 616 с.
22. *Bound F.* Writing the self? Love and the letter in England, c. 1660 – c. 1760* // Literature & History. 2002. №11(1). p. 1-19.

Для цитирования: Новикова М. А. Русское частное письмо первой четверти XVIII в. как материальное явление // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 364 – 369

Сергеева Екатерина Дмитриевна

**Конные портреты Г. Х. Гроота: забавы и обещания Елизаветы
Петровны**

Аннотация. В статье рассматриваются конные портреты Елизаветы Петровны, Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны работы Г. Х. Гроота. На основании специфики конного портрета как формы и его новизны для русской культуры 1740-х гг. предполагается важность избираемых образов, которыми могли выступать работы И. Г. Гамильтона. В статье выдвигается тезис о возможности интерпретации портретов как единого «триптиха», смысловое наполнение которого было связано с политическими чаяниями императрицы.

Ключевые слова: Г. Х. Гроот, конный портрет, репрезентация власти

Title: G. C. Grooth's Equestrian Portraits: Amusements and Promises of Elizaveta Petrovna

Annotation. The article discusses G. C. Grooth's equestrian portraits of Elizaveta Petrovna, Pyotr Fyodorovich and Ekaterina Alexeevna. The specifics of equestrian portraiture and its novelty for the Russian culture of 1740s allow us to assume the significance of the choice of models for the portraits; among them could have been artworks of J. G. Hamilton. The article brings forward the possibility of portraits' interpretation as a single "triptych" related to empress' political aspirations.

Key words: G. C. Grooth, equestrian portrait, representation of power

Конный портрет Елизаветы Петровны с арапчонком (1743, ГТГ) по праву считается как лучшей работой Г. Х. Гроота, так и одним из важнейших произведений в галерее портретов императрицы. Традиционно он рассматривается как, в первую очередь, «жемчужина рокайльного искусства», удачный опыт привнесения «стиля рококо в его своеобразном немецком варианте» [3, с. 63] в Россию, остроумная и изящная забава-обманка и в сути, и по форме; но, хотя с такой оценкой невозможно не согласиться, мы полагаем, что полотно представляет интерес не только как стилевая веха в развитии русского искусства, но и как часть политической и художественной программы, реализуемой Елизаветой в 1740-е годы. Представленное рассмотрение полотен Гроота основывается на двух тезисах: во-первых, портрет Елизаветы Петровны с арапчонком является частью триптиха, в который входят также конные портреты Петра Федоровича (1742-1744 [4, с. 153], ГРМ) и Екатерины Алексеевны (1744(?)) [1, с. 50], ГРМ); во-вторых, именно прочтение трёх произведений

Сергеева, Екатерина Дмитриевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st077464@student.spbu.ru
Sergeeva, Ekaterina Dmitrievna — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st077464@student.spbu.ru

в совокупности позволяет рассматривать их как инструмент политической и династической пропаганды.

Прежде всего, стоит упомянуть об одной из проблем трактовки конных портретов XVII-XVIII вв., затронутой, в том числе, еще У. Лидтке: она заключается в утере современным зрителем понимания теории и практики верховой езды и той многогранной совокупности взаимодействий человека и лошади, называемой в английском языке не переводимым буквально термином *horsemanship*. Как следствие, в искусстве Нового времени фигура лошади рассматривается или крайне обще, как «средство вознесения человека на пьедестал», — метафора, впервые прозвучавшая у В. Н. Лазарева и затем получившая широкое хождение в литературе [4, с. 150; 6, с. 382], — как символическое, но малозначительное само по себе дополнение к изображённым, в своем значении приближенное к фону; или излишне частно, что чревато поиском образцов, на деле связанных лишь общим иконографическим типом. Для большей ясности введём два понятия: «тип» (поза лошади, «стереотип») и «типаж» (совокупность внешних характеристик — проще говоря, экстерьер). «Типы» достаточно статичны и восходят в оформленном виде в большинстве своём к конным портретам XVI-XVII вв. (а в генезисе еще к античности), в то время как «типажи» представляют собой более специфическую характеристику и отражают современный эстетический идеал или конкретную модель. Именно поэтому, полагаем, типаж, а не тип — особенно, когда он столь ярок и выразителен, как в рассматриваемых портретах Гроота — может играть ключевую роль в поиске возможных иконографических образцов в период, когда сами типы уже разработаны и закреплены [6, с. 382]. Кроме того, нельзя не упомянуть и о том, что XVIII столетие становится свидетелем действительного формирования типажей в Европе, отхода от универсального феномена «барочной лошади», превратившейся из единственного варианта нобильной лошади в лишь один из вариантов. Этот иппоманский век был временем становления национальных пород, пород вообще [11, с. 63]; это отразилось и в искусстве, примером чему служат изображения сухих английских лошадей, хорошо знакомые по произведениям Дж. Стаббса, или многочисленные портреты кладруберов и липицанеров габсбургской фамилии, в том числе, работы И. Г. Гамильтона.

С последними возможно связать и создание рассматриваемых конных портретов. Примечательно, что как раз на вероятное время работы Гроота над ними приходится его поездка в Германию: в ноябре 1742 г. он выехал в Саксонию [4, с. 84]. Ни дата возвращения, ни точная цель поездки нам не известны; рискнём предположить, что путешествие гофмалера могло

быть связано и с поиском образцов для будущих портретов; ведь форма конного портрета была новой как для русской культуры, так и для самого Гроота.

Предположительно, именно в Саксонии, в Дрездене, он обучался у Адама Маниоки. Период ученичества у Маниоки позволил, с одной стороны, воспринять через его творчество тенденции современного портрета в модусе вкусов немецкой знати, с другой же, что в данном случае является даже более важным, ознакомиться со знаменитыми собраниями Дрезденской картинной галереи и кабинета графики [3, с. 65-66]. Там, предполагаем, Гроот и мог видеть произведения И. Г. Гамильтона — в конце 1730-х, во время ученичества, или же в начале 1740-х, уже после становления гофмалером при российском дворе.

В начале XVIII в. Гамильтон был знаменит как художник охот, автор конных и «конских» [7, с. 22] портретов; его работы, прежде всего связанные с портретированием обитателей императорских конюшен, принесли ему и его семье громкую, но недолгую славу. Сохранились косвенные указания на его связь с Дрезденом: известно, по крайней мере, что его сын, А. И. Гамильтон, также бывший художником и во многом подражавший манере отца, работал при дворе курфюрста Августа III [7, с. 21], а в Дрезденской картинной галерее хранятся работы Гамильтона-старшего 1703 и 1709 гг. Особый интерес представляет, конечно, «гамильтоновский» типаж лошади, впоследствии получивший широкое распространение (или же предвосхитивший затем популярный типаж, который можно видеть, например, в работах И. Е. Ридингера, Г. А. Эгера, И. Г. Беккенкампа). Он не был найден художником сразу; в работах 1700-х гг. существовало стремление к точному воспроизведению реального экстерьера, но именно оно впоследствии ляжет в основу более идеализированного, подчёркнуто изящного типажа: в «бараньих» профилях лошадей с полотен 1710-х гг. узнается характерный выгнутый профиль кладруберов.

Специфика «гамильтоновского» типажа заключалась в отходе от более классического варианта, распространенного в начале XVIII века. Хотя и не лишенный идеализации, он стремится к уподоблению натуре. «Гамильтоновский» же буквально воспроизводит идеал, отражённый впоследствии в трактатах более позднего периода: «баранья голова, лебединая шея, куполообразный круп, вогнутая спина, высокие ноги» [6, с. 383]; рокайльная игрушечность, фантастичность пропорций и движений при этом сочетаются с невероятно точными натуралистическими деталями и материальной убедительностью.

Гроот обращался к образам Гамильтона как, в первую очередь, рокайльного художника: в его конных портретах мы видим тех же «игрушечных»

лошадок, хотя в общем трактовка его куда более плоскостна и теряет живость, составляющую очарование работ Гамильтона; воспринял Гроот и самую очевидную, хотя и менее значительную черту — заплетённую гриву с бантом у холки. Примечательно также, что еще Л. А. Маркина указывала на гравюру с портретом Марии Терезии авторства упомянутого нами в качестве последователя Гамильтона И. Е. Ридингера как на образец для портрета Екатерины Алексеевны [4, с. 160]; хотя, на наш взгляд, композиционно произведения не слишком близки, изображённые лошади весьма схожи. Само предположение может свидетельствовать об очевидной схожести используемого Гроотом и Ридингером типажа, который, по нашему мнению, восходит к одному источнику — то есть, типу «гамильтоновскому». Отход Гамильтона в конце 1700-х гг. от классического типажа может объясняться не только тем, как чутко воспринял он рокайльную эстетику, но и общеевропейским феноменом *turquerie*. Эпоха *turquerie*, 1650-1750 гг., была временем не только интереса к востоку, но и проникновения в Европу большого количества оттоманских манускриптов [8, р. 75]. Вполне вероятно, что характерный типаж Гамильтона появился именно под влиянием этого феномена, под впечатлением от турецких миниатюр: типаж, существовавший в турецкой и иранской иконографии, оказывается в пропорциях и выразительности ближе ему, нежели европейский.

Таким образом, «гамильтоновский» типаж соединял в себе два качества, привлекательные, а может и необходимые для Гроота: рокайльное изящество и мотив *turquerie*, соединявший маскарадный, игривый тон и политические коннотации мирной восточной политики.

Возвращаясь к серии Гроота, стоит вновь отметить, что формальное сходство, даже родство, трёх портретов было подмечено Л. А. Маркиной в трактовке пейзажа и фигур, а также «всепроницающем орнаментальном начале» [4, с. 161]; отмечался Маркиной и одинаковый размер портретов великокняжеской четы, их направленность друг к другу и близкий колорит, позволявшие судить о том, что они создавались как парные. Однако, между ними, полагаем, можно проследить и иные связи. Так, примечательно, что фигуры изображённых на всех трёх полотнах одного размера, и статус портрета Елизаветы как «сверхполотна» подчёркивается увеличением размера холста, расширением композиции и введением фигуры арапчонка при сохранении масштаба великокняжеских портретов.

Отдельные элементы и атрибуты повторены в портретах практически дословно: во всех трёх изображены треуголка и почти один и тот же седельно-сбруйный комплект; фоны не только сближены по колориту,

но и созданы по одной схеме, повторяемость которой кажется чрезмерно нарочитой даже при известной шаблонности фона портретов XVIII вв.

Очевидная связь между портретами Елизаветы Петровны и Петра Федоровича — милитаристский аспект, введение изображения флота и армии, — мотив, неизбежно наводящий на идею о продолжении изображёнными деяний Петра I. Портрет Елизаветы в особенной степени «заряжен» петровской иконографией: все, от самого выбора формы конного портрета, как бы забытой после 1720-х гг. (многозначительность чего подкреплялась и тем, что в 1742 г. Елизаветой был издан указ о возвращении к кавалерийскому Уставу 1716 г. [7, с. 253] — одно из первых ее заявлений о себе как о «дщери Петровой»), до мундира Преображенского полка с орденом св. Андрея, напоминает нам о происхождении императрицы; и, в том числе, через фигуру Екатерины I, — возможно, аллюзией на её коронационный портрет является введение фигуры арапчонка [5, с. 124]. Таким образом, коммуницируется идея династии, причем династии конкретной, идущей от Петра I; нарочитое обращение к петровскому наследию говорит о славном прошлом. Но есть в серии портретов и обещание славного будущего. Подчёркнуто парные портреты «новых» Петра и Екатерины [10, р. 79] одновременно как будто и противопоставлялись друг другу: великая княгиня изображена на галопирующей лошади, её супруг — на коне, исполняющем леваду (элемент, семантически связанный с управленческими добродетелями [9, pp. 77-82]); при сближенном колорите костюмов, кирасе Петра как бы противопоставляется летящий костюм Екатерины; не просто так, должно быть, добавил художник и второй повод в оголовье лошади последней, как бы отказывая ей в монарших доблестях императрицы и её наследника. Возможно, тем самым подчеркивался матримониальный характер портретов. Конструируемая дихотомия мужского и женского [10, р. 87], монарха и консорта, взывала к образу счастливого брака и династического процветания в период, когда династический кризис был не только жив в памяти, но и не до конца преодолён. Портрет Екатерины, таким образом, являлся неотъемлемой частью триптиха, связующей и уравнивающей его (многое в нём, от жеста рук и элементов фона роднит его и с портретом Елизаветы) и раскрывающей заложенную в нем идею наследия Петра I.

Наконец, связь трёх портретов может косвенно подтверждаться композицией полотна Г. К. Преннера «Конный портрет Елизаветы Петровны со свитой» (1744-1755, ГРМ), написанного несколько позже портретов работы Гроота. Очевидна опора на портрет Елизаветы: заимствован «гамильтоновский» типаж лошади; что же важнее для нас, сохраняется

и общая композиция прежде разъединённого триптиха. Традиционная трактовка полотна связывает его с аллегорией мирной восточной политикой императрицы Елизаветы [6, с. 384]; внешнеполитический аспект здесь звучит куда громче, чем у Гроота, но на второй план отходит аспект династический. В некотором роде это повторение гроотовского триптиха с иначе расставленными акцентами – в соответствии с новыми нуждами монархии.

Созданный Г. Х. Гроотом «триптих» не только является шедевром рокайля, но и может рассматриваться как цельное высказывание, открывающее правление Елизаветы Петровны. В духе времени, все в нем двояко и несколько лукаво: парадный портрет прячется в малой картине, в бравом «новом Петре» — болезненный мальчик, в гвардейце — матушка-императрица, в «приятном украшении» — обещание, политическое и династическое.

Список использованных источников и литературы

1. Братья Гроот: портретист и зверописец. Немецкие художники при российском дворе [Каталог] / вступ. слово. *Е. Б. Фокина*. М., 2017. 206 с.
2. *Маркина Л. А.* Изучение творческого наследия Г. Х. Гроота // *Художественное наследие*. 1983. №8 (38). С. 112-129.
3. *Маркина Л. А.* Истоки творчества Г. Х. Гроота // *Искусство*. 1988. № 3. С. 63-67.
4. *Маркина Л. А.* Портретист Георг Христоф Гроот и немецкие живописцы в России середины XVIII в. М.: Памятники исторической мысли, 1999. 296 с.
5. *Никифорова Л., Блохина Е.* Портрет с арапчиком в русском искусстве XVIII века: культурный трансфер знаков // *Искусствознание*. 2019. № 3. С. 100-135.
6. *Чежина Ю. И.* Образы всадниц в русской культуре XVIII в. К типологии конного портрета // *Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей*. Вып. 2. / Под ред. А. В. Захаровой. СПб., 2012. С. 382-388.
7. *Шапиро Б.* Русский всадник в парадигме власти. М., 2021. 704 с.
8. *Bevilacqua A., Pfeifer H.* Turquerie: Culture in Motion, 1650–1750 // *Past & Present*, 2013. No. 221. Pp. 75-118.
9. *Cuneo P. F.* Visual Aids: Equestrian Iconography and the Training of Horse, Rider and Reader // *The Horse as Cultural Icon*. Leiden: Brill, 2012. Pp. 71-97.
10. *McBurney E.* Art and Power in the Reign of Catherine the Great: The State Portraits. PhD thesis. Columbia University, 2014. 426 p.
11. *Ourodová L.* Johann Georg de Hamilton: život a dílo. Disertační práce. Univerzita Karlova v Praze, 2015. 118 s.

Для цитирования: Сергеева Е. Д. Конные портреты Г. Х. Гроота: забавы и обещания Елизаветы Петровны // *Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных*. СПб., 2024. С. 370 – 375

Специфика административно-территориального деления заводского Урала на основе анализа русской карты 1764 г.

Аннотация. В данной статье представлен анализ административно-территориального деления горнозаводского Урала на примере карты нахождения медеплавильных и железоделательных заводов 1764 г., где отображены особые территориальные образования (вотчина баронов Строгановых, ведомство Акинфия Демидова, ведомство Екатеринбургского горного начальства). К концу XVIII в. с карт они пропадают, а их территории делятся на уезды. В ходе исследования поднимается вопрос о том, как государство рассматривало эти территориальные единицы и считало ли их обособленными территориями.

Ключевые слова: вотчина баронов Строгановых; ведомство Акинфия Демидова; ведомство Екатеринбургского горного начальства.

Title: The specifics of the administrative-territorial division of the factory Urals based on the analysis of the Russian map of 1764.

Abstract. This article presents an analysis of the administrative-territorial division of the mining Urals on the example of a map of the location of the iron works in 1764, where special territorial formations are displayed (the patrimony of the Stroganov barons, the vedomstvo of Akinfy Demidov, the vedomstvo of the Yekaterinburg mining authorities). By the end of the XVIII century, they disappear from the maps, and their territories are divided into counties. The study raises the question of how the State considered these territorial units and whether they were considered separate territories.

Key words: the patrimony of the Stroganov barons; the vedomstvo of Akinfy Demidov; the vedomstvo of the Yekaterinburg Mining authorities.

Картографирование Урала шло по рекам. Кроме общих карт также существовали и отдельные, более предметные типы карт (отображение информации об исследованиях в области разработки минеральных богатств России и месторасположение горнозаводских предприятий) [8, с. 85].

До XVIII в. Урал был очень слабо заселенным регионом, а хребет воспринимали скорее как препятствие на пути в Сибирь, чем как основу особого огромного региона. В XVIII в., с развитием горнозаводского дела и с формированием весьма специфического социального уклада, связанного с вновь возникающими предприятиями, ситуация постепенно

Привалова, Ольга Антоновна – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; olgapobol@yandex.ru

Научный руководитель: *Хитров, Дмитрий Алексеевич*, канд. ист. наук, доц. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Privalova, Olga Antonovna - Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; olgapobol@yandex.ru

Scientific adviser: *Khitrov, Dmitry Alekseevich*, Candidate of Historical Sciences, Assoc. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

начинает изменяться, но уточнение изображения этой территории на картах происходит довольно медленно и тяжело. Поэтому интересно понять, как государство видело эту территорию, как делило ее на административно-территориальные единицы в ходе становления данного региона как горнозаводского.

Основными объектами для сравнения и описания являются административно-территориальные единицы, которые изображены на картах XVIII в., — это губернии, наместничества и уезды. Однако, в этот период на Урале, на территории, удаленной от Центра, происходит один из наиболее значимых процессов в стране — становление крупного горно-металлургического производства мануфактурного типа. Это потребовало разработки особой системы управления, способной оперативно решать сложные задачи нового направления в экономике государства [2, с. 4]. Вследствие этого, наряду с государственными административно-территориальными единицами, возникают такие особые образования, как вотчина баронов Строгановых, ведомство Акинфия Демидова и ведомство Екатеринбургского горного начальства.

Формирование огромных строгановских и демидовских вотчин в слабозаселенном крае привело к тому, что воеводские канцелярии, с их небольшим штатом, зачастую очень удаленные от этих вновь осваиваемых земель, все меньше могли их контролировать. Кроме того, обширные привилегии, которыми обладали их владельцы, входившие в состав высшей элиты государства, также способствовали сокращению вмешательства местных администраторов в их дела. В итоге к 1730-м гг. вотчина баронов Строгановых и ведомство Акинфия Демидова управлялись частными владельцами [10, с. 38-39; 11, с. 142]. Такая система развития края нашла свое отображение и на картах региона того времени.

При этом наряду с частными владениями создавались и государственные. Но неэффективность централизованного управления горнозаводской промышленностью далекого Урала со стороны Берг-коллегии заставила делегировать из центра управленческие функции институту, который создавался на месте - Уральскому горному управлению [2, с. 90]. Оно видоизменялось структурно и переименовывалось, но по своей сути оставалось прежним. Все казенные заводы, подчиняющиеся этому органу, на картах обозначены, как ведомство Екатеринбургского горного начальства.

Поэтому Урал, хоть и был поделен на общегосударственные административно-территориальные единицы, имел локальные и региональные особенности деления, которые выразились в существовании вотчины баронов Строгановых, ведомства Акинфия Демидова и ведомства Екатеринбургского горного начальства.

Главным вопросом является то, как государство рассматривало эти территории, насколько они были выведены из состава государственного административного деления и были ли полностью выведены из ведомства государственных структур. Такой вопрос появляется при разборе, например, карты нахождения медеплавильных и железоделательных заводов в Казанской, Оренбургской и части Сибирской губерниях, датированная 1764 г. [7]

В литературе этот вопрос специально не анализируется, но преобладает мнение, что эти территории не включались в состав системы общегосударственного административно-территориального деления [2; 3; 4; 8; 9; 10; 11]. При этом в данных книгах нет полного исследования архивного материала, который бы подтверждал мнение авторов, а лишь приведены эпизодические ссылки на документы.

Проанализируем карту 1764 г. Эта карта хранится в российском государственном историческом архиве (РГИА) в фонде №1399. Карта подписана Александром Вяземским. Это значит, что она была составлена в окружении А. А. Вяземского во время его деятельности в качестве генерал-квартирмейстера на Урале [5]. Александр Вяземский в 1762 - 1763 гг. изучал положение горных заводов на Урале в качестве главы комиссии по расследованию волнений горнозаводских рабочих Урала. В 1764 г. Вяземский был назначен на должность генерал-прокурора Сената, и поэтому был отозван с Урала.

Таким образом, волнения приписных в 1750-х вынудили государство вновь активизировать механизмы государственного контроля за заводо-владельцами. Составление карты было частью этой работы.

Карта нарисована, все подписи и условные обозначения сделаны вручную. Масштаб карты линейный в верстах (в двести верст российских). На карте показаны реки, озера, населенные пункты, заводы, пограничные линии (крепости, форпосты), границы (губернские, уездные), рельеф перспективным изображением гор. Реки отрисованы довольно четко и точно, показаны основные реки региона: Тобол, Волга, Сакмара, Кама, Иртыш, Тура, Тобол, Уй, Чусовая, Лозьва; а также их притоки (некоторые подписаны и есть возможность идентифицировать, некоторые не имеют названия). Границы отрисованы схематично плавными линиями. В некоторых местах они проходят по рекам, поэтому в этих местах можно сделать предположение о более точном отображении границы, чем в малонаселенных местах. По большей части границы завершены, не имеют окончания те, у которых продолжение относится к другой местности, которая не изображена на карте. Границы губерний и уездов нарисованы разными цветами.

Помимо названий губерний, уездов, рек, населенных пунктов, заводов, крепостей, форпостов и условных обозначений населенных пунктов, заводов, крепостей и форпостов, на карте изображено большое количество дополнительных специальных значков, значение которых поясняется в приведенной в правом нижнем углу таблице. В этой таблице приведено описание знаков, под которыми находятся на карте приписные к заводам государственные крестьяне с обозначением количества «душ» и владельцев заводов. Заводы в таблице ранжированы по территориальному признаку.

Если рассматривать основную часть карты (не поясняющие подписи в углу карты и условные обозначения), то видно, что вотчина баронов Строгановых, ведомство Акинфия Демидова и ведомство Екатеринбургского горного начальства выделены в отдельные образования и отрисованы их границы с уездами.

При этом термин «ведомство Екатеринбургского горного начальства» на карте нет. Эта территория, которая принадлежала ведомству, обозначена на карте как Екатеринбургский уезд. Однако, такая административно-территориальная единица появляется только в 1781 г. в ходе губернской реформы Екатерины II [6]. Раньше этого времени говорить о появлении Екатеринбургского уезда нет оснований. В законах Российской империи нет документов, которые бы учреждали такой уезд до 1781 г.

Вотчина баронов Строгановых, ведомство Акинфия Демидова и ведомство Екатеринбургского горного начальства отображены в составе губерний. Вотчина баронов Строгановых входит в состав Казанской губернии, а ведомство А. Демидова и ведомство Екатеринбургского горного начальства – в Сибирскую. Следовательно, государство рассматривало эти территории не как отдельные образования, а входящие в состав более крупных административных единиц.

Обратимся к условным обозначениям. На карте есть знаки, определяющие заводы, к которым приписаны государственные крестьяне. А в легенде карты написано количество приписных к заводу, кому принадлежит завод и, самое главное, ранжирование заводов сделано по территориальному принципу, то есть заводы разделены на три группы по трем губерниям (Казанская, Сибирская, Оренбургская).

В Казанскую губернию входит вотчина баронов Строгановых. На этой территории только у четырех заводов (Егошихинский, Мотовилихинский, Висимский и Пыскорский) есть условные обозначения и в легенде имеется информация, что они принадлежат графу М. И. Воронцову. Говоря о ведомстве Акинфия Демидова, все заводы на этой территории входят в состав Сибирской губернии. Только один завод Уткинский, входящий

территориально в ведомство А. Демидова, был собственностью графа С. П. Ягужинского. Заводы ведомства Екатеринбургского горного начальства в легенде карты относятся к Сибирской губернии. Территория ведомства Екатеринбургского горного начальства испещрена разнообразными значками. Другими словами, заводы в этом регионе были не только казенные, но и частные. Среди примерно двадцати девяти отмеченных заводов казенных только пять. Остальные принадлежат таким заводовладельцам, как А. Г. Гурьев, А. Ф. Турчанинов, С. П. Ягужинский, М. И. Воронцов, Н. А. Демидов и И. Н. Демидов.

Таким образом, на карте видна противоречивая ситуация. С одной стороны, три рассмотренные нами административно-территориальные единицы выделяются как обособленные. Отображены на картах отдельно от государственных административно-территориальных единиц (уездов). С другой, на разобранной в этой статье карте 1764 г. вотчина баронов Строгановых, ведомство А. Демидова и ведомство Екатеринбургского горного начальства входят в состав губерний (первая в Казанскую, остальные в Сибирскую), а заводы, находящиеся на этих территориях ранжируются по губерниям и владельцами выступают не только Строгановы, Демидовы и государство, но и другие заводовладельцы. Противоречивость картины, которую мы видим, обусловлена противоречивостью ситуации 1760-х на Урале, связанной с деятельностью комиссии Вяземского, когда государство вновь начинает активизировать механизмы государственного контроля за заводовладельцами.

Список использованных источников и литературы

1. Гавлин М. Л. Из истории российского предпринимательства: династия Строгановых. М., 2002.
2. Зубков К. И., Корепанов Н. С., Побережников И. В., Тулисов Е. С. Территориально-экономическое управление в России XVIII — начала XX века. Уральское горное управление. М., 2008.
3. Киселев М. А. Территории с особым статусом управления: становление «Екатеринбургского ведомства», 1720—1723 гг. // «Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в.: материалы и исследования по истории местного управления в России. Екатеринбург, 2022. С. 283 – 407.
4. Мезенина Т. Г. Пермские владения Строгановых в XVIII — первой половине XIX в.: особенности пространственной и социально-экономической организации: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Мезенина Татьяна Геннадьевна., Нижний Тагил., 2007.
5. Орлов А. С. Волнения на Урале в середине XVIII в. (К вопросу о формировании пролетариата в России). М., 1979.
6. О образовании Пермской губернии из двух областей: Пермской и Екатеринбургской; о разделении оных на уезды и о учреждении городов. 1781-1783. // Россия. Законы

- и постановления. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб., 1830., Т. 21. С. 21-22.
7. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 12. Карта нахождения медеплавильных и железоделательных заводов в Казанской, Оренбургской и части Сибирской губерниях. 1764.
8. *Фель С. Е.* Картография России XVIII в. М., 1960.
9. *Шилов А. В.* Разделы пермских владений Строгановых в середине и второй половине XVIII в. // Вестник Пермского университета. Сер. История. Пермь., 2008. №7(23). С. 66-71.
10. *Шустов С. Г.* Земельные владения Строгановых на Урале (1558–1917 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар., 2013. №6(22). С. 38-45.
11. *Юркин И. Н.* Демидовы: Столетие побед. М., 2017.

Для цитирования: Привалова О. А. Специфика административно-территориального деления заводского Урала на основе анализа русской карты 1764 г. // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 376 – 381

в Санкт-Петербурге

Аннотация. В статье рассматривается петербургский особняк Павла Николаевича Демидова на Большой Морской улице. Это одно из первых зданий первой половины XIX века, созданное в рамках направления неobarocko. Главное украшение особняка – это разноликие мраморные атланты и кариатиды, в данной статье приведен вариант иконографии этих статуй.

Ключевые слова: неobarocko; атлант; кариатида; Огюст Монферран; Теодор Жак.

Title: The program of sculptural decoration of P. N. Demidov's mansion in St. Petersburg

Abstract. The article discusses the St. Petersburg mansion of Pavel Nikolaevich Demidov on Bolshaya Morskaya Street. This is one of the first buildings of the first half of the XIX century, created within the framework of the neo-Baroque direction. And the main decoration of the mansion is the diverse marble atlanteans and caryatids, this article presents a variant of the iconography of these statues.

Key words: neo-Baroque; atlant; caryatid; Auguste Montferrand; Theodore Jacques.

Особняк П. Н. Демидова на Большой Морской улице в Санкт-Петербурге (современный дом № 43) перестроен по проекту архитектора Огюста Монферрана в 1836-1838 гг. (илл. 1). В литературе содержатся исчерпывающие данные о заказчике, истории перестройки особняка и биографии архитектора, однако до сих пор не была совершена попытка идентифицировать статуи первого этажа [3, с. 167-172; 4, с. 107-108; 5, с. 76-80; 13, с. 72-73]. На основании биографии владельца особняка, факта его знакомства с архитектором и знаний древнегреческих мифов в данной статье приведен вариант иконографии этих статуй.

Дом на Большой Морской улице П. Н. Демидов купил в 1836 г. перед своей женитьбой на фрейлине императрицы Авроре Карловне Шерваль, дом предназначался в качестве свадебного подарка. Перестройка была поручена О. Монферрану [14, с. 78]. Его П. Н. Демидов знал ещё с детства, ведь до 1822 г. Павел Николаевич жил с отцом в Париже, где они

Копылова, Мария Андреевна – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st101803@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Ходаковский, Евгений Валентинович*, док. иск., доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Kopylova, Mariia Andreevna – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st101803@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Khodakovskiy, Evgeny Valentinovich*, Candidate of Art History, Assoc. St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia;

тесно общались с семьей О. Монферрана. Демидов даже был свидетелем на свадьбе архитектора в 1835 г. [9]. О. Монферран писал в Академию Художеств: «Балкон будет поддержан шестью кариатидами из мрамора, модели которых произведены скульптором Теодором Жаком. Постройка сия обратит на себя внимание своим богатством и послужит новым украшением для города» [11, л. 56]. На момент проведения работ П. Н. Демидова не было в столице, и всеми делами и организацией перестройки руководил Монферран, которому Демидов доверял [5, л. 87, 72].

Особняк Демидова имеет один фасад, выходящий на Большую Морскую улицу. Главный вход расположен в центре, вокруг которого сконцентрирована вся масса архитектурных украшений. Здание состоит из трех этажей и стоит на высоком подвале, отделанным гранитом. Полуциркульные окна первого этажа имеют массивные каменные выступы. Рустованный фасад визуально утяжеляет постройку. Такой прием напоминает итальянские палаццо, где руст играл одну из главных ролей в оформлении фасадов. Между окнами расположились рельефные вставки. Отчетливее всего выделен центр первого этажа. Эта часть чуть вынесена за основную линию фундамента, визуально движется на зрителя. Симметрично от входной арки располагались ниши, бывшие фонтаны, куда вода падала из рук бронзовых статуэток путти. Шесть полуобнаженных фигур поддерживают балкон второго этажа, открывая вход в особняк. Известно, что архитектурные элементы такие, такие как атланты и кариатиды, могут быть наделены различными характерами. Они могут стать конкретными персонажами и все благодаря их внешнему виду и атрибутам. Основываясь на этом, приводится вариант интерпретации статуй особняка Демидова [1, с.43-55; 2, с. 33].

Фигуры поделены главным входом на две группы. Их идентификацию следует начать слева направо, если стоять лицом к входной арке. Первая фигура будто сливается со стеной, вдавлена в нее. Мышцы туловища напряжены, руки подняты, пытаясь облегчить ношу, которая приходится на голову и шею фигуры (илл. 2). Жак тонко подчеркнул складки кожи, мышц и кудри волос, искусно выполнил складки перизомы, копирующие мышцы брюшного пресса. Особое внимание скульптор уделил мелким деталям: всем своим видом герой передает внутреннее и внешнее напряжение, но также ощущается его смирение и покорность перед предназначенной ему участью. Иконография идентична статуи Атланта Фарнезе и хорошо читается и в положении рук, и в расположении корпуса, и в выражении лица. Значит это скульптура титана Атланта, наказанного богами вечно держать небесный свод [10, с. 72]. Далее идут две статуи – женская и мужская). За счет одинакового атрибута, львиной шкуры, их стоит рас-

сматривать вместе. Единственный герой древнегреческой мифологии, которого изображали со шкурой льва, был Геракл [10, с. 147-149]. Когда Геракл подвигами и страданиями заслужил себе место на Олимпе, его супругой стала Геба — богиня вечной молодости [10, с. 142], а символ Геракла, шкура немейского льва, стал семейным атрибутом.

По правую сторону от арки расположена группа так же из трёх статуй (илл. 3). По принципу симметрии следующую пару рассмотрим как взаимосвязанных персонажей. При анализе предыдущей пары вывод об их связи был сделан благодаря общему атрибуту, но эти статуи таковых не имеют, поэтому интерпретация фигур будет основана на анализе их внешнего облика. В мужской статуе видим практически идеальный мужской образ: красивое тело, правильные, но мягкие черты лица, вьющиеся волосы. Значит, речь идет о боге, для которого самой яркой чертой является его внешность. Тогда перед нами Аполлон — эталон мужской красоты, бог солнечного света, покровитель муз [10, с. 55-57]. Женская статуя должна быть связана с ним. Предположим, что это его сестра Артемида — богиня охоты [10, с. 64]. Характерный атрибут Артемиды — полумесяц на голове. У изучаемой скульптуры нет такого украшения, но на левую руку фигуры скульптор поместил браслет со звездами (илл. 4). Возможно, скульптор перенес главный атрибут Артемиды на руку и подверг его авторской трактовке. Логика этого выбора читается и в другом направлении. Артемида дала обет безбрачия и не состояла в отношениях с мужчинами, поэтому единственного представителя противоположного пола, которого можно с ней поместить, был её брат. Вновь перед нами статуи, связанные родственными узами.

Примечательно композиционное единение статуй. На правом плече Аполлона находится складка его плаща, что тождественно фигуре Геракла (на левом плече — голова шкуры льва). У Аполлона и Артемиды подняты левая и правая руки соответственно. Такое же решение наблюдаем и в случае пары Гебы и Геракла.

Замыкает эту шестерку мужская фигура. Если фигура Атланта буквально сливается со стеной, то здесь же персонаж будто пытается освободиться от этой связи. Если у предыдущих статуй их руки свободны, помогают держать тяжесть, лежащую на плечах, то у последней фигуры руки за спиной, явно связаны, живот втянут, будто от мучительной боли, складки перизомы вторят напряженным мышцам живота. Эту фигуру можно сравнить лишь с Прометеем, давшего людям огонь и обреченного на вечное мучение от орла, клюющего его печень [10, с. 442-444]. Прометей был прикован к скале, что символично выражено и в фигуре на фасаде. В данном случае без конкретных атрибутов, а только по внешнему

облику, выражению лица и положению туловища можно интерпретировать конкретного героя древнегреческого мифа, что было использовано и в случае с первой статуей Атланта.

При работе над статуями для особняка Демидова ярко проявился талант Т. Жака передавать через второстепенные детали психологию и эмоциональность персонажей, что отмечалось в его ранних работах для Академии Художеств [7, с. 12]. После выставки 1833 г. о Жаке писали, что он талантливо передает страдания в чертах лица, показывает знание классических образцов и тонко чувствует детали [8, с. 196]. Жак один из первых скульпторов, кто перешел от классической формы к повседневному реализму.

Таким образом, учитывая факты из биографии П. Н. Демидова, его семейное положение, его знакомство со скульптором и личность скульптора, делаем соответствующие выводы. Архитектор особняка познакомил Т. Жака с заказчиком, поведал ему его предпочтения, пожелания и причину покупки особняка [5, л. 125]. П. Н. Демидову как владельцу огромного состояния был необходим законный наследник, Жак, понимая это, оформил фасад дома как совокупность символов, образов и оберегов, направленных на привлечение и сохранения дальнейшего благополучия и родительского счастья будущим жильцам. Здесь каждый герой имеет свое значение и несет в себе определенный смысл. Если заказчик одобрил такой проект особняка, значит, эта смысловая программа была ему понятна. Каждая из статуй трактована как самостоятельный персонаж, но иногда их лучше рассматривать в паре, тогда их роль становится более красноречивой. Символы могут быть сокрыты как в самих героях, помещенных на фасаде, так и в тех ситуациях и историях, в которых они фигурировали. Атланта стоит воспринимать как образ силовой поддержки, некой невидимой, но мощной силы, способной оберегать от невзгод. Фактически на его плечах целый небосвод, а значит и груз ответственности за жизни людей. Геба олицетворяет источник вечной молодости. А с Гераклом, они создают идеальную семейную пару: вечно молодая жена и Геракл как символ мужественного защитника семейства. В правую руку богини помещен округлый предмет.=. Можно предположить, что это яблоко вечной молодости из сада Гесперид [10, с. 152]. Скульптор снова использовал авторскую трактовку, атрибут статуи Геракла Фарнезе (три яблока Гесперид в правой руке) перенес на статую Гебы. Т. Жак этим символом усилил идею бессмертия, вечной молодости и семейных ценностей.

Следующая мужская статуя более самостоятельна по своему значению, поскольку Аполлон – покровитель муз, эталон красоты, именно он может стать главным указателем на символику Артемиды в этом контексте (илл.

3). Богиня появилась на свет раньше своего брата-близнеца, поэтому приняла роды у своей матери Лето [10, с. 64]. Однако богиня несет в себе двоякую символику: с одной стороны, Артемида на протяжении истории оставалась незамужней девушкой, а с другой – считалась покровительницей рожениц. Вместе брат и сестра образуют единое целое, ибо они скреплены родственными связями, что подчеркивается в мифах и в их совместном изображении. К образу Артемиды можно добавить и то, что в левой руке она держит продолговатый предмет, который полностью не помещается в ладонь и внешне напоминает шишку. Известный эпитет Артемиды – это «наволаживающая добрые плоды» [10, с. 64], а ведь шишка является символом плодородия, возрождения и начала новой жизни. Тогда перед нами девственная богиня с символом потомства, что раскрывает её значение на этом доме. В виде шишки изображали омфалос (пуп Земли), который находился в святилище Аполлона в Дельфах [10, с. 409]. Сюжет на мраморном рельефе IV в. до н. э. из археологического музея Спарты «Аполлон и Артемида совершают жертвенное возлияние над дельфийским омфалосом» подтверждает, что омфалос – это их совместный атрибут [15, с. 181]. Скульптор общим атрибутом усилил идею отцовства, плодovitости и культа жизни.

Титан Прометей выступает как защитник человека, как тот, кто пожалел его и дал ему огонь – средство к существованию. Но Прометей жестоко поплатился за свою вольность и был обречен на страдания, что отражено на фасаде здания. Прометей был братом Атланта [10, с. 442]. Страдания Атланта и Прометея на фасаде особняка Демидова повторяют сюжет, изображенный на чаше из Лаконии VI в. до н. э. из Григорианского этрусского музея Ватикана [12]. Первая и последняя фигуры несут в себе более глубокую мысль, чем просто помощь человеку или счастье и радость. В основе этих мифов сокрыта философия жизни людей, которая не чужда и богам. Они учат не забывать о том, что от судьбы не удастся уйти, что жизнь не похожа на бесконечный праздник, порой в ней встречаются боль и скорбь. Так же факт родства первой и последней фигуры закольцовывает символику и окончательно связывает каждую отдельную фигуру в пару с другой.

В скульптурном убранстве фасада особняка П. Н. Демидова все изображенные персонажи объединены темами удачи и счастья, процветания и развития, семьи и детей, трудностей и их преодоления, в целом призваны оберегать семейное благополучие. В 1838 г. у Демидовых родился сын. В 1840 г. П. Н. Демидов умер. Он, зная о своей смертельной болезни, заказал во время перестройки особняка эту скульптурную группу в каче-

стве «оберегов» для жены. Эти «обереги» помогли Авроре Демидовой прожить долгую и яркую жизнь [14].

Список использованных источников и литературы

1. Алмазов Б. А. Повести каменных горожан. Очерки о декоративной скульптуре Санкт-Петербурга. М., 2012. 431 с.
2. Барановский Г. В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX в. Т. VII. СПб., 1904. 525 с.
3. Бройтман Л. И., Краснова Е. И. Большая Морская. М., 2005. 222 с.
4. Бурдяло А. В. Необарокко в архитектуре Петербурга. СПб., 2002. 350 с.
5. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 102. Оп. 1 Д. 274. Личная переписка П. Н. Демидова. 210 л.
6. Жерихина Е. И. Аристократические особняки Петербурга. СПб., 2016. 240 с.
7. Лобанов М. Е. Выставка Академии художеств 1833 г. СПб., 1834. 55 с.
8. Карпова Е. В. Теодор-Жозеф-Наполеон Жак в Петербурге // Скульптура в России: Неизвестное наследие: XVIII-XX вв. СПб., 2015. С. 195-217.
9. Краснова Е. И. Неизвестные и малоизвестные материалы о жизни Монферрана (Монферран без архитектуры) // История Петербурга. СПб., 2011. № 6 (64). С. 11-19.
10. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1990. 672 с.
11. РГИА Ф. 789 Оп. 1 ч. II 1836 г. Д. 1973. Отчет архитектора Огюста Монферрана Академии Художеств. 59 л.
12. Страдания Атланта и Прометея // История Древнего Рима. URL: <https://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=1641> (Дата обращения 12.09.2023).
13. Пунин А. Л. Архитектура Петербурга середины XIX в. Л., 1990. 347 с.
14. Шульц С. С. Аврора. СПб., 2004. 208 с.
15. Wace A. J., Tod M. N. A catalogue of the Sparta Museum . Oxford, 1906. 249 p.

Для цитирования: Копылова М. А. Программа скульптурного убранства особняка П. Н. Демидова в Санкт-Петербурге // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 382 – 387

Проблема применения двойного права в Западных окраинах Российской империи: случай в Свислочской гимназии 1824 г.

Аннотация. В статье идёт речь о беспорядках в Свислочской гимназии 1824 г., которые рассматриваются с точки зрения правовых норм, примененным к двум гимназистам, признанным виновными по данному делу. Наказание сравнивается с другими прецедентами, описанными в источниках и произошедшими на территории Центральной части Российской империи, в Санкт-Петербурге, а также в Великом княжестве Финляндском. Кроме того, делается попытка оценить проблему применения двойного права в Царстве Польском на примере данного случая в Виленской губернии.

Ключевые слова: Литовский статут, Западные окраины, наказания, Свислочская гимназия.

Title: The problem of the application of dual law in the Western outskirts of the Russian Empire: the case in the Svisloch Gymnasium of 1824.

Abstract. The article deals with the riots in the Svisloch gymnasium in 1824, which are considered from the point of view of the legal norms applied to two high school students found guilty in this case. The punishment is compared with other precedents described in the sources and occurred on the territory of the Central part of the Russian Empire, in St. Petersburg, as well as in the Grand Duchy of Finland. In addition, an attempt is made to assess the problem of the application of dual law in the Kingdom of Poland on the example of this case in the Vilna province.

Key words: Lithuanian statute, Western outskirts, punishment, Svisloch Gymnasium.

Присоединение к территории Российской империи Западных окраин происходило постепенно, на протяжении почти двух веков. После присоединения каждой части новых областей нормы местного права не отменялись и признавались действующими, за исключением тех, что были несовместимы с политическими переменами [6, с. 11]. В то же время, когда были присоединены территории Белоруссии, где находится Свислочская гимназия, был издан наказ, по которому: «Судь и расправа внутреняя техъ провинцій въ личныхъ делахъ имеютъ производиться по ихъ законамъ и обыкновеиямъ во всехъ техъ случаяхъ, кои не дотрогиваются до власти нашей» [ПСЗРИ, 22-го мая 1772 г., № 13808, т. 19, стр. 508]. Это означало всё же верховенство российских законов, а к местным нормам права

Цатурова, Дарья Евгеньевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st108231@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Егорова, Ксения Борисовна*, канд. фил. наук, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Tsaturova, Darya Evgenievna — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st108231@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Egorova, Ksenia Borisovna*, Candidate of Philological Sciences, Assoc. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

предписывалось обращаться только в тех случаях, когда в российском законодательстве не было подходящей статьи или указа. Уже на данном этапе возникал вопрос: какие традиции права необходимо учитывать. Более того, Литовский статут 1588 г., действовавший ранее на данных территориях, продолжал иметь юридическую силу вплоть до его полной отмены в 1840 г. В добавлении к этому, на все присоединенные территории распространялись вновь принятые законы Российской империи.

В связи с этим в Западных окраинах, в том числе на Белорусских землях, возникает двойственное положение, касающееся действовавших законов, что приводит к проблеме применения двойного права и, соответственно, к вопросу о том, какие меры наказания было принято назначать в том или ином случае.

10 октября 1824 г. в Свислочской гимназии, которая находилась в Виленской губернии и подчинялась Виленскому университету, в «осьмом часу» были найдены две таблички с молитвами, принадлежащие 5-му и 6-му классам и предназначенные для чтения перед началом занятий. На найденных табличках было «замарано» карандашом слово «Государюже» [РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1300.]. По данному делу было наказано двое студентов гимназии – Павел Зенкович и Антон Глазер. Обоих молодых людей подвергли ударам розгами публично – 75 и 70 раз соответственно, изгнали из гимназии и определили в солдаты.

Рассмотрим это дело с точки зрения норм, применяемых на территории Российской империи. Для начала стоит отметить, что в начале XIX в. телесные наказания в учебных заведениях были официально под запретом, но на практике всё же дело обстояло по-другому. А при Николае I телесные наказания были вовсе узаконены.

Виды наказаний и их применение, в целом, зависели от конкретного учебного заведения и регламента, предусмотренного в гимназии или училище. Кроме того, многое зависело и от личности главного надзирателя и директора, которые имели право определять наказание.

Для сравнения взыскания студентов из Свислочской гимназии с другими проступками, были взяты сведения о Казанских учебных заведениях, чтобы рассмотреть Центральную часть Российской империи: опубликованные воспоминания из дневника инспектора Казанского педагогического института [5] и прецеденты, описанные в «Исторической записке о 1-й Казанской гимназии» [2]. Отдельно изучалась ситуация в столице Империи по «Регламенту гимназии при Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге» [3], а также, для сравнения с территориями схожими по статусу с Царством Польским, был взят Очерк об организации Императорского Александровского Университета в Финляндии [1].

На основании данных, содержащихся в четырёх источниках, можно составить список основных видов наказаний, которые встречались в большинстве рассматриваемых прецедентов и регламентов: выговор, лишение какого-либо права, стояние на коленях или в углу, изоляция, заключение в карцер, физические наказания, изгнание из гимназии.

Наказание, назначенное в Свислочской гимназии двум гимназистам за порчу молитвы, условно можно разделить на 3 положения: телесное наказание, исключение из гимназии, отправление в солдаты.

Телесные наказания применялись довольно часто. Так, в «Записке о 1-й Казанской гимназии», приводится воспоминание одного из учеников, который сообщает: «Вообще на розги не скупилась» [2, с. 196]. Поэтому, в связи с тем, что данная практика не была чем-то особенным или из ряда вон выходящим случаем, сведений о шалостях, за которые могли назначить розги, не так много. Вероятнее всего, такая мера применялась, например, за какие-либо драки между учениками или грубую дерзость учителю.

Что же касается исключений, то, в целом, отмечается, что исключали из учебных заведений довольно редко и только за самые серьёзные выходки и шалости или «за неисправимую леность».

Здесь стоит отдельно рассмотреть исключение 40 студентов из Университета в Хельсинки, поскольку между ними произошел некоторый сговор, и они приняли решение не прийти на бал в честь наследника российского престола [1, с. 103].

Учитывая все обстоятельства, можно сказать, что данная ситуация является наиболее близкой к произошедшему в Свислочи. Территориальное положение Финляндии и Виленской губернии – окраины Российской империи, которые изначально были местом возможных волнений, особенно студенческих. Это было связано с тем, что данные территории были относительно других регионов наиболее самостоятельны как в культурном, так и в национальном плане [4, с. 304]. Также схожа и направленность проступка – против монаршей семьи российского престола. В связи с этим можно соотнести эти два правонарушения, как имеющие похожие черты. Разница в наказаниях возможно связана со следующими обстоятельствами: опорочивание молитвы будет носить более тяжелый характер, чем неявка на бал. Более того, порчу молитвы можно расценить как преступление против веры, а зачеркнутое слово «Государюже» вдвойне несет отягчающие обстоятельства, так как это посягательство и на Бога, поскольку власть царя даруется Богом, и на действующего императора лично.

В процессе работы в «Записке о 1-й Казанской гимназии» было найдено два случая, когда были применены сразу несколько мер наказаний, которые соотносятся с приговором, вынесенным гимназистам в Свислочи.

Обе ситуации показывают, насколько должно было быть серьёзным нарушение правил, чтобы к студенту были применены сразу несколько видов взысканий. В первом случае это был ученик, как рассказывает надзиратель, крайне буйный, который уже неоднократно совершал различные выходки, за что уже наказывался всеми возможными мерами и его «худое поведение» на протяжении уже длительного периода времени стало поводом для отчисления, ещё и с отправлением на военную службу [2, с. 289]. Второй же случай демонстрирует наказание студента, создавшего опасную ситуацию для остальных учеников и работников гимназии, соответственно, и наказание его было подобающим: розги и исключение [2, с. 164-165].

Рассмотрев данные дела, можно прийти к выводу, что наказания, которым подверглись Антон Глазер и Павел Зенкович (отчисление, розги и определение на службу) действительно применялись в различных учебных заведениях. Однако в изученных документах данные нормы представлены в контексте отдельных правонарушений, сочетания трёх наказаний такого рода встречены не были.

Порча молитвы, зачеркнутое слово «Государюже», с точки зрения действующего в начале XIX в. законодательства, могла быть расценена как преступление против императора и против веры, что несет наиболее суровые взыскания. Если в этом контексте рассматривать наказание гимназистов, то их меры наказания были более лояльны, так как данные статьи могли предусматривать и смертную казнь.

Если же судить совершённое деяние по нормам Литовского статута 1588 г., то в статьях раздела «О персоне нашей Государевой» действительно можно встретить положения об оскорблении государева величия. Согласно артикулам 3 и 4, опорочивание главного лица в государстве человеком знатного происхождения карается лишением чести, голоса и имения, а также заключением на 6 недель в тюрьму для именитых, если оскорбление государя было в письменном виде. Как можно заметить, гимназисты не были подвергнуты наказанию именно в таких формулировках, однако отправление на службу в солдатском звании уже можно отнести к лишению чести, а значит прослеживается преемственность данной статьи.

В любом случае, анализ ситуации в Свислочской гимназии с учётом норм Литовского права требует дальнейшего подробного исследования, основанного не только на положениях основного юридического доку-

мента, но и на реальных юридических прецедентах, отражающих обычаи Белорусских территорий. Тем не менее, уже на данном этапе можно сказать о неоднозначности применённого к ученикам наказания, поскольку прослеживается наследие как Российского, так и Литовского права, что и представляет собой проблему применения двойного права, которую необходимо учитывать при исследовании западных окраин в начале XIX в.

Список использованных источников и литературы

1. Берендтс Э. Н. Императорский Александровский университет в Финляндии: очерк его организации и значения в общественной жизни Финляндии. СПб., 1902. 263 с.
2. Владимиров В. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. Казань, 1867 - 1868. Ч. 1-3. 517 с.
3. Костин А. «Регламент Гимназии при Императорской академии наук в Санкт-Петербурге» Георга Вольфганга Крафта 1739 года и его подготовка / А. Костин, Т. Костина // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Научные редакторы и составители Игорь Федюкин, Майя Лавринович. М., 2015. С. 219-239.
4. Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. 368 с.
5. Нагуевский Д. Профессор Франц Ксаверий Броннер его дневник и переписка. (1758 – 1850 гг.). Казань, 1902. 504 с.
6. Нольде А. Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. СПб., 1906. 314 с.
7. ПСЗРИ. 22-го мая 1772 г., № 13808, т. 19.
8. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1300 О беспорядках, произошедших в Свислочской гимназии (1824-1826 гг.).

Для цитирования: Цатурова Д.Е. Проблема применения двойного права в Западных окраинах Российской империи: случай в Свислочской гимназии 1824 г. // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 388 – 392.

**Руководитель Петербургской боевой дружины Союза русского народа
Н.М. Юскевич-Красковский: новые факты биографии**

Аннотация. В статье рассматриваются деятельность Н.М. Юскевича Красковского как руководителя боевых дружин Союза русского народа (СРН), а также его отношения с руководителем СРН доктором А.И. Дубровиным. Уделяется внимание взглядам Юскевича Красковского на черносотенные боевые организации. Помимо этого, в статье отражены некоторые обстоятельства жизни Юскевича Красковского до начала его партийной деятельности.

Ключевые слова: Н.М. Юскевич Красковский, Союз русского народа, боевые дружины.

Title: The head of the St. Petersburg combat bands of the Union of Russian People N.M. Yuskevich Kraskovsky: new facts of biography

Abstract. The article examines the activities of N.M. Yuskevich Kraskovsky as the head of the combat bands (druzhiny) of the Union of Russian People, as well as his relationship with the leader of the URP, Dr. A.I. Dubrovin. Attention is paid to the views of Yuskevich Kraskovsky on the Black Hundred combat organizations. In addition, the article reflects some of the circumstances of the life of Yuskevich Kraskovsky before the beginning of his party activities.

Key words: N.M. Yuskevich Kraskovsky, Union of Russian People, combat bands.

В последние десятилетия историками были изучены биографии ряда видных деятелей Союза русского народа, однако судьбы многих из них остаются практически неизвестными. Среди них видный деятель черносотенного движения Николай Максимович Юскевич-Красковский, бывший членом Русского собрания, кандидатом в члены Главного совета СРН, руководителем Санкт-Петербургской боевой дружины этого союза, а затем – активистом Русского народного союза им. Михаила Архангела (РНСМА) и членом его Главной палаты. Сведений о нём крайне мало, практически все они уместаются в небольшой раздел энциклопедии, занимая не более страницы [17, с. 631–632]. Отдельные упоминания Юскевича Красковского встречаются в исследовательских работах в связи с деятельностью боевых дружин [1, 12], расколом СРН и деятельностью РНСМА [4, 6]. Иногда его имя встречается в мемуарах видных деятелей

Пыстина, Полина Алексеевна – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st087537@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Иванов, Андрей Александрович*, д-р ист. наук, проф. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Pystina, Polina Alekseevna – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st087537@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Ivanov, Andrey Alexandrovich*, Doctor of Historical Sciences, Prof. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

дореволюционной России. Например, из воспоминаний начальника охранного отделения в Петербурге А.В. Герасимова, мы знаем, что Юскевичу Красковскому покровительствовал столичный градоначальник В.Ф. фон дер Лауниц [2, с. 151]. Однако все имеющиеся на данный момент в литературе сведения дают лишь самое общее представление о Н.М. Юскевиче Красковском.

Между тем, сведения о деятельности и взглядах руководителя боевой дружины СРН в Санкт Петербурге могут быть расширены за счёт анализа писем, которые Юскевич Красковский писал доктору А.И. Дубровину, а также за счёт материалов судебных дел, среди которых дело об убийстве рабочего А. Мухина и дело об убийстве депутата I Государственной думы М.Я. Герценштейна. Важно отметить, что почти все материалы относятся ко времени после начала судебного процесса по делу о трагедии в Териоках, что заставляло многих допрашиваемых при даче показаний руководствоваться прежде всего соображениями собственной безопасности.

Отдельного внимания заслуживают упомянутые письма. Удалось обнаружить копии трёх из них: двух руководителю СРН А.И. Дубровину, и одного Аполлону Аполлоновичу (очевидно, члену Главного Совета СРН А.А. Майкову). Отметим, что копии были сделаны по решению самого Юскевича Красковского, который отправил их ещё нескольким лицам во избежание «извращённого и клеветнического толкования» писем А.И. Дубровиным [14, л. 26 об.].

Письма лидеру СРН были написаны 25 февраля и 8 декабря 1908 г. Ни одно из этих писем не является началом переписки, так как по содержанию письма от 25 февраля видно, что ранее какое-то письмо уже было отправлено. Ответов Дубровина на данные послания найти не удалось, а возможно их и не существует. Например, ответа на письмо от 25 февраля 1908 г. не последовало, был только пересказанный некой А.Г. (вероятно, Анной Георгиевной Вербицкой, которая жила вместе с Юскевичем Красковским, когда он скрывался от полиции [16, л. 1]) её разговор с Дубровиным об этом письме [14, л. 27].

Один из важных моментов, на который стоит обратить внимание – дата рождения Юскевича Красковского, которая до сих пор историкам неизвестна. Вероятнее всего, он родился в середине 1850-х гг., так как в письме министру внутренних дел от 25 августа 1917 г. Юскевич Красковский сообщает свой возраст: «имея 62 года от роду» [14, л. 17]. Данные относительно возраста, зафиксированные в ходе судебных дел подтверждают указанные доводы [15, л. 2об.]. Таким образом, с большой вероятностью можно предположить, что Юскевич-Красковский родился в 1854 или 1855 г.

Отдельное место занимает вопрос сословного происхождения Юскевича Красковского. Есть все основания полагать, что он был дворянином. На допросе по делу об убийстве рабочего А. Мухина Юскевич Красковский дал следующие показания: «Я его не подговаривал к убийству Мухина и не мог подговаривать потому, что это противно моим убеждениям и достоинству, как человека и дворянина» [15, л. 8 об.]. Дворянином Юскевич Красковский назван и в открытом письме Остроумова (возможно, М.А. Остроумов - один из создателей Харьковского отдела Русского собрания) к министру юстиции И.Г. Щегловитову [10, л. 1]. Также известно, что Юскевич Красковский состоял на гражданской службе и дослужился до чина коллежского секретаря [15, л. 3 об.]. Одной из последних была должность контролёра I округа Таврического Акцизного управления [16, л. 1].

Когда точно он оставил службу не ясно. По признанию самого Юскевича Красковского, к моменту начала его деятельности в СРН служебными обязанностями он не был обременён [14, л. 37]. В своём письме он объясняет это тем, что хотел посвятить себя «делу союза» [14, л. 37]. Данная мотивация сомнительна и скорее была использована, чтобы добиться основной цели – получить деньги от руководства союза. Так, сразу после показания на свою преданность СРН, автор письма просит материальной помощи со стороны партии [14, л. 37].

Участие в деятельности СРН Юскевич Красковский принимал со дня его основания, являясь одним из его организаторов [15, л. 3 об.; 17, с. 631]. В партии Юскевич Красковский практически сразу занялся боевыми дружинами СРН, став вскоре начальником черносотенных боевиков в Санкт Петербурге.

Рассматривая деятельность Юскевича Красковского на этом посту, стоит отметить, что именно он был инициатором объединения с Обществом активной борьбы с революцией и анархией [15, л. 14 об. – 15]. По мнению начальника боевой дружины это должно было увеличить силы партии и обезопасить СРН от врагов справа [14, л. 42]. Однако руководство партии считало такие меры нецелесообразными [14, л. 42;], что стало одной из предпосылок ухудшения отношений между Юскевичем Красковским и Дубровиным.

Вероятно, камнем преткновения в отношениях между указанными личностями также стало разное отношение к боевым организациям СРН. Дубровин не поощрял насильственные действия и выступал против черносотенных дружин [15, л. 17; 13, с. 58–59]. Всю ответственность за организацию и деятельность боевиков-черносотенцев лидер СРН возлагал на Юскевича Красковского [8, стб. 1344]. Последний относился к

самому факту существования боевых организаций крайне положительно и считал их необходимыми для реализации интересов партии. Помимо безусловной преданности ценностям и идеалам СРН, он говорил об огромном риске, которым сопровождалась деятельность черносотенцев. Этим подчеркивалась значимость роли Юскевича Красковского и дружинников в СРН: «Каждый из нас несомненно и бесспорно постоянно рисковал гораздо больше, чем многие сотни и тысячи других деятелей и членов союза» [14, л. 29].

Это противоречие между Дубровиным и Юскевичем-Красковским усугублялось тем, что деятельность боевых дружин порой порочила репутацию СРН. Достаточно обратить внимание на газетные публикации, в которых черносотенцы приравниваются к хулиганам, «террористам-монархистам», врагам рабочих и так далее [7, с. 1; 9, с. 2; 11, с. 3]. Отношение Дубровина к Юскевичу Красковскому не могло не ухудшиться на этом фоне. Тем более, из письма последнего можно сделать вывод о том, что, по мнению лидера СРН, в скандалах вокруг боевиков был виноват сам Юскевич Красковский, который допустил проникновение «хулиганов» в союз. Это и привело к убийству Герценштейна, что очевидно крайне негативно сказалось на репутации СРН [14, л. 27, 30].

Сам лидер столичных черносотенных дружинников признавал, что боевики далеко не всегда действовали законно. С его точки зрения виной тому было своеволие отдельных личностей. Отношение к ним у Юскевича Красковского было негативным и, будучи начальником боевых дружин, с такими «хулиганами» он всячески старался бороться [14, л. 30]. Однако подобные его высказывания относятся ко времени после убийства Герценштейна. И среди «хулиганов» начальник боевиков СРН указывал практически только тех, кто был привлечен к указанному судебному процессу. В связи с этим уместно поставить вопрос о том, когда сформировались подобные убеждения Юскевича Красковского. Вполне вероятно, что во время активной деятельности черносотенных боевиков их руководитель не выделял отдельных «хулиганов».

Разногласия между Дубровиным и Юскевичем Красковским сильно усугубились во время дела М.Я. Герценштейна. Лидер боевиков СРН был одним из подозреваемых, а потому долгое время скрывался от правосудия. Где он находился в это время не до конца понятно. Из переписки между полицейскими и судебными органами о розыске Н.М. Юскевича Красковского известно, что в мае 1909 г. он был обнаружен в усадьбе Кулешовой Рыбинской волости Бежецкого уезда Тверской губернии [16, л. 1].

Там Юскевич Красковский вероятно и писал письма Дубровину, прося прислать денег, так как выданных ранее не хватало, а даром проживать

в «Т...ской» губернии у какого-то «частного монархиста, но не члена Союза» было уже невозможно [14, л. 33–34]. Однако помощь со стороны Союза судя по жалобам Юскевича Красковского или не поступала, или была минимальной. Таким образом, между Юскевичем Красковским и Дубровиным сложился комплекс противоречий, вызванный разными взглядами на деятельность боевых дружин и их вклад в общее дело Союза. Это все усугубилось проблемами с материальным обеспечением скрывавшегося Юскевича Красковского, а также различными личными претензиями, обвинениями, которые отражены в письмах Юскевича Красковского [14, л. 24–26 об., 27–37]. Это всё способствовало разрыву между Дубровиным и Юскевичем Красковским.

В августе 1909 г. Юскевич Красковский предстал перед финляндским судом по делу М.Я. Герценштейна. Его приговорили к 6 годам лишения свободы, однако по просьбам монархистов он был помилован Николаем II [17, с. 632]. Отношения с Дубровиным оставались безнадежно испорченными, бывшего лидера боевой дружины СРН исключили из Дубровинского Союза русского народа в ноябре 1911 г. [6, с. 134]. Дальнейшую общественно-политическую деятельность Юскевич Красковский связал с обновленческим СРН, а также РНСМА [17, с. 632]. Эта деятельность не касалась организации боевых дружин и носила абсолютно мирный характер. После Февральской революции 1917 г. Юскевич Красковский вновь был арестован [3, с. 52]. Однако его практически сразу же отпустили. Следующий арест состоялся в августе 1917 г. [17, с. 632]. Он также продлился недолго, уже в сентябре по распоряжению прокурора Петроградской судебной палаты Юскевича Красковского освободили [14, л. 1]. Вероятно, не было серьезных улик, которые бы компрометировали заключенного, чему есть некоторые свидетельства [5, с. 4]. Причиной освобождения могло быть и плохое состояние здоровья арестованного, на которое он жаловался в письме министру внутренних дел от 25 августа 1917 г. [14, л. 17].

Из приведенных выше сведений видно, что Юскевич-Красковский во время участия в черносотенном движении сдвигался от правого радикализма на более умеренные позиции. У нас нет данных, было ли это связано с эволюцией его политических воззрений, или же он просто подстраивался под обстоятельства. Вероятно, когда надо было бороться с разгулом революции на улицах, он прикладывал к этому все усилия, руководя боевыми дружинами; когда явная революционная угроза отступила, а отношения с лидером СРН Дубровиным испортились, он перешел в «конкурирующий» правый союз, которым руководил В.М. Пуришкевич.

Февральская революция и стремительное падение монархии застали черносотенцев врасплох, и Юскевич-Красковский снова меняет свою позицию. В письме министру внутренних дел в августе 1917 г. он уверял, что, как и всякий монархист, любящий родину, должен поддерживать Временное правительство [14, л. 16 об.].

На данном этапе можно отметить, что эта специфичная биография отражает типичную судьбу сторонника крайне правых взглядов. Руководствуясь в своих убеждениях не только идейными, но и финансовыми соображениями, такие люди не могли предотвратить крах правой идеологии в России в 1917 г. Как сложилась судьба Н.М. Юскевича Красковского после 1917 года, увы, не известно. В его биографии еще много белых пятен, которое предстоит устранить, и данная публикация лишь шаг в этом направлении.

Список использованных источников и литературы

1. *Витухновская Кауппала М.А.* Финский суд vs «черная сотня»: расследование убийства Михаила Герценштейна и суд над его убийцами (1906-1909). СПб., 2015. 220 с.
2. *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. Париж: УМКА-Press, 1985. 207 с.
3. *Иванов А.А.* «Чёрная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 42–59.
4. *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917. М.: российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 464 с.
5. Новое время. 1917. 6 августа.
6. *Омельячук И.В.* «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа // Российская история. 2021. № 1. С. 123-138.
7. Петербургская газета. 1906. 27 февраля.
8. Право. 1909. 24 мая.
9. Призыв. 1906. 19 января.
10. РГИА Ф. 1405. Оп. 539. Д. Министерство юстиции. Щегловитов И.Г. 1909 г. Открытое письмо Остроумова министру юстиции по поводу суда над убийцей члена Государственной думы М.Я. Герценштейна Юскевичем Красковским; вырезки из газет "Речь", "Новая Русь", "Русское знамя", "Новое время" и других по делу об убийстве Герценштейна.
11. Речь. 1906. 11 марта.
12. *Степанов С.А.* Черная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013. 672 с.
13. *Стогов Д.И.* Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. М., 2012. 672 с.
14. ЦГИА СПб Ф. 1695. Оп. 1. Д. Юскевич Красковский Николай Максимович. 80 л.
15. ЦГИА СПб Ф. 520. Оп. 1. Д. Материалы об убийстве рабочего Мухина членами боевой дружины "Союза русского народа"; сведения о забастовках рабочих предприятий Невской заставы. 128 л.
16. ЦГИА СПб Ф. 965. Оп. 2. Д. Переписка с прокурором Петербургского окружного суда и Бежицким уездным исправником о розыске крестьянина Ларичкина Е.С.,

коллежского секретаря Юскевич Красковского Н.М., горниста запасного батальона лейб-гвардии Семеновского полка Рузика И.Я., обвиняемых в убийстве бывшего члена Государственной думы Герценштейна.

17. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917. / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2008. 640 с.

Для цитирования: Пыстина П. А. Руководитель Петербургской боевой дружины Союза русского народа Н.М. Юскевич-Красковский: новые факты биографии // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 393– 399

Становление Петроградского отделения рабоче-крестьянской инспекции (1920 – начало 1921 гг.)

Аннотация: В статье рассматривается начальный период функционирования отделения Наркомата рабоче-крестьянской инспекции в Петрограде в 1920 – начале 1921 гг. Несмотря на возложенную на него функцию борьбы с бюрократизмом, анализ структуры ведомства показывает крайнюю запутанность и многочисленность внутренних подразделений и звеньев, особенно в сфере надзора за здравоохранением. Также в исследовании делается акцент на обследованиях мест заключения и роли Рабкрина в уменьшении числа заключенных.

Ключевые слова: Рабоче-крестьянская инспекция, Рабкрин, РКИ, Петроград.

Title: Formation of the Petrograd department of the workers' and peasants' inspectorate (1920 – early 1921).

Abstract: This article considers the initial period of functioning of the department of the People's Commissariat of the Workers' and Peasants' Inspectorate in Petrograd in 1920 – early 1921. Despite the function of combating bureaucracy entrusted to it, an analysis of the structure of the department shows the extreme complexity and multiplicity of internal divisions and links, especially in the field of healthcare supervision. The study also focuses on surveys of places of detention and the role of Rabkrin in reducing the number of prisoners.

Key words: Workers' and Peasants' Inspectorate, Rabkrin, RKI, Petrograd

Исследование деятельности органов государственного контроля имеет богатую советскую историографическую традицию, пиком которой стала первая половина 1970-х гг. [7, с. 16 – 43]. В советский и постсоветский периоды появилось и несколько работ, посвященных непосредственно Петроградскому отделению Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (далее — РКИ, Рабкрин)[1; 6; 8]. На наш взгляд, представляет интерес дальнейшее развитие данной исследовательской темы через реактуализацию и обобщение советской историографии, расширение привлекаемых материалов и применение методологических приемов, привнесенных в российскую историческую науку в последние десятилетия. В рамках данной статьи мы ставим цель проследить становление Рабкрина как государственного органа в Петрограде в 1920 – 1921 гг.

Касьянов, Владислав Владимирович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st076021@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Ратьковский, Илья Сергеевич*, канд. ист. наук, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Kasyanov, Vladislav Vladimirovich — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st076021@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Ratkovsky Ilya Sergeevich* – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

ВЦИК 7 февраля 1920 г. принял декрет, которым существовавший с мая 1918 г. Наркомат госконтроля преобразовывался в Наркомат РКИ [14, с. 123 – 125]. Название нового учреждения явно акцентировало внимание на его классовом характере, директива Политбюро от 23 января 1920 г. указывала как одно из направлений работы «полное орабочение и окрестьянивание» (курсив здесь и далее наш — В.К.) госконтроля [9, с. 64]. В.И. Ленин в речи 9 февраля на беспартийной конференции Благуща-Лефортовского района Москвы, то есть почти сразу после создания Рабкрина, повторил данное положение: «Мы должны влить в этот аппарат возможно больше рабочих и крестьян... и этим изгоним из наших учреждений бюрократизм» [9, с. 127]. В мартовской речи на заседании Моссовета конечная цель была заявлена им еще явней: «Рабочие и крестьянские массы, которые должны создать все наше государство, теперь должны создать государственный контроль» [9, с. 200].

На уровне Петроградского отдела РКИ (далее – Петрорабкрин) в его деятельности приняло участие в 1920 г. 1,5 тыс. человек [6, с. 17]. Тем не менее, в июле 1920 г., Петрорабкрин в докладной записке председателю Петросовета Г.Е. Зиновьеву отмечал, что и в Москве, и в Петрограде оставался на деле старый чиновничий аппарат [16, л. 1 – 2].

В Петрограде процесс реорганизации завершился в августе 1920 г., когда был присоединен аппарат Контрольного совета при Петрокоммуне, решение о ликвидации которого приняли еще в феврале [1, с. 17]. Известен конфликтный эпизод, когда 15 апреля представители Контрольного совета на одном из складов арестовали инспектора РКИ за отказ быть подвергнутым обыску [20, л. 11].

Одним из ключевых подразделений являлась Административно-политическая секция, контролировавшая деятельность органов управления, в том числе милиции и ЧК. В структуру секции входила также инспекция исполкомов, чье ведение составляли все соответствующие отделы исполкомов губернии, за исключением коммунального, в том числе и войска внутренней службы до передачи в инспекцию Петроградского военного округа. Во второй половине 1920 г. инспекторы произвели ревизию 14-й стрелковой бригады, обнаружив недостатки фуража, незаконное зачисление 70-ти курсантов на довольствие и присвоение на имя комбрига бензина и спирта для несуществовавшего автомобиля [17, л. 197].

Экономическая секция занималась учреждениями, связанными с вопросами городского и сельского хозяйства. Включавшаяся в нее техпромышленная инспекция посылала своих инспекторов на многочисленные предприятия. Фактические ревизии инспекции коммунального хозяйства представляли в основном приемки ремонтных работ, мас-

штабно ведущихся в 1920-х гг. [17, л. 229]. За годы гражданской войны жилищный фонд Петрограда пришел в упадок, в 1919 г. только 23 % домов оценивались как полностью в исправном состоянии, непригодными для проживания признавалось 20 % от общего числа домов [12, с. 164].

Инспекция земледелия и сельского хозяйства обследовала профильные отделы губисполкома: Губпосев и Губземотдел. Изучалось продвижение семенных материалов, продовольствия и сельхозинвентаря по железным дорогам, состояние складов и транспорта. Обнаруживались типичные недостатки и кражи, неправильные условия хранения продуктов и материалов.

Финансовая инспекция была целиком занята ревизией денежных оборотов, прежде всего, финотдела губисполкома и местной фабрики Гознака. С переходом к НЭП на плечи инспекторов легла задача особенно тщательно следить за арендными и кооперативными отношениями, в последний была взята установка на вытеснение частных посредников в торговле кооперативов [1, с. 26].

Инспекция внешних сношений осуществляла постоянный контроль провоза грузов в Петроградском торговом порту и на таможенных пунктах. Ей были подведомственны все учреждения, осуществлявшие внешнеторговые операции и связанные с обслуживанием иностранцев. С июля 1921 г. сотрудники РКИ осуществляли пломбирование грузовых вагонов [19, л. 1].

Многочисленные инспекции включала в себя Секция охраны труда и народного здоровья: общественной санитарии и профилактики, исправительных учреждений и психиатрических лечебниц, санитарии средств сообщения и связи, санитарии и гигиены общественного питания, ветеринарной санитарии, школьной гигиены, лечебных заведений, медико-санитарного обучения, борьбы с эндемическими и эпидемическими заболеваниями, химико-фармацевтического наблюдения, социального обеспечения.

В рассматриваемый период важность приобрел санитарный вопрос ввиду критического состояния городского коммунального хозяйства и иных последствий гражданской войны. В стране вспыхивали одна за другой эпидемии инфекционных заболеваний, в городе мало где работали водопровод и центральное отопление [10, с. 44]. Советские органы придали борьбе с эпидемиями общегосударственный характер, создав вскоре после образования Наркомата здравоохранения в июле 1918 г. Центральную комиссию по борьбе с эпидемическими болезнями [2, с. 3].

За 1920 г. инспекторы в рамках борьбы с антисанитарией побывали на 22-х городских кладбищах, обнаружив на Успенском и Преображенском

десятки непогребенных трупов. Действительно, на тот момент кладбищенские хозяйства находились в состоянии упадка, в частности, в связи с закрытием двух из них — Чесменского и при Александро-Невской лавре [11, с. 137]. Инспекция отчиталась и о принятии мер по скорейшему началу работы крематория. Его действительно запустили в конце 1920 г. на 14-й линии В.О., но функционировал крематорий менее 3-х месяцев до февраля 1921 г. [13, с. 60].

Общие замечания инспекции исправительных учреждений и психиатрических лечебниц относительно мест заключения касались санитарного состояния и размера пайков [17, л. 3]. Обращение к конкретным материалам обследований дает более широкую картину. Осмотренные помещения Криминалистического бюро угрозыска (Михайловская площадь, д. 3) в конце 1920 г. были переполнены. В комнате, предполагавшейся для 4 х человек, находилось вместо этого 20, многие заключенные, как следствие, спали на полу [21, л. 17]. Относительно 1-го лагеря принудительных работ («Чесменка») отмечалось: «В камерах заключенных страшный холод» [21, л. 22 об. – 23]. Таким образом, условия содержания оставались тяжелыми вместе с низким уровнем санитарного состояния зданий и материальной базы учреждений.

Летом 1920 г. по инициативе НК РКИ проводились обследования всех мест заключения. Одной из задач комиссий являлся пересмотр дел осужденных, производившийся на основе собранных материалов и анкет. За несколько месяцев в Петрограде было рассмотрено около 1,1 тыс. дел заключенных, из которых 433 человека было освобождены, в трудовые армии направилось 27 человек, на фронт — 80, на транспорт — 18. Еще 109-ти заключенным сократили сроки пребывания. Оставлено в тех же местах заключения 368 человек [17, л. 14]. Заместитель наркома РКИ В.А. Аванесов отметил, что всероссийская ревизия дала «колоссальные результаты», и в одной Москве было освобождено до 30 % заключенных [15, л. 12].

Данная деятельность Рабкринина получила отражение и в источниках личного происхождения. А.А. Ершова, находившаяся в заключении в Харькове, писала в дневнике 21 декабря 1920 г.: «Только что было здесь человек 20 мужчин и женщин какой-то «рабоче-крестьянской инспекции». Они с большим участием расспрашивали. Будет ли от этого толк?» [5, с. 112]. Пребывавшая в тот же период в одесской тюрьме Н.Л. Давыдова в записи дневника от 13 декабря упоминала о внезапном решении тюремщиков переписать всех, сидящих без допроса: «Говорят, что будет ревизия. Боятся членов Рабоче-Крестьянской Инспекции. Сегодня даже

чистили камеру, покропили карболкой и убрали сифилитичку. Была и есть Россия»[5, с. 55].

Резюмируя деятельность РКИ, необходимо отметить, что на данном этапе явно преобладали формы ревизии документальной составляющей. Постепенно положение менялось, и в течение 1921 г. РКИ полностью отказалась от производства предварительной ревизии [4, с. 59]. Фактические ревизии представляли собой приемки материалов и работ, проверки состояния складов, то есть основной функцией Рабркина можно назвать осуществление учета. При этом инспекции даже близко не имели возможности присутствовать на всех приемках, это потребовало бы увеличения штата контролеров до неприемлемых размеров. По подсчетам инспекции здравоохранения, труда и соцобеспечения, сделанным позднее летом 1922 г., на ревизию всех входящих в губернский отдел здравоохранения учреждений ушло бы 4,5 года. Ввиду этого многие руководители, по мнению инспекции, не обращали внимание на Рабркин, считая, что их учреждения закроются или они сами перейдут на иные места прежде, чем к ним придут с ревизией [18, л. 337]. Также объекты контроля у инспекций часто пересекались. Те же места заключения в 1920 г. обследовались в разное время комиссией с участием Административно-политической секции и отдельно инспекторами Секции охраны труда и народного здоровья. Таким образом, сложившаяся на тот момент структура и практика работы не способствовали выполнению возложенной функции борьбы с бюрократизмом в госаппарате.

Список использованных источников и литературы

1. Борисов Д. А. Ленинградский (Петроградский) отдел рабоче-крестьянской инспекции в 1920-1925 гг.: дис. ... магистра истории. СПб, 2017. 75 с.
2. Воронин Е. А., Вовк Я. Р., Линник М. С. Деятельность Центральной комиссии по борьбе с эпидемическими болезнями при НКЗ РСФСР (к 100-летию со дня создания) // Международный студенческий вестник. 2018. № 6. С. 1 – 6.
3. Давыдова Н. Л. Полгода в заключении. Дневник 1920 – 1921 годов. Берлин, 1923. 142 с.
4. Дианов А. Г. Основные направления деятельности Сибирской рабоче-крестьянской инспекции при переходе к нэпу (вторая половина 1921 г.) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4 2. С. 58 – 66.
5. Ершова А. А. В тюрьме в 1920 году: Воспоминания. 2-е изд. М.: Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2017. 136 с.
6. Константинов А. П., Иванов В. М., Зубарев В. И. Ленинские традиции партийно-государственного контроля: Из истории создания и деятельности Ленинградской областной и городской КК – РКИ. Л.: Лениздат, 1963. 144 с.

7. Краснов А. В. ЦКК – РКИ в борьбе за социализм: Роль ЦКК – РКИ в осуществлении ленинского плана построения социализма в СССР (1923 – 1934 гг.). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 570 с.
8. Куприященко Г. Н. Деятельность органов контрольной комиссии и рабоче-крестьянской инспекции (КК-РКИ) по развитию научной организации труда в период восстановления народного хозяйства 1921-1925 гг. (на материалах Ленинградской партийной организации): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988. 174 с.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Т. 40. М., 1974. 506 с.
10. Мусаев В. И. Санитарное дело в Петрограде в первые послереволюционные годы // Гигиена и санитария. 1996. № 3. С. 44 – 47.
11. Орлов И. Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917 – 1941). М.: Изд. Дом ВШЭ, 2015. 335 с.
12. Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны / С.В. Яров, Е.М. Балашин, В.И. Мусаев и др. М.: Центрполиграф, 2013. 543 с.
13. Сидорчук И. В. «Вместе с автомобилем, трактором, электрификацией»: к истории кремации в России // Социология науки и технологий. 2018. № 3. С. 51 – 67.
14. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1943. 818 с.
15. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-16. Оп. 1-1. Д. 369. Материалы по вопросу борьбы с бюрократизмом и волокитой и опыту работы РКИ. 32 л.
16. ЦГАИПД СПб. Оп. 1-4. Д. 4631. Материалы по вопросу о реорганизации государственного контроля в рабоче-крестьянскую инспекцию за 1920 год. 11 л.
17. ЦГА СПб. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 607. Отчеты о работе инспекций Петрограбкрина за 1920 год. 436 л.
18. ЦГА СПб. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 613. Протокол заседания заведующих отделами экономической секции Петрограбкрина о делегированных членах РКИ, о предстоящей реорганизации секции и другое.
19. ЦГА СПб. Оп. 1. Д. 680. Отчет о работе инспекции внешних сношений за 1921 год.
20. ЦГА СПб. Оп. 1. Д. 1864. Переписка с транспортной ЧК по борьбе с контрреволюцией и саботажем о хищениях грузов на станции Сортировочная.
21. ЦГА СПб. Оп. 1. Д. 3235. Планы и отчеты инспекций по обследованию учреждений труда, социального обеспечения, здравоохранения и Общества «Красного Креста».

Для цитирования: **Касьянов В. В.** Становление Петроградского отделения рабоче-крестьянской инспекции (1920 – начало 1921 гг.) // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 400–405.

Ликвидация чрезмерной эмиссии: изменение бюджетной стратегии в первые годы НЭПа в отражении центральных газет Советской России

Аннотация. В рамках статьи рассматривается риторика официальной советской прессы (газет «Правда» и «Известия ВЦИК» (с 14 июля 1923 г. — «Известия ЦИК СССР и ВЦИК»)) относительно эмиссии и бюджетной политики государства в 1921–1924 гг. Посредством анализа языка газет выявляются агитационные схемы властей, а также то, какую модель поведения предлагали советским гражданам в условиях новой экономической политики.

Title: Elimination of excessive emissions: changing the budget strategy in the early years of the NEP in the reflections of the central newspapers of Soviet Russia

Ключевые слова. Эмиссия, бюджетная политика в 1921–1924 гг., НЭП, риторика власти.

Abstract. The article examines the rhetoric of the official soviet press (“Pravda” and “Izvestia VTsIK” newspapers (since July 14, 1923 — “Izvestia of the CEC of the USSR and VTsIK”)) regarding the issue and budget policy of the state in 1921–1924. By analyzing the language of newspapers, the propaganda schemes of the authorities are revealed, as well as what kind of behavior model was offered to Soviet citizens in the conditions of the new economic policy.

Keywords. Emission, budget policy in 1921–1924, NEP, rhetoric of the authorities.

В марте 1921 г. на X съезде РКП(б) было принято решение о пересмотре финансовой политики государства [12, с. 609]. Этот аспект НЭПа изучался ещё в советский период, интересует он и современных исследователей. Для нас важно упомянуть труд Ю.М. Голанда «Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы, 1921–1924», в котором исследователь в том числе раскрывает основы эмиссионной практики в годы Гражданской войны и начальный период НЭПа. Так, он отмечает, что в 1918–1920 гг. с обесцениваем денег не боролись и видели в нём средство подрыва экономической силы имущих классов, декретом СНК от 15 мая 1919 г. ограничения с эмиссии были сняты. С началом НЭПа от курса на отмирание денег отказались, развернулась дискуссия о путях преодоления бюджетного дефицита и роли эмиссии, важным решением стало принятие твёрдого бюджета на январь – октябрь 1922 г. [1, с. 8, с.

Савина, Мария Сергеевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st076028@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Ходяков, Михаил Викторович* — д-р. ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Savina, Maria Sergeevna — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st076028@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Khodyakov, Mikhail Viktorovich* — Doctor of Historical Sciences, Prof., Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

16, с. 38–59]. Однако в стороне остаётся вопрос об информационном поле, которое складывалось вокруг проблемы пересмотра бюджетной стратегии и окружало советского человека. Мы в данной статье сосредоточились на анализе материалов, которые транслировались в официальной прессе и были нацелены на формирование определённого образа новой политики и стереотипа поведения гражданина в этих условиях. Стоит отметить, что за рамками представленной работы остался такой немаловажный аспект в изучении НЭПа, как соотношение «печатных» и «непечатных» тем относительно финансовых преобразований, эта проблематика составит предмет наших дальнейших исследований.

Периодические издания откликнулись на начавшиеся перемены. Мы в статье опираемся на газеты «Правда» и «Известия ВЦИК», которые, будучи печатными органами партийной и государственной власти, создавали идеологический фон для других изданий. Вопросы финансовой политики рассматривались в передовицах, отдельных статьях, беседах-разъяснениях с ведущими советскими экономистами и государственными деятелями, в «Известиях», например, существовали рубрики «Финансы», «Экономическое строительство», в начале 1924 г. был создан раздел по денежной реформе.

«Правда» публиковала рассуждения советского экономиста, а в 1921–1924 гг. председателя Финансового комитета ЦК РКП(б) Е.А. Преображенского. Весной 1921 г. он писал о выпуске бумажных денег как об особом виде налога, накладываемом на общество для извлечения реальных ценностей, однако уже тогда делались оговорки о потенциальном вреде эмиссии для денежной системы государства и возможности её прекращения [8, 2 апреля, 31 мая]. С осени 1921 г. выпуск бумажных денег не оправдывался, напротив, Преображенский утверждал, что хаотичная эмиссия стала главным тормозом к успешному проведению новой экономической политики, ставились задачи установления твёрдой валюты и постепенной замены дохода от эмиссии доходами от других источников [8, 4 сентября]. В номере «Правды» от 29 января 1922 г. экономист указал на волнение, существовавшее в рабочей среде и связанное с падением курса рубля и повышением цен. Причиной «болезни» бумажных денег, по его словам, была эмиссия; в связи с этим он провозглашал: «побольше доходов от промышленности и торговли, от акцизов, налогов, платности услуг и поменьше доходов от выпуска бумажных денег» [9, 29 января]. Так, чрезмерная эмиссия представляла основным фактором финансовой нестабильности, а главной возможностью отказа от неё становилось увеличение налоговых поступлений.

К весне 1922 г. были введены промысловый налог для ненационализированных предприятий и личных промысловых занятий [2, с. 198–200], общегражданский налог для оказания помощи голодающим и на усиление средств по борьбе с эпидемиями, акцизы на табачные и гильзовые изделия, пиво, мёд и квас, на соль и другие налоги и сборы [14, с. 321–323, с. 1037, с. 311, с. 375–376].

Можно заметить, что преобладающее значение получили косвенные налоги, однако появлялись публикации, отмечавшие роль прямого обложения [9, 30 марта, 25 августа.]. Эти дискуссии подготовили введение подоходно-поимущественного налога, который распространялся на проживавших в городах граждан и общества с доходами из определённых источников (декрет от 16 ноября 1922 г.) [14, с. 1721–1724].

В агитации по налоговым вопросам переплетались две линии. Во-первых, стремление обосновать важность налоговых поступлений для хозяйственного восстановления и убедить плательщиков, что налоговая политика осуществляется и в их интересах. Во-вторых, противопоставление уплаты налогов как выполнения гражданского долга и недобросовестности в этом отношении как ненадлежащего, антиобщественного по существу поведения. Например, в «Правде» при характеристике ситуации с поступлением общегражданского налога с категоричностью заявлялось: «Кто своевременно не уплатит налога, тот враг народа, его хозяйства, его страны» [9, 24 ноября].

В дальнейшем подобная аргументация сохранялась, но появлялись и новые моменты. Важным приёмом в агитационной кампании становилось преуменьшение тяжести налогов, которые ложились на трудящихся [5, 26 января]. В прессе главным плательщиком подоходно-поимущественного налога предстал состоятельный гражданин, а жертвы основной части населения были ограничены и в итоге соответствовали общим интересам [5, 1 февраля, 11 марта].

Примечателен тезис, сформулированный начальником Бюджетного управления НКФ СССР И.И. Рейнгольдом в «Известиях» в 1924 г. уже после проведения денежной реформы: «Рабоче-крестьянское государство строит своё благополучие не на перенапряжении платежных сил населения, хотя и требует известных жертв во имя сохранения твёрдой валюты» [7, 24 апреля].

Существенным аспектом было подчёркнутое стремление проводить взвешенную налоговую политику и бороться с недочётами и ошибками на местах [5, 27 января, 11 февраля, 9 мая; 9, 28 ноября]. В июле 1923 г. в «Известиях» напечатали доклад наркома финансов Г.Я. Сокольников, в котором он назвал число существующих налогов предельным [5, 4 июля].

В 1924 г. уточнялось, что состояние бюджета не позволяет понизить общего уровня обложения, но увеличивать налоговое бремя нецелесообразно [7, 28 июня].

Возвращение платности предстало ещё одним фактором хозяйственного восстановления [9, 5 февраля; 10, 27 января].

В качестве подтверждения эффективности реализуемых мер газеты периодически писали об успехах в сокращении эмиссии и об увеличении доходов из других источников [5, 25 февраля; 9, 24 марта].

Государство стало активно использовать такой инструмент, как кредитные операции. Им также отводилась отдельная роль в деле ликвидации эмиссии и стабилизации рубля. В 1922–1924 гг. были выпущены хлебный, сахарный, выигрышный, крестьянский и другие займы.

По мере осуществления советской властью кредитных операций сформировался инструментарий убеждения населения в необходимости покупки облигаций. Использовался аргумент «от противного»: нельзя было допустить, чтобы в выгодах займов воспользовался нэпман-делец [6, 14 ноября; 10, 4 августа]. Напоминания о гарантиях этих операций должны были способствовать преодолению недоверия [4, 25 мая, 12 декабря]. Этой же цели содействовали сообщения об успехе подписки, положительные отзывы с мест [10, 2 июня, 14 июня, 24 июля].

Главной чертой агитации за займы было формирование представления о взаимной выгоде для государства и населения [4, 25 мая; 5, 5 января]. Заинтересованность граждан заключалась в возможности облегчить выплату налогов, получить выигрыш, в страховании своих накоплений от обесценивания. В то же время покупка государственных облигаций рассценивалась как помощь в стабилизации рубля, преодолении финансовой разрухи, в сущности как гражданский долг. В этой логике отказавшиеся от подписки представляли противниками советской власти («Кто на словах ЗА, а на деле ПРОТИВ Советской власти? Тот, кто мог, но не подписался на золотой заём» [10, 24 июля]), а принудительные меры описывались как вынужденные («недостаточная отзывчивость»), но соответствовавшие интересам трудящихся («принудительное сбережение») [6, 25 августа].

4-я сессия ВЦИК, проходившая в начале октября 1921 г., приняла положение об учреждении Государственного банка [13, с. 961]. Ещё одним результатом её работы было принятие декрета, поручавшего Наркомфину разработку плана финансов на 1922 г., а также перечня расходов, которые следовало переложить на местные средства [13, с. 895–898]. Местный бюджет также стал предметом обсуждения в прессе. Неизбежность покрытия ряда расходных статей за счёт местных средств объяснялась недостаточностью доходов РСФСР и нежелательностью

расширения эмиссии [9, 7 июля]. От мест требовали помощи центру в «отказе от злоупотребления печатным станком», тогда как обратная связь свидетельствовала о нехватке у них материальных возможностей [4, 15 февраля; 9, 11 октября].

Реорганизации подверглось и денежное обращение. Были проведены две деноминации, создан червонец [13, с. 1049–1050; 14, с. 965–966, с. 1429–1430]. В 1924 г. были осуществлены мероприятия, составившие главное содержание денежной реформы. 5 февраля 1924 г. ЦИК и СНК СССР был принят декрет о выпуске государственных казначейских билетов достоинством в один, три и пять рублей золотом. 14 февраля того же года вышло постановление о прекращении эмиссии советских денежных знаков, а 22 февраля — декрет о чеканке и выпуске в обращение серебряной и медной монеты советского образца. 7 марта 1924 г. было принято постановление СНК СССР о порядке выкупа денежных знаков, стоимость которых не обозначена в твёрдой валюте, устанавливался твёрдый курс изъятия совзнаков [3, с. 515–516, с. 548, с. 556–559, 578–579].

Уже после создания червонца и по мере развития налоговой системы чаще стали отмечаться положительные перемены в финансовом хозяйстве страны. Эти успехи сравнивались с ситуацией за рубежом. «Известия» в 1923 г. писали о выздоровлении советского финансового хозяйства на фоне значительного обесценения немецкой валюты и об успехе в сокращении эмиссии, который оттенялся экономической катастрофой в Германии [5, 16 июня; 6, 12 сентября]. В июне 1924 г. в «Известиях» вышла статья, хвалившая бездефицитный бюджет, который не имели на тот момент многие европейские страны, а вскоре — публикация с говорящим названием «Советская копейка стоит буржуазного рубля» [7, 15 июня, 28 июня]. Так, сообщения об экономических неудачах буржуазных стран дополнительно подтверждали правильность проводимой советским государством политики.

При этом изменения изначально преподносились как соответствующие интересам граждан и самого государства. Затруднения, связанные с реформой, в печати предпочитали не конкретизировать или описывать как несущественные («известные жертвы», «некоторые жертвы», «незначительное уменьшение заработной платы», «заминка») [7, 5 марта; 11, 11 марта, 21 марта]. Кроме того, подчёркивался их временный характер, а за терпение было гарантировано вознаграждение в будущем в виде положительных результатов денежной реформы. Возможные срывы и неудачи соотносились в печати с определёнными слоями населения, например, частными торговцами, ставилась под вопрос развитость у них

«чувства государственности» [7, 26 февраля, 6 марта; 11, 27 февраля]. В отношении трудящегося населения власти, напротив, рассчитывали на сознательность. В этом ключе сделано заявление в передовице «Правды» 1 марта 1924 г.: «Ради успеха этой реформы финансовая политика должна ещё какое-то время оставаться жёсткой, даже суровой. Возможны местные финансовые перебои, но эти издержки сторицей возместятся и для крестьянства, и для рабочего класса» [11, 1 марта].

Обобщим сказанное. Ликвидация чрезмерной эмиссии и стабилизация денежного обращения в официальной риторике связывалась в первую очередь с переориентацией на другие источники дохода, с изменениями в налоговой политике. В качестве важного аргумента для одобрения проводимых государством мероприятий выступала их обоюдная выгода. Складывалась определённая модель поведения граждан в новых условиях, частью которой стали полная и своевременная уплата налогов, покупка государственных облигаций, поддержка денежной реформы. Сознательность ожидалась не только от конкретного трудящегося, но и от местных органов власти, предприятий и даже от частника, хотя в случае последнего эти ожидания сопровождались угрозой применения санкций.

Список использованных источников и литературы

1. Голанд Ю.М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы, 1921–1924. М., 2006. 629 с.
2. Декреты Советской власти : в 18 т. Т. XVII, июль 1921 г. / Ин-т рос. истории РАН, РГАСПИ. М., 2006. 512 с.
3. Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы : сборник / Федеральное арх. агентство России, РГАСПИ. М., 2008. 862 с.
4. Известия ВЦИК. 1922.
5. Известия ВЦИК. 1923.
6. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1923.
7. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1924.
8. Правда. 1921.
9. Правда. 1922.
10. Правда. 1923.
11. Правда. 1924.
12. РКП(б). Съезд, 10-й. Москва. 1921. Стенографический отчет. М., 1963.

Для цитирования: Савина М. С. Ликвидация чрезмерной эмиссии: изменение бюджетной стратегии в первые годы НЭПа в отражении центральных газет Советской России // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 406–411

СЕКЦИЯ. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА, НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Белов Павел Ильич

Локализация замков Жемайтии сер. XIII – сер. XIV вв.

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема определения территории Жемайтии в преддверии «Великой войны» 1409 – 1411 гг. Принято считать Жемайтию своеобразным коридором, разделяющим две ветви Ордена: Прусскую и Ливонскую. Эта спорная территория затем перешла к Ордену после заключения Салинского договора. В статье предпринята попытка на основе летописных и актовых источников и результатов археологических исследований реконструировать границы Жемайтии.

Ключевые слова: Жемайтия, Тевтонский орден, Литовские рейзы.

Title: Localization of the Castles in Samogitia from the mid-13th to mid-14th centuries.

Abstract. The article examines the problem of defining the territory of Samogitia in the lead-up to the «Great War» of 1409-1411. It is generally accepted that Samogitia is a distinct corridor which separates the two branches of the Teutonic Order: the Prussian and the Livonian. This disputed territory later came under the control of the Order following the Treaty of Salynas. The article attempts, based on chronicles, archival sources, and the results of archaeological research, to reconstruct the boundaries of Samogitia.

Key words: Samogitia, Teutonic Order, Lithuanian raids.

Традиционно считается, что Жемайтия, иначе Жмудь или Самогития, представляла большой интерес для Тевтонского ордена, поскольку лежала между Прусской и Ливонской ветвью Ордена. Такой позиции придерживался известный исследователь Прибалтики Леонид Арбузов [1, с. 74]. Также в этом духе рассуждает и современный историк Эдвардас Гудавичюс [4, с. 44]. Им близок взгляд Эриха Машке, который писал о том, что походы в Жемайтию должны были «...расширить полосу между Ливонией и Пруссией, чтобы ливонское государство не было оторвано от

Белов, Павел Ильич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st094516@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Филиушкин, Александр Ильич*, д-р. ист. наук, проф. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Belov, Pavel Ilyich — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st094516@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Filyushkin, Alexander Ilyich*, Doctor of Historical Sciences, Prof. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

прусского» [6, с. 31]. Хартмут Бокман сравнил Жемайтию с клином, врезавшимся между двумя владениями Ордена [2, с. 79]. Известный исследователь Ордена Вильям Урбан описывал Жемайтию как регион, лежавший между Пруссией и Ливонией [9, с. 59]. Однако литовские историки Томас Баранускас и Эугениус Савищевас сделали интересные выводы, идущие вразрез с традиционной историографией. Савищевас предположил, что Жемайтия не имела выхода к Балтийскому морю и обладала меньшей территорией, чем принято считать [23, р. 103].

В изучаемый период не существовало границ в современном понимании. Владение замком или иным укреплением свидетельствовало о контроле над близлежащей территорией. По этой причине локализация жемайтских крепостей позволит установить рубежи территории, входившей в Жемайтию в середине XIII – середине XIV вв. Замки защищали дороги, которые играли в данном регионе важную роль ввиду обилия болот и труднопроходимых лесов. Тевтонские источники XIII – XIV вв. обычно сообщают о взятии рыцарями конкретных укрепленных пунктов. Реже встречаются упоминания жемайтских волостей, которые, однако, всегда отождествляются с определенными замками.

Одно из первых упоминаний жемайтских земель можно встретить в Ипатьевской летописи, где под 1252 г. встречается замок Твиримантас, принадлежавший жемайтскому князю Викинту [5, с. 559]. Более обширные сведения о территории Жемайтии даются в мирном договоре Миндовга с Орденом 1253 г. Согласно его условиям, литовский король передавал рыцарям территории, названные в документе «второстепенными землями отечества» [22, с. 34]. Можно предположить, что речь здесь идет не о самой Литве, а об иных владениях, подчинявшихся правителю Литовского княжества, в число которых входила и Жемайтия.

Исследователь Валерий Сливкин отождествил некоторые из упомянутых в документе земель с современными одноименными поселениями в Литве: Rasseylene – Расейняй, Lukowe – Лаукува, Betegalle – Бетыгала, Eregalle – Ариогала, Karsowe – Каршува, Crase – Кражяй [8]. Нет сомнений, что указанные территории относились к Жемайтии. Расейняй (Руссигена) называется у Дусбурга жемайтской территорией, равно как и Ариогала [7, с. 179].

Замок Каршува можно соотнести с одноименной деревней, где находится городище Ивангенай (Ivangėnai) [12, р. 198]. В документе «Die littauischen Wegeberichte», есть указание, что Каршува находится по пути от Мемеля до Расейняй [15, с. 667], что также косвенно подтверждает мысль о расположении замка Каршува именно в том месте.

Активная военная деятельность в Жемайтии начинается примерно на рубеже XIII – XIV веков [9, с. 98]. Так, например частым вторжением подвергался Вайкен. Обычно Дусбург пишет о волости с таким названием, однако под 1322 годом встречается одноименная крепость [7, с. 179]. Хронист также сообщает о штурме Вайкена и Расейня в ходе одного похода, что говорит о близком расположении первых двух замков. Ромас Батура локализовал Вайкен в городище Галкайчай (Galkaičiai), к востоку от города Видукле [13, р. 422].

В 1307 году рыцари совершили поход на волость Путеникка, где находился замок Путве [7, с. 166]. Дусбург сообщает, что рыцари шли по реке Юра. На левом берегу Акмены (приток Юры) находится небольшая деревня с таким же названием. Ромас Батура именно там ищет замок Путве, отождествляя его с городищем Путве (Pūtve) [13, р. 421]. В то же время были атакованы Скронайте и Бебирвайте, находившиеся на правом берегу реки Шалтуона [7, с. 167]. Пока не удалось точно локализовать замок Бебирвайте. Вероятно, находился он недалеко от места слияния ручьев Бебир и Бебирвайт, однако рядом не найдено подходящего городища [20, р. 66]. Соседний замок Скронайте находился в городище Эржвилкас (Eržvilkas), так как вблизи Бебирвайте на реке Шалтуона лишь там нашли археологический материал начала XIV века [11, р. 62].

В 1314 году упоминается волость Меденика [7, с. 172]. Ее центр можно отождествить с современным городом Варняй, поскольку его историческое название Medeniken [10, с. 197]. Также в данную волость входил замок Сисдитен, защищавший западный рубеж Жемайтии. Южнее Меденики было зафиксировано подходящее городище Шурайчай (Šiuraičiai), с которым и следует отождествлять Сисдитен [11, р. 61].

В 1329 году король Богемии Иоанн Люксембургский совершил поход в Жемайтию. Сообщения об этом встречаются у Виганда из Марбурга. От него мы узнаем о штурме замка Медвегалис [3, с. 19]. Нет сомнений в том, что Медвегалис являлся главной целью этого похода, так как располагался этот замок в центре Жемайтии и, вероятнее всего, занимал важнейшую позицию в обороне региона. Замок Медвегалис (Медевага у Дусбурга) ассоциируется с городищем Медвегалис (Medvēgalis) [11, р. 59].

Более полную картину того похода нам дают рифмованные заметки французского поэта и композитора Гийома де Машо, который был придворным Иоанна Люксембургского и сопровождал его в ходе кампании 1329 – 1330 годов. Автор сообщает о штурме следующих замков: Сисдитен (Хедестайн), Гедиминас (Гедемине), Медвегалис (Медоуэгл), Гегужес (Гегусэ), Аукаймис (Аукахан) [21, р. 107]. Как отметил Томас Баранаскас, это перечисление в целом соответствует реальному марш-

руту похода рыцарей [11, p. 59]. Первые два замка находились на пути к Медвегалису, а два последних - на обратном пути. Только замки Сисдитен и Гедиминас, видимо, поменялись местами в целях сохранения рифмы.

Гедиминас тогда был пограничным замком на западе в верховьях реки Юры. Вероятнее всего, являлся центром волости Пограуда [7, с. 176]. Также можно сделать предположение, что из этого замка Гедимин во время правления князя Витеня управлял отсюда западными владениями Литовского княжества [4, с. 76]. Замок Гедимина располагался в Падевайтис (Padievaitis), самом западном городище, где зафиксировано жемайтское присутствие [20, p. 63].

Существует дискуссия о замке Сисдитен (Xedeustain). Ромас Батура отождествлял его с вышеуказанным Падевайтис [13, p. 430]. Томас Баранаскас сделал предположение, что название Xedeustain искажено. По его мнению, следует Xedeustain ассоциировать с замком Шаудува (Šiauduva), который находился между Гедиминасом и Медвегалисом в городище Падевыйтис (Padievytis) [11, p. 59].

Локализация замков Гегужес и Аукаймис не вызывает трудностей. Исследователи сходятся в том, что Гегужес следует ассоциировать с городищем Гегужес (Gegužės) [20, p. 65], а Аукаймис – с Батакяй (Batakiiai), где найдены следы неоднократного сожжения замка [16, p. 56].

О походе Иоанна Люксембургского мы узнаем также из «Зеркала историй» Жана де Пре. Автор описывает дуэль жемайтского князя Маргириса и короля Богемии Иоанна. Это состязание проходило под стенами пограничного замка Галидайн (Galidaine). После поражения Маргирис пообещал уйти в Йкойн (Ycoine) [18, p. 414]. Исследователи не могут локализовать эти замки. С вышеупомянутым жемайтским князем Маргирисом связана также известная осада Пиленая в 1336 году. Известно, что он располагался в Трапенской земле [3, с. 31]. Она должна была находиться в районе похода Иоанна Люксембургского (Гедиминас – Медвегалис – Гегужес) на территории современного района Шилале. Замок Пиленай следует отождествлять с городищем Пилес (Pilės) [11, p. 61], находящийся между замками Медвегалис и Гегужес, где проходили войска Иоанна Люксембургского.

Отдельно стоит упомянуть замок Папиле, который был атакован в 1339 году [19, s. 79]. Вероятно, он был самым северным замком Жемайтии. На берегах Венты расположены два одноименных городища, с которыми можно соотнести замок Папиле [11, p. 62].

В 1348 году рыцари ливонской ветви Ордена совершили крупный поход в северную Жемайтию. Рыцарское войско собралось в Риге и направилось на юг, к реке Швенте [19, s. 97]. Вероятно, указанная территория соот-

ветствует современному городу Елгава [11, р. 63]. Об этом походе мы узнаем из хроники Германа Вартберга, а также из Ливонской младшей рифмованной хроники Варфоломея Хенеке. Последняя, к сожалению, не сохранилась, однако она послужила источником для сочинений Реннера. Он сообщает о поочередно взятых замках: Куляй (Kulen), Булине (Bussine), Дубиса (Dobisen), Шяуляй (Ceila) [19, s. 97].

В целом нет сомнений в локализации замка Куляй, который, согласно исследованию Ромаса Батуры, можно соотнести с городищем Юргайчай (Jurgaičiai) [14, р. 6]. Также хорошо локализуется замок Дубиса, который можно отождествить с расположенным в верховьях реки Дубисы городищем Бубяй (Bubiai), где фиксируется пепелище XIV века [11, р. 63]. Между Куляем и Дубисой находится подходящее городище на территории современного Шяуляя, который некоторые исследователи не склонны отождествлять с замком Ceila. Вероятно, на месте современного Шяуляя стоял замок Булине (Bussine) [11, р. 63]. Шяуляй (Ceila), упомянутый Реннером, можно отождествить с городищем Кудинай (Kudinai) [11, р. 64], где рядом находится поселение Шяуленай.

Удалось установить территорию Жемайтии в XIII – XIV вв. Видно, что жемайтская колонизация велась и была направлена на запад и север. Это прекрасно прослеживается на карте, которая составлена на основе летописных упоминаний. Также на карте видно, что Жемайтия не имела выхода к Балтийскому морю (Илл. 1).

Идея о том, что причиной борьбы Ордена за Жемайтию было стремление захватить сухопутный коридор является историографическим мифом. Его появление можно объяснить переносом позднего образа Жемайтии на раннюю эпоху. Думаю, что решением проблемы является введение в оборот терминов Малая и Большая Жемайтия, предложенных Эугениусом Савищевасом [23, р. 97]. Малой Жемайтией называются земли, окантованные с запада реками Юра и Вирвите, на севере границы доходят места слияния Вирвите и Венты и верховья Мусы, на востоке границы примерно идут в междуречье Шушве и Дубисы, а на юге ограничивает река Шяшувис. Большая Жемайтия была сформирована уже к середине XV века, когда в нее были интегрированы территории расселения южных земгалов, балтийское побережье вокруг Паланги, а также земли Занеманья.

Список использованных источников и литературы

1. Арбузов Л.А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии / Пер. с немецкого Владимира Бука. М., 2009. 304 с.
2. Бокман Х. Немецкий Орден: двенадцать глав из его истории / Пер. с немецкого, предисловие и комментарии В.И. Магузовой. М., 2004. 273 с.

3. Виганд из Марбурга. Новая Прусская хроника / Пер. с латинского, предисловие, комментарии и послесловие Н.Н. Малишевского. М., 2014. 256 с.
4. *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года / Пер. с литовского Г.И. Ефремова. М., 2005. 672 с.
5. Летопись по Ипатьевскому списку // Полное собрание русских летописей. СПб, 1908. Т. 2. 638 с.
6. *Машке Э.* Немецкий орден / Пер. с немецкого Соловьевой Веры. СПб., 2003. 256 с.
7. Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / Пер. с немецкого, статья и примечания В.И. Матузовой. М., 1997. 384 с.
8. *Сливкин В. В.* Дайновское княжество: местоположение // <https://lixmuseum.by/ru/dajnovskoe-knyazhestvo-mestopolozhenie/> (последнее посещение 05.05.2023 г.).
9. Урбан В. Тевтонский орден. М., 2010. 178 с.
10. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб, 1892. Т. 7.
11. *Baranauskas T.* Lietuvos medinės pilys rašytinių šaltinių duomenimis // Lietuvos archeologija. Vilnius, 2003. Т. 24. P. 57–106.
12. *Baranauskas T.* Lietuvos valstybės ištakos. Vilnius, 2000. 317 p.
13. *Batūra R.* Paaiškinimai // Petras Dusburgietis. Prūsijos žemės kronika. Vilnius, 1985. 497 p.
14. *Batūra R.* Šiaulių žemė karo su Ordinu metu: 1236 m. mūšio prie Šiaulių problemos // Lietuvos istorijos metraštis. Vilnius, 1986. P. 5–20.
15. Die littauischen Wegeberichte // *Scriptores rerum Prussicarum*. Bd. 2. Leipzig, 1863. S. 662–711.
16. *Dubonis A.* Lietuvos didžiojo kunigaikščio lėičiai: iš Lietuvos ankstyvųjų valstybinių struktūrų praeities. Vilnius, 1998. 169 p.
17. Hermanni de Wartberge. *Chronicon Livoniae*. Leipzig, 1863. 172 p.
18. Jean des Preis dit d’Outreméuse. *Ly myreur des historis*. Bruxelles, 1880. Т. 6. 782 p.
19. Johann Renner. *Livländische Historien*. Göttingen, 1876. 427 s.
20. *Nikžentaitis A.* Nuo Daumanto iki Gedimino. Iki krikščioniškosios Lietuvos visuomenės bruožai // *Acta histórica Universitatis Klaipedensis*, 1996. Т. 5. 138 p.
21. *Œuvres de Guillaume de Machaut* // Société des anciens textes français. Paris, 1921. Т. 3. 263 p.
22. *Preussisches Urkundenbuch: Politische Abtheilung*. Koenigsberg, 1909. Bd. 1, Hlft. 2. 724 s.
23. Saviščevas E. Žemaitija ir Lietuva XIII–XVIII amžiuje: regioninės (provincinės) savivaldos spindesys ir skurdas // Lietuvos istorijos studijos. Vilnius, 2009. Т. 23. P. 94–111.

Для цитирования: Белов П. И. Локализация замков Жемайтии сер. XIII – сер. XIV вв. // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 412 – 417.

Командный состав русского войска в Ливонском походе 1577 г.

Аннотация. В статье анализируется логика подбора командного состава для «государева похода» в Ливонию летом-осенью 1577 г., приводятся сведения о служебном пути воевод накануне кампании, оценивается уровень их военного опыта, его роль при назначении на должность и соотношение с показателем знатности рода; на основании полученных сведений даётся оценка потенциала воеводского корпуса в деле руководства походной ратью.

Ключевые слова: Ливонский поход 1577 г., Ливонская война, Иван IV Грозный, московское войско, воеводы.

Title: The command personnel of the Russian army in the Livonian campaign of 1577.

Abstract. The article analyzes the logic of selecting command personnel for the “sovereign campaign” in Livonia in the summer-autumn of 1577, provides information about the career path of the voivodes on the eve of the campaign, evaluates their military experience, its role in appointment to a position and its relationship with the indicator of the nobility of the clan; an assessment of the potential of the command staff in leading the army is made.

Key words: Livonian campaign 1577, the Livonian war, Ivan IV the Terrible, the Muscovite army, voivodes.

Ливонский поход 1577 г. стал последним успешным военным предприятием, проведённым московским войском под прямым руководством Ивана IV. Отечественная историография оценивает его результаты как апогей продвижения Русского царства в Ливонии [6, с. 62; 7, с. 504; 11, с. 303-304].

В одной из своих статей современный историк А. И. Филюшкин констатирует чрезмерное внимание науки к дипломатическим, социально-политическим и экономическим аспектам борьбы за Прибалтику во 2-й пол. XVI в. в ущерб изучению самих боевых действий [9, с. 15-16]. Ранее его коллега Д. М. Володихин обозначил ту же проблему в отношении более узкой темы — вопросов подбора воеводских кадров в русском войске XVI в. [1, с. 3-4.]. В настоящей статье анализируется воеводский корпус в «государевом походе» 1577 г., что поможет оценить боеспособность царской рати, её возможность выполнять поставленные задачи в

Ежов, Тимофей Александрович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st085229@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Филюшкин, Александр Ильич* — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Ezhov, Timofey Aleksandrovich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st085229@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Filiushkin, Alexander Ilyich* — Dr. Sc. in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

переменчивой военной обстановке. Ливонский поход принёс русским мало затруднений, и без достаточных знаний о квалификации полководцев сложно судить, как эта рать повела бы себя при столкновении с упорным сопротивлением врага, логистическими, климатическими и пр. проблемами.

Москва придавала мероприятию громадное значение (историки справедливо пишут о стремлении нанести решающий удар литовскому присутствию в Прибалтике [7, с. 501-502, 11, с. 298]). Доказательство тому — состав и структура войска, намеченные в феврале 1577 г. [4, с. 132-133]. Рать отвечала стандарту «государева похода», включив в себя 5 классических полков, элитный Государев полк и артиллерийский парк («наряд»). Численность армии достигала 30 тыс. чел. при 54 орудиях; непосредственную боевую силу составляли 16,5 тыс. служилых людей [5, с. 94-103]. Кому же предстояло распоряжаться такой мощью?

Полки (за исключением Государева) возглавляли следующие представители служилой аристократии:

- Большой — великий князь Симеон Бекбулатович Тверской; бояре кн. И. П. Шуйский, кн. В. А. Сицкий;
- Передовой — кн. Ф. И. Мстиславский, окольный кн. П. И. Татев;
- Правой руки — кн. П. Т. Шейдяков, боярин Н. Р. Юрьев;
- левой руки — кн. С. А. Черкасский, В. Л. Салтыков;
- Сторожевой — кн. В. Ф. Скопин-Шуйский, кн. А. В. Репнин;
- наряд — окольный В. Ф. Воронцов, кн. С. И. Коркодинов [4, с. 132-133].

Определим их полководческий опыт накануне «государева похода». По времени первого назначения полковым воеводой всех указанных личностей можно разделить на 3 группы:

1) ветераны, побывавшие как минимум товарищами воевод до 1560 г.; к таковым относятся Сицкий (1559), Юрьев (1559), Татев (1560) [9, с. 1, 2];

2) относительно опытные командиры, временем первого воеводства тяготеющие к 1570 г.: Репнин (1568), Шуйский (1570), Шейдяков (1571), Симеон (1572) [9, с. 21, 24-25, 30, 31];

3) «новички», назначенные воеводами в 1573 г. и позже: Черкасский (1573; данные о реальных действиях рати отсутствуют), Воронцов (1573), Салтыков (1574; нет данных о действиях рати), Мстиславский (1576), Скопин-Шуйский (впервые назначен воеводой только в обсуждаемом походе), Коркодинов (аналогично) [9, с. 41, 46, 57, 60].

Данная классификация не даёт точного представления о потенциале командного состава, т. к. нельзя отождествлять длительность службы со способностями воеводы. Поэтому введём вторую систему координат

— участие в значимых кампаниях московского войска. Внимания здесь заслуживают события 1573 г. Это прежде всего победоносный «государев поход» на Пайду (Вейсенштейн); в него ходили 7 из 13 обсуждаемых воевод: «царь Саинбулат Бекбулатович» был первым воеводой Большого полка, князь П. Т. Шейдяков — его товарищем; Н. Р. Юрьев служил вторым воеводой Передового полка; князь И. П. Шуйский командовал Сторожевым полком; А. В. Репнин руководил ертаулом; В. Ф. Воронцов находился в Государевом полку среди стольников и стряпчих, а С. А. Черкасский числился там одним из голов [9, с. 36]. В кампании 1573 г. был достигнут ещё один замечательный успех: русские войска взяли крепость Каркус, ставшую затем резиденцией царского «голдовника» Магнуса. В рати, отправленной под город, помимо самого герцога находились князь Шейдяков и Юрьев [9, с. 38]. Саинбулату повезло меньше: при Коловери (Лоде) его рать потерпела поражение; И. П. Шуйский в той битве возглавлял Сторожевой полк [8, с. 219-220; 9, с. 39].

Помимо событий 1573 г. стоит упомянуть более раннюю и более знаменитую Молодинскую кампанию 1572 г. Из воевод в ней участвовали Иван Петрович Шуйский, Сторожевой полк которого принял первый удар Девлет-Гирея на Сенькином броде, и Андрей Васильевич Репнин, возглавлявший Левую руку; оба воеводы внесли лепту в разгром хана вместе с М. И. Воротынским, Д. И. Хворостининым и др. [9, с. 35]). Из более поздних событий выделим взятие в 1575 г. города-порта Пернова в Эстонии. Этим успехом после Лоде реабилитировался теперь уже «Симеон» Бекбулатович, возглавлявший Большой полк; с ним в походе участвовали Н. Р. Юрьев (второй воевода Большого полка), А. В. Репнин (второй воевода Правой руки) и В. Ф. Воронцов (второй воевода Передового полка) [9, с. 48].

Уже накануне «государева похода» зимой 1577 г. была предпринята новая (неудачная) попытка овладеть Ревелем. Туда была направлена сильная пятиполковая рать с нарядом, возглавить которую поручили Фёдору Ивановичу Мстиславскому, сыну видного полководца ивановской эпохи [9, с. 57]. Интересно, что это большое назначение стало для молодого служилого человека первым в своём роде — Мстиславский прежде ни разу не командовал даже полком!

Такой случай показывает, что и участие в значимой кампании на высоком посту прямо не говорило о мастерстве и опыте полководца. Введём третью систему координат — критерий знатности. Здесь уместно привести тезис О. А. Курбатова, критически относящегося к анализу Д. М. Володихиным воеводской службы через принцип карьерного роста: историк утверждает, что первый воевода (особенно Большого полка) часто

был компромиссной фигурой, главенство которой не вызывало протестов у прочих воевод в силу несомненно высокого статуса. Этим Курбатов объясняет и назначения воевод-иностранцев (в нашем случае это Симеон, Шейдяков и Черкасский), которые в силу своего происхождения находились за рамками местнической системы [3, с. 9, 12]. Заметим, кстати, что товарищем Ф. И. Мстиславского в походе на Ревель стал опытный воевода И. В. Шереметев Меньшой, погибший под городом [8, с. 257, 262; 9, с. 57-58]; вероятно, на нём и лежало подлинное руководство ратью.

Отталкиваясь от принципа местничества, мы поймём, отчего боярин (с 1560 г.) Н. Р. Юрьев за годы службы почти ни разу не был первым полковым воеводой. Причина крылась в «породе»: Никита Романович не был князем, и на его высокое назначение могла последовать болезненная реакция прочих воевод. Так, А. В. Репнин и П. И. Татев — коллеги Юрьева по походу 1577 г. — ранее вступали с ним в местнические споры: один — во время похода на Пернов в 1575 г., другой — во время стояния Ивана IV с ратью в Калуге (1576); если в первом случае царю удалось «протолкнуть» воеводу, то в другом пришлось отозвать его в Москву [9, с. 48, 51]. Неудивительно, что и во время интересующей нас кампании боярин стал лишь заместителем начальника Правой руки.

Однако и вторых воевод могли подбирать из местнических соображений. Назначение князя Василия Андреевича Сицкого, судя по его предыдущей военной карьере, было основано на соображениях скорее статуса, нежели полководческих дарований. Ранее он назначался на престижные места в Большом (1559) и Государевом (1568, 1571, 1572) полках, обычно оказываясь там третьим, а то и четвёртым воеводой (даже получив боярский чин и войдя в опричнину) [9, с. 1, 2, 20, 26]. Побывать полноценным начальником над ратью или хотя бы полком ему не довелось ни разу. Более того, с начала 1570-х гг. наблюдается спад в почётных «посылках»: воеводу часто направляли в Сторожевой полк, причём лишь вторым воеводой (!), что было едва ли достойно боярского чина [9, с. 32, 39]. Настоящим «пробитием дна» стала постановка князя «у наряду» в 1575 г. когда его товарищ — некий Михайло Долматович Карпов — ещё и «бил челом» о том, что ему с боярином (!) Сицким «в меньших быть невместно» [9, с. 51]. Тут могла иметь место опала, снятая лишь ко времени похода 1577 г., в котором Сицкий получил первое за 5 лет престижное назначение. Но даже помимо фактора опалы отсутствие у воеводы опыта высшего руководства очевидно. Вероятно, крупные силы не доверялись ему именно из-за слабых полководческих качеств.

Перейдём к выводам на основе проведённого разбора. Командный состав для Ливонского похода 1577 г. подбирался на основе традици-

онных для московского войска того времени критериев — «породы» и опыта; игнорировать первый было нельзя в силу особенностей иерархии русской аристократии, поставившей царю воевод; второй учитывался для уверенности в благополучном исходе дела. Поэтому, с одной стороны, малоопытный Ф. И. Мстиславский стоял во главе Передового полка, тогда как ветеран Н. Р. Юрьев «приютился» вторым воеводой Правой руки, с другой стороны, Большой полк поручался несомненно знатным Симеону Бекбулатовичу и И. П. Шуйскому, которые отнюдь не были дилетантами в ратном деле, а «необстрелянного» на воеводских постах В. Ф. Скопина-Шуйского «страховал» опытный А. В. Репнин.

При этом средний стаж воевод оставлял желать лучшего: «ветеранов», командовавших полками ещё с начала борьбы за Прибалтику, было всего трое; из них лишь боярин Никита Романович несомненно являлся умелым полководцем. «Когорта 70-х» же была представлена людьми, которых Д. М. Володихин справедливо относил ко «второму и третьему составу» относительно полководцев более ранних лет вроде И. Д. Бельского или М. И. Воротынского [1, с. 28, 32]. Исследования историка показывают, что к 1577 г. воеводский корпус Московского государства из-за репрессий и боевых потерь понёс невосполнимый ущерб [1, с. 24-26]. Так что местнический критерий в подборе воевод в 1577 г. прослеживается куда отчётливее, чем критерий опыта; примером служит дуэт С. А. Черкасского и В. Л. Салтыкова: военная карьера обоих не впечатляла, и вряд ли кто-то из них мог «страховать» другого от неудач. О навыках воевод косвенно говорит и их дальнейшая судьба: В. А. Сицкий, В. Ф. Воронцов и П. И. Татев в 1578 г. будут разгромлены под Венденом, причём первые двое погибнут; фактором поражения станут долгие местнические споры [9, с. 66-67]. Хорошо проявят себя И. П. Шуйский и В. Ф. Скопин-Шуйский — в 1581 г. они защитят Псков от армии Стефана Батория [9, с. 74] (правда, оборона крепости по характеру и сложности отличается от дальнего похода).

Таким образом, анализ командного состава (ограниченный форматом статьи и потому не слишком подробный) показывает, что слабость немецких и литовских гарнизонов в Ливонии в 1577 г. оказалась удачей для русского войска, обладавшего подавляющим превосходством в силах. В противном случае, особенно при столкновении в поле с более-менее равным противником, успешный для Москвы исход похода мог оказаться под большим вопросом.

Список использованных источников и литературы

1. Володихин Д. М. Высший командный состав русской полевой армии при Иване IV [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы

- научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. С. 1-41. URL: <http://www.milhist.info/2012/12/06/volodixin> (дата обращения: 02.11.2023).
2. *Гейденитейн Р.* Записки о Московской войне (1578-1582). СПб., 1889. LXXXVI, 327 с.
 3. *Курбатов О. А.* Отзыв на статью Д. М. Володихина «Высший командный состав русской полевой армии при Иване IV» // История военного дела: исследования и источники. 2012. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. II. Дискуссия. С. 1-20. URL:).
 4. Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного, в 1577 и 1578 годах // Военный журнал. СПб., 1852. № 1. С. 131-146.
 5. Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного, в 1577 и 1578 годах. Продолжение // Военный журнал. СПб., 1852. № 2. С. 89-105.
 6. *Новодворский В. В.* Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570-1582). СПб., 1904. 360 с.
 7. Послания Ивана Грозного / подгот. *Д. С. Лихачёв, Я. С. Лурье* под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М., Л., 1951. 715 с.
 8. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. III. Рига, 1880. 640 с.
 9. Сибирский сборник. Часть историческая. Т. I / предисл., изд.: *П. А. Н. Языковы, А. Хомяков и Д. Валугев*. М., 1844. 223 с.
 10. *Филошкин А. И.* Как изучать Ливонскую войну? (историографические заметки) // Российская история. М., 2015. № 4. С. 3-17.
 11. *Филошкин А. И.* Окончание Ливонской войны 1558-1583 гг.: «Московская война» (1579-1582) // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI-XIX вв. Ч. II. С. 292-398.

Для цитирования: *Ежов Т. А.* Командный состав русского войска в Ливонском походе 1577 г. // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 418– 423.

Ерунов Михаил Константинович

Фикция и метод Уильяма Уоттса: феномен журнала «Шведский Обозреватель»

Аннотация. В статье анализируются методы, которыми английский писатель и публицист Уильям Уоттс (ок. 1590 – 1649) пользовался при описании событий вторжения Густава II Адольфа в Германию в журнале «Шведский Обозреватель». Рассматриваются структура произведения, источниковая база автора и её интерпретация в тексте, а также приёмы, которыми автор пользуется для придания труду большей привлекательности, и их соответствие с реальными примерами из текста.

Ключевые слова: Уильям Уоттс, «Шведский Обозреватель», Густав II Адольф, Тридцатилетняя война.

Title: The fiction and method of William Watts: the phenomenon of “The Swedish Intelligencer” magazine

Abstract. The article analyzes the methods that the English writer and publicist William Watts (c. 1590-1649) used when describing the events of the invasion of Gustavus II Adolphus in Germany in “The Swedish Intelligencer” magazine. The article examines the structure of the work, the author's source base and its interpretation in the text, as well as the techniques that the author used to make the work more attractive and their correspondence with real examples from the text.

Key words: William Watts, “The Swedish Intelligencer”, Gustavus II Adolphus, the Thirty Years’ War.

Журнал «Шведский Обозреватель» за авторством Уильяма Уоттса, издававшийся в Лондоне в 1632-34 гг. и посвящённый событиям шведского вторжения в Германию, довольно поверхностно рассматривался в зарубежной историографии в двух мало связанных друг с другом контекстах. Во-первых, как вторичный источник в контексте попыток реконструкции хода битвы при Лютцене, имеющий весьма ограниченную ценность с данной точки зрения в силу глубокой авторской переработки текста [2, s. 90-95; 3, s. 214-224; 4, p. 48]. Во-вторых – как явление в контексте развития британской периодики XVII века, представляющее собой кульминацию развития специфического британского жанра новостной брошюры [1, p. 205-212; 5, p. 583-584]. Таким образом, представляется интересным заполнить образовавшуюся нишу и рассмотреть журнал

Ерунов, Михаил Константинович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st096334@student.spbu.ru.

Научный руководитель: *Прокопьев, Андрей Юрьевич*, д-р. ист. наук, доц., проф. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Erunov, Mikhail Konstantinovich — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st096334@student.spbu.ru.

Scientific adviser: *Prokopiev, Andrey Yurievich*, Doctor of Historical Sciences, Assoc., Prof. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

как историографический феномен, составив целостное впечатление об авторских методах.

Сведений о личности и деятельности Уильяма Уоттса до нашего времени дошло крайне немного. Считается, что он родился около 1590 года в Норфолке, окончил Кембридж, откуда выпустился с магистерской степенью в 1614 году и получил степень доктора богословия в 1639 году. Занимал различные духовные должности, в 1620-1621 гг. побывал в Германии, а в 1640-х гг. сблизился с принцем Рупрехтом, сопровождал его в качестве капеллана и умер в декабре 1649 года в Кинсейле, Ирландия. Карьера Уоттса как писателя пришлась на 1630-е годы: в это время он занимался переводом богословской и исторической литературы, а также пробовал себя в роли журналиста – создание «Шведского Обзорвателя» приходится именно на этот период [1, р. 205-206]. Будучи, бесспорно, талантливым литератором, Уоттс пользовался широким арсеналом различных приёмов, призванных привлечь внимание аудитории и, соответственно, увеличить продажи и прибыль. Во-первых, «Шведский Обзорватель» представляет собой не перевод и изложение пришедших из-за границы сведений, а авторский текст, продукт переработки и творческого осмысления значительного количества исходных материалов. Исходя из этого мы можем говорить о его пограничном жанровом статусе между прессой и беллетристикой; в то же время, подобный стиль выгодно выделяет «Шведского Обзорвателя» из общего информационного потока и превращает в захватывающее чтение. Во-вторых, сразу обращает на себя внимание предельная открытость автора по отношению к аудитории. Первый, второй и третий тома открываются пространными введениями, в которых Уоттс непосредственно обращается к читателю, убеждая его в чистоте и бескорыстности своих намерений. В-третьих, в этих же введениях Уоттс чётко обозначает свой метод: «Мы везде были откровенны, не возвеличивая короля и не принижая его врагов: ничего не выбрасывая и не добавляя ради чьей-либо благосклонности или к чьему-либо преимуществу. Наш метод таков: обработать каждую историю по отдельности, а затем свести их вместе в день сражения» [6, The Preface to the Reader]. Этим объясняется структура произведения: повествование идет хронологически, но делится автором на сюжетные линии, в центре каждой из которых стоит тот или иной значительный персонаж (Густав Адольф, Иоганн фон Тилли, Альбрехт фон Валленштейн и др.); однако, его утверждение о том, что он не возвеличивает шведского короля и стремится к непредвзятости, идёт вразрез с тем, как он фактически его характеризует на протяжении всего произведения; пышные дифирамбы «этому Цезарю и Александру нашего времени», равно как и сам взгляд на

Густава Адольфа как на дар свыше, призванный восстановить германские свободы и спасти протестантов от притеснения, не создают впечатления объективности по отношению к личности шведского короля – напротив, они заставляют задуматься о том, что открытость Уоттса представляет собой не что иное, как грамотный журналистский ход.

Не менее интересна источниковая база Уоттса и его методы обработки и интерпретации материала. Начиная с заглавия («“Шведский Обозреватель”», где на основе самой правдивой и проверенной информации содержатся знаменитые деяния этого воинственного правителя»), он постоянно напоминает читателю о том, что всё, о чем он пишет, заслуживает полного доверия: «Если ты хочешь знать, чем мы руководствовались, создавая “Обозревателя”, то будь любезен знать, что ничего нами намеренно не сфабриковано и намеренно не сфальсифицировано. Ошибки, содержащиеся в нём – лишь ошибки умолчания» [6, The Preface to the Reader]. Впрочем, в предисловии к следующему тому формулировка звучит значительно мягче: «Ошибок не иметь я не могу; но они случайны, не намеренны; они – мои упущения, а не моя цель» [7, The Preface to the Reader]. Подобные обороты достаточно характерны для прессы и публицистики того времени; однако Уоттс идёт дальше и перечисляет используемые им источники. Среди них английские и голландские куранты (под «Еженедельными курантами», вероятнее всего, подразумеваются упоминавшиеся выше новостные брошюры), газета «Галло-бельгийский Меркурий», книги «Шведский солдат» Фридриха Шпангейма, «Шведское оружие» Иоганна Филиппа Абелина и другие.

В предисловии к третьему тому Уоттс упоминает свой непосредственный подход к рассмотрению источников: «Я (насколько это было возможно, и особенно в рассказе о короле) не верил письменным сообщениям, кроме полученных из известных рук или подтверждённых лично очевидцами или другими свидетелями» [8, The Preface to the Reader]. То есть, автор убеждает читателя в том, что критически подходил к тому информационному потоку, который приходил к нему по различным каналам; более того, из приведённого отрывка следует, что автор пытался делить источники на первичные и вторичные и стремился к максимальной достоверности, ставя свидетельства очевидцев на первый план. Нагляднее всего на вопрос о правдивости этого тезиса можно ответить на основе анализа главы из третьего тома, посвящённой битве при Лютцене. Густав Дройзен пришёл к выводу, что Уоттс полагался почти исключительно на значительный массив вторичных источников (реляций и сообщений), что резко снижает его ценность для историка [3, s. 216]. Андре Шургер же полагает, что использование Уоттсом некоторых первичных свидетельств,

в том числе не дошедших до нас, также вполне вероятно, и «достоверность Уоттса чётко ограничена событиями, упоминаемыми очевидцами» [4, р. 48].

В ходе анализа, если принять во внимание все вышеперечисленное, возникает вопрос: так ли действительно обоснован «Шведский Обзоратель», или же автор сознательно создаёт перед читателем стойкую иллюзию обоснованности и объективности? Выше уже упоминалась однобокость взглядов Уоттса на европейские события, хотя нельзя не отметить того факта, что на фоне многих своих современников он весьма сдержан в отношении осуждения католиков. Если же говорить о его источниковой базе, вызывает подозрение крайне ограниченное количество конкретных имён и названий в тексте произведения при значительном числе размытых упоминаний. Так, например, в качестве описания Регенсбургского съезда 1630 года Уоттс приводит некий документ, озаглавленный как «письмо от человека, который очень хорошо понимал, как там обстояли дела» [6, р. 1-19]. Взгляд автора письма достаточно субъективен и откровенно симпатизирует протестантам; при этом, однако, нет совершенно никаких сведений или даже намёков на то, кем этот человек мог быть, и откуда у него самого эта информация.

Автор периодически упоминает большое количество других книг, газет и сообщений, помимо названных выше, ограничиваясь лишь указаниями на язык оригинала или регион происхождения. Джейн Бойз отмечает возрастание информационного потока, приходившего в Англию в тот период [1, р. 207]; вероятнее всего, перед глазами Уоттса действительно было огромное количество различных источников, однако упоминания в его работе удостаиваются только основные или те, которые он сам считает наиболее интересными для читателя (пример – т. н. Испанская реляция, приведённое им полностью в переводе на английский сообщение некоего испанского офицера из армии Валленштейна о битве при Лютцене), а прочие он сразу же отбрасывает, не вдаваясь в подробности. К примеру: «У нас было несколько печатных книг на верхнеголландском»; «У меня есть (я признаю) ещё 2-3 сообщения на французском, напечатанные в Брюсселе, сделанные столь небрежно и бездарно, что даже та сторона была бы опозорена, ссылаясь на них <...> и еще несколько на верхнеголландском и несколько на латыни, столь же бестолковые, как и предыдущие» [6, The Preface to the Reader; 8, р. 159]. То есть, Уоттс проводит документы через призму собственного взгляда на их ценность, однако не посвящает читателя в суть критериев этого взгляда.

Подводя итоги всему вышесказанному, постараемся сформулировать общую картину метода Уильяма Уоттса. С одной стороны, предельная

открытость автора по отношению к читателю и упоминание значительного количества использованных источников, а также методов работы с ними, выгодно выделяют «Шведского Обозревателя» на общем фоне современной ему прессы и литературы и делают внешне привлекательным не только для читателя, но и для исследователя. В то же время, с нашей точки зрения «Шведский Обозреватель» – не чистая периодика и не исторический труд, а публицистический трактат в духе раннего барокко с ярко выраженной, но намеренно завуалированной авторской позицией. Уоттс, прежде всего, писатель и журналист, и потому весьма избирателен по отношению к конкретике в своем произведении – буквально осыпая читателя в тексте различными бытовыми подробностями, он не стремится полностью раскрывать ему свою лабораторию, что, по нашему мнению, говорит о сознательном конструировании им истории о шведском короле, а не о простом сборе сведений из заграничных документов.

Не вызывает сомнения, что автор, обладая доступом к самым различным информационным каналам, обработал значительный массив источников. В то же время, мы не можем составить чёткого представления о реальных масштабах и составе этого массива. Уоттс неоднократно упоминает то, что критически подходил к используемым документам, отбирая из них наиболее правдивые и интересные, и собирая по крупицам общую взвешенную картину, однако составить представление о том, по какому принципу работал его фильтр, мы также не можем, так как ни имён своих информаторов, ни конкретных критериев оценки он не называет. Таким образом, не отрицая того, что Уоттс действительно проделал огромную исследовательскую работу, создавая «Шведского Обозревателя», мы всё же должны учитывать реальные цели его написания – то есть, создание связной, логичной и красочной героической истории о выдающемся современнике – и признать, что та объективность, непредвзятость и обоснованность, в которой он убеждает читателя, все же во многом является сознательной фикцией, и рассчитана на широкие слои читающей публики, для которой важнее захватывающий и острый сюжет, нежели идеальная точность изложения.

Список использованных источников и литературы:

1. *Boys, J. E. E.* London's News Press and the Thirty Years War. Woodbridge, 2016. 479 p.
2. *Diemar H.* Untersuchungen über die Schlacht bei Lützen. Marburg, 1890. // Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/untersuchungenb00diemgoog/page/n58/mode/2up?q=Swedish+Intelligencer> (полс. пос. 01.06.2023) – 95 s.
3. *Droysen J. G.* Die Schlacht bei Lützen 1632. / Forschungen zur Deutschen Geschichte. Vol. 5. Osnabrück: Dieterich, 1865. // Google Books. URL: <https://books.google.ru/books/>

about/Die_Schlacht_bei_L%C3%BCtzen_1632.html?id=nSAyl7DGocMC&redir_esc=y (посл. пос. 01.06.2023). – 66 s.

4. *Schürger A.* The archaeology of the Battle of Lützen: an examination of 17th century military material culture. / PhD thesis. University of Glasgow, 2015. URL: <https://theses.gla.ac.uk/6508/> (посл. пос. 01.06.2023). – 387 p.

5. *Shaaber M. A.* The History of the First English Newspaper // Studies in Philology. University of North Carolina Press, October 1932. Vol. 29. №4. P. 551-587. // JSTOR. URL: <https://www.jstor.org/stable/4172183> (посл. пос. 01.06.2023).

6. *Watts W.* The Swedish Intelligencer. Wherein, out of the truest and choycest informations, are the famous actions of that warlike Prince. The first part. L., 1632. URL: https://www.google.ru/books/edition/The_Swedish_Intelligencer/LEF4rxaWBagC?hl=ru&gbpv=0 (посл. пос. 01.06.2023).

7. *Watts W.* The Swedish Intelligencer. Wherein, out of the truest and choycest informations, are the famous actions of that warlike Prince. The second part. L.: N. Butter and N. Bourne, 1632. URL: https://www.google.ru/books/edition/The_Swedish_Intelligencer_Famous_Actions/RYIkAAAAcAAJ?hl=ru&gbpv=0 (посл. пос. 01.06.2023).

8. *Watts W.* The Swedish Intelligencer. Wherein, out of the truest and choycest informations, are the famous actions of that warlike Prince. The third part. L.: N. Butter and N. Bourne, 1633. URL: https://www.google.ru/books/edition/The_Swedish_intelligencer/ZWISAAAAcAAJ?hl=ru&gbpv=0 (посл. пос. 01.06.2023).

Для цитирования: Ерунов М. К. Фикция и метод Уильяма Уоттса: феномен журнала «Шведский Обозреватель» // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 424– 429.

Паришина Мария Вадимовна

Дети Марса: отражение Отечественной войны 1812 г. в сознании молодых офицеров

Аннотация: В данной статье рассматривается образ событий Отечественной войны 1812 г., созданный молодыми офицерами Русской Императорской армии. На материале мемуарных свидетельств и дневниковых записей показано, как воспринимала ключевые события этой войны данная группа военнослужащих и какие выводы делались на основании увиденного.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; молодые офицеры; мемуары; дневники.

Title: The children of Mars: reflection of the Patriotic war of 1812 in the minds of young officers.

Abstract: This article examines the image of the events of the Patriotic War of 1812, created by young officers of the Russian Imperial Army. Based on the material of memoir testimonies and diary entries, it is shown how this group of military men saw the key events of this war and what conclusions were drawn based on what they saw.

Keywords: the Patriotic war of 1812; young officers; memoirs; diaries.

Офицерский корпус Русской Императорской армии в 1812 г. почти полностью состоял из дворян. При этом менее 10% из них принадлежали к той прослойке этого сословия, которая обладала внушительными богатствами и не зависела от выплат жалованья. Очень часто для офицеров, вышедших из мелкопоместных дворян, военная служба была единственным способом прокормить себя и свои семьи [6, с. 14-15]. Однако не в офицерском жаловании следует искать ответ на вопрос о причинах большой популярности военной службы среди дворян.

Причина ее кроется глубоко в российской истории. О.А. Радугина называет среди источников популярности военной службы в XVIII-XIX вв. следующие: особенности географических характеристик России, специфические черты православной веры, наличие т. н. «государственности» в характере русского народа и др. [11, с. 131-132]. К ним следует также добавить исторические события, свидетелями которых были отцы, деды и прадеды «детей двенадцатого года», начиная от Северной войны 1700-

Паришина, Мария Вадимовна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st106251@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Сосницкий, Дмитрий Александрович*, канд. ист. наук, ст. преподаватель. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. *Parshina, Maria Vadimovna* — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st106251@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Sosnitsky, Dmitry Alexandrovich*, Candidate of Historical Sciences, senior lecturer. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

1721 г. и заканчивая многочисленными столкновениями между Россией и Османской империей.

Начало Отечественной войны 1812 г. офицеры воспринимали по-разному. Н.Е. Митаревский (1792 г.р.) еще в 1811 г. понял, основываясь на наблюдениях за приготовлениями артиллерийских рот, что «мы готовимся к большой войне и именно с французами» [9, с. 2]. Н.Н. Муравьев (1794 г.р.), офицер Главного штаба по квартирмейстерской части, вспоминал, что вторжение Наполеона было намеренно скрыто от него и его сослуживцев [10, с. 66]. Н.И. Андреев (1792 г.р.), унтер-офицер, служивший в 50-м егерском полку 27-й пехотной дивизии, признавался, что причины передвижения войск в марте-апреле 1812 г. были непонятны ни ему, ни его начальству [1, с. 180-181].

Во всех трех случаях пристальное внимание уделено описаниям различных сторон военной жизни. К примеру, Н.И. Андреев в деталях показывает устройство и убранство Новоиерусалимского монастыря, рядом с которым находился его полк [1, с. 180], Н.Е. Митаревский в красках расписывает быт офицеров [9, с. 11-14], а Н.Н. Муравьев обрисовывает характеры людей, с которыми ему приходилось иметь дело в Главном штабе и в свите великого князя Константина Павловича [10, с. 52-58]. Авторы не выказывают ни намека на страх перед неминуемой смертельной опасностью, хотя Отечественная война 1812 г. для трех офицеров стала боевым крещением.

Следующая «контрольная точка», психологически важная для русской армии – Смоленск. Он представлялся многим той границей, за которой начинались исторические русские земли, и тем пунктом, отдать который противнику казалось невозможным. К августу 1812 г. обстановка в русской армии накалилась до предела. Начались грабежи и дезертирства. Возрастало недовольство главнокомандующим М.Б. Барклаем де Толли.

Незадолго до Смоленского сражения и соединения двух Западных армий казалось, что рядом с этим городом и будет дан решительный бой, которого с нетерпением ждали в войсках. Более того, предполагали, что исход битвы непременно будет решен в пользу русских. Вот как об этом пишет князь Н.Б. Голицын (1794 г.р.): «Такое счастливое соединение двух армий, несмотря на все усилия неприятеля, представилось мне тогда же, как знак особого расположения Провидения к будущему успеху нашего оружия» [4, с. 9-10]. Князь Голицын немного ошибся в своих прогнозах: «будущий успех» свершится не под Смоленском, а несколько позже, и начало его будет положено в Бородинской битве.

Пожар в Смоленске уничтожил значительную часть городских построек. Русские войска, несмотря на упорство и необыкновенное

мужество, были вынуждены по приказу главнокомандующего оставить город, который многие называли «ключом к Москве». Для М.Б. Барклая де Толли в качестве главнокомандующего это решение стало роковым.

О тягостной атмосфере в армии после отхода от Смоленска упоминает Н.М. Коншин (1793 г.р.): «Тоскливо и однообразно подвигались мы вперед, не отрываясь мыслями от происходивших перед нами событий: бесконечное отступление и ненавистное имя Барклая было у всех нас на языке. <...> После взятия Смоленска всеми овладело уныние, начался общий ропот. <...> Общий голос требовал смены главнокомандующего» [7, с. 283]. О ступившихся над головой главнокомандующего тучах пишет и Н.И. Андреев [1, с. 190]. При этом он прямо называет слухи об измене военного министра глупостями.

Уровень недовольства в действующей армии достиг тех пределов, которые уже нельзя было игнорировать. Александр I был вынужден экстренно искать нового главнокомандующего, которым стал прославленный генерал от инфантерии М.И. Голенищев-Кутузов. 17 (29) августа он принял от прежнего главнокомандующего всю русскую армию.

26 августа (8 сентября) наступил день, которого с нетерпением ждали солдаты, офицеры, генералы с обеих сторон – день Бородинского сражения. Подробности описаний участников различаются в зависимости от многих факторов. Но неизменным остается один пункт: абсолютно все мемуаристы отзываются о Бородинском сражении как о величайшей баталии, которая когда-либо происходила.

Н.Е. Митаревский вспоминает, что особенного страха никто из офицеров не испытывал. Наоборот, «рассматривали, насколько было возможно, позиции, разговаривали, шутили и смеялись» [9, с. 60]. Иронизировали его сослуживцы и над теми, кто «кланялся ядрам», особенно над крестьянами из ополчения.

На батарее Раевского Н.Е. Митаревский был ранен. Вскоре позиция была оставлена русскими войсками, началась суматоха. На офицера никто не обращал внимания [9, с. 69-70]. Когда раненый пытался пробраться к своим, ядро ударило совсем рядом с ним и оставило в земле глубокую рытвину. Именно тогда Н.Е. Митаревский наконец почувствовал то же, что и любой человек в минуту смертельной опасности, – страх. Офицер пишет: «Тут приходила мне мысль, что, пожалуй, ни при осаде города Трои, ни на Куликовом поле не было таких страстей. Там в рукопашном бою, может быть, и больше убивали людей, но по крайней мере видны были наносимые удары; а тут каждое мгновение должен ожидать, что разорвет тебя ядром в пух и прах. <...> Вспомнил я о Боге и думаю: «Господи! неужели мне здесь назначено умереть?» – и, кажется, заплакал»

[9, с. 71]. История артиллерийского офицера кончилась благополучно: он смог добрести до перевязочного пункта.

Н.И. Андреев честно признается: «Ужасы сии я описывать не в силах; да и теперь не могу вспомнить ужаснейшего зрелища. <...> Всякий дрался, чем мог, кто тесаком, саблей, дубиной, кто кулаками. Боже, что за ужас!» [1, с. 192]. От его 50-го егерского полка к концу Бородинского сражения осталось всего 40 человек. Князь Н.Б. Голицын на страницах своих «Офицерских записок» пускается в философские рассуждения о возможности выхода из битвы невредимым, влиянии веры на исход сражения для какого-либо конкретного человека и нерелигиозном фатализме Наполеона [4, с. 13-14]. Описания же самой битвы у него практически нет.

Оставили свой след в описании Бородинского сражения и ополченцы. Один из них, князь П.А. Вяземский (1792 г.р.), бывший во время Бородинской битвы адъютантом при генерале от инфантерии М.А. Милорадовиче, тщательно описывает свои эмоции в первом в его жизни сражении. В его «Поминках по Бородинской битве...» есть все: от ужаса из-за отсутствия столь важной для адъютанта лошади до некоторого самодовольства от того, что скакуна, которого князь все-таки удалось отыскать, ранило французской пулей, а сам П.А. Вяземский не только прошел своеобразное «посвящение в воины», но и сумел избежать ранений [3, стб. 07].

Еще одна «поворотная точка» в кампании 1812 г. – Тарутинский марш-маневр и пребывание армии в одноименном лагере. В окрестностях Тарутина русские войска пробыли с 21 сентября (3 октября) по 11 (23) октября. Укрепившись на удобной для сражения и выигрышной в плане тактики позиции, перекрыв французской армии пути на Тулу, Калугу и плодородные губернии юга, русская армия пополнила запасы продовольствия, фуража и боеприпасов. Подошли новые, только что сформированные контингенты. Действующая армия получила долгожданный длительный отдых.

Несмотря на видимое благообразие обстановки, никто не забывал о находившихся в Москве французах. Рано или поздно отдых должен был кончиться. Уже в начале октября бездействие армии для многих офицеров стало невыносимым. О настроениях перед Тарутинским сражением (запись от 7 октября) сообщает А.В. Чичерин (1793 г.р.): «Как все, я жаловался на наше бездействие. Как все, я не мог удержаться от сравнения отличного состояния нашей армии с тем, что мы узнавали о французской от перебежчиков и пленных; я терялся в предположениях и не мог понять, почему мы словно робеем неприятеля» [12, с. 145]. Картина была отчасти похожа на ту, которая представлялась офицерам в июне-августе: отсутствие наступательных действий, несмотря на сообщения о значительном

уменьшении численности солдат армии Наполеона, кажущаяся «робость» перед французами. К тому же была сдана Москва, освобождение которой было делом чести для любого русского воина.

Отвоевывать древнюю столицу не пришлось. 7 (19) октября Великая армия покинула Москву по Старой Калужской дороге. Наполеон намеревался идти на Калугу, в не разоренные летом губернии. После сражения под Малоярославцем 12 (24) октября император французов был вынужден переменить свои намерения и увести армию на Старую Смоленскую дорогу, надеясь, что в Смоленске будет заготовлено продовольствие для его войска. 27 октября (8 ноября) Наполеон добрался до города, но не нашел достаточного количества припасов. Та малая часть, которую удалось собрать, была реквизирована для нужд Старой гвардии. 2 (14) ноября французы ушли из Смоленска. К 12 (24) ноября французская армия подошла к Березине.

Вид и состояние Великой армии на обратном пути из Москвы до границ Великого герцогства Варшавского оставляли желать лучшего. Князь Н.Б. Голицын весьма красочно описывает последствия ее неподготовленности к суровым условиям русской зимы, упадка боевого духа и стремления обогатиться в ходе Русского похода [4, с. 30-31]. Богатое литературными приемами описание бедствий французов в России имеется и в «Походных записках русского офицера» И.И. Лажечникова (1792 г.р.) [8, с. 42-47].

Практически все молодые офицеры описывают переправу через Березину с позиции не прямых участников, а сторонних наблюдателей. В текстах их мемуаров преобладает рассуждение: офицеры, основываясь на новостях, приходивших из корпуса П.Х. Витгенштейна и армии П.В. Чичагова, а в дальнейшем – на трудах историков, посвященных Отечественной войне 1812 г., передают общие детали сражения на Березине.

Р.М. Зотов (1796 г.р.), вступивший в ряды Санкт-Петербургского ополчения в возрасте 17-ти лет, дошел до берегов Березины и стал свидетелем легендарной переправы. Активного участия в битве его дружина не принимала. Но впечатления от увиденного остались с Р.М. Зотовым на всю жизнь: «Рассказать, описать эти картины – невозможно. <...> Историк, прозаик – не опишет вам и слабого очерка этой грозной переправы. Уже одно это обстоятельство заставит содрогнуться каждого писателя» [5, с. 85].

На основании изученных источников личного происхождения представляется возможным сделать следующие выводы:

- Свидетельства кадровых военных содержат преимущественно описание тонкостей ведения боя, повседневную жизнь армии в походе;

• Ополченцы создают более красочную и насыщенную литературными приемами картину Отечественной войны 1812 г., но за неимением нужных знаний в военной сфере почти не описывают ход сражений;

• Молодые офицеры склонны к скоропалительным выводам относительно хода войны, однако можно заметить влияние на их свидетельства исследований, посвященных Отечественной войне 1812 г. Примером этого явления может служить замечание Н.И. Андреева о том, что он считал обвинения М.Б. Барклая де Толли в измене глупостями. Вполне возможно, что данный отрывок мемуаров сложился под влиянием изданных к тому времени монографий о событиях 1812 года.

Список использованных источников и литературы

1. *Андреев Н.И.* Из воспоминаний // Русский архив. 1879. Кн. 3. № 10. С. 173-202.
2. *Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 году. Ист. характеристика // Русская старина. 1894. Т. 82. № 10. С. 201-220.
3. *Вяземский П.А.* Поминки по Бородинской битве и воспоминание о 1812 году // Русский архив. 1869. Кн. 1. № 1. Стб. 175-016.
4. *Голицын Н.Б.* Офицерские записки, или Воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов кн. Н. Б. Голицына. М., 1838. 103 с.
5. *Зотов Р. М.* Рассказы о походах 1812-го и 1813-го годов прапорщика Санктпетербургского ополчения. СПб., 1836. 183 с.
6. *Ивченко Л.Л.* Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. М., 2008. 695 с.
7. *Конишин Н.М.* Из записок. 1812 год // Исторический вестник. 1884. Т. 17. № 8. С. 263-286.
8. *Лажечников И.И.* Походные записки русского офицера, изданные И. Лажечниковым / Изд. 2-е. Печ. с. изд. 1820 г. без испр. М., 1836. 286 с.
9. *Митаревский Н.Е.* Нашествие неприятеля на Россию. Рассказы об Отечественной войне 1812 года. Записки молодого арт. офицера, который участвовал во всех действиях 6-го корпуса, от самого начала войны до окончательного преследования неприятеля до Вильно. М., 1878. 179 с.
10. *Муравьев-Карский Н.Н.* Записки // Русский архив. 1885. Кн. 3. № 9. С. 5-84.
11. *Радугина О.А.* Ценностные установки российского дворянского менталитета // Омский научный вестник. История и археология. 2012. № 4 (111). С. 131-133.

Для цитирования: Паршина М. В. Дети Марса: отражение Отечественной войны 1812 г. в сознании молодых офицеров // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 430– 435.

Влияние корпусных традиций на процесс обучения в Первом Русском и Крымском кадетских корпусах

Аннотация. После создания кадетских корпусов за рубежом, начальство учебных заведений столкнулось с проблемой формирования кадетских группировок по принадлежности к тому или иному дореволюционному кадетскому корпусу. Данная ситуация негативно влияла на учебный процесс и внутренний микроклимат в корпусах. Автор статьи ставит перед собой цель исследовать причину появления подобных объединений. Также в статье выделяются методы, с помощью которых начальство корпуса способствовало возникновению нового зарубежного кадетского братства на основе традиций дореволюционных корпусов.

Ключевые слова: Первый Русский кадетский корпус, Крымский кадетский корпус, кадетское братство, традиции.

Title: The influence of corps traditions on the educational process in the First Russian and Crimean Cadet Corps

Abstract. After the creation of cadet corps abroad, the heads of educational institutions faced the problem of forming cadet groups by belonging to one or another pre-revolutionary cadet corps. This situation negatively affected the educational process and the internal microclimate in the buildings. The author of the article aims to investigate the reason for the appearance of such associations. The article also highlights the methods by which the leadership of the corps overcame the conflict and contributed to the emergence of a new foreign cadet brotherhood based on the traditions of pre-revolutionary corps.

Key words: The first Russian Cadet Corps, the Crimean Cadet Corps, the cadet brotherhood, traditions.

В 1920 г. на территории Крыма был сформирован Крымский кадетский корпус. Он стал одним из первых русских учебных заведений, созданных для воспитания будущих русских офицеров в условиях гражданской войны. Кадеты были набраны из обучающихся Полтавского и Владикавказского корпусов. В 1921 г. Корпус был вынужден покинуть территории России, и был эвакуирован в Югославию. Изначально он располагался в бараках в Стрнише [7, с. 565], но уже в 1922 г. кадеты переехали Белую Церковь. Первым начальником корпуса стал генерал В. Римский-Корсаков, который возглавлял учебное заведение до 1924 г. После его увольнения по состоянию здоровья начальником корпуса стал генерал Михаил

Канцевич, Мария Владимировна — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия

Научный руководитель: *Постернак, Андрей Владимирович*, священник, к.и.н., проф., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия

Kantsevich, Maria Vladimirovna — St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia

Scientific supervisor: *Posternak, Andrey Vladimirovich*, Priest, Candidate of Historical Sciences, Professor, Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities, Moscow, Russia

Иванович Промтов, он и возглавлял крымцев до 1929 г., когда корпус был ликвидирован и влит в Первый Русский кадетский корпус по распоряжению учебного совета Королевства сербов, хорватов и словенцев.

Первый Русский кадетский корпус был сформирован в 1920 г. на территории Югославии из кадет-эмигрантов. В большинстве учениками корпуса стали бывшие кадеты Киевского, Одесского и Полоцкого кадетских корпусов. Главой корпуса назначили генерал Б.В. Адамовича, который находился на этой должности вплоть до своей смерти в 1936 г. В 1929 г. после ликвидации Крымского корпуса, Первый Русский корпус был переведен в Белую Церковь. Последним главой корпуса стал генерал А.Г. Попов. В 1944 г. в связи с наступлением красной армии корпус был эвакуирован в Чехословакию [9, с. 32] и там расформирован.

Основным источником данного исследования стал эмигрантский журнал «Кадетская переключка» [6] — периодический источник русского зарубежья, издаваемый «Объединением кадет российских кадетских корпусов» в Нью-Йорке с 1971 г. по 2009 г. Именно в нем выпускники Первого Русского и Крымского кадетских корпусов печатали свои воспоминания о жизни в корпусе.

В процессе изучения темы исследователи не выделяли единого перечня изучаемых проблем, связанных с корпусами. Первая история эмигрантских кадетских корпусов была написана их выпускниками А.М. Росселевичем, Н.В. Козьякиным, А.Г. Усенко и др. [6] Современный исследователь В.А. Гурковский [4] впоследствии сделал попытку написать целостную историю всех корпусов, однако в работе фактически отсутствует критическая оценка процесса обучения и воспитания кадет. Такой же подход прослеживается и в исследовании Н. Кнорринга [8]. Ведущие исследователи истории кадетских корпусов — А.М.Бегидов, В.Ф. Ершов, Е.И. Пивовар также обходят тему традиции в данных учебных заведениях, концентрируясь на образовательном процессе Донского кадетского корпуса [2, с. 126]. Другие исследователи такие как В.А. Шевченко [15, с. 326], В.М. Коровин [9], В. Данилов [5], Т.А. Григорьева [3] и А.В. Радков [13] исследуют отдельные аспекты кадетской жизни, уделяя внимание традиционной составляющей учебного процесса в учебных заведениях. Однако, сам процесс формирования новых и поддержание старых кадетских традиций в эмигрантский корпусах остался во многих исследованиях без должного внимания.

Благодаря тому, что зарубежные корпуса состояли из представителей разных дореволюционных корпусов, в первые несколько лет существования в них сложились кадетские группировки по принадлежности к тому или иному дореволюционному корпусу. Такая ситуация была довольно

специфической, но характеризовала жизнь любого эмигрантского кадетского учебного заведения. Кадеты мечтали о скором возвращении на Родину в свой корпус, вероятно поэтому многие старались держаться своих «дореволюционных» однокашников. Стоит отметить и трепетное отношение кадет к своему корпусу, как к своей альма-матер: в каждом корпусе были свои специфические традиции, военная форма и корпусной праздник — день памяти почитаемого в корпусе святого, свои герои. Вероятнее всего, эти факторы повлияли на обособление кадет-эмигрантов по дореволюционным корпусам и способствовали выработке самосознания в привязке себя к своему первому учебному заведению. Так Л. Буйневич вспоминал о «разделении на корпуса» в Крымском корпусе: «Полочане продолжали носить свою форму и жить по своим обычаям и традициям, глубоко веря, что это положение в новых зданиях только временно и что после победы Белого дела все смогут вновь вернуться в стены родного корпуса» [1 с. 39–40] — кадеты именовали свои самопроизвольные «группировки» по названию корпусов: ученики Полоцкого корпуса — «полочане», Владикавказского — «владикавказцы», Сибирского — «сибиряки» и т.д. Возможно, для заброшенных за границу, оторванных от Родины и семьи кадет, это было средством самоидентификации и связью с прошлым, с Россией, которая оказалась недостижимой, а также надеждой на скорое победоносное возвращение. Вероятно, они чисто психологически пытались воссоздать тот же жизненный уклад, чтобы «перенести» ту Россию, которую утратили в новую реальность.

Со временем в мальчишеской среде простым разделением дело не ограничивалось, ребята начинали воевать друг с другом, о чем оставили множество воспоминаний: «не сказал бы, что в этих новых местах Полочане были встречены особенно сердечно кадетами других корпусов. Совсем без основания вражда замечалась у всех «туземцев», и Полочане с затаенной обидой сознавали, что приняты они совсем не дружелюбно. Вскоре 1-ая рота Полочан подралась с 1-й ротой Владикавказцев. Причина не была основательной, но драка была серьезная, с ранеными, с лазаретными перевязками и восторженными рассказами о силе отдельных «героев» [1, с.39–40] — таким образом «разделение на корпуса» приводило к серьезным нарушениям дисциплины. Если изначально тенденция к физическим столкновениям наблюдалась только среди старших кадет, то вскоре драться начали и младшие, которые проучились в старых корпусах максимум по году, но брали пример со старших: «Вражда совсем необъяснимая замечалась и среди малышей Сумского корпуса. Во избежание каких-нибудь столкновений, 3-ю роту Полочан, выпускали только на плац 1-й роты Сумских кадет и всячески избегали встречи с 3-й и 4-й ротами

Сумцов» [1, с. 40–41] — начальству корпусов приходилось искать варианты предотвращения столкновений между кадетами, и сформировать из разрозненных группировок единое кадетское братство. Идеей внутрикорпусного противостояния впоследствии заразились и кадеты, поступившие уже в новый объединенный кадетский корпус, включая кадетов-сербов, которых брали в корпус в порядке исключения. Так А. Мальчевский писал о своих друзьях сербах, поступивших в первые классы корпуса, что те стали «узкими патриотами-шовинистами, один — «полтавцем», другой — «владикавказцем» [11, с. 27]. В Крымском корпусе основное разделение как раз происходило на два лагеря: Полтавский и Владикавказский, остальные кадеты примыкали к тому или иному блоку. Стоит отметить, что некоторые выпускники эмигрантских корпусов до последнего считали себя учениками и выпускниками того корпуса, в котором учились в России, и подписывали свои воспоминания об обучении уже в новом корпусе, как ученики дореволюционного корпуса, что вносит сложности в изучение темы зарубежных корпусов.

Противостояния подобного рода были характерны как для Крымского, так и для Первого Русского корпусов: «Даже такой требовательный и строгий начальник, как генерал Б. В. Адамович, должен был признать перед этим явлением свое бессилие, ибо вмешательство во внутренние кадетские дела наталкивалось на сильный отпор кадетской массы» [11, с. 30]. Несмотря на это, генерал Адамович пытался своими силами свести межкорпусные противостояния к минимуму: «странно, что здесь никто не вербует в корпуса, хотя русский корпус слит из двух, Киевского и Одесского» [11, с. 3], — кроме минимального количества столкновений в Русском кадетском корпусе новые кадеты не примыкали к уже состоявшимся группам, что давало возможность для формирования однородного кадетского коллектива.

О том, как Адамович боролся с проблемой внутреннего разъединения, рассказал в своих воспоминаниях кадет С. Марков. Он был воспитанником Сибирского Кадетского корпуса, от которого к 1925 г. осталось лишь 33 воспитанника [12, с. 43]. После встречи на вокзале кадетам-сибирякам ясно дали понять, что они пока гости в Первом Русском кадетском корпусе и по приказу Адамовича не имеют права общаться с другими кадетами [12, с. 43]: «Мы стояли ошарашенные и убитые, только приветливо махавшие нам за окнами кадеты-сараевцы ободряли нас» [12, с. 51]. Расписание для новоприбывших было составлено так, что кадеты-сараевцы не могли пересекаться с кадетами-сибиряками, и последние оказались в своеобразном карантине [12, с. 53]. Такой метод борьбы с возможным формированием новых группировок оказался достаточно

эффективен: спустя несколько месяцев карантин был снят [12, с. 43], когда генерал уверился, в том, что новые кадеты не собираются противопоставлять себя уже сложившемуся кадетскому братству, а готовы и хотят в нем участвовать.

Некоторые выпускники спустя годы обвиняли Адамовича, в том, что он хотел уничтожить память об Одесском корпусе в своем стремлении построить новый корпус со своими традициями за рубежом [14, с.64–65]. Однако большинство кадетов не видели в политике Адамовича ничего предосудительного: «Они [действия — прим. авт.] были вызваны обстановкой и не являлись личным желанием ген. Адамовича, или же стремлением уничтожить память именно об Одесском корпусе <...> В среде кадет это было понято и не вызвало никаких протестов, хотя, разумеется, каждому кадету было горестно сознавал, что его корпус уже не существует и что в Сараево образовался новый, под новым названием. Точно также ошибочным является утверждение о том, что будто бы еще в Панчево ген. Адамович категорически запретил кадетам носить старые погоны своих корпусов» [14, с. 65], — дело в том, что одной из главных традиционных составляющих корпусов было ношение своих погон, не похожих на погоны других учебных заведений. В 1920 г. в Сараево были введены однообразные защитные погоны, но не по личной прихоти Адамовича, а из-за приказа по корпусу № 142, от 20 авг. 1920 г. от Высшей Державной комиссии: «Корпус именовать Русский. Киево-Одесский к. к.; в форме сохранить русскую кокарду и русский погон того или другого цвета, без шифровки» [14, с.66–67].

После того, как Крымский корпус был ликвидирован и влит в Первый Русский, некоторые кадеты-крымцы с обидой вспоминали Адамовича, приказавшего ходить переведенным кадетам в форме своего корпуса и подчиняться уставу [14, с.64–65]. И все-таки большинство кадет достаточно спокойно восприняли нововведения. Многим из них было достаточно сложно осознавать, что их корпуса и военные традиции уходили в прошлое. Подтверждение этому можно найти в воспоминаниях того же А. Росселевича: «Вполне понятна горечь одесских кадет, по поводу упразднения не только погон, но и самого имени родного корпуса. Понятно также и желание продлить память о нем хотя бы символически, хотя бы в своей лишь внутренней жизни, продолжая в своей среде нумерацию выпусков так, как если бы это были непрерывные выпуски Одесского корпуса.<...> Мы все любили Одесский корпус, жили одной семьей с одесскими кадетами, подчинялись их традициям и делили с ними общие для всех радости и горе... но мы не смотрели на себя, как на Одесских

кадет» [14, с.64-65]. В этом и заключается феномен эмигрантских кадетских корпусов: кадеты с горечью восприняли исчезновение своих старых учебных заведений, но восприняли традиции разных дореволюционных корпусов, и со временем стали ощущать себя уже «Сараевскими» кадетами, реализуя традиции разных кадетских школ под одной крышей зарубежного корпуса.

Таким образом, благодаря командованию в эмигрантских корпусах сложилась совершенно уникальная ситуация: традиции разных дореволюционных кадетских корпусов смогли сосуществовать и передаваться последующим поколениям благодаря тому, что представители самых разных кадетских школ после революции были вынуждены оказаться в стенах сначала Крымского и Первого Русского, а впоследствии только Первого Русского кадетского корпуса.

Список использованных источников и литературы

1. Буйневич Л. Вчера // Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1976 №16. С. 39-45.
2. Бегидов А.М. Ершов В.Ф. Пивовар Е.И. Военно-учебные заведения зарубежной России. Нальчик, 1999. С. 252.
3. Григорьева Т.А. «Дворец конгрессов» и возрождение традиций русского военного образования // Константиновский Дворцово-парковый ансамбль в Стрельне: история и современность. СПб., 2006. С. 327.
4. Гурковский В.А. Российские кадетские корпуса за рубежом. М., 2003. С. 422.
5. Данилов В. Первый русский великого князя Константина Константиновича Кадетский Корпус // Кадеты и юнкера в белой борьбе. М., 2003. С. 926.
6. Кадетские корпуса за рубежом. 1920-1945 гг. Нью-Йорк, 1970. С. 502.
7. Кадетская переключка // Изд. Об-ния кадет российских зарубежных кадетских корпусов. Нью-Йорк, 1971–2009. №1–80.
8. Кноринг Н. Крымский Корпус в Югославии // Кадеты и Юнкера в белой борьбе. М., 2003. С. 926.
9. Коровин В.М. Военное образование в Российской Империи (середина XIX – нач. XX в.). Воронеж. 2009. С. 704.
10. Лазарев Е. Последний путь русских кадет// Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1978 №19. С. 32-53.
11. Мальчевский А. Воспоминания. Страницы// Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1973 №6. С. 18-35.
12. Марков С. Сибиряки-Александровцы в Русском Кадетском Корпусе в Сараево // Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1974 №9. С. 44-51.
13. Радков А.В. Возникновение военных организаций российской эмиграции в Европе (начало 20-х годов XX в.) // Телескоп. Самара. 2002. С. 54-63.
14. Росселевич А. Одесский Вел. Князя Константина Константиновича Кад. Корпус// Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1975 №13. С. 63-68.

15. *Шевченко В.А.* Русская школа в эмиграции. От Белграда до Харбина. М., 2017. С. 573.

Для цитирования: Канцевич М. В. Влияние корпусных традиций на процесс обучения в Первом Русском и Крымском кадетских корпусах // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 436– 442.

КРУГЛЫЙ СТОЛ. ЦЕНТР И ОКРАИНА: ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Кошельняк Анна Романовна

Реализация идеи «чувашского мира» на рубеже XX-XXI веков: развитие этнофутуристических идей в Чувашии

Аннотация. В настоящей статье рассматривается история развития национальных идей в искусстве Чувашской Республики XX-XXI вв. Обозначается взаимосвязь чувашской национальной поэзии 1920-х годов и новых идей в искусстве 1990-х. Представлены способы реализации идеи «чувашского мира» на исходе века в трудах А.П. Хузангая и этнофутуристических художников.

Ключевые слова: Этнофутуризм; А.П. Хузангай; XX век

Title: The idea of the “Chuvash world” at the turn of 20th-21st centuries: the development of ethnofuturistic ideas in Chuvash Republic

Abstract. The article examines the history of national ideas in the art of Chuvash Republic in the 20th-21st c. The connection between Chuvash national poetry of 1920s and new artistic movements of 1990s is indicated. The ways of realizing the idea of the “Chuvash world” at the end of the century in the works by A. Khoozanguy and ethnofuturist artists are presented.

Key words: Ethnofuturism; A. Khoozanguy; XX century

Чувашская культура на протяжении XX века пережила несколько волн национального возрождения, ставших результатом масштабных политических процессов в стране – Революции, времени Оттепели и распада СССР в 1991 году, которые активизировали поиски в области чувашской культуры и приводили к новым попыткам ее актуализации. В таких условиях в среде чувашской интеллигенции начала 1990-х годов начали распространяться идеи этнофутуризма, которые, однако, оказались тесно связаны с предыдущими попытками поиска национального. С целью формирования общей картины развития национальных идей в Чувашии

Кошельняк, Анна Романовна – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; kokikoluy@gmail.com

Научный руководитель: *Евсеев Михаил Юрьевич*, канд. ист. наук, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Koshelniak, Anna Romanovna – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; kokikoluy@gmail.com

Scientific adviser: *Evseviev, Mikhail Urievich*, Candidate of Historical Sciences, Assoc. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

в статье приведены материалы интервью, проведенных с художниками в 2022-2023 годах, произведен анализ имеющихся источников и историографии.

Согласно А.П. Хузангаю, этнофутуризм проявил себя еще в начале века: «Уже в 20-е годы XX века в чувашской советской поэзии проявили себя так называемые «булгаро-чувашские» поэты Пэдер Хузангай, Васлей Митта, Виктор Рзай, Андрей Петокки» [9, с. 2]. Именно им в первые этапы существования Чувашии как советской республики была отведена ведущая роль в пропагандировании идей «чувашскости». В начале XX века активно проводится собирательство чувашской народной песни, работа в традиционных песенных формах, что в том числе было вызвано необходимостью переработать «на новый лад» дореволюционный фольклор [1, с. 484]. В это время сказывается на сознании и общий национальный подъем, вызванный надеждами, связанными с революцией и первыми годами существования советского государства.

Одновременно с переработкой традиции на пропагандистский лад некоторые поэты обращаются к теме чувашского человека, способного вывести родную ему культуру на общемировой уровень. Таким поэтом стал Михаил Сеспель. Согласно М.В. Кирчанову, центральным образом в поэзии Сеспеля становится образ «чувашского мира», «основанного на последовательном раскрытии потенциала чувашской культуры как именно этнической, что делало возможным реализацию чувашского национального проекта» [2, с. 266]. Часты определения «чăваш» (чувашский) и «сёршив» (Родина), что также формирует представление о «золотом веке» национальной Чувашии. 1 февраля 1918 года Сеспелем в газете «Хыпар» была опубликована статья под названием «Пирён вай (Наша сила)», в которой он говорит о необходимости нового взгляда на чувашскую проблему, выступает против притеснения со стороны русских. Он пишет: «Под сводами храмов будем с радостным трепетом творить молитвы на своем родном языке» [7, с. 199]. Поэт безусловно задумывается о судьбе Чувашии, в его текстах прямо используется словосочетание «будущность чувашского народа», что будет затем встречено и в этнофутуристических речах. Идеи Сеспеля, однако, оказались невыполнимыми в советское время. Ракурс смещается с литературы на изобразительные искусства, что Хузангай связывает с упадком словесности и театра [8, с. 19]. Новое обращение к национальной тематике произошло уже в постмодернистском искусстве, что проявилось особенно ярко в живописи молодых художников.

Конец 1980-х годов в условиях клонящегося к упадку Советского Союза привел к возрождению национального самосознания в республи-

ках. Политическая идентификация начала сменяться идентификацией национальной - определение себя как человека советского сменяется определением по факту принадлежности к конкретному этносу [5, с. 10]. Особенно этот процесс оказался острым в национальных республиках, долгое время подвергавшихся денационализации и попыткам стереть из памяти народа его этническое прошлое.

Этнофутуризм зародился в рамках процесса политической активизации эстонского общества в конце 1980-х годов. В 1989 году К.М. Синиярвом был придуман термин «этнофутуризм» [4, с. 20]. В 1994 году прошла первая конференция этнофутуристов в Тарту, на которой был сформулирован манифест «Этнофутуризм: образ мышления и альтернатива на будущее». Участники конференции подчеркнули, что в последние десятилетия финно-угорские народы России активно подвергались денационализации, направленной на уничтожение их национальной самобытности. «Конференция определила самобытную культуру (самость культуры) в качестве основы идентитета и его основной ценности, а также решила всячески поддерживать и пропагандировать деятельность, обеспечивающую «этносу футу», т.е. выживание народа как нации в будущем» [13]. Этнофутуризм, согласно первым его теоретикам, – движение по возрождению национального своеобразия, основанное на использовании древней традиции народа и синтезе ее с достижениями современной культуры. Он становится образом жизни, нацеленным на обеспечение существования народа в будущем. При этом отмечается, что благоприятной является возможность развиваться в рамках нескольких высокоразвитых культур, избегая ассимиляции, которая неизбежно приводит к смерти этноса. Самость культуры становится для этнофутуристов основой, главной ценностью. Эта «самость» ищется ими в деревне, в большей степени сохранившей в себе «кристалл культуры» - ее религию, традицию, предметы декоративно-прикладного искусства, язык.

Стоит отметить, что национальный вопрос начал подниматься в чувашском искусстве еще до оформления этнофутуризма теоретически. Новые веяния начали проникать в чувашскую живопись в конце 1980-х. В 1987 году проводится первая персональная выставка В.П. Петрова в Чувашском государственном художественном музее, ознаменовавшая возвращение художника в родную Чувашию. На выставке был представлен ряд работ на чувашскую тематику, созданных в авангардной, новой для местной публики, манере. Событие вызвало резонанс в среде молодых художников республики, уставших от господства соцреалистического направления, задаваемого СХ ЧАССР, много лет возглавляемого Н.В. Овчинниковым [12]. Согласно художнице В.Т. Ильиной, свидетельнице

и участнице событий тех лет, после проведения данной выставки с новой силой загорелась жизнь в среде творческой молодежи Республики - в 1989 году была проведена первая выставка молодых художников «Тапрану – сдвиг, национальная тема в творчестве молодых художников Чувашии», впервые поднявшая тему разработки нового национального искусства. Были выставлены натюрморты на национальную тематику В.Т. Ильиной наряду с самими предметами, с которых делалась живопись, что наглядно показывало идею преемственности. Однако искусство это продолжало действовать в рамках реалистической школы.

Идентификация с этнофутуристическим творчеством произошла в среде чувашских художников после 2000-го года, семинара этнофутуристов в Козьмодемьянске, когда Атнер Петрович Хузангай был приглашен туда в качестве делегата от Чувашии. Именно Хузангай становится первым теоретиком этнофутуризма в республике, обозначившим историю развития этого движения и особенности применения его практики на чувашской почве. В статье «Культура как информация наивысшего качества (чувашская интеллигенция ныне и прежде)» Хузангай взывает к возрождению новой, независимой интеллигенции, работающей с собственным культурным наследием [8, с. 15]. Именно деятели искусства должны были стать этой «новой интеллигенцией». Опорой своей «идеологии» Хузангай выбрал традиционную чувашскую веру как знак самости культуры. Помимо затронутых в Манифесте 1994 года тем, исследователь выдвигает следующий тезис: «творчество – языковое, художественное, литературное – это есть «серьезная игра» с символами, архетипами, мифологемами национальной культуры и, следовательно, их новое осмысление в свете современности» [10, с.27].

На заре этнофутуризма в Чувашии ярко выделились три имени: В.П. Петров (Праски Витти), Г.Г. Фомиряков, С.Н. Михайлов (Юхтар). Относить их к направлению этнофутуризма возможно по ряду особенностей их художественного языка, тем, методов работы и в целом отношением к чувашскому национальному. Однако художники не создавали объединений, из-за чего их деятельность по большей части до сих пор протекает обособленно, и именно Хузангай сформировал вокруг себя круг деятелей культуры, ведущих активное обсуждение новой национальной формы искусства.

А.И. Мордвиновой на основании изучения творчества марийских и чувашских художников-этнофутуристов был выдвинут ряд характерных для их изобразительного языка черт: «...обращается к наследию народного творчества – вышивке, орнаментальной символике, погружается

в мир сказаний и легенд, исследует устное словесное и музыкальное искусство, материальный пласт своего народа» [6, с. 368].

Ввиду того, что этнофутуризм многолик и находит сугубо личностное воплощение в творчестве каждого мастера, нельзя выделить одной темы, характерной каждому из них. Мастера формируют собственное пространство «чувашского мира». Миру полотен Праски Витти на чувашскую тему свойственен пессимистичный характер. Художник не раз высказывался, что «чуваши уходят с лица земли. <...> Это как галлюцинации, сновидения. Я рисую уже умерший народ» [11]. Эта живопись – попытка проникнуть в «чувашский космос», представить мир таким, каким его мог видеть древний чуваш. При этом человеческие образы находятся в постоянном состоянии неких метаморфоз. Так, фигура женщины нередко сочетается у него с головой волчицы – символа кормильницы, матери рода. Лейтмотивом его творчества становится поэма К.В. Иванова «Нарспи», художником это произведение литературы воспринимается как последнее слово чувашской культуры, неуклонно стремящейся с начала XX века к упадку. В живописи же Фомирякова чуваши никогда не предстают в негативном ключе. Наиболее характерной для его раннего творчества является «Борьба» 1992 года. Она может быть трактована как воплощение чувашского верховного бога Туря, или же как изображение самого художника, борющегося со злыми силами. Фомиряков опирается на детские воспоминания. В полотне все пронизано сочностью красок, а сам фон – имитация домотканного ковра, созданного бабушкой художника [7, с. 89]. Значительно отличается пространство, которое в своем творчестве формирует Станислав Юхтар. В своих поисках художник пытается обратиться к наиболее древним пластам чувашской культуры, синтезируя на полотнах элементы чувашской, египетской и других традиций.

Активная деятельность этнофутуристов в Чувашии приходится на кризисный период после 1991 года и до начала 2000-х, когда движение начало клониться к упадку. Это было подмечено и М.В. Кирчановым: «к концу первого десятилетия XXI в. влияние этого движения в значительной степени сократилось, а попытки синтеза традиционного этнического и модернистского современного дискурса <...> были признаны не более чем интеллектуальным упражнением, неспособным изменить этнографическую ситуацию в целом» [3, с. 66].

Таким образом, первые проявления этнофутуризма действительно обнаруживаются в поэзии начала XX века, в попытках М.Сеспеля формировать образ «чувашского мира». Ввиду отсутствия возможности реализации этих идей, новые попытки их актуализации были предприняты на исходе существования СССР – в конце 1980-х годов, когда творческая

молодежь Чувашии, получив импульсы извне – выставки художников-авангардистов, развитие этнофутуризма в соседних финно-угорских республиках, возобновила собственные поиски в области национального. В таких условиях родился этнофутуризм, проявивший себя как яркое явление в творческой жизни республики рубежа XX-XXI вв., в частности работами живописцев, в своих полотнах отразивших собственное представление о чувашской национальной самобытности.

Список использованных источников и литературы

1. *Ильина Г.Г.* Об экспериментах над народной песней в советское время (1920-1930-е годы) // Исторический опыт нацистроительства и развития национальной государственности чувашского народа. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2020. С. 483-498.
2. *Кирчанов М.В.* «Чăваш тĕнчи» как «изобретенная традиция» в поэтическом воображении чувашского модернизма и постмодернизма // Новый филологический вестник. Тюмень, 2022. С. 262-278.
3. *Кирчанов М.В.* Концепт чăвашлăх как основа чувашского этнофутуризма // Вестник культуры и искусств. Челябинск, 2021. С. 62-70.
4. *Кочева Э.М.* Этнофутуризм как явление культуры. Йошкар-Ола, 2008. 163 с.
5. *Левада Ю.А.* «Человек советский» десять лет спустя: 1989-1999 гг. // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. М. 1999. №3. С. 7-15.
6. *Мордвинова А.И.* Этнофутуризм в живописи и графике Чувашии и Марий Эл // Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому»: мат-лы межрегион. Научно-практической конф. (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2019. С. 362-375.
7. *Сеспель М.К.* Собрание сочинений. Сост. Волков Л.М., Юмарт Г.Ф.; предисл. Родионова В.Г. Чебоксары. 1989. 525 с.
8. *Фомиряков Г.Г.* Этно-Я-Futurum. Чебоксары. 2020. 191 с.
9. *Хузангай А.П.* Культура как информация наивысшего качества (чувашская интеллигенция ныне и прежде) // Путешествие по периферии к центру языка. Чебоксары. 2003. С. 11-25.
10. *Хузангай А.П.* Между Сциллой и Харбидой. Проект будущего для культуры чувашской нации // Республика. 2001. 28 нояб. С. 2.
11. *Хузангай А.П.* Этнофутуристические тенденции в современной культуре уралоповолжских народов // Путешествие по периферии к центру языка. Чебоксары, 2003. С. 26-42.
12. Мастерская Праски // Праски Витти: народный художник Чувашии. URL: http://nbchr.ru/virt_praski/avideo.htm (дата обращения: 25.04.2023)
13. *Овчинников Николай Васильевич* // Национальная библиотека Чувашской Республики. URL: http://www.nbchr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5078&catid=301&Itemid=480 (дата обращения: 3.11.2023).
14. *Пярл-Лыхмус М., Юлле К., Хейнапуу А., Кивисильдник С.* Этнофутуризм: образ мышления и альтернатива на будущее // etnofutu. URL: http://www.suri.ee/etnofutu/texts/index_ru.html (дата обращения: 3.11.2023).

Для цитирования: Кошельяк А. Р. Реализация идеи «чувашского мира» на рубеже XX-XXI веков: развитие этнофутуристических идей в Чувашии // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 443 – 449.

Стеннограмма Круглого стола

Проблемы изучения «Englishness» в современной британской историографии (по материалам научного журнала «The English Historical Review»)

В данном исследовании на материалах научно-исследовательского журнала «The English Historical Review», считающегося старейшим и одним из наиболее авторитетных в Британии, рассматриваются основные проблемы изучения английской национальной идентичности в современной британской историографии.

Авторы статей журнала исследуют проблему культурно-исторических особенностей формирования английской национальной идентичности. Предпринимаются попытки определить истинных предков наций. Б. Уорд-Перкинс, П. Ридман и Р. Свит сходятся во мнении, что англосаксы вошли в состав английской национальной идентичности в качестве основного компонента, а чувство «английскости» заметно у них уже в X в. В итоге, как утверждают авторы, именно культура и этническая идентичность завоевателей получила развитие.

Отдельное внимание уделяется вопросам религии. Сущность «Englishness» (английскости) всегда по-разному воспринималась различными религиозными течениями, идеи которых способствовали сдвигам в национальном сознании (С. Конвей, Г. Гликман, М.П. Уиншип и др.). Так англичане еще в Средние века ассоциировали Британию со священным пространством, а у протестантов после гражданских войн середины XVII в. религиозные чувства уже сливались в единое с национальными.

Существенное внимание уделено роли английских правителей. Данная проблема раскрывается авторами (Д.Л. Морган, И. Харрис, Н. Янгер и др.) через исследования правления отдельных монархов и их взаимоотношений с подданными. В Британской историографии, монархия – не некий абстрактный образ. Она воплощается в конкретном лице, которое или противопоставляется (Яков I Карл I) или описывается как покровитель нации (Эдуард III, Генрих VIII, Елизавета I, Яков II). Историография по этому вопросу закрепляет пантеон монархов-героев, которые позволили развиваться английскому национальному чувству.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о взаимодействии англичан с представителями других национальных сообществ Британских островов. Так культура гэлов определялась как нецивилизованная и противопоставлялась английской – они были значимыми «другими» для англичан. Ирландская, валлийская и корнуолльская идентичности же, несмотря на попытки англичан их стереть, были сохранены.

Таким образом, определив основные культурно-исторические особенности формирования английской нации, выделяемые историками журнала «The English Historical Review», автор пришел к выводу, что специфика концепта «Englishness»

Коршунова, Екатерина Алексеевна – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st096469@student.spbu.ru

Korshunova, Ekaterina Alekseevna – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st096469@student.spbu.ru

Ершов, Артем Романович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st096591@student.spbu.ru

Ershov, Artem Romanovich— Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st096591@student.spbu.ru

в оценке авторов журнала заключается в сочетании англосаксонского и британского наследий, проследившего под влиянием религиозного фактора, политики отдельных монархов и взаимодействия с другими нациями.

Реакция на рост и проявления национального самосознания финнов в общественной мысли XIX века

Информация, публикуемая в периодических изданиях, часто позволяет понять контекст событий, происходивших в тот или иной период в стране, оценить отношение современников к различным историческим событиям. Так, в рамках данного исследования были проанализированы публикации в периодических изданиях Российской империи, которые освещали отношение общественности к национальной ситуации в Великом княжестве Финляндском.

Со второй половины XIX столетия шли споры о «финляндском вопросе», которому разную оценку давали либеральные и консервативные деятели культуры и политики. Так, наиболее часто публикации появлялись у консервативных авторов, соответственно, оценка национального движения в таких статьях была негативной. Все эти публикации приводили к формированию негативного образа Великого княжества и финнов у жителей Российской империи.

Во многом, негативную реакцию получало стремление финского населения сохранить дарованные им ранее права и свободы, например, наличие своего управления, монетарной системы, беспешинный ввоз товаров из империи и т.д. Постепенно в периодических изданиях Великое княжество стало полноценно противопоставляться России, это можно проследить на примере статьи от 19 сентября 1885 года в «Московских ведомостях», где критиковались либеральные заметки о состоянии в Великом княжестве Финляндском (такие статьи были опубликованы в «Вестнике Европы» и «Русских Ведомостях»).

Результатом негативной оценки происходящего в Великом княжестве в консервативных изданиях привело к усилению общественного недовольства как в империи, так и на территории национальной окраины. Так, реакцией стал рост националистических статей в финских изданиях, в княжестве к концу столетия возросла «ненависть ко всему русскому».

Помимо ухудшения отношения общественности к происходящему в империи, проявилась и проблема проведения русификации Великого княжества, так как с 90-х годов XIX столетия из-за роста национализма любые попытки русификации или унификации встречали яростное сопротивление, что ранее не было характерно для данного региона. Так, «Финляндский вопрос» становится одной из болезненных точек, что отмечается даже в записке председателя Комитета министров Н.Г. Бунге.

При этом, существовали политические и общественные деятели, которые были настроены иначе, считавшие Великое княжество страной с «действительным демократическим народным представительством», и призывавшие всю империю последовать примеру Финляндии, которую даже именовали «Европой в миниатюре».

Таким образом, видно двойственное отношение российской общественности к национальным процессам, происходящим в Великом княжестве Финляндском: есть как положительные оценки либералов в прессе, так и достаточно радикальное осуждение сепаратистских настроений финнов, которые в сложившейся ситуации видела консервативно настроенная часть общества. Такая разница в оценках обусловлена различиями в восприятии происходящих процессов в рамках не только империи,

но и в контексте общеевропейских событий. По-разному описываются и финны, и их обычаи, а проблема восприятия Великого княжества складывается в отдельный «финляндский вопрос», который приводит к спорам и в политическом ключе между политиками с консервативными и либеральными взглядами, и в сфере культурного взаимодействия разных районов империи. Сложившаяся ситуация не только ведет к принятию непоследовательных решений властью, но также влияет и на восприятие Финляндии среди населения империи и в гуманитарных науках.

Конструируя советскую национальную республику: случай казахских советских литераторов на конференции Afro-Азиатских писателей в Ташкенте (1958)

В рамках данного исследования проанализированы стенограммы заседаний Секретариата Союза Советских писателей СССР, посвященные организационным вопросам, и речи казахских советских авторов, произнесенных на конференции, для анализа значения и роли данной конференции.

В 1958 году активно велась подготовка к конференции, на которой внимание было уделено и авторам «восточных» национальных республик СССР. Это должно было показать многонациональность СССР и вовлеченность их в культурную жизнь страны. Однако, за аутентичные культуры выдавалась культура, подвергшаяся советской модернизации. Видимость всестороннего участия казахских писателей в конференции создавалась за счёт их участия во время вступительных обсуждений, но в результате отдалённости Алматы от Москвы такое участие писателей было редким.

7 февраля 1958 года на совещании впервые были упомянуты казахские писатели, также с речью выступал один из писателей М.О. Ауэзов. На данном совещании обсуждались организационные вопросы, одним из которых было обсуждение языков, на которые необходимо перевести литературные произведения. Мнение писателя не совпало с мнением московских литературных функционеров, а к началу Ташкентской конференции тексты казахских авторов не были опубликованы ни на одном из языков республик СССР, кроме русского. Также на второй план отходили сами тексты и их авторы, а политическая составляющая произведений ставилась выше художественной.

Вторым спорным вопросом стали историко-обзорные работы о национальных литераторах и очерки, что должно было показать зарубежным гостям самобытность национальных культур, однако, в планах властей было показать, что рост национальных культур возможен только благодаря советской власти, а дореволюционное развитие связано с деятельностью именно русских просветителей, из-за чего на первый план выходила именно русская литература. Очерки же, которые публиковались, мало отличались от официальных автобиографий писателей, что также позволяло скорее показать изменения в жизни страны и путь автора.

Помимо организации самой конференции республики должны были подготовить концерты, вечера, а также местные издательства были обязаны издавать произведения авторов из стран Азии и Африки. Например, в журнале «Советский Казахстан» по материалам конференции были напечатаны лишь 3 статьи, но опубликовано 10 произведений зарубежных литераторов, при этом выборка произведений была хаотична и скорее всего качество произведений уступило количеству.

Также необходимо отметить разницу в публикациях: до начала конференции тексты, посвященные ей, были лишены каких-либо деталей и содержали лишь общую информацию; более детальная же информация появилась лишь накануне конференции, в октябрьском выпуске.

Реализация идеи «чувашского мира» на рубеже XX-XXI веков: развитие этнофутуристических идей в Чувашии

В рамках данного доклада рассматривается история развития национальных идей в искусстве Чувашской Республики XX-XXI веков. Обозначается взаимосвязь чувашской национальной поэзии 1920-х годов и новых идей в искусстве 1990-х.

Чувашская культура на протяжении XX века пережила несколько волн национального возрождения, ставших результатом масштабных политических процессов в стране – кризисы активизировали поиски в области чувашской культуры и приводили к новым попыткам ее актуализации.

Согласно А.П. Хузангаю, этнофутуризм проявил себя еще в начале века: «Уже в 20-е годы XX века в чувашской советской поэзии проявили себя так называемые «булгаро-чувашские» поэты Пэдер Хузангай, Васлей Митта, Виктор Рзай, Андрей Петокки» - им отдается главная роль в пропаганде идей «чувашскости».

Одновременно с переработкой традиции на пропагандистский лад некоторые поэты обращаются к теме чувашского человека, способного вывести родную ему культуру на общемировой уровень. Таким поэтом стал Михаил Сеспель - центральным образом в его поэзии становится образ «чувашского мира», «основанного на последовательном раскрытии потенциала чувашской культуры как именно этнической, что делало возможным реализацию чувашского национального проекта».

Конец 1980-х годов в условиях клонящегося к упадку СССР привел к возрождению национального самосознания в советских республиках. Определение себя как человека советского сменяется определением по факту принадлежности к определенному этносу.

Этнофутуризм родился в рамках процесса политической активизации эстонского общества в конце 1980-х годов в рамках процесса политической активизации эстонского общества в конце 1980-х годов.

Стоит отметить, что национальный вопрос начал подниматься в чувашском искусстве еще до оформления этнофутуризма теоретически. Новые веяния начали проникать в чувашскую живопись в конце 1980-х. В 1989 году была проведена первая выставка молодых художников «Тапрану – сдвиг, национальная тема в творчестве молодых художников Чувашии», впервые поднимавшая тему разработки нового национального искусства.

Идентификация с этнофутуристическим творчеством произошла в среде чувашских художников после 2000-го года, семинара этнофутуристов в Козьмодемьянске, когда Атнер Петрович Хузангай был приглашен туда в качестве делегата от Чуваши. Хузангай призывает к возрождению новой, независимой интеллигенции, работающей с собственным культурным наследием. Именно деятели искусства должны были стать этой «новой интеллигенцией». Опорой своей «идеологии» Хузангай выбрал традиционную чувашскую веру как знак «самости» культуры.

На заре этнофутуризма в Чувашии ярко выделились три имени: В.П. Петров (Праски Витти), Г.Г. Фомиряков, С.Н. Михайлов (Юхтар). Однако, художники не создавали объединений - именно Хузангай сформировал вокруг себя круг деятелей культуры, ведущих активное обсуждение новой национальной формы искусства.

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПАМЯТИ А. Н. НЕМИЛОВА «РЕНЕССАНС, ГУМАНИЗМ, РЕФОРМАЦИЯ: АСПЕКТЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ»

Григорьева Дарья Романовна

Представления о женщине во Флорентийской семье XIV века: исследование сочинение Дж. Боккаччо «Корбаччо»

Аннотация. В данной статье рассматривается инвектива Джованни Боккаччо «Корбаччо» с целью выявить, какие представления о роли женщины были распространены в эпоху раннего Возрождения в среде гуманистов. Сравнивая «Корбаччо» с его более поздним трактатом «De mulieribus claris», автор статьи отмечает, что Боккаччо поддерживал традиционное распределение ролей между женщиной и мужчиной, подчеркивая несовершенство женской природы в сравнении с мужской.

Ключевые слова: Джованни Боккаччо, женщины, литературный образ, Корбаччо, итальянский гуманизм

Title: Representations about the place of women in the Florentine family of the XIV century: exploring the «Corbaccio»

Abstract. This article examines Giovanni Boccaccio's work «Corbaccio» in order to identify what ideas about the place of a woman within the family were common in the Early Renaissance among humanists. The author concludes that the characters of «Corbaccio» reject the possibility for a woman to take the place of the «head of the family». Comparing «Corbaccio» with the Latin treatise «De mulieribus Claris», the author notes that Boccaccio supported the traditional distribution of roles between women and men in marriage, emphasizing the imperfection of women's nature in comparison with men's.

Key words: Giovanni Boccaccio, women, literary image, Corbaccio, Italian humanism

Для флорентийской литературы XIV века, в том числе гуманистической, характерно повышенное внимание к женщине. Джованни Боккаччо одним из первых затронул в своих сочинениях «женскую тему»; в частности, именно он является автором обширного сборника женских биографий, латинского трактата «De mulieribus claris» (1362 г.), который позже использовался следующими поколениями мыслителей как опора

Григорьева Дарья Романовна — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st085031@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Дмитриева Марина Игоревна*, канд. ист. наук, доц. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Grigorieva Darya Romanovna — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st085031@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Dmitrieva Marina Igorevna*, Candidate of Historical Sciences, Assoc. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

для создания произведений, «защищающих» женский пол (самой знаменитой из которых является автор-женщина, Кристина Пизанская, переработавшая этот трактат в своей защищающей женщин работе «*Le Livre de la cité des dames*») (1405 г.). Много внимания женщинам уделено также в других известных работах Боккаччо – «Элегии Мадонны Фьяметты» (1343-1344 гг.) и «Декамероне» (1353 г.). Вместе с тем образ женщины в произведениях Боккаччо продолжает оставаться неоднозначным.

Одним из заметных «женоненавистнических» памфлетов XIV века является сочинение Джованни Боккаччо «Корбаччо» (1350-е-1360-е гг.). Исследование этого текста представляется важным для дополнения существующей в историографии картины распространенных в эпоху раннего Ренессанса взглядов на «женскую природу».

Существует несколько вариантов трактовки данной работы гуманиста. Ранние исследователи его творчества воспринимали произведение буквально и усматривали в нем автобиографический элемент, связывая поворот к женоненавистничеству с личными неудачами Боккаччо [1, с. 515]. Во второй половине XX в. в зарубежной историографии стали распространяться новые трактовки «Корбаччо»: специалисты предложили воспринимать этот текст как сатиру, направленную против женоненавистнических взглядов современников гуманиста. Подобная версия встречается, например, уже в 1975 г. у итальянского исследователя П. Барричелли [2, р. 95-111], который отмечает «смехотворность» фигур рассказчика и проводника, за счет чего якобы демонстрируется глупость серьезного подхода к женоненавистнической сатире. Приверженцем этого взгляда также стал американский исследователь Р. Холландер, который в своей монографии утверждает, что «Корбаччо» это «не «серьезная» сатира, а сатира, которая оборачивается против самой себя, показывая, что главные женоненавистники... ненавидят женский род из-за своих собственных слабостей и недостатков» [3, р. 42]. Исследователи, придерживающиеся подобной позиции, основываются на текстовых деталях и особенностях структуры произведения: ими отмечается, что Боккаччо использует различные примеры женоненавистнических высказываний, чтобы поставить их в неустойчивое положение, в диалог с противоположными утверждениями и, в конечном счете, под сомнение [4, р. 34]. Тем не менее, даже специалисты, согласные с данной трактовкой, отмечают трудности определения степени иронии средневекового автора над мизогинией, даже если она имеет место, поскольку нельзя отрицать вероятность и самого очевидного «женоненавистнического» толкования. Об этом подробно пишет в своей работе Г. Армстронг [4, р. 33].

На наш взгляд, стоит быть осторожными с приписыванием Боккаччо «профеминистского» взгляда на положение женщины. Стоит вспомнить знаменитую строку из «Декамерона»: «все женщины по природе слабы и падки, потому для исправления злостности тех из них, которые дозволяют себе излишне переходить за положенные им границы, требуется палка, которая бы их покарала» [5, с. 509]. Тема недопустимости «нарушения границ», установленных для женщин традиционным порядком, «властвования над мужчиной», кочует из одного произведения Боккаччо в другое; в этом плане «Корбаччо», на наш взгляд, лишь продолжает общую тенденцию.

Описанные в «Корбаччо» взгляды на женскую природу и на положение женщины в обществе объясняются распространенными в современном Боккаччо обществе воззрениями на судьбу женщины. Как отмечают российские исследовательницы, например, И. Краснова и А. Ануприенко, покорность мужу логично вытекала из социально-экономических отношений изучаемого периода [6, с. 23], а также поощрялась идейными источниками, самые важные из которых – патриархальная традиция и христианское учение [7, с. 6]. Можно также согласиться и с мнением современной американской исследовательницы П. Бенсон [8, р. 165-187], которая утверждает, что флорентийцы-республиканцы оставались довольно консервативными, реагируя на изменения в придворной культуре, в которой продвигались идеи о способности женщины играть весомую политическую роль. Анализируя флорентийские произведения эпохи Треченто, так или иначе связанные с «дебатами» о женской природе (в числе которых «*Reggimento e costumi di donna*» Франческо да Барберино и сочинение поэта Антонио Пуччи («Спор о женщинах» — «*Contrasto delle donne*»), она приходит к выводу о том, что флорентийские авторы выступали за улучшение практических условий для женщин, но не давали оснований для каких-либо изменений, которые могли бы подорвать сложившийся социальный порядок, согласно которому женщина занимает подчиненное положение в политических и семейных отношениях. Она же отмечает разную направленность двух традиций флорентийских «дебатов» о женщинах: произведения, написанные на народном языке, не затрагивали тему политического участия женщины, в то время как латинские произведения ставили вопрос возможности политической реализации для женщины во главу угла.

Однако даже если принять точку зрения, согласно которой «Корбаччо» представляет собой «сатиру над сатирой», это сочинение гуманиста не становится менее ценным источником для реконструкции взглядов флорентийцев на роль женщины. Боккаччо перерабатывает и использует

при написании своего произведения распространенные в эпоху Треченто античные и средневековые тексты, объединяет мысли, которые были известны и очень популярны среди его современников. Об источниках, использованных при создании «Корбаччо», литературной традиции, которой придерживается Боккаччо, подробно пишут в своих работах Э. Кассел [9, р. 352-360], Р. Холландер [10, р. 385-399], Г. Армстронг [11, р. 139-161]). Таким образом, в «Корбаччо» так или иначе выражены идеи, поддерживаемые на момент его написания довольно широким кругом людей, в том числе гуманистами.

На наш взгляд, наиболее интересно рассмотреть выраженное в «Корбаччо» мнение о положении женщины внутри семьи, так как женщина эпохи Треченто была неразрывно связана со своей семьей и при всём различии женщин из разных социальных слоёв, именно роль жены и матери считалась для каждой из них главным предназначением. К началу эпохи раннего Возрождения окончательно закрепляется форма церковного брака как единственно возможного, повышается роль малой супружеской семьи. Происходит расцвет линияжа – родственного коллектива на основе кровных связей и брачных союзов, основанного на совместном владении собственностью, и вместе с этим наблюдается рост семейного самосознания. Несмотря на иерархичную организацию семьи, в которой главой являлся отец семейства, жены брали на себя важную роль хозяйки дома, обладали определённой властью и влиянием, связанном с управлением хозяйством, семейными расходами, воспитанием детей.

В «Корбаччо» вопрос главенства, «властвования» женщины в семье ставится в качестве основного. Женщина в этом сочинении предстает в роли «охотницы», единственная цель которой – забрать власть у своего мужа и подчинить его своей воле, для чего она использует свое коварство и способность к обману. Как утверждает один из героев, спутник рассказчика, «первая забота женщин — как бы половчее раскинуть сети для мужчин» [12, с. 472]. Именно для того, чтобы начать «борьбу за господство» [12, с. 472], женщины используют различные ухищрения. В больших количествах описываются способы женщин украсить свою внешность с помощью косметических средств [12, с. 487] и с помощью одежды и украшений [12, с. 472]. Обманывая мужчину своим внешним видом, женщина обольщает его и подчиняет своей воле. Средства украшения описываются как «оружие, необходимое женщине, дабы сразиться за власть и победить». В связи с этим героини Боккаччо критикуют поведение женщины в роли «главы семьи».

По словам духа умершего мужа вдовы, получив власть, женщина тут же принимается бесчинствовать [12, с. 472]. Отмечается алчность женщин

и их разрушительная деятельность в семье: «быстроногая и голодная волчица, живо присвоит его [мужа] родовое имущество, все его добро и богатство, разведет сплетни, переругается со слугами, служанками, приказчиками, братьями и сыновьями» [12, с. 473]. При этом осуждается ненасытность женщины властью и её нежелание распределять полномочия внутри семьи разумно: «принялась заправлять чуть ли не всеми моими делами, проверяя счета, прибирая к рукам доходы и распоряжаясь ими и по своему усмотрению» [12, с. 485]. Также подчеркивается, что женщина боится, «что станет навсегда рабой, если хоть однажды уступит» [12, с. 476]. В конце своего рассказа дух подытоживает, что «только мужчине, а отнюдь не женщине дано господствовать и править теми и другими» [12, с. 481]. Так, женское желание забрать власть у мужчины характеризуется как дефект женской природы. В женщине «пробуждается надежда и страстное желание забрать в руки власть, хотя она отлично сознает, что рождена рабыней» [12, с. 472].

Таким образом, персонажами «Корбаччо» осуждаются любые попытки женщины стать во главе семьи, как идущие против законов природы, а также отмечается их губительность и порочность.

Образ женщины, которая обретает власть над мужчинами, тем самым принимая на себя «мужские» полномочия и нарушая сложившийся социальный порядок, Джованни Боккаччо «раскрывал» и в других произведениях. В своем латинском трактате «*De mulieribus claris*» Боккаччо описывает не только мифологических героинь, но и различных женщин-правительниц, уделяя большое внимание вопросу о возможности нахождения женщины у политической власти. Анализ образов Семирамиды [13, р. 18-23], Клеопатры [13, р. 360-374], Зенобии [13, р. 426-436] и других персонажей этого сочинения приводит нас к выводу о том, что Боккаччо осторожно относится к теме женских амбиций, постоянно напоминая читателям, что, оказавшись у власти без какого-либо контроля со стороны мужчины, женщина чаще всего встаёт на путь греха и распутства, не в силах справиться со своей порочной натурой. Однако, если у женщин «*De mulieribus claris*» Боккаччо отмечает положительные качества (чаще всего это подчеркнуто «мужские» добродетели, случайно проявившиеся в женщине: например, храбрость на поле битвы, «мужской» ум), а также описывает их успехи в деле управления, то в «Корбаччо» полноправное главенство жены в доме является полностью катастрофичным для семьи и не несет никаких положительных последствий. Впрочем, на наш взгляд, существенного противоречия между идеями Боккаччо, выраженными в его латинском трактате, и идеями из «Корбаччо», несмотря на резкий характер сатиры, используемой в последнем, нет.

Героини «De mulieribus claris», получившие чисто положительную оценку, как правило, предстают перед нами как «помощницы» мужчин и продолжатели их дела (самым ярким примером тут является образ Зенобии [13, р. 426-436]). Также осуждаются повторные браки, как и в «Корбаччо» – на примере биографии Дидоны [13, р. 167-180], и декламируется необходимость покорности мужу и целомудрия на примере Сульпиции [13, р. 350-352]. Что же касается различий в расставленных акцентах в этих двух близких по времени сочинениях, то их можно биографией гуманиста.

Как известно, Джованни Боккаччо был крепко связан с Неаполитанским двором и посвятил «De mulieribus claris» Андреа Аччайоли, сестре великого сенешаля Неаполя Никколо Аччайоли, желая повысить свою репутацию и закрепиться при неаполитанском дворе. Этот биографический факт отмечен многими исследователями, подробно об этом писал в своих работах В. Бранка [14, р. 56–58, 169]. С другой стороны, созданный во Флоренции в 1350-е-1360-е годы на народном языке «Корбаччо» продолжал традицию неприятия женских амбиций и был адресован не придворной неаполитанской аудитории, а - демократичной «республиканской» флорентийской публике. Таким образом, Боккаччо являлся представителем не только «латиноязычной» линии дискуссии о женщинах, но и типично «флорентийским» автором, преследуя разные цели и работая на разную аудиторию.

Основные характеристики «добрых жен» в рассмотренных выше сочинениях гуманиста в целом схожи: героини Боккаччо настаивали на традиционном распределении ролей между женщиной и мужчиной (особенно внутри семьи). Боккаччо развивает идею о несовершенстве женской природы в сравнении с мужской и в целом не поддерживает изменение традиционного для его эпохи семейного уклада.

Список использованных источников и литературы

1. *Веселовский А.Н.* Корбаччо, эклоги. В кн.: Дж. Боккаччо: pro et contra. СПб., 2015. С. 511-552.
2. *Barricelli P.* Satire of Satire: Boccaccio's Corbaccio. In: Italian Quarterly, 1975, Vol. 18. P. 95-111.
3. *Hollander R.* Boccaccio's Last Fiction: Il Corbaccio. Philadelphia, 1988. 86 p.
4. *Psaki R.* Women Make All Things Lose Their Power: Women's Knowledge, Men's Fear in the Decameron and the Corbaccio. In: Heliotropia, 2003, Vol. 1. P. 33-48.
5. *Боккаччо, Джованни.* Декамерон. Пер. с ит. А.Н. Веселовского. М., 1955. 655 с
6. *Анурриенко И.А.* Женщины в обыденном восприятии представителей городской среды Италии XIV-XV вв.: авт. дисс... к. и. н. Ставрополь, 2006. 29 с.

7. *Рябова Т.Б.* Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999. 209 с.
8. *Benson P.* Debate about Women in Trecento Florence. In: *Gender in Debate from the Early Middle Ages to the Renaissance. The New Middle Ages.* New York, 2002. P. 165-187.
9. *Cassell, Anthony K.*, Il Corbaccio and the Secundus Tradition. In: *Comparative Literature*, 1973, Vol. 25. P. 352-360.
10. *Hollander, R.* Boccaccio, Ovid's Ibis and the satirical tradition. In: *Gli Zibaldoni di Boccaccio. Memoria, scrittura, riscrittura. Atti del Seminario internazionale di Firenze-Certaldo (26–28 aprile 1996).* Firenze: Franco Cesati, 1998. P. 385-399.
11. *Armstrong G.* Dantean Framing Devices in Boccaccio's Corbaccio. In: *Reading Medieval Studies*, 2001, Vol. 27, P. 139-161.
12. Боккаччо, Дж. Ворон. Пер. с ит. Н. Фарфель. В кн.: Джованни Боккаччо. Малые произведения. Л., 1975. С. 449-518.
13. *Boccaccio, G.* Famous Women / Ed., trans. by V. Brown. Cambridge, 2001. P. xxv, 530.
14. *Branca V.* Boccaccio: the man and his works. New York: New York, 1976. 341 p.

Для цитирования: Григорьева Д. Р. Представления о женщине во Флорентийской семье XIV века: исследуя сочинение Дж. Боккаччо «Корбаччо» // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 454 – 460.

"В соответствии с величием и достоинством его положения": итальянское влияние на формирование испанского придворного портрета в XVI веке

Аннотация. В данной статье рассматривается итальянское влияние на формирование испанского придворного портрета в XVI века. Итальянский маньеризм отвечает самоощущению испанской монархии и приобретает популярность среди местной аристократии. Итальянские мастера привносят в испанский придворный портрет схемы, художественные приемы и атрибуты, которые продолжают играть важную роль в испанской портретной живописи.

Ключевые слова: придворный портрет; итальянское влияние; Карл V; Филипп II.

Title: "In accordance with greatness and dignity of his position": Italian influence on the formation of the Spanish court portrait in the XVI century.

Abstract. The article is devoted to the Italian influence on the formation of the Spanish court portrait in the XVI century. Italian mannerism corresponds to the self-perception of the Spanish monarchy and is gaining popularity among the local aristocracy. Italian masters bring schemes, artistic techniques and attributes to the Spanish court portrait, which will continue to play an important role in Spanish portraiture.

Key words: court portrait; Italian influence; Charles V; Philip II.

Если в XV веке на испанский придворный портрет оказывает значительное влияние нидерландская живопись, то в XVI веке ситуация меняется. Теперь в моде итальянская живопись. Поэтому фламандские художники начинают интересоваться ею, как минимум, из практических соображений (чтобы не потерять заказчиков) [3, с. 178]. Особенно нидерландских мастеров привлекает искусство маньеризма с его экспрессией, которая была им очень близка [3, с. 179]. Эта тенденция в развитии нидерландской живописи получила название «романизм».

Ян Корнелизон Вермеен создал «Портрет Карла V», где прослеживаются итальянизирующие черты. Художник не прописывает все детали костюма подробно, сосредотачивается на живом и подвижном лице императора. Мастер тяготеет к тональному колориту, более плавным цветовым переходам. Контур становится намного мягче, что не было характерно для нидерландской живописи предыдущего столетия.

Насырова, Амина Рашидовна — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; anasyrova079@gmail.com

Научный руководитель: *Ефимова, Елена Анатольевна*, канд. иск., доц. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Nasyrova, Amina Rashidovna — Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; anasyrova079@gmail.com

Scientific adviser: *Efimova, Elena Anatolievna*, Candidate of History of Arts, Assoc. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Некоторыми исследователями называются конкретные имена итальянских теоретиков и мастеров, которые оказали влияние на испанский придворный портрет. Например, К.М. Малицкая отмечает вклад Джованни Ломаццо и его «Трактата об искусстве живописи, скульптуры и архитектуры» (“Trattato dell’arte della pittura, scultura ed architettura”, 1584 г.) [1, с. 17]. Ломаццо был одним из виднейших теоретиков маньеризма, и он посвятил часть своего трактата искусству портрета, в особенности – придворного портрета. Он утверждает, что задача портрета – стать своеобразным памятником выдающейся личности, поэтому королевская особа должна изображаться возвышенной. Даже если монарх не отличался привлекательностью при жизни, на портрете его стоит приукрасить [2, с. 286].

Также Ломаццо рассказывает и о живописных приемах, с помощью которых стоит формировать облик. Например, он предложил, учитывая перспективные искажения, писать верхнюю часть тела более крупной по сравнению с нижней, потому что портрет должен висеть высоко (таким образом, зритель все равно смог бы увидеть лицо портретируемого) [2, с. 287].

Влияние маньеризма прослеживается и в общей аристократизации портрета. Здесь можно вспомнить Аньоло Бронзино, главным для которого было передать статус и положение модели в обществе, а не ее личность и индивидуальность, что шло в разрез с традицией Высокого Возрождения. Много внимания Бронзино уделяет украшениям и иным предметам, подчеркивающим высокое положение [7, с. 66]. Это можно проследить и в испанском портрете, где особое внимание уделялось тщательной прорисовке деталей костюма.

Бронзино также создал «Портрет Элеоноры Толедской с сыном». Здесь можно заметить другой важный атрибут, который затем перейдет и в испанскую живопись, – кресло, необходимое для демонстрации высокого положения [4, с. 176]. Мастер уделяет внимание проработке костюма, который выглядит сковывающим и скрывающим тело. Этот прием работает на дематериализацию фигуры, придает образу отстраненность и замкнутость. Дистанция усиливается благодаря низкой линии горизонта, из-за которой зритель как бы смотрит на изображенного человека снизу вверх. Стоит отметить, что здесь акцент делается на демонстрации не власти, но высокого положения в обществе за счет богатства костюма. Акцентируются также женская функция - рождение наследника.

Погрудный «Портрет Элеоноры Толедской» демонстрирует положение ладони, которая повернута тыльной стороной к зрителю. Это будет

характерно и для испанского портрета. Так демонстрируются объемные кольца на руках, подчеркивающие богатство их владелицы.

Сходство с возвышенными образами Бронзино отмечает и Малицкая. Она утверждает, что с помощью его методов можно было отобразить важные для испанской аристократии понятия чести – «honra» [1, с. 23].

«Портрет Федерико II Гонзага» работы Тициана интересен, если речь идет об атрибутах. Костюм герцога выписан очень подробно, из-за чего становится похож на рыцарские латы. На поясе можно заметить шпагу, которая так же станет важнейшим атрибутом и в испанском придворном портрете.

В контексте итальянского влияния важно уделить внимание работе Тициана при дворе императора Карла V. Италия играла довольно важную роль во внешней политике данного правителя, так как была местом столкновения его интересов и интересов Франции. Здесь можно вспомнить, например, Итальянскую войну 1521-1526 гг. Император познакомился с культурным наследием Италии и привнес местные вкусы в свою страну. Встреча с Тицианом произошла в Болонье в 1530 году. И это знакомство становится судьбоносным для венецианского мастера [9, с. 99].

«Портрет Карла V с собакой» является копией работы придворного художника Якоба Зейзенеггера. Если сравнить портреты, будет понятно, что привнес Тициан. Венецианский мастер отказывается от излишней детализации костюма. Тициан больше, чем Зейзенеггер, стремится к идеализации модели. Если у Зейзенеггера заметно характерный для северной традиции реализм в изображении лица, его возрастных признаков и характерных черт, то Тициан отказывается от этого, предпочитая довольно деликатно скрыть недостатки внешности модели [5, с. 110]. Так, он специально маскирует выступающую челюсть императора с помощью растушеванной бороды.

Том Николс отмечает, что работа на Карла V формирует новые черты в творчестве Тициана. Портреты для двора Габсбургов становятся более монументальными и статичными. Таким образом, Тициан, привнося некоторые новшества в придворную портретную живопись, адаптирует свое творчество под местные вкусы [9, с. 101]. В дальнейшем, Тициан будет отказываться в своих изображениях Карла V от интимности и камерности в пользу демонстрации силы и власти [9, с. 101].

Идеи могущества империи демонстрируются в знаменитом конном портрете Карла V. Истоки такого типа изображения присутствуют в Античности. Можно вспомнить многочисленные конные монументы римских императоров. Не менее важным источником можно считать сочинение Эразма Роттердамского «Enchiridion militis Christiani» («Руко-

водство христианского рыцаря») [9, с. 110]. Нидерландский мыслитель пишет о борьбе за христианскую веру. Считается, что знаменитая гравюра Альбрехта Дюрера «Рыцарь, Смерть и Дьявол» выполнена под влиянием данного сочинения. Отголоски образа воина, который сталкивается с препятствиями, но смело их преодолевает, присутствует и в портрете кисти Тициана.

Можно заметить, что небо на картине очень беспокойное, частично закрытое тучами, однако сам Карл V выглядит уверенно и величественно. Важно помнить, что данный портрет был создан после победы войск императора над армией протестантской Шмалькальденской лиги при Мюльберге (1547 г.) [8, с. 6]. Здесь утверждается образ христианского воина-императора. Монарх на портрете выступает в роли полководца и гаранта целостности и непоколебимости государства [9, с. 110]. Конный портрет впоследствии станет важным в испанской придворной живописи. Данный тип отражал потребности двора в демонстрации власти и рыцарского достоинства.

Еще один пример работы Тициана – портрет Филиппа II в доспехах. Модель изображается в полный рост, в трехчетвертном повороте, одно колено согнуто. Такая схема, введенная итальянским мастером, будет использоваться в испанском придворном портрете.

Сформированным под посредственным итальянским влиянием можно исторический портрет короля Арагона Альфонса V работы Хуана де Хуанеса. Здесь можно заметить схему, традиционную для итальянского портрета Возрождения с поясным изображением на фоне окна, из которого виден идиллический пейзаж. Хуан де Хуанес побывал в Италии и очень сильно стремился подражать Рафаэлю [6, с. 20]. Влияние мастера частично заметно в композиции, однако колористическое решение с его обилием темно-зеленых, охристых и золотистых цветов восходит, по большей части, к Тициану и Венецианской школе. Вспомним также, что у Тициана есть целая серия исторических портретов [9, с. 124].

Интересный момент, показывающий важность как итальянского, так и нидерландского влияния, – это отсутствие полотен-аллегорий в традиции испанского придворного портрета. Тициан в 1573-1575 гг. создал полотно «Филипп II посвящает инфанта Фернандо Победе». Однако этот пример является чуть ли не единичным, показывающим, что, несмотря на значительное итальянское влияние, испанские правители будут тяготеть к реализму нидерландской живописи.

Таким образом, итальянское влияние сыграло важную роль в формировании испанского придворного портрета. Само нидерландское искусство, которое сформировало вкусы Габсбургов, начинает ориентироваться на

итальянское. Итальянское искусство маньеризма с его аристократичностью, идеями элитарности и дистанцированности от простых людей отвечает интересам императора. Итальянцы привносят в придворную портретную живопись схемы, художественные приемы и атрибуты, которые будут использоваться в дальнейшем.

Список использованных источников и литературы:

1. *Малицкая К.М.* Испанская живопись XVI и XVII веков. М., 1947. С. 17–23.
2. Мастера искусства об искусстве. Избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов. Т. 1 // под общ. редакцией Д. Аркина и Б. Терновца. М., 1937. С. 286–287.
3. *Степанов А.В.* Искусство эпохи Возрождения. Нидерланды, Германия, Франция, Испания, Англия // Серия «Новая история искусства». СПб., 2009. С. 178–197.
4. *Alazard J.* The Florentine portrait. New York, 1968. P. 176.
5. *Cole B.* Titian and Venetian painting, 1450-1590. Boulder, 1999. P. 110.
6. *Jenkins M.D.* The state portrait. Its origin and evolution. New York, 1947. P. 20.
7. *McCorquodale C.* Bronzino. New York, 1981. P. 66
8. *Mulcahy R.* Philip II of Spain, Patron of the Arts. Dublin, 2004. P. 6.
9. *Nichols T.* Titian and the end of Venetian Renaissance. London, 2013. P. 99–124.

Для цитирования: *Насырова А.Р* "В соответствии с величием и достоинством его положения": итальянское влияние на формирование испанского придворного портрета в XVI веке // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 461–465.

Конструирование героя: биографии немецкой знати XV–XVI вв. на примере Георг фон Фрундсберга

Аннотация. Статья представляет собой попытку исследовать, на примере биографии Георга фон Фрундсберга, аспекты репрезентации имперской военной знати XV–XVI вв. В центре внимания находятся проблема конструирования его образа и восприятие системы ценностей эпохи глазами немецкого дворянства. Автор указывает, что традиционное дворянское самоопределение и самопрезентация через военные подвиги были всё ещё востребованы, а анализ отдельных частей произведения может пролить свет на мировоззрение знати той эпохи.

Ключевые слова: низшая знать, Георг фон Фрундсберг, Священная Римская империя.

Title: Constructing the hero: biographies of the German nobility of the 15th–16th centuries on the example of Georg von Frundsberg.

Abstract. The article is an attempt to study, using the example of Georg von Frundsberg's biography, aspects of the representation of the imperial military nobility of the 15th–16th centuries. In the center of attention are the problem of constructing his image and the perception of the value system of the era through the eyes of the German nobility. The author points out that traditional noble self-definition and self-presentation through military exploits were still in demand, and the analysis of individual parts of the work can shed light on the worldview of the nobility of that era.

Key words: the lower nobility, Georg von Frundsberg, Holy Roman Empire.

Примерно с конца XIV в. в социокультурной традиции Священной Римской империи (хотя данный тезис можно расширить и на всю Западную Европу) появился новый образ представителей военной, преимущественно низшей знати. В рассказах об их жизни (т. н. «военных биографиях» [4, Р. 23]) авторы выстраивали дискурс таким образом, чтобы привести традиционные средства легитимации знати в соответствие с постепенно меняющимся реалиям окружающего мира [7].

Эти «героические» образы являются частью спорных дискуссий о роли дворянства в обществе позднего средневековья. Вопреки тезису о дисфункциональности позднесредневековой знати Й. Хёйзинга [1, С. 116–129], речь едва ли идёт об отживающих идеалах. Напротив, они

Петров, Руслан Сергеевич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st085169@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Прокопьев, Андрей Юрьевич*, д-р ист. наук, проф. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Petrov, Ruslan Sergeevich — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st085169@student.spbu.ru

Scientific advisor: *Prokopyev, Andrey Yuryevich*, Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

олицетворяют желание дворянства следовать изменениям в военной и социальной сферах путём использования традиционных ресурсов легитимации дворянства, таких как военная или княжеская служба и династическая стратегия.

Наглядный пример — литературный образ Георга фон Фрундсберга, носившего (наряду с императором Максимилианом I) прозвище «отец ландскнехтов» [2, S. 11–15]. В 1568 г., через сорок лет после его смерти, был опубликован текст под названием «История господ Георга и Каспара фон Фрундсбергов...» [5]. Помимо биографического раздела о Георге фон Фрундсберге (его сын Каспар, упомянутый в названии, фигурирует лишь эпизодически), работа содержит описание Итальянских войн, в значительной степени основанное на трудах итальянских гуманистов Франческо Гвиччардини и Паоло Джовио, а также обширные отрывки антипапской полемики. Автор текста назван только во втором издании, вышедшем в 1572 г. [6, S. 12]: это гуманист, теолог и поэт Адам Райснер, который, как и Фрундсберги, был родом из Миндельхайма [3, S. 11]. Будучи спутником Георга фон Фрундсберга, он сопровождал его в путешествии в Италию в 1526–1528 гг. и поэтому может считаться очевидцем некоторых фрагментов биографии, написанной позднее. Однако природа текста до сих пор вызывает вопросы и точно установить авторство, по всей видимости, не представляется возможным [3, S. 40–50].

В предисловии автор называет в качестве заказчика Георга II фон Фрундсберга, внука Георга, сына Каспара фон Фрундсбергов, упомянутых в названии. В качестве заинтересованных лиц и спонсоров он называет и других дворян, связанных с Фрундсбергами и имевших даже княжеский титул; в этом контексте упоминается и пфальцграф Отто Генрих Пфальцский [6, S. 8]. Указано, что труд «... переиздаётся на благо всех любителей истории и военных людей» [6, S. 10]. Круг лиц, к которым обращался автор, таким образом в основном составляют представители низшего дворянства, проявляющие интерес к военной истории, часто по династическим и сословным причинам. Кроме того, можно предположить, что текст вызвал интерес и в недворянских учёных кругах. Однако к заявлениям из предисловия надо относиться критически. Оно имеет ярко выраженный литературный характер, и его целью является вписать произведение в традицию: называя покровителей, автор явно стремится придать ему вес и идентифицировать себя посредством ссылок; не столько рассказывает о причинах и целях написания своего текста, сколько стремится ориентировать его на определённый круг читателей.

Так, согласно предисловию, текст был написан потому, что «... многие более учёные и более компетентные люди говорили... что рыцарские

и доблестные деяния немцев мало понятны другим, что свободные народы... думают о них несправедливо, либо обращают храбрость, проявленную немцами, и почести, которые они приобрели, на свои собственные народы, и таким образом в целом принижают немцев» [6, S. 5].

Обвинение, следовательно, заключается в том, что иностранные авторы нанесли урон чести доблестной немецкой знати, отрицая её доблестные дела (под честью, таким образом, понимается дворянская честь, то есть честь воина, представляющая собой совокупность всех благородных добродетелей). Предисловие акцентирует связь войны и чести через использование соответствующей лексики: добродетели (нем. Tugenden), слава (нем. Ruhm), честь (нем. Ehre), доблесть (нем. Tapferkeit или Mannheit), военные деяния (нем. Kriegstaten). Помимо воинской идеи внимание читателя также обращается на идею княжеского служения: «... благородные господа Георг и Каспар фон Фрундсберги верно служили римским императорам в их благородных войнах... искали не своей, а общей славы и пользы... тем самым приобрели вечную славу и репутацию... проявив свой рыцарский дух» [6, S. 6]. Помимо понятий воинских деяний и чести тут также фигурирует общее благо, на которое автор (пусть имплицитно) призывает ориентироваться низшую знать, моделируя при этом Фрундсберга как слугу императора. Таким образом герой оказывается вписан в центр дискурса о чести, основным способом защиты которой является военная служба.

Тесно связано это и с традиционным для дворянства вопросом социальной сети, основу которой составляют родственники, а также «династической меморией»: «... каждый обязан воздавать честь, славу и похвалу... своим достойным славы предкам и переносить их в вечность в человеческой памяти» [5, S. 10]. А. Райснер предлагает своим адресатам идеологический ресурс, легитимизирующий их сословное положение: боевую традицию, а также семейные связи. Образцовыми отрывками для исследования Фрундсберга как героя войны, служат описание битв при Бикокке (27 апреля 1522 г.) и Павии (24 февраля 1525 г.) — двух побед империи, в которых тот (по словам А. Райснера) сыграл решающую роль.

В первом случае А. Райснер особо акцентирует внимание на моменте, предшествующем битве: «... Фрундсберг... опустился вместе со всеми на колени и, по своему обыкновению, воззвал к Богу, молясь о победе и счастье. После этого он сказал: “Вставайте в добрый час, во имя Божие!”» [6, S. 32], отмечая храбрость рыцаря, который: «... стоял в первых рядах...» [6, S. 32].

Автор делает акцент на поединке между Георгом и предводителем швейцарцев: «... навстречу ему шёл Альбрехт фон Штайн, командир

Швейцарцев... сказал Фрундсбергу, когда увидел его стоящим перед ним со своими войсками: «Я нашёл тебя здесь, ты должен умереть от моей руки»» [6, S. 32]. Сам поединок при этом описан довольно коротко: «Фрундсберг, хотя и получил раны, тем не менее... победил швейцарца... и его лейтенанта Арнольда Винкельрида... » [6, S. 32].

«Фрундсберг со своими капитанами уничтожил всех Швейцарцев, одержал в этот час победу, обратил их в бегство... » [6, S. 32] — он, таким образом, не просто один из командиров — именно его участие в битве представлено как решающий фактор, позволивший переломить её исход.

Отметим лишь, что роль поединка с вражеским командующим не стоит переоценивать — это скорее жанровая условность, согласно которой сражение сводится к противостоянию двух антагонистов [8]. В описании же битвы при Павии освещается уже не только и не столько личная доблесть Георга фон Фрундсберга, сколько его лидерские качества, как предводителя ландскнехтов: «При этом Георг фон Фрундсберг всё время держал немецких пехотинцев вместе, не позволяя ни одному из них обидеть или грабить другого, но сохранял их в порядке, в дисциплине и движении, пока всё не было завершено... » [6, S. 47] и полководческий талант: «Итальянские и французские войска... вышли к... войскам под предводительством Георга фон Фрундсберга... который тогда обратил в бегство эти войска... » [6, S. 47].

В качестве причастного к победе упомянут также и сын рыцаря: «Каспар фон Фрундсберг со своими воинами вышел из замка... через вражеские траншеи... на вражеское войско, которое стояло там... мужественно атаковал пешим порядком в первой шеренге со своей пехотой, преследовал врага... так отважно, что вскоре после этого был произведён в капитаны... » [6, S. 47]. Юный Каспар демонстрирует воинское мастерство, которое в тексте описывается с помощью актуальной лексики. Используются такие слова, как мужество («Tapfer», нем. Tapferkeit) и отвага («Künmütig», нем. Kühnheit). Это упоминание служит скорей всего династической легитимации: ведь книга была посвящена сыну Каспара — Георгу II, однако призвано оно и показать, как воинская доблесть может служить инструментом социальной мобильности на службе империи.

Подводя итог, отметим, что, хотя биографию Георга фон Фрундсберга, испытавшую влияние итальянского и немецкого (прежде всего — швабско-эльзасского) гуманизма, нельзя рассматривать как продолжение традиции позднесредневековых рыцарских биографий, тем не менее она информативна как пример стилизации благородной жизни. Текст служит задаче идентификации и ориентации знати в меняющемся мире. Он свидетельствует о том, что и в XV–XVI вв. традиционное дворянское

самоопределение и самопрезентация через военные подвиги были всё ещё востребованы, а анализ отдельных частей произведения может пролить свет на социально-политический контекст и мировоззрение знати той эпохи.

Список использованных источников и литературы

1. *Хейзинга Й.* Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Коммент., указатели Д. Э. Харитоновича. СПб., 2011. 768 с.
2. *Baumann R.* Mythos Frundsberg. Familie, Weggefährten, Gegner des Vaters der Landsknechte. Mindelheiml 2019. 244 s.
3. *Bucher O.* Adam Reissner: Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Reformation // Münchener Historische Studien Abteilung neuere Geschichte / Hrsg. F. Schabel. Bd. 2. Kallmünz, 1957. 79 s.
4. *Cohn H. J.* Götz von Berlichingen and the Art of Military Autobiography // War, Literature and the Arts in Sixteenth-Century Europe. Warwick Studies in the European Humanities / J. R. Mulryne, M. Shewring. London, 1989. PP. 22–40.
5. *Reißner A.* Historia Herrn Georgen vnnd Herrn Casparn von Frundsberg, Vater und Sohn, beyder Herrn zu Mindelheim, 2c. Keyserlicher Oberster Feldtherm, Darinn neben ihren Ritterlichen vnd löblicher Kriegssthaten. Frankfurt am Main: Georg Rabe, Sigmund Feyerabend vnd Weygand Hanen Erben, 1568. 434 s.
6. *Reißner A.* Historia Herrn Georgen vnnd Herrn Casparn von Frundsberg: Vatters und Sons, beyder Herrn zu Mündelheym, 2c. Keyserlicher Oberster Feldtherrn. Darinn neben jren Ritterlichen, mannlichen und löblicher Kriegssthaten, auch der fürnembsten Händel und trefflichen Kriege, so vom jar 1492.n, 1572. 438 s.
7. *Schreier G.* Mittelalter // Humanities–Sozial und Kulturgeschichte. Kommunikation und Fachinformation für die Geschichtswissenschaften. URL: <https://www.hsozkult.de/literaturereview/id/fdl-136846> (Дата обращения: 20.10.2023).
8. *Speitkamp W.* Ohrfeige, Duell und Ehrenmord. Eine Geschichte der Ehre. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2010. 366 s.

Для цитирования: Петров Р. С. Конструирование героя: биографии немецкой знати XV–XVI вв. на примере Георг фон Фрундсберга // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 466–470.

Владимиров Дмитрий Александрович
**Образы крестьянства в романе «Затейливый Симплициссимус» Г.Я.К.
Гриммельсгаузена**

Аннотация. Роман «Затейливый Симплициссимус» немецкого писателя конца XVII столетия Г.Я.К. Гриммельсгаузена уже при жизни автора обрёл культовый статус. Роман отражает ужасы Тридцатилетней войны и состояние общества в момент серьезных социальных потрясений. В статье рассматривается важная часть социума того времени, наиболее пострадавшего во время войны, – крестьянство, анализируются представления о нем автора и созданные им образы.

Ключевые слова: Гриммельсгаузен; Симплиций Симплициссимус; крестьянство Германии

Title: Images of peasantry in the novel «Simlicius Simlicissimus» by Hans Jakob Christoffel von Grimmelshausen

Abstract. The novel «Simlicius Simlicissimus» written by Hans Jakob Christoffel von Grimmelshausen in the end of XVII century became popular as a masterpiece of German adventure literature. It reflects grief and pain of war and the society in the state of most serious perturbations. The paper explores the significant part of the society that suffered the most because of the war, that was peasantry, analyses its perception and its images in the novel.

Key words: Hans Jakob Christoffel von Grimmelshausen, Simlicius Simlicissimus, German peasantry

Ганс Якоб Кристоффель фон Гриммельсгаузен родился в 1621 году в немецком городе Гельнгаузене. Ему довелось быть активным участником самого крупного европейского конфликта XVII века – с конца 1630-х годов он принимал участие в Тридцатилетней войне в составе армии Иоганна Гёца. На излёте своих дней он взялся за перо и обнаружил себя как талантливого писателя. Первое издание романа «Симплициссимус» относится к 1669 году [4, с. 502]. Он сразу снискал популярность у современников, о чем красноречиво говорят пять прижизненных изданий, а потомки сочли роман «Симплициссимус» одним из важнейших немецких литературных памятников конца XVII века. Именно по этим причинам нам интересны образы крестьянства, созданные Г.Я.К. Гриммельсгаузен. Роман состоит из 6 книг и 3 небольших продолжений, а мотивом

Владимиров, Дмитрий Александрович – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия; vl_mituika@icloud.com

Научный руководитель: *Редькова, Ирина Сергеевна* канд. ист. наук, доц. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия.

Vladimirov, Dimitriy Aleksandrovich – St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia; vl_mituika@icloud.com

Scientific adviser: *Redkova Irina Sergeevna*, Candidate of Historical Sciences, Assoc. Prof., St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia.

его создания, по признанию самого автора, являлось «желание со смехом описать правду» [1, с. 4].

Проблема крестьянства была одной из ключевых тем марксистской историографии, и на материале Тридцатилетней войны такие исследователи рассматривали крестьян в борьбе с правящими стратами общества [5; 8]. В новой исторической науке тема крестьян рассматривалась лишь по касательной, в контексте изучения истории повседневности [12] или проблемы насилия [9, 3], но и в этом ракурсе можно выделить два полярных представления о крестьянстве. В некоторых исследованиях крестьянство предстает достойным, благородным и почтенным социальным слоем [11], другие же ученые обращают внимание на жестокость и безрелигиозность крестьян [10]. В современной отечественной историографии взгляд на крестьянина эпохи Тридцатилетней войны тоже неоднозначен: Л.Б. Сумм выделяет яркий антагонизм активных участников войны и ее жертв, т.е. солдат и крестьян [7], а А.М. Кузнецова отрицает прокрестьянский характер романа, поскольку сатирический элемент «артериальной и венозной кровью струится по кровеносной системе романа», и от этой сатиры не укрылось и крестьянство [2]. В нашей статье будет предпринята попытка провести ревизию исследовательской проблемы крестьянства в романе «Затейливый Симплициссимус».

Представляется необходимым уточнить, какой социальный слой автор понимает под словом «крестьянин» и его синонимом «мужик», ведь в романе представители данного слоя упоминаются: в лесу, среди мародеров, в качестве беженцев, с оружием в руках и ни разу не упоминаются с плугом в поле. Кроме того, следует учесть проблему крепостных отношений. Г.Я.К. Гриммельсгаузен был солдатом, трактирщиком, наместником, претором, но никогда не работал на земле, и, хотя он имел непосредственное общение с крестьянами, сам не принадлежал к этому сословию. Очевидно, он причисляет всех, кто не живёт в городе, не является священнослужителем и не несет воинскую службу, к крестьянам. Решить проблему отображения крепостного строя в романе нам поможет локализация действия романа – его события разворачиваются в основном на западе и юго-западе Германии. На этих территориях крепостное право не имело такого распространения, как на северо-востоке Германии [6, с. 298]. Г.Я.К. Гриммельсгаузен и сам жил на юго-западе Германии, что дает основание предположить, что в романе изображено именно крестьянство юго-западных территорий: Симплиций сталкивается с барщиной лишь единожды, и то там, где войны нет – на самом краю Германии в Шварцвальде [1, с. 338]. Таким образом, в данном исследовании не будут рассматриваться отдельно образы крепостного и свободного крестьянства.

В романе нет резонёра – даже идеи главного героя романа Симплиция нельзя полностью считать воплощением того образа крестьянства, который стремился донести до читателя автор. Есть несколько «изводов» Симплиция, которые порой друг другу противоречат: например, несмышлёный Симплиций и Симплиций-писатель, от лица которого ведется рассказ. Кроме того, в романе есть и другие персонажи, высказывающие свое мнение относительно крестьянства: они могли быть проводниками позиции автора –

это фельдфебель, «дворянский прихвостень» и секретарь.

Несмышлёный Симплиций – это главный герой в самом начале пути, которого автор делает несведущим в человеческом мире, доводя идею *tabula rasa* до абсурда. Такой образ выполняет две цели: это критика общества и создание комического эффекта. Так, важно предположение Симплиция о существовании двух родов людей – «дикие и кроткие» [1, с. 39], соответственно, солдат и крестьян – возникает образ крестьянства-жертвы. Хотя далее и следует замечание, что он так думал «по своей дурасти» [1, с. 39], необходимо учитывать, что предыдущей сценой была попытка крестьян солдатами, и подразумевается, что читатель оглашается с высказыванием несмышлёного Симплиция. Свои симпатии к крестьянству несмышлёный Симплиций также показывает в иронической песенке, которую «он перенял от матки» [1, с. 16], о том, что «презренен от всех мужичий род» [1, с. 16]. Таково его состояние, чтобы не возгордиться, поскольку крестьяне важны для общества, его опора, и без их труда оно не сможет существовать [1, с. 16-17]. Интересно, что эту песню поёт Симплиций так, «что на огороде жабы могли передохнуть» [1, с. 16]. Таким образом, мы сталкиваемся с двойной иронией: Гриммельсгаузен создаёт иронический контекст, в котором Симплиций поёт песню, в которой в ироническом ключе описывается положительный образ крестьянства. Автор укутывает в иронию близкую ему идею, пафоса которой, видимо, несколько стесняется.

Возникает некоторая проблема относительно того, к какому «изводу» Симплиция можно отнести сон про устройство мира, который видит малолетний Симплиций: с одной стороны, это снится несмышлёному Симплицию, но с другой, в нём явно выражена позиция уже Симплиция-писателя, поскольку во сне не обнаруживается характерного для несмышлёного Симплиция непонимания устройства мира. Это побуждает нас отнести описание сна к точке зрения Симплиция-писателя. Необходимо заметить, что рассказик является отдельным «изводом» Симплиция, которого мы и обозначили как Симплиций-писатель, и не выражает полностью позиции самого Гриммельсгаузена, так как по сюжету книги,

роман был написан главным героем в одиночестве на острове [1, с. 430]. Итак, Симплицию снятся деревья, корнями которых являются низшие слои общества и, как отмечается, по большей части именно крестьяне, а дальше на ветках уже солдаты, дворяне и на верхушке князь. Корни «сообщали тому древу силу» [1, с. 40], однако «были обречены на одни токмо тяготы и сетования» [1, с. 40], так как дерево на них сверху очень сильно давило и черпало силы. Похожий образ крестьянства как основы общества мы уже отметили в песенке несмыслёного Симплиция, однако здесь это дополняется тем, что крестьяне сами периодически восполняли освободившиеся места на дереве. Представленный образ не статичен, как в песне, а указывает также и на вертикальную социальную мобильность крестьянства.

В течение повествования Симплиций-писатель уделяет значительное место описанию противоборства крестьян и солдат. Ополчившихся крестьян, напавших на солдат и начавших «гнусно вопить» да так, что его волосы «ощетинились» [1, с. 35], он сравнивает с осиным гнездом. Далее крестьяне принялись убивать и пытать солдат, причем не с целью защиты дома, а так как они «мало охочи допускать кого глумиться над их навозом» [1, с. 36]. Казалось бы, он в данном месте описывает представителей крестьянства неоднозначными эпитетами, но всё же, исходя из контекста, его симпатии на стороне крестьян, а неоднозначные эпитеты в данном случае направлены в большей степени на создание комического эффекта. Более явно отдаёт свои симпатии крестьянам Симплиций-писатель в эпизоде, где уже крестьяне отбивались от мародеров, сочувственно называя их «бедные мужики» [1, с. 110]. Тут вновь проявляется уже знакомый нам образ крестьянства-жертвы. Важным составляющим определению образа крестьянства в представлении Симплиция-писателя являются прилагательные, которые он приписывает крестьянам вне их противоборства с солдатами. Чаще всего он использует слова, синонимичные грубости и необразованности: «мужицкая моя грубость» [1, с. 27], «грубый пентюх» [1, с. 310] и другие. Увидев, каким образом некий крестьянин воспитывает своего сына, и вспоминая, что таким же образом воспитывали и его, Симплиций-писатель отмечает: «и всё же я не был столь честен и благочестив, чтобы возблагодарить Бога за то, что он исторг меня из толикой темноты и невежества и привел меня к лучшей науке и познанию» [1, с. 219].

Двумя главными героями уже упомянутого нами выше сна несмыслёного Симплиция были безымянные фельдфебель и «дворянский прихвостень». Между ними разгорелся спор относительно устройства мира, так как фельдфебель был недоволен, что дворяне обладали большими возможностями делать карьеру, нежели остальные сословия. Основной

темой, заботившей фельдфебеля, была судьба солдат, однако с целью придания веса своей позиции он касается и проблем сложности продвижения по службе и получения образования крестьянами: «среди мужиков гибнет много благородной остроты ума» [1, с. 45]. Таким образом, он указывал, что крестьянин глуп и груб не потому, что он таким родился, а потому, что у него нет возможности получить образование. Но Симплиций уличает фельдфебеля в популизме и лицемерии: «Долее слушать старого сего осла я не захотел, <...> ибо он [сам] частенько лупил бедных солдат, словно собак» [1, с. 45]. «Дворянский прихвостень», соглашается, с тем, что некоторые крестьяне способны обучаться, но отрицает невозможность социального лифта. В качестве подтверждения он приводит большой список исторических личностей, принадлежавших к низшим слоям, которые смогли сделать карьеру [1, с. 44]. Но он также отметил, что люди с большей готовностью готовы подчиняться выходцам из «благородного сословия», нежели «мужицкому сыну, который сбежал от плуга» [1, с. 42].

Идея о том, что среди крестьян есть умные люди, прослеживается также в диалоге несмышленого Симплиция с секретарём. Так, когда Симплиций удивляется, что все крестьяне зарабатывают пищу в поте лица своего, и спрашивает, почему они не занимаются тем же, что и секретарь и другие чиновники, тот перечисляет много причин, и среди них – что некоторые из крестьян «все знают и могут, что сюда надлежит, да только живут они не на везучем месте и не имеют, подобно мне, к тому случая, чтобы в оном искусстве должным образом упражняться» [1, с. 65]. Однако, хотя секретарь и отмечает способность крестьян к обучению, но и у него, в одной из речей, можно встретить фразу: «батяка был грубый шпессертский мужик» [1, с. 97]. То есть, утверждение, что крестьяне грубы, не исключает способности некоторых из них к образованию.

Мы видим, что каждый из представленных героев имеет как негативное, так и положительное мнение о крестьянстве. Гриммельсгаузен совсем не идеализирует крестьянство, как это пытались представить некоторые советские исследователи, но роман ни в коем случае и не является сатирой на него. Таким образом, у проанализированных персонажей можно выделить два основных образа крестьянина: 1) грубый и необразованный мужик, не имеющий возможности получить образование и поэтому не способный исправить данные недостатки; 2) крестьянин-жертва, трудами которого держится всё общество, несущий издержки войны. Эти образы несколько разнятся, в соответствии с характерами персонажей, их излагающих, но присутствуют у каждого из нами проанализированных действующих лиц романа. Оба этих образа мы не можем

характеризовать ни как однозначно положительные, ни как однозначно отрицательные – благодаря этому Г.Я.К. Гриммельсгаузен создаёт неоднозначное и ёмкое представление о крестьянстве.

Список использованных источников и литературы

- 1) *Гриммельсгаузен Г.Я.* К. Симплициссимус (пер. с нем. А.А. Морозов; Э.Г. Морозова). Л., 1967. – 673 с.
- 2) *Кузнецова А.М.* «Интерпретация исторической действительности в романе Ганса Якоба Кристоффеля Гриммельсгаузена «Симплициссимус»». URL: <http://theoryofculture.ru/issues/111/1314/> (дата обращения: 28.10.2023).
- 3) *Лазарева А.В.* «Дочь греха»: образ Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.) в немецкой публицистике XVII века. URL: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/1/7> (дата обращения 16.03.2024).
- 4) *Морозов А.А.* Гриммельсгаузен и его роман «Симплициссимус» // Симплициссимус. Л., 1967. С. 475-607.
- 5) *Пуришев Б.И.* Очерки немецкой литературы XV-XVII веков. М., 1955. – 391 с.
- 6) *Прокопьев А.Ю.* Тридцатилетняя война. СПб., 2020. – 385 с.
- 7) *Сумм Л.Б.* Скоро-другой // Симплициссимус. М., 2007. С. 7-26.
- 8) *Vog I.* Die Bäuerliche Wirtschaft im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges. Coburg: Veste, 1952.
- 9) *Merzhäuser A.* Über die Schwelle geführt. Anmerkungen zur Gewaltdarstellung in Grimmelshausens Simplicissimus // Ein Schauplatz herber Angst: Wahrnehmung und Darstellung von Gewalt im 17. Jahrhundert. 1997. Wallstein. P. 65-82.
- 10) *Prickett-Barnes D.* "The filthiest service in the world": Sodomy, emasculation, honor and shame in the Early Modern period // Wahrnehmung und Herstellung von Geschlecht. 1999/ Westdeutscher Verlag. P. 37-47.
- 11) *Stevens P.* Society & Social Critique in Grimmelshausen's Simplicissimus Teutsch. A Thesis, University of Georgia. Athens, 2005.
- 12) *Zwischen Alltag und Katastrophe. Der Dreißigjährige Krieg aus der Nähe* // Hrsg. von B. Krusenstjern. Göttingen, 1999.

Для цитирования: *Владимиров Д.А.* Образы крестьянства в романе «Затейливый Симплициссимус» Г.Я.К. Гриммельсгаузена // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 471– 476.

Меланхтон и Евхаристический вопрос в текстах прокальвинистских теологов Бремена конца XVI века

Аннотация. В данной статье рассматриваются тезисы проповедников города Бремен относительно таинства Причастия на основе публицистики, составленной в начале 1590-х годов. Склонявшиеся к кальвинизму богословы города апеллировали к авторитету Филиппа Меланхтона, который в Евхаристическом споре придерживался позиции, не соответствовавшей евангелической догме.

Ключевые слова: Филипп Меланхтон, Евхаристический спор, криптокальвинизм, Бремен.

Title: Melancthon and the Eucharistic question in the texts of the Pro-Calvinist theologians of Bremen at the end of the XVI century.

Abstract. This article examines the theses of the preachers of the city of Bremen regarding the sacrament of the Communion on the basis of writings compiled in the early 1590s. The theologians of the city, inclined to Calvinism, appealed to the authority of Philip Melancthon, who in the Eucharistic dispute adhered to a position that did not correspond to evangelical dogma.

Key words: Philipp Melancthon, The Eucharistic Dispute, Cryptocalvinism, Bremen.

На протяжении всего XVI столетия в разных частях Империи разворачивались богословские споры, связанные с догматическими особенностями складывающихся протестантских конфессий. Хрупкий баланс среди евангелических реформаторов был нарушен смертью Мартина Лютера в 1546 году. Его ближайшим другом и преемником был Филипп Меланхтон, вставший во главе Евангелической церкви. Вскоре противоречия между лютеранскими теологами, соратниками великого реформатора, перешли в активную фазу. В том числе это было вызвано недовольством богословскими взглядами Меланхтона. В 1540 году он самовольно изменил десятую статью Аугсбургского исповедания, толковавшую таинство Причастия. Вместо выражения «in pane», «в хлебе», он написал «cum pane», то есть «с хлебом». Текст Меланхтона не соответствовал ортодоксальному лютеранскому взгляду на Евхаристию. Появилось два текста

Кравченко, Константин Ильич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st096401@student.spbu.ru, constinfinite@yandex.ru
Научный руководитель: Бережная, Наталья Александровна, канд. ист. наук, старший преподаватель. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Kravchenko, Konstantin Ilych — Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; st096401@student.spbu.ru, constinfinite@yandex.ru
Scientific adviser: Berezhnaya, Natalia Alexandrovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

лютеранского исповедания: «Confessio Augustana invariata» (1530 г.) и «Confessio Augustana variata» (1540 г.).

После смерти Меланхтона спор о Причастии стал одним из основных пунктов разногласий между небольшой группой его учеников (филиппистов) и ортодоксальных лютеран. Так, они пытались доказать, что реальное присутствие Христа не стоит объяснять через учение о повсеместном присутствии (Ubiquitätslehre). Наиболее заметным из последователей Меланхтона был Кристоф Пецель, суперинтендант Бремена в 1584–1604 гг. При нём городские проповедники отказались подписывать Формулу и Книгу Согласия, вступили в длительные споры с её составителями: Якобом Андрез, Николаусом Зельнекером и Мартином Хемницем, а также Даниэлем Хофманом, лютеранским богословом из Хельмштедта. Анализируя тезисы Пецеля о Причастии, ортодоксальные лютеране сделали выводы о его реформатских взглядах, после чего на него посыпались обвинения в криптокальвинизме. Через несколько десятилетий в городе действительно установится реформатское вероучение.

Пolemические сочинения прокальвинистских theologов Бремена привлекли внимание исследователей ещё во второй половине XIX века. Так немецкий историк и кальвинистский theolog Генрих Юлиус Хеппе в книге «Происхождение и история терминов „реформатская“ и „лютеранская“ церковь» [6, S. 85–87] на основе публицистики эпохи Реформации попытался выделить причины, по которым немецкие реформаты стремились затушевать свою связь с учением Жана Кальвина.

Вильгельм фон Биппен, автор трёхтомной «Истории города Бремена» [4, S. 277–287], впервые обратился к сочинениям городских theologов начала 1580-х годов и попытался систематизировать предыдущие работы по церковной истории северонемецкого Бремена. В изданной Отто Вееком в начале XX века «Истории реформатской церкви Бремена» анализируются некоторые трактаты, составленные под руководством Пецеля, как и сочинение «Consensus Bremensis» (1595 г.), написанное, по мнению автора, в соответствии с кальвинистской доктриной [8, S. 46–65].

В 1958 году Юрген Мольтман в книге «Кристоф Пецель (1539–1604) и кальвинизм в Бремене» [7, S. 135–146] попытался рассмотреть некоторые сочинения Пецеля, однако, из-за обилия материала автором рассматриваются только сочинения, адресованные Николаусу Зельнекеру. Интерес представляют работы Ирен Дингель [5, S. 369–413], в которых автором рассматривается деятельность Пецеля в должности суперинтенданта города, а также богословские споры бременских проповедников с Якобом Андрез. Кроме того, автор уделяет внимание полемике

с Даниэлем Хофманом и анализирует «Ангальтское исповедание» (1585 г.) [5, S. 338–344].

Таким образом, содержание большей части полемических работ теологов Бремена конца XVI века не были рассмотрены историками с должным вниманием. В данной статье будет проанализирована позиция склонявшихся к кальвинизму бременских проповедников по вопросу таинства Причастия, с которой были не согласны лютеранские богословы.

Источниками для нас стали «Истинный отчёт об усовершенствованных образцах Аугсбургского вероисповедания» (1591 г.) [10], «О сдержанности и умеренности господина Филиппа Меланхтона в споре о Святом Причастии» (1592 г.) [9], «Повторный христианский и скромный ответ доктора Кристофа Пецеля» (1592 г.) [3], а также текст Книги Согласия [1] на русском языке.

Основные дискуссии, разворачивавшиеся в протестантской Германии XVI века, касались таинства Евхаристии. Они показали несовместимость филиппистской точки зрения с подлинным лютеранством [2, С. 234]: позицию Меланхтона можно считать промежуточной между Лютером и Кальвином. После смерти доктора Филиппа в 1560 году между его учениками произойдет раскол: одни, как Викторин Штригель и Кристоф Пецель, впоследствии приблизятся к кальвинизму, а другие, как Николаус Зельнеккер и Даниэль Хофман, будут настаивать на сохранении чистой евангелической догмы [2, С. 228–229]. Нечёткая формулировка в статьях измененной версии Аугсбургского исповедания позволяла прокальвинистским богословам апеллировать к авторитету и сочинениям Меланхтона. Лютеранские богословы не были с этим согласны и настаивали на использовании Аугсбургского исповедания 1530 года, включённого в Книгу Согласия.

«Что же заставляет Зельнеккера порицать это мнение [Меланхтона. — К. К.] <...> и усовершенствованный экземпляр Аугсбургского исповедания, в котором говорится, что Тело и Кровь Христа будут даны с Хлебом и Вином во время Причастия, что он называет цвинглианской путаницей?» [10, S.):(ii)] — с удивлением пишет Кристоф Пецель. В защиту измененной версии Аугсбургского исповедания он приводит парадоксальные высказывания самого Зельнеккера: «Восприятие тела Христова — это сверхъестественное, небесное, божественное, духовное знание» [10, S.):(ii).v] — и далее упрекает Зельнеккера, что тот «с юности считал Эколампадия учёнейшим и благочестивейшим из цвинглиан» [10, S.):(iii)]. Рассматривая его позицию в споре о Причастии, Пецель обращает внимание читателей, что «Зельнеккер вопреки своей воле вынужден был признать, даже выдать за свое мнение то, чему учат и что исповедуют кальвинисты (к

которым он причисляет и Филиппа после смерти Лютера)» [10, S.]:(iii)]. Таким образом, Пецель намекает, что Зельнеккер не может обвинять других теологов в том, что они разделяют кальвинистские догмы, в то время как он сам явно принимает ряд кальвинистских тезисов. Больше всего бременских проповедников задевает негативное отношение Зельнеккера к Меланхтону и изменению им Аугсбургского исповедания: «В предисловии он [Зельнеккер. — К. К.] не может допустить, что те, кто придерживается мнения Филиппа <...> должны считаться родственными Аугсбургскому вероисповеданию» [10, S.]:(iii).v].

Позиция Бремена в Евхаристическом споре такова: «Мы едим Хлеб устами нашего тела (*ore corporis*), а Тело мы едим устами веры (*ore fidei*). Хлеб мы едим в соответствии с внешним человеком, но Тело Христово мы вкушаем в соответствии с внутренним человеком» [10, S.]:(ii).v] и далее — «Небесное благо, Иисуса Христа с его Телом и Кровью, заслугами и силой, как истинный и животворящий Небесный Хлеб да будет восприниматься <...> устами душ, то есть верой» [10, S.]:(ii).v]. Выражение «через веру», как считается, является синонимом соединения с Христом в таинстве Евхаристии посредством его Божественной природы, и этот маркер позволяет говорить о прокальвинистских взглядах бременских проповедников. Но это не согласуется с формулировкой из Формулы Согласия (Конспективное изложение VII, 7): «Мы веруем, учим и исповедуем, что слова завета Христова не должны пониматься иначе, кроме как в своем буквальном значении, и что <...> они [хлеб и вино] подлинно являются Телом Христовым и Кровью Христовой» [1, С. 610]. Позиция бременских теологов явно противоречит взглядам составителей Книги Согласия.

В отношении Даниэля Хофмана следует подчеркнуть, что, по его мнению, Меланхтон совершил ошибку, изменив текст Аугсбургского исповедания, однако он не отвергал его наследия полностью. Хофман не хотел мириться с тем, что прокальвинистские богословы прикрываются авторитетом Меланхтона, из-за чего и началась его вражда с Кристофом Пецелем. Стоит отметить, что у Хофмана также были причины личного характера для противостояния Пецелю: его женой была Мария, дочь изгнанного из Бремена суперинтенданта Симона Мусеуса, придерживавшегося ортодоксально лютеранских взглядов; кроме того, на второй дочери Мусеуса, Барбаре, был женат также изгнанный из Бремена и кальвинистского Пфальца Тилеманн Хесхус.

Так, Хофман отмечает, что «Филипп и Буцер выдвинули сомнительные формулы, относящиеся к Причастию» [9, S. viii].v–Vvj]. Кроме того, он поддерживает тех, «кто хотел бы сохранить старое чистое учение Ауг-

сбургского исповедания» [9, S. Vj–Vj.v]. Виновником же распространения в Бремене кальвинистского вероучения, по мнению Хофмана, был не кто иной, как Альберт Харденберг, справедливо изгнанный из города в 1561 году. В отношении Харденберга он пишет: «Доктор Харденберг похвалялся дружбой и согласием с господином Филиппом» [9, S. Vj.v–Bij] и продолжает — «Харденберг раскрыл господину Филиппу именно то мерзкое учение, которое он обычно проповедовал за его спиной» [9, S. Vij.v]. В качестве аргумента он приводит содержание переписки между Меланхтоном к Харденбергом. Суперинтендант Бремена отмечает по этому поводу, что он «печатал [эти письма. — К. К.] в течение нескольких лет» [3, S. Vj], но достоверность некоторых печатных посланий — вероятно, тех, на которые ссылается Хофман, «может вызывать сомнения» [3, S. Cj.v].

В защиту Харденберга Пецель пишет: «его учение с Аугсбургским исповеданием однообразно и согласуется» [3, S. Bij]. Однако оно согласуется лишь с измененной версией исповедания, тем самым Пецель ещё раз апеллирует к авторитету Меланхтона. «Мы не можем относиться к Доктору Альберту» — пишет Пецель — «нашему любимому учителю как к нечестивому руководителю, злословить, осквернять, проклинать или избегать <...> в течение стольких лет мы не находили в его жизни ничего дурного, в том числе соблазна в его учении» [3, S. Bij]. По мнению Пецеля, Хофман основывает свои тезисы на пунктах, которых нет в Аугсбургском исповедании: «Хлеб и Вино есть Тело и Кровь Христовы существенные, естественные, сущностные, субстанциональные, натуральные <...> этого нельзя найти в Аугсбургском исповедании» [3, S. Bij] и далее — «И не только я, но и ангальтские богословы должны сказать ему [Хофману. — К. К.] об этом» [3, S. Viiiij]. Подводя итоги, Пецель отмечает, что «между доктором Альбертом и Филиппом Меланхтоном произошёл разрыв» [3, S. Cj.v], тем самым огораживая учителя от связей с кальвинистами.

Уязвленный усилением позиций криптокальвинистов, Хофман заявляет: «Кальвин также демонстрирует свое несогласие с Причастием <...> теперь становится более понятным, что Кальвин имел на своей стороне господина Филиппа» [9, S. Vvj.v–Vvij.v]. Однако кальвинистское понимание таинства Евхаристии было «отвергнуто доктором Лютером» [9, S. Vvj.v–Vvij.v]. Но и Хофман пытается защитить Меланхтона, поэтому приводит его слова: «Я предпочел бы умереть, прежде чем сказать, подобно Цвингли, что Тело Христово не может быть нигде, кроме как в одном месте» [9, S. Cvij.v–Cviiiij]. Этим ангальтский богослов (по примеру Пецеля) также пытался защитить Меланхтона, ограждая его от любых

связей с цвинглианами. В то же время Хофман вновь осуждает Пецеля, поскольку последователи учения Ульриха Цвингли были осуждены самим Мартином Лютером.

Бремен стал самым крупным городом Северной Германии, где утвердилось реформатское вероучение. Наибольшее влияние на этот процесс в рассматриваемый период оказал ученик Меланхтона — Кристоф Пецель. При нём город будет вести самые значимые споры с ортодоксально лютеранскими богословами, среди которых будут составители Формулы и Книги Согласия, а также теологи из других немецких земель. Прикрываясь авторитетом Меланхтона, Пецель навлечёт на себя их гнев. Особенно напряжёнными будут дискуссии, касавшиеся таинства Причастия, поскольку на основании изложенных тезисов можно было определить, догматики какой конфессии придерживался Пецель. На основании текстов, составленных под руководством Пецеля в 1590-е годы, становится понятно, что позиция бременских проповедников в вопросах Евхаристии в соответствии не изложенной в Формуле Согласия лютеранской догматике, а кальвинистской. Однако Бремен не будет называть свою церковь реформатской вплоть до конца XVI века, а считать его кальвинистским можно будет только после подписания статей Синода в нидерландском Дордрехте в 1618–1619 гг.

Список использованных источников и литературы

1. Книга Согласия: Вероисповедание и учение Лютеранской церкви. М., 2018. 815 с.
2. Хеггдунд Б. История теологии / Пер. с швед. В. Володин; Теол. ред. А. Прилуцкий. СПб., 2001. 369 с.
3. Abermals Christliche vnd bescheidene GegenAntwort D. Christophori Pezelii, auff das Büchlein, so Daniel Hoffmann zu Helmstedt von der Moderation vnd Messigung Herrn Philippi Melanthonis, in dem Streit vom H. Abendmahl Intituliret hat. Bremen, 1592. 110 S.
4. Bippen W. von. Geschichte der Stadt Bremen. Bd. 2. Bremen, 1898. 414 S.
5. Dingel I. Concordia controversa. Die öffentlichen Diskussionen um das lutherische Konkordienwerk am Ende des 16. Jahrhunderts. Gütersloh, 1996. 782 S.
6. Heppe H. Ursprung und Geschichte der Bezeichnungen „reformirte“ und „lutherische“ Kirche. Gotha, 1859. 104 S.
7. Moltmann J. Christoph Pezel (1539–1604) und der Calvinismus in Bremen // Hospitium Ecclesiae. Bd. 2. Bremen: Einkehr, 1958. S. 1–198.
8. Veck O. Geschichte der Reformierten Kirche Bremens. Bremen: Gustav Winter, 1909. 319 S.
9. Von der Moderation und messigung H. Phil. Melanthonis in dem betrübtem Landwirigem Streite vom h. Abendmahl. Helmstadt: Iacobum Lucium, 1592. 168 S.
10. Warhaffter Bericht von den verbesserten Exemplaren Augsp. Confession und warumb es eigentlich zu thun sey inn dem Streit vom h. Nachtmal. Bremen: Bernhard Peterß, 1591. 110 S.

Для цитирования: Кравченко К. И. Меланхтон и Евхаристический вопрос в текстах прокальвинистских теологов Бремена конца XVI века // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 477–483.

Содержание

<i>Обращение к читателям</i>	3
СЕКЦИЯ. ОТ МИРА ДО ВОЙНЫ В АНТИЧНОМ МИРЕ	5
<i>Зонова Н. Д.</i> Дейномениды в Олимпии и Дельфах: проблемы репрезентации	5
СЕКЦИЯ. АРХЕОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	12
<i>Макаров И. Б.</i> Этнический облик Верхнего Потисья в V веке).....	12
<i>Соловьева М. В.</i> Письма руководителя Куйбышевской археологической экспедиции А.П. Смирнова в Тольяттинском государственном архиве как исторический источник	18
СЕКЦИЯ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В XIX – XX ВВ.	23
<i>Долинский А. П.</i> Восстание декабристов в восприятии современников в Испании (по материалам испанской прессы)	23
<i>Андряков Д. В.</i> Проблема нейтралитета России в годы франко-прусской войны на страницах газеты «Московские ведомости»	29
<i>Харина Д. А.</i> Проекты «русского Египта» на страницах петербургской газеты «Новое время» в 1910 г.....	37
<i>Кочеткова В. Е.</i> Реакция прессы США на антикоммунистическую компанию Джозефа Маккарти (февраль – март 1950 г.).....	43
<i>Стрелков Д. Д.</i> «Диктатор или демократ?»: Шарль де Голль в обозрении американской периодической печати в 1958-1959 годах	50
СЕКЦИЯ. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА	56
<i>Гелен Е. В.</i> Советская и немецкая пропаганды в области сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Ленинградской области).....	56
СЕКЦИЯ. МУЗЕИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	63
<i>Алешко Г. А.</i> Экскурсионный метод в советской школьной программе: Петроградская Экскурсионная Конференция 1923 г.....	63
<i>Сапрыкина А. Е.</i> Светское или антирелигиозное в Софийском соборе-музее Новгорода? (1929–1940 гг.).....	69
<i>Скуднева М. В.</i> Основные направления музеефикации городской среды средневековой части Выборга 75	75
<i>Богатырева А. Е.</i> Защита прав музеев при незаконном воспроизведении музейных предметов.....	81
<i>Большаков М. В.</i> Опыт атрибуции и датирования этнографического текстиля в музейной практике	87

СЕКЦИЯ. ЦЕРКОВЬ И ВЛАСТЬ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ 93

Малеев Д. Ю. Взаимоотношения королевской власти и церкви в меровингской Галлии во втор. половине VII в. – начале VIII в. (по протоколам королевского суда) 93

Малькова А. Н. Стратегии формирования образа правителя на примере князя Владимира Святославича и конунга Олава Трюггвасона (по материалам «Повести временных лет» и «Саги об Олаве Трюггвасоне») 99

Ершов А. Р. Кардинал де Рец и его размышления о Парижском Парламенте в контексте становления абсолютной королевской власти во Франции 105

СЕКЦИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ 111

Соковнина С. А. Развитие ремёсел в Бресте в середине XVI века 111

Ким М. Ш. Алфавитно-хронологическая компиляция как источник по изучению русской культуры XVII в. 117

Мартын В. А. Биография Симона Аршаковича Тер-Петросяна (Камо). Проблемы историографии..... 123

Штацкая А. М. Личные дела советских студентов как исторический источник в отечественных научных исследованиях 129

СЕКЦИЯ. КИНО И ЛИТЕРАТУРА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ 135

Курганевич Д. В. Кино и агитация в провинции: от представления власти до реализации (на материалах Новгородской области 1955–1961 гг.) 135

Мазихин М. Н. Проблема интерпретации театральности как характеристики музыки для театра в контексте современной теории жанров..... 141

Федоренко И. А. «Квартирная трилогия» Романа Полански в контексте европейского авторского кино 145

Галиев Р. Ф. Творчество В.А. Сосноры в контексте исторической памяти... 151

СЕКЦИЯ. ИДЕИ, ОБРАЗЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ. 157

Воротнев Г. П. Нарративы власти в альманахах времён Французской революции 157

Антипкин С. П. Свобода торговли: Берлинская конференция (1884–1885 гг.) и британская стратегия в документах Кабинета министров Великобритании 163

Балашов А. С. Антиномия «Civilisation» против «Kultur» во французской пропаганде Великой войны 169

Воротынцев Г.Д. «Кто тебя учил молиться? Мама». Образ православной женщины в антирелигиозных карикатурах периодических изданий РСФСР 1920-х гг. .. 176

СЕКЦИЯ. ОБРАЗЫ И ИДЕИ В ДРЕВНЕМ МИРЕ И В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. 182

Кренделева А.В. Рабы и рабство в трагедиях Эсхила 182

Худяков А. В. Образ идеального римлянина на основе надгробной речи в честь Луция Цецилия Метелла..... 188

Вайсят И. С. Концепция felicitas в религиозной пропаганде Суллы 194

<i>Солопов Н. В.</i> Основные характеристики изображения римских сенаторов у Диона Кассия.....	200
<i>Харченко В. А.</i> «Quinquennium Neronis» в сочинении «De Caesaribus» Аврелия Виктора.....	205
<i>Загорье Е. Д.</i> Изображения исцелений Иисуса Христа в раннехристианском искусстве II–IV вв.....	211
<i>Лозовой Я. В.</i> Конструирование отношений между государем и клиром в «Хронике о деяниях графов анжуйских».....	217
<i>Зубова А. Н.</i> Образ власти в византийском любовном романе XIII–XIV вв.....	223
СЕКЦИЯ. КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ КАК НОСИТЕЛИ СОДЕРЖАНИЯ ИСКУССТВА.....	229
<i>Лиханова С. А.</i> Золотые и серебряные домонгольские мониста. Проблемы взаимосвязей типов, распространения и датировки.....	229
<i>Крутько К. И.</i> Спектакль «Робеспьер» по пьесе Ф.Ф. Раскольникова как театрализованное высказывание о Французской и Октябрьской революциях.....	235
СЕКЦИЯ. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА С ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДО СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ.....	242
<i>Золотухина С. Р.</i> Сведения об абидосских мистериях Осириса в надписях на древнеегипетских стелах Среднего царства.....	242
<i>Бурвикова А. А.</i> Царица-Афродита: к особенностям культа царицы в государстве Селевкидов.....	248
<i>Петров В. В.</i> Социальный состав «Павловых» раннехристианских общин в I веке н.э. (на основе сведений Деяний Апостолов и посланий Апостола Павла).....	255
<i>Моисеев М. Г.</i> Становление городской культуры в Уйгурском каганате в VIII–IX вв.....	260
<i>Первушин А. М.</i> Внешнеполитические тенденции в Османской империи и Прусском королевстве в начале XVIII века: предпосылки политического диалога.....	266
<i>Антипова С. И.</i> Рецепция прошлого в творчестве Ким Сандона: шаманизм и современное искусство.....	272
СЕКЦИЯ. ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО.....	278
<i>Епифанов И. И.</i> Поведение Софьи Семёновны Волконской во время эпидемии чумы в Москве 1771 г. как пример реализации традиции «труженичества во Христе» российским дворянством во второй половине XVIII века.....	278
<i>Резетина А. А.</i> Александро-Невская академия: быт, образование, воспитание (1796–1801 гг.).....	284
<i>Быстрый Н. В.</i> К истории Московской духовной академии между Февралем и Октябрем 1917 г.....	290
СЕКЦИЯ. ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ.....	296

<i>Ступина Е. А.</i> Полоцк в западном векторе внешней политики Московского государства с 1487 по 1503 годы	296
<i>Новикова Д. В.</i> Генрих IV как политик по «Мемуарам» и письмам Маргариты де Валуа.	303
<i>Бабьирь А. В.</i> Оценка Генриха Валуа как кандидата на польский престол в польской публицистике первого бескорольевья.....	310
<i>Салахова А. И.</i> Регентство Марии Медичи в «Мемуарах» кардинала Ришелье	315
<i>Сковородникова Е. Д.</i> Жалобы, адресованные королеве-регенту Анне Австрийской во время парламентской Фронды 1649 г.....	321
<i>Жадько А. А.</i> Трансляция тюдоровского мифа в исторических произведениях Шекспира и хронике Холиншеда	327
<i>Гриценко К.А.</i> Французский король Людовик XIII в зеркале «Занимательных историй» Жедеона Таллемана де Рео.....	333
<i>Рахманова А. Е.</i> Проблемы и перспективы развития политической системы Великобритании XVIII в.: взгляд Генри Сент-Джона, виконта Болингброка.	340
<i>Ратин Ф. Д.</i> Оппозиция русских националистов проекту волостного управления в Государственной Думе Российской империи III созыва	346
<i>Терентьев В. О.</i> Идеология студенческой группы Сопrotивления «Белая роза»	352
СЕКЦИЯ. РУССКАЯ, ИМПЕРСКАЯ И СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ	358
<i>Кулыгин Л. А.</i> Насилие и его применение во взаимоотношениях полицейских структур и населения Москвы второй половины XVII в.	358
<i>Новикова М. А.</i> Русское частное письмо первой четверти XVIII в. как материальное явление	364
<i>Сергеева Е. Д.</i> Конные портреты Г. Х. Гроота: забавы и обещания Елизаветы Петровны.....	364
<i>Привалова О. А.</i> Специфика административно-территориального деления заводского Урала на основе анализа русской карты 1764 г.	376
<i>Копылова М. А.</i> Программа скульптурного убранства особняка П. Н. Демидова в Санкт-Петербурге.....	381
<i>Цатурова Д. Е.</i> Проблема применения двойного права в Западных окраинах Российской империи: случай в Свислочской гимназии 1824 г.	388
<i>Пыстина П. А.</i> Руководитель Петербургской боевой дружины Союза русского народа Н.М. Юскевич-Красковский: новые факты биографии.....	393
<i>Касьянов В. В.</i> Становление Петроградского отделения рабоче-крестьянской инспекции (1920 – начало 1921 гг.).....	400
<i>Савина М. С.</i> Ликвидация чрезмерной эмиссии: изменение бюджетной стратегии в первые годы НЭПа в отражении центральных газет Советской России	406
СЕКЦИЯ. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА, НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ	412

<i>Белов П. И.</i> Локализация замков Жемайтии сер. XIII – сер. XIV вв.	412
<i>Ежов Т. А.</i> Командный состав русского войска в Ливонском походе 1577 г.	418
<i>Ерунов М. К.</i> Фикция и метод Уильяма Уоттса: феномен журнала «Шведский Обозреватель».....	424
<i>Паришина М. В.</i> Дети Марса: отражение Отечественной войны 1812 г. в сознании молодых офицеров	430
<i>Канцевич М. В.</i> Влияние корпусных традиций на процесс обучения в Первом Русском и Крымском кадетских корпусах	436
КРУГЛЫЙ СТОЛ. ЦЕНТР И ОКРАИНА: ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	443
Кошельняк Анна Романовна Реализация идеи «чувашского мира» на рубеже XX-XXI веков: развитие этнофутуристических идей в Чувашии	443
Основные тезисы обсуждения в рамках работы круглого стола	450
КРУГЛЫЙ СТОЛ ПАМЯТИ А. Н. НЕМИЛОВА	
«РЕНЕССАНС, ГУМАНИЗМ, РЕФОРМАЦИЯ: АСПЕКТЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ»	454
<i>Григорьева Д. Р.</i> Представления о женщине во Флорентийской семье XIV века: исследуя сочинение Дж. Боккаччо «Корбаччо»	454
<i>Насырова А. Р.</i> «В соответствии с величием и достоинством его положения»: итальянское влияние на формирование испанского придворного портрета в XVI. ..	461
<i>Петров Р. С.</i> Конструирование героя: биографии немецкой знати XV–XVI вв. на примере Георг фон Фрундсберга.	466
<i>Владимиров Д. А.</i> Образы крестьянства в романе «Затейливый Симплициссимус» Г.Я.К. Гриммельсгаузена	471
<i>Кравченко К. И.</i> Меланхтон и Евхаристический вопрос в текстах прокальвинистских теологов Бремена конца XVI века.	477

Подписано к публикации 14.08.2024. Заказ № 17132.

Формат 60×90 $\frac{1}{16}$.

Усл. печ. л. 30,6.

Издательство «Скифия-принт».

Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10